РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

1898.

МАРТЪ.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. слѣдующую страницу обертки).

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

Russkoe obozrienie.

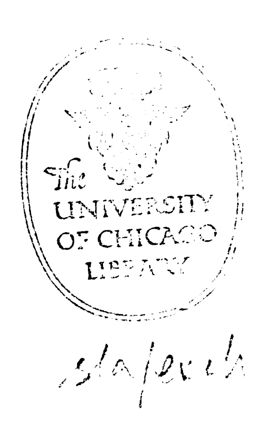
ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

МАРТЪ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898.

The
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

ПЕРЕПИСКА И. С. ТУРГЕНЕВА СЪ П. В. АННЕНКОВЫМЪ

СЪ 1871 ПО 1883 ГОДЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1894 году въ *Русскомъ Обозрѣніи* были напечатаны письма И. С. Тургенева къ П. В. Анненкову за время съ 1867 по 1870 годъ. Отвѣтныя письма самого Анненкова за то же время не могли быть изданы, потому-что Павелъ Васильевичъ не получилъ ихъ подлинниковъ отъ г-жи Віардо, хранившей бумаги Тургенева; да, повидимому, ихъ и не было въ этомъ складѣ, такъ какъ г-жа Віардо вообще охотно предоставляла Анненкову пользоваться Тургеневскими бумагами, въ числѣ которыхъ Павелъ Васильевичъ нашелъ и свои письма къ автору „Дворянскаго гнѣзда" за многіе годы. Болѣе или менѣе полный подборъ писемъ обоихъ пріятелей уцѣлѣлъ только съ 1871 года: за первую половину этого года сохранились письма Тургенева, за вторую— письма Анненкова, и, наконецъ, начиная съ 1872 года, имѣются, повидимому, всѣ письма обѣихъ сторонъ.

Почтенная вдова Павла Васильевича, Гл. Ал. Анненкова, предоставила въ мое распоряженіе изданіе бумагъ, оставшихся послѣ его смерти, и мнѣ удалось уже почерпнуть въ этомъ богатомъ источникѣ нѣсколько историко-литературныхъ матеріаловъ большой цѣнности, въ свое время обратившихъ на себя вниманіе читателей. Несомнѣнный интересъ представляетъ и та часть переписки между Тургеневымъ и Анненковымъ, которая нынѣ поступаетъ въ печать.

Л. Майковъ.

1871 годъ.

I.

Тургеневъ—Анненкову.

Лондонъ, 4, Bentinck street, Manchester Square.
20 (8) января 1871 г.

Любезнѣйшій другъ Павелъ Васильевичъ! Начинаю съ изъявленія моей благодарности за присылку карты желѣзныхъ дорогъ въ Россіи: она поспѣла ровно во время. А за симъ, по обыкновенію, просьба, а именно: доставьте прилагаемое письмо великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ,—если она находится въ Петербургѣ. Віардо находится въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, что желалъ бы продать эту весьма замѣчательную картину. Если бы захотѣли узнать у васъ, подъ рукой, о цѣнѣ картины, то скажите, что меньше 10.000 франковъ онъ не хотѣлъ бы ее отдать. Письмо къ Маріи Николаевнѣ вы вложите въ кувертъ и сдѣлаете надлежащую надпись.

Спасибо также за извѣщеніе о моихъ... [1]; постараемся вытащить ихъ изъ той трущобы, въ которую они залѣзли.

Я радъ, что г-жу Энгельгардтъ освободили; она премилая, хоть и стрижетъ волосы и носитъ очки; познакомьтесь съ ней, если можете.

Стасюлевичъ съ обычною своею потрясающею аккуратностью прислалъ мнѣ I-й № *Вѣстника Европы* съ моимъ маленькимъ вздоромъ. Хорошаго въ немъ только то, что онъ вышелъ на цѣлыя 8 страницъ длиннѣе, чѣмъ я ожидалъ; стало быть, и пекуніи принесетъ больше.

Я выѣзжаю отсюда черезъ недѣлю,—и недѣли черезъ двѣ, если Богъ дастъ, въ Питерѣ, во всякомъ случаѣ къ 25-му числу нашего стиля.

Итакъ, до свиданія! Будьте здоровы, обнимаю васъ и кланяюсь вашей женѣ и пріятелямъ.

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

---

[1] Одно слово не разобрано.

II.

Тургеневъ—Анненкову.

Лондонъ, 4, Bentinck street, Manchester Squar.
Понедѣльникъ, 6 февраля (25 января) 1871 г.

Любезнѣйшій другъ Павелъ Васильевичъ! Я долженъ былъ сегодня выѣхать изъ Лондона, но отъѣздъ мой отложилъ на недѣлю, такъ какъ въ субботу хотѣлъ произвести чтеніе (съ музыкой) нашей оперетки передъ нѣкоторыми журналистами и т. д. Изъ этого выходитъ, что я въ Петербургъ пріѣду недѣлей позже, но во всякомъ случаѣ *до* 10 февраля. По крайней мѣрѣ, я имѣю твердое намѣреніе такъ поступить.

Письмо я ваше получилъ и благодарю за хлопоты на счетъ Рембрандта. Адресъ Віардо будетъ извѣстенъ великой княгинѣ, и она поступитъ, какъ ей заблагоразсудится.

Что касается Франціи, то по неволѣ приходятъ на умъ Гетевскіе стихи:

Frankreich geht aus einander wie ein fauler Fisch,
Wenn möchte solche Thorheit rühren.

Теперь у нея два правительства—парижское и бордосское, которыя таскаютъ за волосы другъ друга. Результатомъ этого всего будетъ продолженіе войны, взятіе пруссаками всѣхъ *южныхъ* городовъ и окончательное разореніе Франціи.

А Ферзенъ дѣйствительно очень хорошъ; впрочемъ, я слышалъ о немъ вещи, qui faisaient pressentir tout celà.

Поклонитесь умной вашей женѣ и скажите ей, чтобы она непремѣнно подождала меня. Обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

III.

Тургеневъ—Анненкову.

Москва, въ домѣ Удѣльной конторы, на Пречистенскомъ бульварѣ. Вторникъ, 9-го марта 1871 года.

Любезнѣйшій другъ Павелъ Васильевичъ! Вчера я благополучно прикатилъ сюда и поселился у стараго друга Маслова. Никакихъ замираній не чувствую. Въ вагонѣ со мной было много народу, который тоже „спасался". Надѣюсь, что наши страхи были преувеличены, и что холера не станетъ истреблять

городъ, въ которомъ живете вы съ вашимъ семействомъ и столько хорошихъ людей и друзей. Я въ Москвѣ останусь дольше, чѣмъ предполагалъ, около недѣли, такъ какъ, по совѣту Маслова, я сперва выписываю сюда моего управляющаго для совѣщанія. Дайте о себѣ вѣсточку. Видѣлъ Писемскаго, Милютина и бѣднаго, весьма бѣднаго Борисова [1]. Погода здѣсь чудная.

Обнимаю васъ всѣхъ дружески, а Глафиру Александровну еще разъ благодарю искренно за ея великодушное гостепріимство.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

PS. Не забудьте увѣдомить, если будетъ что съ Антокольскимъ.

IV.

Тургеневъ—Анненкову.

Москва, Удѣльная контора, на Пречистенскомъ бульварѣ. Пятница, 19 марта 1871 г.

Милый Павелъ Васильевичъ! Масловъ прибылъ вчера благополучно и сообщилъ мнѣ петербургскія вѣсти, и ваше письмо я получилъ, на которое я буду отвѣчать завтра, при чемъ выскажу всѣ свои *кровныя* просьбы, а сегодня хочу вамъ сказать только то, что выѣзжаю отсюда въ воскресенье, но вслѣдствіе всѣхъ ужасовъ, разсказанныхъ мнѣ о безпорядкахъ на Смоленско-Витебско-Динабургской дорогѣ, рѣшаюсь отправиться за границу черезъ Петербургъ, но съ тѣмъ, чтобы тамъ не останавливаться, а пріѣхавши въ 9 часовъ утра въ понедѣльникъ на московскій дебаркадеръ, немедленно переѣхать на варшавскій, откуда, какъ извѣстно, поѣзда отправляются въ 11 часовъ. А потому будьте такъ милостивы, скажите вашему человѣку, чтобъ онъ ждалъ меня съ каретой—васъ самихъ я не дерзаю безпокоить,—для того чтобъ я напрасно не терялъ времени. За сіе да воздастъ вамъ Аллахъ сторицей!

Вы уже, вѣроятно, теперь знаете, что шапку вашу подмѣнилъ не я: шапка, въ которой я пріѣхалъ, несомнѣнно моя. Ваша мнѣ бы на голову не влѣзла.

Бесѣда должна была провалиться; Рѣшетникова, что ни говори, очень жалко, и надо бы что-нибудь сдѣлать для его семейства.

---

[1] Пріятель Тургенева по охотѣ, орловскій помѣщикъ и родственникъ А. А. Фета, который нерѣдко упоминаетъ о немъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“.

Мое чтеніе (все тотъ же „Бурмистръ") имѣло здѣсь большой успѣхъ. Заграничныя вѣсти ужасны, да и послѣднее письмо, полученное мною отъ г-жи Віардо̀, нехорошо... она нездорова. Портретъ, писанный Перовымъ, находятъ удачнымъ.

До завтра; дружески васъ всѣхъ обнимаю.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

P. S. Спасибо за карточки и за туфли.

V.

Тургеневъ—Анненкову.

Москва, Пречистенскій бульваръ, д. Удѣльной конторы. Пятница, 19-го марта 1871 г.

Любезнѣйшій другъ Павелъ Васильевичъ! Вчера я вамъ послалъ письмо, въ которомъ извѣщалъ васъ о моемъ намѣреніи ѣхать за границу черезъ Петербургъ, а нынче меня опять сбиваютъ и уговариваютъ ѣхать на Смоленскъ и т. д. Не знаю, на что̀ я рѣшусь, но во всякомъ случаѣ намѣренъ письменно изложить вамъ всѣ мои просьбы и распоряженія, въ твердой надеждѣ на вашу дружбу, въ сравненіи съ которою даже гранитъ является чѣмъ-то мягкимъ. А именно:

1) Я отдалъ музыкальному торговцу А. Іогансону (противъ Гостинаго Двора) шесть романсовъ г-жи Віардо̀, съ тѣмъ, чтобы онъ напечаталъ ихъ на мой счетъ. Романсы г-жи Віардо̀ не имѣютъ болѣе ходу въ нашей публикѣ (въ чемъ виновата, по моему твердому убѣжденію, эта публика), и потому г. Іогансонъ ихъ болѣе не покупаетъ; но я говорю г-жѣ Віардо̀, что онъ продолжаетъ это дѣлать, и вы не выдавайте никому моей ruse innocente; а потому отъявитесь къ Іогансону и скажите ему, что я вамъ поручилъ платить всѣ издержки по напечатанію этихъ романсовъ, изъ коихъ вы, по отпечатаніи, возьмите 6 и препроводите ихъ въ Англію ко мнѣ. Деньги же на эти издержки вы получите немедленно, ибо Кишенскому приказано выслать вамъ еще 150 рублей; съ прежними у васъ составится сумма болѣе, нежели достаточная на всѣ мои расходы. Попросите Іогансона, чтобы онъ, по обѣщанію, *непремѣнно далъ продержать корректуру этихъ романсовъ г-жѣ Геритт*[1],

---

[1] О г-жѣ Геритть, родственницѣ г-жи Віардо̀ и пѣвицѣ, упоминается въ письмахъ Тургенева къ Анненкову отъ 1868—1870 годовъ; она пріѣзжала въ Петербургъ, но успѣха здѣсь не имѣла.

которой я напишу, и съ которою если вы желаете познакомиться, то вамъ стóитъ только проѣхать на квартиру Сѣровой, въ 15-ой линіи Васильевскаго Острова, на углу Большаго проспекта, въ домѣ князя Вяземскаго, и она васъ приметъ à bras ouverts. А Іогансону скажите, чтобъ по отпечатаніи онъ щедрою рукой давалъ эти романсы всѣмъ пѣвцамъ, любителямъ (г-жѣ Абазѣ, Лавровской и т. д.). Это копѣйки ему не будетъ стоить. За все сіе—бухъ въ ножки!

2) Объ отъѣздѣ братьевъ Л—выхъ я не горюю, ибо они бы мнѣ стоили порядочно денегъ. Впрочемъ, въ случаѣ нужды, помогайте.

3) Оставшіяся книги, журналы etc. храните впредь до распоряженія; сѣрую курточку подарите какому-нибудь больному, также и мѣховые сапоги.

4) Листъ, оставленный мною вамъ для подписки въ пользу г-жи С—ко, вы доставьте г-жѣ Геритъ (если хотите лично: вотъ вамъ и случай познакомиться); вѣроятно, къ моимъ 10 рублямъ ничего не прибавилось, да вѣдь и то годится.

5) Коли увидите З. Н. Мухортова, скажите ему, что Тапки уже отданы въ аренду, но что я ему весьма благодаренъ за сообщеніе контракта.

6) Стасюлевичу скажите, что я ему повѣсть пришлю черезъ васъ, окончивъ ее уже въ Англіи.

7) Кавелиной скажите, что я ей напишу изъ Берлина или Лондона.

8) *О шапкѣ* я вамъ уже писалъ, что ее увезъ не я.

Вотъ, кажется, все... Тотчасъ по пріѣздѣ въ Лондонъ напишу вамъ; кланяюсь всѣмъ добрымъ друзьямъ, начиная съ Глафиры Александровны, и обнимаю васъ.

Любящій васъ **Ив. Тургеневъ**.

VI.

Тургеневъ—Анненкову.

Лондонъ, 30, Devonshire place, Portland place,
четвергъ, 1-го (13-го) апрѣля 1871 г.

Любезнѣйшій другъ Павелъ Васильевичъ! Я въ прошлую пятницу благополучно прибылъ въ Лондонъ, но въ воскресенье уже слёгъ въ постелю: я и простудился, и старая моя пузырная болѣзнь зашевелилась, такъ что я только сегодня опять въ состоя-

ніи ходить по комнатѣ и писать. Завтра я уже могу выходить. Сегодня я хочу вамъ сказать только нѣсколько словъ:

1) Я, во время моего проѣзда черезъ Петербургъ въ *тотъ* понедѣльникъ, отдалъ вашему слугѣ большой пакетъ для немедленнаго отправленія въ Москву на имя Маріи Агѣевны Милютиной; а сегодня я получилъ отъ нея письмо, писанное въ прошлую пятницу,—и она еще не получила этого пакета, который для нея имѣетъ важность; сдѣлайте одолженіе, соберите нужныя свѣдѣнія. На пакетѣ я наклеилъ 5 десятикопѣечныхъ марокъ; но, вѣроятно, онъ стòитъ больше.

2) Доставьте г-жѣ Геритть хотя десятирублевую мою подписку для той госпожи съ малороссійскою фамиліей, которая, какъ кажется, умираетъ съ голоду.

3) Освѣдомьтесь, голубчикъ, у Іогансона: началъ ли онъ печатаніе? Сіе болѣе всего меня трогаетъ. Всѣ издержки до чрезвычайности на мой счетъ!

4) Еще одно: какъ-то однажды вашъ соименникъ, генералъ Анненковъ, перечислилъ мнѣ всѣхъ генераловъ, командующихъ гвардейскими полками, бригадами, дивизіями; оказывается, что они всѣ нѣмцы. Мнѣ нужны ихъ имена: потрудитесь спросить ихъ у Анненкова, или, еще проще, выписать ихъ изъ календаря военнаго. Мнѣ это нужно.

Вы, кажется, не дали мнѣ адреса своей дачи. Не забудьте.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ и крѣпко жму вашу руку.

Преданный вамъ **Ив. Тургеневъ.**

VII.

Тургеневъ—Анненкову.

Лондонъ, 16, Beaumont street, Portland place.
W. Вторникъ 18 (6) апрѣля 1871 г.

Любезнѣйшій другъ Павелъ Васильевичъ! Я рѣшился остаться на занимаемой мною квартирѣ, а потому пишите—и книги, а также и журналы, посылайте по этому адресу.

Пришлите мнѣ *хорошую* фотографію съ Ивана Грознаго Антакольскаго. Мнѣ очень было пріятно узнать, что онъ наконецъ уѣхалъ.

Если бы кто-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ отправился въ Лондонъ (чтò не невозможно), то вы бы меня крайне обязали, вручивъ ему для передачи мнѣ сигарочницу, серебряную съ русскою работой подъ *чернь* (чего здѣсь не умѣютъ дѣлать)

рублей въ сорокъ—сорокъ пять. Здѣсь есть докторъ, который меня лѣчитъ, а денегъ съ меня брать не хочетъ: приходится уплачивать ему этакимъ образомъ. Выборъ сигарочницы предоставляю на вашъ вкусъ.

Кишенскій получилъ предписаніе выслать еще вамъ деньги.

Пишетъ мнѣ Н. В. У—скій жалобное письмо о томъ, что ему нашъ фондъ и въ ста рубляхъ отказалъ. По его словамъ, онъ въ отчаяніи, и этотъ отказъ его погубилъ. Что тутъ дѣлать! Дать ему эти деньги—превосходитъ моя средства. Пошлите за нимъ, *если вы полагаете, что это съ моей стороны не совершенно безсмысленная чепуха*, и вручите ему отъ моего имени 50 руб. сер. О, голодъ, голодъ литературный! въ немъ есть особенная ѣдкость—и ненасытимость.

А за симъ, душа моя, еще (въ тысячный) разъ извините меня, что наваливаю на васъ всяческія обузы.

Будьте здоровы. Женѣ вашей дружески кланяюсь и дѣтокъ цѣлую.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

P. S. Милютина извѣстила меня, что пакетъ свой получила.

VIII.

Тургеневъ — Анненкову.

Лондонъ, 16, Beaumont street, Portland place.
W. 24 (12) апрѣля 1871 г., понедѣльникъ.

Любезнѣйшій другъ!

„Сочесть пески, лучи планетъ—
„Хотя и могъ бы умъ высокій...
—„Твоему же великодушію числа и мѣры нѣтъ!

Сердце мое закипаетъ благодарностью, особенно когда подумаю, что вы меня избавили отъ лошади, вороной какъ *стень*!!— Но, душа моя, вы не говорите мнѣ ни слова о высылкѣ сюда, на мое имя, по крайней мѣрѣ 4, если не 6 полныхъ экземпляровъ этой тетради романсовъ, о чемъ прошу неукоснительно: распорядитесь кстати, вмѣстѣ съ календаремъ военнымъ. Никакого посвященія г-жѣ Арто я не сюпримировалъ, ибо она въ наилучшихъ отношеніяхъ съ г-жей Віардô; если то случилось, то безъ моего вѣдома, и я самъ объ этомъ жалѣю.

Я съ жаромъ принялся оканчивать мою повѣсть, и черезъ мѣсяцъ вы получите рукопись, „Богу изволящу, а мнѣ живу“.

То, что̀ происходитъ въ Парижѣ, окончательно разоряетъ моихъ друзей Віардо̀, но тутъ, кромѣ терпѣнія, ничего не придумаешь.

Однако, сильна у насъ потребность грызться, коли по поводу классицизма и реализма шерсть летитъ клочьями. Случайнымъ манеромъ доходятъ здѣсь до меня *Биржевыя Вѣдомости*... Этакой грубой бездарности я еще въ прессѣ не встрѣчалъ. Каждое слово — словно вы...ено человѣкомъ, да еще такимъ, который прескверною ѣдой начинилъ брюхо.

Кланяюсь всѣмъ и обнимаю васъ.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

IX.

Тургеневъ—Анненкову.

Лондонъ, 16, Beaumont street, Marylebone.
Понедѣльникъ, 1 мая (19 апрѣля) 1871 г.

Любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ! Во вчерашней *Pall Mall Gazette* стояла слѣдующая штучка:

„A letter from Paris, in the Temps, announces the death of Madame Pauline Viardot, née Garcia, sister of Malibran and creatress of the role Fides in Meyerbeers Prophète.—The celebrated artiste had just enterad on her 54-th year“.

Можете себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело бы на меня это объявленіе, если бы я прочелъ его гдѣ-нибудь, а не въ салонѣ г жи Віардо̀ и не въ ея присутствіи! Но такъ какъ подобныя новости распространяются съ быстротой молніи, и всѣ газеты ихъ тотчасъ перепечатываютъ, то я обращаюсь съ просьбой предупредить ихъ, или опровергнуть, какъ хотите. Г-жа Віардо́, слава Богу, здорова, и ей не 54, а 49 лѣтъ.

Я, кажется, уже писалъ вамъ о томъ, чтобы выслать сюда 4 экземпляра послѣдней тетради романсовъ, и чтобы *всѣ* романсы г-жи Віардо́ были доставлены отъ ея имени музыканту-композитору Чайковскому въ Москвѣ; на всякій случай я повторяю эту просьбу.

Кланяюсь всѣмъ и дружески васъ обнимаю.

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

X.

Тургеневъ—Анненкову.

16, Beaumont street Marylebone. Пятница, 5 мая (23 апрѣля) 1871 г.

Отвѣчаю, любезнѣйшій другъ Павелъ Васильевичъ, съ благодарностью Эпаминонда и съ быстротой нѣсколькихъ молній.

1) На бюстъ Бѣлинскаго, гипсовый, подписываюсь непремѣнно.

2) На памятникъ Пушкину вношу сто рублей (Письмо сегодня же летитъ къ Кишинскому съ повелѣніемъ выслать вамъ 200 руб.).

3) За хлопоты о романсахъ нижайшее спасибо; надѣюсь, что они скоро прибудутъ.

4) Пожмите за меня руку М. Островскаго. Молодецъ Абаза!

5) Надѣюсь на подробное описаніе перваго представленія „Вражьей Силы" (я боюсь за Кондратьева).

6) Слогъ письма братьевъ Л—выхъ—прелесть! Я имъ напишу въ Варшаву.

7) Получили ли вы отъ Салаева VIII томъ моихъ сочиненій, и вообще вышелъ ли онъ?

8) Если бы я находился въ городѣ съ русскими, я непремѣнно устроилъ бы чтеніе въ пользу памятника Пушкину, но здѣсь—русскихъ два человѣка съ половиной, то-есть, съ Бруновымъ.

9) Кланяюсь всѣмъ вашимъ друзьямъ и васъ обнимаю.

Вашъ другъ И. Т.

P. S. Не забудьте дементировать слухъ о кончинѣ г-жи Віардо́.

10) Весьма будетъ достаточно *послѣднихъ* двухъ нумеровъ вышедшихъ журналовъ; остальные храните великодушно до моего возвращенія.

XI.

Анненковъ—Тургеневу.

30 октября стараго стиля 1871 г. С.-Петербургъ, Итальянская, д. Овсянникова.

Другъ любезный Иванъ Сергѣевичъ! Прошу увѣдомить Кишинскаго, что я получилъ 100 р. для вашихъ потребъ исправно. Вмѣстѣ съ оставшимися еще суммами капиталъ, которымъ вы можете располагать, выросъ до 150 р. или около того: такъ и знайте.

Александръ Островскій отвѣчаетъ на мой запросъ приблизительно слѣдующее: Никакого труда обдѣлки онъ въ вашу комедію не клалъ и класть не будетъ, а приспособить ее къ сценической постановкѣ, въ случаѣ приглашенія со стороны Васильевой—готовъ, но это, конечно, не даетъ ему никакого права фигюрировать на афишѣ рядомъ съ вашимъ именемъ.

Я слышалъ стороной, что настоящимъ поводомъ для вступленія на сцену г-жи Геритъ было опасенье быть высланною къ мужу или семейству старымъ императорскимъ посольствомъ. Она скрылась въ оперу, какъ въ lieu d' asyle,—это ея слова, какъ говорятъ. О второмъ ея дебютѣ вовсе и не толковали, а теперь и ея дебютъ, и она сама забыты наиполнѣйшимъ образомъ.

Прекрасные дни Аранжуеца миновались. Я пишу вамъ ночью, которая началась съ 10 часовъ утра. Въ этомъ желтомъ мракѣ не можетъ загорѣться никакая новость и никакая мысль, достойная передачи.

Отдѣлъ общества для покровительства животнымъ, который называется „литературнымъ фондомъ", ждетъ съ трепетомъ вашего прибытія: не будетъ ли невещественнаго пособія его кліентамъ, такъ много страдающимъ отъ запоя, сифилиса, голода и холода?..

Вотъ бы учились эти страдальцы-литераторы у одного изъ вашихъ Л—выхъ, пріѣхавшаго изъ Варшавы и не оставляющаго меня дружескимъ вниманіемъ. Учитъ по гречески, по латыни, обулся, одѣлся, сытъ, пробирается въ судебныя учрежденія,—любо смотрѣть. Правда, онъ воспитывался въ презрительной *классической* австрійской гимназіи, а мы умремъ за русскій реализмъ, шатающійся по кабакамъ и пишущій фельетоны, лишь бы не утруждать великихъ нашихъ грядущихъ поколѣній.

Мысль, что я васъ скоро увижу, отбиваетъ у меня и охоту писать о чемъ-либо, кромѣ соображеній, могущихъ поддержать васъ въ этомъ намѣреніи. Вотъ одно изъ таковыхъ: большіе мѣховые сапоги, оставленные вами въ Петербургѣ, приведены въ порядокъ и горятъ желаніемъ служить вамъ въ семъ городѣ и на всѣхъ другихъ путяхъ. Поспѣшите къ нимъ, а иначе они пропадутъ безъ хозяина.

Мои здоровы, только поблѣднѣли, повяли и съежились отъ приближающей зимы. Благодаря сырому мясу и лафиту, я еще нахожусь приблизительно въ цвѣтущемъ положеніи.

Прощайте. П. Ан.

XII.

Анненковъ—Тургеневу.

15-го ноября 1871 г. С.-Петербургъ, Итальянская, д. Овсянникова.

Поздравляю съ новосельемъ, мой уважаемый другъ, и направляю уже въ Парижъ слѣдующія книжки *Бесѣды*, *Дѣла*, *Русской Старины*. Къ нимъ присоединилъ еще весьма любопытный томъ „Девятнадцатый вѣкъ", а на счетъ высылки *Русской Старины* за прошлый годъ пріостановился: онъ уже стòитъ теперь 15 р. Соображаю, что изданіе можно пробѣжать здѣсь даромъ, если это *здѣсь* состоится; впрочемъ, повторите приказаніе—и вышлю.

Я видѣлъ вашъ портретъ у Маковскаго, и очень доволенъ, гораздо лучше, чѣмъ портретомъ Ге, который и съ вашею фигурой сдѣлалъ то же, что съ Христовою: присоединилъ къ ней собственную свою мыслишку, вскормленную глупымъ уединеніемъ. За то онъ кончаетъ „Петра и Алексѣя", которую уже купилъ за 3000 р. Третьяковъ, и которая выходитъ превосходна: тутъ мыслишкамъ не было простора, и въ историческихъ границахъ онѣ ничему не повредили. Маковскому я далъ вашъ адресъ парижскій; онъ хочетъ докончить портретъ въ Парижѣ, гдѣ будетъ проѣздомъ въ Каиръ, вмѣстѣ съ чахоточною, но очень милою своею женой. Бѣдная женщина!

Другой портретъ, но какъ писателя, рисуетъ съ васъ профессоръ Миллеръ, и недурно. Жаль только, что у художника есть во рту зубъ съ дырочкой, который все свиститъ: „Карамзинъ крѣпостникъ! Карамзинъ крѣпостникъ!" Онъ чуть не доказываетъ, что вы написали „Записки Охотника" съ цѣлію показать равнодушное мнѣніе Карамзина о крѣпостномъ состояніи. Увидите сами въ *Бесѣдѣ*.

Крупная новость состоитъ въ томъ, что, по слухамъ, ханъ цензурный Шидловскій дѣлается товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ потребность въ чистокровномъ Батыѣ очень чувствовалась, ибо тамъ все были Батыи съ непріятнымъ лоскомъ: то изъ глины лѣпятъ, то картинки расписываютъ и т. п. Но кто, вы думаете, возсядетъ въ кочевкѣ Шидловскаго? Милѣйшій нашъ оборотень, жирный апостатъ и библіофилъ Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ. Какъ онъ будетъ хорошъ во образѣ

Каульбаховскаго Молоха съ стиснутыми зубами и съ истерзанными рабами у ногъ! Стòитъ пріѣхать нарочно въ Петербургъ, чтобъ посмотрѣть—мотайте себѣ на усъ. Всѣ мы относительно здоровы. Я могу сказать про себя, что говоритъ обыкновенно П. Каратыгинъ, когда его спрашиваютъ: какъ ваше здоровье? „Мѣстами недурно".

Прощайте, другъ. П. Ан.

XIII.

Анненковъ—Тургеневу.

30 ноября 1871. С.-Петербургъ, Итальянская д. Овсянникова.

Добрѣйшій Иванъ Сергѣевичъ! Нѣтъ никакой причины пропадать на почтѣ вашей статьѣ, но все-таки я тотчасъ увѣдомлю васъ о полученіи ея. Вы, кажется, единственный человѣкъ, если исключить закоренѣлыхъ литературщиковъ нашихъ, который узналъ въ Кармазиновѣ то, что̀ хотѣлось Достоевскому представить. Намѣреніе, конечно, очевидно въ этомъ лицѣ, но все это такъ каррикатурно, ухищренно и беззубо, что я не встрѣчалъ еще, по чистой совѣсти, души, которая бы сказала мнѣ: „Тургеневъ выведенъ на сцену". Это болѣе удовлетворяетъ злобу автора, чѣмъ вредитъ постороннему или оскорбляетъ кого-либо.

У насъ теперь почти всѣ герои Французско-Германской войны, и ведутъ себя точно на полѣ сраженія—съ тактомъ и умомъ изумительнымъ. Мольтке—сама скромность, Вердеръ, Альвенслебенъ—добродушіе безъ границъ, принцъ Фридрихъ—само благожелательство. Что, если бы французы явились побѣдителями къ намъ! У насъ при этомъ случаѣ вспоминаютъ о Коленкурѣ и спрашиваютъ другъ у друга, какое зрѣлище имѣлъ бы Петербургъ, если бы вдругъ у него было разомъ десять Коленкуровъ въ гостяхъ. Безъ смѣха, однако же, не обошлось. Пруссаки такъ напугали всѣхъ, что настоятель Невской Лавры, которую они посѣтили, будто бы разсказывалъ на другой день, что онъ имъ не показалъ самыхъ драгоцѣнныхъ вещей своей сокровищницы изъ умной предосторожности—когда придутъ за контрибуціей, такъ не знали бы чего требовать!

Вы спрашиваете объ оперѣ. Конечно, другой такой нигдѣ нѣтъ. По два и по три первоклассныхъ горлъ на каждое амплуа. Пѣтушокъ Марини, если зажмурить глаза, нѣжнѣйшіе потоки изливаетъ, уносящіе въ эмпиреи. M-me Арто держала

на себѣ полсезона—и съ великою честію, до тѣхъ поръ, пока не пріѣхала картечница Патти, которая своими залпами (впрочемъ, безвредными) все и заглушила. Лукка потолстѣла и болѣе лукавитъ—вотъ неожиданный каламбуръ пришелъ—чѣмъ поетъ. Какъ жаль, что итальянская опера перешла въ область археологіи, а то сколько бы свѣжихъ наслажденій!

С—чу, какъ знаете, дали предостереженіе и притомъ за очень благонамѣренную статью, имѣвшую только возмутительный титулъ „Политическій процессъ". С—чъ говоритъ: „Чортъ меня попуталъ принять дѣльную, спокойную и осторожную статью!"

Пора думать о подпискѣ на журналы. Извѣстите—оставить-ли все по старому или прибавить что новое. Также и лепта литературнаго фонда приближается.

Прощайте, другъ. П. Ан.

XIV.

Анненковъ—Тургеневу.

14 декабря 1871. С.-Петербургъ, Итальянская, домъ Овсянникова.

Послѣ послѣдняго листа корректуры дивной повѣсти „Вешнія воды" пишу вамъ, мой почтенный другъ. Вышла вещь блестящая по колориту, по энергіи кисти, по завлекательной пригонкѣ всѣхъ подробностей къ сюжету и по выраженію лицъ, хотя всѣ основные мотивы ея не очень новы, а мысль-матерь уже встрѣчалась и прежде въ вашихъ же романахъ. Да, другъ Иванъ Сергѣевичъ, вы еще не покидаете зенита творчества и, кажется, еще не скоро покинете его, но переминаніе съ ноги на ногу уже свидѣтельствуетъ что начинаютъ одолѣвать мозоли, и о нихъ уже болѣе думается, чѣмъ о путяхъ и открытіяхъ. Пророчу вамъ крики восторга со стороны публики: такого напряженія поэтической силы, изобрѣтательности и стилистическихъ чудесъ она давно уже отъ васъ не получала. У меня тоже нервы были взбудоражены и потрясены, (а они ли не патентованные у меня!), но голову я успѣлъ кой-какъ сохранить отъ васъ, хотя и не безъ труда: многіе ея не сохранятъ. Я не говорю о трезвыхъ господахъ, въ родѣ великаго нашего Буренина, которые покажутъ, вѣроятно, свою стойкость заявленіемъ, что исторіи любви для нихъ то же, что похожденія въ..... (они уже это говорили по поводу Обломова),—и „Вешнія воды" суть не что иное, какъ картина разновидныхъ человѣческихъ похотей. Лучше вовсе не

имѣть головы, чѣмъ имѣть ее въ такой постоянной ясности. Моя претензія на здравомысліе или что все равно—мое сумасшествіе опираются на другія основанія. Я, напримѣръ, могу понять, что Санинъ подъ кнутомъ Полозовой могъ продѣлывать отвратительнѣйшіе скачки, но не могу понять, какъ онъ сдѣлался *лакеемъ* ея, послѣ пережитаго процесса чистѣйшей любви. Это выходитъ страшно эффектно въ повѣсти—правда! Но и страшно позорно для русской природы человѣка. Не знаю, можетъ быть, вы это имѣете и имѣли въ виду, но тогда какъ объяснить изумительную картину великолѣпнѣйшихъ связей съ Джеммой, безъ малѣйшей примѣси ядовитаго, вонючаго вещества? Ужъ лучше бы вы прогнали Санина изъ Висбадена домой, отъ обѣихъ любовницъ, съ ужасомъ отъ самого себя, страдающаго, гадкаго и не понимающаго себя, а то выходитъ теперь, что человѣкъ этотъ способенъ одинаково вычмокивать вкусъ божественной амброзіи и жрать калмыкомъ сырое мясо... брр! Но что вамъ за дѣло до этихъ тонкостей, когда васъ ожидаетъ громадный успѣхъ, и когда я самъ, подъ дѣйствіемъ изумительнаго разсказа, едва могъ отыскать причину того осадка на душѣ, который онъ оставляетъ послѣ себя, при самомъ удовлетворительномъ ея настроеніи.

Баснословнаго „Пегаза" получилъ, но какъ быть? Журналъ *Охота* съ Ивановымъ провалился, а съ 1872 года будетъ другой—съ Іероглифовымъ. Попридержу „Пегаза".

У насъ руина Шнейдерша, съ ея ужимкой, миной, передергиваньями, да только безъ голоса, безъ огня, безъ веселости, особенно морщины около рта—противны. За то брильянтовъ-то, брильянтовъ, а костюмы залитые золотомъ, вышивные съ иголочки и прямо изъ Парижа. Страхъ! Является же она въ гнусномъ балаганѣ, съ четыремя паршивыми скрипками и контрбасомъ, который едва на ногахъ стоитъ; даже партитуры Офенбаховской „Герольштейнъ" нѣтъ, а только кадрильная аранжировка на ея мотивы. Бѣдная вавилонская блудница! Куда это ты попала!

П. Ан.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НЕВИННАЯ ИГРА[1].

Повѣсть.

XIV.

Софья нѣсколько дней не видала своего жениха; положимъ, въ продолженіе двухъ дней была метель, но, бывало, и въ метель онъ находилъ возможность пріѣхать въ Иваньково; но и погода давно возстановилась, а онъ все еще не ѣхалъ. Смущенная и озабоченная, Софья наконецъ рѣшила послать въ Нагорное съ письмомъ.

„Здоровы ли?“ писала она. „Ваше отсутствіе начинаетъ меня смущать. Посылаю къ вамъ Ивана тайкомъ отъ мамы, которая встревожена не менѣе меня.“

Работникъ Иванъ такъ долго не привозилъ отвѣта отъ Патулина, что тревога Софьи возрасла, и она съ облегченіемъ перекрестилась, когда Маѳуша въ сумеркахъ, послѣ обѣда, покуда Марья Сергѣевна подремывала, таинственно вызвала ее и вручила конвертъ, надписанный рукой Льва Сергѣевича.

„Слава Богу,—значитъ, онъ здоровъ, ничего особеннаго не случилось“, подумала она и, не торопясь, прошла въ свою комнату, зажгла лампу на письменномъ столѣ, на которомъ красовался фотографическій портретъ Патулина и распечатала конвертъ.

„Вашъ посланный, Софья Николаевна, засталъ меня врасплохъ, вотъ уже два дня, какъ я собираюсь писать вамъ, хожу, соображаю, ломаю голову, берусь за перо и бросаю его. Мучаюсь въ поискахъ за словами и не нахожу ихъ. Нѣтъ у меня словъ, чтобы разсказать о случившемся. Иногда мнѣ кажется, что лучше было бы видѣться съ вами и, смотря въ ваши добрые глаза, разсказать вамъ все. Но нѣтъ, я не могу съ вами видѣться, я не вынесу честнаго взора вашихъ глазъ. Итакъ

[1] См. *Рус. Об.* №№ 1 и 2.

надо писать. Но какъ опишу вамъ, что случилось? Какъ разскажу вамъ, что я сдѣлалъ?

„Вы, кажется, давно знаете Льва Патулина, Софья Николаевна, и вѣрили ему, считали за честнаго человѣка? А напрасно вы довѣрились ему, Софья Николаевна: Левъ Патулинъ—обманщикъ и воръ. Вы не вѣрите? Да если бы и мнѣ два дня тому назадъ сказали, что я сдѣлаю это—я не повѣрилъ бы, а еслибы повѣрилъ, пустилъ бы пулю себѣ въ лобъ. Но теперь я обезсиленъ, я не могу наложить на себя руки: моею волей, всѣмъ моимъ существомъ завладѣло одно чувство, одна безумная страсть—я люблю Нину Павловну. Не старайтесь обвинить меня, я самъ себя виню болѣе, чѣмъ вы можете обвинить меня. Не спрашивайте, какъ это случилось—я не съумѣю вамъ сказать. Мое чувство возмущаетъ меня, но я ничего не могу сдѣлать, не могу пресѣчь его, а обманывать васъ, себя, ее—я не въ силахъ. Я отдаюсь теченію, не зная, что изъ этого выйдетъ. Впрочемъ, я ни о чемъ не думаю, единственная моя мука - это вы. Боль, которую я вамъ наношу, терзаетъ меня. Ахъ, если бы вы только могли безъ всякаго сожалѣнія, съ презрѣніемъ и негодованіемъ выкинуть изъ вашего сердца недостойнаго васъ

Л. Патулина".

Какъ часто бываетъ съ людьми при неожиданныхъ ошеломляющихъ несчастіяхъ, Софья, дочитавъ до конца письмо, не упала въ обморокъ, не разразилась истерикой, и внутри себя она, казалось, не ощутила ничего особеннаго; только когда она подняла глаза и увидѣла ту самую, такъ хорошо знакомую ей мирную обстановку своей уютной комнатки, она какъ будто удивилась, что все стоитъ на своемъ мѣстѣ, ничто не измѣнилось. Она не могла бы сказать, какъ долго сидѣла, уронивъ на колѣни письмо, опустивъ руки, безъ опредѣленныхъ думъ, безъ всякихъ чувствъ негодованія, оскорбленія, боли. Только когда Марѳуша молодая вошла къ ней и сказала, что самоваръ поданъ и барыня дожидаются, она ощутила какую-то жгучую, почти физическую боль, и губы ея дернула судорога. Покуда она шла изъ своей комнаты въ столовую, ей казалось, что встрѣтиться съ матерью послѣ случившагося будетъ такъ ужасно, что пережить этой встрѣчи невозможно. Но она вошла, сѣла за самоваръ, какъ обыкновенно, заварила чай, между тѣмъ какъ мать заговорила:

— Вотъ ты застряла въ своей комнатѣ, а я заспалась безъ тебя, сколько сновъ перевидѣла... Да что это съ тобой, Софьюшка, на тебѣ будто лица нѣтъ, больна ты, что ли?

Надо было говорить, дыханіе стѣснило грудь, но Софья не посмѣла высказать истины.

— Ничего особеннаго,—сказала она,—голова будто...

— Ужъ не простудилась ли? Не бережешь себя, вотъ пожалуюсь Левушкѣ!.. — Марья Сергѣевна часто звала Патулина просто Левушкой даже въ глаза.—Да что онъ глазъ не кажетъ ужъ который день, здоровъ ли? Не посылала ты къ нему?

— Н-нѣтъ,—нерѣшительно вымолвила Софья.

Надо было сказать матери, но не теперь, не теперь, не теперь! Она точно чувствовала, что теперь еще не начался весь ужасъ утраты, это придетъ потомъ, когда ея несчастіе будетъ достояніемъ другихъ.

Сославшись на головную боль, Софья рано удалилась къ себѣ. Она должна была написать Патулину, она не могла разстаться съ нимъ, не сказавъ ему ни слова.

„Итакъ, довольно!" писала она ему. „Мы поиграли въ жениха и невѣсту—и будетъ, пора разстаться... Нѣтъ, не думайте, что я иронизирую, я не иронизирую и даже не собираюсь упрекать васъ. За что я стала бы упрекать—мы невольны въ своихъ чувствахъ; вы поступили правильно и честно, прямо сказавъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Что дѣлать—видно такъ суждено; я не рождена для счастья. Но если бы вы знали, какую я испытываю жгучую, невыносимую боль только потому, что не могу сказать себѣ: „Теперь ты несчастна, но было время, всего какихъ-нибудь нѣсколько недѣль, когда счастье твое было полно и безобманно, будь же благодарна судьбѣ". Нѣтъ, я не могу сказать этого, теперь я знаю—вы никогда не любили меня; если бы любили хоть мгновеніе—не было бы того, что произошло. Зачѣмъ я говорю вамъ это—сама не знаю, слова какъ-то сами срываются съ пера, хотя я взялась за него только для того, чтобы сказать вамъ: „прощай, будь счастливъ!".. Не знаю еще, какъ скажу матери, что стану дѣлать; я не вполнѣ еще очнулась, не вѣрю еще. Я стараюсь втолковать себѣ, по нѣсколько разъ говорю: „все кончено, все кончено, пойми, вразумись, все кончено!" Смотрю вокругъ себя и вижу: все на своемъ мѣстѣ,—вотъ кресло, на которомъ вы сидѣли, вотъ кушетка, переставленная вами, вотъ шкатулка съ секретнымъ замкомъ, которую вы любили отпирать, вотъ вашъ портретъ смотритъ на меня своими честными вдумчивыми глазами—вся моя комната полна вами, а нѣтъ васъ, исчезъ Левушка!!. Да неужели же все кончено?!.. Пусть другая женщина стала между нами, пусть вы обезумѣли отъ страсти,

пусть другая сядетъ у вашего очага и возьметъ заботу о вашемъ счастьѣ, но дружба-то, то высшее пониманіе, что было между нами—неужели и то исчезло навсегда? Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу этому вѣрить. Наши жизни пойдутъ розно, мы состарѣемся не видавъ другъ друга, умремъ не простившись, и все же мы не будемъ чужды другъ другу,—не такъ ли, Левъ Сергѣевичъ?“

Это письмо, которое Софья писала лихорадочно и страстно, было послѣднимъ проблескомъ исчезнувшаго счастья; затѣмъ окуталъ ее сѣрый туманъ тоски, безысходной и тяжкой.

Марья Сергѣевна проявила страшную энергію въ своемъ отчаяніи, она плакала, проклинала Патулина и Нину Павловну, написала грозное письмо Александрѣ Семеновнѣ, ни въ чемъ неповинной, среди ростепели Великаго поста двинулась въ Москву на совѣщаніе съ сыномъ. Она хотѣла непремѣнно принудить Патулина жениться на Софьѣ. Софьѣ же пришлось ухаживать за матерью, усмирять, уговаривать ее.

Весь постъ и Святую мать и дочь прожили въ Москвѣ. Возвращаться на Ѳоминой въ Иваньково, быть можетъ, одновременно съ молодыми Патулиными—было тяжко. Софья рѣшилась поступить на мѣсто—это ей устроилъ братъ—взяла мать съ собой, и обѣ женщины все лѣто прожили внѣ Иванькова; Александръ Николаевичъ въ первый разъ въ жизни хозяйничалъ тамъ по своему.

XV.

Постъ для Патулина прошелъ въ какомъ-то горячешномъ бреду и въ постоянныхъ путешествіяхъ между Петербургомъ и Нагорнымъ.

Въ Петербургѣ онъ совершенно пьянѣлъ въ обществѣ Нины. Молодая дѣвушка все еще находилась на положеніи больной, лѣчила свои обмороженныя ноги и проводила всѣ дни на кушеткѣ въ своемъ маленькомъ уютномъ будуарѣ. Она поблѣднѣла, похудѣла, казалась еще миніатюрнѣй, а глаза расширились и какъ бы потемнѣли. И, сидя у ногъ Нины и глядя въ ея расширенные глаза, Левъ Сергѣевичъ терялъ разсудокъ. А она иногда прикасалась къ его плечу и говорила:

— Не странно-ли, такъ недавно еще ты былъ совсѣмъ чужой, а теперь ты мой, мой!..

И онъ смѣялся отъ счастья, удивляясь самъ, какъ могло это случиться, и весь дѣйствительно принадлежа ей. Онъ гналъ отъ

себя всякую мысль о Софьѣ, о ея судьбѣ; поглощенный своимъ чувствомъ, онъ не хотѣлъ думать о причиненномъ дѣвушкѣ страданіи и возбуждалъ въ себѣ даже нѣкоторую непріязнь къ ней. „Все дѣло въ самолюбіи", думалъ онъ, „а уязвленное самолюбіе не есть еще несчастіе." Никакой общности между ей и собой онъ уже не признавалъ; если мелькомъ, помимо его воли, воображенію его являлись картины недавняго прошлаго—пріѣздъ въ Иваньково, радостный возгласъ Софьи, ея высокая фигура, окутанная платкомъ, сумерки въ Иваньковской гостиной и ея, Софьи, глаза, кроткіе и грустные,—онъ хмурилъ брови. Прочь! прочь! Только мысль о Нинѣ можетъ отвратить его отъ этого тяжелаго кошмара. И не то, что онъ покинулъ Софью, тревожило и мучило его, а то, что онъ, по какому-то странному, непонятному ему теперь чувству, сдѣлалъ Софьѣ предложеніе. „Вѣдь я любилъ уже Нину", думалъ онъ, „нѣтъ, надо было приносить себя въ жертву какому-то чувству дружбы, чортъ его побери это чувство дружбы между мужчиной и женщиной, да еще старою дѣвой (онъ часто теперь называлъ Софью старою дѣвой). Сдѣлали меня подлецомъ. Былъ цѣлый вѣкъ честнымъ человѣкомъ Левъ Патулинъ, а теперь добрые люди руки не протянутъ, отворачиваются при встрѣчѣ. Чортъ знаетъ, что съ человѣкомъ сдѣлали!" И онъ слалъ укоръ своимъ сосѣдкамъ, матери и дочери. Сумерки... Бетховенъ... и т. п. И онъ уже почти готовъ былъ обвинить Сафоновыхъ въ изловленіи его. Однако, далеко внутри таившееся чувство виновности заставляло его сторониться отъ Сорниныхъ, которые, онъ зналъ, обвиняютъ не только его, но и Нину. Эмилія и Сеничка перестали бывать у Боровскихъ. Это пренебреженіе Ниной, обвиненіе ее въ какомъто дурномъ поступкѣ волновало и сердило Льва Сергѣевича. Какъ смѣть обвинять это чудное созданіе, и въ чемъ же? въ любви, въ такой искренней, страстной, необдуманной любви къ человѣку, который ничѣмъ еще не заслужилъ ее.

Холоднымъ и натянутымъ отношеніямъ съ Сорниными скоро, однако, былъ положенъ конецъ самимъ генераломъ.

Однажды, по пріѣздѣ въ Петербургъ, Левъ Сергѣевичъ получилъ отъ Сорнина краткую записку: „Чѣмъ провинился старикъ Сорнинъ, что друзья не хотятъ знать его?"

Черезъ часъ Патулинъ уже звонилъ у двери генерала. Семенъ Семеновичъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями.

— Пусть женщины,—воскликнулъ онъ,—разбираются въ этой любовной исторіи; мнѣ нѣтъ до нея дѣла. Не могу я изъ-за

женщины терять друга и добраго сосѣда. Подулись другъ на друга и довольно—почеломкаемся!

Левъ Сергѣевичъ съ искреннею радостью поцѣловалъ обѣ полныя щеки генерала. Тотъ увелъ его къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ конфиденціально сообщилъ, что у Сашеньки и Эмиліи онъ все еще въ опалѣ.

— Я-то понимаю,—говорилъ онъ подмигивая,—какую пертурбацію можетъ произвести въ сердцѣ человѣка такое существо, какъ Нина Павловна, ну а имъ это невдомекъ,—Софью Николаевну очень жалѣютъ. Оно, конечно, что говорить, согрѣшили передъ нею; нехорошо, ужъ что говорить, но съ другой стороны, что же дѣлать?!. Вѣдь я-то это очень понимаю.

Левъ Сергѣевичъ теръ лобъ, переносицу, неспокойно ерзалъ по стулу, выслушивая оправдательную рѣчь генерала, который закончилъ ее такъ:

— Вы, мой дорогой, понѣжнѣй поцѣлуйте ручку у Сашеньки, да на Святой вмѣстѣ явитесь со своею чаровницей, и дѣло въ шляпѣ, не устоитъ моя старуха, а подруги—Нина съ Эмиліей—помирятся какъ знаютъ.

Генералъ былъ правъ—Сашенька не устояла, вылила весь запасъ своего негодованія передъ Львомъ Сергѣевичемъ и Ниной и простила. Простила и Эмилія, проливъ нѣсколько слезъ на плечѣ подруги,—всѣ прощали этой счастливой, обезумѣвшей отъ любви четѣ, всѣ забывали Софью, ничѣмъ о себѣ не напоминавшую. Какъ-нибудь да справится со своимъ горемъ, перенесетъ. Какъ же въ самомъ дѣлѣ было поступить Патулину? И любовь его къ Нинѣ, восторженная, нѣжная, пламенная, проглядывающая въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ этого человѣка, невольно заставляла прощать ему.

Не простилъ одинъ только Сеня, да и тотъ по личному чувству къ Нинѣ; онъ собственно не прощалъ ей то, что называлъ измѣной противъ себя, коварствомъ, хитростью, бездушнымъ кокетствомъ; онъ, конечно, говорилъ о Софьѣ, негодовалъ на Патулина, относился къ его поступку съ полнымъ презрѣніемъ. „Бросить дѣвушку, и какую дѣвушку!“

Эмилію онъ тоже презиралъ теперь за потворство этимъ „бездушнымъ людямъ“.

А юная Эмилія уже вполнѣ сочувствовала своей подругѣ, увлекаясь вмѣстѣ съ нею ея необдуманною, но вполнѣ романическою любовью. Оставшись вдвоемъ, дѣвушки только и говорили, что о Львѣ Сергѣевичѣ.

— Ты утверждаешь, что деревня не по мнѣ,—говорила Нина своей подругѣ,—что я соскучусь. Но я люблю просторъ; я вмѣстѣ съ нимъ буду ѣздить въ поля, ходить съ ружьемъ. О, какая чудная картина: одни въ лѣсу, вдвоемъ, слышенъ только шелестъ листьевъ, да полетъ вальдшнепа—о, духъ захватываетъ!

Эмиліи тоже всѣ эти картины казались очаровательными, хотя Патулина она находила немного прозаичнымъ для героя романа и потому долгомъ своимъ считала возразить подругѣ:

— А хозяйство?

— Что же хозяйство, я обожаю хозяйство, я буду сама доить коровъ, дѣлать варенцы, я знаю такую книжку... Захочетъ Левъ заставить меня пахать, я буду пахать. О, ты не знаешь, это что-то стихійное моя любовь, я чувствую свое перерожденіе, я готова на все, только бы видѣть его, быть съ нимъ. Когда его образъ встаетъ передо мною, вотъ тутъ въ груди дѣлается больно, хочется плакать.

И дѣйствительно, Эмилія видѣла, что глаза ея наполняются слезами, и она глядѣла на подругу съ удивленіемъ и восторгомъ... Вотъ любовь! И ей казалось, что Левъ Сергѣевичъ, котораго она очень любила и уважала, но въ которомъ нѣсколько разочаровалась за послѣднее время, въ сущности не стоитъ такого чувства.

— Левъ Сергѣевичъ,—говорила Эмилія,—конечно, очень милый и добрый, я очень цѣню его, съ дѣтства любила, но онъ скучный для насъ съ тобой, Нина,—что общаго? онъ пожилой...

— Ты называешь пожилымъ человѣка въ 38 лѣтъ? Ты хотѣла бы, глупенькая, быть любимою мальчишкой!.. А я не цѣнила бы любви 20-лѣтняго юноши. Что мнѣ въ любви твоего Сенички, котораго я могу взять безъ боя; мнѣ дорога любовь моего Льва, потому что я побѣдила его, я купила его цѣной своей жизни, счастьемъ другой женщины,—и, нагнувшись къ Эмиліи, она говорила шепотомъ:—Пусть та плачетъ о немъ, мнѣ не жаль ее. И видя ужасъ Эмиліи, она смѣялась.

— Надоѣли вы мнѣ всѣ, надоѣли,—восклицала она,—когда-то онъ пріѣдетъ и увезетъ меня изъ этого противнаго Петербурга, хочу къ нему въ его уединеніе, хочу смотрѣть въ его лицо, слушать слова любви.

И Нина ужъ нетерпѣливо желала остаться одна, спѣшила къ своему письменному столу и писала Льву Сергѣевичу. Эти письма—это былъ восторженный кликъ любви. А Патулинъ, получивъ въ Нагорномъ посланіе невѣсты, лихорадочно разрывалъ конвертъ и упивался ея словами, по нѣскольку разъ перечиты-

вая каждое выраженіе, точно ища въ немъ другого, еще болѣе глубокаго значенія, и цѣловалъ эти слова, и носилъ ихъ съ собою, и опять, точно забывъ, перечитывалъ ихъ, хотя каждое слово врѣзывалось въ его память.

Домъ наскоро приготовлялся къ пріему любимой женщины. Патулинъ пользовался упрощеннымъ планомъ передѣлки, указаннымъ Софьей, и не чувствовалъ никакихъ угрызеній совѣсти. На пристройку понадобился бы болѣе продолжительный срокъ, а Нина хотѣла вѣнчаться въ послѣднихъ числахъ апрѣля и послѣ вѣнца сейчасъ же водвориться въ Нагорномъ.

XVI.

Весь постъ въ свѣтскихъ салонахъ только и говорили, что о „grande passion de Nina Borovsky". Всѣ недоумѣвали по поводу ея выбора, ее жалѣли, какъ жертву случайности, и матроны на ухо другъ другу разсказывали какую-то совсѣмъ миѳическую исторію о зимней метели, загнавшей дѣвушку въ помѣщичью усадьбу.

Всѣ знакомыя дамы кричали о мезальянсѣ. Что такое этотъ Патулинъ? Какой-то захудалый дворянинъ, и что̀ за имя! Une Borovsky можетъ претендовать на большее. Положимъ, Нина слишкомъ своеобразна, все же однако...

Отголоски этихъ мнѣній доходили до Нины и заставляли ее смѣяться. Ей забавно было изображать изъ себя жертву, и, какъ ни протестовалъ Левъ Сергѣевичъ, она непремѣнно хотѣла созвать на свадьбу всѣхъ своихъ знакомыхъ, пусть всѣ видятъ эту жертву, ведомую на закланіе. Надежда Михайловна тоже была того мнѣнія, что надо всѣхъ звать. Съ ней Левъ Сергѣевичъ никогда не спорилъ, она ему была вся необыкновенно противна, особенно когда она начинала громить пороки общества или говорила ему на ухо, подмигивая въ сторону Нины: „Я не поклонилась въ театрѣ madame ***; вы знаете, она была со своимъ любовникомъ, какая наглость! А Ниночка такъ наивно меня спрашиваетъ, почему я не кланяюсь ей!"

Въ такія минуты Левъ Сергѣевичъ просто готовъ былъ задушить „старушенцію"; онъ съ злорадствомъ внутренно называлъ ее старухой, зная, какъ бы она оскорбилась, назови онъ ее такъ вслухъ.

Заринскаго онъ тоже ненавидѣлъ. Когда этотъ корректный, всегда любезный, сладко улыбающійся господинъ, съ видомъ

своего, домашняго человѣка осмѣливался разсуждать о будущемъ устройствѣ Нины и въ присутствіи Льва Сергѣевича давалъ ей совѣты, называлъ ее иногда „ma bien chère“, „ma petite“, онъ скрежеталъ зубами.

И вообще, несмотря на присутствіе обожаемой дѣвушки, Патулинъ страдалъ въ Петербургѣ. Всю Святую его заставляли дѣлать какіе-то визиты, сопровождать Боровскихъ на вечера.

Онъ не протестовалъ, онъ спрашивалъ только Нину: „неужели это необходимо?“ Ея улыбка, ласковый взглядъ, пожатіе маленькой ручки достаточно вознаграждали его за нелѣпо проведенный день. Иногда онъ шепталъ ей на ухо: „зато въ Нагорномъ ничего этого не будетъ, я заброшу фракъ, мы не будемъ дѣлать визитовъ“.

Она радостно кивала головой. „Да, всѣ эти условности такъ глупы, такъ нелѣпы, тамъ мы покончимъ съ этимъ. Тамъ, въ Нагорномъ будетъ рай земной. Но передъ раемъ надо же немного пострадать“.

И вотъ, наконецъ, рай земной приблизился. Наступилъ день вѣнчанія.

Вѣнчаютъ Патулина въ самой модной великосвѣтской церкви Петербурга, роскошныя растенія, ковры, чудный хоръ пѣвчихъ, масса прекрасныхъ туалетовъ дамъ, брилліантовъ, мундировъ военныхъ и придворныхъ. Патулинъ уже утратилъ способность видѣть и воспринимать впечатлѣнія. Онъ видитъ только одну ее, такую бѣленькую, прозрачную, трогательную въ ея длинномъ бѣломъ платьѣ и въ вуалѣ, чуть скрывающемъ лицо.

Она стояла около него, они мѣняли кольца, пили изъ одной чаши; соединивъ ихъ руки, священникъ водилъ ихъ вокругъ аналоя, и шафера спѣшили за ними, держа вѣнцы надъ ихъ головами.

Но вотъ вѣнцы сняты, поставлены на золоченое блюдо, снесены въ алтарь.

Они—мужъ и жена.

Священникъ говоритъ имъ: „поцѣлуйтесь“.

Какъ трогательно было бы въ церкви приложиться къ ея устамъ, но Патулинъ не смѣетъ этого сдѣлать: онъ благоговѣйно прикладывается къ ея рукѣ. Душа его полна нѣжности къ этой дѣвушкѣ, которая захотѣла сдѣлаться его подругой на всю жизнь; ему хочется плакать, слезы стоятъ въ горлѣ. Но останавливаться на трогательныхъ мысляхъ некогда; ихъ окружаетъ блестящая толпа, ихъ поздравляютъ, имъ желаютъ счастья. Незнакомые

мужчины и женщины говорятъ Патулину привѣтствія. Въ одной изъ примыкающихъ къ церкви залъ, по принятому обычаю, подаютъ шампанское, чай, конфекты. Опять какъ въ калейдоскопѣ проходятъ передъ Патулинымъ незнакомыя лица, расшитые мундиры, звѣзды, свѣтлыя платья дамъ, опять улыбки, банальныя фразы, и опять онъ глупо улыбается, не зная, что сказать. Надежда Михайловна, сіяя брилліантами, подходитъ къ Льву Сергѣевичу и тѣмъ своимъ голосомъ, который считается ею драматичнымъ, говоритъ: — я отдаю вамъ мое сокровище, берегите его!—Послѣ поздняго обѣда въ интимномъ небольшомъ кружкѣ молодые Патулины уѣзжаютъ въ провинцію.

Рай начинается.

XVII.

Левъ Сергѣевичъ съ Ниной подъѣзжали къ Нагорному въ тихій апрѣльскій вечеръ. Дорога не просохла еще, но рослая тройка Патулина, разубранная лентами, свободно и бойко несла старомодную коляску, разбрызгивая жидкую грязь. Низко спустившееся солнце озаряло далеко раскинувшійся коверъ изумрудныхъ зеленей и бурѣющія рощи, еще не совсѣмъ одѣвшіяся листвой. Въ воздухѣ чувствовалась та теплота и влажность, которая бываетъ только весной, точно изъ нѣдръ земли поднимались какіе-то ароматы и вливали въ грудь сладкую истому. Вверху раздавались пѣсни жаворонковъ. Левъ Сергѣевичъ слегка сжималъ въ своей рукѣ руку жены.

— Не правда ли, хорошо?—вымолвилъ онъ.

— Чудесно!—она посмотрѣла на него снизу вверхъ, улыбаясь. На носу и около рта были двѣ большихъ кляксы грязи; она казалась ему такою обворожительною съ этими черными пятнами на лицѣ, онъ смотрѣлъ на нее съ такимъ восторгомъ обожанія, что она не могла вынести этого взгляда и склонилась головой къ нему на грудь.

— Безцѣнная,—прошепталъ онъ.—Вонъ видишь тамъ, тамъ вонъ, гдѣ синѣетъ роща—овражекъ, ты видишь! Это тотъ самый, откуда я тебя выхватилъ.

— Мы поставимъ тамъ памятникъ, не правда ли? — сказала она,—о, чудный оврагъ!

И опять онъ увидѣлъ ея лицо, забрызганное грязью и улыбавшееся ему.

— А это ужъ Нагорное, я узнаю нашъ домъ,—сказала она.

Онъ на лету поймалъ протянутую ручку и беззвучно сталъ цѣловать пальчики, обтянутые лайкой.

— Да, да,—шепталъ онъ,—это Нагорное, это твой домъ, моя дорогая. Чѣмъ мы съ нимъ, съ этимъ старымъ домомъ отплатимъ тебѣ за то счастье, что ты намъ даешь?

Они проѣхали мимо церкви; сторожъ, сѣдой, древній старикъ, безъ шапки, стоялъ у ограды и низко кланялся имъ. На крылечкѣ поповскаго дома стояли какія-то женскія фигуры и тоже кланялись. Вотъ коляска въѣхала на барскій дворъ; у крыльца несуразнаго сѣраго дома толпились бабы и мужики. Не успѣли они подъѣхать, какъ бабы стали величать ихъ. Пѣснь была не музыкальна, но это было нѣчто совсѣмъ новое, неожиданное для Нины, и этой ей понравилось. Староста поднесъ хлѣбъ-соль.

Они оба привѣтливо кланялись и благодарили.

На ступеняхъ крыльца встрѣтили ихъ батюшка съ крестомъ и святою водой, Прасковья Васильевна съ хлѣбомъ солью, а въ дверяхъ приказчикъ и старый Илья обсыпали ихъ хмелемъ. Все это было неожиданно, странно и привлекательно для Нины Павловны.

— Ты зналъ!—спрашивала она мужа. Это очень мило и совсѣмъ оригинально; отъ этой встрѣчи вѣетъ чѣмъ-то романтичнымъ, средневѣковымъ,—говорила она, пока онъ бережно подъ руку, точно боясь, что она споткнется на неровномъ полу, вводилъ ее въ свой домъ.

— Ну, каковъ-то онъ, твой старый домъ? Онъ мнѣ казался нѣсколько инымъ зимой. Оригинальная мебель въ гостиной, но неудобная и жесткая съ этими деревянными спинками. А вотъ и моя мебель.

Горничная Нины, самоувѣренная и много мнящая о себѣ Наташа, была послана въ Нагорное за недѣлю впередъ, для того, чтобы принять мебель Нины Павловны, разставить ее какъ слѣдуетъ, развѣсить гардины, распредѣлить картины и т. д. Теперь одѣтая и причесанная по послѣдней модѣ, эта немолодая, но изящная особа стояла среди будуара съ букетомъ нарцисовъ.

— Поздравляю-съ, Нина Павловна, и васъ тоже,—говорила она, дѣлая книксенъ передъ Львовъ Сергѣевичемъ, — ужъ не знаю право, такъ ли устроила; комната такая несуразная, драпри иначе никакъ нельзя было повѣсить, двери совсѣмъ не туда отворяются, вотъ извольте посмотрѣть; я говорила приказчику, но они безъ всякихъ понятій, а диванчикъ, ужъ какъ я его ни переставляла—все нехорошо...

Лицо Нины омрачилось.

— Въ самомъ дѣлѣ какъ неудобно, и двери совсѣмъ не такъ повѣшены, какъ разъ наоборотъ. Посмотри, милый, неужели это нельзя какъ-нибудь устроить?

Но увидавъ растерянное лицо мужа, она засмѣялась.

— Идите, идите, Наташа, все хорошо, спасибо за букетъ, мы это устроимъ потомъ,— и, проводивъ взглядомъ горничную до двери, она протянула руки къ Патулину.

— Милый мой, мы огорчили его; не все ли равно—гардины, вся эта мебель, двери, не все ли мнѣ равно, когда я люблю тебя, одного тебя!

Невольный возгласъ торжества сорвался съ губъ Патулина; онъ, какъ перышко, поднялъ Нину, такъ что ножки ея заболтались въ воздухѣ и прижалъ къ груди.

И начался для Льва Сергѣевича тотъ рай, о которомъ онъ не смѣлъ и мечтать. Всѣ стѣны стараго дома въ Нагорномъ пропитались, казалось, атмосферой любви, и за стѣнами дома, въ саду, который съ каждымъ днемъ все богаче и богаче одѣвался и зацвѣталъ, и тамъ все дышало страстью. Соловьи, малиновки, овсянки вторили этой страсти и прославляли ее на всѣ лады.

Левъ Сергѣевичъ былъ упоенъ. Нельзя было не вѣрить прелестной, молодой женщинѣ, которая, казалось, дышала въ унисонъ съ нимъ, нельзя было не вѣрить ея любви; Нина не жила безъ него.

Забавно было видѣть, какъ полусонная она рано утромъ спѣшно одѣвалась, только чтобы поспѣть идти съ нимъ на работу.

— Спи, понѣжься, милая, говорилъ онъ ей,—ты не привыкла рано вставать.

На его ласковыя рѣчи у нея былъ отвѣтъ:

— Хочу быть съ тобой.

Куда бы онъ ни шелъ, она шла за нимъ, бѣжала въ припрыжку около него, не поспѣвая за его широкимъ шагомъ, цѣпляясь за его рукавъ. Иногда онъ притворялся, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея усилій догнать его или что ея присутствіе тяготитъ его, но это притворство служило только къ тому, чтобы заключить ее въ объятія и покрыть ласками.

Однажды часовъ въ 7 утра Левъ Сергѣевичъ сидѣлъ на балконѣ, прихлебывая остывшій чай изъ стакана и покуривая сигару. Теперь онъ еще больше походилъ на русскаго простолюдина, облеченный въ суконную поддевку и рубаху-косоворотку.

Онъ находилъ удобнымъ русское платье и всегда носилъ его въ деревнѣ.

Покуривая, онъ улыбался какимъ-то своимъ мыслямъ, жена нѣсколько разъ уже кричала ему изъ окна, чтобы онъ ждалъ ее, не уходилъ одинъ, и онъ терпѣливо ждалъ, недоумѣвая немного, почему она такъ долго не выходитъ.

Вдругъ онъ услышалъ шорохъ, и чьи-то нѣжныя ручки закрыли ему глаза.

— Кто это?—спросила Нина дѣланнымъ страшнымъ голосомъ.

— Моя жена, моя милая, моя обожаемая...

Онъ дѣлалъ усилія, чтобы отнять ея руки отъ глазъ, но она не отнимала ихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не отгадалъ. Смотри!

И отнявъ руки отъ глазъ его, она обняла его за шею и заглянула ему въ лицо. И никогда, нѣтъ никогда еще она не казалась ему такою прекрасною.

Нина была одѣта въ настоящій бабій рязанскій нарядъ: клѣтчатая понява, бѣлый шушунъ въ накидку и алый шелковый платокъ на головѣ—все это необыкновенно шло ей.

— Не хотите ли, сударь, въ кухарки нанять?—шутила она,— за дешево пойду, только барыню отъ васъ отобью... Вотъ такъ, цѣлуйте покрѣпче, мы не нѣженки. И она ласкалась къ нему. Теперь мы совсѣмъ пара, говорила она.

А онъ сходилъ съ ума. Онъ удивлялся, за что ему послано такое счастье.

— Нѣтъ, въ тебѣ что-то высшее,—говорилъ онъ, ни одна женщина не догадалась бы сдѣлать это; это что-то болѣе, чѣмъ деликатное. Вотъ за это-то высшее пониманіе я, должно быть, такъ полюбилъ тебя. Теперь мы пара, говоришь ты. Ты дѣлаешь все, все, чтобы сравняться со мною, богиня моя; это великодушно, и все же, хоть и въ крестьянскомъ нарядѣ, ты богиня, а я простой смертный.

Она смѣялась его восторгу, но Левъ Сергѣевичъ былъ серьезно растроганъ, поступокъ жены не казался ему простою шуткой.

И гордый ею, онъ повелъ ее въ ея нарядѣ на работы, и мужики, добродушно улыбаясь, говорили:

— Ну, ужъ и баба же у тебя, Левъ Сергѣевичъ, красавицы такой по всей Рязанской губерніи не сыщешь.

Бабы шутили съ Ниной:

— А ну-ка, молодуха, что ручки больно бѣлы, иди-ка поработай съ нами.

И Нина отшучивалась, смѣялась, говорила прибаутки. И вся эта игра казалась Льву Сергѣевичу очаровательною дѣйствительностью.

Въ продолженіе цѣлой недѣли Нина проходила въ своемъ рязанскомъ нарядѣ, потомъ онъ ей наскучилъ, наскучилъ вѣчно одинъ и тотъ же восторгъ мужиковъ, тѣ же прибаутки бабъ.

— Уберите его подальше,—сказала она Наташѣ, и между камеристкой и барыней начались опять какія-то совѣщанія.

Однажды, когда Льву Сергѣевичу подали бѣговыя дрожки для объѣзда полей, и онъ поджидалъ жену, чтобы двинуться съ нею вмѣстѣ, она вбѣжала въ комнату въ мужской поддевкѣ.

Она была прелестна, но Левъ Сергѣевичъ былъ пораженъ.

— Нина, что это значитъ!—воскликнулъ онъ.

— Я буду твоимъ пажемъ... Развѣ я тебѣ не нравлюсь? развѣ нехорошо?

— Ты очаровательна! Но мнѣ кажется...

— Что тебѣ кажется? Тебѣ кажется неприличнымъ... Но развѣ въ этой глуши можетъ быть что-нибудь неприличнымъ, мой другъ! Въ твоихъ дебряхъ все прилично, ходишь же ты какимъ-то вахлакомъ!

Левъ Сергѣевичъ покраснѣлъ.

— Положимъ, Нагорное захолустье,—сказалъ онъ,—но и здѣсь есть люди, мнѣніемъ которыхъ я дорожу.

— А, милый, что понимаютъ эти Ѳаддеи, Матвѣи, отцы Николаи!

— Вотъ именно по понятіямъ этихъ Матвѣевъ, Ѳаддеевъ твой костюмъ неприличенъ. А я настолько уважаю этихъ Матвѣевъ и Ѳаддеевъ, что не желалъ бы, чтобъ они осудили мою жену.

Въ свою очередь Нина вспыхнула.

— Въ такомъ случаѣ ступай одинъ, я лишу себя единственнаго удовольствія ради твоей прихоти... Можешь ѣхать, – и она указала ему хлыстикомъ на дверь.

Произошла первая супружеская размолвка, окончившаяся тѣмъ, что Левъ Сергѣевичъ просилъ у Нины униженно прощенія, что опоздалъ на сѣвъ проса и что она поѣхала съ нимъ на застоявшейся лошади въ томъ костюмѣ, въ которомъ была.

Она сидѣла впереди и правила, а онъ на ухо шепталъ ей слова любви и называлъ ее своимъ очаровательнымъ пажемъ, маленькимъ божкомъ любви, свѣтлымъ лучемъ своей жизни, и она, улыбаясь и чувствуя свою силу, слушала весь этотъ вздоръ. Вдругъ она обернулась къ нему и улыбаясь вымолвила:

— Какимъ ты мнѣ казался инымъ тогда, когда я тебя не знала!

— Какимъ же, дорогая, я тебѣ казался?

— Сильнымъ, могучимъ, непонятнымъ, совсѣмъ особеннымъ, непохожимъ на другихъ людей.

— А на повѣрку вышло?.. улыбаясь вымолвилъ Левъ Сергѣевичъ.

— А вышло, что ты такой же, какъ всѣ, нѣтъ въ тебѣ ничего особеннаго, и говоришь ты тоже...

— Иначе говоря—я палъ въ твоихъ глазахъ, ты разлюбила меня?

— О, нѣтъ, я люблю тебя, только я иначе люблю тебя, чѣмъ тогда.

Послѣ завтрака Левъ Сергѣевичъ поѣхалъ въ городъ и провелъ тамъ весь день, даже къ обѣду не вернулся.

Занятый дѣлами, обѣдая у предводителя, онъ все время казался не то разсѣяннымъ, не то грустнымъ. Подписывая или разбирая свои земскія хозяйственныя дѣла, онъ вдругъ вспоминалъ утреннюю сцену на дрожкахъ, „ея“ слова, и что-то хватало его за сердце, и онъ хмурилъ брови и закусывалъ верхнюю губу.

„Она разочарована во мнѣ, она скучаетъ“, думалъ онъ,— „она скучаетъ—неужели такъ скоро, такъ скоро!“

Предводитель, пригласившій его къ себѣ, былъ очень любезенъ, однако подпустилъ шпильку:

— Изъ-за какихъ такихъ соображеній, милѣйшій Левъ Сергѣевичъ, сказалъ онъ, — не хотите вы знакомить вашу супругу съ нами стариками? Не изъ ревности-ли? Вонъ жена говоритъ, что я еще у любого красавца могу жену отбить! Предводитель, хотя и добродушно смѣялся, но видимо былъ задѣтъ за живое.

— Непремѣнно, непремѣнно привезу жену къ вамъ, и въ самомъ скоромъ времени,—сказалъ Патулинъ.

— Знаю, что вамъ теперь ни до кого нѣтъ дѣла, ну а все же надо побаловать мою старуху, она обижается. Когда же ждать васъ?

— На этой недѣлѣ непремѣнно, на этой недѣлѣ.

XVIII.

Вечеромъ того же дня Патулины мужъ и жена находились на балконѣ. Нина дѣлала чай, Левъ Сергѣевичъ молча прохаживался вдоль террасы.

— Какой невеселый ты вернулся изъ города,—сказала Нина,— я, проскучавъ цѣлый день одна, чувствую подъемъ духа, а ты...

Патулинъ слабо улыбнулся, поцѣловалъ жену въ волосы и продолжалъ свою молчаливую прогулку. Вдругъ онъ круто повернулъ, какъ бы вспомнивъ что, и, опираясь о столъ и прямо глядя въ глаза жены:

— Но вѣдь я надѣюсь,—сказалъ онъ,—ты не думаешь, что я притворялся, что я хотѣлъ тебя надуть?

— О чемъ ты, другъ мой?

Нина подняла на мужа недоумѣлый взглядъ, не понимая, что онъ говоритъ.

— Я... я тогда казался тебѣ инымъ не потому, что хотѣлъ тебя надуть, ты понимаешь...

Нина звонко разсмѣялась.

— Вотъ ты о чемъ, глупый мужъ! Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойся, милый, я не считаю тебя обманщикомъ.

— Я нынче цѣлый день думалъ о твоихъ словахъ; ты не понимаешь, какъ они жестоки въ своей справедливости. Дѣйствительно, чтò я такое? Чѣмъ я могъ прельстить тебя? за чтò ты меня полюбила? И вмѣсто благодарности за жертву, которую ты мнѣ принесла, я усадилъ тебя въ трущобѣ съ глазу на глазъ со мной. Я не скучалъ, я упивался твоимъ обществомъ и воображалъ, что и ты не скучаешь..

— Да что ты, что ты, Лева? Къ чему весь этотъ разговоръ?

— Завтра мы дѣлаемъ визиты.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я очень рада, мое визитное платье, слава Богу, еще не вышло изъ моды.

— Ты рада?—грустно сказалъ Патулинъ,—зачѣмъ же ты прежде не сказала, что тебѣ скучно со мной?

— Лева, ты придираешься, совсѣмъ мнѣ не скучно съ тобой, но вѣдь самъ же ты сказалъ, что нельзя жить съ глазу на глазъ— вѣдь и ангелъ наскучитъ.

— Такъ, такъ, ты права. Вынимай, приготовляй свое визитное платье, дѣйствительно вдвоемъ не проживешь.

Левъ Сергѣевичъ замолчалъ, потому что чувствовалъ себя раздраженнымъ, онъ чуть не выпалилъ: не написать ли Надеждѣ Михайловнѣ, пусть прiѣдетъ полюбоваться на наше счастье.

Съ тѣхъ поръ какъ Нина стала женой Льва Сергѣевича, она перестала жаловаться ему на мать, и если въ разговорѣ съ нею у Патулина сквозила его непрiязнь къ Надеждѣ Михайловнѣ, она всегда обижалась, такъ что онъ сталъ избѣгать имени тещи.

Письма матери Нина тщательно оберегала отъ взоровъ мужа. Онъ не спрашивалъ, что̀ пишетъ Надежда Михайловна, но таинственность Нины не то чтобы оскорбляла, а удивляла Патулина; ему казалось, что у него нѣтъ тайнъ отъ любимой женщины, что̀ же она могла скрывать?

Какъ разъ изъ города сегодня онъ привезъ одно изъ этихъ таинственныхъ писемъ, исписанное мелкимъ почеркомъ на двухъ листахъ. Она только распечатала при немъ это письмо, скользнула по немъ взглядомъ, но не стала его читать, теперь онъ вспомнилъ объ этомъ письмѣ.

— Что пишетъ тебѣ Надежда Михайловна?—спросилъ онъ.

— Я не успѣла еще прочесть.

— Я мѣшаю тебѣ? Читай, сдѣлай милость, я уйду, хотя вообще меня удивляетъ твоя таинственность. Что̀ можетъ писать тебѣ мать, что ты такъ тщательно оберегаешь ея письма?

Въ прекрасныхъ глазахъ Нины вспыхнулъ какой-то странный огонекъ. Она выпрямила станъ.

— А по твоему,—вымолвила она,—даже письма матери я должна читать тебѣ? По твоему, права мужа заходятъ такъ далеко?.. Нѣтъ, я не согласна съ этимъ; своего права получать и читать письма безъ цензуры, безъ цензуры,—повторила она прямо глядя ему въ глаза,—я не отдамъ, не продамъ ни за какія сокровища.

Патулинъ испугался вызваннаго его словами протеста и сейчасъ же внутренно оправдалъ жену. „Она по-дѣтски еще дорожитъ своею самостоятельностью, больше ничего“, подумалъ онъ, и всякая тѣнь протеста или неудовольствія соскочила съ него.

— Неужели ты думаешь,—сказалъ онъ, садясь рядомъ съ Ниной и стараясь овладѣть ея руками,—неужели ты думаешь, что я способенъ произвести надъ тобою какое-нибудь насиліе, физическое или нравственное? Если ты думаешь, что я не долженъ знать содержанія писемъ Надежды Михайловны, пусть будетъ такъ. Никакихъ правъ, кромѣ правъ любви, я не имѣю надъ тобой. Но вѣдь ты не разлюбила меня, Нина?

Она разсмѣялась.

— Однако, ты не безъ страха спрашиваешь это!—воскликнула она и, бросивъ руки ему на шею, прижалась къ нему.

Содержаніе же письма матери, однако, ему не сообщила.

XIX.

— Коляска и супругъ къ твоимъ услугамъ, Нина,—постучавъ въ дверь спальни, сказалъ Левъ Сергѣевичъ.

Нина стояла передъ трюмо въ мягкомъ атласномъ корсетѣ съ обнаженными шеей и руками; Наташа оправляла на ней юбку свѣтлаго морской волны платья и тараторила безъ умолку:

— Какой же это выѣздъ, говорила она, какъ будто баринъ не понимаютъ, что въ такой коляскѣ нельзя возить нашу молодую барыню!.. А кучеръ, Господи, Боже мой! армякъ старый, поясъ старый, шляпенка смятая. Да ужъ и лошади!..

— О лошадяхъ не говори, въ лошадяхъ ты ничего не понимаешь—лошади прекрасныя, сказала Нина.

И ея воображенію представлялся зимній выѣздъ, почти сказочный выѣздъ лихихъ коней, и богатырь кучеръ. Куда все это дѣвалось, куда исчезло, Боже, Боже мой!

Долго Левъ Сергѣевичъ ждалъ жену, прохаживаясь по гостиной, куря одну за другой папиросы; наконецъ, она вышла, вся свѣтлая, сверкающая туалетомъ и красотой, съ легкою ироническою улыбкой на губахъ.

Патулинъ бросился навстрѣчу женѣ.

— Господи, какъ ты прекрасна!

— Не изомни.

Она надѣвала перчатки, продолжая чуть-чуть улыбаться.

— Я почти боюсь тебя, Нина, ты имѣешь видъ такой свѣтской женщины.

— А развѣ я не свѣтская женщина! За эти два мѣсяца я не могла еще настолько измѣниться, чтобы утратить то, что ты называешь свѣтскостью. Покажись... И ты довольно приличенъ. Ѣдемъ же.

Когда супруги вышли на крыльцо садиться въ экипажъ, Нина Павловна вдругъ остановилась и, дѣлая удивленные глаза:

— Какъ, ты въ этой машинѣ намѣренъ везти меня?—воскликнула она по-французски. — Эта коляска, этотъ кучеръ, эти лошади—въ какихъ раскопкахъ нашелъ ты все это?

Онъ немного растерялся.

— У насъ нѣтъ другого экипажа, моя душа.

— Очень жаль, слѣдовало бы позаботиться объ экипажѣ, въ которомъ можно возить молодую жену,—сказала Нина и съ нѣсколько брезгливымъ видомъ, какъ бы боясь запачкать свое свѣтлое платье, заняла мѣсто въ коляскѣ.

Левъ Сергѣевичъ, совершенно угнетенный, съ лицомъ провинившагося школьника, сѣлъ рядомъ съ женой; она посторонилась, чтобы дать ему побольше мѣста, и отвернулась. Левъ Сергѣевичъ размышлялъ, виноватъ ли онъ и насколько виноватъ, и пришелъ къ убѣжденію, что вина его безусловная.

— Голубка моя,—вымолвилъ онъ наконецъ, стараясь заглянуть въ лицо жены,—увѣряю тебя, это не отъ невниманія, не отъ скупости, просто судишь о другихъ по себѣ: мнѣ не надо,—казалось, что и тебѣ не надо...

— Ты напрасно оправдываешься, мой другъ, я обтерпѣлась и нахожу уже, что можно дѣлать визиты и въ этомъ рыдванѣ, нужно только принести въ жертву свое маленькое пониманіе приличій и стать на твою точку зрѣнія.

— Ты ангелъ небесный! я всегда зналъ это, и всю себя ты принесла въ жертву неотесанному мужику. Господи, какъ я презираю себя!

Она снисходительно улыбнулась ему и маленькою ручкой, затянутою въ перчатку, потрепала по его большой загорѣлой рукѣ.

Первый визитъ Патулины сдѣлали Зарѣцкимъ. Викторъ Ивановичъ Зарѣцкій лѣтъ 15 служилъ предводителемъ въ N-скомъ уѣздѣ. Человѣкъ вполнѣ обезпеченный, онъ охотно безвозмездно отдавалъ свой трудъ дворянству, требуя за это только нѣкотораго почета. Онъ называлъ себя и жену людьми старозавѣтными и въ силу этой старозавѣтности желалъ, чтобы относились къ нимъ съ должнымъ ихъ годамъ и положенію уваженіемъ.

Уязвленные тѣмъ, что Патулины такъ долго не дѣлали имъ положеннаго визита, приписывая это всецѣло вліянію Нины Павловны, старики приняли ее сначала чопорно и сдержанно. Но не прошло и пяти минутъ, какъ Нина уже успѣла обворожить ихъ. Ея дѣтски-открытые глаза выражали такъ много нѣжной почтительности къ Елизаветѣ Петровнѣ и довѣрчивости къ Виктору Ивановичу, а свѣжій голосокъ такъ весело звенѣлъ, и разсказъ ея о старомъ рыдванѣ и старой шляпенкѣ Никиты былъ такъ забавно милъ, что оба, мужъ и жена, охотно забыли провинность Нины, добродушно смѣялись ея разсказу и умиленно смотрѣли на прекраснаго ребенка.

Самъ Левъ Сергѣевичъ не могъ не улыбнуться, слушая разсказъ жены о рыдванѣ, въ которомъ они дѣлали свадебные визиты.

Провожая молодыхъ, предводительша два раза поцѣловала

Нину Павловну прямо въ ямочку на щечкѣ и настоятельно просила хоть изрѣдка доставлять ей удовольствіе милымъ, всегда желаннымъ посѣщеніемъ, а предводитель нѣжно приложился къ ея ручкѣ и успѣлъ шепнуть Патулину:

— Ну, батюшка, ужъ и жену подцѣпилъ!

Глядя на рыдванъ изъ окна передней, старикъ громко и искренно смѣялся, хотя, собственно говоря, ничего особенно смѣшного въ Патулинской „коляскѣ" и не было. Въ первый день, посвященный визитамъ, Патулины были всего въ трехъ сосѣднихъ усадьбахъ, и вездѣ Нина Павловна успѣла обворожить хозяевъ.

— И выпало же счастіе на долю нашего медвѣженка,—говорили, проводивъ молодыхъ, посѣщенные ими,—понятно, что обезумѣлъ и бросилъ Софью Николаевну, а вѣдь, говорятъ, совсѣмъ уже сговорены были, чуть день свадьбы не былъ ужь назначенъ.

А скептики прибавляли:

— Не отозвались бы ему слезы покинутой дѣвушки, что-то ужъ больно шустра молодая! Но ужъ и хороша!

Самъ Левъ Сергѣевичъ, кажется, ни разу не вспомнилъ о Софьѣ съ тѣхъ поръ, какъ былъ женатъ. Онъ только тщательно избѣгалъ усадьбу Сафоновыхъ, и Никита уже твердо зналъ это и всегда объѣзжалъ ее. Патулинъ хорошо дѣлалъ, что не показывался Иваньковскимъ обитателямъ—тамъ противъ него скопилось много ненависти. Марья Сергѣевна, не смотря на всю свою доброту и христіанское всепрощеніе, просто не могла слышать его имени, не мѣняясь въ лицѣ. И даже Сашенька, этотъ прирожденный эгоистъ, который, казалось, не любилъ никого кромѣ собственной своей особы — и тотъ не могъ простить оскорбленія, нанесеннаго сестрѣ, и искренно говорилъ о томъ, съ какимъ удовольствіемъ онъ перешибъ бы „цуфузки" этому честнѣйшему Патулину.

Патулинъ былъ слишкомъ близкимъ сосѣдомъ, чтобы о немъ не доходили вѣсти въ Иваньково: то старая Мареуша, ѣдучи въ городъ за провизіей, встрѣчалась съ нимъ, а „онъ отвернулся, какъ бы не узналъ". То молодая Мареуша, идя отъ матери, видѣла его и „съ кралей", какъ безумные мчавшихся на коняхъ. То тотъ, то другой изъ Иваньковскихъ рабочихъ передавалъ разныя извѣстія о фокусахъ молодой, и это служило поводомъ къ разговорамъ о Патулинѣ, въ которыхъ его не щадили; защищать Льва Сергѣевича было некому—Софьи не было въ Иваньковѣ.

Когда несчастье стряслось надъ нею, чтобы нѣсколько разсѣять себя, дать возможность себѣ отдышаться, она уѣхала въ Москву. Она была увѣрена, что черезъ мѣсяцъ или два, когда она возвратится въ Иваньково, Патулина не будетъ въ сосѣдствѣ: хоть на первое время своей женитьбы, она надѣялась, онъ увезетъ жену, дастъ ей, Софьѣ, оправиться. Къ удивленію своему, она узнала, что жену свою онъ привезъ въ Нагорное. Несмотря на всю свою выдержанность, на всю привычку къ ударамъ судьбы, возвращаться въ Иваньково, быть такъ близко отъ тѣхъ, кто сдѣлалъ ея несчастіе, было невыносимо; тѣмъ не менѣе она возвратилась бы не говоря ни слова, еслибы состоянія ея не понялъ братъ. Онъ сумѣлъ отрѣшиться отъ себя, стать на ея мѣсто и вознегодовать за нее. И это негодованіе заставило его искать какого-нибудь исхода для сестры.

Очевидно, судьба покровительствовала Александру Николаевичу Сафонову, въ первый разъ въ жизни заботившемуся о сестрѣ. Онъ нашелъ ей мѣсто на лѣто, и именно такое, которое должно было захватить ее всю.—Ее приглашали сопутствовать на Кавказъ двухъ дѣвушекъ 15 и 17 лѣтъ.

Она ѣхала въ качествѣ гувернантки и сестры милосердія; одна изъ сестеръ была серьезно больна, и надо было слѣдить за ея лѣченіемъ.

Перспектива выбраться изъ заколдованнаго круга, быть отвѣтственною, полезною, воскресила Софью; она уѣхала на Кавказъ бодрая, почти веселая и благодарная брату до того, что имени его не могла произнести безъ слезъ.

XX.

Письма Нины къ матери:

„Ты думаешь, мама, что я успѣла уже соскучиться въ медвѣжьемъ углу, и зовешь меня къ себѣ въ Мерекюль“, писала Нина матери въ первыхъ числахъ іюля, т. е. черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы, „очевидно, всѣ думаютъ какъ ты: первый вопросъ, который мнѣ дѣлаютъ мои новые знакомые—я познакомилась со всѣми, съ кѣмъ только возможно, и нашла много занимательныхъ типовъ—это: не скучаете ли вы? И когда я отвѣчаю, что не скучаю, меня оглядываютъ съ недовѣріемъ, какъ будто хотятъ сказать: неужели такая женщина можетъ не скучать въ нашей глуши! А между тѣмъ, говоря откровенно, я не скучаю. Быть можетъ, меня поддерживаетъ сознаніе жертвы, которую я

принесла, или то, что Левъ такъ хорошо это чувствуетъ и въ экстазѣ передо мною. Онъ очень милъ, мой бѣдный Лева, и ты положительно несправедлива къ нему, мама. Положимъ, онъ не то, совсѣмъ не то, чѣмъ я его воображала, но вѣдь не виноватъ же онъ, что я сдѣлала изъ него героя, прежде чѣмъ узнала его! Во мнѣ же онъ всякій день открываетъ новыя прелести и таланты. Теперь я оказываюсь прекрасною хозяйкой! Утромъ и вечеромъ неизмѣнно я хожу на скотный дворъ. Можешь ты себѣ меня представить въ коротенькой полосатой юбочкѣ и вышитомъ бѣломъ фартукѣ, настоящею фермершей, считающею и записывающею кружки молока. Да, мамахенъ, я твердо знаю по имени каждую изъ коровъ и безошибочно скажу тебѣ, сколько кружекъ молока даетъ она утромъ и вечеромъ. Нѣкоторыя доходятъ до изумительной цифры 9, которая всѣхъ удивляетъ и меня тоже; хотя я ровно ничего не смыслю, не знаю почему это должно удивлять, но я всѣмъ разсказываю объ этомъ изумительномъ фактѣ—9 кружекъ, удивляю всѣхъ, т. е. мои хозяйственныя способности. Елизавета Петровна, madame la marechal, ахала и цѣловала меня вчера такъ, что замуслила мнѣ щеки, а мой благовѣрный можетъ по цѣлымъ часамъ любоваться своею „хозяюшкой". Меня забавляетъ моя новая роль и масса хорошенькихъ накупленныхъ для нея вещей, въ видѣ ведеръ, кубановъ, чашекъ, маслобоекъ и т. п. Левъ строитъ для меня новую молочную, его галантность не дошла до того, чтобы купить для меня коляску, но молочную строимъ. Что касается до экипажей, то у насъ есть новая очаровательная корзинка для двоихъ. Левъ ежедневно катаетъ меня въ ней, боясь верховой ѣзды: онъ представилъ себѣ, что я беременна. Надѣюсь, что онъ ошибается; я была бы въ отчаяніи такъ рано подарить его потомствомъ, да и вообще безобразіе беременности могло бы только испугать меня; тебѣ я могу сказать это откровенно, ты поймешь меня. Никогда, никогда я не думала, что мнѣ придется такъ много притворяться, и это меня иногда злитъ, вѣдь я очень искренна по натурѣ, ты это знаешь. И вообрази, несмотря на всю неистовую любовь Левы ко мнѣ, я чувствую, что не могу быть съ нимъ вполнѣ откровенною, приходится многое скрывать, это противно, и я наслаждаюсь, когда пишу тебѣ. Жаль, что у меня нѣтъ сестры, я бы своимъ опытомъ предостерегла ее отъ многаго. Господи, какъ глупы дѣвушки, когда мечтаютъ о какомъ-то блаженствѣ, выходятъ замужъ, когда ставятъ на пьедесталъ своего избран-

ника. Какъ скоро наступаетъ разочарованіе, Боже, какъ скоро! Не думай, что я жалуюсь, я совсѣмъ не жалуюсь—это маленькое лирическое отступленіе. Кстати, съ Сорниными видаюсь, но не часто. Эмилія, кажется, окончательно влюбилась въ этого бѣлокуренькаго минералога, товарища Сени; я постоянно вижу ихъ вдвоемъ.

Самъ Сеня все еще не можетъ простить мнѣ моей „измѣны“ и измѣны Льва Софьѣ Сафоновой, у насъ не былъ и при встрѣчѣ хмуритъ брови. Вообще съ Сорнинымъ какъ-то en froid. Была у нихъ на дняхъ и встрѣтилась со старухой Сафоновой; эта смѣшная женщина сейчасъ же уѣхала, смѣривъ меня убійственнымъ взглядомъ.

Сафоновы—это одинъ изъ тѣхъ сюжетовъ, о которыхъ не могу откровенно говорить съ мужемъ: при этомъ имени онъ хмуритъ брови, не хуже маленькаго Сенички.

Ну, наболталась, прощай, мамахенъ. Какъ твои финансовыя и иныя дѣла?

Твоя *Нина*.

29 іюля. А у насъ, мамахенъ, все то же: Левъ Сергѣевичъ очень занятъ своимъ земствомъ и хозяйствомъ, а я должна искать развлеченій на сторонѣ или сидѣть въ молочной, но мой костюмчикъ фермерши уже поистрепался, блестящія цинковыя ведра потеряли блескъ, новая молочная еще не достроена—не до того теперь, говоритъ Левъ Сергѣевичъ, а старая до того пропиталась запахомъ молока, масла—брр, что меня тошнитъ только подумать войти туда. Мои новые знакомые надоѣли—восхищаются мною въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, да и вообще все это новое знакомство стало уже старымъ—изъ этого слѣдуетъ, ты отгадываешь что? Мнѣ скучно. Le grand mot est laché—мнѣ скучно!

Видаюсь чаще съ Сорнинымъ. Меня начинаетъ забавлять упорное дутье Сенички. Вчера былъ у меня съ нимъ нѣкій разгоговоръ, и онъ точно начинаетъ сдаваться. Онъ мнитъ себя человѣкомъ à grands principes, но признаетъ уже за мною право быть женщиной à grandes passions. Очень онъ смѣшонъ, но забавенъ и составляетъ теперь мое единственное развлеченіе. У меня онъ еще не бываетъ, но стòитъ захотѣть, и бывать онъ будетъ. Иногда мнѣ искренно хотѣлось бы возбудить ревность Льва, онъ кажется уже слишкомъ увѣреннымъ въ моихъ, что называется, чувствахъ къ нему. Женился и успокоился, ждетъ теперь потомства! Вчера я еле-еле могла убѣдить его

сдѣлать маленькую прогулку верхомъ. Но, признаюсь, даже эта прогулка не развеселила меня.—Нѣтъ, трущобы не для меня созданы—надо въ этомъ сознаться! Увы, прощай, мамахенъ.

Нина.

20 Августа. Кажется, уже давно не писала тебѣ, мамахенъ,—не писалось. Теперь же боюсь испугать тебя, сказавъ, что я больна. Да, моя милая, я больна, быть можетъ начало d'une maladie de langueur—que sais-je! Я чувствую упадокъ силъ, отвращеніе ко всему, ко всему и смертельную тоску. Къ счастію, Сеничка, видя мое состояніе, *простилъ* мнѣ и является развлекать меня своими молодыми разговорами. Левъ, какъ это ни странно, пребывая въ первобытномъ экстазѣ передо мной, не замѣчаетъ моей болѣзни. Я не жалуюсь на него,—къ чему? я констатирую только фактъ—вѣдь это такъ характеристично, такъ похоже на мужчину. Не скажу однако, чтобы его невниманіе не оскорбляло меня; я оскорблена и изъ самолюбія ничего не говорю о моемъ нездоровьѣ, хотѣлось бы, чтобы самъ замѣтилъ. Впрочемъ, невниманіе мужа спасаетъ меня отъ здѣшнихъ докторовъ (нѣтъ худа безъ добра). Левъ все чѣмъ-то занятъ, чѣмъ-то озабоченъ; урожай плохой, вслѣдствіе засухи, кажется. Все лѣто не было дождей и теперь даже гарью пахнетъ въ воздухѣ, отвратительно смотрѣть на желтую выгорѣвшую траву и на облетѣвшія деревья—и сказать, что я обречена жить въ этой ужасной сторонѣ! Сидимъ мы безъ гроша и не предвидится получки. Удивляюсь охотѣ держать имѣніе, не дающее никакихъ доходовъ. Твоя система отрѣзать купоны несравненно цѣлесообразнѣе.

Вѣроятно, ты уже скоро покинешь Мерекюль; когда пріѣдешь въ Петербургъ, заѣзжай къ Аравину, прикажи прислать образчики матерій pour robe de promenade и картинки,—я выберу, что мнѣ надо. Кромѣ того, пришли рублей 300, если тебя не затруднитъ. Завидую, что ты такъ близко отъ Петербурга и нашего свѣта, того свѣта, въ которомъ много прелести, что тамъ ни говори, и прелести особенно осязательной для тѣхъ, кто, какъ я, просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ дырѣ, носящей громкое и совершенно неподходящее названіе Нагорнаго.

До свиданья, мамахенъ, ахъ если бы можно было сказать: до скораго свиданія!

XXI.

Стоялъ сентябрь. Лѣтняя засуха съ конца августа смѣнилась холодомъ и непрерывными дождями, мѣшавшими уборкѣ яровыхъ. Плохо родившійся овесъ прорасталъ теперь въ копнахъ.

Часовъ въ 10 утра Левъ Сергѣевичъ передъ тѣмъ, чтобы ѣхать въ городъ, гдѣ ему необходимо нужно было быть сегодня, обошелъ поле овса и, уныло возвращаясь въ усадьбу, увидѣлъ, что Никита уже подалъ лошадей.

— Подожди,—сказалъ онъ кучеру и вошелъ въ домъ.

Хотя онъ передъ тѣмъ, чтобы идти въ поле простился съ Ниной, ему еще захотѣлось повидать ее; съ нѣкоторыхъ поръ состояніе жены болѣе угнетало его, чѣмъ всѣ хозяйственныя невзгоды. Онъ не могъ понять, что̀ такое съ нею: изъ живой и веселой она стала угрюмо-раздражительна. Послѣ непрерывной лихорадочной дѣятельности, она предавалась теперь непонятной ему лѣни. По цѣлымъ днямъ лежала на кушеткѣ съ книгой, которую не читала. Онъ мучался, глядя на нее, но боялся сдѣлать замѣчаніе, такъ какъ каждое слово его раздражало Нину.

Теперь онъ вошелъ, тихо ступая по мягкому ковру будуара, и остановился; несмотря на ранній часъ, въ комнатѣ Нины царилъ полусумракъ отъ кисейныхъ гардинъ, завѣшивавшихъ окна. Она въ мягкомъ шелковомъ капотѣ, закинувъ руки за голову, лежала на кушеткѣ, на полу валялась книга. Въ полусумракѣ комнаты она казалась блѣдною, брови были сдвинуты надъ открытыми устремленными въ стѣну глазами. Она не сразу почувствовала присутствіе мужа; когда же замѣтила его, нахмурилась еще больше.

— Ты еще не уѣхалъ,—нехотя вымолвила она, не мѣняя позы.

— Нѣтъ, еще не уѣхалъ, пришелъ на тебя поглядѣть, сказалъ онъ, присаживаясь на краюшекъ кушетки, и, перекинувъ руку надъ женой, взялся за спинку, чтобы удержать равновѣсіе.

— Нинокъ, сказалъ онъ нѣжно и почти робко, нагибаясь къ ея лицу,—дорогая моя, стряхни съ себя апатію, такъ нельзя...

— Что нельзя?—вызывающе глядя на него, спросила она.

— Нельзя лежать, ничего не дѣлая, въ темнотѣ.

— А гдѣ же взять мнѣ свѣту?—я тебя спрошу.

Онъ всталъ и высоко поднялъ сначала одну гардину, потомъ другую и, вернувшись, сѣлъ въ той же позѣ на кушетку, но ему показалось, что мѣсто ему оставлено еще меньше прежняго.

— На что же мнѣ смотрѣть въ это отверстіе?— насмѣшливо спросила Нина,— на сѣрое небо, на безотрадную природу...

— На твоемъ мѣстѣ я надѣлъ бы макинтошъ и пошелъ погулять.

— Спасибо за совѣтъ.

— Не нравится? Ну, такъ поѣдемъ въ городъ, право совсѣмъ не такъ уже скверно, вмѣсто тарантаса велю заложить коляску— нашъ старый рыдванъ, помнишь?—поѣдемъ, дорогая, нельзя жить безъ воздуха.

Она ничего не отвѣчала, глядя на него въ упоръ.

— Право, Нинокъ, довольно нѣжиться, вставай, поѣдемъ.

— Нѣжиться!—воскликнула она съ горькою усмѣшкой,— ты находишь, что я нѣжусь, ты не хочешь обратить вниманія...

Она остановилась, закусивъ губы.

— На что, моя безцѣнная?

— На то, что жена твоя больна,—вымолвила она съ запальчивостью.

— Больна!—воскликнулъ онъ,—да, ты больна, я это знаю, но какъ мнѣ исцѣлить тебя, когда я не знаю—гдѣ, въ чемъ твоя болѣзнь, когда ты упорно не желаешь сообщить мнѣ о томъ, что происходитъ въ твоей душѣ.

— Вотъ,—сказала она, насмѣшливо улыбаясь,—я говорю, что ты не хочешь замѣтить—не нравственно (о нравственной болѣзни потомъ), физически я больна, а ты не видишь этого, требуешь отъ меня какой-то дѣятельности, когда я двинуться не въ силахъ.

Левъ Сергѣевичъ посмотрѣлъ на нее почти съ ужасомъ.

— Нина, Нина, такъ ли это? Почему не сказала раньше? Больна, а я ничего не знаю.

— Ты такъ занятъ, когда же тебѣ обращать вниманіе на маленькія бобо твоей жены!

Левъ Сергѣевичъ поблѣднѣлъ и, выпрямляясь, вымолвилъ почти строго:

— Нехорошо такъ говорить тебѣ, Нина; ты знаешь, ты должна знать, какъ я тебя люблю.

— Вотъ именно потому-то, что знаю, и не желала тревожить тебя.

— Не хотѣла тревожить,—сказалъ онъ нѣжно, овладѣвая ея руками и цѣлуя ихъ,—это болѣе походитъ на мою Нину. Но чѣмъ же ты больна, дорогая? что за болѣзнь у тебя?

— Не знаю право, общее недомоганіе, тутъ какіе-то хрипы...

— Хрипы!—воскликнулъ онъ.—Ѣду сейчасъ въ городъ и привожу тебѣ доктора.

— Благодарю, мнѣ не надо здѣшнихъ докторовъ. Если хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, если хочешь потѣшать свою больную жену—она прижалась къ нему съ ласковостью кошечки—останься, не ѣзди въ городъ.

— Дорогая, нѣжная моя,—говорилъ онъ, лаская ее,—съ какимъ восторгомъ я остался бы съ тобою, но мнѣ необходимо въ управу, я скоро вернусь и съ Иваномъ Лаврентьевичемъ.

— Какъ знаешь—уѣзжай, только доктора твоего мнѣ не надо.

Она отняла свои руки и отстранилась отъ мужа.

— Послушай, Нинокъ, вѣдь это же капризъ...

— Никогда не была капризна, это новое качество, которое вы открыли во мнѣ. Мое желаніе мнѣ кажется законнымъ—я хочу только, чтобы ты остался, я хочу хоть одинъ день побыть съ тобой.

Голосъ ея сдѣлался такимъ нѣжнымъ, что Левъ Сергѣевичъ совсѣмъ растрогался.

— Голубка моя, какъ мнѣ благодарить тебя, какимъ богамъ молиться за данное мнѣ счастье.

— Останься, останься,—повторяла она.

— Повѣрь, остался бы, если бы могъ, но видишь ли...

И онъ сталъ разсказывать ей подробно, какое собственно дѣло необходимо требовало его присутствія; онъ былъ увѣренъ, что, посвятивъ ее въ свое дѣло, онъ урезонитъ ее, но она смотрѣла на него равнодушными глазами, не слушая его доводовъ.

— Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что ты ѣдешь,—вымолвила она,—ну, и поѣзжай!

Она сомкнула губы, опять закинула руки за голову и устремила глаза въ потолокъ.

— Нинокъ, ты мучаешь меня,—умоляю отпусти, вѣдь мнѣ необходимо, ты слышала. Черезъ два часа я буду опять около тебя.

— Какъ знаешь—поѣзжай, я не удерживаю, не скажу болѣе ни слова.

Она лежала на кушеткѣ блѣдная и равнодушная; Левъ Сергѣевичъ сидѣлъ надъ нею и, болѣзненно сдвинувъ брови, ждалъ отпуска.

— Нина, милая, скажи хоть слово, одобри меня, вѣдь это же малодушіе...

— Сдѣлай милость поѣзжай.

Онъ всталъ, ему необходимо нужно было ѣхать, и вмѣстѣ съ тѣмъ разстаться теперь съ женой ему казалось очень тяжкимъ: хотя бы одною улыбкой она ободрила его, однимъ движеніемъ руки.

— Я ѣду, Нина,—вымолвилъ онъ чуть слышно и въ знакъ виновности поцѣловалъ край ея капота.

Едва Левъ Сергѣевичъ вышелъ, какъ Нина почувствовала такое раздраженіе внутри всего существа своего, что ей захотѣлось кричать, сломать что-нибудь, мучить какое-нибудь живое существо. Какъ, она настолько потеряла власть надъ этимъ человѣкомъ, что какая-то управа важнѣе для него ея, Нины! Нѣтъ, это слишкомъ, этого вынести нельзя! Она пожертвовала всѣмъ, всѣмъ для этого человѣка, она оставила мать, свѣтъ, который любила, она заключила себя въ этотъ монастырь, нѣтъ, хуже всякаго монастыря, въ монастырѣ есть подобные тебѣ люди, а тутъ никого, никого! И за принесенную ею жертву чѣмъ онъ платитъ ей—пренебреженіемъ. Нѣтъ, это слишкомъ!

И Нина заплакала. Она плакала рѣдко, слезы ея были тяжелы и злы.

И вдругъ она услышала топотъ подковъ по мосточку въ воротахъ усадьбы. Слезы мгновенно высохли.—Онъ возвращается съ полдороги, немножко поздно, поздно, Левъ Сергѣевичъ! О, теперь она измучаетъ его.

Она отерла глаза, подняла книгу съ полу и устремила въ нее глаза.

Въ передней послышался какой-то оживленный говоръ; желтый сетеръ Льва Сергѣевича, изгнанный изъ кабинета со дня женитьбы, радостно лаялъ съ подвизгиваніемъ. Черезъ минуту дверь отворилась, и Нина, поднявъ равнодушный, усталый взоръ, увидѣла передъ собою молодое, свѣжее, оживленное лицо Сенички.

Она радостно вскрикнула.

— Вы какими судьбами?

Сорнины уже недѣли три какъ уѣхали въ Петербургъ, заботливая Александра Семеновна особенно тревожилась о Сеничкѣ; возобновившаяся дружба Нины ей казалась опасною, потому-то она и поспѣшила увезти съ собою молодого человѣка, находя для этого разныя причины.

— Какими, какими судьбами?—повторяла Нина, между тѣмъ какъ студентъ цѣловалъ ей руки,—въ эту минуту болѣе чѣмъ когда-либо рада вамъ, милый мальчикъ.

— Пріѣхалъ поохотиться, не бѣда, если пропущу нѣсколько

лекцій. Тетя Шуша не хотѣла пускать и еслибъ не отецъ, я не получилъ бы ни сантима на поѣздку. Ну, а вы какъ?—спросилъ Семенъ Семеновичъ, вглядываясь въ Нину, и молодое лицо его приняло тревожное, озабоченное выраженіе.

— Живемъ!—вымолвила Нина.

— Но какъ живемъ? вотъ въ чемъ вопросъ.

— Что спрашивать—развѣ не видно.

— Вы измѣнились, похудѣли, лицо осунулось,—вымолвилъ онъ въ волненіи.

— Я больна.

— Больны! и вы не лѣчились—чего же смотритъ Левъ Сергѣевичъ?

— Левъ Сергѣевичъ занятъ, очень занятъ, милый юноша... Впрочемъ, онъ предлагалъ мнѣ привезти здѣшняго доктора, какъ, бишь, его? Того, что отъ всего лѣчитъ синапизмами.

Она улыбалась.

— Но это безбожно!

— Со стороны Льва Сергѣевича это очень понятно, это человѣкъ, который никогда не былъ боленъ и не понимаетъ, что значитъ болѣзнь... А нервы мои такъ надерганы, что, вообразите, въ моментъ вашего пріѣзда я плакала. Самыми настоящими слезами оплакивала мужа, который уѣхалъ въ свою управу, несмотря на мою просьбу остаться.

Она смѣялась, разсказывая это.

— Теперь мое горе мнѣ кажется смѣшнымъ, но четверть часа тому назадъ я чувствовала себя несчастною. Это болѣзнь, конечно.

— Да, да болѣзнь! озабоченно подергивая усики и шагая по комнатѣ, воскликнулъ Семенъ Семеновичъ, — не съ вашими нервами вынести все это.

— То-есть что все? Вы говорите объ одиночествѣ?

— Одиночество? Какъ, даже уже и одиночество?..

— Во время отлучекъ Льва Сергѣевича, я хочу сказать,— строго глядя на юношу, сказала она, карая его взглядомъ за то, что не такъ понялъ ее и хотѣлъ обвинить Льва Сергѣевича.—Да, человѣку, привыкшему къ обществу, обстановку Нагорнаго нѣсколько трудно переварить; но когда человѣкъ любитъ, онъ выносливъ, дѣло только въ томъ, насколько хватитъ его здоровья и насколько цѣнятъ его любовь.

Лицо студента дѣлалось все озабоченнѣе и озабоченнѣе; онъ, хмуря брови, вглядывался въ лицо молодой женщины. Какъ,

неужели этотъ медвѣдь уже не цѣнитъ даже великую жертву любви этого чуднаго созданья! Онъ не смѣетъ спросить, конечно, онъ знаетъ, что Нина Павловна не пощадитъ его ради защиты мужа.

Разговоръ продолжался въ тонѣ „откровенныхъ недомолвокъ“. Нина Павловна все время защищала мужа, но послѣ часовой бесѣды Левъ Сергѣевичъ въ глазахъ Сенички оказался самымъ грубымъ эгоистомъ, не понимающимъ высокой души соединеннаго съ нимъ прекраснаго созданья, не заботящимся даже о его здоровьѣ. Сеничка не понималъ, какъ Левъ Сергѣевичъ не видѣлъ, что единственное спасеніе Нины—это какъ можно скорѣй везти ее въ Петербургъ.

— Главное, мнѣ кажется,—замѣтилъ студентъ,—вамъ какъ можно скорѣй надо уѣхать отсюда.

— Какъ, оставить мужа—никогда!

— Онъ можетъ ѣхать съ вами.

— Онъ слишкомъ привязанъ къ своему земству, къ своему Нагорному, чтобы сдѣлать это, а вѣдь тутъ все дѣло въ климатѣ. Моя грудь не переноситъ этого сухого климата съ постоянными вѣтрами, этой открытой безлѣсной мѣстности.

— Именно, именно,—поддакивалъ юноша, всю жизнь свою считавшій, что Н-скій уѣздъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ въ санитарномъ отношеніи.

Левъ Сергѣевичъ вернулся къ обѣду съ докторомъ и нашелъ Семена Семеновича еще въ Нагорномъ.

— Сеничка здѣсь!—воскликнулъ радостно Левъ Сергѣевичъ,—значитъ, супруга моя не скучала; но какими судьбами вы въ нашихъ краяхъ въ такую адскую погоду, молодой другъ мой?

Молодой другъ отвѣчалъ холодно и сдержанно, что пріѣхалъ поохотиться.

— Надѣюсь, обѣдаете съ нами? Иванъ Лаврентьевичъ, радуйтесь,—привѣтствовалъ онъ входившаго эскулапа, человѣка еще молодого, но очень жирнаго, съ круглымъ бритымъ веселымъ лицомъ,—послѣ обѣда винтикъ; мы и паціентку вашу за винтъ усадимъ, она въ этомъ отношеніи получила высшее образованіе и играетъ, какъ маленькій божокъ.

Круглое, бритое лицо Ивана Лаврентьевича пріятно осклабилось.

Пока онъ почтительно раскланивался съ Ниной и осторожно пожималъ ея руку, она взглянула на Сеничку, и взглядъ ея былъ

понять надлежащимъ образомъ: „молъ, видите, угощаютъ здѣшними знаменитостями".

Сеничка сердито сдвинулъ брови. Нѣтъ, рѣшительно онъ не могъ перенести этого кощунственнаго отношенія къ больной, и когда Иванъ Лаврентьевичъ подсѣлъ къ хозяйкѣ съ цѣлью, вѣроятно, предварительныхъ разспросовъ, Сеничка сталъ прощаться со Львомъ Сергѣевичемъ.

— Передъ самымъ-то обѣдомъ!—воскликнулъ Патулинъ,—за кого вы меня принимаете—не выпущу.

Левъ Сергѣевичъ казался оживленнымъ и веселымъ, и это злило Сеничку.

— Пойдемте ко мнѣ, оставимъ Нину Павловну въ пріятномъ tête-a-tête.—И не подозрѣвая, что внушаетъ отвращеніе студенту, онъ фамиліарно взялъ его за плечи и вывелъ изъ будуара.

Оживленіе оставило Патулина, какъ только онъ очутился у себя въ кабинетѣ; онъ молча сталъ шагать по комнатѣ озабоченный и угрюмый, точно совсѣмъ забывъ о присутствіи гостя, который усѣлся съ ногами на тахтѣ и не безъ насмѣшливой улыбки слѣдилъ взоромъ за хозяиномъ. Вдругъ тотъ остановился передъ нимъ и, не глядя на него, какъ бы говоря самъ съ собою и разводя руками, вымолвилъ:

— Больна—кто бы могъ это подумать. Больна!..

Сеничка приподнялся съ тахты и, ероша волосы и строго глядя на Патулина, сказалъ:

— Удивительно, какъ раньше вы этого не видѣли, Левъ Сергѣевичъ, она страшно измѣнилась, страшно, и если вы позволите мнѣ замѣтить, странно ограничиваться въ такихъ случаяхъ какимъ-то Иваномъ Лаврентьевичемъ, надо везти въ столицу, обратиться къ знаменитости—не знаю что, но такъ нельзя, нельзя...

Сеничка почти плакалъ, говоря это, а на лбу Льва Сергѣевича выступили капли холоднаго пота, пока онъ слушалъ.

— Перемѣнилась!—воскликнулъ онъ,—но въ чемъ же вы видите перемѣну? похудѣла, поблѣднѣла? въ чемъ, въ чемъ перемѣна?—и онъ трясъ молодого человѣка за бортъ сюртука.—А я-то, я-то, я точно ослѣпъ, ничего не видѣлъ.—И хватаясь за голову, онъ вновь принялся шагать по комнатѣ.

— Ахъ,—говорилъ онъ упавшимъ голосомъ послѣ нѣсколькихъ минутъ отчаянной ходьбы, останавливаясь передъ молодымъ человѣкомъ,—если бы вы знали, какъ мы грубы, какъ мы мало подготовлены къ тому, чтобы брать на себя отвѣтствен-

ность за такое нѣжное созданіе, какъ женщина. Вѣдь она боялась огорчить меня, испугать, страдала молча, а я ничего не видѣлъ, не замѣчалъ.

Патулинъ былъ такъ взволнованъ, такъ самъ охотно казнилъ себя, что Сеничка невольно уже въ душѣ прощалъ его за невниманіе къ женѣ,—что же дѣлать—натура грубая.

— Да можетъ быть это вамъ только показалось, милый другъ мой,—черезъ нѣсколько минутъ утѣшалъ себя Левъ Сергѣевичъ,—съ чего-бы ей такъ измѣниться? Иванъ Лаврентьевичъ выслушаетъ ее, выспроситъ, вѣдь все-же въ Московскомъ университетѣ воспитывался, не олухъ какой-нибудь... Что̀ можетъ быть такого особеннаго, не понимаю, не понимаю!..

Въ величайшемъ волненіи ждалъ Левъ Сергѣевичъ доктора, и когда онъ появился въ кабинетѣ полный, розовый, веселый, онъ такъ и набросился на него.

— Ну что вы нашли? какъ? что-нибудь серіозное? есть опасность?

Сеничка, намѣреваясь удалиться изъ скромности, все-же пріостановился, чтобы выслушать общее опредѣленіе эскулапа.

— Э, пустяки,—сказалъ тотъ,—нѣкоторое малокровіе быть можетъ, а главное бездѣятельность, скука, побольше движенія на воздухѣ, обливаніе холодною водой—и все какъ рукой сниметъ.

Сеничка не сталъ слушать дальше, онъ черезъ плечо доктора взглянулъ на Льва Сергѣевича и, пожавъ плечами, вышелъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. В. Стернъ.

ГОДЫ СЛУЖБЫ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА ВЪ МОСКОВСКОМЪ ЦЕНЗУРНОМЪ КОМИТЕТѢ.[1]

1859-й годъ.

VI.

Помѣщенная въ той же III книгѣ *Русской Бесѣды* за 1859 годъ статья Гилярова о раціоналистическомъ движеніи философіи новыхъ временъ, по свидѣтельству самого автора,[2] есть отрывокъ изъ довольно обширнаго изслѣдованія, писаннаго имъ въ 1846 году, когда еще онъ былъ студентомъ Московской Духовной Академіи. Это собственно была, снабженная предисловіемъ и нѣсколькими строками заключенія, часть его полукурсового сочиненія, въ коемъ, по выраженію протоіерея Смирнова-Платонова,[3] онъ „совладалъ съ цѣлымъ Гегелемъ", и за которое онъ получилъ къ своей фамиліи прибавленіе „Платоновъ", что означало исключительное отличіе. Да и какъ было не отличить 22-лѣтняго юношу, сумѣвшаго и смогшаго отнестись критически къ кумиру философствовавшаго русскаго общества сороковыхъ годовъ. Онъ совершилъ подвигъ, который оказался въ то время только по-плечу еще одному самостоятельному русскому мыслителю—А. С. Хомякову, основоположнику самобытнаго теченія русской мысли, извѣстнаго подъ именемъ „славянофильства". Припомнимъ, что самъ Станкевичъ, давшій первый толчекъ къ изученію у насъ Гегеля, писалъ въ 1838 году изъ Берлина Боткину: „ради Бога не беритесь

[1] См. *Русское Обозрѣніе* №№ 7, 8, 10, 11, 12—1897 г. и № 1 и 2—1898 года.

[2] *Русская Бесѣда* 1859 г., кн. III. Критика, стр. 1, примѣч.

[3] *Дѣтская Помощь* 1885 г. Curriculum vitae, стр. 33.

за логику. У Гегеля ея никто не понималъ".[1] У насъ шло догматическое усвоеніе философіи Гегеля, а отнюдь не критическое. Безусловное господство Гегелевской философіи въ Германіи заставило и русскихъ учениковъ нѣмецкой науки принимать выводы абсолютнаго идеализма, какъ вѣрованіе, съ благоговѣйнымъ трепетомъ.

Школа послѣдователей Гегеля въ Германіи до небесъ прославила мудрость, глубину и универсальность системы своего учителя. По свидѣтельству Гервинуса:[2] „за учителемъ была признана слава, что онъ въ своей системѣ какъ бы сплелъ въ искусную ткань всѣ нити современнаго образованія, что онъ украсилъ ее всѣми драгоцѣнностями и достоинствами науки того поколѣнія, что онъ подчинилъ своей системѣ умственную работу классическаго періода нѣмецкой литературы, что онъ собралъ въ ней просвѣтленное чувство, живое наблюденіе, смѣлое мышленіе, просвѣщеніе и всемірную образованность, всѣ плоды этого богатаго времени, что онъ, казалось, далъ нѣмецкой умственной жизни мѣсто отдыха, откуда она увидѣла твердую цѣль, а по мнѣнію самой школы—прочное завершеніе дѣла. Потому что это ученіе, кажется, имѣло притязаніе—положить все будущее въ оковы своей системы; оно говорило, что міровой духъ достигъ своей цѣли; оно утверждало, что оно завершило борьбу конечнаго сознанія съ абсолютнымъ, борьбу, наполняющую всю исторію философіи, что оно соединило въ себѣ результаты всѣхъ прежнихъ системъ, которыя были простыми ступенями единой истины, что оно примирило всѣ мнѣнія, принципы и противорѣчія, что послѣ стольких испробованныхъ формъ нашло послѣднюю, абсолютную форму, въ которой метода становится тождественна съ содержаніемъ, любовь къ знанію становится дѣйствительнымъ знаніемъ, любовь къ мудрости дѣлается мудростью"...

И этому-то кумиру, сковавшему такими рабскими цѣпями въ лицѣ Бѣлинскаго и его послѣдователей литературно-критическую мысль въ Россіи, не поклонился и не послужилъ 22-лѣтній студентъ Московской Духовной Академіи, но сталъ къ нему въ совершенно независимое положеніе. Эта борьба съ Гегелемъ въ

---

[1] А. А. С. Хомяковъ, прочитавъ Гегелеву логику, сказалъ Гилярову: „Расщелкалъ возъ крѣпкихъ орѣховъ".

[2] По изложенію Пыпина въ его *Характеристикахъ литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ*, стр. 483, примѣч.

тиши кабинетнаго уединенія, это напряженіе умственной энергіи, потребное для постиженія системы и отрицательнаго къ ней отношенія—и положило основаніе оригинальнымъ воззрѣніямъ Гилярова, взошедшаго въ своемъ философскомъ изслѣдованіи, какъ онъ самъ выражается, „на тѣ вершины, откуда виденъ весь ходъ современнаго образованія, видно все развѣтвленіе его частныхъ направленій, ясны всѣ умственные двигатели, работающіе въ нихъ безсознательно для самихъ дѣятелей“ [1].

Идеалистическое направленіе новѣйшей философіи Гиляровъ называетъ „раціоналистическимъ“. Предварительно опредѣленія его авторъ указываетъ на различіе общаго, такъ сказать, будничнаго сознанія отъ научнаго. Хотя языкъ въ высшей степени условенъ и каждый понимаетъ чужую рѣчь только въ соотвѣтствіи съ собственнымъ внутреннимъ опытомъ и непосредственными ощущеніями, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ міросозерцаніе людей всеобще-тождественно. Такъ одинаковы у всѣхъ людей и народовъ непосредственныя представленія о главныхъ дѣятеляхъ природы, одинаково также всѣми ощущаются первообщія внѣшнія отношенія человѣка, какъ физическія, такъ и нравственныя, и одинаковъ у всѣхъ общій законъ сознанія. Съ этимъ „обыденнымъ сознаніемъ“ нерѣдко въ полномъ несоотвѣтствіи стоитъ сознаніе научное. Для поясненія Гиляровъ приводитъ примѣръ химика, который понимаетъ, что горѣніе есть не что иное, какъ соединеніе кислорода съ тѣломъ, имѣющимъ къ нему сродство, но не вноситъ своего научно-добытаго воззрѣнія въ свою будничную жизнь, гдѣ онъ довольствуется тѣмъ, которое получено имъ въ наслѣдство отъ предковъ. Впрочемъ, химія имѣетъ свой особый языкъ формулъ, который предупреждаетъ всякую возможность смѣшенія понятій научныхъ съ обыденными.

Другое дѣло философія: у нея при совершенно различномъ содержаніи языкъ одинъ и тотъ же съ обыденнымъ сознаніемъ. Значеніе несогласія философскаго воззрѣнія съ обыкновеннымъ можетъ, по мнѣнію Гилярова, быть двоякимъ. „Или, оставаясь уединенною системой, болѣе или менѣе послѣдовательно проведенною, несогласіе это составитъ личное философское убѣжденіе самого творца и нѣсколькихъ его послѣдователей, изучившихъ систему въ полномъ проведеніи понятій; лемматически

[1] *Русская Бесѣда* 1859 г., кн. III. Критика, стр. 1, примѣч.

войдетъ, можетъ быть, и въ изложенія нѣкоторыхъ низшихъ наукъ, въ видѣ основоположеній, въ которыхъ онѣ нуждаются. Или же, когда положенія, выведенныя философіей, вполнѣ подойдутъ подъ требованія времени, приготовленныя развитіемъ въ прочихъ сферахъ жизни,—религіозной и общественной,— они проникнутъ все образованіе, станутъ тѣмъ, что называется ходячими идеями времени, и образуютъ изъ себя уже не убѣжденіе, научно выведенное, а вѣрованіе, принимаемое безъ справокъ, и даже большинству неизвѣстное въ своемъ происхожденіи. Первый случай—наиболѣе обыкновенный; второй—болѣе рѣдкій и болѣе интересный къ изученію. Такое явленіе бываетъ обыкновенно въ изломѣ образованія, служитъ свидѣтельствомъ, что скоро наступаетъ новая эпоха историческая, съ новыми началами и новымъ направленіемъ духовной жизни. Чтобы духовныя потребности цѣлаго періода нашли себѣ выраженіе въ философской системѣ, для этого нужно, чтобъ предшествовалъ долгій опытъ, чтобы предварительно было много неудачныхъ попытокъ къ философскому выраженію идей времени: ибо философское самосознаніе является всегда позднѣе всякаго другого. Чтобы духовныя потребности могли успокоиться именно на воззрѣніи, которое въ началахъ своихъ противорѣчитъ обыденному сознанію, для этого нужно, чтобъ оно было вѣнцомъ всѣхъ попытокъ, окончательнымъ напряженіемъ духа къ историческому самоопредѣленію: ибо противорѣчіе является обыкновенно самымъ послѣднимъ опредѣленіемъ въ ряду другихъ, при историческомъ саморазвитіи всякаго односторонняго начала (а между тѣмъ никакое не является изъ жизни, прямо отрицающимъ обыденное сознаніе; если бы такое и явилось,—ему не можетъ предлежать значеніе въ исторіи). Итакъ, весьма интересно слѣдить этотъ изломъ образованія, это смѣшеніе противорѣчащихъ понятій, вращающихся въ образованіи, это постепенное каменѣніе нѣкогда осмысленныхъ понятій, переходъ изъ ихъ философски развитаго вида въ слѣпую стихію,—это внутреннее недоразумѣніе эпохи самой съ собою, эту всеобщую увѣренность, что всѣ говорятъ объ одномъ и томъ же, и между тѣмъ, несомнѣнный фактъ, что всѣ говорятъ о разномъ, и даже никто отчетливо самъ не знаетъ о чемъ. Внутри самой такой эпохи, конечно, некрасиво; въ воззрѣніи ея нѣтъ не только той внѣшней вѣрности, которая опредѣляется согласіемъ съ какими-либо посторонними началами, но даже нѣтъ той внутренней, относительной вѣрности, которая составляетъ болѣе или менѣе принадлеж-

ность всякой философской системы, взятой самой въ себѣ, какъ бы собственно ни были ложны ея начала, и которая бываетъ даже въ неразвитой жизни, поколику она все-таки вѣрно слѣдуетъ своимъ стихіямъ, какъ бы ни были ложны и односторонни самыя эти стихіи.

„Мнѣ кажется, что мы живемъ именно въ такую эпоху переходнаго образованія. Религіозно-общественныя начала, положенныя въ западно-европейскую исторію, вмѣстѣ съ разрушеніемъ древняго міра, въ продолженіе вѣковъ, вырабатывали и наконецъ образовали вполнѣ соотвѣтственныя формы жизни. Съ такъ-называемымъ возрожденіемъ наукъ эти формы стали искать себѣ соотвѣтственнаго выраженія въ системѣ отрѣшенной мысли. Развиваясь съ неудержимою стремительностію и съ тою необыкновенно правильною послѣдовательностію, которая, взятая одна сама по себѣ, въ состояніи была бы, повидимому, оправдать самыхъ ярыхъ защитниковъ мнѣнія о рефлективно-логическомъ характерѣ всемірнаго прогресса, [1] она нашла, наконецъ, искомое себѣ выраженіе въ системѣ Гегеля, раціонализмомъ которой, вмѣстѣ съ тѣмъ, она и вступила въ крайнее противорѣчіе съ обыденнымъ сознаніемъ. И тотчасъ она перестала быть тѣмъ, чѣмъ она есть, то-есть системой отрѣшенной мысли. Ея положенія обратились въ вѣрованія, принимаемыя безъ справокъ, безъ сознанія даже о ихъ происхожденіи, и съ потерей того внутренняго смысла, который онѣ имѣли въ системѣ, и который составляетъ ихъ сущность; положенія, чисто раціоналистическія, стали являться здѣсь и тамъ, рядомъ съ понятіями общаго смысла, идти съ нимъ бокъ-о-бокъ, и даже предъявлять себя за основы воззрѣній, стоящихъ вполнѣ на почвѣ обыденнаго сознанія, или же входить началами въ новыя системы, одинаково далекія отъ раціонализма и отъ общаго сознанія. Понятіе о рефлективно-логическомъ развитіи исторіи, раціоналистическое по своему началу, вдругъ стало въ послѣднія времена, безъ всякой оговорки, и вѣроятно не безъ удивленія для самого себя, во главѣ ученій, объясняющихъ бытіе

[1] Спѣшимъ оговориться. Этимъ словомъ мы вовсе не думаемъ отрицать всемірный прогрессъ, ниже—его логическій характеръ. Но мы думаемъ, что жизнь въ своемъ ходѣ слѣдуетъ нѣсколько иной логикѣ, нежели какую соблюдаетъ сознательная или рефлектированная на себя мысль Отожествленіе разумности въ ходѣ жизни съ разумностію въ ходѣ рефлектированной мысли есть собственно принадлежность раціонализма, и его-то мы отрицаемъ словами, къ которымъ дѣлаемъ это примѣчаніе. *Авт.*

міра путемъ химико-физіологическимъ. Тоже повторяется и съ другими понятіями, нашедшими свое окончательное опредѣленіе въ гегелевской системѣ; въ каждой современной книгѣ, имѣющей хоть сколько нибудь притязанія на мыслительность, мы находимъ эти понятія, забывшія свой первоначальный смыслъ, и еще не добывшія новаго, и между тѣмъ, при сочетаніяхъ своихъ съ другими, ясно показывающія, что въ нихъ скрыто лежитъ опредѣленіе, данное имъ Гегелемъ, и объясняемое единственно изъ его системы. Кто нынѣ, самъ того не подозрѣвая, не употребляетъ словъ „духъ", „разумъ", „идея", „дѣйствительность", именно въ томъ особенномъ смыслѣ, который исключительно усвоенъ этою системой? У кого не вертится на языкѣ тотчасъ слово „непосредственность", когда зайдетъ рѣчь о первонеразвитомъ состояніи духовной жизни? А между тѣмъ, этотъ терминъ, съ этимъ значеніемъ, собственно выработанъ Гегелемъ, и усвоеніе ему этого значенія строго можетъ быть оправдано только полнымъ признаніемъ всего раціонализма системы? И опять, рѣдкій однако, при употребленіи этого термина, знаетъ его послѣдній смыслъ; а еще болѣе рѣдкій держится при этомъ раціонализма въ общихъ своихъ убѣжденіяхъ.

„И нигдѣ собственно такъ не силенъ этотъ ежеминутный, безсознательный раздоръ сознанія, эта смутная неопредѣленность понятій, вышедшихъ изъ раціонализма, какъ въ литературѣ нашего отечества. Намъ какъ будто суждено хватать одни результаты мысли, безъ усвоенія самаго ея процесса. Можно смѣло сказать, что едва ли есть еще какая литература въ Европѣ (за исключеніемъ, разумѣется, нѣмецкой), для которой бы такъ привычны были философскіе термины, въ которой бы такъ сроднились они съ образованною рѣчью, въ которой бы такъ часто попадались они, когда дѣло идетъ даже вовсе не о философской матеріи. И въ то же время это вовсе не плодъ мышленія, это—простое заимствованіе готовыхъ понятій; и это заимствованіе вовсе не управляется и никогда не управлялось сознательно—разумнымъ началомъ; не вызвано и никогда не вызывалось глубоко прочувствованною потребностію; тутъ нѣтъ и не было никогда даже простого увлеченія формальною стройностію системы, забавнаго подъ часъ, но все-таки имѣющаго смыслъ. Нѣтъ; у насъ формальными стройностями системъ не увлекались, потому что самыхъ системъ не читали; жизненныхъ потребностей не чувствовали, потому что къ нимъ и не обращались. Все это наводненіе философскихъ словъ въ нашей ли-

тературѣ было дѣломъ пустой моды, безсмысленнаго случая, увлеченія *по наслуху*, самаго внѣшняго и самаго пустого изъ всѣхъ возможныхъ увлеченій. Мы живо помнимъ скорбь и негодованіе, которыя овладѣвали нами во времена самаго сильнаго разгара философскаго увлеченія нашей литературы,—и именно, увлеченія гегелизмомъ. На Гегеля ссылались; о немъ постоянно упоминали; его термины сыпались какъ градъ въ литературу; являлись даже цѣлые опыты журнальнаго философсвованія. Но, увы, достаточно было прочитать любую страницу для полнаго убѣжденія, что ни одинъ изъ передовыхъ тогдашнихъ мыслителей нашихъ не прочиталъ системы, которою онъ такъ увлекаетъ и себя и другихъ. И нужно было видѣть, съ какою непостижимою легкостію передовой человѣкъ перелеталъ отъ одного воззрѣнія къ другому, отъ одного увлеченія къ иному, совершенно противоположному и столь же внѣшнему. Убѣжденія мѣнялись, какъ платье, и все-таки имѣли видъ серьезныхъ убѣжденій, и возбуждали сочувствіе"...

Что̀ же разумѣетъ Гиляровъ подъ раціонализмомъ философіи и въ чемъ его отличіе отъ обыкновеннаго сознанія?

„Сознаніе, говоритъ Гиляровъ, различаетъ міръ внутренній и внѣшній. Оно различаетъ также двоякое ихъ взаимодѣйствіе, духовное, сферу знанія и желанія, и химико-физическое, сферу такъ-называемой животной жизни. Задача высшей мысли объяснить эти явленія и выразумѣть связь двухъ міровъ, или, что то же, отыскать ихъ общее начало. Само въ себѣ сознаніе довольствуется тѣмъ, что признаетъ это начало... Это признаніе и составляетъ сознаніе.... Сознаніе именно и есть не что иное, какъ постоянно свѣтящій ея вопросъ: *что?* присущій духу, при каждомъ его актѣ, при каждой мысли, при каждомъ изволеніи.. Въ сферѣ знанія оно спеціализуется, какъ требованіе истины, въ сферѣ дѣйствій, какъ требованіе правды."

И такъ, сознаніе довольствуется тѣмъ, что *признаетъ* различнымъ между собою явленіямъ общее начало; но мысль ищетъ не только признать, но и *знать*, чѣмъ оно есть само въ себѣ и какъ изъ него выходитъ все разнообразіе и къ нему относится. Это сфера разума, сфера логическихъ опредѣленій, различительныхъ категорій, множественности и частности, навертываемыхъ на основу, требуемую сознаніемъ.

„Рѣшая этотъ вопросъ о началѣ всѣхъ явленій въ своей сферѣ, разумъ дѣйствуетъ только отрицательно и, по существу своему, не можетъ дѣйствовать иначе. Онъ не зритъ непосред-

ственно вещей. *Такое зрѣніе принадлежитъ чувствамъ*, и изъ ихъ цѣльныхъ представленій снимаетъ онъ порознь отвлеченныя качества, которыя и складываетъ потомъ различнымъ образомъ. А высшаго всеначала не зрятъ внѣшнія чувства: о немъ только глухое сознаніе. И такъ изъ этихъ двухъ матеріаловъ разумъ долженъ созидать свой отвѣтъ на вопросъ о разъясненіи всеначала, и естественно можетъ дать отвѣтъ только отрицательный. *Онъ можетъ сказать только, что оно не есть, а не то, что̀ есть.* Все разъясненіе всеначала ограничивается простымъ перенесеніемъ факта, утверждаемаго сознаніемъ, въ сферу разума—превращеніемъ его изъ непосредственной внутренней увѣренности въ объектъ для мысли. *Ничего положительнаго тутъ собственно не прибудетъ*; останется то же знаніе, какое дано первоначальнымъ свидѣтельствомъ сознанія, только съ постановкой передъ нимъ того, что искомое начало *не* есть ни міръ внѣшній, ни міръ внутренній. Логической способности разума ничего не остается болѣе дѣлать. Заключеніе одно: или искомое знаніе для насъ вовсе недоступно, или—доступно, но можетъ быть достигнуто только совсѣмъ инымъ путемъ, *путемъ непосредственнаго реальнаго соотношенія съ предметомъ знанія*", то-есть любовью и вѣрой, доскажемъ мы недоговоренную мысль Гилярова.

„Не всегда однако, утверждаетъ Гиляровъ, при рѣшеніи сказанной задачи мысль охотно приходитъ къ такому заключенію. Гораздо чаще являлась мечта положительно обнять искомое начало однимъ внѣшнимъ знаніемъ, то есть тѣмъ, которое собирается отъ непосредственнаго наблюденія надъ явленіями опыта въ томъ и другомъ мірѣ, духовномъ и вещественномъ. А при этомъ естественно должна быть отвергнута, вопреки сознанію, какъ нейтральность искомаго начала, такъ и противоположность двухъ подчиненныхъ міровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ допустится ихъ отождествленіе, или, что то же, скрытное или явное отрицаніемъ одного изъ нихъ. Иначе, начало не могло явиться сознанію единымъ и внутреннимъ, что̀ составляетъ однако неотразимо неизбѣжное, прежде всѣхъ данное требованіе сознанія. Такимъ образомъ, является болѣе или менѣе обширный антропоморфизмъ, или перенесеніе явленій нашего духовнаго міра на міръ природы и объясненіе послѣдняго тѣми же самыми дѣятелями, какіе подмѣчаемъ въ нашей душѣ. Вся природа такому созерцанію представляется одухотворенною: въ каждой стихіи, въ каждой отдѣльной вещи живетъ совершенно такое же существо, какъ и мы; вмѣстѣ съ тѣмъ и верховному началу

вполнѣ усвоялось все человѣческое. Такимъ же образомъ являлся болѣе или менѣе проведенный механико-матеріализмъ, или перенесеніе, наоборотъ, явленій природы на міръ духовный, и затѣмъ—на высшее начало. Въ томъ и другомъ воззрѣніи перенесеніе явленій съ одного міра на другой, очевидно, равносильно было отрицанію того изъ нихъ, который объясняется предикатами противоположнаго. Приписывая чему-нибудь то, чѣмъ оно не есть, какъ то, чтò оно есть, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ бытіе его, какъ его. *Такой же точно характеръ имѣетъ раціонализмъ*—третье воззрѣніе, истекшее изъ того же предположенія возможности положительно обнять высшее всеначало внѣшнимъ знаніемъ. Здѣсь является то же перенесеніе, но уже не внутренняго міра на внѣшній и наоборотъ, а перенесеніе на тотъ и другой самаго взаимодѣйствія между ними, и именно—въ сферѣ знанія. Словомъ, раціонализмъ есть признаніе безграничныхъ правъ логическаго разума, и отожествленіе его со всѣмъ міромъ внутреннимъ и внѣшнимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и скрытое отрицаніе того и другого, а съ ними и самаго ихъ общеначала. Какъ антропоморфизмъ, вопреки сознанію, жертвуетъ всѣмъ для представленія человѣческой личности; какъ механико-матеріализмъ хочетъ вездѣ видѣть то, что, по свидѣтельству сознанія, свойственно только неодушевленной природѣ; такъ точно раціонализмъ, вопреки неотразимо—ясному внутреннему свидѣтельству, игнорируетъ все—ради самаго *знанія.*"

Мы не будемъ слѣдить за Гиляровымъ въ его крайне отвлеченномъ изложеніи возникновенія раціонализма (изъ положеннаго Декартомъ въ новую философію начала сомнѣнія) и постепеннаго его развитія черезъ Локка, Юма, Канте, Фихте, Шеллинга до Гегеля. Разъ высшее мышленіе начинаетъ свою работу съ сомнѣнія, разъ оно раздираетъ съ самаго начала нераздѣльную вѣчно присущую увѣренность сознанія, то естественно въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ оно должно прійти къ отрицанію всего, кромѣ себя самого. Такимъ образомъ въ развитіи раціонализма постепенно исчезалъ міръ внутренній и внѣшній, наконецъ у Гегеля исчезло въ его системѣ все пребывающее: все есть только дѣятельность и только идеальная дѣятельность, то есть мышленіе.

По Гегелю „бытіе" есть мысль и кромѣ мышленія не существуетъ ничего. Нѣтъ ни безконечнаго существа, ни конечной природы, ни мыслящаго; никакого особаго объекта, которому бы принадлежало мышленіе, никакого особаго объекта, о которомъ

бы оно мыслило: словомъ, нѣтъ ничего реальнаго, пребывающаго, ничего такого, о чемъ говорили доселѣ: „оно есть", разумѣя подъ симъ, что это не пустое мышленіе. Существуетъ, напротивъ того, только эта среда между мыслящимъ „я" и мыслимымъ предметомъ, или самое мышленіе, то-есть то, о чемъ говорили доселѣ: „это не существуетъ, это мысль одна". Можно выразиться и иначе. Существуетъ все и верховное существо, и природа, и человѣкъ, существуетъ все реальное, но только поколику мыслится и какъ мыслимое. Говоря другими словами, мышленіе есть дѣятельность совершенно творческая: оно мыслитъ о себѣ самомъ и мысли его имѣютъ полную дѣйствительность. Всякая мысль сама по себѣ есть уже бытіе; и бытіе чего бы то ни было тотчасъ возникаетъ черезъ возникновеніе мысли, и въ этой самой мысли. Выразимся такъ или иначе, результатъ будетъ одинъ: бытіе и мышленіе есть одно и то же. Гдѣ есть мысль, тамъ есть и реальное бытіе, потому что нѣтъ другого бытія кромѣ мысли; и наоборотъ, гдѣ бытіе, тамъ и мысль, опять по тому же... Если все есть мысль, и мысль есть реальное бытіе, то, очевидно, философія, какъ система мыслимыхъ законовъ сущаго, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и система дѣйствительныхъ законовъ сущаго,—дѣйствительной сущности сущаго"... „Естественно, что всѣ понятія и положенія раціонализма имѣютъ вполнѣ законную силу, коль скоро относить ихъ исключительно къ міру рефлективной мысли,—мысли устремленной на себя, отрѣшенно отъ міра дѣйствительнаго, — не распространять на самую дѣйствительность, не отожествлять съ законами чисто объективными, и тѣмъ болѣе не придавать имъ значенія *всеобще*-реальныхъ началъ. Однимъ словомъ, въ сферѣ субъективной логики раціонализмъ вполнѣ вѣренъ: раскрыть ея законы было его историческою задачей. Здѣсь онъ оказалъ безсмертную услугу, и едва ли кто въ этомъ пойдетъ далѣе его: ибо историческія задачи мысли по два раза вполнѣ не повторяются. Естественно, наоборотъ, что, коль скоро понятіе, раціоналистическое по своему происхожденію, изъявляетъ притязаніе быть началомъ реальнымъ, оно требуетъ повѣрки, и тѣмъ болѣе внимательной и осторожной, что, при усвоеніи себѣ его, обыкновеное сознаніе легко вдается въ самообольщеніе. Термины, употребляемые обыкновеннымъ сознаніемъ для обозначенія реальныхъ сущностей, суть тѣ же самые, которые употребляетъ раціонализмъ, но со скрытымъ предположеніемъ, что это *только* понятіе. Такимъ образомъ, обыкновенное сознаніе, согласясь разъ

съ раціонализмомъ на терминъ самъ въ себѣ, легко можетъ согласиться потомъ и на его приложенія, не догадываясь, что эти приложенія суть уже чисто раціоналистическія и отходятъ отъ его основовоззрѣнія. Словомъ, здѣсь повторяется та же исторія о тожествѣ словъ и различіи содержанія, которая уже не разъ упоминаема была нами выше. Изъ числа безчисленныхъ примѣровъ самообольщенія, въ которое вовлекаетъ себя сознаніе, укажемъ на одинъ, ежедневно встрѣчающійся въ литературѣ. Что̀ можетъ быть обыкновеннѣе, какъ употребленіе личной формы рѣчи, при разсужденіи о безличныхъ предметахъ? „Наука признаетъ то-то", „искусство поставляетъ себѣ задачу такую-то", „жизнь высказываетъ то-то" и проч.,—такія фразы встрѣчаются нынѣ на каждомъ шагу. Эти фразы, конечно, вполнѣ и допустимы въ особо-фигуральномъ значеніи. Но не всякій, кто ихъ употребляетъ,—а употребляетъ ихъ всякій,—ясно держитъ предъ сознаніемъ эту фигуральность значенія; а еще болѣе рѣдкій знаетъ, что повсюдное употребленіе такихъ оборотовъ внесено именно не далѣе, какъ съ господствомъ раціоналистической философіи, которая ихъ всеосвятила, и для которой они имѣютъ вовсе не фигуральное, а вполнѣ собственное значеніе. Изъ представленнаго выше изложенія всякій легко пойметъ, что, сообразно съ воззрѣніемъ этой философіи, „наука", „искусство", „жизнь",—которыя въ сущности суть только сводныя понятія,—должны имѣть сами въ себѣ реальную цѣлостность, потому уже самому, что другой реальности, кромѣ реальности самихъ понятій, она не признаетъ; и что эта реальная цѣлостность гораздо еще реальнѣе самихъ живыхъ лицъ, въ которыхъ науки, искусство и жизнь обнаруживаются.

„Гегелизмъ усвоился; гегелизмъ сталъ ходячими мыслями; всосался въ міросозерцаніе эпохи: онъ сталъ вѣрованіемъ. Но какъ скоро это совершилось, онъ тѣмъ самымъ уже потерялъ тотъ смыслъ, какой имѣлъ въ самой системѣ, въ ея подробномъ выведеніи. Какъ мы видѣли, искусственное сознаніе, коль скоро несогласно съ обыкновеннымъ, никогда не можетъ завладѣть всецѣло жизнію человѣка; оно остается для него парааднымъ, пробавляя всю будничную жизнь обычнымъ воззрѣніемъ. Такимъ образомъ, принявъ гегелевы философемы въ удовлетвореніе темнымъ потребностямъ жизни, сознаніе, тѣмъ не менѣе, поняло ихъ по своему, въ томъ смыслѣ, въ какомъ онѣ должны представляться съ его точки зрѣнія, а не въ томъ, въ какомъ хотѣла видѣть ихъ сама система. „Что̀ разумно, то дѣйствительно, и что̀ дѣй-

ствительно, то разумно": къ этой фразѣ Гегеля, которую онъ любилъ повторять и которую не разъ объяснялъ, можетъ быть, главнымъ образомъ, сведенъ весь практически мысленный плодъ, принятый отъ его системы образованіемъ. И дѣйствительно, какъ легко судить изъ предшествующаго, фраза эта передаетъ самый сокъ системы. Въ сущности, она есть освященіе всякаго насилія теоріи надъ жизнію, фаталистически-бездушный оптимизмъ, по отношенію къ каждому ничтожному факту, соединенный съ полнѣйшимъ нравственннымъ безразличіемъ. Въ такомъ смыслѣ и принятъ былъ гегелизмъ большинствомъ; въ такомъ смыслѣ дѣлаемы были изъ него приложенія; съ этой точки зрѣнія выставлены были и первыя противъ него возраженія. И сколько ни старался Гегель объяснить своимъ противникамъ, что въ мысляхъ его совсѣмъ не было освященія ничему ничтожному и безнравственному; что слово „дѣйствительность" должно понимать выше, нежели какъ привыкло обыденное сознаніе; что въ смыслѣ его системы, именно, Богъ есть высшая дѣйствительность; сколько ни гнѣвался онъ на недоразумѣнія, сколько ни ссылался въ подтвержденіе на самую систему;—и противники его и, въ послѣдствіи, самые приверженцы остались при своихъ мнѣніяхъ. Явленіе понятное. Смыслъ, какой имѣло знаменитое изреченіе въ самой системѣ, зависѣлъ отъ проведеннаго по ней полнаго игнорированія всего, кромѣ мысли; и при этомъ условіи, объясненія Гегеля были, конечно, справедливы. Но обыкновенное сознаніе, съ которымъ встрѣтилась философема, войдя въ общее достояніе, вовсе не хотѣло, да и не имѣло нужды игнорировать сверхмысленную реальность; поэтому, оно тотчасъ перевело ее на свой языкъ; и въ этомъ отношеніи было еще болѣе право, нежели самъ Гегель: оно признало за его системой именно тотъ смыслъ, который принадлежалъ ей дѣйствительно, но въ которомъ она сама не умѣла себѣ сознаться.

„Гегелизмъ, съ полнымъ признаніемъ отрицанія, которое лежало въ глубинѣ его, составилъ credo крайней лѣвой гегелистической стороны; и, кто бы что ни говорилъ, ближайшее будущее европейскаго образованія несомнѣнно принадлежитъ ей. Понятно однако, съ принятіемъ этого воззрѣнія, необходимо долженствовала пасть вся искусственная постройка понятій, которая съ такою напряженностію выведена была въ системѣ самого Гегеля, и которая собственно для того и нужна была, чтобы закрыть этотъ смыслъ отрицанія, и придать воззрѣнію

значеніе положительнаго. „Чтò разумно, то дѣйствительно, и чтò дѣйствительно, то разумно“: но коль скоро такъ, то къ чему же тутъ еще слово „разумно“, прибавляемое къ указанію на дѣйствительность? Сличеніе дѣйствительности съ разумностію показываетъ еще, что для нея ищется и предполагается какое-то высшее начало. Но въ такомъ случаѣ само положеніе будетъ заключать въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Если для дѣйствительности есть начало, которому она должна подчиняться, то оно перестаетъ быть разумною сама по себѣ и для себя. Если же она сама по себѣ и для себя разумна, то не къ чему и искать для нея начала. Достаточно указать на нее саму: „чтò дѣйствительно, то дѣйствительно“; это служитъ уже для нея достаточнымъ оправданіемъ:—она сама для себя начало. Вотъ, въ немногихъ словахъ, процессъ мысли, которымъ отвергнута вся систематизація Гегеля, при полномъ признаніи ея выводовъ. Такимъ образомъ, признаніе безграничнаго владычества логики, само собою, совершенно послѣдовательно, перешло въ признаніе безграничнаго владычества факта, и съ тѣмъ вмѣстѣ, слѣдовательно, въ самый циническій атеизмъ въ основномъ началѣ, въ безграничный матеріализмъ въ своихъ приложеніяхъ, въ освященіе всякаго безумія и всякой безнравственности въ сферѣ мысли и воли, и въ полнѣйшее освященіе анархіи въ сферѣ жизни общественной. Однимъ словомъ, воззрѣніе, распоряжающееся наслѣдствомъ гегелизма, есть полнѣйшее отрицаніе вѣчно-присущаго сознанію вопроса „чтò“, которымъ заявляется каждой мысли и изволенію требованіе отъ нихъ истины и правды,—отрицаніе уже не скрытое и косвенное, а прямое и откровенное. Самое бытіе этого вопроса въ сознаніи новое воззрѣніе считаетъ предразсудкомъ, отъ котораго человѣчество должно освободиться.

„Понятно, что послѣ совершившагося самоубійства раціонализма, воззрѣніе, ставшее на его мѣсто, должно было перенести свои изслѣдованія въ другую сферу и искать полнаго своего выраженія въ рѣшеніи другихъ вопросовъ, а не вопроса о натурѣ мысли, какъ дѣлалъ это раціонализмъ. Приличные новому воззрѣнію вопросы открылись, по преимуществу, въ сферѣ политической экономіи, и, говоря вообще, въ сферѣ тѣхъ внѣшнихъ отношеній человѣчества промежъ себя и къ окружающей природѣ, которыми условливается чувственное наслажденіе. И это, по нашему мнѣнію, вполнѣ предопредѣляетъ основной характеръ, который понесетъ оно на себѣ въ исторіи. Задача,

которую оно себѣ взяло, столь же односторонняя, какъ и задача раціонализма, есть уже не перенесеніе міра внутренняго на міръ внѣшній, или, наоборотъ, ниже—перенесеніе на тотъ и другой взаимодѣйствія между ними, выражающагося въ сферѣ знанія, но перенесеніе на все того взаимодѣйствія между человѣкомъ и природой, которое совершается въ сферѣ животной, и объясненіе всего бытія тѣмъ химико-физіологическимъ процессомъ, который составляетъ сущность животной жизни. Назовемъ это—*инстинктуализмомъ*, въ томъ смыслѣ, что какъ раціонализмъ всеосвящалъ права логическаго разума, такъ новое воззрѣніе всеосвящаетъ права животнаго инстинкта, и во имя его отрицаетъ все остальное. Намъ кажется, что это названіе довольно удачно выражаетъ сущность возникающаго направленія, и обнимаетъ его вполнѣ, захватывая не только школу соціалистическую, которая служитъ ему крайнимъ выраженіемъ, но и всѣ тѣ односторонне политико-экономическія теоріи, которыя хотя враждебны соціализму, но, сами того не зная, стоятъ съ нимъ совершенно на одной почвѣ...“

Гиляровъ потомъ хотѣлъ изложить, какъ развивался *инстинктуализмъ*, какъ злоупотреблялъ онъ при этомъ чуждою ему идеей прогресса; какъ старался онъ вовлечь въ себя и объяснить изъ себя раціональность и гуманность; какъ въ своей положительной части тщетно старался онъ дать что-нибудь, кромѣ совершенно произвольнаго субъективнаго вымысла; и какъ вообще разрѣшается онъ, насупротивъ сухого раціонализма, въ тупо-безсмысленный эвдемонизмъ. Но этому желанію не пришлось осуществиться, какъ не пришлось исполниться его намѣренію издать подъ своимъ руководствомъ энциклопедическій словарь, въ которомъ бы подверглись критикѣ основы современной жизни съ восточной точки зрѣнія. Впрочемъ, въ области политико-экономической науки, къ которой онъ постоянно возвращался въ часы досуга отъ обязательныхъ своихъ трудовъ, онъ намъ оставилъ, правда въ набросках, лишенныхъ системы, рядъ драгоцѣнныхъ указаній на тѣ уклоненія отъ истиннаго пути, которыя сообщили экономическимъ вопросамъ послѣдняго времени такое напряженное и возбужденно-одностороннее направленіе.

Въ этомъ трудѣ своемъ, которому онъ предполагалъ дать названіе „Основныя начала экономіи“ или „Повѣрка основныхъ принциповъ экономіи“ [1], онъ выдвигалъ на первый планъ, за-

[1] Въ письмѣ къ И. Ѳ. Романову отъ 2 ноября 1886 г.

бытый западными учеными экономистами, элементъ духовный, къ которому вопросы экономическіе должны стать въ подчиненное положеніе [1]. „Матеріалистическое направленіе мысли, говоритъ Гиляровъ, повело къ тому, что вопросъ общественности объявленъ вопросомъ *желудка*, а отсюда односторонность въ опредѣленіи понятій о богатствѣ и цѣнностяхъ, и односторонній идеалъ общественнаго устройства, не знающій что дѣлать съ интеллектуальными отправленіями. Марксъ посмѣивается надъ *услугами*, введенными въ число экономическихъ элементовъ. Названіе дѣйствительно неудачно, но явленіе, имъ обозначенное, тѣмъ не менѣе существуетъ и принадлежитъ къ числу экономическихъ элементовъ... Куда, напримѣръ, дѣваться съ докторомъ, совѣты котораго не подлежатъ мѣрѣ и вѣсу, какъ аршинъ сукна съ эквивалентомъ извѣстныхъ часовъ работы.

Экономическая цѣль человѣка есть „возможно большее пріобрѣтеніе съ малѣйшимъ трудомъ: слѣдовательно, окончательная точка—пріобрѣтеніе или доступность *всего* безъ *всякаго* труда. Слѣдовательно, окончательная точка—*досугъ*. Слѣдовательно—пустота, ненаполненное время, потому что пища переваривается безъ жвачки. Отсюда оказывается, что самая экономическая цѣль есть средство для другой цѣли или наполненія, точнѣе—равновѣсіе растительной жизни есть средство для другой, духовной, и въ ней получаетъ смыслъ...

„Спустимся въ низшую животную жизнь. Помимо ѣды, спанья и половыхъ процессовъ, мы видимъ *игру*, имѣющую чисто гимнастическое, растительное значеніе, но свидѣтельствующее о досугѣ и намекающее на высшій процессъ, открывающійся только въ человѣкѣ, который между прочимъ одинъ способенъ даже къ *воздержанію*, то есть властенъ даже увеличивать досугъ и расширять время для духовной жизни.

„Уже по одной этой способности къ воздержанію духовная

[1] Интересно сопоставить съ излагаемымъ мнѣніемъ Гилярова слѣдующее мѣсто изъ письма К. Д. Кавелина къ Герцену, гдѣ Кавелинъ проектируетъ такое обращеніе къ университетской молодежи: „Начать съ того, что изучая науки общественнаго устройства, по преимуществу касающіяся экономическихъ отношеній и естественныхъ правъ человѣка, *не вѣрьте имъ*, какъ бы онѣ, повидимому, ни удовлетворяли; изучайте ихъ глубоко для того, чтобъ убѣдиться, что въ нихъ *забыто сердце;* изучайте для того, чтобы предать ихъ проклятію, изучайте ихъ для того, чтобы разрушить ихъ и создать новое зданіе. Не забывайте, что царство Христово еще нигдѣ не было на землѣ, что царствовала форма, а не сущность. Всѣ общества смѣются надъ истиной Христа, вездѣ душно, тѣсно сердцу...“

жизнь есть не только цѣль растительной, но она ею управляетъ; она даетъ бытіе самой экономіи, служитъ основаніемъ матеріальнаго прогресса. Не руки работаютъ надъ природой, изготовляя изъ нея способное къ растительному усвоенію благо, а *разумъ*. Мы должны признать, что субстанціей всякой стоимости есть не трудъ, а умъ, потому что самъ трудъ въ томъ же, даже болѣе точномъ смыслѣ есть воплощеніе ума, какъ продуктъ есть воплощеніе труда. Трудъ есть не элементъ, вошедшій въ химическій составъ продукта, а сила, приложенная къ матеріалу, двигатель. Двигатель же рукъ есть умъ. Слѣдовательно, стоимость приходится измѣрять количествомъ потраченнаго ума.

„Но здѣсь всякая мѣра исчезаетъ. Умъ рабочаго, пожалуй, можно отождествить съ его руками и назвать общимъ именемъ труда. Умъ въ этомъ случаѣ есть только маятникъ; но функція ума не ограничивается этимъ. Умъ распорядителя, умъ предпринимателя, умъ наконецъ изобрѣтателя: въ какомъ количественномъ отношеніи стоятъ они къ своему исполнителю—рукамъ? Во всякомъ случаѣ и съ этой точки зрѣнія трудъ не есть ни источникъ, ни мѣритель цѣнностей; то и другое есть умъ, истинная субстанція цѣнности. Умъ есть изобрѣтатель, слѣдовательно, родоначальникъ *стоимости*; онъ же есть цѣнитель, ибо опредѣляетъ потребности, которыя не представляютъ въ себѣ твердаго и неизмѣннаго; слѣдовательно, основанія *цѣнности* и слѣдовательно субстанція въ обоихъ направленіяхъ. Взявъ въ руки кусокъ хлѣба, я, по рецепту Смита и его послѣдователей, чтобы доискаться до начала его стоимости, долженъ представить себѣ всю цѣпь рабочихъ вспахавшихъ поле, посѣявшихъ, смоловшихъ, испекшихъ, продавшихъ хлѣбъ. Нѣтъ, чтобы быть справедливымъ и послѣдовательнымъ, я вспомню объ изобрѣтателяхъ огня, жернова, сохи, печи, закваски, телѣги и пр. и пр. Въ хлѣбъ воплощены всѣ эти изобрѣтенія, воплощены всѣ распоряженія по посѣву, размолу, перевозкѣ и печенью, всѣ наблюденія за всѣми послѣдовательными процессами, механическій же процессъ, въ томъ числѣ и исполненный руками рабочихъ, есть только примѣненіе. Заслуженно ли будутъ пользоваться рабочіе продуктомъ этихъ своихъ трудовъ или ихъ эквивалентовъ? Очевидно, нѣтъ, когда представимъ въ живыхъ всѣхъ не только наблюдателей и распорядителей, но и всѣхъ изобрѣтателей до изобрѣтенія огня включительно. Пусть матеріализмъ настоящаго вѣка отвергнетъ раздѣленія функцій труда на низшія и высшія, и умственную дѣятельность уравняетъ съ физическою. Но оста-

нется вотъ разница: изобрѣтатель незамѣнимъ; онъ есть монополистъ по природѣ, а мускулы замѣнимы. И не только изобрѣтатель, но распорядитель и наблюдатель. Не всякій рабочій способенъ быть десятникомъ, а всякій десятникъ уже есть способный рабочій. Способность къ мускульной работѣ есть перейденная ступень. А слѣдовательно, интеллектуальная сила есть не спеціальность, а высшая функція, Mehrwerth, добавочная стоимость, употребляя выраженіе Маркса, и слѣдовательно эквавалентъ, котораго заслуживаетъ умственный дѣятель за свое участіе въ производствѣ, заслуживаетъ несоизмѣримо большей преміи. *Несоизмѣримо* именно вслѣдствіе своей незамѣнимости... Ясно, что существующимъ экономическимъ устройствомъ болѣе всѣхъ обиженъ не рабочій, а интеллектъ".

Приведенный отрывокъ изъ недоконченнаго изслѣдованія Гилярова по политической экономіи уже показываетъ намъ ту совершенную особенность его взгляда, по которой оно, какъ самъ авторъ надѣялся, должно бы было, будь оно завершено, занять не послѣднее мѣсто въ европейской наукѣ. Эта особенность взгляда, прибавимъ мы, та же, какую мы видѣли въ изслѣдованіи раціонализма и которая выработалась у Гилярова на оселкѣ его критическаго юношескаго изученія Гегелевской философіи.

Вскорѣ послѣ появленія въ *Русской Бесѣдѣ* очерка Гилярова о раціонализмѣ онъ получилъ отъ нѣкоего Лаврова приглашеніе сотрудничать въ составленіи біографій русскихъ писателей по философскимъ предметамъ въ предполагавшемся въ 1859 году изданіи энциклопедическаго словаря.

„Общее мнѣніе въ Петербургѣ—писалъ Гилярову Лавровъ—приписываетъ вамъ прекрасныя статьи, помѣщенныя въ *Русской Бесѣдѣ* о раціонализмѣ и критику исторіи церкви Макарія. Это побудило меня, хотя я не имѣю удовольствія быть лично знакомымъ съ вами, обратиться къ вамъ съ просьбой о содѣйствіи. Вамъ можетъ быть извѣстно, что здѣсь собираются издавать полный энциклопедическій лексиконъ. Редакція философскаго отдѣла его поручена мнѣ. Я занимался философіей преимущественно по иностраннымъ сочиненіямъ, и потому недовольно хорошо знакомъ съ русскими дѣятелями по этой части. Не согласитесь ли вы принять на себя сотрудничество по біографіямъ русскихъ писателей по философскимъ предметамъ? Условія сотрудничества будутъ слѣдующія:

1) За печатный листъ вы будете получать 90 руб. сер., считая построчно, по выходѣ въ свѣтъ каждаго тома.

2) Такъ какъ лексиконъ этотъ есть лексиконъ фактовъ, то въ общихъ чертахъ программа каждой біографіи должна быть слѣдующая: Въ нѣсколькихъ строкахъ годъ рожденія, смерти (если лицо умерло) и самая общая характеристика лица, о которомъ идетъ рѣчь. Біографическія свѣдѣнія, литературные труды, съ очеркомъ ихъ содержанія, если они важны. Указаніе, болѣе или менѣе подробное, смотря по значенію писателя, той иностранной школы мыслителей, къ которой онъ наиболѣе подходитъ; въ чемъ съ нею сходился и въ чемъ расходился. Библіографическія свѣдѣнія о матеріалахъ біографіи. Похвала и порицаніе должны быть одинаково чужды лексикону, по самому его плану.

3) Ваше имя, или заглавныя буквы его, будетъ выставлено подъ статьями. Если бы я имѣлъ возможность дополнить которую нибудь статью свѣдѣніями, доставленными мнѣ другими сотрудниками, то я васъ извѣщу заранѣе о подобномъ пополненіи, и оба имени будутъ стоять рядомъ подъ статьей.

4) По условію, заключенному издателями, ни редакторы, ни сотрудники не имѣютъ права статью свою, напечатанную въ полномъ энциклопедическомъ лексиконѣ, перепечатывать въ другой лексиконъ.

5) Такъ какъ изданіе лексикона есть работа срочная и матеріалъ на каждый томъ заготовляется заранѣе, то редакторъ отдѣла поставленъ въ необходимость назначать сотруднику срокъ, что впрочемъ я постараюсь дѣлать заблаговременно.

„Если вамъ угодно будетъ принять мои условія, то я васъ прошу удостоить меня отвѣтомъ въ возможно скоромъ времени. Вслѣдъ за тѣмъ я попрошу васъ доставить мнѣ списокъ русскихъ писателей (умершихъ и живыхъ), которые составляютъ нашу философскую литературу (не весьма обширную), чтобы не пропустить чьего-нибудь имени въ алфавитѣ".

Не знаемъ, какой послѣдовалъ отвѣтъ Гилярова на это предложеніе Лаврова, но намъ извѣстно, что самое предпріятіе съ изданіемъ полнаго энциклопедическаго лексикона не состоялось: начатый было словарь прекратился, кажется, на пятомъ выпускѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кн. Н. Шаховской.

ПОДЪ РАЗНЫМИ ФЛАГАМИ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава VII.

Подъ пѣсни самовара.

Дворянская улица не длинна, и, какъ ни медленно шли мои дамы, занятыя разговоромъ, все-же скоро дошли. Онѣ очутились передъ высокимъ крылечкомъ дома—одноэтажнаго, деревяннаго, съ палисадникомъ на улицу—гдѣ Кощилинъ занималъ квартиру, которая на этотъ разъ оказалась ярко освѣщенною. За отсутствіемъ уличныхъ фонарей, свѣтъ изъ оконъ выдѣлялъ даже кусты георгинъ, мальвъ и часть усыпанной пескомъ дорожки.

— Мой Паша, значитъ, дома,—замѣтила Татьяна Семеновна,—и должно быть не одинъ...

Она взялась за колокольчикъ, и какъ только отперли входную дверь, къ дамамъ совершенно явственно донесся чей-то мужской голосъ, рѣзкій и высокій. Легко было разслушать не только отдѣльныя слова, но даже цѣлыя фразы.

— Вотъ легокъ на поминѣ! проворчала вполголоса добрѣйшая Татьяна Семеновна.

— Кто?

— Сербинъ Егоръ Ивановичъ... Зато и братецъ вашъ у насъ же оказывается.

Кощилина не ошиблась.

Въ небольшой, но опрятной комнатѣ, о двухъ окнахъ на улицу, сидѣли за самоваромъ самъ Павелъ Андреевичъ—въ роли довольно неискусной хозяйки — молодой Незнамовъ и Егоръ Ивановичъ Сербинъ.

Нечего и говорить, что появленіе дамъ повлекло за собой обычныя послѣдствія. Кощилинъ очень поспѣшно и съ превеликимъ удовольствіемъ передалъ чайное хозяйство женѣ; а Егора Ивановича, по заведенному обряду, тотчасъ-же познакомили съ Ольгой Сергѣевной.

Нелюдимый старикъ почти ласково поглядѣлъ на дѣвушку и выразилъ, что онъ считаетъ себя счастливымъ, встрѣчая въ лицѣ Ольги Сергѣевны—этого доселѣ неизвѣстнаго ему члена знаменитой семьи—новое и ослѣпительное доказательство той любимой истины, что полный всесторонній расцвѣтъ человѣчества возможенъ только при подборѣ выдающихся силъ.

— Паша! обратилась къ мужу Татьяна Семеновна,—Вадимскій хочетъ тебя видѣть и зайдетъ завтра утромъ.

— Какъ! Вадимскій здѣсь?

— Здѣсь. Я было приглашала его къ намъ теперь-же, чай пить; но онъ раньше пообѣщалъ о. протопопу.

— Да, да, да! Вѣдь къ протопопу дочь пріѣхала вмѣстѣ съ мужемъ, съ о. Николаемъ. Все друзья Вадимскаго... Ну, теперь ихъ тамъ водой не разольешь, разумѣется.

— Это какой-же о. Николай? откуда? спросилъ Сербинъ.

— Благовѣщенскій, изъ Лукьяновки; покойнаго о. Василія, знаменитаго-то—помните—родной племянникъ.

— Ахъ, чудодѣя этого!

— Изъ Лукьяновки! сообразила Ольга Сергѣевна.—Да вѣдь это нашъ приходъ, кажется?

— Разумѣется, кивнула ей головой Татьяна Семеновна.—А вы и не знали, что вашъ священникъ женатъ на дочери здѣшняго протопопа? Какъ-же! Какъ-же! Покойный о. Василій самъ и невѣсту ему эту выбралъ, и приходъ назначилъ.

— Вы вотъ назвали покойнаго чудодѣемъ, съ недовольнымъ видомъ обратился къ Сербину Павелъ Андреееевичъ.—Это... дѣло вашей совѣсти, конечно... Но согласитесь, что о. Василій сдѣлалъ много добра, и самъ лично былъ человѣкомъ истинно святой жизни.

Сербинъ пожалъ плечами.

— Можетъ быть... Притомъ, какъ понимать эти вещи, съ какой точки зрѣнія... Что-же, и племянникъ его, по примѣру дядюшки, чудеса творитъ?

— Чудесъ онъ не творитъ. Но вся его жизнь есть своего рода подвигъ и чудо—подвигъ любви и чудо самоотверженія.

— Вотъ какъ?—сухо замѣтилъ Сербинъ.—Ну, и слава Богу.

Но для любопытной Ольги Сергѣевны этого было мало.

— Въ чемъ же выразилось такое его благочестіе?—спросила она Кощилина.—Въ какихъ именно подвигахъ?

— Начать хоть съ опредѣленія его на мѣсто. Нашъ архіерей безмѣрно уважалъ о. Василія, а потому и племянника его назначилъ было съ-оника въ одинъ изъ богатѣйшихъ приходовъ губернскаго города. Но молодой человѣкъ не только не пришелъ въ восторгъ, а тутъ же, не раздумывая, поклонился преосвященному въ ноги и просилъ, какъ милости, отправить его куда-нибудь въ деревню. „Почему?"—удивляется епископъ. „Потому—докладываетъ семинаристикъ,—что, по неспособности, учился я туго и плохо, сколько ни прилагалъ стараній. Какой же изъ меня можетъ выйти пастырь душъ для города, если здѣсь каждый недоучившійся студентъ въ правѣ насмѣяться надъ моею убогостью? А въ деревнѣ, между простецами, можетъ быть, и я еще пригожусь"...

— Однако, самолюбивый же попишка!—вставила Ольга Серевна.—Съ амбиціей!

Павелъ Андреевичъ какъ былъ съ открытымъ ртомъ, такъ и онѣмѣлъ въ этомъ положеніи, озадаченный скептическимъ замѣчаніемъ петербургской дѣвицы.

— Вы такъ это объясняете?—воскликнулъ онъ съ растерянньмъ видомъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Конечно. А то какъ же?

— Уфъ!.. Но почему не предположить, что будущій священникъ дѣйствительно сознавалъ слабость своихъ силъ, дѣйствительно стремился честно и свято выполнить свои обязанности и, ради этого, охотно пожертвовалъ матеріальною выгодой.

— Разумѣется, можно и такъ.. Но вѣрнѣе предполагать что-нибудь правдоподобное и обычное.

Павелъ Андреевичъ замолчалъ, и Ольга Сергѣевна тотчасъ замѣтила, что она непріятно затронула его своими возраженіями, а потому заговорила уже въ примирительномъ тонѣ.

— Впрочемъ, мало ли что случается на свѣтѣ; вѣра дѣйствительно горами двигаетъ... Ну, какія же чудеса творилъ покойный о. Василій?

— Не знаю-съ, какъ вамъ сказать... Можетъ быть, это даже не чудеса совсѣмъ. Но дѣйствительно покойный старичокъ священникъ велъ жизнь столь строгую и святую, что наши уѣздные темные людишки сходились къ нему толпами за благословеніемъ и молитвой. Онъ же никому не отказывалъ, какъ бы утомленъ ни

былъ; даже и умеръ въ храмѣ, кое-какъ дослуживъ свою послѣднюю обѣдню: вышелъ съ крестомъ, народъ, какъ всегда, повалилъ прикладываться, но едва прошелъ первый десятокъ—онъ вдругъ громко произнесъ: „Простите, добрые христіане и братья!“ опустился на полъ и черезъ двѣ минуты скончался съ крестомъ въ рукахъ. Что тутъ было слезъ и горя!.. Да-съ, какъ гдѣ, а у насъ на святой Руси подобныя явленія не такъ ужъ и рѣдки, слава Богу, даже, можно сказать, никогда не переводятся совсѣмъ. Какъ ни темно, ни страшно вокругъ—все гдѣ-нибудь, глядишь, словно тоненькая восковая свѣчка, теплится свѣтлою искоркой жизнь, угодная Богу. Только, разумѣется, у насъ въ провинціи не то, что гдѣ-нибудь на виду, возлѣ столицъ, напримѣръ; все дѣлается гораздо тише, почти безъ газетнаго зыка. Мы вѣдь народъ на подъемъ не скорый, а главное—застѣнчивый и робкій; думаемъ про себя...

— Ну, и что же, эти люди, приходившіе къ о. Василію за молитвой и благословеніемъ, удостоивались какихъ-либо особыхъ знаковъ милости Божіей?—спросила Ольга Сергѣевна.

— Да, получали многіе. Кто исцѣленіе тѣла, кто избавленіе отъ бѣдствія, кто указаніе пророческое, либо нежданное разоблаченіе самой недоступной тайны...

— А такіе случаи дѣлались тогда же извѣстными? и часто они повторялись?

Павелъ Андреевичъ улыбнулся.

— Развѣ ихъ сочтешь! Стекались люди сотнями.

— А вамъ самимъ, лично, случалось знать какого-нибудь прозрѣвшаго слѣпца, исцѣлившагося хромого, или вообще видѣть что-нибудь подобное?

— Случалось, Ольга Сергѣевна. Вотъ вамъ и поводъ посмѣяться надъ моимъ невѣжествомъ. Но мы, здѣшніе темные люди, еще не умѣемъ цѣнить свою собственную особу выше всего на свѣтѣ; потому-то я и буду свидѣтельствовать истину всегда, вездѣ и передъ всѣми, хотя бы меня разславили за это полнѣйшимъ идіотомъ.

— Съ какой стати? У всякаго свои убѣжденія; хотя, разумѣется, по нынѣшнимъ временамъ о чудесахъ рѣдко приходится слышать.

— Ну, не такъ ужъ и рѣдко, какъ это кажется тѣмъ, кто не хочетъ слушать. Вообще не понимаю, почему благодать Божія несовмѣстима съ какимъ бы то ни было временемъ или наукой.

— Однако, что случилось именно съ вами? Чему вы лично были свидѣтелемъ?

— Исторія въ сущности самая простая. Моя дочь Лиза, тогда еще трехлѣтній ребенокъ, заболѣла воспаленіемъ въ мозгу, и доктора признали ее безнадежною. Но о. Василій, по моей просьбѣ, отслужилъ надъ болящею молебенъ, возложилъ на нее руки—и дѣвочка спокойно заснула, а затѣмъ стала быстро выздоравливать. Теперь она чуть ли не самая здоровая и способная изъ моихъ четверыхъ ребятишекъ. Вотъ и все. А судите объ этомъ, какъ вамъ угодно.

Съ минуту всѣ помолчали.

— Однако, Павелъ Андреевичъ,—мягко замѣтила Ольга,—согласитесь, что Богъ создалъ извѣстные законы не для того же, чтобы отмѣнять ихъ по молитвамъ того или другого изъ священниковъ.

— Не знаю-съ. Усвоить себѣ мысль Господа для меня такъ же невозможно, какъ, напримѣръ, охватить солнце руками...

— Скажите, и о. Василій самъ вѣрилъ, будто онъ исцѣляетъ безнадежно больныхъ или вообще творитъ чудеса?

— Едва ли-съ. Когда я вздумалъ благодарить его за спасеніе дочери, такъ онъ почти изъ себя вышелъ. „Маловѣръ!" говоритъ. „Язычникъ! Опомнись, что̀ ты плетешь? Все же ты не вовсе темный человѣкъ, а первый сѣешь соблазнъ среди малыхъ сихъ. Смотри-ка! Господь даровалъ человѣку великую свою милость по его же умиленной молитвѣ; а онъ—Бога-то и не замѣтилъ: попу въ ноги кланяется!! Безумецъ! Ну, что̀ *я* для тебя сдѣлалъ? Молебенъ отслужилъ да помолился вмѣстѣ съ тобой? Такъ вѣдь это даже обязанность каждаго попа... О, маловѣры, маловѣры! Согрѣшишь, право, съ вами, изо всякаго терпѣнія выйдешь".

— Вотъ какъ!.. А вы что же?

— А я спроста еще дерзнулъ возразить. Однако,—говорю,—по нашимъ грѣшнымъ молитвамъ, безъ вашего святого заступленія, Богъ чудесъ не дѣлаетъ. Какъ вскинется на меня о. Василій! „Какъ не дѣлаетъ? Что̀ ты мелешь, нечестивецъ? А ты лучше спроси у своей совѣсти, въ самомъ дѣлѣ ты молился, или только безсмысленно лопоталъ заученныя слова? вѣрилъ ты всей душой или больше полагался на десятикопѣечный порошекъ изъ аптеки? любилъ ты Отца всяческія любви всѣмъ твоимъ сердцемъ и разумомъ или только хитрилъ передъ Нимъ, какъ рабъ лѣнивый и лукавый?.. И еще о какихъ чудесахъ ты толкуешь? Гдѣ ты видѣлъ чудо? Если твоя дѣвочка попроситъ тебя починить сломанную куклу,—вѣдь ты это сдѣлаешь? Да̀? Такъ по-

чему же Господь не исполнитъ молитву своего чада? Или ты добрѣе Его? Даже Церковь учитъ словами Христа, Господа нашего: „толцыте и отверзется, просите и дастся вамъ“. Что можетъ быть естественнѣе, и послѣдовательнѣе, и проще этого? Связь причины со слѣдствіемъ—явленіе самое обычное, повседневное, которое только безумецъ можетъ почесть за чудо, и которое сотни разъ проходитъ незамѣченнымъ. Человѣкъ, истинно вѣрующій, молится со спокойнымъ убѣжденіемъ, что по молитвѣ и дастся ему, потому что иначе даже не бываетъ“.

— Какъ! Значитъ всякая молитва непремѣнно исполняется?— воскликнула Ольга Сергѣевна.

— Вотъ такъ-то и я удивился, — спокойно замѣтилъ Кощилинъ.—И даже спросилъ именно этими словами.

— Ну? а о. Василій?

— „Разумѣется, говоритъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ искренняя молитва исполняется. Приглядись, самъ убѣдишься“. И дѣйствительно, я потомъ вполнѣ убѣдился. „Но вѣдь и ты, говоритъ,—не дашь своей дѣвочкѣ просимую конфетку, если знаешь, что она ядовитая. Господь видитъ подальше нашего“.

На минуту всѣ примолкли.

— Жоржъ! Какъ вы думаете о чудесахъ?—вдругъ обратилась дѣвушка къ своему двоюродному брату.

— Я? А что я могу думать? Мы кое-какъ, очень плохо и недостаточно изучили покуда законы матеріальнаго міра; но о законахъ міра сверхчувственнаго и вліяніи ихъ на матерію не имѣемъ ни малѣйшаго понятія. Кто въ самомъ дѣлѣ поручится, что о. Василій былъ не правъ? что всѣ такъ-называемыя чудеса не являются лишь самыми естественными фактами и необходимыми послѣдствіями невѣдомыхъ намъ законовъ сверхчувственной области? О чемъ можемъ мы говорить утвердительно, если только въ самое послѣднее время наука приподняла край таинственной завѣсы, скрывавшей явленія гипнотизма, сомнамбулизма, мысленнаго внушенія и т. под.? Но даже эти явленія еще очень грубы, они очевидно оказываются лишь связью, пограничною чертой между чувственною и сверхчувственною стороной мірозданія. Слѣдовательно, что можемъ мы утверждать, либо отрицать, хотя бы съ нѣкоторымъ основаніемъ? Болѣе чѣмъ когда-нибудь умѣстно здѣсь изреченіе древняго мудреца: „Я знаю только то, что ничего не знаю“.

Ольга Сергѣевна смотрѣла на своего двоюроднаго брата съ нескрываемымъ удивленіемъ, до такой степени рѣчь его была

несходна съ обычнымъ его образомъ мысли. Зато Кощилинъ пришелъ въ настоящій восторгъ—и низко, въ поясъ поклонился Георгію Алексѣевичу.

— Я въ первый разъ слышу,—сказалъ онъ,—мнѣніе настоящаго ученаго по этому вопросу и радуюсь, что настоящая наука, по крайней мѣрѣ, ничего еще не отрицаетъ. Это мнѣ истинный праздникъ! Я плохой богомолецъ, что̀ и говорить; я весь погрязъ въ житейскихъ мелочахъ, но все-таки чувствую, что если бы у меня отняли вѣру, то этимъ разбили бы не только надежнѣйшій компасъ моего житейскаго плаванія, но уничтожили бы во мнѣ самый нервъ жизни, самую охоту жить... Къ чему тогда вся эта кукольная комедія существованія?

— Природа не станетъ отвѣчать на ваши вопросы,—проворчалъ Сербинъ,—а просто говоритъ: живи, потому что *я* такъ хочу.

— Скажите, ну, и каковъ же вышелъ этотъ племянникъ о. Василія?—воскликнула Ольга Сергѣевна. — Какъ онъ теперь живетъ?

Татьяна Семеновна очень удивилась; даже руками всплеснула отъ недоумѣнія.

— Ольга Сергѣевна, голубушка! О чемъ же вы спрашиваете? Вѣдь отецъ-то Николай въ вашемъ приходѣ священникомъ; вы, значитъ, лучше насъ знаете.

— Въ томъ-то и бѣда, что не знаю,—слегка покраснѣла дѣвушка.—Какъ-то не случилось...

— О. Николай живетъ бѣдно,—объяснилъ Кощилинъ съ нѣкоторою холодностію.—Живетъ не лучше любого крестьянина, и тѣмъ же крестьянскимъ трудомъ, потому что самъ пашетъ свою землю.

— Развѣ приходъ такъ бѣденъ?

— Напротивъ. Но о. Николай за всѣ требы не беретъ ничего, кромѣ добровольныхъ приношеній; а чтобы причетники не обижались на сокращеніе доходовъ, разъ навсегда уступилъ имъ свою часть.

— Какъ же на это смотритъ его семья?

— Дѣтей у него нѣтъ, только жена, дочь здѣшняго соборнаго протоіерея, и дочь единственная, замѣтьте. Дѣвушка, конечно, была балованная. Но женился онъ на ней по выбору и благословенію своего дяди, о Василія. Теперь бывшая балованная модница съ веселымъ сердцемъ ходитъ въ затрапезномъ платьѣ, пьетъ чай только по праздникамъ, сама доитъ корову, сама таскаетъ ведра съ водой... Живутъ они душа въ душу.

— Почему же имъ богатый тесть не помогаетъ?

— Помогалъ бы вдесятеро; да вѣдь о. Николай принимаетъ только крайне необходимое. По его мнѣнію, служителю Церкви пристойнѣе быть бѣднякомъ. „Я, говоритъ, и такъ слабъ духомъ; дяди теперь нѣтъ, чтобы поддержать меня. Долго ли, молъ, нагрѣшить съ этимъ богатствомъ? Искусишься, прилѣпишься къ тлѣнному, а вѣчное—упустишь. Вотъ тебѣ и угодилъ мамону!“

— И жена его съ этимъ согласна?

— Даже очень. „Мнѣ, говоритъ, мой оборванный батька Николай во сто разъ милѣе вашихъ городскихъ поповъ въ шелковыхъ подрясникахъ“.

— Ну, право, васъ точно сказку слушаешь!—воскликнула Ольга Сергѣевна.

„Да!“ подумала она, вспоминая свои впечатлѣнія въ соборѣ. „Мы, городскіе книжники, привыкшіе къ своему тѣсному кружку, гдѣ дѣйствительно всего меньше услышишь о религіи, вообразили себѣ, будто этотъ „старый хламъ“ вмѣстѣ съ нами упразднило все человѣчество... А на повѣрку-то онъ все еще чуть не горами двигаетъ!“

Заговорилъ Егоръ Ивановичъ Сербинъ своимъ непріятнымъ, тихимъ, но какимъ-то свистящимъ голосомъ.

— Еврейство,—замѣтилъ онъ,—всегда является болѣзнетворнымъ и разрушающимъ элементомъ въ человѣчествѣ. Теперь его выдающіеся люди сдѣлались пророками соціализма, этой острой горячки нашего вѣка. А девятнадцать столѣтій тому назадъ оно же, еврейство же, отравило человѣческій духъ черною меланхоліей туманныхъ идеаловъ, аскетическихъ подвиговъ, скорби о недосягаемомъ и непостижимомъ,—словомъ, тѣмъ противоестественнымъ и жестокимъ ученіемъ, которое, убивъ наповалъ свѣтлое, жизнерадостное и здоровое міровоззрѣніе древнихъ грековъ, до сихъ поръ живетъ въ массахъ, до сихъ поръ поглощаетъ милліоны жертвъ матеріальныхъ и духовныхъ, до сихъ поръ, несмотря на всѣ усилія науки, удерживаетъ человѣчество на ложномъ и гибельномъ пути.

— Какъ! Вы отрицаете даже историческую миссію христіанства?—воскликнула Ольга Сергѣевна, на этотъ разъ искренно возмутившись.—Называете отравой чистѣйшую и благороднѣйшую изъ всѣхъ проповѣдей нравственности?!

— Конечно, называю,—очень спокойно согласился Сербинъ.—Что же дала намъ эта чистѣйшая проповѣдь?

— Да хотя бы понятіе о братствѣ людей.

— Покорно благодарю. Именно это прекрасное понятіе низвело гордыя вершины человѣческаго генія до уровня болотной повседневности, окрасило радужныя крылья силы, воли, стремленій въ сѣренькій цвѣтъ пошлой безличности и кисельнаго бездѣйствія.

— Помилуйте, развѣ не христіанская проповѣдь сокрушила, напримѣръ, рабство!

— Конечно. Это одинъ изъ ея великихъ грѣховъ передъ цивилизаціей человѣчества.

— Сокрушеніе рабства—грѣхъ передъ цивилизаціей?!

— Еще бы. Но мало ли истинъ, отъ которыхъ намѣренно отворачиваются люди... со слабыми нервами. Цивилизація создается не невѣжественною толпой, а геніальными усиліями единичныхъ, исключительныхъ личностей, которымъ некогда чинить свое платье, либо варить уху на шампанскомъ. Между тѣмъ именно отсутствіе этой ухи въ данную минуту, можетъ быть, лишаетъ міръ великой идеи.

— Въ исторіи, однако, мы что-то не видимъ благодѣтельныхъ результатовъ рабства.

— Какъ не видимъ? Вся исторія полна примѣрами. Почему аѳиняне достигли такого колоссальнаго развитія личныхъ способностей, единственнаго въ своемъ родѣ? Почему ихъ писатели, мыслители и художники до сихъ поръ царятъ на недосягаемыхъ вершинахъ? Очень просто. Ихъ было счетомъ какихъ-нибудь двадцать тысячъ гражданъ среди цѣлаго населенія рабовъ. Затѣмъ то же явленіе, но уже не въ столь чистой формѣ, повторилось у римлянъ. Зато, когда появились свободные германцы—дѣйствительно свободные и равноправные—чтó принесли они съ собой, кромѣ крѣпкихъ кулаковъ да темнаго невѣжества? Ученый нѣмецъ появляется на свѣтъ лишь очень поздно, послѣ рѣзкаго диференцированія сословій. Наконецъ, у насъ въ Россіи—развѣ не тѣ же факты? Крѣпостное право дало намъ Пушкина, Гоголя, Глинку, Пирогова, и пр., дало людей сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, которые, конечно, ошибались, даже навредили не мало, но во всякомъ случаѣ были людьми силы, идеала и убѣжденій, настоящею солью своего народа. Ну-съ, а кого и что дала намъ русская эмансипація?

— Ага!—съ торжествомъ воскликнула Ольга Сергѣевна.—Вотъ вы и проговорились! Люди-то съ идеалами и убѣжденіями оказываются все-таки солью земли.

Егоръ Ивановичъ чрезвычайно удивился.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается?—возразилъ онъ.—Развѣ возможенъ человѣкъ безъ идеала, безъ своей святыни въ душѣ? человѣкъ, исключительно живущій для удовлетворенія своихъ утробныхъ аппетитовъ? Но вѣдь это ужъ будетъ даже не человѣкъ, а просто нѣкое благополучное животное.

Ольга Сергѣевна очень сконфузилась и безпомощно посмотрѣла на Жоржа.

— Какъ же такъ?—хотѣла она выразить взглядомъ.

Но молодой Незнамовъ бесѣдовалъ а parte съ Татьяной Семеновной и повидимому былъ за тысячу верстъ отъ всякой философіи.

Выручилъ дѣвушку Кощилинъ.

— На западѣ,—замѣтилъ онъ,—давно нѣтъ рабства; а людей побольше нашего.

— На Западѣ дѣйствительно людей побольше; только тамъ вѣдь и живутъ поумнѣе нашего. Тамъ желѣзныя цѣпи денежнаго рабства и жестоко карающаго суда будутъ много покрѣпче нашихъ гнилыхъ веревочекъ крѣпостного права. *Тѣхъ* цѣпей не порвешь волей одного человѣка, кто бы онъ ни былъ... Но если онѣ не выдержатъ дружнаго натиска соціалистовъ, анархистовъ и коммунистовъ—западъ очень хорошо знаетъ, чтó ему предстоитъ: вѣкъ варварства. Тамъ говорятъ объ этомъ не стѣсняясь; а главы католичества даже заигрываютъ съ представителями разрушительныхъ ученій. Еще бы! Регрессъ да невѣжество—это золотыя мечты католицизма.

Гости Кощилиныхъ разошлись около полуночи.

Когда Незнамовы вернулись въ свою гостиницу, тамъ уже все спало.

Жоржъ послѣдовалъ за Ольгою Сергѣевной въ ея комнату и незамѣтно заперъ дверь на крючекъ.

— Давно ли вы вѣрите въ чудеса?—спросила его дѣвушка.

— Въ какія чудеса?—оторопѣлъ онъ вслѣдствіе неожиданности вопроса.

— Вѣдь вы же ихъ признали, къ восторгу Кощилина.

— А-а-а! Зачѣмъ я буду задѣвать непріятнымъ образомъ нужнаго человѣка? Мнѣ-то что? Чудеса, такъ и чудеса, какъ ему угодно.

— Однако, даже гаденькій Сербинъ горячо стоитъ за свои убѣжденія...

— Ну, и пусть его...

Въ глазахъ Жоржа вспыхнулъ огонекъ.

— Чортъ съ ними со всѣми. Ужъ поздно, а я такъ ждалъ этой счастливой минуты...

Дѣвушка отшатнулась.

— Не сегодня, Жоржъ, не здѣсь... въ этой грязной конурѣ... Я не могу.

Онъ очень удивился.

— Что это за капризъ? Въ кои-то вѣки мы остались одни, безо всякой помѣхи...

— Говорю тебѣ, я не въ силахъ сегодня... Уходи!

— Однако жъ, это глупо, наконецъ!—не выдержалъ Георгій Алексѣевичъ.—Глупо и пошло, и...

Обиженная дѣвушка однимъ прыжкомъ очутилась у двери и растворила ее настежь.

— Я еще не раба ваша, monsieur George! Sortez!

Онъ гнѣвно пожалъ плечами и вышелъ, пробормотавъ:

— Une scène de la comedie! C'est bien... ennuyent.

Въ первый разъ въ душѣ Ольги Сергѣевны шевельнулось очень недоброе чувство къ ея блестящему кузену.

„Благополучное животное"! вспомнилось ей выраженіе Егора Ивановича Сербина.

Конецъ первой части.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ѳ. Ромеръ.

СТАТСКІЙ АРМЕЙЦУ.

(Статья, читанная 26-го апрѣля 1858 года Н. Ф. Павловымъ въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прекрасныя статьи нашего почтеннаго академика М. И. Сухомлинова въ *Историческомъ Вѣстникѣ* объ извѣстномъ нашемъ талантливомъ писателѣ Н. Ф. Павловѣ напомнили мнѣ о хранящейся въ моихъ бумагахъ интересной статьѣ сего послѣдняго, подъ заглавіемъ „Статскій армейцу". Статья эта была написана по слѣдующему поводу. Въ *Военномъ Сборникѣ* 1857 года была напечатана весьма дѣльная статья одного подававшаго большія надежды офицера „Пять мѣсяцевъ въ *** полку", раскрывавшая недостатки военнаго образованія и военнаго быта того времени. Статья эта была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ со стороны всѣхъ благомыслящихъ, непредубѣжденныхъ русскихъ людей. Генералъ-адъютантъ же графъ Ржевусскій, не раздѣляя этого взгляда, счелъ своею обязанностью выступить въ защиту, будто бы, затронутой чести русской арміи, на которую сочинитель названной статьи и не думалъ посягать. Эта защита вызвала весьма жаркую и запальчивую полемику во всей тогдашней печати. Павловъ, подъ вліяніемъ громаднаго успѣха, вызваннаго критическимъ его разборомъ комедіи графа Соллогуба „Чиновникъ", не могъ остаться безучастнымъ къ этой полемикѣ. Онъ и написалъ для *Русскаго Вѣстника* Каткова подъ приведеннымъ въ началѣ этой замѣтки заглавіемъ статью, но, по тогдашнимъ правиламъ *спеціальной* цензуры, она изъ Московскаго Цензурнаго Комитета была отправлена въ Петербургъ въ таковой же при Военномъ Министерствѣ, гдѣ она послѣ разныхъ передрягъ и застряла. Однако, благодаря Обществу Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, пользовавшемуся для своихъ литературныхъ чтеній правомъ собственной цензуры, она была прочитана въ одномъ изъ его публичныхъ засѣданій. Мнѣ до-

велось быть въ этомъ памятномъ засѣданіи. Публика была самая интеллигентная, самая блестящая: тутъ были и свѣтскія дамы, и ученые, и студенты, и не мало военныхъ разныхъ ранговъ. Впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ этой статьи, было весьма сильное; всѣ слушали ее съ напряженнымъ вниманіемъ, и каждая фраза автора сопровождалась громкими рукоплесканіями. Во многихъ слояхъ общества эта статья составляла предметъ разговора въ теченіе чуть ли не цѣлаго сезона. Списки съ нея стали ходить по рукамъ, и мнѣ посчастливилось запастись однимъ изъ таковыхъ, который здѣсь и предлагаю вниманію читателей.

Позволяю себѣ думать, что они прочтутъ эту статью и теперь не безъ интереса. Не лишнимъ считаю въ дополненіе къ ней приложить: 1) письмо мое къ академику Я. К. Гроту и 2) прошеніе покойнаго Павлова въ Главный Цензурный Комитетъ.

П. Шейнъ.

1) Письмо къ академику Я. К. Гроту.

Глубокоуважаемый Яковъ Карловичъ!

Въ статьѣ нашего почтеннаго библіографа С. И. Пономарева, напечатанной въ 46 томѣ „Сборника" предсѣдательствуемаго вами Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи русской литературы—Николай Филипповичъ Павловъ", при перечнѣ его сочиненій (стр. 8, № 48) высказано авторомъ совершенное недоумѣніе относительно одной статьи автора „Ятагана" въ слѣдующихъ словахъ: „26 апрѣля 1858 года въ засѣданія Общества любителей русской словесности была читана статья Н. Ф. Павлова: „О несправедливыхъ нападеніяхъ на литературу" [1], но гдѣ она напечатана—не знаемъ [2] И не та же ли это статья, о которой говорилъ Сушковъ въ 1851 г.?"

Имѣя въ своихъ рукахъ ключъ къ разрѣшенію приведеннаго недоумѣнія г. Пономарева, въ видѣ достовѣрныхъ документовъ, считаю долгомъ представить послѣдніе на воззрѣніе ваше и вашихъ высокопочтенныхъ сотоварищей по предсѣдательствуемому вами Отдѣленію.

Названные документы, при семъ прилагаемые, достались мнѣ по инициативѣ покойной гр. А. А. Барановой, супруги бывшаго Тверского генералъ-губернатора гр. П. Т. Баранова, въ домѣ которыхъ я, съ мая 1858 года, занималъ мѣсто воспитателя при ихъ старшемъ сынѣ, А. П. Барановѣ (тоже умершемъ недавно во цвѣтѣ лѣтъ). Слухомъ земля полнится, и вѣсть о надѣлавшей немало шума, выходившей изъ ряду вонъ статьѣ дошла, разу-

[1] Изъ моего сообщенія ясно, что искомая г. Пономаревымъ статья была озаглавлена не такъ, хотя по содержанію она вполнѣ соотвѣтствуетъ его оглавленію. *П. Ш.*

[2] Въ Россіи она досѣлѣ нигдѣ печатаема не была. *П. Ш.*

мѣется, и до Твери, и гр. А. А., всегда интересовавшаяся литературой и знавшая близкія мои отношенія къ Н. Ф., просила меня достать отъ него для нея любопытную статью. Осенью того же года мнѣ пришлось съѣздить по своимъ дѣламъ на нѣсколько дней въ Москву. Когда я, будучи тамъ, при первомъ моемъ свиданіи съ Павловымъ только что заикнулся ему о желаніи гр. Барановой прочесть его статью, онъ тотчасъ изъявилъ полную свою готовность удовлетворить немедленно ея желанію и съ какимъ-то увлеченіемъ сказалъ: „для гр. А. А. я готовъ все сдѣлать, что въ моихъ силахъ: я Б. многимъ обязанъ". И тутъ же передалъ мнѣ кое-какія брошюры для графини, но наиболѣе для нея желанной статьи: „Отвѣтъ статскаго армейцу" онъ не могъ отыскать въ данный моментъ. Онъ прислалъ ее мнѣ на другой день, предъ самымъ моимъ выѣздомъ въ Тверь, при слѣдующей запискѣ:

„Вотъ еще мои брошюры и „Просьба", а рѣчи (тутъ подразумѣвается та рѣчь, которая приводится въ статьѣ г. Пономарева и сказана Павловымъ на обѣдѣ литераторовъ, скоро послѣ коронованія Царя-Освободителя) нѣтъ. Если хотите, пришлю въ Тверь. Я пройду молчаніемъ, какъ моя статья попала къ военному цензору. Дѣло только въ томъ, что Санктъ-Петербургскій Цензурный Комитетъ нашелъ совершенно неосновательными помарки и измѣненія полковника Штюрмера и представилъ ее въ Главное Правленіе. Я со своей стороны тоже подалъ жалобу туда же, потому что по правиламъ цензурнымъ, по законамъ, статья должна быть пропущена, но все зависитъ отъ членовъ Главнаго Правленія, какъ имъ вздумается. Тамъ членами и Ростовцевъ и Тимашевъ. Жаль, что Ростовцевъ, занятый теперь Комитетомъ (тутъ безспорно нужно подразумѣвать: Комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ), не ходитъ въ засѣданія Главнаго Правленія, а то онъ, вѣрно, былъ бы въ числѣ моихъ защитниковъ, которые, я знаю, окажутся, но не вѣдаю—въ какомъ числѣ. Жму вашу руку.

Н. Павловъ".

Лѣтъ пять тому назадъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ появлявшихся тогда въ *Историческомъ Вѣстникѣ* статей многоуважаемаго академика М. И. Сухомлинова о Н. Ф. Павловѣ, я поспѣшилъ передать въ редакцію названнаго журнала какъ статью: „Статскій армейцу", такъ и „Просьбу" Н. Ф. для опубликованія, но, по какимъ-то соображеніямъ, г. редакторъ не нашелъ удобнымъ ихъ напечатать на страницахъ своего изданія и возвратилъ мнѣ рукопись. Съ тѣхъ поръ въ литературныхъ журналахъ все чаще и чаще стали появляться воспоминанія современниковъ о Павловѣ и его произведеніяхъ, какъ, напр., въ „Дневникѣ" Никитенка, въ запискахъ Н. Берга и иныхъ, наконецъ явилась и статья г. Пономарева, и интересъ читающей просвѣщенной публики къ личности Павлова, какъ поэта, публициста и критика усилился въ значительной степени. Въ виду всего этого смѣю думать, что сообщаемые мною здѣсь факты изъ его

жизни и дѣятельности могутъ служить далеко не лишнимъ пополненіемъ къ тѣмъ матеріаламъ для біографіи Павлова, которые доселѣ не въ очень-то обильномъ количествѣ были обнародованы въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ и искреннею преданностью остаюсь навсегда готовый къ услугамъ вашимъ

П. Шейнъ.

10-го мая 1891 г. С.-Пб.

2) Въ Главное Правленіе Цензуры

Прошеніе.

На разсмотрѣніе Главнаго Правленія Цензуры поступила статья моего сочиненія „Статскій Армейцу", потому-что с. петербургскій Цензурный Комитетъ призналъ совершенно неосновательными помарки и измѣненія, сдѣланныя въ ней военнымъ цензоромъ, г. полковникомъ Штюрмеромъ. Она заключаетъ въ себѣ возраженіе на статью графа Ржевусскаго. Я хотѣлъ сказать печатно, что русскій престолъ опирается не на матеріальную силу, а на силу духовную, на любовь народа, что на Западѣ уваженіе къ духовенству было потрясено не писателями XVIII вѣка, а историческою жизнью самого западнаго духовенства, что французская революція не сочинена ими, а есть произведеніе всей исторіи Франціи и характера французовъ, что, наконецъ, у литературы нѣтъ этого воображаемаго могущества. Вотъ основныя мысли моей статьи. Кажется, что тутъ для самаго строгаго и проницательнаго взгляда не представляется ничего вреднаго, злонамѣреннаго и несогласнаго съ правилами цензуры. Къ тому же все, что̀ говорю я, не ново для нашей печати, все уже, въ продолженіе того времени, какъ моя статья подвергалась цензурному просмотру, сказано другими, болѣе меня счастливыми, и напечатано безъ всякихъ затрудненій въ разныхъ московскихъ и петербургскихъ журналахъ. Г. полковникъ Штюрмеръ, не имѣя, вѣроятно, времени справляться, что̀ дѣлается по гражданскому вѣдомству, уничтожилъ у меня именно тѣ мысли, которыя допущены къ обнародованію, которыя не вызвали ни малѣйшаго замѣчанія со стороны начальства и не произвели никакого пагубнаго волненія въ умахъ. Сдѣлавъ для меня одно исключеніе, онъ вмѣстѣ сдѣлалъ и другое. Его вниманіе не остановилось на томъ странномъ обстоятельствѣ, что прочія статьи по тому же предмету, въ томъ же духѣ, съ тѣми же мнѣніями и, можетъ быть, съ бо̀льшею силой выраженія, дозволены гражданскою цензурой, безъ всякаго сношенія съ нимъ, г. военнымъ цензоромъ. Принявъ въ руководство относительно меня единственно свой личный произволъ, онъ не далъ себѣ труда навести другую справку и припомнить распоряженіе Главнаго Правленія Цензуры, опредѣлившаго сферу его цензурной дѣятельности. Въ прошломъ октябрѣ мѣсяцѣ оно предписало, что разсмотрѣнію военной цензуры подлежатъ: *1) статьи теорети-*

ческія и полемическія по предметамъ стратегіи, тактики, военной статистики, артиллеріи, фортификаціи и вообще военныхъ наукъ, 2) сочиненія и статьи, заключающія въ себѣ описаніе русскихъ войнъ, начиная съ царствованія Александра I, и военныхъ дѣйствій съ того же времени, въ которыхъ участвовали русскія войска и 3) все, что относится до военной администраціи, то-есть къ отдѣлу военной литературы, обнимающему организацію войскъ, содержаніе оныхъ, дисциплину, срокъ службы, военные законы и т. п. Какимъ же насильственнымъ умозаключеніемъ, какимъ превратнымъ толкованіемъ этихъ ясныхъ, точныхъ правилъ можетъ г. полковникъ Штюрмеръ оправдать свое цензурное право на мою статью? Какую стратегію излагаю я? Какія войны съ царствованія императора Александра I описываю? О какой организаціи или дисциплинѣ войскъ разсуждаю? Конечно, законы не въ силахъ опредѣлить буквально всѣхъ дѣйствій цензора, и многое должно остаться на произволъ его пониманія, его смѣтливости, его добросовѣстности. Я понимаю, что если бы я написалъ исторію Крымской войны и она сдѣлалась бы жертвой безпощаднаго своеволія со стороны военнаго цензора, то въ его защиту нашлись бы еще эти темныя, все вмѣщающія слова: „неблагонамѣренность", „настоящее время", „духъ". Но тутъ, въ моей статьѣ, какъ бы ни показалась она ему и ужасна и разрушительна, онъ не имѣлъ законнаго повода вычеркнуть изъ нея ни одной буквы, потому-что самый предметъ, самое содержаніе изъяты вовсе изъ его служебной обязанности. Ему очерчена сфера, гдѣ, при особенныхъ наклонностяхъ, онъ воленъ дать просторъ своему произволу, но походы Аннибала, хотя это и война, не подлежатъ его суду и осужденію, но моя статья, хотя въ ней и упоминается нѣсколько разъ слово *армія*, должна бы также остаться для него неприкосновенною. Онъ пренебрегъ изложеннымъ постановленіемъ, предъявилъ притязаніе на все, что выходитъ изъ подъ пера и гдѣ только даже случайно упомянется о солдатѣ или офицерѣ. Это до того справедливо, что въ моей статьѣ встрѣчаются невообразимыя, непонятныя помарки. Такъ, напримѣръ, я говорю: *„рядовую мысль не произведетъ въ офицерскій чинъ никакая подпись"*. Г. полковникъ Штюрмеръ вычеркнулъ *„офицерскій"*, а *„чинъ"* оставилъ. Есть ли возможность объяснить цензуру такого рода чѣмъ-либо другимъ, кромѣ фантазіи цензора? Неужели прилагательное *„офицерскій"* должно непремѣнно находиться въ военномъ завѣдованіи? Неужели съ этимъ прилагательнымъ мысль становится непозволительною, вредною, а безъ него, съ однимъ *„чиномъ"*, который можетъ быть и выше офицерскаго, пріобрѣтаетъ характеръ чистоты и невинности, а съ тѣмъ вмѣстѣ право показаться на свѣтъ безпрепятственно? Такимъ образомъ, г. полковникъ Штюрмеръ, переступивъ за черту, которая должна бы служить границей для его дѣйствій, потерялъ сознаніе о предѣлахъ своей власти и вздумалъ подчинить своему вліянію постороннее вѣдомство. Онъ не только цензировалъ мою статью съ мнимо-военной точки зрѣ-

нія, но также не оставилъ гражданскихъ цензоровъ своими совѣтами и наставленіями. Въ одномъ мѣстѣ на поляхъ измаранныхъ страницъ онъ пишетъ: *„это предметъ не военный, но важный въ другомъ отношеніи и подлежащій разсмотрѣнію гражданской цензуры“*. Въ концѣ, подписывая свое имя, замѣчаетъ, *что „всѣ мѣста, очерченныя синими чернилами, подлежатъ подробному разсмотрѣнію гражданской цензуры“*. Такимъ образомъ, ей не представляется уже большого труда, ей указано, что должно быть для нея важно и что она должна разсмотрѣть подробно. Г. полковникъ Штюрмеръ, въ порывѣ своего рвенія, позабылъ, что гражданская цензура не есть какое либо учрежденіе безъ всякаго призора, что у нея имѣется свое начальство, свои правила, другіе, тоже бдительные и болѣе законные указатели надлежащаго пути. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что г. военный цензоръ, принявшій къ разсмотрѣнію мою статью и обнаружившій посягательство имѣть вліяніе на гражданскихъ цензоровъ, превысилъ свою власть и позволилъ себѣ противозаконное дѣйствіе, предусмотрѣнное 367-ю статьей уложенія о наказаніяхъ.

Мнѣ извѣстно, что жалобы писателей на цензоровъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ рѣдко встрѣчали сочувствіе въ лицахъ, облеченныхъ высшею властью; знаю также, что отправленіе правосудія по этимъ докучливымъ тяжбамъ почти никогда не считалось дѣломъ серьезнымъ. Писатель, вынужденный жаловаться для успокоенія, такъ сказать, совѣсти, могъ знать заранѣе, что процессъ его проигранъ. Несмотря однакоже на эти давніе опыты, я смѣло и съ увѣренностью рѣшаюсь обременить вниманіе гг. членовъ Главнаго Правленія Цензуры. Они въ своихъ просвѣщенныхъ воззрѣніяхъ найдутъ, конечно, достаточно причинъ, чтобъ защитить русскую литературу отъ самовольства и беззаконнаго вмѣшательства г. военнаго цензора. Моя справедливость очевидна. Статья моя ничтожна, но поступокъ чиновника, дѣйствующаго отъ лица правительства, не можетъ быть ничтоженъ. Предметъ малъ, а обязанности правосудія во всякомъ случаѣ одинаково велики.

Я покорнѣйше прошу разрѣшить напечатаніе моей статьи въ томъ видѣ, какъ она написана, а г. полковника Штюрмера, за превышеніе власти, подвергнуть законной отвѣтственности.

Н. Ф. Павловъ.

Съ истиннымъ удовольствіемъ прочли мы въ одномъ изъ нумеровъ *Русскаго Инвалида*, въ фельетонномъ отдѣлѣ этой газеты, статью „Армеецъ не армейцу“, направленную противъ *Военнаго Сборника* и подписанную „генералъ-адъютантъ графъ Ржевусскій“. Нельзя сказать, чтобы изложеніе ея было мастерское, что въ ней видно опытное перо, чтобъ она глубоко за-

хватывала вопросъ и разрѣшила удовлетворительно какую-нибудь важную задачу. Ничего этого нѣтъ, но мы и не думаемъ предъявлять нескромныхъ требованій. Всякій авторъ даетъ то, что желаетъ и что можетъ дать.. Было бы несправедливо и въ высшей степени негуманно осуждать его волю, переиначивать его цѣль и спрашивать съ него отчета въ исполненіи обязанностей, которыхъ онъ не принялъ на себя по собственному влеченію. Статья все-таки прекрасна, статья все-таки произвела на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Однако жъ, когда мы говоримъ „прекрасна", то желаемъ быть поняты безъ преувеличеній и недоразумѣній. Если самъ человѣкъ не совершененъ, то, разумѣется, и плоть отъ его плоти, кровь отъ его крови, духъ отъ его духа не могутъ быть собраніемъ всѣхъ добродѣтелей! Начиная съ хвалебнаго гимна, мы сочли необходимымъ объясниться, чтобъ не стать предметомъ злобнаго подозрѣнія и неразборчивыхъ обвиненій. Есть на землѣ люди, которые ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ изъявлять сочувствія инымъ авторамъ и признаваться, что всякое стекло можетъ пропустить частицу свѣта. Мы не принадлежимъ къ этой категоріи. Мы радуемся его лучамъ, откуда бы они ни упали на насъ. Солнце все то же, стоитъ ли на горизонтѣ или блещетъ надъ нашею головой. Поэтому, не робѣя, съ истинно-геройскимъ мужествомъ объявляемъ, что статья намъ нравится, намъ по душѣ, статья хороша, то-есть не изъ рукъ вонъ хороша: прочитавъ ее, можно еще продолжать писать, бываютъ статьи и лучше, гораздо лучше; но есть у нея сторона, недоступная осужденію, именно та, которая увлекла насъ и выдержитъ всевозможныя сравненія. Мы назовемъ ее музыкальною стороной, такъ-сказать, музыкой статьи. Извѣстно, что музыка выражаетъ одни чувства; нѣтъ у нея орудій для другихъ способностей человѣческой души. Вотъ эта-то музыка, эти-то чувства въ статьѣ графа Ржевусскаго заставили и наше сердце забиться немного скорѣе, немного восторженнѣе. Какъ сладко читателю, когда между нимъ и писателемъ устанавливается магнитный токъ симпатіи и когда человѣкъ хотя на нѣсколько мгновеній живетъ душа въ душу съ себѣ подобнымъ. Это наслажденіе испытали мы при чтеніи статьи, о которой идетъ рѣчь. Она дышитъ любовью къ русской арміи, ополчается за ея честь, за ея славу, и мы, во имя этого высокаго побужденія, готовы тоже двинуться на битву и съ *Военнымъ Сборникомъ* и съ цѣлымъ міромъ, хотя, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ исторіи, знаемъ, что русская

армія умѣетъ сама защитить себя въ случаѣ надобности и что до сихъ поръ она очень успѣшно обходилась безъ нашего подкрѣпленія. Знаемъ также, что, по настоящему, отстаивать ея честь вовсе не нужно. Армію великаго государства нельзя обидѣть никакими порицаніями. Арміи не обижаются, какъ не обижается народъ, море, ураганъ, Гималайскій хребетъ. Но это все краткія разсужденія; чувство само по себѣ, взятое отдѣльно, въ чистотѣ, безъ анализа, остается безподобно. Статья возмущается противъ враговъ общественнаго порядка, и мы кипимъ противъ этихъ злодѣевъ. Не повѣрите, какъ они намъ надоѣли! Вотъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ сряду, какъ отъ нихъ нѣтъ житья. Друзья порядка кажется и не спятъ. Между ними отыскиваются безпрестанно благородныя сердца, которыя не могутъ проминовать, чтобъ не задѣть этихъ враговъ, и все нѣтъ никакого средства отдѣлаться отъ нихъ однажды на всегда. Откуда только они берутся? Право, всякій разъ, какъ другъ порядка указываетъ пальцемъ на врага, насъ бросаетъ и въ жаръ, и въ холодъ отъ негодованія. Ужъ нѣтъ ли какой-нибудь вины со стороны друзей? Истинная ли это дружба? Не можетъ быть, чтобъ враги общественнаго порядка были такъ живучи. Вѣдь недаромъ говорилъ Генрихъ IV: „спасите меня отъ друзей, съ врагами я и самъ справлюсь". Теперь, кажется, стало очевиднымъ, почему упомянутая статья нашла отголосокъ въ нашемъ сердцѣ. Ея музыка, ея чувства соблазнили и увлекли насъ. Справедливость требуетъ даже замѣтить, что если при внимательномъ разсмотрѣніи оказываются въ ней недостатки, то они произошли не отъ чьей-либо вины, а отъ несовершенствъ человѣческаго слова. Да, одна музыка выражаетъ чувство во всей святости, во всей цѣлости; она одна даетъ намъ это чистое золото безъ малѣйшей примѣси лигатуры. Придетъ время, когда всѣ догадаются, что надо перестать писать, не высылать на сраженіе даже статей, одушевленныхъ пламенемъ патріотизма и имѣющихъ въ резервѣ любовь къ общественному порядку, а лучше сдѣлаться всѣмъ музыкантами; тогда только установится между людьми полная гармонія, родъ человѣческій достигнетъ желаемаго блаженства и начнетъ жить припѣваючи. Слово не имѣетъ преимуществъ музыки. Оно не можетъ выразить чувства, не припутавъ къ нему постороннихъ, болѣе осязательныхъ, а потому болѣе грубыхъ матеріаловъ и не перенеся его изъ небесныхъ сферъ въ земную юдоль. Слово непремѣнно обезобразитъ и исказитъ божественный ликъ чувства, такъ что иногда

и не узнаешь, точно ли человѣкъ любитъ, точно ли негодуетъ, въ самомъ ли дѣлѣ дорогà ему родина и честь ея доблестныхъ сыновъ. Мы не съ тѣмъ обозначаемъ здѣсь различіе между музыкой и словомъ, чтобъ присвоить себѣ право рыться въ чужой совѣсти и бросать тѣнь на чьи-либо побужденія. Намъ противны такіе намеки! Мы просто хотимъ сказать, что чувство не можетъ быть выражено словами безъ того, чтобъ не припутались къ нему непрошенныя мысли, а мысли затемняютъ чувство и даютъ ему новый видъ. Не будь въ статьѣ словъ, будь ноты, мы запѣли бы съ нею въ унисонъ. Въ чувствахъ мы совершенно сходимся съ ея авторомъ, расходимся только въ мысляхъ. Это, собственно говоря, пустяки. При возвышенныхъ чувствахъ, что за дѣло до мыслей! Но мысли имѣютъ то истинно-непріятное свойство, что такъ и подмываютъ васъ опровергнуть ихъ. При томъ же въ наше время охотники до системъ, до теорій подводятъ всякое ничтожное, частное явленіе подъ общіе законы и увѣряютъ, что права истины въ какомъ бы то ни было случаѣ должны быть возстановлены. Покоряясь этимъ различнымъ и неодолимымъ для насъ подстреканіямъ, мы не въ силахъ не заявить предъ читателями причинъ нашего разногласія съ мыслями тысячу разъ названной статьи, а потому позволимъ себѣ для полнаго уясненія вопроса представить сначала въ краткомъ извлеченіи докладъ о сущности дѣла.

Извѣстно, что въ Петербургѣ при главномъ штабѣ гвардейскаго корпуса выходитъ въ свѣтъ повременное изданіе, называемое *Военный Сборникъ*. Онъ обѣщалъ въ своемъ объявленіи доставить офицерамъ всѣхъ оружій занимательное и полезное чтеніе и въ то же время каждому наблюдательному и желающему общей пользы офицеру дать средство сообщать своимъ товарищамъ по оружію наблюденія свои о всѣхъ предметахъ, касающихся матеріальнаго и нравственнаго быта нашихъ войскъ. Онъ хотѣлъ возбуждать въ читателяхъ дѣятельность мысли. По нашему мнѣнію, свои обѣщанія *Военный Сборникъ* исполнилъ блистательно. Много дѣльнаго, много полезнаго сказалъ онъ въ восьми книгахъ прошлаго года. Во всѣхъ его статьяхъ видны серьезныя знанія, серьезная мысль, серьезныя стремленія. Предоставляя спеціалистамъ оцѣнивать все, что касается до военныхъ дѣйствій и военныхъ наукъ, мы позволимъ себѣ замѣтить, что общее направленіе *Военнаго Сборника* заслуживаетъ полнаго вниманія мыслящихъ людей. Онъ сталъ на настоящую точку зрѣнія. Взглядъ его имѣетъ научный характеръ, то-есть

онъ старается представить предметъ въ томъ видѣ, въ какомъ предметъ существуетъ. Въ *Военномъ Сборникѣ* есть мѣсто для величія человѣка, есть уголокъ и для его слабостей. Прежде думали, что послѣ слова армія второе слово должно быть непремѣнно „ура!“ *Военный Сборникъ* взглянулъ на нее съ большою теплотой, съ большимъ благоговѣніемъ къ ней и силился представить ее въ живомъ образѣ, не отдѣлываясь пустыми фразами, которыя ни къ чему не ведутъ и которымъ никто не вѣритъ. Только жажда истины служитъ ручательствомъ, что писатель желаетъ блага, вѣруетъ въ добро и надѣется на будущее. Преслѣдуя свою цѣль, знакомя читателя съ великими достоинствами нашихъ славныхъ войскъ, съ матеріальнымъ и нравственнымъ ихъ бытомъ, *Военный Сборникъ* не умолчалъ, да и не долженъ былъ умолчать, что въ военномъ мундирѣ ходятъ такіе же люди, какъ и въ статскомъ, что все это члены одного и того же семейства, только различнымъ образомъ наряженные, что они вскормлены тѣмъ же молокомъ, дышатъ тѣмъ же воздухомъ, управляются тѣми же понятіями, вызрѣвшими на ихъ общей почвѣ,—словомъ, что въ арміи встрѣчаются такіе же чиновники, какъ и на гражданскомъ поприщѣ. Какой же малолѣтній этого не знаетъ? для кого это тайна? кому

От Перми до Тавриды,
От Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды

неизвѣстно, что иной ротный командиръ, иной полковой начальникъ, иной гарнизонный офицеръ, препровождающій партію рекрутъ, иной коммиссаріатскій чиновникъ смотрятъ на свои общественныя должности, какъ на средства продовольствовать свои частные карманы?

Это совершается у всѣхъ на глазахъ, совершается очень просто, потому-что для операцій подобнаго рода не требуется ни тонкости ума, ни изобрѣтательности воображенія. Есть правила, освященныя опытомъ вѣковъ, преданія, которыя поступаютъ въ наслѣдство отъ поколѣнія къ поколѣнію, и все идетъ какъ по писанному. Что же новаго сказалъ *Военный Сборникъ* въ этомъ отношеніи? Кого привелъ въ ужасъ своимъ неожиданнымъ открытіемъ? Никто, кажется, особенно не волнуется, всѣ спокойны. Да, наконецъ, для кого онъ пишетъ? Для грамотныхъ. А что такое грамотные? Быліе долинъ, горсть морского песку. Съ ними еще можно сладить, ихъ можно попросить, чтобы никому не говорили. Но вѣдь дѣло-то извѣстно и такого сорта людямъ, которыхъ не успѣешь объѣхать съ визитами, которые ничего

не читаютъ и читать не умѣютъ: извѣстно не изъ книгъ, не изъ журналовъ, а изъ вседневныхъ впечатлѣній, изъ ежеминутныхъ столкновеній съ явленіями жизни. Объяснимся примѣромъ. Положимъ, что какой-нибудь бѣдный офицеръ состоитъ должнымъ человѣку безграмотному, не слыхавшему никогда о существованіи *Военнаго Сборника* и, слѣдовательно, обогатившему свой умъ свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Офицеръ и желалъ бы заплатить свой долгъ, да не въ силахъ. Допустимъ также, что вдругъ ему дается въ командованіе полкъ. Спрашивается: что произойдетъ въ душѣ кредитора? Не правда ли, что проявится надежда на уплату денегъ? Такъ. Но на чемъ инстинктивно, при первой вѣсти, прежде всякихъ размышленій, оснуетъ онъ свою надежду,—на жалованіи, которое должникъ его станетъ получать въ большемъ размѣрѣ, или на иныхъ болѣе обильныхъ статьяхъ дохода? Предположеніе кредитора можетъ быть и не оправдается впослѣдствіи, можетъ быть должникъ его выйдетъ изъ соблазна невиненъ, какъ голубица; важно то, что предположеніе непремѣнно родится. Но къ чему вести рѣчь о такой битой матеріи? Неужели еще называть луну блѣдною, а лучи солнца палящими? Намъ предстояло объяснить въ короткихъ словахъ направленіе *Военнаго Сборника.* Оно не понравилось графу Ржевусскому, а его направленіе, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ чувствъ, не понравилось намъ. Графъ Ржевусскій, атакуя *Военный Сборникъ,* высказалъ свои собственныя возрѣнія на армію, на литературу, на исторію. Эти-то возрѣнія и составляютъ цѣль нашей статьи. Если бы они были ничто иное, какъ его личное мнѣніе, то мы не рѣшились бы вмѣшиваться въ эту безплодную войну и благоразумно держались бы даже невооруженнаго нейтралитета. Но въ нихъ слышатся намъ многіе голоса, голоса знакомые; они поютъ все одну и ту же пѣснь... Намъ мерещатся разныя лица! Они съ хладнокровіемъ мудрости, не прерывая своихъ забавъ, смотрятъ на безобразныя картины жизни, всенародно выставленныя напоказъ, и пугаются одинокой мысли, бѣднаго слова, которое вырвется со дна души и, хоть на безсильныхъ страницахъ журнала, засвидѣтельствуетъ, что уцѣлѣло еще поклоненіе нравственной красотѣ. Послѣдуемъ же теперь за мыслями графа Ржевусскаго и посмотримъ, на какомъ основаніи соорудилъ онъ свои обвиненія. По его увѣренію, армейцы обрадовались, когда узнали, что будетъ издаваться *Военный Сборникъ*, и возлагали на него разныя надежды. Надеждъ было, конечно, много; назо-

вемъ самыя любопытныя. Армейцы ожидали, что „честь, самоотверженіе, развитіе любви къ военному дѣлу и прочія военныя доблести будутъ основаніемъ новаго журнала, проникнутъ всѣ статьи его тѣмъ болѣе, что по военному журналу и свои и иностранцы будутъ судить о состояніи русскаго войска“. То-есть, *Военный Сборникъ* долженъ былъ или разсказывать только великіе подвиги русской арміи, дивиться ея администраціи, хвалить и славословить, писать не чернилами, а розовою краской, или сдѣлаться проповѣдникомъ и излагать прелесть чести, отраду самоотверженія, упоеніе доблести. Армейцы графа Ржевусскаго ошиблись. *Военный Сборникъ* не оправдалъ ихъ ожиданій. Ихъ честь, ихъ самоотверженіе, ихъ доблесть онъ предоставилъ ихъ собственному произволу, другимъ побудительнымъ причинамъ, болѣе дѣйствительнымъ: тому духовному настроенію, которое зависитъ не отъ книгъ, не отъ журналовъ, а отъ всего прошедшаго, отъ всего настоящаго, отъ громадной неуловимой сложности жизни. Хорошій журналъ распространяетъ знанія, проводитъ идеи, сообщаетъ живыя свѣдѣнія, представляетъ предметъ или событіе въ настоящемъ видѣ, безъ прикрасъ,— вотъ его назначеніе, вотъ чѣмъ развиваетъ онъ любовь къ занятію или обязанности, внушаетъ нравственныя чувства и облагораживаетъ побужденія человѣка. Хорошій журналъ не куритъ фиміама и не читаетъ проповѣдей. Эти требованія благосклоннаго расположенія къ дѣйствительности, какого-то лирическаго восторга при созерцаніи ея; эти ожиданія, что только и будетъ рѣчь о добродѣтеляхъ, что каждая строка станетъ дышать честью, доблестью, самоотверженіемъ; эта мнимая благонамѣренность, полная всегда холода, риторики и не менѣе того язвительная, въ продолженіе цѣлой человѣческой исторіи, подъ разными формами, но съ одинаковымъ духомъ преслѣдовала неусыпно тѣхъ немногихъ, которые въ интересахъ просвѣщенія, въ интересахъ общественнаго порядка, съ горячею жаждой добра, поднимали завѣсу истины, не заботясь о томъ, что скажутъ свои и что подумаютъ иностранцы. Для читателя, мы полагаемъ, стало ясно, что у *Военнаго Сборника* есть коренное разномысліе съ графомъ Ржевусскимъ. Оно именно таково. Дѣло въ томъ, что для нихъ одна и та же армія—два различныхъ учрежденія, два понятія совершенно противоположныя другъ другу. *Военный Сборникъ* разсматриваетъ ее въ совокупности съ народомъ, съ прочими силами государства, какъ часть цѣлаго, органически связанную съ нимъ. Для графа Ржевусскаго армія

что-то отдѣльное, особенное, живущее собственною жизнію, внѣ народа, привилегированная каста, съ которою должно обходиться не такъ, какъ съ прочими смертными. Онъ называетъ ее „всегдашнею надежною опорой престола и отечества, истинною славой Россіи“, для него въ арміи зло не примѣшивается къ добру, какъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ; это значило бы „клеветать на армію, марать мундиръ“. Послѣднее выраженіе указываетъ уже рѣзко на ту идеальную сферу, въ которую графъ Ржевусскій соблазняетъ насъ перенестись за нимъ. Марать мундиръ—какъ это возможно? Ну, а можно ли марать вицъ-мундиръ или фракъ? Сказать, что ротнымъ или полковымъ командирамъ случается иногда класть въ карманъ казенныя или солдатскія деньги—это нетерпимо, это немыслимо, это обидно корпусу офицеровъ; ну а почему же, если разгласишь другой секретъ и проговоришься, что исправникъ или судья беретъ взятки, это не должно оскорблять корпуса судей и корпуса исправниковъ? Извѣстно между прочимъ, что арміи составляются не все изъ отборнаго человѣчества, а судьи и исправники—цвѣтъ общества, его лучшіе члены, избранники высшаго сословія, того сословія, которое, по краснорѣчивому выраженію манифеста, названо умомъ и душой народа.

Изъ этого выходитъ, что марать ничего нельзя и что придется ни о чемъ не говорить, потому что, говоря, непремѣнно обидишь какой нибудь корпусъ. Мы знаемъ однако жъ, что напечатаны записки Іосифа, наполеоновскаго короля. Въ нихъ замаранъ мундиръ, да и какой еще нарядный: маршала Франціи, знаменитаго Массены. Оказалось, что онъ былъ, несмотря на свою храбрость и славу, тоже на руку не чистъ, и, не оправдываясь въ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него, исчислялъ только свои похищенія по особой гомеопатической ариѳметикѣ. „Я велю произвести въ Падуѣ формальное слѣдствіе“,—писалъ Наполеонъ,—„ибо нельзя потерпѣть такого грабительства. Допустить, чтобы солдатъ умиралъ съ голоду и оставался безъ жалованья, это слишкомъ нагло... Уже найдены четыре милліона, пущенные въ оборотъ Массеной; остается отыскать два остальные“. Цѣлый міръ прочелъ эти записки, и никому, однако жъ, не пришло въ голову, что такимъ обличеніемъ запятнанъ мундиръ французскихъ маршаловъ и пройдены безъ вниманія честь, самоотверженіе, доблести французской арміи.

А англичане, эти-то господа какихъ мундировъ не мараютъ, и спрашивается: у кого, однако жъ, болѣе выражается уваженія

и любви къ своей арміи, да на дѣлѣ, а не въ пустыхъ фразахъ? Не вчера ли, не сейчасъ ли на столбцахъ англійскихъ журналовъ всевозможные мундиры были смѣшаны съ грязью изъ этой любви, изъ этого уваженія къ арміи? Она гибла съ голоду и холоду въ болѣзняхъ и страданіяхъ отъ небрежности, непредусмотрительности и злоупотребленій такъ называемаго начальства, отъ скверныхъ дѣйствій администраціи, и Англія подняла вопль, который огласилъ всѣ углы земного шара. Англія не затруднилась опасеніями: что подумаютъ свои, какъ станутъ судить иностранцы?

Что будетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна?

а безъ всякихъ китайскихъ церемоній употребила всю желчь языка, весь пылъ души, чтобъ опозорить свою военную администрацію, и эта гордая откровенность, это серьезное участіе къ сущности дѣла, а не къ его околичностямъ были признаны міромъ за новый симптомъ величія Англіи. Послѣдствія этой нескромности извѣстны свѣту. Первая англійская армія погибла въ Крыму, но зато изъ вновь прибывшихъ войскъ не пропалъ уже ни одинъ человѣкъ отъ дурныхъ дѣлъ администраціи, и, какъ говоритъ *Военный Сборникъ* въ прекрасной статьѣ г. Обручева, „если нельзя сказать, чтобъ Англія давала каждому болѣе чѣмъ должно, то, по крайней мѣрѣ, съ увѣренностью можно засвидѣтельствовать, что она окружила солдата такими удобствами и попеченіями, какихъ не оказала своимъ защитникамъ никакая другая держава". Боже мой, да что же это? Когда же мы-то отдѣлаемся отъ допотопныхъ понятій и сложимъ ихъ на вѣки вѣчные въ архивъ? Вопросъ не о мундирѣ, а о чемъ-то поважнѣе всѣхъ мундировъ,—о Россіи, которую тоже не слѣдуетъ марать. Для ея великой будущности нужны другіе матеріалы мысли. Иногда подъ словами ускользаетъ отъ нашего собственнаго вниманія ихъ таинственный смыслъ. Подъ честью, доблестью, самоотверженіемъ, подъ самыми пышными выраженіями можетъ укрыться скудное содержаніе, отжившее ученіе о восточныхъ кастахъ. Если все придерживаться азіатской пословицы, что „не должно выносить сору изъ избы", то не худо подумать, какова будетъ изба, когда эта драгоцѣнность сбережется въ ней вся на лицо. Графъ Ржевусскій въ разгарѣ своей статьи возглашаетъ: „прочь этотъ насмѣшливый тонъ, будемъ говорить серьезно!" Какъ это хорошо, что можетъ быть пріятнѣе серьезнаго разговора! Да къ чему поведетъ онъ? Точно ли

доставить большое удовольствіе? Но дѣлать нечего, будемте серьезны. Мы уже сказали, что въ разбираемой нами статьѣ армія названа „всегдашнею надежною опорой престола и отечества, истинною славой Россіи". Если пошло на серьезность, то необходимо признать, что арміи имѣютъ двойной характеръ, охранительный и завоевательный. Подъ этими только двумя опредѣленіями онѣ занимаютъ законное мѣсто въ исторіи. Хотя въ завоеваніи есть грубое насиліе, но оно совершалось часто во имя высшей образованности, во имя великихъ идей, оно освѣжало поколѣнія, расчищало поле для новыхъ дѣятелей и тѣмъ находило себѣ оправданіе передъ человѣческою совѣстью. Но всякій разъ, какъ арміи подчинялись какому-нибудь третьему направленію, выступали изъ круга, предназначеннаго имъ, то не оставляли по себѣ ничего, кромѣ печальныхъ воспоминаній о дикихъ событіяхъ. Завоевательный характеръ теряется, дѣлается невозможнымъ, но ни ему, ни характеру охранительному не идутъ выписанныя нами выраженія. Это уже новое, третье значеніе. Въ охраненіи и завоеваніи нѣтъ понятія опоры. Она принадлежитъ особеннымъ эпохамъ: другому безпорядку вещей, римскимъ легіонамъ во время паденія имперіи, язычникамъ-преторьянцамъ. Точно, на нихъ опирался сокрушающійся престолъ, но они не спасли его. Арміи не были никогда и не могутъ быть надежною опорой престоловъ. Онъ опирается на идею, которую видитъ въ немъ народъ, на инстинктивную вѣру этого народа, на духовную связь съ нимъ. Нѣтъ, графъ, армія, которая есть и будетъ всегдашнею надежною опорой русскаго престола, сильнѣе, многочисленнѣе и непобѣдимѣе вашей арміи въ мундирахъ. Странно, иногда авторъ хочетъ сказать одно и говоритъ другое! Опора престоловъ именно тогда и бывала ненадежна, когда она опиралась на армію. Какой арміи надо еще лучше, какъ Наполеона I, и что же сталось съ нимъ, съ его гренадерами и со старою гвардіей, когда сочувствіе народа отложилось отъ него и ему не было другой опоры, кромѣ маршаловъ да солдатъ? Нехорошее, грустное событіе, что онъ продолжалъ опираться на нихъ. Это уже употребленіе чистой матеріальной силы, безъ всякой примѣси духа.

Если вы встрѣчаете въ современной исторіи явленіе, показывающее ясно, что престолъ опирается на армію, то не правда ли, что при различныхъ вопросахъ о немъ, главную роль играетъ сомнѣніе—долго ли продержится онъ? Вотъ какъ ненадежна опора, доставляемая арміей.

Наконецъ, должно ли говорить все серьезно, должно ли сказать, что и истинная слава зависитъ не отъ арміи, а отъ тѣхъ идей, которыя зарождаются въ народѣ, отъ того духа, который живетъ въ немъ, отъ учрежденій, подъ сѣнію которыхъ онъ благоденствуетъ, отъ матеріальнаго, нравственнаго и умственнаго капитала, который вноситъ въ развитіе человѣчества.

Армія велика не собственнымъ величіемъ, а величіемъ того, что̀ охраняетъ и во имя чего идетъ на смерть. Армія—посланница безплотныхъ силъ народа; отъ нихъ заимствуетъ она свое значеніе и могущество. Не побѣда даетъ истинную славу, а та идея, для осуществленія которой побѣда совершена. Идея же принадлежатъ не арміи. Если бы было иначе, то исторія не нашла бы довольно благословеній для армій Тамерлана и Атиллы. Вѣдь онѣ были побѣдоносны и какъ еще побѣдоносны! Въ подкрѣпленіе выпишемъ изъ другой статьи г. Обручева въ *Военномъ Сборникѣ* слѣдующія замѣчательныя строки: „Не въ казармахъ скрывается сила,—говоритъ Паксанъ,—исторія лучше всего свидѣтельствуетъ, гдѣ искать ее.—Въ 1792 году, съ одной стороны были французскіе волонтеры, собравшіеся подъ знамена прямо со школьныхъ скамей или отъ сохи, съ другой—соединенныя арміи Европы; но на чьей сторонѣ осталась сила? Въ 1810 году Испанія остается безъ войскъ, ее защищаютъ составленныя на скорую руку дружины поселянъ и монаховъ, съ другой стороны являются арміи Наполеона, генералы Наполеона и самъ Наполеонъ, но на чьей сторонѣ остается сила?—Нѣтъ, значитъ, возможности отвергнуть, что главная сила государства лежитъ въ народѣ: что̀ возможно съ народомъ, того далеко нельзя достигнуть съ однимъ войскомъ, и отнынѣ тѣ правительства будутъ сильны, которыя тѣсно связаны съ народомъ, умѣютъ развивать внутреннія его средства и на нихъ создаютъ величіе страны". Вотъ гдѣ надежная опора, вотъ на что надо опираться. Это говоритъ французъ, а французы тоже преисполнены воинственнаго духа, горды и тщеславны своею арміей. Это убѣжденіе не ничтожнаго свѣтскаго человѣка, который хочетъ похвастаться своимъ ремесломъ и завидуетъ высшему призванію. Паксанъ самъ военный, да какой еще военный: кто не слыхалъ о его пушкахъ? Класть въ основаніи журнала „честь, самоотверженіе, доблесть!" „Марать мундиръ", „надежная опора", „истинная слава!" Мы не потому возразили на эти мысли, что онѣ ложны; мало ли ложныхъ мыслей? да и на что намъ требовать отъ другихъ однихъ только правильныхъ и истинныхъ разсужденій?

Наши опроверженія сдѣланы по той единственной причинѣ, что такого рода мнѣнія имѣютъ иногда вліяніе на государственную жизнь и мѣшаютъ развитію нравственныхъ и умственныхъ силъ народа.

Что въ основу статьи графа Ржевусскаго положено понятіе о кастѣ, можеть быть невольно, можетъ быть безсознательно, это до того справедливо, что ему непріятна всякая мысль, которая переноситъ армію съ отведенной ей планеты, изъ міра фантазіи на нашу многогрѣшную землю, приводитъ въ общеніе съ народомъ, ставитъ въ зависимость отъ него, и изъ этого источника заставляетъ черпать свое могущество, свое значеніе и свое право на добрую память исторіи. Г. Обручевъ въ той же статьѣ *Военнаго Сборника* говоритъ между прочимъ: „Слѣдовательно, политическое достоинство государства должно быть главнымъ образомъ основываемо не на арміяхъ и флотахъ, а на совокупности всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ государства, источникомъ которыхъ служитъ народъ... Какъ струя фонтана, по естественному закону равновѣсія, никогда не бьетъ выше уровня воды въ резервуарѣ, такъ и могущество государства не можетъ быть поддерживаемо арміей выше уровня, представляемаго развитіемъ внутреннихъ силъ народа“.

Графъ Ржевусскій иронически выписываетъ нѣкоторыя строки изъ этого отрывка; „подобнаго рода мысли“, замѣчаетъ онъ мимоходомъ, „не соотвѣтствуютъ назначенію военнаго журнала“. Это уже и не доказывается; это вѣдь такъ очевидно. Для военнаго журнала мало, непристойно, если мысль глубока, вѣрна и прямо относится къ дѣлу. Нужны мысли какія-то отличныя, военныя.

Возставая на сравненіе арміи съ фонтаномъ, сдѣланное г. Обручевымъ, графъ Ржевусскій, однако жъ, самъ предается наклонности сравнивать. Это самая серьезная часть его статьи. „Сознаніе святости защищаемаго дѣла руководитъ имъ“. Онъ опирается уже не на армію, а на исторію, вызываетъ изъ могилъ страшныя тѣни и принуждаетъ ихъ свидѣтельствовать, что нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинѣ его показаній. Тутъ-то, согласно преданіямъ, выводятся на сцену, какъ неизбѣжные наперсники въ классическихъ трагедіяхъ, враги общественнаго порядка. Союзники иногда хорошіе, опора довольно надежная. „Въ прошломъ столѣтіи“, такъ напечатано въ статьѣ графа Ржевусскаго, „враги общественнаго порядка во Франціи нападали на священниковъ, внушавшихъ повиновеніе законной власти, и дерзнули писать сначала противъ духовенства, пре-

слѣдуя его мнимые и дѣйствительные недостатки, а потомъ открыто возстали противъ церкви и Бога. Пусть поймутъ этотъ намекъ тѣ у насъ, которые начинаютъ клеветать на армію" и пр. и пр.

Это называется намекомъ! Какъ не понять — поняли. Не слишкомъ ли ужь это серьезно? Мы не станемъ оспаривать сравненія; намъ какъ-то не по-душѣ, неловко и неудобно защищать *Сборникъ* въ этомъ отношеніи. Мы предоставляемъ суду самихъ читателей оцѣнить побужденіе, цѣль и мѣткость этого тонкаго, чуть-чуть уловимаго глазомъ намека. Мы намѣрены побесѣдовать о немъ настолько, насколько онъ затронулъ вообще исторію и литературу. Есть люди, которые ничего не читаютъ, а судятъ и рядятъ о вліяніи литературы по наслуху, по нѣсколькимъ строкамъ, по одному слову. Она составляетъ для нихъ что-то неизвѣстное и таинственное. Чего иной человѣкъ не знаетъ, то онъ расположенъ или презирать, или ненавидѣть. Таинственность же возбуждаетъ грезы воображенія. Эти люди подвержены страннымъ крайностямъ и непостижимымъ противорѣчіямъ. Въ жизни, въ дѣйствіи они обращаются со всѣмъ, что относится до литературы, запросто, безъ всякихъ церемоній. Тутъ она является какою-то приживалкой, Христа-ради, въ богатомъ и знатномъ домѣ. Въ то же время съ одной стороны приписывается ей такое могущество, что предъ нимъ пушки, штыки, сама армія – прахъ и паутина, а съ другой – что это могущество вѣчно употреблялось на одно зло. Вѣдь какъ вы думаете? всѣ перевороты на земномъ шарѣ произведены единственно литературой. О революціи французской говорить нечего: ясно какъ день, что у нея нѣтъ другихъ причинъ. Это все надѣлали писатели. Ну да Тарквиній былъ изгнанъ изъ Рима развѣ за Лукрецію? Помилуйте, противъ него писали. Его погубила литература, которой только слѣдовъ не открыли еще ученые. И каково? Несмотря на ея предосудительное поведеніе, отдѣлаться отъ нея нѣтъ никакихъ средствъ. Она совершенно необходима даже тѣмъ, которые нападаютъ на нее, и необходима въ практическомъ смыслѣ. Она существенное, неизбѣжное, ничѣмъ неотвратимое выраженіе духовной природы человѣка. Ее считаютъ зломъ; это хуже, чѣмъ клеветать на армію, это поносить разумъ и желать отъ людей однихъ животныхъ инстинктовъ. Она въ государственной и общественной жизни,—мы говоримъ о жизни нормальной,—есть стихія, дѣйствующая совокупно съ другими. Какого-же рода это дѣйствіе? Литература

предъявляетъ вѣчныя требованія духа и временныя той среды, гдѣ поднимаетъ голосъ. Временныя требованія принимаютъ всегда формулу отрицанія. Это непреложный законъ, прирожденный сущности вещи. Человѣку свойственно, какъ существу нравственному, желаніе быть завтра лучше, чѣмъ онъ былъ вчера, и обществу, чтобъ оно могло существовать, необходимо то же стремленіе. Но тутъ и оканчивается сравненіе. Человѣкъ можетъ не поправлять вчерашнихъ ошибокъ, полюбить свои недостатки, пороки и проволочить кое-какъ свою дрянную жизнь; общество, если у него есть будущность, если Провидѣніе опредѣлило ему какую-нибудь цѣль, не въ силахъ, хотя бы и желало, обречь себя на такое бѣдственное существованіе. Роковая сила влечетъ народы, предназначенные просвѣщенію, каждый день къ большей долѣ правды, добра и благоденствія. Это дѣлается помимо человѣческой воли, творчествомъ жизни. Въ осужденіе того, что было вчера, есть то, что будетъ лучше завтра. Потому-то отрицаніе,—разумѣется, исполненное мысли и таланта,—есть не признакъ вражды и не сѣмя разрушенія, а чаяніе, предчувствіе, совершенно естественное и законное явленіе, ступень, которую неминуемо надо перейти, чтобы подняться на высоту. Исторія свидѣтельствуетъ, что не безъ пользы дѣйствовало въ ней отрицательное направленіе и что никакіе ужасы не могли уничтожить его въ человѣческой природѣ. Желая, чтобъ наши слова не были перетолкованы въ томъ смыслѣ, какого не имѣютъ, мы позволимъ себѣ замѣтить, что признаемъ законность отрицанія въ приложеніи къ *временнымъ*, *случайнымъ* явленіямъ. Теперь, кажется, можно обратиться прямо къ вопросу. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что нельзя отрицать будущаго, оно неизвѣстно, отрицается вчерашнее или настоящее: нельзя отрицать того, чего нѣтъ, отрицается существующее. И опять, если призвать на помощь исторію, она оправдаетъ наши слова. Литература въ своихъ временныхъ требованіяхъ и указаніяхъ ничего не выдумала и ничего не создала. Она слѣдовала за явленіемъ, никогда не предшествовала ему. Графъ Ржевусскій смотритъ и на нее какъ на армію, съ какой-то идеальной, лирической точки зрѣнія. Ея дѣло было самое простое и не такое ужь всемогущее. „Враги общественнаго порядка въ прошломъ столѣтіи начали сначала писать противъ духовенства“! Благородное перо г. Громеки замѣтило уже въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, что писаніе это началось еще въ XII вѣкѣ; но куда ужъ поднимать на ноги всю исторію, тутъ не до ученыхъ споровъ; мы хотимъ только спросить: что жъ, пи-

сатели прошлаго столѣтія уничтожили благоговѣніе къ западному духовенству? Что-жъ, враги общественнаго порядка, какъ Вольтеръ съ братіей, поколебали тіару на главѣ римскаго первосвященника? А инквизиція, а костры, а продажа индульгенцій, а развратъ западнаго духовенства, а кровь народа, которую оно сосало, какъ вампиръ, во имя спасенія души и правосуднаго Бога, а Александръ Борджіо? Эти „дѣйствительные недостатки", повторяя миротворное выраженіе графа Ржевусскаго, куда намъ ихъ дѣвать, чтобъ утвердить баснословное вліяніе писателей на безграмотныя массы и на духъ разрушенія, который вторгся, наконецъ, въ этотъ удивительный общественный порядокъ? Мы ужъ не станемъ напоминать, что реформація въ XVI вѣкѣ нанесла ударъ католическому духовенству немного почувствительнѣе, чѣмъ писатели прошлаго столѣтія. Литература обнаруживаетъ негодованіе, ропотъ, страданія, зло, когда они уже тутъ, на лицо, но не сочиняетъ и не производитъ ихъ. Для этого имѣется авторъ другой, болѣе краснорѣчивый, болѣе понятный и чрезвычайно популярный. Это капля воды, падающая въ продолженіе вѣковъ на камень въ одну и ту же точку; это будничная жизнь, ея мелкія подробности, которыя мѣшаютъ легкимъ дышать свободно и сердцу спокойно биться; это сила, употребляемая тамъ, гдѣ она внушаетъ презрѣніе; это страхъ всего, чего не должно бояться, и наглая дерзость предъ каждою святыней человѣческаго чувства. „А потомъ возстали открыто противъ церкви и Бога". То есть, сперва писали, потомъ дѣйствовали. Мы уже замѣтили, что многіе любятъ приписывать французскую революцію вліянію литературы. Но вѣдь это страшное, исключительное и знаменательное событіе обсужено уже великими умами. Причины его раскрыты. Европа и цѣлый міръ приведены были въ ужасъ не отъ того, что нѣсколько неблагонамѣренныхъ людей сговорились между собою писать статейки да книжки и перевернуть Францію вверхъ дномъ, не отъ того, что враги общественнаго порядка, вооруженные перьями и хитростями языка, подожгли ее, прельстили, надоумили. Оказалось, что друзья порядка хлопотали усерднѣе враговъ. Враги въ совершенной зависимости отъ друзей и тогда только дѣлаются сильны, когда друзья потрудятся перепутать все и станутъ въ тупикъ. Грозная буря принеслась издалека. Она скопилась не въ тиши литературныхъ кабинетовъ и не на чердакахъ бѣдныхъ писателей прошлаго вѣка Они, правда, походили на сверканіе молніи, по которому можно догадаться, что туча заряжена гро-

мами. Люди знающіе утверждають, что французскую революцію готовила вся прошлая исторія Франціи, что интересы народа, оскорбленные во всѣхъ отношеніяхъ, и сатурналіи опьянѣлыхъ властей играли тутъ первостепенную роль, что наконецъ сѣмя переворотовъ, постигшихъ Францію, лежитъ въ самомъ характерѣ французовъ. Но не сама-ли революція эта свидѣтельствуетъ между прочимъ, что если литература не мила инымъ друзьямъ порядка, то и настоящіе враги его не очень жалуютъ ее. Кто послушался писателей, тронулся ихъ краснорѣчіемъ и увлекся ихъ талантомъ? Не всѣ ли они сложили головы, потому что не въ силахъ были получить какое-либо вліяніе? Не оставались ли долѣе другихъ только тѣ, кого нельзя назвать писателями, эти рабы кровожадной массы, которые не управляли ею, а подчинялись ей, и которымъ диктовала она свои животные инстинкты? Если всѣ бѣды происходятъ отъ враговъ общественнаго порядка, называемыхъ писателями, то кто же въ настоящее время виной безпорядковъ въ папскихъ владѣніяхъ? Неужели тайные агенты? тайная переписка? Дѣйствіе такого гомеопатическаго яда, такой нелѣпости доказывать нельзя, хотя графъ Буоль въ недавней депешѣ и старается выгородить свою Австрію подъ этимъ жалкимъ предлогомъ. Папа окруженъ одними друзьями порядка, писателей нѣтъ, слѣдовательно ничего не пишутъ, журналовъ одна только официальная газета, да двѣ—три иностранныхъ и то не въ полномъ количествѣ нумеровъ, книгъ, кромѣ благонамѣренныхъ, не увидишь въ глаза, слѣдовательно ничего не читаютъ,—чего бы, кажется, лучше,—царство небесное, а между тѣмъ понадобились чужія пушки и пріятельскіе штыки. Если писатели могутъ быть опасны для общественнаго порядка, если гласное указаніе на язвы общества бываетъ гибельно для него, то какимъ образомъ объяснить, не говоримъ уже благоденствіе и могущество, а просто существованіе Англіи? Чего тамъ не пишутъ и чего не говорятъ? Ей этого мало. У нея—„милости просимъ“ врагамъ общественнаго порядка съ цѣлаго свѣта, да еще не заставишь ее никакимъ образомъ принять на себя трудъ побезпокоиться сколько-нибудь при посѣщеніи этихъ незнакомыхъ гостей. Во Франціи и писали и была революція. Въ Германіи писали гораздо больше, гораздо разрушительнѣе, гораздо научнѣе, а революціи не было.

Движеніе 1848 года послѣдовало недавно, и его сравнивать съ французскою революціей было бы безсмыслицей. Но мы могли бы продолжить нашу статью въ безконечность, если бы захотѣли

пересчитывать событія исторіи, которыхъ не объяснить вліяніемъ писателей. Друзьямъ порядка въ превратностяхъ исторической жизни встрѣчалась иногда надобность отвести на нихъ глаза зрителей, чтобы по чувству христіанскаго смиренія самимъ не выставляться на первомъ планѣ. Имъ случалось приписывать хаотическое состояніе обстоятельствъ не своей неспособности, а чужой злонамѣренности. Нѣкоторые изъ нихъ любили поднимать тревогу, нарушать миръ и тишину, пугая легковѣрныхъ людей призраками, чтобы самимъ явиться потомъ въ образѣ ангеловъ-хранителей отъ этихъ несчастій ада, рисуемыхъ часто лукавымъ или слишкомъ трусливымъ воображеніемъ. Пускай другимъ странамъ чудятся привидѣнія, пускай другіе ступаютъ робко по историческому пути, озираясь на всѣ стороны. Въ Россіи живетъ духъ порядка несокрушимаго. Ей не настоитъ надобности въ излишней заботливости друзей, въ ихъ черезчуръ нѣжной и обязательной предусмотрительности. Россія не такой больной, чтобы докторъ смѣлъ побояться назвать ей ея болѣзнь. Опасно не то, что литература произведетъ дурное дѣйствіе, а скорѣе то, что пожалуй дѣйствія-то не окажется никакого. Откровенный говоръ литературы, особенно въ наше время, болѣе, чѣмъ во всѣ прошлые вѣка, и нуженъ и благодѣтеленъ. При уничтоженіи пространствъ, при непомѣрномъ передвиженіи массъ, при возрастающемъ общеніи людей, ну, теперь ли думать о томъ, что никто не увидитъ, никто не провѣдаетъ и что именно „незванные и не знающіе дѣла обличители“ дадутъ честное слово держать себя въ придѣлахъ скромности и свято хранить секреты? Литература, перенося вопросы въ сферу мысли, уничтожаетъ въ толкахъ ихъ баснословный характеръ и кладетъ печать молчанія на уста непризванныхъ и незнающихъ. Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, она одна въ состояніи умѣрять преувеличенные слухи, обуздывать бредъ воображенія, выводить напоказъ невѣжество, которое разглагольствуетъ охотно, разсказывая какія-то диковинки и въ грязной комнатѣ и въ нарядномъ салонѣ. Литература отнимаетъ у страсти, которая не можетъ выговориться, ея сосредоточенность и мрачность, а у зла его подспудную, разъѣдающую силу; она вѣрнѣе всѣхъ справокъ, доищется причинъ, угадаетъ послѣдствія, укажетъ на нелѣпость враговъ и на тупоуміе друзей.

Справедливость требуетъ замѣтить, что теорія графа Ржевусскаго, если нашла противниковъ, то не осталась и безъ послѣдователей. Кто-то П. К. въ *Русскомъ же Инвалидѣ* пришелъ

отъ нея въ неописанный восторгъ и выразилъ громогласно отъ лица старыхъ и молодыхъ солдатъ, употребляя, неизвѣстно по какому праву, выраженіе: „всѣ мы признательны за голосъ, поданный въ защиту арміи".

Эта статья безъименнаго автора не требуетъ опроверженій, ибо сначала до конца проникнута наклонностью къ духовному самоубійству. Авторъ, какъ нарочно, съ какимъ-то злымъ умысломъ, въ видахъ непостижимой дипломатической тайны, сдѣлалъ много выписокъ изъ *Военнаго Сборника* и выписалъ не слабыя мѣста, а только тѣ, на которыхъ читатель остановится непремѣнно съ напряженнымъ вниманіемъ и непремѣнно скажетъ себѣ: „да, правда, тысячу разъ правда".

Въ заключеніе мы не можемъ пропустить безъ вниманія нововведенія, сдѣланнаго графомъ Ржевусскимъ. Зачѣмъ въ его подписи подъ статьей обозначено его высокое званіе? До сихъ поръ знаменитые писатели Россіи, Державинъ, Дмитріевъ, графъ Уваровъ, подписывались подъ своими литературными произведеніями просто, не прибавляя: министръ юстиціи, министръ просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ. Они не прибѣгали къ безполезной мѣрѣ. Имъ было хорошо извѣстно, что у литературы есть своя табель о рангахъ; что по этой табели голое имя Шекспиръ значитъ—фельдмаршалъ, а что рядовую мысль не произведетъ въ офицерскій чинъ никакая подпись.

Н. Павловъ.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

VI.

Изъ тревожной эпохи.

Глава II.

Сельцо Дарьино.

I.

Всего въ двухъ верстахъ отъ села Чечулина находилось живописное сельцо Дарьино. Оно и церкви не имѣло отъ того, что его родовитые владѣльцы изстари любили сосѣдній Чечулинскій храмъ. Къ послѣднему дорога тянулась черезъ дубовые перелѣски и зеленые холмы, рѣзко отдѣляющіеся отъ засѣянныхъ окрестныхъ полей. Красивъ былъ подъѣздъ къ Дарьину. Передъ каменнымъ двухъэтажнымъ барскимъ домомъ, стоявшимъ на возвышенности, съ восемью массивными колоннами, колыхалась громадная водная площадь. Ее окружали постройки въ видѣ отдѣльныхъ флигелей и бесѣдокъ, тонувшихъ въ густой чащѣ липъ и тополей. Аллеи изъ старыхъ клёновъ съ двухъ сторонъ пруда вели посѣтителя къ парадному крыльцу княжескаго жилища.

Домъ былъ старъ и имѣлъ множество комнатъ. Семья Опочиньева помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, покинувъ бель-этажъ съ прадѣдовскою мебелью тотчасъ же послѣ крѣпостного освобожденія. Несмотря на относительное благосостояніе, князю не представлялось надобности продолжать ту широкую жизнь, которую онъ велъ въ до-реформенную эпоху. Его сосѣди-помѣщики побросали усадьбы и разъѣхались на жительство кто въ столицы, а кто и за границу. Время было смутное. Вводились уставныя грамоты; поселяне, подстрекаемые въ нѣкоторыхъ мѣст-

ностяхъ злонамѣренными людьми, доходили до открытыхъ бунтовъ; въ Царствѣ Польскомъ началось повстанье. Провинція переживала нервно и тяжело то, что̀ такъ легко вырабатывалось въ Петербургскихъ канцеляріяхъ, и еще легче разрѣшалось нашими либералами въ газетахъ и журналахъ.

Въ уютныхъ нижнихъ комнатахъ Дарьинскаго дома, обставленныхъ наслѣдственною мебелью изъ дуба, корельской берёзы, чернаго и краснаго дерева, живо интересовались тѣмъ, что представляла тогдашняя міровая жизнь. Опочиньевы жадно читали *Московскія Вѣдомости*, громившія польскій вопросъ и Герценовскія дѣянія. Междоусобная Американская война за освобожденіе негровъ также занимала генеральскую семью. Прасковья Яковлевна и ея дочь давно уже ознакомились съ „Хижиной дяди Тома“ и поплакали надъ многими ея страницами. Русская литература прогрессивнаго пошиба обыкновенно говорила о нашемъ крѣпостномъ правѣ, какъ объ учрежденіи варварскомъ, а помѣщиковъ третировала, какъ безпощадныхъ кровопійцъ. Между тѣмъ, въ самый разгаръ Николаевскаго царствованія, русскій народъ нисколько не оскудѣвалъ духовно, хранилъ въ себѣ пытливый умъ, природный юморъ и выпускалъ на общественную арену такихъ высоко-даровитыхъ людей, какъ академикъ Никитенко, актеръ Щепкинъ, профессоръ Погодинъ, доблестный воинъ Скобелевъ-дѣдъ, графъ Евдокимовъ, поэтъ Кольцовъ, Никитинъ и др. Указанные факты интересны потому, что рѣзко оттѣняютъ крѣпостное право православной и католической Россіи.

Въ первой изъ нихъ, благодаря отсутствію религіознаго фанатизма, установились патріархальныя отношенія между помѣщиками и ихъ крестьянами, во второй, подъ вліяніемъ папистскаго духовенства, создалось „быдло“, умертвившее на вѣки душу и способности польскаго простолюдина.

II.

Генералъ сидѣлъ въ кабинетѣ, окруженный гравированными портретами своихъ именитыхъ сослуживцевъ, и машинально смотрѣлъ на бронзовый бюстъ фельдмаршала Паскевича, стоявшій между двухъ оконъ, на черномъ мраморномъ пьедесталѣ. Князь не могъ себѣ объяснить, что̀ съ нимъ совершалось. Закроетъ онъ глаза, и передъ нимъ стоитъ живая, молодая Жозефина, протягивая къ нему маленькаго ребенка, и говоритъ:

— Это твой сынъ, возьми его!

То вдругъ онъ видитъ висѣлицу съ качающимся на ней трупомъ, и кто-то кричитъ:

— Смотри! на ней виситъ твой сынъ!

Викторъ Никитичъ вздрагивалъ, вставалъ съ кресла, крестился и шепотомъ произносилъ:

— Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его!

Генералъ отиралъ холодный потъ со лба и задумывался о прошломъ.

Давно это было, еще передъ польскою кампаніей 1831 года. Онъ, молодой полковникъ, послѣ какого-то смотра, подъѣзжалъ къ своей квартирѣ, въ городѣ Ломжѣ, а у ея подъѣзда сидѣла юная панна Жозефина.

Она улыбнулась ему и сказала:

— Какой ты красавецъ, Витя! Я, любуясь тобой, думаю: что мнѣ дороже: ты, или „ойчизна"? И рѣшаю: ойчизна! Что дѣлать! Пріятно мнѣ тебя ласкать, а раздайся набатъ, который призываетъ поляковъ къ повстанью, и я тебя перваго заколю!

Тонкія, бѣлыя руки польки горячо обхватывали голову русскаго воина, а розовыя, свѣжія уста еще горячѣй его цѣловали.

Почему приведенная сцена вспомнилась князю, и какое она имѣла отношеніе къ той позднѣйшей дѣйствительности, когда онъ проживалъ давно уже годы старости? Такой вопросъ не разрѣшается обыкновенно минутой. Часто мысль не вызывается разумомъ, а сама внезапно въ немъ рождается и даетъ направленіе послѣдующимъ размышленіямъ.

Вращаясь въ заколдованномъ кругу идей, Опочиньевъ почувствовалъ потребность съ кѣмъ-нибудь подѣлиться ими. Но Боже сохрани открыться Прасковьѣ Яковлевнѣ! Ей, воспитанной въ строгихъ православныхъ преданіяхъ, и думать было нечего говорить о томъ, что должно возмутить ея душевный покой. Оставалось одно: взять въ пособники начальника Чечулинскаго этапа, того Кочубовскаго, которому онъ протягивалъ одинъ палецъ правой руки! И, однако, только этотъ Кочубовскій могъ помочь ему въ данномъ дѣлѣ. Онъ и свѣдѣнія дастъ о томъ: куда идетъ старикъ, гдѣ онъ будетъ имѣть жительство въ Сибири? Гдѣ осталась его дочь?

Князь сѣлъ къ столу и дрожащею рукой написалъ этапному подпоручику слѣдующія строки: „Любезный сосѣдъ, было бы пріятно, еслибъ ты запросто пріѣхалъ къ намъ отобѣдать, а также привезъ бы мнѣ свѣдѣнія о томъ старикѣ, который заци-

тересовалъ меня своимъ разсказомъ. Куда онъ назначенъ въ ссылку? Гдѣ и съ кѣмъ осталась его дочь"?

Генералъ позвонилъ. Вошелъ человѣкъ, бѣлый, какъ лунь, въ сѣроватомъ сюртукѣ, съ округленными полами, съ металлическими на немъ гербовыми пуговицами. На ногахъ его были штиблеты съ маленькими мѣдными пуговками. То былъ Пахомычъ, старый камердинеръ, служившій еще отцу Виктора Никитича.

— Слушай-ка, Пахомычъ,—обратился Опочиньевъ къ почтенному слугѣ,—вели-ка осѣдлать Мишкѣ „Султана" и отвезти это письмо немедленно на этапъ. Да чтобы получилъ отвѣтъ отъ начальника.

Генералъ глубоко вздохнулъ. Точно тяжелый грузъ свалился съ его плечъ.

III.

Еслибъ читатель, хотя въ щелку двери, могъ заглянуть, какъ входилъ въ обширный залъ Опочиньевскаго дома Адамъ Казиміровичъ, онъ несомнѣнно прочелъ бы на лицѣ послѣдняго выраженіе: „Я сегодня имениникъ!" Лицо пана Кочубовскаго блистало побѣдоносно. Покручивая усики и прислушиваясь къ голосамъ въ сосѣднихъ комнатахъ, этапный офицеръ чувствовалъ и понималъ, что старый князь сильно въ немъ нуждается. Офицеръ, послѣ отъѣзда генерала съ этапа, подробно разспросилъ ссыльнаго поляка о томъ, какой Опочиньевъ имѣлъ связь съ его дочерью, и шепнулъ арестанту, что этотъ самый Опочиньевъ съ нимъ разговаривалъ. Бѣдный поселенецъ вручилъ Кочубовскому для передачи князю письмо, въ которомъ просилъ денежной помощи себѣ и дряхлѣющей дочери. Такимъ образомъ, Адамъ Казиміровичъ, благодаря сложившимся обстоятельствамъ, дѣлался повѣреннымъ самыхъ интимныхъ тайнъ заслуженнаго воина. Скромный начальникъ этапа начиналъ мечтать: нельзя ли подвести мины подъ сердце княжны? Чѣтъ чортъ не шутитъ! Совѣсть генерала въ его рукахъ, почему же въ нихъ не можетъ очутиться и княжна?

Появившійся лакей прервалъ горделивыя мысли гарнизоннаго вольнодумца и доложилъ, что княгиня ожидаетъ гостя въ диванной. Комната эта имѣла оригинальный видъ. Диваны, съ высокими спинками, обитые коричневою кожей, шли непрерывно вдоль трехъ стѣнъ. Передъ диванами стояли овальные столы съ масляными лампами, подъ зелеными зонтами, развернутые

картежные столы и столики съ досками для шахматной игры. Прасковья Яковлевна сидѣла въ вольтеровскомъ креслѣ у окна, выходившаго въ садъ, и держала въ рукахъ свѣжій нумеръ газеты. На ея лицѣ отражались два чувства, два впечатлѣнія. Первое изъ нихъ было результатомъ только что прочитаннаго, второе—удивленіе, вызванное неожиданнымъ появленіемъ Кочубовскаго въ Дарьинѣ. Панъ почтительно поцѣловалъ руку хозяйкѣ и выпустилъ цѣлый рядъ любезностей. Между прочимъ, онъ сказалъ:

— Вы нѣсколько поражены, княгиня, моимъ скорымъ появленіемъ у васъ? Но могъ ли я медлить благодарностью за ваше вниманіе къ маленькому человѣчку, какимъ несомнѣнно представляюсь я!

Адамъ Казиміровичъ, по приглашенію княгини, помѣстился на сосѣднемъ креслѣ.

— Вы очень любезны,—отвѣчала Прасковья Яковлевна,—хотя я не могу всецѣло отнести посѣщеніе этапа желанію посмотрѣть на ваше хозяйство. Меня давно трогала судьба арестантовъ, осужденныхъ на цѣлый годъ скитальческой жизни. Ихъ участь ужасна. Одна капля ея облегченія даетъ не мало радостей сердцу.

Опочиньева грустно улыбнулась, а Кочубовскій возразилъ:

— Что бы ни привело васъ въ мою скромную хату, но одна мысль, что вы удостоили меня своимъ посѣщеніемъ, дѣлаетъ меня уже счастливымъ.

— Довольно любезностей. Ваша нація неистощима на нихъ. До обѣда остается еще цѣлый часъ. Не хотите-ли чаю или кофе?

Адамъ Казиміровичъ не успѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ на порогѣ комнаты показалась Наташа. Въ ея рукахъ была соломенная шляпа съ широкими полями, и она задыхалась отъ усиленной ходьбы. Ея кисейное бѣлое платье, съ черными мушками, было перетянуто кожанымъ кушакомъ. Дѣвушка хотѣла броситься къ матери, чтобы ее обнять, но повернулась въ сторону, увидѣвъ Кочубовскаго. Княжна подошла къ гостю.

— Очень рада васъ видѣть,—произнесла она,—и не удивляюсь, что вы такъ скоро насъ посѣтили.

— Я исполнилъ только повелѣніе моего сердца.

— Повелѣніе сердца! Какъ громко сказано! Вы поберегите эту фразу для той, которая возьмется повелѣвать вашимъ серд-

цемъ. А я не царица, я повелѣвать не умѣю.—Наташа засмѣялась и подбѣжала къ матери.

— Правда, мамочка, я твоя шалунья дочка! Мое дѣло рѣзвиться и любить свою милую мамочку и своего папочку.

Дѣвушка опустилась на колѣни передъ Прасковьей Яковлевною и принялась цѣловать ея руки. Кочубовскій растерялся передъ описанною сценой. Его душу охватило сладостное чувство мирной семейной жизни, хотя и далекой отъ его понятій и влеченій. Въ немъ бродили другія потребности, другія мысли, чуждыя русскому быту. Ему досадно было, что русскіе имѣли свои радости въ то время, когда его родина переживала политическое возстаніе, когда его соотечественники тысячами гибли отъ пуль и штыковъ проклятыхъ москалей. Адамъ Казиміровичъ съ ненавистью смотрѣлъ теперь на княгиню и ея дочь. Прасковья Яковлевна уловила его взглядъ и какъ бы поняла происходившее въ душѣ заядлаго поляка. Она поцѣловала Наташу въ голову и поднялась съ кресла, протянувъ *Московскія Вѣдомости* Кочубовскому.

— Прочтите, что пишетъ Катковъ по польскому вопросу. Вы, конечно, съ нимъ не согласитесь, но намъ, русскимъ, нельзя не сочувствовать его мыслямъ. Онѣ слишкомъ правдивы.

Княгиня вышла изъ комнаты. Офицеръ не зналъ, что дѣлать. Его страшно интересовало, что пишетъ новаго ненавистный и сильный врагъ его ойчизны. Адамъ Казиміровичъ забылъ, что находится въ чужомъ домѣ и что вблизи его стоитъ юное и прелестное созданье, тщательно наблюдавшее за нимъ. Кочубовскій читалъ слѣдующія строки, написанныя кровью и нервами лучшаго русскаго публициста: „Изъ человѣколюбія, изъ доброжелательства къ краю, не польскимъ его жителямъ,—писалъ Катковъ,—не слѣдуетъ поощрять въ немъ польскую національность, не слѣдуетъ вступать въ сдѣлку съ польскими національными стремленіями, какъ бы ни умѣренно и какъ бы ни благоразумно они высказывались. Невозможно жертвовать этимъ несбыточнымъ стремленіямъ тѣми народными силами, которыя доказали свою живучесть въ недавней схваткѣ съ отчаяннымъ натискомъ. Эти силы—наши народныя силы. Отказываясь отъ нихъ, мы отказались бы отъ самихъ себя, мы добровольно отринули бы элементы прочности нашего государства. Возможно ли подчинить эти живыя, свѣжія, поднявшіяся русскимъ духомъ силы тѣмъ чужеяднымъ элементамъ, которые могутъ быть въ

нашемъ государствѣ только зародышемъ другого государства, да къ тому же государства ни въ какомъ случаѣ неспособнаго существовать?“ [1]

Адамъ Казиміровичъ внезапно смялъ газету и бѣшено кинулъ ее на полъ. Лицо его перекосилось отъ гнѣва.

Испуганная Наташа воскликнула:

— Что съ вами? Вы забылись!

IV.

Кочубовскій очнулся отъ давящаго его кошмара. Онъ провелъ рукой по мокрому лбу, силился улыбнуться и кротко проговорилъ:

— Простите меня. Я полякъ. Можно ли мнѣ хладнокровно читать оскорбленія, наносимыя моему отечеству писателемъ, котораго такъ чтутъ ваши консерваторы? Катковъ! Не мы одни, поляки, его ненавидимъ, его ненавидятъ и русскіе либералы.

Офицеръ торопливо поднялъ брошенныя на полъ *Московскія Вѣдомости*, а Наташа спросила его:

— Покажите мнѣ, что вы обиднаго прочли у Каткова?

Адамъ Казиміровичъ молча указалъ на передовую статью.

Княжна помѣстилась въ креслѣ, на которомъ сидѣла ея мать, и принялась за чтеніе *Вѣдомостей*. Кочубовскій ходилъ по комнатѣ въ тяжеломъ раздумьѣ. Вошедшая въ диванную Прасковья Яковлевна посмотрѣла на дочь, на офицера и подумала: „ужъ не сдѣлалъ ли онъ предложеніе?“

Увлеченная статьей, Наташа изрѣдка кивала головкой.

— Ничего нѣтъ обиднаго! Катковъ долженъ такъ писать. Навѣрно и ваши поляки не стѣсняясь высказываются о Россіи! Я не читаю иностранныхъ газетъ, но убѣждена въ этомъ.

Княгиня съ удивленіемъ слушала дочь. Она никогда не разсуждала съ нею на политическія темы, а потому замѣтила:

— О чемъ ты такъ горячо говоришь, Наташа?

— Ахъ, мамочка, Адамъ Казиміровичъ сейчасъ прочелъ статью Каткова о Польшѣ и разсердился на рѣзкость его мнѣній.

Княгиня молчала, а Кочубовскій мигомъ оцѣнилъ деликатный отвѣтъ Наташи и находился подъ обаяніемъ ея прекрасной души. Адамъ Казиміровичъ готовъ былъ забыть свою „ойчизну“ и только желалъ, чтобы *она* не уходила отъ него, свѣтила ему, согрѣвала его.

---

[1] *Московскія Вѣдомости* № 169, 1863 года.

Вошелъ лакей съ докладомъ:

— Кушать готово. Генералъ изволили выйти изъ кабинета.

Княгиня сказала:

— Дайте мнѣ вашу руку, мосье Кочубовскій.

Офицеръ, какъ школьникъ, повиновался.

V.

Посрединѣ столовой, отдѣланной дубомъ и увѣшанной картинами съ охотничьими сценами, находился круглый столъ, накрытый на шесть приборовъ. Генералъ стоялъ у дверей возлѣ широкаго корридора и разговаривалъ съ господиномъ среднихъ лѣтъ, одѣтымъ въ темно-синій пиджакъ, съ чернымъ галстукомъ на шеѣ. Лицо господина было некрасиво и нервно передергивалось. Глаза его, прикрытые золотыми очками, безпрестанно пялились впередъ, точно впивались въ говорившаго. Незнакомецъ произносилъ рѣчь скороговоркой, не слушая собесѣдника. Онъ возвышалъ голосъ, не обращая вниманія на присутствующихъ. Это былъ Левъ Львовичъ Драницынъ, богатый мѣстный помѣщикъ, только-что вернувшійся на короткій срокъ во-свояси изъ Парижа. Онъ окончилъ курсъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Геттингенскомъ университетѣ, былъ усерднымъ поклонникомъ Фейербаха и другомъ Лассаля. Драницынъ имѣлъ жену и двухъ мальчиковъ, живущихъ постоянно за границей, читалъ запоемъ книги, бѣгло просматривалъ иностранныя газеты и торопился облагодѣтельствовать Россію прогрессивными учрежденіями, которыми давно пользовалась Западная Европа. Левъ Львовичъ приходился роднымъ племянникомъ Прасковьѣ Яковлевнѣ, сердился, видя въ ея рукахъ *Московскія Вѣдомости*, и увѣрялъ, что они накличатъ на наше отечество нашествіе чуть ли не всѣхъ свободомыслящихъ государствъ. И теперь Драницынъ пугалъ генерала разсказами о томъ, что Наполеонъ III непремѣнно объявитъ намъ войну за Польшу и вынудитъ насъ дать ей отдѣльную конституцію. Старикъ Опочиньевъ терпѣливо слушалъ горячую болтовню племянника, но когда въ концѣ столовой показалась его жена, дочь и Кочубовскій, онъ воскликнулъ:

— Это ты, братецъ, ужъ врешь! Этому не бывать!

Драницынъ подошелъ къ теткѣ и поцѣловалъ у нея руку. Княгиня ласково спросила:

— Когда же это ты, Левъ, пріѣхалъ?

— Я прямо изъ города. Погода прекрасная, версты за двѣ

до васъ я вышелъ изъ экипажа и шелъ до Дарьина пѣшкомъ. Чудо, какъ хорошо въ лѣсу! Прохладно. Идешь и мечтаешь!

Адамъ Казиміровичъ и Драницынъ познакомились. Викторъ Никитичъ, не подавая вида, что вызвалъ самъ офицера, далъ ему по обыкновенію одинъ палецъ правой руки, но ласково проговорилъ:

— Ты, панъ, садись около меня, а то онъ уши мнѣ прожужжитъ.

Опочиньевъ указалъ гостю глазами на племянника.

Обѣдъ проходилъ весело. Левъ Львовичъ, любившій хорошо покушать, сообщалъ кучу новостей. Между прочимъ, онъ передалъ, что у польскаго военачальника, Лангевича, есть хорошенькій адъютантъ, въ которомъ всѣ заподозрѣваютъ женщину. Драницынъ разсказывалъ:

— Былъ такой случай. Въ кабинетъ Лангевича вошелъ безъ доклада за спѣшнымъ приказаніемъ какой-то генералъ, и попятился невольно назадъ. Лангевичъ держалъ на колѣняхъ своего адъютанта и съ увлеченіемъ его цѣловалъ. Прасковья Яковлевна прервала племянника.

— Ты эти подробности могъ бы оставить про себя.

Къ ея удивленію, Кочубовскій вмѣшался въ разговоръ.

— Это не секретъ,—замѣтилъ онъ. Адъютантомъ у Лангевича состоитъ г-жа Пустовойтова, знаменитая своею красотой.

— Вы тоже слѣдите за политикой?

— А почему вы присвоиваете себѣ исключительное на нее право?

— Гмъ!—промычалъ эхидно Драницынъ.—Къ пониманію политики нужно быть подготовленнымъ.

— А почему вы думаете, что я менѣе приготовленъ къ ея пониманію, чѣмъ вы?

Кочубовскій остановилъ на Драницынѣ вопрошающій взоръ.

— Браво! — произнесъ князь.—Что, Левъ? Нашла коса на камень.

Наташа съ любопытствомъ прислушивалась къ пикировкѣ бесѣдующихъ. Ей было пріятно, что Адамъ Казиміровичъ не уступаетъ ея кузену, котораго весь уѣздъ считалъ самымъ образованнымъ и умнымъ человѣкомъ.

Драницынъ продолжалъ ораторствовать:

— Польская война, затѣянная нами, несправедлива. Польша

должна быть свободна. Ея культура выше нашей. Но бѣда въ томъ, что она фанатически предана папизму. Страной управляютъ іезуиты въ лицѣ мѣстныхъ ксензовъ. Если Польша не сброситъ съ себя авторитета папизма, она пострадаетъ отъ послѣдняго больше, чѣмъ отъ Россіи. Чтобы воскреснуть духовно, Польша должна забыть свое прошедшее, полное междоусобицъ. А это почти невозможно. Мой другъ Фейербахъ говоритъ: „Только въ томъ случаѣ, если ты можешь примирить самого себя съ твоимъ прошедшимъ, если ты можешь согласить его съ твоимъ настоящимъ,—только въ такомъ случаѣ ты можешь допустить, чтобы *оно* воскресло".

— Прекрасно сказано,—пояснилъ иронически Драницыну Кочубовскій,—но вашъ другъ, въ предисловіи къ первому изданію своихъ сочиненій, замѣтилъ: „я употреблю книжную пыль моего прошедшаго въ видѣ удобренія для новаго произращенія, которое должно въ главныхъ чертахъ пополнить мою тему". Примѣняя эту мысль къ моей родинѣ, примите въ соображеніе, что прошедшее Польши не можетъ повториться. Если ей суждено вновь стать большимъ политическимъ государствомъ, то она имъ сдѣлается, лишь усвоивъ „начала", провозглашенныя великою французскою революціей.

Послѣднія слова Адамъ Казиміровичъ почти выкрикнулъ. Видимо, онъ надрывался, лицо его побагровѣло. Княжна прикрыла свой ротикъ салфеткой и прошептала на ухо двоюродному брату:

— Что взялъ?

Но не такъ разсуждала Прасковья Яковлевна. Она нахмурила брови.

— Вы оба очень легко обсуждаете предметы,—сказала она,—которые требуютъ не только знанія, но и справедливости. Философія Фейербаха не поможетъ разрѣшить спора между Польшей и Россіей. Споръ этотъ разрѣшитъ мечъ. Кто рожденъ русскимъ, пусть имъ и останется; кто рожденъ полякомъ, пусть имъ и будетъ. Ну, а ты, мой батюшка,—неожиданно обратилась княгиня ко Льву Львовичу,—ты кто такой? Къ какой *ты* націи принадлежишь?

Энергическій натискъ тетки совершенно выбилъ изъ колеи Драницына. Онъ смущенно промолвилъ:

— Какъ я кто такой? Я вашъ племянникъ, русскій дворянинъ Левъ Львовичъ Драницынъ!

Въ столовой раздался единодушный взрывъ хохота.

VI.

Послѣ обѣда генералъ пригласилъ пана Кочубовскаго въ свой кабинетъ. Онъ еще находился подъ впечатлѣніемъ эпизода за столомъ со Львомъ Львовичемъ и былъ въ веселомъ настроеніи духа. На время отъ Опочиньева отошла дума о другомъ эпизодѣ, происшедшемъ на этапѣ. Князь говорилъ:

— Нѣтъ, каковъ нашъ либералъ! Какъ онъ важно трактовалъ объ этомъ, какъ его?—вашемъ философѣ Бахѣ, а кончилъ тѣмъ, что онъ тётушкинъ племянникъ. Чортъ знаетъ, что такое! Выходитъ и философія и ерунда. Какъ ты полагаешь, такой камуфлетъ только съ русскимъ бариномъ можетъ случиться?

Адамъ Казиміровичъ молчалъ, но ядовито улыбался. Онъ таилъ нѣчто про себя, что сейчасъ же передалось и его собесѣднику. Викторъ Никитичъ вздрогнулъ и опомнился. Онъ показалъ на кресло офицеру, закашлялся и началъ рѣчь, путаясь въ словахъ:

— Ты, панъ, получилъ мое письмо? Я сообщалъ тамъ объ этомъ бѣднякѣ.. не знаю, какъ его фамилія?.. Кажется, онъ полякъ?

Кочубовскій, видя затрудненіе генерала, всегда отличавшагося увѣренностью и достоинствомъ, рѣшилъ разомъ выяснить щекотливый вопросъ. Онъ вынулъ изъ бокового кармана мундира запечатанное письмо.

— Прочтите, князь, что пишетъ этотъ несчастный, на которомъ вы изволили остановить вниманіе.

Старикъ взялъ пакетъ.

Содержаніе письма намъ уже извѣстно. Оно облегчало положеніе Опочиньева и указывало, чѣмъ и гдѣ онъ могъ оказать помощь двумъ лицамъ, когда-то ему не чуждымъ. Пробѣжавъ письмо, генералъ вдругъ облегчительно вздохнулъ. Онъ всталъ и подошелъ къ пузатому бюро изъ краснаго дерева, отодвинулъ верхнюю крышку и вынулъ изъ бокового ящика пачку бумажекъ.

— Вотъ тутъ, фендрикъ, тысячу рублей,—произнесъ Опочиньевъ твердымъ голосомъ.—Изъ нихъ пятьсотъ рублей ты передашь поселенцу, а пятьсотъ рублей перешлешь его дочери. Ты меня очень обяжешь, если не откажешься сообщаться письмами съ Жозефиной. Не упоминай ей обо мнѣ, но увѣрь ее,

что въ нуждѣ она не останется. Черезъ тебя она будетъ получать отъ меня аккуратно шестьсотъ рублей въ годъ.

Генералъ замолкъ. Онъ не хотѣлъ прибавить болѣе ничего, но чувствовалъ, что и то, что сказано, отдаетъ его въ руки хитраго пана. Поэтому Викторъ Никитичъ сдѣлалъ дополненіе къ своимъ словамъ:

— Пожалуйста, чтобы это все оставалось между нами. Не нужно лишнихъ разговоровъ. Мало ли что могутъ выдумать, особенно если вмѣшаются женщины?

Этапный начальникъ поднялся съ мѣста.

— Ваше сіятельство,—торжественно проговорилъ онъ,—Кочубовскій не измѣнялъ никогда ничьему довѣрію.

Опочиньевъ неожиданно притянулъ къ себѣ Адама Казиміровича и поцѣловалъ въ щеку.

VII.

Кочубовскій вернулся домой подъ сильнымъ впечатлѣніемъ всего имъ испытаннаго въ княжескомъ домѣ. Онъ имѣлъ основаніе предполагать, что Наташа начинала имъ интересоваться, что ея отецъ сдѣлался къ нему расположеннымъ и нѣсколько зависимымъ отъ него. Оставалась одна мать княжны. Она, правда, неумолимая патріотка, но она русская, а русскія вообще отличаются добрымъ характеромъ и незлобливостью. Кромѣ того, чего не сдѣлаетъ мать ради ребенка, котораго она любитъ и который составляетъ ея единственное сокровище? Кажется, все слагалось къ тому, чтобы ничтожный, гарнизонный офицеръ завоевалъ знатный дворянскій домъ, бывшій въ недалекомъ прошломъ для него недоступнымъ. Но Адамъ Казиміровичъ продолжалъ раздумывать. Что̀ такое онъ представляетъ изъ себя? Воспитанный въ русскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ остался чуждымъ всего русскаго. Нося военный русскій мундиръ, онъ не сроднился съ духомъ русскаго солдата. Днемъ и ночью, въ обществѣ и наединѣ, на ложѣ, его тянетъ въ ту страну, которая воюетъ съ Россіей, которую онъ мало знаетъ, но которую на духу каждый ксендзъ наставлялъ его любить беззавѣтно, не жалѣть для нея послѣдней капли своей крови. Такія мысли онъ слышалъ съ малолѣтства, и онѣ вгнѣздились въ его сердце. Кочубовскій не былъ подлецомъ по природѣ. Его искренно тянуло къ княжнѣ, но тайный долгъ, принятый имъ относительно своей ойчизны, пересиливалъ въ немъ личныя влеченія. Теперь онъ переживалъ тяжелыя минуты внутренней борьбы. Въ его рукахъ

была тысяча рублей, врученныхъ генераломъ ему, какъ честному человѣку, для передачи ссыльному поляку и его дочери. Несомнѣнно, онъ долженъ доставить деньги по назначенію. Но его мутитъ бѣсъ. Онъ шепчетъ: „рубли москаля ты обязанъ отдать городскому ксендзу для пересылки въ „народовой жондъ". Что значитъ жизнь и благополучіе какого-то ссыльнаго нищаго и его, быть-можетъ, полоумной и никому ненужной дочери, въ сравненіи съ судьбой и величіемъ цѣлой націи? Ради ея спасенія извинительна даже подлость, предательство и измѣна русскому знамени".

Кочубовскій легъ въ постель и взялъ въ руки только-что полученный имъ отъ приволжскаго ксендза свѣжій нумеръ *Колокола*. Въ немъ описывалась съ ужасающими и вымышленными подробностями казнь, произведенная, по приказанію Муравьева, надъ графомъ Платеромъ, знаменитымъ польскимъ магнатомъ. Графа повѣсили. Герценъ выливалъ цѣлый потокъ ругательствъ на виленскаго проконсула. Читая ихъ, Адаму Казиміровичу сдѣлалось гадко за русскаго эмигранта.

— Нѣтъ,—произнесъ онъ громко,—полякъ не способенъ наносить удары своей родинѣ, какъ бы она ни была передъ нимъ виновата. Полякъ изъ самолюбія скроетъ недостатки своихъ соотечественниковъ. Одни русскіе либералы думаютъ иначе. Они ненавидятъ то, что создано ихъ исторіей. Они хотятъ обновить Россію европейскою цивилизаціей, и умерщвляютъ въ ней ея историческій духъ. А мы, поляки, стоимъ на почвѣ. Мы мечтаемъ о возстановленіи древней Посполитой Рѣчи, отъ моря и до моря,—и не намъ ли надѣяться на успѣхъ? Препятствія должны пасть передъ нашими гигантскими планами.

Кочубовскій заснулъ, убаюканный мыслями о грядущихъ событіяхъ, имѣющихъ совершиться, по его мнѣнію, въ ближайшемъ будущемъ.

VIII.

А утро для честолюбиваго поляка наступило самое прозаическое. Денщикъ разбудилъ его, когда чуть-чуть свѣтало. Сырой туманъ, окутывавшій окрестность, обмывалъ лица выходившихъ съ этапа арестантовъ, выстраивавшихся длинными рядами за воротами. Пѣшіе и конные конвоиры съ ружьями на плечахъ и съ обнаженными саблями оцѣпляли партію и нецеремонно вталкивали въ строй зазѣвавшихся каторжниковъ. Крупная ругань, плачъ дѣтей, крики подводчиковъ, укладывавшихъ на телѣги арестантскія вещи, звонъ цѣпей и кандаловъ, все смѣшивалось

въ воздухѣ въ неопредѣленный гулъ. Вотъ раздалась команда: „Смирно! Направо! Маршъ!“ Послышался бой барабана, и партія неторопливо двинулась въ походъ. Передъ ней лежала длинная дорога, полная тяжелыхъ впечатлѣній и душныхъ, развращающихъ ночей на этапныхъ ночлегахъ.

Прежній, пѣшій арестантскій путь былъ печальнымъ фактомъ, къ испытанію котораго слѣдовало бы приговаривать людей за особо крупныя преступленія. Прохожденіе этого пути не считалось наказаніемъ, и ему подвергались не только ссылаемые по суду арестанты, но и ни въ чемъ неповинныя семьи, слѣдовавшія за виновными отцами, женами и братьями. Чего только бѣдныя дѣти не слышали на Сибирской дорогѣ? Чего они не видали на ней? Къ мѣсту ссылки ихъ родныхъ, они являлись уже глубоко испорченными нравственно и физически изнеможденными. Жизнь имъ не представлялась заманчивымъ призракомъ, люди имъ не казались добрыми. Грязными чувствами забивалась душа малолѣтокъ, пошлыми мечтаніями проникалась ихъ мысль.

Адамъ Казиміровичъ ѣхалъ съ боку партіи верхомъ на рыжемъ конѣ, какъ вѣрный исполнитель служебнаго долга. А голова его была далека отъ дѣйствительности. Во-первыхъ, онъ уже порѣшилъ съ княжескими деньгами. Имъ передано изъ нихъ ссыльному поляку лишь полтораста рублей, его дочери послано также полтораста рублей, а семьсотъ рублей отправлено съ нарочнымъ въ городъ Приволжскъ къ пріятелю ксендзу на поддержку польскаго возстанія. Себѣ лично Кочубовскій не оставилъ ни гроша, и считалъ, что онъ честно поступилъ съ капиталомъ, врученнымъ ему на совѣсть старымъ генераломъ. Далѣе онъ разсудилъ, что ему не выдержать службы. Въ его отечествѣ русскіе войска одолѣваютъ повсюду банды, братья его гибнутъ въ лѣсахъ и болотахъ, а онъ здѣсь мирно живетъ и пользуется привиллегіями офицера, враждебнаго его родному государству. Мысль „бѣжать до лясу“ крѣпла въ сердцѣ непримиримаго поляка, затемняя собою даже плѣнительный образъ княжны.

Колодники приближались къ густому сосновому бору, тянувшемуся на многія десятки верстъ. Боръ пересѣкали глубокіе пески, вздымавшіеся, точно холмы, на широкомъ историческомъ трактѣ. Арестанты шагали тяжело, отставая другъ отъ друга и тянувши на общей цѣпи своихъ усталыхъ товарищей. Вдругъ случилось что-то необычайное. Изъ самой середины партіи одинъ каторжникъ, закованный по рукамъ и ногамъ, бросился по направленію лѣса. Его подвигъ былъ удивительный. Песокъ

достигавшій почти до колѣнъ человѣка, не существовалъ для бѣглеца. Онъ несся, какъ тѣнь, и только звонъ отъ его цѣпей и кандаловъ слышался отчетливо въ воздухѣ. Начальникъ этапа первый увидалъ бѣглеца. Ни одинъ изъ конныхъ конвоировъ не успѣлъ еще повернуться на сѣдлѣ, чтобы преслѣдовать преступника, какъ Кочубовскій помчался за нимъ и у самой грани вѣковыхъ сосенъ, карауливших непроходимую трущобу, положилъ на мѣстѣ смѣльчака выстрѣломъ изъ револьвера въ упоръ. Въ партіи раздался неясный ропотъ и проклятія на кого-то. Адамъ Казиміровичъ, весь пылавшій отъ волненія, скомандовалъ: „стой!“ и приказалъ солдатамъ рубить безпощадно всякаго арестанта, который выдвинется хоть немного изъ строя. Такимъ образомъ, партія была покорена въ самомъ началѣ возмущенія. Неудачную жертву побѣга, убитую наповалъ и искавшую какого-то призрака свободы, свалили, какъ трупъ животнаго, на самую заднюю подводу. Въ лѣсу наступила роковая тишина. Точно шли не живые люди, а мертвецы. Каждый переживалъ по своему происшедшее событіе. Иные говорили, что такъ и слѣдуетъ быть; другіе находили, что начальникъ поступилъ варварски; третьи, что онъ не имѣлъ права убивать каторжника, что для его наказанія есть царскій судъ. Какъ бы то ни было, но Кочубовскій, сдѣлавшійся неожиданнымъ убійцей, ѣхалъ самъ не свой. Ему противною показалась его обязанность, его настоящее существованіе. Онъ рѣшилъ взять продолжительный отпускъ и воспользоваться имъ для задуманнаго бѣгства къ своимъ роднымъ повстанцамъ.

Партія пришла на полуэтапный ночлегъ поздно, когда уже смерклось и когда звѣзды, эти молчаливые свидѣтели человѣческихъ дѣяній, замигали въ безконечной вышинѣ синѣющихъ небесъ.

IX.

Въ эту же ночь было послано Адамомъ Казиміровичемъ экстренное донесеніе въ гор. Приволжскъ о совершившемся происшествіи. Когда онъ къ вечеру на другой день вернулся въ Чегулино, то его ждалъ уже военный слѣдователь, сослуживецъ по баталіону, старый капитанъ Костальскій, полякъ, участвовавшій въ прапорщичьемъ чинѣ въ возстаніи 1831 года противъ Россіи. Онъ разжалованъ былъ въ рядовые и вновь дослужился до офицерства.

Допросивъ солдатъ и записавъ, ради формы, какъ произошелъ побѣгъ арестанта, Костальскій отпустилъ людей съ квартиры

начальника и остался съ нимъ наединѣ. Онъ заперъ на крючки всѣ двери, заглянулъ въ окна и подошелъ близко къ офицеру.

— Панъ ничего не знаетъ,—проговорилъ таинственнымъ голосомъ по-польски капитанъ,—что дѣлается въ Приволжскѣ?

Кочубовскій съ удивленіемъ смотрѣлъ на собесѣдника.

Костальскій оглянулся, какъ бы не довѣряя своему осмотру, и продолжалъ:

— Мы, поляки, добрые патріоты. Мы обрекли на гибель Симбирскъ, открыли въ Приволжскѣ отдѣлъ „Народоваго фонда“ и готовимъ возстаніе. Подъ казначейство подводимъ подкопъ. За наше дѣло стоятъ много офицеровъ и солдатъ. Панъ, конечно, съ нами будетъ?

Голосъ капитана сдѣлался сладкимъ и замирающимъ, но глаза его ѣли молодого подпоручика. Однако, послѣдній не смутился и горячо произнесъ:

— Вы только разрѣшили мое сомнѣніе. Если бы не вашъ разсказъ, я убѣжалъ бы на дняхъ къ повстанцамъ. Я такъ и рѣшилъ. Теперь я въ вашемъ распоряженіи. Приказывайте!

Костальскій былъ полный мужчина. Его одутловатое лицо, маленькіе, сѣрые, ожирѣвшіе глаза, толстый, мясистый носъ, большая лысина на головѣ и сѣдые усы, опущенные книзу, напоминали польскаго заговорщика XVI или XVII вѣка. Капитанъ благосклонно выслушалъ слова своего земляка и сказалъ:

— Славный полякъ вы, панъ! Завтра ѣдемъ въ Приволжскъ. У ксендза Бонифація соберутся всѣ наши. Обсудимъ подробно, какъ и когда мы поднимемъ наше знамя на Волгѣ. Въ Симбирскѣ мы здорово похозяйничали. Если намъ удастся тоже въ Приволжскѣ, то мы не на шутку обезсилимъ врага и облегчимъ повстанье. Ну, панъ, распорядись выпивкой.

Двери квартиры начальника этапа были раскрыты настежь, и солдаты могли видѣть и слышать, какъ старый капитанъ выпивалъ стаканъ за стаканомъ въ честь русскаго царя и его вѣрной арміи. Впрочемъ, могли ли солдаты и подозрѣвать о томъ, о чемъ говорилось по секрету въ кабинетѣ Кочубовскаго?

День возстанія въ Приволжскѣ близился, но рука Провидѣнія, хранившая съ самаго основанія Русь, спасла ее и теперь отъ внутреннихъ волненій, давъ ей возможность сосредоточить свои военныя силы на усмиреніи Сѣверо-Западнаго края и мятежныхъ губерній Царства Польскаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Суворовъ.

КЛАССИЦИЗМЪ, КАКЪ НЕОБХОДИМАЯ ОСНОВА ГИМНАЗИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.[1]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Историческій очеркъ развитія средней школы въ Германіи.

V.

Исторія возникновенія прусскаго гимназическаго учебнаго плана 1838 г.— Различные взгляды, господствовавшіе въ началѣ столѣтія на вопросъ объ организаціи средняго образованія; Гедике, какъ представитель направленія, требовавшаго организаціи школъ различныхъ типовъ для ищущихъ высшаго образованія и для тѣхъ, которые къ такому образованію не стремятся.—Бернгарди, какъ представитель направленія, желавшаго, чтобы одна школа удовлетворяла образовательныя потребности всѣхъ классовъ населенія.—Вліяніе послѣдняго направленія на школьное положеніе 1816 года.—Постепенное уклоненіе отъ этого направленія.—Реформа 1838 года какъ результатъ все усиливающагося вліянія государственной власти на школу.—Достоинства и недостатки реформы.—Реформа въ Саксоніи, Вюртембергѣ и Баваріи.

Принимая во вниманіе важное значеніе, которое имѣютъ для нашего изслѣдованія распоряженія 1837 года и учебный планъ 1838 года, мы считаемъ не лишнимъ нѣсколько ближе познакомить нашихъ читателей съ исторіей ихъ происхожденія и характерными ихъ особенностями, а затѣмъ уже подвести итоги результатовъ только-что вкратцѣ описанной нами реформы прусскихъ гимназій. Въ этихъ видахъ намъ необходимо бросить бѣглый взглядъ на важнѣйшія обстоятельства, при которыхъ совершалась реформа и которыя оказали вліяніе на ходъ ея.

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе* № 1 и 2.

Во-первыхъ нельзя опускать изъ вида, что реформа прусскихъ гимназій началась въ эпоху ожесточенной борьбы враждебныхъ другъ другу педагогическихъ направленій, домогавшихся преобладанія въ средней школѣ. Въ борьбѣ этой гуманизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и классическая система образованія одержали самую рѣшительную побѣду, но тѣмъ не менѣе школа не могла совершенно освободиться отъ нѣкотораго вліянія противоположныхъ тенденцій, тѣмъ болѣе, что многіе изъ самыхъ выдающихся дѣятелей по школьной реформѣ, искренне примкнувшихъ къ обновленному гуманизму, въ свое время сами увлекались господствовавшимъ въ половинѣ прошлаго столѣтія натуралистическимъ ученіемъ энциклопедистовъ и филантропинистовъ. Этимъ въ значительной степени объясняются не только колебанія, которыя встрѣчаются, особенно въ первый періодъ реформы, [1] но и нѣкоторая двойственность, которая замѣчается и въ позднѣйшее время.

Во-вторыхъ на развитіе школы оказывали могущественное вліяніе новыя идеи, проникшія въ концѣ прошлаго столѣтія во всѣ отрасли государственной и общественной жизни и призвавшія къ участію въ этой жизни цѣлые классы населенія, прежде вовсе почти не участвовавшіе въ ней. Кругъ ищущихъ образованія, если не высшаго, то во всякомъ случаѣ значительно бо́льшаго, чѣмъ можетъ дать элементарная школа, быстро расширялся; просвѣщеніе втягивало въ сферу своего вліянія все новые и новые элементы, требовавшіе вниманія къ своимъ житейски-практическимъ нуждамъ.

Сознаніе необходимости дать удовлетвореніе этимъ потребностямъ средняго класса населенія давно зародилось въ обществѣ, но средства для достиженія этой цѣли не были еще найдены. Предстояло избрать одинъ изъ двухъ возможныхъ путей: съ одной стороны можно было выдѣлить изъ общей массы учебныхъ заведеній часть ихъ, строго сохранить за ними характеръ научныхъ школъ (Gelehrte-Schulen), имѣющихъ цѣлью приготовленіе къ университетскому образованію, остальныя же затѣмъ школы приспособить къ нуждамъ массы населенія, тре-

[1] Мы говоримъ здѣсь о многочисленныхъ учебныхъ программахъ отдѣльныхъ гимназій, въ которыхъ долгое еще время удерживалось преподаваніе такихъ предметовъ (совершенно чуждыхъ классической школѣ), какъ законовѣдѣніе, технологія, политическая экономія и даже ознакомленіе съ текущими явленіями современной жизни путемъ сообщенія на особыхъ урокахъ выдержекъ изъ газетъ и журналовъ.

бующаго учебныхъ заведеній съ болѣе житейски-практическимъ направленіемъ. Или же съ другой стороны надлежало бы изыскать такую новую организацію средняго образованія, при которой каждая школа, на разныхъ только своихъ ступеняхъ, удовлетворяла бы требованіямъ разныхъ слоевъ общества.

Жизнь, какъ мы увидимъ ниже, впослѣдствіи рѣшительнымъ образомъ избрала первый путь; но въ то время, когда началась реформа гимназій въ Германіи, вопросъ объ избраніи того или другого направленія былъ еще совершенно открытъ, и каждое изъ нихъ имѣло своихъ сторонниковъ въ средѣ реформаторовъ прусской школы.

Какъ на одного изъ болѣе типичныхъ представителей перваго направленія, мы можемъ указать на извѣстнаго директора Фридрихъ-Вердеровской гимназіи Гедике, имя котораго мы уже имѣли случай упомянуть. Гедике, неутомимо работая надъ усовершенствованіемъ организаціи классической школы, въ то же время всѣми своими силами содѣйствовалъ возникновенію рядомъ съ гимназіями среднеучебныхъ заведеній съ реальнымъ направленіемъ, а равно высшихъ народныхъ школъ, получившихъ наименованіе бюргерскихъ (Bürgerschulen). [1]

Гедике и довольно многочисленные сторонники того же направленія уже въ концѣ прошлаго столѣтія многое сдѣлали на пользу развитія реальнаго образованія рядомъ съ классическимъ. Но почва еще не была достаточно подготовлена и еще не назрѣло время, когда реальныя училища могли выработаться въ особый самостоятельный и самобытный типъ учебныхъ заведеній. Потребность въ подобныхъ школахъ уже зародилась и

---

[1] Гедике такъ далеко заходитъ въ своей ревности къ умноженію учебныхъ заведеній реальнаго направленія, что говоритъ, что лучше вовсе не мечтать объ усовершенствованіи школы до тѣхъ поръ, пока мелкія латинскія школы (особенно неполныя) не превратятся въ настоящія реальныя училища и пока не упрочится такой порядокъ, при которомъ въ гимназіи будутъ поступать только тѣ, которые по призванію дѣйствительно предназначаютъ себя къ высшему образованію. Нельзя при этомъ однако не замѣтить, что самъ Гедике на практикѣ вполнѣ сознаваль невозможность немедленно осуществить на дѣлѣ свой принципъ въ сколько нибудь полномъ объемѣ и никогда не стѣснялся принимать во ввѣренную его управленію гимназію дѣтей восьмилѣтняго возраста, по отношенію къ коимъ очевидно ни онъ ни кто-либо другой не могъ еще предугадать, къ чему они себя предназначаютъ (см. Біографическія замѣтки Бонелля о Гедике въ Encyklopedie des gesammten Erziehung—und Unterichtswesens von K. A. Schmid B. 2 p. 788).

давала себя чувствовать, но чувство это было еще смутное и не могло выразиться въ достаточно опредѣленной формѣ. [1] Въ виду этого усилія создать для среднихъ классовъ населенія особый типъ реальныхъ учебныхъ заведеній ограничились въ концѣ прошлаго столѣтія еще только попытками.

Господствавшимъ же еще въ то время направленіемъ было то, которое стремилось придать гимназіямъ (при сохраненіи за ними однако классическаго характера) такую организацію, при которой онѣ могли бы удовлетворять разнообразнымъ потребностямъ всѣхъ классовъ населенія, ищущихъ образованія. [2] Направленіе это находило поддержку въ правящихъ сферахъ и между прочимъ имѣло своимъ выдающимся представителемъ извѣстнаго директора Фридриховской гимназіи въ Берлинѣ Бернгарди, [3] оказывавшаго въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій нашего столѣтія значительное вліяніе на прусскую учебную администрацію и въ особенности на составителя учебныхъ плановъ 1816 года, Сюверна.

Бернгарди былъ принципіальный противникъ учрежденія особыхъ школъ для среднихъ классовъ населенія, не стремящихся къ высшему образованію, и полагалъ, что различныя ступени гимназическаго образованія могутъ вполнѣ удовлетворить по-

---

[1] Нибуръ въ перепискѣ своей съ Фр. Тиршемъ, относящейся къ болѣе позднему времени (къ 1829 г.), между прочимъ неоднократно говоритъ о проявившейся въ нѣкоторыхъ слояхъ общества потребности въ реальномъ образованіи, но называетъ эту потребность еще смутнымъ и неяснымъ желаніемъ („ein dunkles Gefühl", см. Friedrich Tiersch'Leben, von H. Tiersch, Liepzig 1866 г. письма за 1829 г.). Въ то же время правительство хотя и начало думать объ организаціи реальныхъ учебныхъ заведеній, но еще далеко не уяснило себѣ ни ихъ истиннаго значенія, ни формы, какую имъ надлежало бы придать.

[2] Фр. Ав. Вольфъ принципіально былъ сторонникомъ перваго направленія, то-есть требовалъ отдѣленія начальной и реальной школы отъ гимназіи (F. A. Yolf in seinen Verheltniss Zum Schul wesen und zurs Pedagogik. Arnold p. 50), но тѣмъ не менѣе на практикѣ вынужденъ былъ стараться приспособить гимназію и къ потребностямъ классовъ, не стремящихся къ высшему образованію, что видно изъ его проектовъ гимназическихъ программъ и отзывовъ на положеніе объ экзаменахъ зрѣлости.

[3] Въ идеяхъ Бернгарди высказывается въ сущности идея „о единой школѣ" (Einheitsschule), которая опять входитъ въ настоящее время въ моду, причемъ ея сторонники забываютъ, что система эта была въ свое время разработана высоко талантливыми и опытными людьми и подвергалась испытанію на дѣлѣ уже болѣе 60 лѣтъ тому назадъ, но испытанія этого не выдержала.

требности всѣхъ слоевъ общества.[1] Онъ дѣлилъ общество на три группы: къ низшей группѣ онъ относилъ ремесленниковъ, то-есть всѣхъ тѣхъ, которые прилагаютъ къ какому-либо производству свой физическій трудъ. Высшую группу составляли тѣ, которые стремились къ научному (высшему) образованію, для достиженія при его посредствѣ такъ-называемыхъ либеральныхъ профессій и высшей общественной и государственной дѣятельности. Между этими двумя группами Бернгарди ставилъ третью, весьма разнообразную по своему составу, къ которой онъ причислялъ всѣхъ тѣхъ, профессія коихъ требуетъ рядомъ съ приложеніемъ физическаго труда и довольно значительнаго умственнаго развитія. Къ этой группѣ Бернгарди относитъ купцовъ, чиновниковъ средней руки, мастеровыхъ - художниковъ и т. п.[2]

Сообразно тремъ группамъ, на которыя Бернгарди дѣлилъ общество, онъ подраздѣлялъ и курсъ гимназіи на три ступени. Изъ нихъ низшая, съ трехлѣтнимъ курсомъ, должна была служить бюргерскою школой (Bürgerschule), вторая съ четырехлѣтнимъ курсомъ, соотвѣтствовала потребностямъ средней группы населенія, и для нея Бернгарди допускалъ названіе реальнаго отдѣленія (хотя здѣсь преподавались оба древніе языка), наконецъ высшую ступень съ трехлѣтнимъ курсомъ составляло собственно гимназическое отдѣленіе, то-есть научную школу (Gelerte Schule), предназначенную для приготовленія къ дальнѣйшему высшему (университетскому) образованію.[3] Но, раздѣляя такимъ образомъ гимназію на три ступени, Бернгарди требовалъ однако, чтобы совокупность всѣхъ трехъ отдѣленій представляла собой одно общее цѣлое, крѣпко сплоченное внутреннею связью отдѣленій между собою. Каждое отдѣленіе, независимо отъ удовлетворенія потребностей извѣстнаго класса населенія, должно было приготовлять и открывать доступъ къ высшему отдѣленію. Въ виду этого, хотя въ курсъ каждаго отдѣленія входили особые предметы, долженствовавшіе служить центромъ преподаванія, но въ то же время въ немъ начиналось элементарное преподаваніе тѣхъ предметовъ, которые являлись главными въ слѣдующемъ отдѣленіи, дабы ученикъ могъ перейти на высшую ступень, обладая уже необходимою для сего

[1] A. Bernhardi. Ansichten über die organisation der gelehrten Schulen Jena 1818 p. 24.
[2] Berngardi p. 22.
[3] Ibid p. 25.

подготовкой, и предвкусивъ, такъ сказать, значеніе тѣхъ наукъ, на которыхъ послѣ перехода ему предстоитъ главнымъ образомъ сосредоточить свои силы. Такими звеньями должны были служить, какъ различные отдѣлы математики (причемъ въ каждомъ классѣ должно начинаться первоначальное ознакомленіе съ высшимъ отдѣломъ, изучаемымъ въ слѣдующемъ классѣ), такъ въ особенности языки, изъ коихъ родной языкъ проходилъ непрерывною нитью черезъ всѣ классы, а латинскій, изучаемый элементарно въ низшемъ отдѣленіи, служилъ важнѣйшимъ звеномъ, соединяющимъ его со среднимъ, въ которомъ преподаваніе преимущественно сосредоточивается на вполнѣ твердомъ его усвоеніи. Такою же связью между вторымъ и старшимъ отдѣленіемъ долженъ былъ служить греческій языкъ.

Основными предметами для всѣхъ отдѣленій гимназіи Бернгарди признаетъ родной и латинскій языкъ, математику и Законъ Божій, а начиная съ кварты (3-й класъ, по нашему счету), присоединяетъ еще греческій языкъ [1]. Въ дополненіе къ главнымъ предметамъ онъ вводитъ въ курсъ гимназій съ одной стороны одинъ новый языкъ (французскій) и исторію съ географіей, а съ другой стороны физику и естествовѣдѣніе, не придавая однако этому послѣднему предмету самостоятельнаго значенія и ограничивая его преподаваніе бесѣдами въ связи съ уроками роднаго языка [2].

Эти-то взгляды (въ той ихъ части, которая поставляла гимназіямъ задачу быть средними школами для всѣхъ классовъ населенія) легли въ основу школьнаго положенія 1816 года, хотя впрочемъ въ учебныхъ планахъ, составленныхъ въ дополненіе къ сему положенію мы встрѣчаемъ по отношенію къ предметамъ и къ объему преподаванія многое несогласное со взглядами Бернгарди, выраженными въ его сочиненіяхъ. Такъ, на-

---

[1] Превосходное разъясненіе того, какъ изученіе математики пополняетъ образованіе, основанное на языкознаніи, и той связи, въ которой должно находиться преподаваніе этихъ двухъ важнѣйшихъ для образованія отраслей знаній, мы находимъ въ IV главѣ книги Бернгарди (р. 115—150). Затѣмъ замѣчательно ясныя и поучительныя указанія на способы преподаванія въ гимназіяхъ древнихъ языковъ и въ особенности на значеніе *статарнаго чтенія* (направленнаго преимущественно на изученіе самаго языка) и *курсорнаго* (направленнаго на усвоеніе содержанія читаемаго) Бернгарди даетъ въ статьѣ своей о различіи методовъ гимназическаго и университетскаго преподаванія (глава V приведенной нами книги р. 150—193).

[2] Ibid. p. 16.

примѣръ, съ одной стороны въ этихъ учебныхъ планахъ естествовѣдѣніе заняло положеніе совершенно самостоятельнаго предмета и получило довольно значительное число уроковъ. Равнымъ образомъ исторія и географія (на которыя, начиная со 2-го по нашему счету класса, назначено было по три урока въ недѣлю) получили большее развитіе, чѣмъ входило въ виды Бернгарди, а съ другой стороны преподаваніе какого бы то ни было новаго языка было вовсе исключено изъ курса гимназій, въ то время какъ Бернгарди придавалъ знанію французскаго языка большое значеніе.

Вообще въ учебномъ планѣ 1816 года хотя ясно указывается на классическій характеръ гимназіи, но въ то же время во многомъ замѣтны колебанія и желаніе удовлетворить другія разнообразныя тенденціи, послѣдствіемъ чего является такая обширность программъ и растянутость преподаванія каждаго предмета на столько лѣтъ, что полное осуществленіе этого учебнаго плана (впрочемъ, только рекомендованнаго, а не обязательнаго для гимназіи [1]) оказалось на дѣлѣ невозможнымъ. Современники впрочемъ сознавали эти недостатки учебнаго плана 1816 г., ко-

[1] Въ прежнее время, какъ мы имѣли случай указывать выше, правительственная учебная власть вовсе почти не касалась внутреннихъ учебныхъ порядковъ школъ, при чемъ не только объемъ преподаванія, но и выборъ предметовъ преподаванія въ значительной степени обусловливается взглядами и желаніями педагогическаго состава. Лишь немногія общія положенія школьной организаціи, опредѣленныя въ общихъ чертахъ закономъ и освященныя опытомъ столѣтій, признавались всѣми обязательными. Къ числу такихъ общепризнанныхъ принциповъ школы принадлежало безусловное господство изученія латинскаго языка надъ всѣми остальными отраслями преподаванія. Объемъ преподаванія всѣхъ прочихъ предметовъ, даже греческаго языка, подвергался нерѣдко значительнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ состава преподавателей и взглядовъ ихъ на образованіе. Весьма интересную и живую картину подобнаго порядка вещей, продолжавшагося еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, мы находимъ въ воспоминаніяхъ Фр. Ранке о пребываніи своемъ въ Шульпфортѣ (Rückerinnerungen an Schulpforte 1814—1821 von F. Ranke. Halle 1874). Изъ воспоминаній Ранке мы видимъ, какъ даже въ такой образцовой школѣ, какъ Шульпфорта, столь важный предметъ, какъ математика, то почти совершенно исчезалъ изъ преподаванія, то воскресалъ и получалъ значительное развитіе въ зависимости отъ вкуса и наклонностей учителей (p. 56), пока наконецъ, лишь въ 1819 году, послѣ уже перехода Шульпфорта изъ саксонскихъ владѣній въ прусскія, вмѣстѣ со введеніемъ новыхъ порядковъ, окончательно установилось преподаваніе математики (p. 64 и слѣд.).

торый подвергся критикѣ такихъ выдающихся ученыхъ и педагоговъ, какъ Гумбольдъ, Вольфъ, Тиршъ и мн. др.

Равнымъ образомъ положеніе 1816 года не удовлетворило тѣ классы населенія, которые искали реальнаго или непосредственно-практически-прикладнаго образованія, такъ какъ, если не говорить о нѣкоторомъ расширеніи программы по математикѣ и о включеніи въ программы гимназіи краткаго курса естествовѣдѣнія,—учебные планы 1816 года вовсе не были согласованы съ нуждами помянутыхъ классовъ. А потому сознаніе необходимости создать рядомъ съ гимназіями другіе типы учебныхъ заведеній, не только не ослабѣло, но стало напротивъ развиваться все съ большею и большею силой.

Тѣмъ не менѣе государство держало себя въ это время еще въ сторонѣ отъ этихъ стремленій общества и предоставляло ему искать собственными средствами удовлетворенія своихъ потребностей. Этимъ и объясняется, что когда съ учрежденіемъ экзамена зрѣлости многія мелкія латинскія школы, не будучи въ состояніи удовлетворить требованіямъ помянутаго экзамена, стали преобразовываться въ другіе типы учебныхъ заведеній (частью бюргерскія и элементарныя школы, частью въ прогимназіи или въ реальныя и разнообразныя профессіональныя училища), то преобразованіе это происходило почти внѣ всякаго вліянія правительства и въ зависимости исключительно отъ матеріальныхъ средствъ и педагогическихъ силъ самихъ учебныхъ заведеній, а равно и желаній мѣстнаго населенія.

Наконецъ и самыя гимназіи не вполнѣ дружелюбно относились ко вмѣшательству администраціи въ учебное дѣло и считали для себя стѣснительнымъ изданіе, хотя бы не обязательнаго, но все же рекомендованнаго общаго учебнаго плана [1] и не всегда охотно подчинялись ему, или же, если и принимали его къ руководству, то рядомъ съ нимъ старались сохранить свои прежнія особенности, забывая, что этимъ они возлагали непосильное бремя какъ на учащихъ, такъ еще болѣе на учащихся.

Такимъ образомъ положеніе о школахъ 1816 г. и связанный съ нимъ учебный планъ въ сущности никого не удовлетворили

[1] Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ Ф. Ранке мы находимъ описаніе того тягостнаго впечатлѣнія, которое произвела на учащихъ и учащихся первая ревизія Шульпфорты Іоганномъ Шульцомъ, хотя впослѣдствіи польза его замѣчаній и распоряженій была всѣми сознана.

и, не создавъ опредѣленнаго и прочнаго учебнаго порядка, не вывели еще школу изъ того переходнаго положенія, въ которомъ она находилась въ теченіе предшествующихъ десятилѣтій. Напротивъ, мѣропріятія эти подали поводъ къ новымъ неудовольствіямъ и къ жалобамъ, значительная часть которыхъ обусловливалась обремененіемъ учащихся, встрѣчавшимся во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, благодаря ихъ стремленію совмѣстить подчиненіе указаніямъ правительства съ собственными своими взглядами и прежними требованіями. Между тѣмъ правительство, продолжавшее слѣдовать по пути все бóльшаго и бóльшаго подчиненія школы вліянію своихъ органовъ, не могло относиться равнодушно къ такому положенію вещей, такъ какъ оно вполнѣ сознавало, что, взявъ всецѣло въ свои руки школьное дѣло, оно тѣмъ самымъ приняло на себя и отвѣтственность за успѣхъ школы и за все, что̀ въ ней происходитъ, а слѣдовательно и обязанность устранять замѣчаемые недостатки и удовлетворять справедливыя желанія общества.

Такое сознаніе правительствомъ своихъ обязанностей и своей отвѣтственности неизбѣжно должно было привести его къ мысли о необходимости поставить гимназіи въ такія условія, при которыхъ, хотя бы и въ ущербъ прежней свободѣ и самостоятельности, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ былъ бы съ одной стороны обезпеченъ необходимый общій уровень образованія, а съ другой—устранена возможность, по усмотрѣнію, а иной разъ по прихоти директоровъ и учителей, произвольнаго и чрезмѣрнаго накопленія учебнаго матеріала, обременительнаго для учащихся. Средствомъ для достиженія этой цѣли явилось изданіе министерскаго распоряженія 1837 года, излагавшаго взгляды правительства на гимназическое образованіе, и учебнаго плана 1838 г., уже обязательно опредѣлявшаго не только объемъ курса гимназій, но и примѣрное распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ [1], чѣмъ окончательно завершилось какъ полное подчине-

[1] Не подлежитъ сомнѣнію, что изданіе учебнаго плана 1838 года имѣло столько же цѣлью обезпечить серьезность и основательность гимназическаго образованія, сколько и желаніе устранить жалобы на обременительный для учащихся объемъ преподаванія, установившійся во многихъ гимназіяхъ. Въ семъ послѣднемъ отношеніи могущественный толчекъ къ изданію обязательнаго для всѣхъ гимназій учебнаго плана дала извѣстная брошюра доктора Лоринзера, впервые поднявшаго вопросъ о переутомленіи. Брошюра эта произвела сильное впечатлѣніе, несмотря на то, что тщательное разслѣдованіе дѣла обнаружило значительныя ея невѣрности и преувеличенія.

ніе всего учебнаго строя гимназій непосредственному вліянію правительства, такъ и закрѣпленіе или, какъ говорятъ въ Германіи, „фиксированіе" гимназическаго курса, т. е. созданіе для всѣхъ гимназій общихъ обязательныхъ нормъ, установленныхъ правительственною властью и могущихъ подлежать измѣненію лишь подъ условіемъ санкціи съ ея стороны.

Переходя затѣмъ къ ближайшей оцѣнкѣ результатовъ реформы прусской гимназіи, начавшейся при Фридрихѣ Великомъ и закончившейся, какъ мы только что указали, въ концѣ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія, прежде всего нельзя опускать изъ вида, что учебная реформа находилась въ самой тѣсной связи съ происходившимъ въ то же время преобразованіемъ всего прусскаго государства и что поэтому общее направленіе прусскаго правительства и типичныя особенности его характера неизбѣжно должны были отразиться на школѣ точно такъ же, какъ они давали себя чувствовать въ другихъ сферахъ государственной жизни. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ школьномъ вопросѣ не менѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ своей дѣятельности прусское правительство часто навлекало на себя упреки въ крайней жесткости и сухости своихъ пріемовъ и въ особенности въ склонности къ излишней регламентаціи. Но не отрицая этихъ недостатковъ (впрочемъ, неизбѣжныхъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ они вытекали изъ національнаго характера прусскаго народа), нельзя однако не признать, что прусское правительство сумѣло создать крѣпкую и сильную школьную организацію, доставившую Пруссіи то преобладаніе въ культурномъ отношеніи, которымъ она пользовалась до послѣдняго времени, точно также, какъ оно сумѣло создать общую государственную силу, подчинившую въ наши дни своему вліянію всю Германію.

По отношенію къ существу разсматриваемой нами учебной реформы заслуга прусскаго правительства заключается въ томъ, что оно, вовремя сознавъ необходимость преобразованія и приступивъ къ нему не только съ энергіей, но можно сказать съ горячностью, не увлеклось отвлеченными педагогическими измышленіями и мечтаніями,—столь распространенными въ прошломъ столѣтіи, — а взглянувъ ясно и трезво на потребность истиннаго образованія, сумѣло, несмотря на коренную реорганизацію школы, не порвать связи съ прошлымъ и, пользуясь опытомъ предшествующихъ поколѣній, удержать рядомъ съ полезными нововведеніями сущность той системы образованія, на которой выросло и по нынѣ продолжаетъ развиваться просвѣ-

щеніе не одной только Германіи, но и всего цивилизованнаго міра.

Учебные планы 1838 года, какъ видно при первомъ же взглядѣ на приведенную нами выше таблицу, сохранили за древними языками принадлежащее имъ по праву первенствующее значеніе, удѣливъ имъ почти половину общаго числа уроковъ. Но въ то же время они упрочили и обезпечили серьезное преподаваніе математики и родного языка, не впадая однако въ ту крайность, которою страдали распоряженія 1816 года. Наконецъ, ими была сдѣлана уступка требованіямъ времени, и въ курсъ гимназіи было включено естествовѣдѣніе. При всемъ этомъ какъ продолжительность гимназическаго курса, такъ и число недѣльныхъ уроковъ было нѣсколько уменьшено противъ прежняго.

Прусское правительство могло смѣло и съ гордостью сказать вмѣстѣ съ I. Шульцемъ, авторомъ учебнаго плана 1838 г., что прусскія гимназіи суть учрежденія не произвольно измышленныя и не случайно образовавшіяся, а представляютъ собою результатъ долгаго и правильнаго развитія школы, которая, несмотря на существенныя измѣненія, постепенно воспринятыя въ теченіе столѣтій, твердо стоитъ на испытанной вѣковой почвѣ прошлаго, устремляя однако постоянно свои взоры на будущее и никогда не упуская его изъ вида.

Въ общемъ результаты разсматриваемой нами реформы сводятся къ слѣдующему:

1) Было достигнуто значительное повышеніе внутренняго и внѣшняго благоустройства гимназій. Была обезпечена большая равномѣрность въ достиженіи всѣми гимназіями извѣстной, уже обязательной для всѣхъ успѣшности, соотвѣтствующей общимъ цѣлямъ серьезнаго средняго образованія, благодаря чему гимназическое образованіе выиграло въ полнотѣ и опредѣленности, а равнымъ образомъ была устранена возможность случайностей, въ силу которыхъ тѣ или другіе предметы могли, какъ мы указывали выше, то исчезать изъ курса учебнаго заведенія, то вдругъ получать чрезмѣрное и обременительное для учащихся развитіе.

Правда, экзаменъ зрѣлости и бо́льшая опредѣленность учебныхъ требованій оказались непосильными болѣе мелкимъ школамъ, не обладавшимъ достаточными педагогическими и матеріальными средствами, что вынудило многія латинскія школы преобразоваться въ другіе типы учебныхъ заведеній, не откры-

вающихъ своимъ воспитанникамъ доступъ въ университетъ,[1] но за то остальныя болѣе полныя заведенія (получившія официальное названіе „гимназій“, и число коихъ впрочемъ вполнѣ соотвѣтствовало современнымъ потребностямъ общества) были поставлены во всѣхъ отношеніяхъ въ такія условія, при которыхъ они могли, несравненно болѣе противъ прежняго, обезпечить серьезность и удовлетворительность даваемаго ими образованія.

2) Не менѣе важною стороной реформы является та ея часть, которая касается подготовки учителей. Замѣна особымъ испытаніемъ на званіе учителя, требовавшагося прежде для полученія права на преподаваніе экзамена на званіе теолога, устройство теоретическихъ и практическихъ семинарій и рядъ другихъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію состава преподавателей, быстро подняли общій уровень педагогическаго персонала и создали (не въ одной впрочемъ Пруссіи, но и во всей Германіи) такое блестящее и высокообразованное сословіе учителей, которому могутъ позавидовать всѣ прочія страны Европы.[2]

---

[1] Паульсенъ указываетъ въ своей книгѣ, что если сравнить число учебныхъ заведеній, претендовавшихъ, хотя безъ достаточнаго для сего основанія, готовить къ университету, въ срединѣ прошлаго столѣтія съ 1818 годомъ, то оказывается, что число такихъ заведеній сократилось съ 400 на 91. Въ 1792 г. въ одной Восточной Пруссіи такихъ заведеній было 60, а въ 1818 г. 12.

[2] Считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу тѣхъ нападковъ, которымъ въ горячности спора по школьному вопросу подвергался и подвергается нерѣдко педагогическій совѣтъ нѣмецкихъ гимназій. Страстные сторонники коренной ломки существующей нынѣ системы образованія, истощивъ всѣ свои аргументы, направленные противъ классической школы, стараются обыкновенно уронить ее въ глазахъ публики, рисуя мрачными красками совершенную будто бы неудовлетворительность педагогическаго персонала гимназій, зависящую, по ихъ словамъ, отъ зловредныхъ качествъ самой классической системы образованія. Господа эти, увлекаемые страстнымъ желаніемъ дискредитировать гимназіи, не упускаютъ случая дешевымъ способомъ поострить и поглумиться надъ однимъ изъ почтеннѣйшихъ сословій Германіи. Они выискиваютъ и выхватываютъ отдѣльные случаи неудовлетворительности и погрѣшности въ гимназическомъ преподаваніи, обобщаютъ эти факты и изображаютъ всю корпорацію гимназическихъ преподавателей, какъ бы олицетвореніемъ безсмысленной рутины, отсутствія всякой живой мысли, научнаго интереса и даже простаго здраваго смысла. Для характеристики безотраднаго тупоумія, которымъ страдаютъ будто бы въ гимназіяхъ учащіе и учащіеся, пущено въ ходъ (радостно подхваченное и у насъ врагами гимназіи) бойкое словечко „Schuldumheit“—школьное тупоуміе, выражающее будто бы

3) Хотя дѣятельность прусскаго правительства въ школьномъ дѣлѣ страдала въ противоположность болѣе умѣренному, какъ мы увидимъ ниже, направленію государствъ южной Германіи, нѣкоторыми крайностями: во-первыхъ, по отношенію къ управленію школами, доведеннымъ до послѣднихъ предѣловъ стремленіемъ регламентировать всѣ рѣшительно стороны ея жизни и безусловно подчинить ее распоряженіямъ своихъ органовъ и, во-вторыхъ, по отношенію къ учебнымъ требованіямъ, съ одной стороны чрезмѣрнымъ увлеченіемъ высшими идеалами новаго гуманизма, трудно досягаемыми въ средней школѣ, а съ другой—желаніемъ во избѣжаніе упрека въ односторонности, совмѣстить въ курсѣ гимназій рядомъ съ классическимъ преподаваніемъ многіе эле-

---

общіе результаты классическаго гимназическаго образованія. Но эти столь же лживыя, какъ и злобныя выходки, едва ли находящія себѣ оправданіе даже въ ожесточеніи спора, совершенно противорѣчатъ дѣйствительности и могутъ только вызвать улыбку у всякаго безпристрастнаго человѣка, сколько-нибудь знакомаго съ нѣмецкою ученою и педагогическою литературой. Стóитъ лишъ бросить взглядъ на каталоги печатаемыхъ книгъ, пробѣжать хотя бы нѣкоторые изъ столь многочисленныхъ въ Германіи педагогическихъ и научныхъ журналовъ или познакомиться съ отчетами нѣкоторыхъ ученыхъ и педагогическихъ обществъ, а равно съѣздовъ учителей, чтобы убѣдиться, что въ средѣ педагогическаго персонала германскихъ гимназій умственная и научная жизнь бьетъ ключемъ и что персоналъ этотъ съ самоотверженностью и энергіей неустанно работаетъ надъ собственнымъ своимъ усовершенствованіемъ и надъ улучшеніемъ школы, а равно дѣятельно способствуетъ развитію науки. Не можемъ не коснуться здѣсь и выраженія Schuldumheit, о которомъ мы упомянули и которое намъ приходилось встрѣчать и въ нашей литературѣ, причемъ враги нашихъ гимназій, въ слѣпой своей злобѣ къ классическому образованію, желаютъ характеризовать результаты самаго этого образованія. Выраженіе Schuldumheit, на сколько намъ извѣстно, пущено было въ ходъ еще Эрнести для характеристики *уродливыхъ пріемовъ* преподаванія, встрѣчавшихся въ школахъ его времени, и въ этомъ смыслѣ оно быть-можетъ и является въ нѣкоторой степени даже справедливымъ. Примѣненіе же его для характеристики результатовъ классическаго образованія лишено всякаго смысла и противорѣчитъ исторической дѣйствительности, ибо еслибы классическая система образованія вела, какъ то рѣшаются утверждать наши любители коренной ломки школы, не къ развитію, а къ отупѣнію ума, то, очевидно, что за время господства этой системы во всѣхъ школахъ Европы въ теченіе столѣтій всѣ образованные классы этой части свѣта должны были дойти до состоянія полнаго идіотизма. Но едва ли кто-либо станетъ утверждать такую нелѣпость, въ виду очевиднаго факта, что именно въ теченіе этихъ столѣтій возникла и развилась вся современная цивилизація и притомъ въ то именно время, когда классическая система образованія достигла полнаго расцвѣта.

менты реальнаго образованія, но тѣмъ не менѣе громадная заслуга реформы прусскихъ гимназій заключается въ томъ, что несмотря на всѣ эти увлеченія ею была создана твердая и прочная система, на нѣсколько десятилѣтій обезпечившая правильное, хотя и не всегда спокойное развитіе средняго образованія.

4) Далѣе мы должны еще разъ указать на сторону реформы, о которой мы уже неоднократно упоминали, а именно на то поглощеніе, если можно такъ выразиться, школы государствомъ (Verstaatlichung der Schule), которое составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ исторіи школы за послѣднія сто лѣтъ. Эта черта не составляетъ особенности одного прусскаго государства (хотя въ немъ она выразилась особенно рѣзко), она свойственна даже не одной Германіи, а проявляется рѣшительно повсемѣстно на всемъ европейскомъ континентѣ. Всюду государство заняло по отношенію къ школѣ господствующее положеніе и приняло на себя всецѣло какъ внѣшнюю и внутреннюю организацію школы, такъ и отвѣтственность за достигаемые ею результаты. Это явленіе очевидно не случайное и не произвольное, оно тѣсно связано со всѣмъ ходомъ развитія государственной и общественной жизни и является, можно сказать, историческою необходимостью и логическимъ послѣдствіемъ новѣйшаго пониманія самаго существа государства и его обязанностей.

Обращеніе школы въ государственное учрежденіе принесло, какъ мы видѣли, богатые плоды и имѣло благодѣтельныя послѣдствія; оно несомнѣнно повело къ улучшенію школьной организаціи, какъ по отношенію къ общему управленію школьнымъ дѣломъ, такъ и по отношенію къ благоустройству отдѣльныхъ учебныхъ заведеній; оно положило конецъ распущенности и шаткости преподаванія, господствовавшей въ прежнее время во многихъ школахъ, не рѣдко даже вовсе не имѣвшихъ учебнаго плана и представлявшихъ собой часто рядъ разрозненныхъ, не связанныхъ между собой классовъ. [1] Общій средній уровень всѣхъ школъ, какъ мы уже сказали выше, несомнѣнно повысился, а равно и средняя успѣшность въ каждой отдѣльной школѣ значительно поднялась. Но рядомъ съ этими очевидными и безспорными преимуществами правительственнаго управленія школами, совершенное подчиненіе мелочей всѣхъ внутреннихъ

[1] Паульсенъ 598.

распорядковъ ея (не исключая и учебныхъ) административнымъ распоряженіямъ правительственныхъ органовъ имѣло, особенно въ Пруссіи,—при свойственномъ ей рѣзкомъ и прямолинейномъ образѣ дѣйствій,—послѣдствія во многихъ отношеніяхъ вредно отразившіяся на развитіи школы и независимо отъ сего не оставшіяся безъ вліянія на обостреніи той ожесточенной борьбы по школьному вопросу, свидѣтелями коей мы являемся въ настоящее время.

Такъ, прежде всего нельзя отрицать, что на ряду съ громадными выгодами новаго порядка школы понесли чувствительный ущербъ, утративъ въ значительной степени свою самостоятельность и индивидуальность. Реформа прежде всего повлекла за собой общую нивелировку, которая если устранила съ одной стороны возможность рѣзкаго пониженія образовательнаго уровня въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ, то съ другой стороны почти лишила школу возможности сколько-нибудь значительно повыситься надъ общимъ уровнемъ и занять руководящее положеніе, которымъ, напримѣръ, нѣкогда пользовались въ Германіи Шульпфорта, Гримма и др. подобныя заведенія. Но затѣмъ новые порядки стѣснили не только самодѣятельность школы въ ея совокупности, но значительно ограничили свободу и личную инициативу всѣхъ лицъ къ ней принадлежащихъ, то-есть членовъ педагогическаго персонала, начиная отъ младшаго учителя и кончая директеромъ. Всѣ они должны были одинаково подчиняться общей регламентаціи и контролю; для всѣхъ стали обязательны опредѣленныя, установленныя правительственными распоряженіями рамки, оставлявшія уже мало простора для той свободной дѣятельности, при которой въ прежнія времена выдающіеся педагоги имѣли возможность создавать новые типы учебныхъ заведеній и открывать новые пути для усовершенствованія воспитанія. Въ Пруссіи, какъ и въ остальной Германіи, сознавали вредныя стороны подобнаго ограниченія личной инициативы и свободы въ сферѣ педагогической дѣятельности, и правительство проявляло до нѣкоторой степени какъ бы стремленіе сохранить ее; но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать факта, что во главѣ школъ все рѣже и рѣже стали появляться такіе выдающіеся педагоги—можно сказать творцы въ школьномъ дѣлѣ—какими нѣкогда являлись знаменитые: Штурнъ, Троцендорфъ, Геснеръ, Эрнести, Гердеръ, Вольфъ, Гедике, Бернгарди, Тиршъ, Дедерлейнъ и многіе другіе. То же явленіе стало замѣчаться и среди учащихся: образованіе распространялось между

ними болѣе равномѣрно, рѣзкія противоположности сгладились, масса стала получать болѣе полное и послѣдовательное образованіе, но въ этой массѣ стали менѣе замѣтны отдѣльныя, свободно развивающіяся личности, возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ. [1]

Другимъ послѣдствіемъ преобладающаго вліянія, которое учебная администрація пріобрѣла надъ школой, является меньшая ея подвижность, меньшая способность приноравливаться къ потребностямъ общества. Въ прежнее время, при кажущемся иной разъ застоѣ въ формахъ (читатели наши помнятъ, что въ Германіи школы сохраняли внѣшнюю свою организацію болѣе двухсотъ лѣтъ), школа въ дѣйствительности находилась въ непрерывномъ движеніи, при чемъ свободнымъ, не обязательнымъ занятіямъ могъ быть данъ просторъ, благодаря которому, помимо общаго шаблона школы, легко могли получить удовлетвореніе, по собственному почину заинтересованныхъ сторонъ, какъ индивидуальныя наклонности отдѣльныхъ лицъ, такъ и потребности цѣлыхъ классовъ или общественныхъ группъ, для чего, за исключеніемъ крайнихъ случаевъ, не было надобности обращаться къ неизбѣжно медлительному содѣйствію правительства. Теперь же для удовлетворенія своихъ нуждъ и желаній, какъ обществу, такъ и самой школѣ приходилось требовать приведенія въ дѣйствіе сложнаго государственнаго механизма, что само собою разумѣется не могло не стѣснять частную иниціативу и не затруднять обществу возможности удовлетворять свои потребности собственными силами; въ свою же очередь это чувство зависимости и стѣсненія свободы неизбѣжно порождало неудовольствія и дѣлало общественное мнѣніе чрезвычайно чувствительнымъ ко всѣмъ мѣропріятіямъ, касающимся школы. При старыхъ порядкахъ учебныя заведенія находились въ непосредственной связи съ обществомъ или лицами, которыя, учреждая и содержа ихъ, отпускали на нихъ средства, подыскивали педагогическій персоналъ, приходили съ нимъ къ соглашенію по

---

[1] Несправедливо было бы однако приписывать одной школѣ и установленнымъ въ ней новымъ порядкамъ это стремленіе къ общей нивеллировкѣ, при которой выигрываетъ масса и теряетъ отдѣльная личность, ибо это стремленіе присуще не одной школѣ, а является характерною чертой всего нашего времени, которое нерѣдко стало выставлять на своемъ знамени такъ рѣзко девизъ: „все для всѣхъ“, что для отдѣльной личности уже остается такъ мало мѣста, что индивидуальность совершенно стушевывается.

отношенію къ цѣлямъ, которыхъ школа должна была достигать, и въ значительной степени вліяли на весь ходъ школьной жизни. Въ виду сего общество и его представители, завѣдующіе школами, а равно отдѣльныя лица, заинтересованныя въ нихъ, на дѣлѣ видѣли, какъ трудна и сложна правильная организація школы. Они наглядно убѣждались въ томъ, какая затрата силъ и средствъ необходима для всякаго улучшенія, для удовлетворенія всякаго новаго требованія, предъявляемаго къ школѣ, а равно, какъ вредна чрезмѣрная притязательность къ ней и еще больше частая ломка, а потому они съ уваженіемъ смотрѣли на достигаемые результаты, готовы были поддерживать традиціи и снисходительнѣе относились къ замѣчаемымъ недостаткамъ, сознавая неизбѣжность таковыхъ и трудность ихъ быстраго устраненія, что̀ въ свою очередь обусловливало осмотрительность и осторожность въ предъявленіи къ школѣ новыхъ требованій. При новомъ же порядкѣ, когда правительство взяло школьное дѣло всецѣло въ свои могущественныя руки, органическая, внутренняя связь между школой и обществомъ ослабѣла, и это послѣднее стало менѣе вникать въ существо дѣла, но въ то же время, признавая всесиліе правительства, стало предъявлять къ нему большія требованія. Отъ правительства, которое *все* взяло въ свои руки и которое вмѣстѣ съ тѣмъ приняло на себя *всю* отвѣтственность за школу, общество въ свою очередь стало *всего* требовать, часто не соображая даже возможности исполненія своихъ притязаній и послѣдствій, къ которымъ они должны вести, а руководствуясь лишь впечатлѣніемъ минуты и чувствомъ стѣсненной свободы, вызываемымъ той или другой стороной школьной организаціи. Можно сказать, что чувствительность (сенситивность) общества въ школьномъ дѣлѣ возрасла, сознательное же и обдуманное отношеніе къ ней ослабѣло. [1]

Новыя отношенія, въ которыя государство стало къ школѣ, оказали еще сверхъ того громадное вліяніе на усложненіе вопроса о правахъ, даваемыхъ учебными заведеніями. Въ прежнее время да еще въ началѣ нашего вѣка, вопросъ этотъ почти не существовалъ. Учебныя заведенія не давали никакихъ правъ, да и порядокъ и условія полученія таковыхъ вообще не были опредѣлены. При поступленіи въ университетъ личная аттеста-

[1] На измѣнившіяся отношенія общества къ школѣ съ большею ясностію указываетъ Паульсенъ (стр. 630 и 631, Geschichte des gelehrten Unterrichts).

ція извѣстнаго профессора, учителя или директора, замѣняла собой дипломъ объ окончаніи курса учебнаго заведенія; принятіе на службу зависѣло гораздо больше отъ усмотрѣнія начальства, чѣмъ отъ удостовѣренія о полученномъ образованіи, [1] и хотя правительство давно уже сознавало необходимость обставить полученіе служебныхъ правъ большими гарантіями въ видѣ установленія служебныхъ экзаменовъ, но долго принимало еще лишь частныя мѣры, дѣйствіе которыхъ на школу было весьма ограниченное. Но затѣмъ положеніе дѣла совершенно измѣнилось, когда съ теченіемъ времени самое допущеніе къ служебнымъ испытаніямъ было поставлено въ зависимость отъ удостовѣренія объ окончаніи курса того или другого заведенія. Съ этой минуты вопросъ о правахъ, даваемыхъ школой, порабощаетъ всю ея жизнь и пріобрѣтаетъ такое значеніе, передъ которымъ отступаютъ на второй планъ не только воспитательные и учебные интересы школы, но и интересы самаго просвѣщенія вообще.

Наконецъ, обращеніе школы, такъ-сказать, въ правительственную регалію, имѣло своимъ послѣдствіемъ еще то, что школьный вопросъ въ значительной степени втягивался въ сферу политики, такъ какъ съ одной стороны вліянія и взгляды, получающіе господство въ правящихъ кругахъ, неизбѣжно стали могущественнымъ образомъ вліять на судьбы школы и на отношенія къ ней правительства, а съ другой стороны общество стало привыкать смотрѣть на школу, какъ на правительственное учрежденіе, хотя и постороннее ему, но такое, которое затрогиваетъ самыя чувствительныя стороны его жизни, а потому стало переносить на школу свое сочувствіе или несочувствіе къ самому правительству, и при томъ, какъ мы уже сказали, требуя всего отъ школы и не признавая никакихъ своихъ обязанностей по отношенію къ ней.

Указывая на эти невыгодныя для школы стороны той части реформы, которая касалась установленія новыхъ отношеній государства къ школѣ, мы далеки однако отъ мысли осуждать принципъ положенный въ основу этихъ отношеній. Мы напро-

[1] Изъ ряда документовъ и правительственныхъ распоряженій, относящихся къ концу прошлаго столѣтія, видно, что существовавшій въ то время порядокъ допущенія на службу, а равно поступленія въ университетъ до крайности понижалъ общій уровень личнаго состава, находящагося на государственной службѣ, и вызывалъ со всѣхъ сторонъ жалобы (Паульсенъ).

тивъ вполнѣ признаемъ громадную пользу, принесенную школѣ установленіемъ болѣе близкихъ отношеній къ ней государства; но желали бы только освѣтить вопросъ всесторонне, указавъ и на невыгодныя послѣдствія крайняго и односторонняго примѣненія къ школѣ принципа полнаго преобладанія въ ней государственнаго элемента. Выясненіе этихъ послѣдствій мы считаемъ необходимымъ еще въ виду весьма распространеннаго пріема, къ которому такъ часто прибѣгаютъ противники классической системы образованія, съ цѣлью подорвать довѣріе къ ней общества,—пріема заключающагося въ томъ, что ей и ея специфическимъ, будто бы, свойствамъ приписываются всѣ недостатки и нежелательныя явленія, которыя встрѣчаются въ школѣ, совершенно независимо отъ причинъ вызывающихъ эти явленія. Такъ, напр., часто указываютъ на ограниченіе вліянія общества на развитіе школы, на стѣсненіе самостоятельности педагогическаго персонала, на шаблонность преподаванія, на недостатокъ вниманія къ индивидуальнымъ способностямъ и къ наклонностямъ учащихся и т. д., и всѣ эти явленія приписываютъ системѣ образованія, совершенно забывая, что въ общей организаціи школы и управленія ею очень многое не находится вовсе въ связи съ тѣмъ, будутъ ли въ школѣ преподаваться древніе языки или какіе-либо другіе предметы, а зависитъ отъ условій, въ которыя поставлена школа совершенно независимо отъ принятой въ ней системы образованія и которымъ поэтому подчиняются, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, всѣ школы, къ какимъ бы типамъ онѣ ни принадлежали. Какъ ни очевидна вся несообразность подобныхъ пріемовъ, но они такъ распространены и являются настолько обычнымъ орудіемъ въ рукахъ страстныхъ проповѣдниковъ радикальнаго школьнаго переворота, что съ ними нельзя не считаться при изученіи происходящей нынѣ борьбы по школьному вопросу, для безпристрастнаго пониманія коего необходимо дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что̀ именно въ жизни школы является послѣдствіемъ господствующей въ ней системы образованія и что̀ зависитъ отъ другихъ причинъ, стоящихъ совершенно внѣ ея [1].

---

[1] Насколько въ Германіи сознаютъ, что до сего времени не найдено еще должной нормы отношеній государства къ школѣ и насколько общество и само правительство озабочены отысканіемъ способовъ примирить необходимую самостоятельность и свободу школы, съ ограниченіями, столь же необходимыми въ виду общихъ интересовъ государства, лучше всего видно изъ того, что въ работахъ Берлинской декабрьской конференціи

Этими замѣчаніями мы закончимъ обзоръ реформы гимназій въ Пруссіи и скажемъ затѣмъ нѣсколько словъ о положеніи школьнаго дѣла, въ то же время, въ трехъ другихъ важнѣйшихъ государствахъ Германіи: въ Саксоніи, Вюртембергѣ и Баваріи.

Саксонія издавна являлась видною представительницей просвѣщенія въ Германіи, и знаменитыя ея княжескія школы занимали первенствующее мѣсто среди нѣмецкихъ учебныхъ заведеній, служа разсадникомъ лучшихъ педагогическихъ и научныхъ силъ, а равно примѣромъ для подражанія. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія Саксонію, какъ и остальную Германію, охватили новыя вліянія, но она пошла по пути реформы хотя медленнѣе, но съ большею постепенностью чѣмъ Пруссія.

Руководители Саксонской школы отнеслись менѣе страстно къ преобразованію гимназій на основахъ новаго гуманизма, и, признавая всѣ достоинства этого новаго направленія въ наукѣ, по отношенію къ школѣ болѣе довѣряли развивающей и образовательной силѣ изученія собственнаго языка, чѣмъ возможности пропитать школьное образованіе духомъ древнихъ Грековъ и Римлянъ. Типичнымъ представителемъ этого направленія является Готфридъ Германъ, одинъ изъ лучшихъ классиковъ Германіи, воспитавшій цѣлое блестящее поколѣніе ученыхъ и педагоговъ, игравшихъ видную роль въ исторіи развитія школы въ средней и южной Германіи. Германъ, не только не отвергая необходимости преобразованія школы, но всѣми силами содѣйствуя ему, предупреждалъ однако своихъ учениковъ (въ томъ числѣ Тирша, преобразователя баварскихъ гимназій) противъ излишняго увлеченія идеалами Августа Вольфа, парящими, по его мнѣнію, въ небесахъ, а потому, признавая идеалы эти едва ли осуществимыми, совѣтовалъ придерживаться въ школѣ болѣе скромныхъ задачъ, выполнимость и цѣлесообразность коихъ давно доказана опытомъ. Этотъ характеръ консерватизма и уваженія къ уже испытанному у существующему составляетъ характерную черту саксонской школы и проходитъ руководящею нитью черезъ всю ея исторію до послѣдняго времени, когда она въ значительной степени подчинилась вліянію Пруссіи.

1891 года вопросъ о предоставленіи школѣ большей свободы и о болѣе правильномъ отношеніи къ ней государственной власти занималъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, хотя онъ далеко еще не получилъ разрѣшенія ни самою конференціей, ни послѣдовавшимъ послѣ нея дозволеніемъ произвести въ нѣсколькихъ заведеніяхъ опытъ организаціи школы на основаніяхъ, существенно отличающихся отъ общепринятаго устройства гимназій.

Что касается отношеній государства къ школѣ, то и здѣсь, какъ и въ Пруссіи, вліяніе правительства усилилось, и оно взяло въ свои руки регламентацію школы и заботу о подготовкѣ педагогическаго персонала, но въ Саксоніи дѣятельность правительства выражалась въ болѣе мягкихъ формахъ и была проникнута большимъ довѣріемъ къ самодѣятельности школы и общества.

Любопытную картину противоположности саксонскаго и прусскаго режима представляетъ намъ судьба сансонской княжеской школы въ Шульпфортѣ, перешедшей послѣ 1815 года изъ саксонскихъ въ прусскія владѣнія. Этотъ періодъ существованія Шульпфорты живо описанъ однимъ изъ бывшихъ ея учениковъ Фр. Ранке въ его воспоминаніяхъ изъ школьной жизни [1]. Въ этомъ хотя небольшомъ, но чрезвычайно интересномъ трудѣ, мѣтко очерчена противоположность саксонскаго и прусскаго школьнаго управленія. Первое носитъ на себѣ отпечатокъ мягкаго, довѣрчиваго и простодушнаго попечительства надъ школой, бережно охранявшаго ея обычаи и традиціи, а второе является распорядителемъ, отличающимся, правда, умомъ, знаніемъ дѣла и дѣловитостью, но требовательнымъ до суровости и привыкшимъ въ отношеніяхъ своихъ къ школѣ къ употребленію преимущественно повелительнаго наклоненія.

Такимъ образомъ Саксонія, хотя и послѣдовала при реформѣ своихъ школъ тѣмъ же общимъ принципамъ, какъ и Пруссія, т. е. еще разъ упрочила въ гимназіяхъ строго классическую систему образованія, и усовершенствовала ихъ организацію, путемъ усиленія правительственнаго вліянія на внутреннюю жизнь школы, но при этомъ сохранила, однако, какъ нѣкоторыя немаловажныя особенности въ постановкѣ преподаванія главныхъ предметовъ, т. е. древнихъ языковъ, такъ и болѣе довѣрчивое отношеніе къ школѣ, которая не подвергалась столь значительному правительственному давленію, какъ въ Пруссіи [2].

Изъ всѣхъ государствъ Германіи *Вюртембергъ* отличается

---

[1] F. Ranke. Rückerinnerungen an Schulpforta (1814—1821). Halle. 1874.

[2] Особенности саксонской школьной организаціи дали особый отпечатокъ учебнымъ планамъ ея гимназій и испытаніямъ зрѣлости; въ тѣхъ и другихъ господствовало стремленіе къ охраненію классическаго образованія отъ поспѣшныхъ новшествъ, и охраненіе курса школы отъ переполненія новыми требованіями. Но по мѣрѣ усиленія вліянія Пруссіи въ средней Германіи саксонскія гимназіи стали постепенно терять свои особенности и все болѣе и болѣе приближаться къ прусскому образцу.

своеобразною организацiей средняго образованiя. Здѣсь сохранились въ полной силѣ старинныя латинскiя школы, основанныя еще при началѣ реформацiи, и монастырскiя училаща, содержимыя на доходы съ конфискованныхъ церковныхъ имуществъ.

Чтобы не вдаваться въ излишнiя подробности, мы не станемъ распространяться объ историческомъ развитiи различныхъ типовъ учебныхъ заведенiй Вюртемберга, а въ краткихъ чертахъ укажемъ на ихъ положенiе въ описываемую нами эпоху, т. е. въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтiя.

Первою ступенью для средняго образованiя служили въ Вюртембергѣ латинскiя школы съ шестилѣтнимъ курсомъ (для дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ). Въ нихъ безусловно господствующимъ предметомъ преподаванiя (при 10—15 недѣльныхъ урокахъ) являлся латинскiй языкъ, въ тѣснѣйшей связи съ коимъ обращалось особое вниманiе на изученiе роднаго языка; затѣмъ въ старшихъ классахъ начиналось преподаванiе греческаго языка и еврейскаго, (для желающихъ поступить на теологическiй факультетъ) и наконецъ въ курсъ школы входила въ довольно серьезномъ объемѣ математика и краткiй очеркъ исторiи и географiи. Обязательнаго и опредѣленнаго учебнаго плана вюртембергскiя школы не имѣли, но тѣмъ не менѣе курсъ ихъ былъ довольно однообразный, такъ какъ конечная цѣль ихъ заключалась въ приготовленiи къ производимому ежегодно въ Штутгартѣ общему для всѣхъ училищъ страны экзамену (Landeseksamen), дававшему право на поступленiе въ семинарiи или монастырскiя школы и на полученiе въ нихъ стипендiй. На эти экзамены ученики стекались изъ всѣхъ латинскихъ школъ Вюртемберга, причемъ наиболѣе успѣшно выдержавшiе испытанiе поступали затѣмъ на полное даровое содержанiе въ семинарiи (монастырскiя школы), гдѣ готовились къ университету, поступая преимущественно на теологическiй факультетъ. Остальные ученики, выдержавшiе испытанiе, но не попавшiе въ семинарiи, поступали обыкновенно въ гимназiи, въ которыя кромѣ того принимались по особому экзамену, производимому въ самой гимназiи, и другiя лица. [1] Эти

[1] Подробное описанiе вюртембергскихъ школъ мы находимъ у Тирша (Thiersch) „Über den gegenwärtigem Zustand des öffentlichen Unterrichts in den wottlichen staaten von Deutschland, in Holland, Frankreich und England. Stuttgart nnd Tübingen. Verlag der Cottâschen Buchhandlung 1838. Латинскихъ школъ въ городахъ и мѣстечкахъ Вюртемберга насчитывалось до 59 (p. 205); число преподавателей въ этихъ школахъ колебалось

общіе (конкурентные) штутгартскіе экзамены задавали, такъ-сказать, тонъ всѣмъ латинскимъ школамъ, курсъ коихъ соображался съ экзаменаціонными требованіями, вслѣдствіе чего повсемѣстно установился самъ собою довольно однообразный объемъ преподаванія, несмотря на то, что вовсе не большинство учениковъ сихъ школъ стремилось къ дальнѣйшему образованію, а напротивъ большинство (почти $^9/_{10}$, по свидѣтельству Тирша) [1] удовлетворялось прохожденіемъ курса латинской школы и прямо изъ нея вступало въ жизнь, избирая самыя разнообразныя профессіи. По отзыву Тирша, латинскія школы давали вообще отличные результаты, оказывая особенно блестящіе успѣхи по отношенію къ латинскому языку, которымъ воспитанники вюртембергскихъ латинскихъ школъ, въ возрастѣ 13—15 лѣтъ, владѣли въ совершенствѣ. [2]

Такимъ образомъ латинскія школы являлись подготовительными заведеніями для семинарій и гимназій (имѣвшихъ четырехъ-лѣтній курсъ) и въ то же время служили мѣстомъ воспитанія и для массы населенія, не ищущаго высшаго образованія. [3] Тиршъ придаетъ особое значеніе общедоступности вюртембергской латинской школы, дававшей самымъ скромнымъ классамъ населенія возможность достичь высшаго образованія и являвшійся проводникомъ гуманистическаго образованія во всѣ даже самые низшіе слои общества. Тѣмъ не менѣе Тиршъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые, подобно Бернгарди, совершенно отрицали необходимость учрежденія особыхъ, самостоятельныхъ учебныхъ заведеній для среднихъ классовъ, хотя эту необходимость онъ признавалъ какъ бы неохотно, считая ее за прихоть и предразсудокъ новаго времени и питая увѣренность (въ чемъ, мы думаемъ, онъ ошибался), что въ дѣйствительности латинская школа можетъ удовлетворять образовательнымъ по-

---

между однимъ и семью, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ числа учениковъ (p. 208—210). Семинарій было шесть (4 протестантскихъ и 2 католическихъ, см. p. 214), въ которыя могла обыкновенно поступать лишь половина выдержавшихъ экзаменъ (217); кромѣ семинарій въ Вюртембергѣ находилось 4 гимназіи (3 протестантскихъ и 1 католическая, p. 219).

[1] F. Thiersch. Über den gegenwärtigen Zustand etc. p. 211.

[2] Ibid., p. 217.

[3] Тиршъ (p. 206) описываетъ, какъ ему случалось разспрашивать босоногихъ мальчишекъ, посѣщавшихъ латинскія школы, и убѣждаться, что они въ состояніи отлично и толково переводить Цезаря и Ксенофонта.

требностямъ всѣхъ классовъ населенія. Въ виду сего ему представлялось идеаломъ, чтобы всѣ дѣти, желающія пойти далѣе начальнаго (элементарнаго) училища (независимо отъ того, пойдутъ ли они далѣе, въ гимназіи и университеты) проходили черезъ классическую школу, подобную вюртембергскимъ латинскимъ школамъ, о которыхъ онъ говоритъ съ восторгомъ и увлеченіемъ.

Подобный взглядъ на первую ступень средняго образованія раздѣляютъ многіе и въ настоящее время, несмотря на то, что учебныя заведенія реальнаго характера получили въ Вюртембергѣ большее развитіе, чѣмъ гдѣ-либо въ Германіи, что̀ вовсе не мѣшаетъ процвѣтанію латинскихъ школъ, существующихъ и понынѣ и имѣвшихъ горячихъ защитниковъ при обсужденіи учебной реформы въ 1871 году, въ палатѣ депутатовъ.

Что касается второй ступени средняго образованія, то-есть семинарій и гимназій, то онѣ, по свидѣтельству какъ старѣйшихъ, такъ и позднѣйшихъ педагоговъ [1], не вполнѣ соотвѣтствовали высокому уровню, достигаемому латинскими школами, и стояли пожалуй ниже соотвѣтствующихъ заведеній въ другихъ государствахъ, что̀ главнымъ образомъ зависѣло отъ того, что въ Вюртембергѣ долго не принималось никакихъ мѣръ для лучшей подготовки учителей, вслѣдствіе чего въ гимназіяхъ и семинаріяхъ преподаваніе часто ограничивалось лишь тѣми же упражненіями, только въ нѣсколько расширенномъ видѣ, которыя входили въ область латинской школы.

Съ теченіемъ времени въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ находились гимназіи, латинскія школы слились съ ними и образовали цѣльныя заведенія съ 10-тилѣтнимъ курсомъ, получившія наименованіе „полныхъ гимназій"; въ другихъ же мѣстахъ латинскія школы сохранили свое самостоятельное существованіе и понынѣ, несмотря на то, что рядомъ съ ними возникло множество учебныхъ заведеній разныхъ типовъ съ реальнымъ направленіемъ.

Обязательнаго учебнаго плана общаго для всѣхъ гимназій, точно такъ же, какъ и для латинскихъ школъ, въ Вюртембергѣ долго еще не было, но однородность и однообразіе учебнаго

---

[1] Thiersch. Über den gegenwärtigen Zustand... etc. p. 220 и Paulsen Geschichte d. g. Ü. p. 667. То же впечатлѣніе и мы вынесли лично при обозрѣніи нѣкоторыхъ вюртембергскихъ учебныхъ заведеній въ 1893 году.

курса въ значительной степени обезпечивались, подобно тому, какъ и въ латинскихъ школахъ, тѣмъ, что для учениковъ, прошедшихъ гимназическій курсъ, былъ установленъ общій экзаменъ, производившійся особою комиссіей 2 раза въ годъ въ Штутгартѣ, каковой экзаменъ открывалъ доступъ къ университету и давалъ другія права, между прочимъ право на полученіе стипендій въ высшей семинаріи при Тюбингенскомъ университетѣ. Такой порядокъ съ нѣкоторыми измѣненіями держался въ Вюртембергѣ до 70-хъ годовъ, и только въ 1873 году въ вюртембергскихъ гимназіяхъ и низшихъ семинаріяхъ (монастырскихъ школахъ) былъ установленъ экзаменъ зрѣлости, подобный тому, который уже давно существовалъ въ остальной Германіи.

Въ Баваріи школа долгое время находилась въ рукахъ іезуитовъ, которые хотя и дали ей прочную организацію, благодаря которой она достигла извѣстной степени процвѣтанія, но въ то же время создали ей совершенно обособленное положеніе относительно остальной Германіи. Въ первой уже половинѣ прошлаго столѣтія были однако сдѣланы попытки ослабить эту обособленность и нѣсколько сблизиться съ протестантскою Германіей, которая въ это время уже сдѣлала значительные успѣхи въ школьномъ дѣлѣ. Затѣмъ съ упраздненіемъ іезуитскаго ордена предположено было дать ваварскиммъ учебнымъ заведеніямъ новую организацію, которая не получила однако полнаго осуществленія, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что въ 1781 году кюрфюрстъ Карлъ Теодоръ отнялъ у школъ доходы съ іезуитскаго фонда, на которые они существовали, и далъ этому фонду другое назначеніе,[1] что внесло крайнее разстройство въ школьную организацію. Наконецъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія чрезвычайно невыгодное вліяніе на развитіе учебнаго дѣла въ Баваріи имѣло временное увлеченіе правительства теоріями частью филантропистовъ и частью энциклопедистовъ, на основаніи коихъ составлено было положеніе о школахъ въ Баваріи 1804 года. Положеніе это отличалось всѣми недостатками, являющимися неизбѣжными спутниками помянутыхъ теорій, какъ-то: многопредметностью, крайнею искусственностью (претендующею при томъ на мнимую естественность) несоотвѣтствіемъ учебнаго матеріала возрасту учащихся и т. д. Полная несостоятельность этого положенія обнаружилась на первыхъ же порахъ, а потому оно просуществовало только четыре года; но

---

[1] Paulsen. p. 503.

и послѣ его отмѣны, школа, расшатанная въ самыхъ своихъ основахъ, долгое время не могла придти въ порядокъ и пережила тяжелый, болѣе чѣмъ 20-тилѣтній, періодъ постоянныхъ преобразованій, опытовъ и колебаній, пока наконецъ, лишь по восшествіи на престолъ короля Людовика I (въ 1826 г.), ей было дано новое цѣлесообразное направленіе и разумная организація. Правда, уже и ранѣе, вслѣдствіе настоятельнаго требованія общественнаго мнѣнія, была сдѣлана серьезная попытка упорядочить школьное дѣло, и въ 1808 году было издано новое положеніе о школахъ, составленное извѣстнымъ педагогомъ Нитгаммеромъ (allgemeines Normativ der öffintliche Unterrichts anstalten in dem Königreich Byern,[1] которое до извѣстной степени возвращало гимназіямъ ихъ классичесскій характеръ и стремилось ввести въ учебное дѣло бо́льшую опредѣленность, но и это положеніе страдало существенными недостатками, главнѣйшіе изъ коихъ заключались въ томъ, вопервыхъ, что оно недостаточно освободилось отъ теоретическихъ заблужденій, господствовавшихъ еще недавно въ правительствѣ, вслѣдствіе чего допускалась излишняя многопредметность, и, вовторыхъ, что

[1] Въ силу этого положенія среднее образованіе въ Баваріи получило слѣдующую организацію: первую ступень этого образованія составляли подготовительныя школы съ четырехлѣтнимъ курсомъ, представлявшія собой видоизмѣненный родъ латинской школы (изъ 16 недѣльныхъ уроковъ, на латинскій языкъ посвящалось 10) съ нѣкоторою очень незначительною примѣсью реальнаго образованія: надъ этими подготовительными школами стояли съ одной стороны прогимназіи, а съ другой стороны реальныя училища (тѣ и другія съ двухлѣтнимъ курсомъ), причемъ въ прогимназіяхъ продолжалось преподаваніе предметовъ, входящихъ въ курсъ подготовительной школы, и къ нимъ присоединили греческій языкъ. Къ прогимназіямъ примыкали собственно гимназіи, а къ реальнымъ училищамъ реальные институты, при чемъ гимназическій курсъ былъ направленъ на изученіе древнихъ писателей, но затѣмъ начиналось въ довольно значительномъ объемѣ изученіе философіи съ многочисленными упражненіями, относящимися къ этому изученію, и въ то же время усиливалось преподаваніе нѣкоторыхъ реальныхъ предметовъ, которые, какъ мы уже сказали, входили и въ курсъ подготовительной школы. Наконецъ, организація средняго образованія завершилась лицеями съ двухлѣтнимъ курсомъ, которые должны были давать болѣе полное философское образованіе и служить преддверіемъ къ университету (Über gelehrte Schulen mit besonderer Rücksisht auf Bayern. Thiersch 1826. I, p. 397—400). Реальныя училища и институты встрѣтили, однако, очень мало сочувствія въ обществѣ, и послѣдніе постепенно сами собой вымерли. Лицеи равнымъ образомъ оказались скоро несостоятельными, что̀ и вызвало необходимость дальнѣйшихъ преобразованій.

въ среднюю школу вводился философскій элементъ въ такомъ объемѣ, который совершенно не соотвѣтствовалъ возрасту учащихся. На практикѣ осуществленіе проекта Нитгаммера встрѣтило непреодолимыя препятствія, при чемъ вся организація школъ оказалась настолько усложненною, что въ 1816 году вновь потребовалось преобразованіе, заключающееся преимущественно въ сокращеніи какъ продолжительности общаго учебнаго курса (десятилѣтняго), такъ и въ уменьшеніи объема учебнаго матеріала, для чего число низшихъ классовъ (подготовительной школы) было урѣзано на два года, а изъ старшихъ классовъ было исключено изученіе философіи, преподаваніе же математики было сокращено, и при томъ до такой степени, что потеряло всякое серьезное значеніе. Это преобразованіе не только не улучшило положенія учебнаго дѣла, но напротивъ еще болѣе запутало его, вслѣдствіе чего въ 1824 году опять потребовался пересмотръ учебныхъ плановъ, но и на этотъ разъ въ него были внесены лишь частичныя улучшенія, а потому шаткость и разстройство продолжали господствовать въ школѣ, какъ мы уже сказали выше, до восшествія на престолъ короля Людовика I, при которомъ преобладающее вліяніе пріобрѣлъ, неоднократно уже упоминавшійся нами, Фридрихъ Тиршъ. Только благодаря усиліямъ этого замѣчательнаго педагога, обладавшаго при ясномъ умѣ и широкихъ познаніяхъ, удивительнымъ организаторскимъ талантомъ, баварскія школы упорядочились и получили организацію, во всѣхъ существенныхъ частяхъ, сохранившуюся и понынѣ и давшую Баваріи возможность занять въ школьномъ дѣлѣ почетное положеніе среди другихъ государствъ Германіи.

Еще въ 1811 году Тиршъ основалъ въ Мюнхенѣ филологическую семинарію, которая значительно способствовала улучшенію научной подготовки учителей и облегчила будущую реформу баварскихъ гимназій. Въ 1826 году онъ издалъ капитальное свое сочиненіе „о научныхъ школахъ“ (Über gelehrte Schulen, mit besonderer Rücksicht auf Bayern), въ которомъ онъ съ поразительною ясностью и неотразимою логикой высказываетъ свои взгляды на общее значеніе классическаго образованія, на значеніе и мѣсто, которое каждый предметъ долженъ занимать въ школѣ и наконецъ на методы преподаванія.

Въ основу средняго образованія Тиршъ кладетъ изученіе родного и древнихъ языковъ, математики и Закона Божія. Затѣмъ къ этимъ предметамъ онъ присоединяетъ преподаваніе французскаго языка, географіи, исторіи и физики, какъ побоч-

ныхъ предметовъ (Nebenfücher). Сверхъ того, онъ признаетъ необходимость ознакомленія дѣтей и юношей съ природой, но не въ видѣ систематическаго и теоретическаго курса по естествовѣдѣнію, а въ видѣ отдѣльныхъ бесѣдъ и экскурсій, рекомендуя пользоваться всякимъ встрѣчающимся удобнымъ случаемъ, чтобъ обратить вниманіе на природу и ея явленія, не отводя однако для этого особыхъ постоянно обязательныхъ часовъ. Для того чтобы сдѣлать подобныя необязательныя занятія возможными, Тиршъ старался придать школѣ такое устройство, при которомъ обязательныя школьныя занятія не поглощали бы всего времени учащихся, оставляя имъ просторъ для свободныхъ занятій сообразно съ ихъ вкусами и желаніями [1].

Преподаваніе родного языка, основательному знанію коего Тиршъ придаетъ особое значеніе, онъ ставитъ въ такую тѣсную связь съ изученіемъ древнихъ языковъ, при которой каждый урокъ по древнимъ языкамъ долженъ непремѣнно быть въ то же время урокомъ родного языка, для котораго поэтому онъ и не отводитъ (особенно въ младшихъ классахъ) значительнаго числа отдѣльныхъ часовъ [2].

Математику Тиршъ считаетъ необходимымъ элементомъ классическаго образованія и, придавая ей весьма важное значеніе, требуетъ расширенія ея программы до изученія коническихъ сѣченій (Kegelschnitte) включительно [3], то-есть предлагаетъ курсъ, превышающій то, что̀ требуется въ гимназіяхъ въ наше время.

Особою ясностью отличаются взгляды Тирша на преподаваніе древнихъ языковъ, при чемъ онъ чрезвычайно мѣтко проводитъ границу между классическимъ образованіемъ, служащимъ общимъ образовательнымъ цѣлямъ, и филологіей, составляющею предметъ изученія лишь для немногихъ ученыхъ; эта послѣдняя,—говоритъ онъ,—относится къ первой такъ же, какъ теологія, то-есть

[1] По учебному плану Тирша въ подготовительныхъ школахъ и гимназіяхъ должно было назначаться не болѣе двадцати-шести недѣльныхъ уроковъ, по 5 уроковъ въ день—4 раза въ недѣлю и по 3 урока—два раза въ недѣлю, такъ что два дня въ недѣлю ученики были свободны въ теченіе большей половины дня (Über gelehrte Schulen, I p. 382—390).

[2] Ibid. I, 337—380.

[3] Любопытно, что требованія, предъявляемыя крайнимъ классикамъ Тиршемъ относительно математики, совпадаютъ такимъ образомъ съ тѣмъ, что̀ извѣстный современный натуралистъ Дюбуа-Реймонъ гораздо позднѣе выставляетъ какъ pium desiderium для нынѣшнихъ гимназій (Culturgeschichte und Naturforschung).

ученое богословіе, къ общему религіозному воспитанію, при чемъ подобно тому, какъ въ предѣлахъ общаго образованія нельзя требовать научно-теологическихъ познаній, а слѣдуетъ лишь желать усвоенія учащимися ясныхъ понятій о своей религіи по духу ея и по формѣ, точно такъ же въ предѣлы классическаго образованія (которое и есть истинное общее образованіе) не должно вводить филологическихъ изслѣдованій, а надлежитъ ограничиваться твердымъ и отчетливымъ знаніемъ языковъ и способностью не только схватывать при чтеніи содержаніе читаемаго въ общихъ чертахъ, но и давать себѣ отчетъ въ значеніи тѣхъ или другихъ построеній и формъ языка, подъ условіемъ правильнаго пониманія коихъ только и возможно точное уразумѣніе всѣхъ оттѣнковъ мысли автора и пониманіе логической и причинной связи между отдѣльными понятіями, безъ чего чтеніе не можетъ дѣйствовать развивающимъ образомъ на умъ. Недостаточно,—говоритъ Тиршъ [1],—понять и запомнить то, чему учишься, нужно усвоить себѣ изучаемое, то-есть вполнѣ овладѣть имъ, для чего одинаково недостаточно какъ знанія предмета по одной его внѣшней формѣ безъ связи съ внутреннимъ его содержаніемъ, такъ и одного бѣглаго пониманія содержанія безъ уразумѣнія формы, въ которой оно выражается. Въ произведеніяхъ человѣческаго ума форма и содержаніе всегда такъ неразрывно связаны между собой, что только совокупное изученіе того и другого можетъ дать результаты, требуемые истиннымъ, серьезнымъ образованіемъ. Исходя изъ этого основанія, Тиршъ строго осуждаетъ тѣхъ, которые стремятся научить своихъ учениковъ лишь формамъ языка и умѣнью болѣе или менѣе ловко передавать содержаніе читаемаго на другой языкъ, то-есть тѣхъ, которые удовлетворяются однимъ, такъ-сказать, голымъ и бѣглымъ переводомъ, при которомъ требуется только передача сказаннаго на одномъ языкѣ—на другой, сущность же содержанія переводимаго отрывка, свойства и связь отдѣльныхъ его частей, логика и цѣлесообразность, построеніе рѣчи предполагаются какъ бы понятными сами собой, а потому на все это не обращается вниманія, какъ равно упускается изъ вида то, имѣетъ ли ученикъ понятія о лицахъ, историческихъ событіяхъ, обычаяхъ и т. п., о которыхъ говоритъ читаемое или переводимое имъ произведеніе [2].

---

[1] Thiersch. Gel. Schulen I p. 285.

[2] Ibid. p. 249.

Точно такъ же Тиршъ порицаетъ тѣхъ, которые мнятъ, что они овладѣли духомъ древняго міра и что они будто-бы призваны внѣдрять его въ своихъ учениковъ, при чемъ изъ-за этой высоко парящей мечты они забываютъ, что серьезный, развивающій умственный трудъ требуетъ, не только ознакомленія съ возвышенными мыслями, но и умѣнья во-время замѣтить разнообразные оттѣнки ихъ, обращать вниманіе на частности и отличать ихъ отъ главнаго и отводить тому и другому должное мѣсто. Для послѣдователей этого направленія грамматика и знакомство съ оборотами рѣчи являются какъ бы только помѣхой и пугаломъ, а необходимость объясненія трудныхъ мѣстъ въ писателѣ порождаетъ одну досаду, при чемъ они даже не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что эта именно работа, требующая труда, вниманія и размышленія, и является въ молодые годы наиболѣе плодотворною для развитія ума и мыслительныхъ способностей. Все это, по ихъ словамъ, пустыя мелочи, къ которымъ они поэтому относятся будто бы свысока, въ дѣйствительности же боятся ихъ, потому что сами не въ состояніи совладать съ подобною работой.

Тиршъ, одинаково не сочувствуя обоимъ этимъ направленіямъ, съ неотразимою логикой доказываетъ необходимость соединенія основательнаго знанія языковъ съ внимательнымъ и всестороннимъ изученіемъ литературныхъ произведеній, каковымъ путемъ только и достигается та полнота развитія юношества, которая составляетъ цѣль классическаго образованія.

Изученію собственно языковъ (латинскаго, греческаго и родного) Тиршъ отводитъ шесть лѣтъ ученія, въ возрастѣ отъ 8 или 9 до 14 или 15 лѣтъ, то-есть, по принятому въ то время въ Баваріи порядку, 4 года въ приготовительной школѣ и 2 года въ низшей гимназіи (прогимназіи)[1], которыя вмѣстѣ соотвѣтствуютъ такимъ образомъ полной латинской школѣ. Въ этомъ періодѣ воспитанія, ученики должны пріобрѣсти сперва большой запасъ словъ и твердое и осмысленное знаніе грамматики, а затѣмъ научиться примѣнять на дѣлѣ пріобрѣтенныя ими знанія путемъ чтенія и письменныхъ упражненій. Въ этомъ возрастѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, въ ученіи слѣдуетъ избѣгать поспѣшности, напротивъ должно руководствоваться мудрымъ правиломъ „спѣшить не торопясь“ (eile mit Weile), то-есть не задерживать учениковъ на томъ, что ими уже твердо усвоено,

[1] Thiersch. Ueber gelehrte Schulen, p. 223—275.

но и не идти впередъ, пока не достигнуто полное усвоеніе. Нѣтъ ничего ошибочнѣе при изученіи языка,—говоритъ Тиршъ,—какъ поспѣшное перескакиваніе отъ правила къ правилу, безъ надлежащаго удостовѣренія въ томъ, что учащійся уже укрѣпился въ пройденномъ, и стремленіе во что бы то ни стало добраться поскорѣе, хотя бы кое-какъ, до чтенія, ибо чтеніе при подобныхъ условіяхъ не пріучитъ дѣтей къ систематическому и послѣдовательному труду, а, напротивъ, разовьетъ въ нихъ поверхностность и легкомысліе, отъ которыхъ они никогда не избавятся впослѣдствіи. Къ тому же этотъ будто бы кратчайшій и легчайшій путь окажется въ дѣйствительности длиннѣйшимъ и породитъ въ будущемъ непреодолимыя трудности, ибо основныя начала языка и грамматики, легко пріобрѣтаемыя въ дѣтствѣ, трудно усваиваются въ старшемъ возрастѣ, а потому упущенное въ ранніе годы, не наверстывается въ послѣдующіе [1].

На прочной основѣ, данной приготовительною школой и прогимназіей, Тиршъ строитъ высшую гимназію съ 4-лѣтнимъ курсомъ, въ которой, пользуясь уже твердымъ и систематическимъ знаніемъ языковъ, пріобрѣтеннымъ на предшествующихъ ступеняхъ образованія, начинается серьезное чтеніе, причемъ Тиршъ отвергаетъ дѣленіе его на курсорное и статарное. [2] Опытный учитель,—говоритъ онъ, [3]—допуститъ лишь одинъ видъ чтенія, который будетъ ни курсорный, ни статарный, но при которомъ онъ при каждомъ случаѣ, когда то представится нужнымъ, или послѣ каждаго отдѣла, сообщитъ ученику свѣдѣнія, безъ коихъ читаемое мѣсто было бы непонятно, но сдѣлаетъ это сообщеніе въ предѣлахъ необходимаго для пониманія ученика: чтеніе же, которое переступитъ эту мѣру необходимаго или не дойдетъ до нея, будетъ неизбѣжно безплоднымъ, ибо въ первомъ случаѣ (то-есть, если не будутъ сообщены необходимыя свѣдѣнія) оно не можетъ стать поучительнымъ, а во второмъ, благодаря мѣшкотности и медленности работы, оно поведетъ къ потерѣ времени и ослабленію охоты къ ученію. Объясненіе трудныхъ словъ или ихъ сочетаній, исправленіе неправильностей, толкованіе такихъ мѣстъ, въ которыхъ мысль выражена неясно, крат-

---

[1] Ibid. 226.

[2] Читатель припомнитъ, что мы объясняли значеніе этихъ терминовъ въ V главѣ нашего труда.

[3] Ibid. 293.

кія, но цѣлесообразныя объясненія изъ миѳологіи, географіи, исторіи, а равно относящіяся къ обычаямъ, нравамъ и искусству древняго міра,—все это входитъ въ трудную задачу правильно поставленнаго классическаго преподаванія и полезнаго для школы изученія древнихъ писателей, при чемъ учитель умѣніемъ своимъ сдѣлать во-время умѣстный вопросъ, обдуманностью своихъ объясненій и собственнымъ живымъ интересомъ къ дѣлу долженъ стараться развить въ ученикѣ пониманіе красоты и изящества, возбудить въ немъ пониманіе цѣлесообразности тѣхъ или другихъ способовъ выраженія мыслей, и дать его сужденію и умственной дѣятельности правильное направленіе.

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ въ предѣлахъ задачи, которую мы себѣ намѣтили, долѣе останавливаться на болѣе подробномъ изложеніи педагогическихъ воззрѣній Тирша, несмотря на интересъ, который они безспорно представляютъ при изученіи историческаго развитія школы, въ связи съ современнымъ ея положеніемъ. Мы вынуждены поэтому ограничиться сдѣланнымъ нами бѣглымъ очеркомъ и въ дополненіе можемъ лишь присовокупить, что, по свидѣтельству современниковъ, Тиршъ, какъ преподаватель и руководитель школы, столь же успѣшно примѣнялъ свои педагогическія идеи на практикѣ, какъ блестяще развивалъ ихъ въ теоріи.

Тѣ же принципы Тиршъ положилъ въ основу своей дѣятельности, когда по восшествіи на престолъ короля Людвига I онъ былъ призванъ къ законодательной работѣ и къ руководству учебною администраціей въ Баваріи.

Благодаря ему, баварскія гимназіи, впервые послѣ паденія іезуитовъ, получили наконецъ прочную и правильную организацію.

Къ сожалѣнію, Тиршъ, слишкомъ идеализируя старинную латинскую школу, впалъ въ крайность при выработкѣ для гимназій новаго общаго учебнаго плана, и поставилъ гимназіямъ такую задачу, которую онѣ, по условіямъ мѣста и времени, въ XIX столѣтіи выполнить не могли. Онъ желалъ, чтобы гимназія доводила всѣхъ своихъ учениковъ до такого совершенства въ знаніи древнихъ языковъ, при которомъ они могли бы совершенно свободно владѣть ими, въ особенности же латинскимъ языкомъ, какъ письменно, такъ и устно. Подобная задача, осуществимая въ тѣ времена, когда устная латинская рѣчь была въ общемъ употребленіи и когда языкъ этотъ являлся какъ бы вторымъ

роднымъ языкомъ, представлялась столь же невыполнимою, какъ и безцѣльною въ нашемъ столѣтіи, когда за рѣдкими исключеніями никто уже не говорилъ по-латыни и когда письменное употребленіе этого языка почти исчезло изъ литературы и науки. Такая односторонность принятой Тиршемъ точки отправленія вынудила его, при составленіи проектируемаго имъ учебнаго плана, впасть въ противорѣчіе съ самимъ собой и пожертвовать даже такими предметами, какъ, напримѣръ, математикой и физикой, преподаваніе которыхъ сокращалось до такихъ минимальныхъ предѣловъ, что науки эти теряли всякое серьезное значеніе въ курсѣ гимназіи, въ то время когда самъ Тиршъ всегда признавалъ ихъ важность, и въ прежнее время какъ на практитѣ, такъ и въ теоріи совершенно правильно опредѣлялъ необходимый объемъ ихъ изученія.

Благодаря такой односторонности, учебный планъ, выработанный Тиршемъ въ 1829 году, оказался настолько неосуществимъ на практикѣ, что, несмотря на одобреніе короля, онъ на дѣлѣ примѣненъ не былъ и вскорѣ былъ замѣненъ новымъ, значительно видоизмѣненнымъ учебнымъ планомъ, изданнымъ 13 марта 1830 года.

Но хотя такимъ образомъ первоначальный учебный планъ Тирша потерпѣлъ неудачу, тѣмъ не менѣе основные его педагогическіе идеи и принципы легли въ основу всей организаціи баварскихъ гимназій и вскорѣ создали имъ почетное положеніе среди школъ Германіи.

Характерными чертами учебнаго плана баварскихъ гимназій, отличающими ихъ существенно отъ гимназій сѣверной Германіи (въ особенности отъ прусскихъ), является меньшая многопредметность, большая простота курса и въ связи съ этимъ меньшее число недѣльныхъ уроковъ [1]. Затѣмъ, хотя въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій (въ 1854, 1874 и 1891 годахъ, о чемъ намъ придется еще говорить ниже) баварскія гимназіи, подобно тому какъ и учебныя заведенія въ другихъ частяхъ Германіи, подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ, сближающимъ ихъ съ

---

[1] Въ баварскихъ гимназіяхъ и въ настоящее время число обязательныхъ уроковъ въ недѣлю (не считая гимнастики) ни въ одномъ классѣ не превышаетъ 27, а въ низшихъ понижается до 23. Достигается это тѣмъ, что на естественныя науки (которыя до 1890 г. вовсе не входили въ число обязательныхъ предметовъ), на физику, на французскій языкъ и въ незначительной степени на математику полагается нѣсколько меньше уроковъ, чѣмъ въ Пруссіи.

прусскимъ образцомъ, но тѣмъ не менѣе онѣ и до настоящаго времени сохранили эти существенныя особенности учебной своей организаціи, какъ равно сохранили нѣкоторыя особенности и во внѣшнемъ устройствѣ: въ Баваріи и нынѣ гимназіи распадаются на двѣ части или отдѣла: латинскую школу (первоначально съ 4-лѣтнимъ, позднѣе съ 6-лѣтнимъ, а въ настоящее время съ 5-лѣтнимъ курсомъ) и собственно гимназію (съ 4-лѣтнимъ курсомъ), при чемъ латинская школа, хотя и имѣетъ главнымъ назначеніемъ служить началомъ гимназіи, но курсъ ея поставленъ гораздо самостоятельнѣе и болѣе законченъ, чѣмъ, напримѣръ, курсъ прусскихъ прогимназій, такъ какъ баварскія латинскія школы являются не только младшими классами классическихъ гимназій, но служатъ и подготовительными заведеніями для реальныхъ гимназій и въ то же время насчитываютъ въ своихъ стѣнахъ значительное число учениковъ, которые не ищутъ дальнѣйшаго образованія, а прямо по окончаніи латинской школы избираютъ себѣ какое-либо практическое поприще и непосредственно вступаютъ въ жизнь [1].

(Окончаніе слѣдуетъ).

Графъ П. Капнистъ.

[1] Въ 1894 г. въ Баваріи имѣлось 37 полныхъ гимназій, соединенныхъ съ латинскими школами, и сверхъ того 42 самостоятельныхъ латинскихъ школъ (isolirte Lateinschulen).

* * *

Какое счастье! милый, это былъ лишь сонъ,
Больной, тяжелый сонъ,—и вотъ его не стало,
Разсѣялся миражъ, завѣса мрака спала,
И новый день встаетъ... Какъ тихъ, какъ ясенъ онъ!
Кашмара тяжкаго не стало, какъ обмана,
Скользящимъ облакомъ все прежнее прошло,
Смотри—остатки таютъ блѣднаго тумана,
Какъ утро свѣжее прозрачно и свѣтло!...
Ты помнишь?—темной тайной жизнь была одѣта,
И призракъ прежнихъ дней былъ слѣпъ и такъ жестокъ.
Теперь онъ кажется и блѣденъ, и далекъ...
Какъ безгранична даль! Какъ много свѣта,
И для лучей его какой просторъ открытъ!
Нѣтъ гнета и цѣпей,—намъ такъ легко, привольно,
Эѳирныхъ нашихъ тѣлъ къ землѣ не тяготитъ,
И дальше... выше... мы летимъ невольно!

Н. Плахово.

КНИГА ОСОБЕННО ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЙ СУДЬБЫ.

I.

Habent sua fata libelli...

Неутомимый г. Павленковъ, издавъ opera omnia—„quae supersunt“—Шелгунова, Скабичевскаго, необозримое множество „біографій великихъ людей“ и серіи книгъ по всѣмъ мало знакомымъ ему и потому чрезвычайно для него занимательнымъ наукамъ, выпустилъ еще одно изданіе: „Исторію цивилизаціи въ Англіи“, сочиненную „Генрихомъ Томасомъ Боклемъ“. Безъ какой-либо ироніи и, напротивъ, не безъ величайшаго удивленія и почтенія, мы разсмотрѣли на зеленоватой обложкѣ этой книги большого формата вереницы его издательскихъ трудовъ; это—дѣятельность, достойная Новикова, это лучшій примѣръ того, насколько частная предпріимчивость, движимая любовью къ предмету, мощнѣе и зорче дѣятельности офиціально-государственной, которая повинуется лишь обязанности. И въ самомъ дѣлѣ, если собрать все, что̀ было издано нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для образованія и направленія „къ добру и правдѣ“ русскаго юношества, и сравнить *его* усилія и *плоды* этихъ усилій съ тѣмъ, что̀ сдѣлалъ *одинъ* г. Павленковъ, при средствахъ самыхъ скудныхъ, для введенія мысли и чувствъ нашего общества въ русло *ему* желаемое—мы убѣдимся безъ труда, что онъ единолично сто̀итъ цѣлаго министерства, что наше маленькое, подростающее общество учится, думаетъ, занимается, уважаетъ и ненавидитъ скорѣе „по-Павленкову“ и уже никакъ не „по-министерству народнаго просвѣщенія“. Г-нъ Павленковъ заслужилъ вѣнка; и, повторяемъ безъ какой-либо иро-

ніи, мы этотъ вѣнокъ ему, эту въ своемъ родѣ монтіоновскую премію за добродѣтель—воздаемъ.

Если не ошибаемся, г. Павленковъ,—кажется, офицеръ въ отставкѣ, [1]—самъ ничему или приблизительно ничему въ свое время не былъ выученъ; но, вѣдь, и Новиковъ учился на мѣдныя деньги. Еслибы кто-нибудь замѣтилъ, что Новиковъ былъ, при этомъ, чрезвычайно уменъ, а г. Павленковъ видимо ограниченъ, мы отвѣтили-бы, что и это не имѣетъ никакого умаляющаго значенія для г. Павленкова, ибо только лишній разъ доказываетъ, до чего собственно незначительна роль „ума" въ исторіи и все принадлежитъ въ ней героинѣ гораздо болѣе возвышенной и прекрасной. Сколько есть мудрыхъ профессоровъ на каѳедрахъ; сколько самыхъ остроумныхъ писателей, великихъ сердцевѣдцевъ, прозорливыхъ политиковъ трудится въ журналистикѣ; какъ просвѣщенъ г. Мартенсъ, необъятенъ и неутомимъ г. Карѣевъ; не упоминаемъ о меньшихъ... Но вотъ, среди всѣхъ этихъ блистающихъ умомъ и эрудиціей людей, скромный отставной офицеръ становитъ свой жертвенникъ; онъ говоритъ, что изъ всего, что̀ создала всемірная культура, изъ всѣхъ этихъ Платоновъ, Виргиліевъ, Рафаэлей, Декартовъ, Лейбницевъ—ему нравится болѣе всѣхъ г. Шелгуновъ; что между критиками, отъ Свиды и Фотія до С.-Бёва и Брандеса, онъ не находитъ такого остроумнаго, какъ г. Скабичевскій; что г. Михайловскій значительно превосходитъ самого Прудона и нѣсколько узкаго Конта. Вокругъ раздается смѣхъ, негодованіе,—онъ этого не слышитъ; онъ сыплетъ и сыплетъ благовонія на жертвенникъ, и дымъ отъ его огня, свѣтъ отъ его любящаго сердца совершенно затмеваетъ обозленныхъ и тщеславныхъ Мартенсовъ, Карѣевыхъ et tutti quanti. И они, совершенно ясно видя, что г. Павленковъ ничего не понимаетъ въ томъ, что̀ онъ дѣлаетъ, уже начинаютъ, хоть и съ ужасающею злобой, говорить: „господинъ Павленковъ", „почтенный г. Павленковъ",—надѣясь и жаждая въ тайнѣ души, чтобы и ихъ онъ какъ-нибудь захватилъ въ сферу своего вниманія; но г. Павленковъ никого изъ нихъ не замѣчаетъ.

---

[1] См. при первомъ изданіи сочиненій Писарева—судебный процессъ г. Павленкова, обвиненнаго въ нарушеніи цензурныхъ правилъ, и тамъ при первыхъ формальныхъ вопросахъ—его отвѣтъ о лѣтахъ, званіи и положеніи своемъ. Мы, впрочемъ, ссылаемся на память, и за десятки истекшихъ лѣтъ она могла намъ измѣнить.

Да,—конечно, почтенный г. Павленковъ:

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой...

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму;
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.

Съ той поры, сгорѣвъ душою...
....
....
Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.
....
....
....
Lumen coeli, sancta Rosa
Восклицалъ онъ, дикъ и рьянъ,
И какъ громъ его угроза
Поражала...

„Велика Діана Ефесская",—и богатство натуры человѣческой по-истинѣ неисчерпаемо: благородная черта одного вѣка переносится въ другой, казалось бы совершенно ему противоположный и неспособный вовсе принять что-нибудь изъ эпохи давно разрушенной и даже забытой. Типъ испанскаго гидальго повторился въ грубомъ типографскомъ мастеровомъ, на холодномъ сѣверѣ, полу-образованномъ востокѣ, въ ограниченномъ отставномъ офицерѣ, который проклялъ мечъ и возлюбилъ книги, казалось-бы—въ торгашѣ. Въ иную, нежели та умершая, эпоху, въ вѣкъ совершенно противоположной вѣры, новый гидальго „сложилъ въ сердцѣ своемъ", что, пока онъ не умеръ, такъ-называемые „60-е годы" нашей исторіи не умрутъ въ нашемъ обществѣ. Пусть политика идетъ своимъ путемъ, измѣняется законодательство, мѣняются нравы, и всѣ идутъ поклониться инымъ богамъ,—„смиренный" и „простой" рыцарь-типографъ выбрасываетъ на книжный рынокъ томъ за томомъ, автора за авторомъ изъ тѣхъ полу-умершихъ лѣтъ; онъ, наконецъ, окружаетъ себя писателями, почти подростками, давая имъ заработокъ и воспитывая въ нихъ направленіе; и, такимъ образомъ, одинъ, почти

одинъ, создаетъ „вторую молодость“ для идей, казалось-бы навсегда похороненныхъ, для страстей уже совершенно погасавшихъ... Конечно, онъ заслуживаетъ монтіоновской преміи. И даже сталкивая его съ историческаго пути,—еслибъ намъ могла придти эта фантазія или еслибы мы имѣли къ этому силу,—мы предварительно глубоко и благоговѣйно поклонились-бы ему, какъ лучшему, какъ одному изъ лучшихъ сыновей своей земли и своего вѣка.

II.

„Исторія цивилизаціи въ Англіи Бокля, переводъ А. И. Буйницкаго; въ 2-хъ томахъ, съ нортретомъ автора и вступительною статьей Е. Соловьева“—есть одна изъ послѣднихъ, выкинутыхъ имъ на рынокъ книгъ.—„Мнѣ рѣдко“, писалъ извѣстный путешественникъ по Россіи въ 60-е годы, Уоллесъ, „мнѣ рѣдко приходилось раскрывать въ Россіи нумеръ журнала и даже газеты безъ того, чтобы не встрѣтить имени Бокля; образованная русская молодежь зачитывается „Исторіей цивилизаціи“ и на многія мысли, въ этой книгѣ высказанныя, смотритъ, какъ на нѣкоторое новое Откровеніе“. И отъ другихъ, туземныхъ уже писателей, мы знаемъ, и, наконецъ помнимъ изъ собственныхъ личныхъ воспоминаній, что, въ самомъ дѣлѣ, успѣхи этой книги въ 60—70-е годы въ нашемъ обществѣ имѣли что-то сверхъ-литературное: это была какая-то новая реформа,—еще Петръ, покоряющій капризу своему „варварскую Россію“,—еще Омаръ, завоевывающій Сирію и Египетъ для только-что принесеннаго на землю Ислама. Нельзя было не читать ея; нельзя было на ряду съ нею или приблизительно съ такимъ же почтеніемъ читать другихъ книгъ; рѣшительно, грозное: „если въ нихъ написано то же—онѣ не нужны, если другое—онѣ вредны“, этотъ приговоръ Омара надъ Александрійскою библіотекой рвался изъ устъ тысячъ маленькихъ Омаровъ того времени, не выпускавшихъ изъ рукъ новаго аль-Корана и говорившихъ изъ него обширными текстами...

Можетъ быть, иллюзія превосходныхъ качествъ этой книги такъ и сохранилась бы на вѣкъ, еслибы сама книга, никѣмъ болѣе и уже давно не читаемая, замерла въ неподвижной своей славѣ, подобно тѣмъ ископаемымъ насѣкомымъ, которыхъ мы иногда находимъ замурованными въ геологическихъ пластахъ земли, и удивляемся, какъ могли быть сохранены въ цѣлости столь хрупкія формы. Но г. Павленковъ

извлекъ ее на свѣжій воздухъ и захотѣлъ сдѣлать изъ нея практическое употребленіе; подобно древней Медеѣ, въ окостенѣлыя жилы своего почти уже умирающаго поколѣнія онъ вздумалъ влить кровь молодаго козленка,—когда-то бывшаго молодымъ; онъ пригласилъ, для помощи въ операціи, г. Евг. Соловьева,—писателя, если не по лѣтамъ, то по языку и составу идей, отроческаго возраста. И вотъ этотъ отрокъ, въ предисловіи къ изданной книгѣ, разсказалъ вслухъ всѣхъ 20.000 ея читателей [1], кто былъ „герой его времени" и какъ написалъ онъ знаменитую книгу... Подражая Ла-Брюйеру и другимъ, онъ составилъ и помѣстилъ передъ „Исторіей цивилизаціи въ Англіи" статью: „Генри Томасъ Бокль; характеристика", перепечатавъ въ ней, почти безъ пропусковъ, автобіографическія данныя, оставленныя о себѣ нѣкогда знаменитымъ мужемъ, и которыя, онъ былъ увѣренъ, произведутъ на всѣхъ то же неизгладимое и волнующее впечатлѣніе, какое, очевидно, онъ испыталъ самъ, читая ихъ.

„Я родился", записалъ о себѣ Бокль, „въ Ли, графствѣ Кентъ, 24 ноября 1821 года. Мой отецъ былъ купцомъ. Звали его Томасомъ Генри Боклемъ и онъ происходилъ изъ рода, одинъ изъ членовъ котораго пользовался большою извѣстностью какъ лондонскій лордъ-меръ, въ царствованіе Елизаветы".

Какъ припомнитъ читатель, кромѣ монументальной „Исторіи цивилизаціи", у Бокля есть маленькій и недоконченный „Очеркъ царствованія королевы Елизаветы". Мы можемъ теперь догадываться, что представленіе о „лордъ-мерѣ" Лондона, который въ то же время былъ его „предкомъ", съ воспоминанія о чемъ онъ начинаетъ свою автобіографію, сдѣлало это царствованіе, гораздо менѣе значительное, чѣмъ смежныя съ нимъ эпохи, любимѣйшимъ для него во всей исторіи Англіи. Мы отмѣчаемъ эту маленькую слабость его самолюбія, имѣя въ виду демократическую его пренебрежительность къ чужимъ родовымъ и фамильнымъ воспоминаніямъ...

„Отецъ мой умеръ въ 1840 г. Моя мать въ дѣвичествѣ носила фамилію Миддельтонъ. Въ дѣтствѣ я обладалъ слабымъ здоровьемъ, и мои родители, по совѣту одного доктора, м-ра Биркбека, рѣшились не давать мнѣ обычнаго образованія, опасаясь вызвать имъ переутомленіе мозга".

---

[1] Въ газетахъ, годъ назадъ, публиковалось: „Вышла и продается девятнадцатая тысяча *Ист. цив. въ Ан.—Бокля, и пр.*".

Ниже мы увидимъ, что Бокль обладалъ удивительною природною памятью, и, слѣдовательно, утомленіе въ немъ вызывало не запоминаніе фактическаго содержанія уроковъ, но ихъ остальная часть, т. е. только разсужденіе, размышленіе; и если мы примемъ во вниманіе, что шло еще элементарное ученіе, мы безъ труда догадаемся, что испугавшіе доктора симптомы, связанные съ чрезвычайнымъ умственнымъ усиліемъ, затрачиваемымъ на усвоеніе этихъ элементовъ, всякому легко дающихся, связаны были исключительно съ слабоуміемъ ребенка, о чемъ, конечно, ему никогда прямо не было сказано.

„Благодаря этому, я не пошелъ по пути школьной науки и никогда не посѣщалъ коллэджа. Когда мнѣ исполнилось 18 лѣтъ, мой отецъ умеръ, оставивъ мнѣ независимое состояніе. До этого времени я читалъ очень мало, преимущественно Шекспира, арабскія сказки и Путешествіе Пилигрима, — книги, постоянно приводившія меня въ восторгъ. Въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ я задумалъ,—разумѣется, въ смутной формѣ,—планъ моего сочиненія и принялся разрабатывать его"...

Такимъ образомъ—вотъ эмбріонъ, изъ котораго выросъ удивительный планъ „Исторіи цивилизаціи". „Восторгавшійся" дѣтскими „сказками" слабоумный мальчикъ, для котораго докторъ нашелъ опаснымъ продолжать первоначальное ученье,— оставшись по смерти отца на свободѣ и съ состояніемъ, задумалъ ни для чего ненужное ему время убить на переработку науки, которой ему извѣстно было въ то время только имя; но ему больше нечего было дѣлать, равно безъ практической и теоретической подготовки къ чему-нибудь:

„Я сталъ", пишетъ онъ, „работать по 9 или 10 часовъ ежедневно. Методъ моихъ занятій былъ таковъ: утромъ я изучалъ естественныя науки, послѣ завтрака—языки, въ которыхъ былъ круглымъ невѣждой, вечеромъ—исторію, юриспруденцію и всемірную литературу. Я никогда не писалъ ни для газетъ, ни для журналовъ, твердо рѣшившись посвятить свою жизнь болѣе крупному труду".

То, что ему казалось серьезно „методомъ", было обычное школьное чередованіе уроковъ, съ тою же несвязанностью между собою чередующихся часовъ по предметамъ вниманія, и вообще со всѣми недостатками школьного ученія, въ которыхъ онъ не нашелъ ничего поправить, хотя и могъ бы это сдѣлать при его свободѣ и обезпеченности. Списокъ наукъ, которыя онъ такимъ

„методомъ“ не столько проходилъ, сколько просто читалъ по книгамъ,—вѣроятно, былъ имъ узнанъ изъ слуховъ объ университетскихъ чтеніяхъ или гдѣ-нибудь попался въ книгѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ уже въ эти 18—20 лѣтъ въ немъ, еще только начинающемъ учиться, уже пробуждается чванливость, внѣшняя занятость собой: „я никогда не писалъ для журналовъ“, оговаривается онъ, забывъ или не зная, что для нихъ, безъ ущерба своему достоинству, писали Маколэй, Бэнтамъ и Д. С. Милль.

Приведя эти строки, г. Евг. Соловьевъ растерянно и удивленно пишетъ:

„Простота и скромность, которыми дышутъ эти строки, не могутъ, однако, удовлетворить нашей любознательности. Намъ-бы хотѣлось знать, напримѣръ: какимъ путемъ грандіозный планъ „Исторіи цивилизаціи“ зародился въ головѣ 18-тилѣтняго юноши, незнакомаго ни съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ, и не читавшаго ничего систематически? Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ долженъ остаться безъ отвѣта: обстоятельнѣйшіе біографы Бокля обходятъ его молчаніемъ, и предъ нами голый фактъ во всей своей загадочности. Какъ-бы то ни было“,—разсказываетъ и комментируетъ онъ далѣе,—„сочиненіе задумано, и дальнѣйшая жизнь Бокля оказываетси вытянутою въ одну линію. Преслѣдуя свою цѣль, онъ занимается 9 или 10 часовъ ежедневно, не желая даже слушать предостереженій со стороны своего слабаго здоровья; онъ отказывается отъ соблазновъ честолюбія, не желая выступать передъ публикой ни съ единою строчкой; цѣлые годы и даже десятки лѣтъ онъ проводитъ въ стѣнахъ своей библіотеки, которую составляетъ самъ, изо дня въ день обходя букинистовъ. Ничто не нарушаетъ его однообразной, постоянно повторяющей себя жизни. Матеріальныя затрудненія неизвѣстны, твердая воля, преобразившаяся въ трогательную преданность поставленной себѣ огромной задачѣ, легко справляется съ искушеніями юности (ихъ не было, см. ниже); работа завлекаетъ все больше, здоровье скрипитъ, но не отказывается пока служить. А рядомъ съ этимъ горячая честолюбивая голова рисуетъ привлекательную картину, какъ онъ въ одномъ сочиненіи нарисуетъ полную картину *Исторіи всемірной цивилизаціи* (таковъ былъ первоначальный планъ) и представить

жизнь человѣчества въ свѣтѣ обширной и мощной идеи".

Такъ пишетъ восточный энтузіастъ свой критико-біографическій акаѳистъ, далекій отъ подозрѣнія его истиннаго значенія; главное, онъ не переиначиваетъ фактовъ, не утаиваетъ ихъ.

Однажды встрѣтившись съ Ч. Дарвиномъ, Бокль разсказалъ ему методъ самаго подготовленія своего труда, и Дарвинъ отмѣтилъ это въ своей „Автобіографіи" (Спб. 1896 г., стр. 35): „Я очень былъ доволенъ", пишетъ онъ, „узнавъ отъ Бокля, встрѣченнаго мною однажды въ Генслэй, у Уэрдвидовъ, способъ его собиранія фактическаго матеріала. Онъ сказалъ мнѣ, что покупалъ всѣ книги, которыя прочелъ, и составлялъ къ каждой полный указатель фактовъ, если они, по его мнѣнію, могли оказаться для него пригодными. По его словамъ, онъ всегда могъ вспомнить, въ какой книгѣ прочелъ что-либо, такъ какъ обладалъ удивительною памятью. Я спросилъ его, какимъ-же образомъ онъ могъ сразу судить, какіе именно факты ему пригодятся? Онъ отвѣтилъ, что не знаетъ и что имъ руководитъ родъ инстинкта. Привычка составлять указатели привела къ тому, что онъ былъ въ состояніи привести, по всѣмъ вопросамъ, чудовищное количество цитатъ, которыя можно найти въ его *Исторіи цивилизаціи*".

Интересно взаимное впечатлѣніе, съ которымъ, поговоривъ, разошлись эти два авгура новаго просвѣщенія. „Его книгу", пишетъ Дарвинъ, „я счелъ очень интересною и прочелъ два раза; сомнѣваюсь, однако, стоятъ-ли чего нибудь его обобщенія"; и далѣе лично о немъ: „Бокль любилъ много говорить; я слушалъ его, едва проронивъ слово, да и не могъ-бы заговорить, потому-что онъ продолжалъ безъ передышки". Только когда начала пѣть,—читатель помнитъ, что это было въ гостяхъ,—знаменитая г-жа Фарретъ, Дарвинъ прервалъ собесѣдника и, извинившись, вышелъ въ другую комнату. Оставшись одинъ, Бокль обернулся къ стоявшему вблизи пріятелю и сказалъ: „ну, книги Дарвина лучше, чѣмъ его разговоръ". Слова эти случайно услышалъ братъ знаменитаго натуралиста, и такимъ образомъ они попали въ его „Автобіографію".

По предварительной подготовкѣ, состоявшей почти въ ея отсутствіи, и также по самому способу занятій, изъ Бокля складывался собственно любитель-букинистъ, освѣдомленный о ко-

лоссальномъ множествѣ книгъ, случайно накупленныхъ, и содержаніе которыхъ онъ безъ разбора суммировалъ въ вереницахъ такъ-называемыхъ index'овъ rerum. Онъ инстинктомъ предугадывалъ, да наконецъ и ясно зналъ, что всякій фактъ въ исторіи есть фактъ, и если (какъ онъ задумалъ) писать „Исторію всемірной цивилизаціи", то всѣ имъ внесенные въ index'ы факты размѣстятся гдѣ-нибудь и когда-нибудь въ томахъ этого труда, какъ и кирпичъ разобраннаго зданія войдетъ весь въ его стѣны, если ихъ вновь начать обратно складывать. Здѣсь заключается мысль и основаніе отвѣта, какой отъ него услышалъ—и удивился ему Дарвинъ. По безразличію его ко всякимъ книгамъ и отсутствію руководящей мысли при ихъ чтеніи, онъ былъ начётчикъ-торговецъ,—и сталъ-бы имъ дѣйствительно, еслибы былъ бѣденъ и вынужденъ былъ искать работы. Но огромный досугъ всей жизни, передъ нимъ лежавшей, и, вѣроятно, глубокое одиночество, по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ лѣтъ „занятій" (въ связи съ чѣмъ находится и то, что онъ „не хотѣлъ" ничего писать для газетъ и журналовъ)—наконецъ, его ужасающая необразованность при врожденномъ слабоуміи,—все это въ сложности своей дало почву, на которой зародилось и окрѣпло представленіе, что въ index'ахъ rerum его уже заключается нѣкоторая мысль, что это уже есть начало чего-то, какого-то духовнаго труда, умственнаго созиданія; что это есть борозды и линіи фундамента, намекающія на очеркъ такой грандіозной—это-то онъ видѣлъ—постройки, самая мысль которой никогда и никому ранѣе его не приходила на умъ. Мы не должны забывать, что онъ собиралъ факты изъ *всей* исторіи, у *всѣхъ* народовъ и изъ *всѣхъ* эпохъ: именно эти регистры, безпланно собранные, и были зерномъ, откуда выросъ чудовищный его планъ...

„Чтобы проникнуть въ жизнь Бокля", пишетъ удивленный комментаторъ его краткихъ автобіографическихъ замѣтокъ,—„чтобы въ нее проникнуть, мы должны перенестись мысленно въ обстановку его громаднаго рабочаго кабинета, съ окномъ на верху, съ безконечными полками книгъ, всегда аккуратно стоящихъ на своемъ мѣстѣ, заботливо переплетенныхъ рукой самого хозяина и любовно охраняемыхъ отъ пыли. Утромъ-ли или вечеромъ, мы всегда застанемъ здѣсь Бокля. Онъ выходитъ только на прогулку и лишь изрѣдка, чтобы навѣстить своихъ немногочисленныхъ друзей. Кабинетъ устроенъ такъ, что шумъ лон-

донскихъ улицъ не долетаетъ до него; груды аккуратно сложенныхъ газетъ говорятъ, что историкъ интресуется современностью; однако, отчеты о театрахъ, концертахъ, выставкахъ остаются непрочитанными. Бокль не интересуется изящными искусствами, онъ не умѣетъ отличить Бетховена отъ Моцарта, никогда не посѣщаетъ спектаклей, не находитъ наслажденія ни въ картинахъ, ни въ статуяхъ. Только наука пользуется его вниманіемъ и любовью, и ей отдаетъ онъ всѣ свои силы. Онъ изучаетъ"—т. е., поправимъ мы, читаетъ по книгамъ—„анатомію, физіологію, ботанику, физику, химію, право; онъ не видитъ конца и даже не ставитъ предѣла своимъ занятіямъ, онъ хочетъ быть первымъ историкомъ новаго типа, и понимаетъ, что такой историкъ долженъ знать все. Читая и перечитывая груды книгъ, онъ убѣждается, что его излюбленная исторія не вышла еще изъ своего хаотическаго состоянія, что это не болѣе, какъ безпорядочный лепетъ ребенка. Онъ изумляется невѣжеству своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ одинъ, говоря словами его, ничего не знаетъ по части политической экономіи, другой—права, третій—церковныхъ дѣлъ и развитія убѣжденій, четвертый пренебрегаетъ теоріей статистики или естественными науками, хотя все это вопросы существенные, обнимающіе всѣ главнѣйшія обстоятельства, дѣйствующія на темпераментъ и характеръ рода человѣческаго".

Предположеніе, что историки въ самомъ дѣлѣ не знали и не изучали всѣхъ этихъ наукъ, образовалось у Бокля вслѣдствіе того, что онъ не проходилъ ни средней, ни высшей школы, и не зналъ вовсе, что всѣ названныя науки входятъ въ ихъ курсъ, а любознательные люди пополняютъ потомъ этотъ курсъ чтеніемъ. Но онъ не встрѣчалъ цитатъ изъ книгъ экономическихъ, анатомическихъ, статистическихъ, напр., у Гизо или Маколэя, и отсюда умозаключилъ, „что они и не могли-бы" сдѣлать этихъ цитатъ, еслибы даже захотѣли, что они „вовсе не были ознакомлены" съ этими науками.

„Все это",—поучительно продолжаетъ его русскій біографъ,—„историкъ обязанъ знать; и Бокль работаетъ. Доктора находятъ, что онъ переутомляетъ себя"—т. е., поправимъ мы, переутомляетъ свой врожденно не сильный мозгъ. „Онъ отказывается отъ любимой шахматной игры, отъ чтенія романовъ, лишь бы имѣть возможность посвящать своей будущей

книгѣ 9—10 часовъ ежедневно [1]. Параллельно"—т. е. по системѣ задаванія себѣ уроковъ—„имъ изучаются исторія, естествознаніе, 19 языковъ; параллельно-же идетъ и другая подготовительная работа: Бокль учится писать. Книга плохо или недоступно написанная имѣетъ, въ его глазахъ, лишь половину цѣны: онъ хочетъ", т. е. ему хочется,—„чтобы его рѣчь проникла въ массы, и больше всего онъ боится, что ее замѣтятъ лишь въ кружкѣ ученыхъ. Съ этою цѣлью онъ выучиваетъ наизусть цѣлыя страницы изъ Борка и Питта и переписываетъ по нѣскольку разъ уже законченныя имъ главы. Выступить передъ публикой во всеоружіи точнаго знанія, заковать свои выводы въ броню сотенъ примѣчаній и вмѣстѣ съ тѣмъ не остаться непонятымъ массой, этимъ лучшимъ судьей, по сужденію самого Бокля, во всемъ, что касается практическихъ выводовъ и примѣненія мыслей къ жизни—такова была грандіозная утопія, на которую онъ употребилъ 20 лѣтъ".

Судя по портрету Бокля, онъ представлялъ изъ себя массивную фигуру, но, въ тѣхъ-же біографическихъ свѣдѣніяхъ, приводимыхъ г. Е. Соловьевымъ, указывается, что онъ былъ маленькаго роста; итакъ, онъ былъ только одутловатъ, съ нависшимъ, широко раздавшимся подбородкомъ и лбомъ безъ всякихъ изгибовъ и линій; почти самое характерное въ его фигурѣ—положеніе головы и выраженіе глазъ; въ глазахъ нѣтъ устремленія, тихая задумчивость; видно, что онъ постоянно о чемъ-то размышляетъ, что-то соображаетъ или отдыхаетъ послѣ соображенія; вообще-же пренебрегаетъ взглянуть на міръ; брови короткія и небольшія; на губахъ почти улыбка и во всякомъ случаѣ самодовольство; есть нескрываемая иронія въ

[1] Это вовсе не много. Знаменитый математикъ Буняковскій разсказывалъ о себѣ, что со времени юной возмужалости и до глубокой старости онъ работалъ по 14 часовъ въ сутки; и изъ жизни другихъ очень даровитыхъ людей мы знаемъ, что они занимаются все время своего бодрствованія, вовсе никогда не отдыхаютъ, и не испытываютъ переутомленія,—понимая, и радостно понимая смыслъ своей работы. Извѣстно, что Аристотель, откидываясь на спинку кресла для минутнаго отдыха, держалъ шаръ надъ металлическимъ тазомъ; едва дремота касалась его, какъ шаръ падалъ и пробуждалъ его къ новымъ умственнымъ и очевидно никогда его не утомлявшимъ усиліямъ. Но, собственно, безъ учителя Бокль задавалъ самъ себѣ уроки и не понималъ вовсе мысли своего труда, смысла своего трудолюбія иначе, какъ въ неясной и общей формѣ, что изъ него должно выйти что-то огромное, какая-то реформа науки. Отсюда мозговое, и, вѣроятнѣе только нервное, истощеніе.

сложеніи губъ, какъ-то безпредметно, неопредѣленно отнесенная ко всему внѣшнему, à priori уже иронія, и есть въ этомъ сложеніи что-то невыразимо упорное: ясно, что его нельзя было въ чемъ-нибудь переубѣдить, какъ-бы продолжительны и очевидны ни были ваши доводы. Отзывъ о Дарвинѣ: „я болѣе ожидалъ отъ него, судя по его книгамъ", какъ бы звучитъ съ этихъ губъ. Но самое характерное, я сказалъ—въ положеніи его головы: она какъ-то царственно покоится, сѣвъ въ туловище, почти безъ посредства короткой шеи; видно, что онъ бережетъ ее, лелѣетъ, и не столько имѣетъ ее у себя, сколько носитъ ее на себѣ, какъ нѣкоторый тронъ, какъ сѣдалище важной и даже единственной мысли. Въ общемъ—выраженіе того покоя и тихаго, внутренняго счастья, которое рѣдко достается въ удѣлъ смертнымъ. Около него чувствовался Олимпъ; и мы не удивляемся—да проститъ читатель, что мы все возвращаемся къ мимолетному, но характерному воспоминанію Дарвина,—что онъ „безъ передышки" стоялъ и говорилъ передъ нимъ; что онъ не замѣтилъ вовсе, что Дарвинъ ничего не говорилъ; а когда знаменитый натуралистъ, судя по важности говорящаго, невольно счелъ долгомъ поблагодарить его, и отошелъ—высказалъ о немъ классическое и вовсе ни на чемъ, ни на одномъ Дарвиновскомъ словѣ, не основанное сужденіе.

Физіологія есть мать психологіи и, по крайней мѣрѣ, ея непереступаемое условіе; это въ особенности относится къ физіологіи рожденія нашего, которое накидываетъ на нашу послѣдующую дѣятельность сѣть предѣловъ, изъ которыхъ мы не умѣемъ и обыкновенно не пытаемся выйти. Въ возрастѣ родителей Бокля была чрезвычайная разница, „крупная разница въ возрастѣ отца и матери" (стр. VII), замѣчаетъ онъ, не подозрѣвая важности сообщенія. Въ тѣхъ-же замѣткахъ онъ говоритъ, что его мать на долго пережила отца, и мы можемъ, безъ особой опасности ошибиться, умозаключить, что „Томасъ Генри Бокль", отецъ автора, женился уже въ глубокой старости, и „Генри Томасъ Бокль", самъ авторъ, былъ плодомъ послѣднихъ усилій его любви, усилій естественно хилыхъ. Да проститъ читатель наши слова: мы разслѣдуемъ научный фактъ, притомъ имѣвшій огромныя историческія послѣдствія, и какъ Апостолъ „ради необходимости спасенія" говоритъ, хоть и оговариваясь, о „недопустимомъ" въ обычной человѣческой рѣчи,—такъ и мы, чтобы со дна дѣйствительности достать нужный фактъ, не остановимся передъ необычными словами. Вялый актъ coitus'а

въ высшей степени отразился на физіологической и психической структурѣ историка: на его слабомъ здоровьи, вызывавшемъ постоянный испугъ докторовъ, посовѣтовавшихъ вовсе даже прекратить ученье; на чрезвычайномъ развитіи обильной лимфы, при слабости артеріальнаго движенія, что̀ сказалось одутловатостью тѣла и лица; и вѣроятно, хоть это и не оговорено у г. Евг. Соловьева, онъ былъ блѣденъ и желтъ и предрасположенъ къ нагноеніямъ. Сумма этихъ данныхъ, въ зависимости отъ факта, указаннаго въ біографіи Бокля,—грубо, но до научности проницательно отмѣчается въ просторѣчіи нашемъ словомъ „поскрёбышъ", указывающимъ, что natura creatrix уже собственно не творитъ здѣсь, но собираетъ, „соскребаетъ" слѣды прежняго творенія, послѣдніе остатки въ себѣ живой матеріи: и производитъ отъ этого существо, которое, правда, имѣетъ силу родиться, но бытіе котораго, по недостатку внутреннихъ играющихъ силъ, только еле держится, продолжается, и, въ сущности, лишь медленно замираетъ. [1]

„Но неужели-же", спрашиваетъ проницательно г. Е. Соловьевъ, „за весь этотъ долгій промежутокъ жизни Бокль не зналъ ничего романическаго, не любилъ женщины, не страдалъ и не радовался? Чтеніе можетъ наполнить часы, бездну часовъ, но не бездну человѣческихъ чувствъ и вожделѣній. Сохранившіеся до насъ отрывки изъ дневника Бокля и его обширная переписка даютъ намъ отвѣтъ на поставленный вопросъ. На первыхъ порахъ",—мы отмѣтимъ, что только на первыхъ,—„слѣды романическихъ увлеченій несомнѣнны. Бокль влюбляется въ одну кузину, потомъ въ другую; [2] дерется даже на дуэли со своимъ счастливымъ соперникомъ (женщины, значитъ, *ничего* къ нему не испытывали, не имѣли къ его крови *органическаго тяготѣнія*), и страстно мечтаетъ о поѣздкѣ въ Дамаскъ, рисующейся его воображенію во всемъ блескѣ яркихъ красокъ

---

[1] Замѣчательно—см. ниже—что около 41 года Бокль умираетъ безъ ясно опредѣляемой и называемой болѣзни, угасаетъ, т. е., въ немъ было жизненныхъ, органическихъ силъ на ⅓ менѣе, чѣмъ у нормальнаго человѣка; съ этимъ показателемъ совпадаютъ и всѣ другія данныя его біографіи, особенно противоестественно-хилыя попытки любви, о которой см. сейчасъ ниже.

[2] Замѣчательно влеченіе, въ *обоихъ* случаяхъ, къ родственной крови, съ грозящимъ вырожденіемъ, т. е. уже теперь, въ самый моментъ влеченія, это было *симптомомъ* органическаго, родоваго вырожденія.

Тысячи и одной ночи (въ возрастѣ, см. выше, 18—20 лѣтъ). Но скоро это внѣшне-романическое исчезаетъ. Любовь и нѣжность, преданность и даже самоотверженіе, страстныя мечты и даже муки безсонныхъ ночей, повторяющихся все чаще, сосредоточиваются возлѣ одного центра—будущей *Исторіи цивилизаціи*. Только неизмѣнная привязанность и дружба къ матери освѣщаетъ ровнымъ свѣтомъ эту замкнутую трудовую жизнь, эту сосредоточенную кропотливую работу".

Такимъ образомъ, по словамъ біографа, планъ удивительной книги, которую мы ниже будемъ разбирать, зародился въ непосредственной близости съ усиліями полюбить,—которыя были напрасны, потому что онъ никому не нравился, и съ разгоряченными мечтами о мѣстностяхъ, въ которыхъ Аладинъ, обладатель чудесной лампы, испыталъ столько опасныхъ и всегда занимательныхъ приключеній. Это былъ возрастъ, когда онъ не могъ привести въ исполненіе намѣреніе свое лично видѣть эти мѣста,—что онъ сдѣлалъ позднѣе; и одновременно, когда ему пришлось утѣшиться въ „тихой" любви къ матери. Мы можемъ прозрѣвать, нисколько не настаивая на своей мысли, что и оскорбленіе самолюбію, и представленіе необозримыхъ, какъ-бы нигдѣ не кончающихся пустынь Аравіи, повліяли на образованіе плана его книги, которая должна была быть совершенно удивительна и нова для міра, и также, какъ пустыни Аладина, нигдѣ и никогда въ сущности не кончалась, не имѣя ясныхъ границъ.

„Характеръ Бокля", продолжаетъ біографъ, „былъ хорошо приспособленъ къ подвигу, возложенному имъ на себя. Бокль обладалъ горячею головой и холодною кровью. Первая создала проектъ, вторая позволила осуществить хотя и одну только часть его. Несмотря на всю грандіозность предпринятаго, Бокль не растерялся въ необозримомъ матеріалѣ, не отступилъ ни на шагъ въ сторону отъ задуманнаго: не его вина, что онъ умеръ, едва доживъ до 40 лѣтъ",—возраста, замѣтимъ, когда Декартъ, Ньютонъ и Бэконъ совершили уже всѣ свои открытія,—„не успѣвъ, выражаясь метафорически, переписать на бѣло своего черняка. Лично онъ вѣрилъ, что это возможно; вѣрили и всѣ, знавшіе его. На самомъ дѣлѣ, онъ удивительно умѣлъ работать „ohne Hast, ohne Rast", т. е. безъ торопливости и безъ остановки; онъ не скучалъ однообразіемъ дѣла, не утомлялся его прямолинейностью. Въ немъ не было и слѣда диллетантизма. Тѣ, кто думаетъ, что онъ только „перелистывалъ"

естественныя науки, сильно ошибаются [1]. Онъ доводитъ свою серьезность въ отношеніи къ дѣлу до того, что изучаетъ спеціальныя медицинскія работы. Говоря, что онъ знаетъ 19 языковъ, онъ нисколько не преувеличивалъ факта, и дѣйствительно зналъ ихъ настолько, насколько это нужно было для его работы, т. е. понимая безъ словаря иностранныя книги. Въ большемъ онъ не чувствовалъ необходимости и считалъ безполезнымъ тратить время на усовершенствованіе, напр., въ произношеніи. Онъ экономно распоряжался своимъ временемъ и дорожилъ каждою минутой. Его мысль работала неустанно и отдыхала лишь при перемѣнѣ предметовъ изученія. Онъ ненавидѣлъ пустыя свѣтскія бесѣды и, посѣщая знакомыхъ, всегда говорилъ о томъ, чтò его интересовало. Въ его небольшомъ тѣлѣ, облеченномъ обыкновенно въ старомодный сюртукъ толстаго сукна, во всей его прозаической фигурѣ скрывался фанатикъ, но фанатикъ дисциплинированный, неспособный ни на одинъ необдуманный шагъ, исполненный, если хотите, благоразумія во всѣхъ своихъ отношеніяхъ ко внѣшнему міру.

„Это благоразуміе жизни, одинаково характерное для Бокля, какъ дли Дарвина или Спенсера,—особенно поражаетъ русскаго человѣка... Читая дневникъ и переписку Бокля, вы готовы даже воскликнуть подчасъ не безъ досады: „Это на самомъ дѣлѣ купеческій сынъ“. Бокль аккуратенъ до педантизма: его дневникъ—это приходо-расходная книга его занятій и жизни. Онъ не скрываетъ своей любви къ комфорту, привязанъ къ хорошимъ сигарамъ, сердится, когда неумѣло завариваютъ чай или подаютъ къ столу пережареныя тартинки, даетъ своимъ друзьямъ подробныя наставленія, какъ выгоднѣе помѣщать деньги, хвалитъ экономію... Все равно, какъ въ Колумбѣ рядомъ и мирно существовали и геніальный прозорливецъ, увидѣвшій черезъ океанъ Америку, и превосходный капитанъ корабля, входившій въ каждую мелочь обихода, пачкавшійся въ дегтѣ и грошевыхъ разсчетахъ,—такъ и Бокль, несмотря на всю творческую экзальтацію, къ которой былъ способенъ,—никогда, по собственнымъ

[1] Что, однако, можно думать объ огромномъ множествѣ медицинскихъ, имъ прочитанныхъ, книгъ, къ коимъ онъ приступилъ, никогда не разсѣкавъ трупа, не обращавшись съ микроскопомъ и, наконецъ, не посѣщая, т. е. не наблюдая, больныхъ. Это могло быть только полу-понимающимъ чтеніемъ,—и въ лучшемъ, точнѣе худшемъ случаѣ, это было заучиваніемъ книгъ наизусть.

словамъ, не вынималъ изъ кармана шиллинга, не обдумавъ предварительно, можетъ ли онъ истратить его и на что; и это несмотри на крупное состояніе. Лирическій безпорядокъ и распущенность онъ презиралъ и въ жизни, и въ научной работѣ. Онъ хозяйственно распоряжался своими деньгами, временемъ, своими занятіями; безъ этого мы имѣли бы не „Исторію цивилизаціи“,—эту художественно-стройную и строго выдержанную работу, а, быть-можетъ, нѣсколько талантливыхъ статей,—словомъ, не большое сраженіе, данное тайнамъ исторіи, а десятокъ-другой блестящихъ партизанскихъ стычекъ, обыкновенно безрезультатныхъ“.

Впечатлѣніе, производимое на другихъ Боклемъ, такъ же важно, какъ и онъ самъ; или, точнѣе, это впечатлѣніе есть единственное основаніе интереса, который мы къ нему питаемъ: вотъ почему колоритъ біографіи его, написанной русскимъ энтузіастомъ, такъ же многозначителенъ, какъ и приводимые имъ факты. „Въ одномъ,—продолжаетъ онъ,—не зналъ Бокль благоразумія и сдержанности: въ наложенныхъ имъ на себя занятіяхъ; но онъ все повторялъ слова Писанія: *иго Мое благо и бремя Мое легко.* Здѣсь-то, въ противорѣчіи между слабымъ здоровьемъ и умственно безустанною работой, имъ насильственно налагаемой на себя, и скрывается драма существованія Бокля. Сознаніе этой драмы проходитъ красною нитью черезъ всю его переписку, хотя онъ какъ нельзя болѣе сдержанъ насчетъ интимной своей жизни и лишь въ немногихъ, обыкновенно грустныхъ словахъ, касается ея. Послѣ цѣлыхъ страницъ, посвященныхъ какому-нибудь отвлеченному вопросу или характеристикѣ тѣхъ книгъ, „которыя необходимо нужно прочесть“, послѣ длинныхъ цитатъ изъ Конта или Милля, мы нѣтъ-нѣтъ наталкиваемся на фразу: „мое здоровье слабо“, или: „мнѣ посовѣтовали оставить шахматную игру, такъ какъ она сильно утомляетъ меня“, или: „докторъ нашелъ у меня слѣды переутомленія“ и т. д. Но беречь себя, подчиниться строгому режиму, примириться съ полною, необходимою бездѣятельностью Бокль не хотѣлъ и не могъ. Для него это значило бы отказаться отъ самого себя и утерять всякую цѣль въ жизни. Неутомимая жажда познанія (т. е., собственно, сознаніе долга „читать“), любознательность, не знающая насыщенія, таилась подъ его благоразуміемъ и сдержанностью. Онъ долженъ былъ читать, думать, писать или говорить ежеминутно. Онъ какъ монахъ постоянно перебиралъ *свои* четки и шепталъ *свои* молитвы, читалъ *свое* писаніе и клалъ *свои* поклоны. Онъ

соглашался лишь на незначительныя уступки и то съ болью въ сердцѣ. Болѣзнь одолѣвала: „Исторія цивилизаціи человѣчества“ свелась мало-по малу на „Исторію цивилизаціи Европы“, потомъ—„Англіи“, наконецъ—ко „Введенію“, и того удалось написать лишь два тома изъ предположенныхъ пятнадцати. Много мукъ пришлось вынести спокойному, благоразумному Боклю, когда онъ чувствовалъ на себѣ давленіе „желѣзнаго кольца необходимости“,—„the ferreons rings of necessity“. Позволю себѣ привести небольшой отрывокъ изъ его письма къ миссъ (а все-таки „миссъ“) Грей отъ 1856 года: „Упасть среди дороги“,—писалъ Бокль за три года до выхода въ свѣтъ перваго тома своей Исторіи,—„исчезнуть, не оставивъ по себѣ слѣда (вотъ мучительная его тоска и источникъ задаваемыхъ себѣ уроковъ), не довершивъ того, что представлялось мнѣ великимъ и необходимымъ,—такова перспектива, которая начинаетъ представляться мнѣ, пронизывая меня холодомъ и ужасомъ. Бытьможетъ я мечталъ о слишкомъ многомъ, но порой я ощущаю въ себѣ столько силы пониманія (замѣчательно!), такое могущество надъ царствомъ мысли (sic), что меня нельзя винить за неумѣренность моихъ стремленій“. Миссъ Грей въ этомъ, вѣроятно, ничего не поняла, но плакала, и почти плачетъ біографъ: „Развивъ немного это настроеніе“, замѣчаетъ онъ грустно и глубокомысленно,—„мы услышимъ монологъ Гамлета, произнесенный въ скромной и важной обстановкѣ ученаго“...

Трагическій конецъ приближался: „Прошло три года; пересиливая самъ себя и напрягая до послѣдней степени и такъ уже напряженные нервы, Бокль закончилъ наконецъ первый томъ своего труда. Рукопись, старательно переписанная рукой самого автора [1], была готова къ печати. Никто не хотѣлъ рисковать, выпуская въ свѣтъ произведеніе совершенно неизвѣстнаго писателя. Къ счастью, Бокль былъ настолько богатъ, что расходъ въ нѣсколько тысячъ рублей не остановилъ его, и онъ взялъ на себя издержки перваго изданія—и не раскаялся. Успѣхъ книги даже въ денежномъ отношеніи былъ великъ. Не было ни одного журнала или газеты, которыя не дали бы своего отзыва, если не всегда лестнаго, то все же поощрительнаго Особенно смущала рецензентовъ громадность задуманной работы,

[1] Это—замѣчательная и глубоко типичная въ Боклѣ черта; онъ вѣчно „перебѣляетъ“ свои мысли; онъ любитъ самый процессъ „писанія своихъ словъ“.

и они не совсѣмъ деликатно предсказывали Боклю, что онъ никогда не закончитъ начатаго, тревожа этимъ уже гноившуюся рану. Бокль старался подбадривать себя. „Они,—говорилъ онъ,—„не знаютъ, сколько матеріала у меня наготовлено... 15—20 лѣтъ жизни, вотъ все, что нужно мнѣ. Неужели я на проживу 15—20 лѣтъ?" Скептики, однако, оказались правы. Энергіи, взвинченной успѣхомъ, достало еще на одинъ томъ и нѣсколько журнальныхъ статей о Миллѣ, о женскомъ вопросѣ, о вѣротерпимости, и она изсякла. Это ежедневное, ежеминутное изсякновеніе было настолько очевидно, что Бокль уже не обманывалъ себя. Слава, поэтому, радовала его только на половину, къ тому же она возлагала на него такія обязательства, которыя онъ могъ исполнять тольно съ трудомъ. Посѣщенія почитателей, сразу возросшая до невѣроятныхъ размѣровъ корреспонденція, уколы самолюбію со стороны критики, публичныя рѣчи, которыя онъ теперь сталъ произносить—все это утомляло его. Онъ боролся, впрочемъ, до конца. Когда приговоромъ какого-то судьи Кольриджа въ Корнвалисѣ нѣкто полусумасшедшій рабочій Пули за свои яко бы еретическіе взгляды былъ приговоренъ къ полуторагодовому аресту, — Бокль почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ самомъ священномъ своемъ убѣжденіи и въ рѣзкомъ памфлетѣ, напоминающемъ памфлеты Мильтона или „Письма съ горы" Руссо, выступилъ въ защиту вѣротерпимости. Но дни его были уже сочтены. Все возраставшая слабость заставила его предпринять путешествіе"...

Несмотря на обширную корреспонденцію, „которую онъ принужденъ былъ теперь поддерживать", и на произносимыя публично рѣчи, сладкая мечта дѣтства увидѣть мѣсто похожденій знаменитаго Аладина и его чудесной лампы одна выговорилась ясно въ послѣднюю минуту его жизненнаго заката. Онъ выбралъ для путешествія Востокъ, и именно Дамаскъ, за воротами котораго начинается таинственная, фантастическая пустыня,—и „здѣсь", разсказываетъ біографъ, „разыгрался эпилогъ драмы его жизни". Послѣдніе часы не столько его жизни, какъ его существованія, описаны однимъ его спутникомъ, г. Гибсономъ: „мы поѣхали болѣе покойною, хотя и менѣе интересною дорогой въ Дамаскъ. Когда при выходѣ изъ горнаго ущелья восточнаго склона Антиливана предъ нами открылась великолѣпная картина знаменитой долины, Бокль воскликнулъ: „для этого стоило бы перенести болѣе страданій и усталости!" Увы, онъ не зналъ, какою цѣной придется ему заплатить за

это удовольствіе. Излишняя усталость",—странная это была усталость: ни чахотки, ни рака, ни болѣзни сердца у Бокля не было,—„снова вызвала у него припадокъ діареи. Докторъ, сопровождавшій его, прописалъ пріемъ опіума. Какъ ни малъ былъ пріемъ этотъ, Бокль по слабости своего организма впалъ въ безпамятство и пролежалъ съ четверть часа. Грустно и тяжело было слышать, какъ въ его бреду между несвязными словами слышались восклицанія: „„*Книга! моя книга! Я никогда не кончу моей книги!*""—„„My book, my book! J will never accomplishit""... „Дни его", замѣчаетъ нашъ біографъ, „были уже сочтены. Онъ умеръ 26 мая 1862 года, 41 года отъ роду, и былъ погребенъ въ Дамаскѣ—городѣ, который ему такъ хотѣлось увидѣть еще въ дѣтствѣ... Небольшая кучка англичанъ проводила его тѣло до могилы, куда оно и было опущено подъ горячими прямыми лучами сирійскаго солнца"...

Кажется, до Дамаска онъ всетаки не доѣхалъ; былъ привезенъ туда только его трупъ.

III.

Такъ умеръ несчастный мальчикъ, никѣмъ не остановленный въ странной, засушающей и безплодной мечтѣ, которую образовалъ у себя въ возрастѣ 14—15 (см. выше) лѣтъ, и всей суетности и фантастичности которой никогда не могъ понять, потому-что никогда не жилъ жизнью взрослаго, созрѣвшаго человѣка, и ничему въ сущности не былъ наученъ. То, что̀ г. Соловьеву представляется разсудительностью и экономностью его, было именно размѣренностью каждаго шага, разсчетомъ каждаго дѣйствія дѣтей, на завтра собравшихся тайно бѣжать въ саванны Америки: онъ „несъ" идею, онъ несъ великую „идею" 15-томнаго Введенія, и, конечно, не могъ истратить лишняго шиллинга, ибо онъ могъ потребоваться на изданіе чудовищнаго труда. Онъ курилъ хорошія сигары, какія безъ сомнѣнія курилъ министръ Гизо, тоже историкъ, но меньшаго, чѣмъ онъ, значенія, и о которомъ онъ слышалъ, но книги его пренебрежительно оставлялъ въ сторонѣ, прочитавъ одну и не понявъ.[1] Онъ не могъ не произносить публичныхъ рѣчей, когда ихъ произносили Фоксъ и Питтъ, и особенно философичный Боркъ; не могъ не поддерживать обширнѣйшей корреспонденціи, потому-что те-

[1] См. ниже наше изслѣдованіе.

перь взоры всего міра начинали устремляться на него, и жемчужина, такъ долго таившаяся и зрѣвшая въ библіотекѣ-кабинетѣ съ двойнымъ свѣтомъ, какъ бы при его павшихъ стѣнахъ открылась для любованія и изумленія народовъ, для „населеленія“ всѣхъ странъ, „этого лучшаго судьи“, замѣчаетъ онъ снисходительно и робко, „во всемъ, что касается (дальше смутно, по связи съ книгой его) практическихъ выводовъ и примѣненія мыслей къ жизни“.—„Книга, моя книга! Я никогда не кончу моей книги!“ „My book, my book! J will never accomplishit“...—какой страшный трагизмъ для того, кто могъ понять это восклицаніе. Онъ похоронилъ себя въ этой печальной книгѣ, какъ иногда, сорвавъ цвѣтокъ, мы его кладемъ среди ея страницъ и засушиваемъ, забывъ потомъ черезъ день, черезъ недѣлю. Что-то безжалостное къ себѣ, къ лицу своему, есть въ немъ; или, быть можетъ, это безжалостное къ лицу его было въ его судьбѣ: онъ именно *забылъ* себя въ книгѣ, какъ мечтательная дѣвушка забываетъ въ альбомѣ, полученномъ отъ любимаго человѣка, случайно сорванный на ходу, въ волненіи, лепестокъ ненужнаго ей и для нея неинтереснаго растенія. Жива, растетъ, увеличивается, растягивается на цѣлую печатную милю, на „пятнадцать томовъ одного Введенія“ только эта ученая, отвратительная, облѣзлая, старчески-беззубая Шехеразада, которая по совершенной безпамятливости не можетъ ни остановиться, ни поставить точки, ни вспомнить, чтò она говорила вчера и слѣдовало бы говорить завтра, и отнимаетъ у насъ вечеръ за вечеромъ, за оконченною главой начиная непремѣнно новую главу. Изъ-подъ этой груды печатнаго мусора, изъ-подъ этой ужасной, одновременно какъ-то и мертвой, и таинственно живой, сосущей, одолѣвающей, овладѣвающей вѣдьмы мы едва слышимъ,—хоть заглушенный, но слышимъ — крикъ задушеннаго мальчика, дѣтскій крикъ о милой, поэтической Аравіи и юномъ Аладинѣ, который съ лампой своею вырываетъ какія-то необыкновенныя сокровища изъ земли, несомнѣнно болѣе реальныя, чѣмъ переворотъ въ наукѣ, совершенный или имѣющій совершиться отъ чудной, имъ выдуманной, книги. Этотъ крикъ—предсмертное желаніе Бокля поѣхать и взглянуть на Дамаскъ—есть единственная серьезная, потому-что единственно живая строка его печальной жизни; жизни, правдоподобію которой мы никогда не повѣрили бы, если бы она не была засвидѣтельствована его собственными словами и, наконецъ, не была просто всемірно извѣстнымъ, удостовѣреннымъ фактомъ.

Природный и исключительный букинистъ, Бокль въ такой мѣрѣ не любилъ живой жизни, что однажды, рѣшившись оставить Англію, чтобы взглянуть на другія страны, цивилизацію которыхъ онъ собирался объяснить, онъ не могъ преодолѣть отвращенія къ непосредственному ихъ созерцанію и, какъ пишетъ его біографъ, „не разставался съ книгой ни въ гостиницахъ, въ которыхъ останавливался, ни въ почтовой каретѣ“ (Евг. Сол., стр. I), въ которой онъ не столько самъ ѣхалъ, сколько везли его. У него не было никакой любви, никакого интереса къ факту въ его внутреннемъ содержаніи; никакого интереса и любви къ самому предмету задуманнаго труда, человѣку; и даже едва ли онъ догадывался, едва ли выпукло представлялъ себѣ, что этимъ предметомъ служитъ человѣкъ: ему скорѣе казалось и онъ дѣйствительно писалъ о книгахъ въ исторіи человѣчества, о книгахъ въ эпоху шотландской реформаціи, французскаго абсолютизма, испанской инквизиціи, но не о человѣкѣ реформирующемся, человѣкѣ-абсолютистѣ, человѣкѣ-инквизиторѣ. Проѣзжая по городамъ континентальной Европы, онъ закрывался отъ нихъ читаемою книгой: что тутъ на улицѣ, по которой везутъ его, на площади передъ окномъ его гостиницы страннымъ образомъ совершается дѣйствительная исторія, что тутъ играютъ всѣ элементы ея и что, не понимая этихъ элементовъ, ничего нельзя понять и въ большихъ циклахъ исторіи—этого ему никогда не приходило на умъ. Его представленіе объ исторіи было именно представленіемъ о ней, какъ о нѣкоторой напечатанной по предмету исторіи книгѣ; скорѣе всего—это было представленіе нѣкотораго обширнаго и неудовлетворительнаго „по исторіи“ учебника: крестовые походы вырисовывались какъ глава о крестовыхъ походахъ, обдумывалась ли революція—это обдумывалась глава „о ближайшихъ причинахъ французской революціи“; стояла ли въ воображеніи реформація—это перелистывались мысленно 20—30 страничекъ о ней, съ мыслью написать дополнительныхъ 200—300 или 2.000—3.000. Всѣ главы прототипическаго учебника стояли въ порядкѣ, не перемѣшивались, не перевивались между собой; и ему естественно было думать, что эта шумливая улица, на которой не было надписано никакого историческаго заголовка, не стояло: „глава VII—Демократія въ Европѣ“,—ему казалось, что она и не входитъ ни въ какую главу исторіи, такъ что онъ напрасно отнялъ бы у труда своего нѣсколько драгоцѣнныхъ часовъ, если бы вышелъ, и посмотрѣлъ, и прислушался, чѣмъ и какъ

шумитъ она. Для 15-томнаго распространенія каждой изъ этихъ главъ, „собственною рукой съ любовью переписанныхъ“, конечно нужно было читать и читать, читать торопливо и гораздо болѣе, чѣмъ по 10 часовъ въ сутки; и только особеннымъ, чисто блаженнымъ ощущеніемъ при держаніи въ рукахъ книги,—можно объяснить, что, покупая, онъ, при богатствѣ, еще и своеручно переплеталъ ихъ. Но совершенно ясно, что какъ бы ни обѣщалъ его трудъ раздвинуться въ сотни, даже тысячи томовъ (15 томовъ составляли одно *Введеніе*)—въ нихъ не было и не обѣщало быть ни одной крупицы *новаго*, ни одной черты факта, *вновь* подмѣченной,—имъ самимъ, Боклемъ, подмѣченной: ибо не факты, не памятники исторіи, не лѣтописи, языкъ и прочее, почему прозорливцы разгадываютъ ея факты, было имъ положено въ основаніе труда, но этимъ основаніемъ и, такъ сказать, самою фактурой сочиненія сдѣлались безчисленныя книги, имъ скупаемыя у неустанно посѣщаемыхъ букинистовъ. „Внѣ ихъ“, — замѣчаетъ его восторженный, но не понимающій біографъ (стр. XIII),—„Бокль былъ какъ рыба на берегу; нравственныхъ коллизій ему лично не пришлось разрѣшать ни разу; его темпераментъ всегда удерживалъ его отъ всего, что̀ ведетъ за собой угрызенія и муки совѣсти; жить для него значило читать и думать о читанномъ: how lovely a thing is a good book—*какая чудная вещь хорошая книга!*—восклицаетъ онъ постоянно въ своихъ письмахъ“.

Неудержимая, огромная мечтательность лежитъ въ основѣ его характера и судьбы; онъ зналъ, онъ не могъ не знать, и не узнать очень рано, хотя бы изъ прочитываемыхъ ежедневно и „откладываемыхъ аккуратно въ сторону“ газетъ, что книга, что напечатанная въ типографіи книга почти также наполняетъ, насыщаетъ атмосферу каждаго дня въ XIX вѣкѣ, какъ въ эпоху „Божьяго мира“, въ XI—XIV столѣтіи, всѣ дни недѣли, кромѣ пятницы, субботы и воскресенья, были наполнены въ цѣлой Европѣ неумолчнымъ лязгомъ оружія, сѣченіемъ мечей о латы. Ему осталось непонятнымъ и, по необразованности, онъ не могъ догадаться, что въ фундаментѣ этого колоссальнаго книжнаго кругооборота, этого крутящагося вихря печатныхъ строкъ, есть лишь очень немного, лишь нѣсколько десятковъ точекъ *реальнаго, дѣйствительнаго* значенія: нѣсколько десятковъ загорѣвшихся таинственнымъ огнемъ головъ, которыя, неудержимо поглощая факты, столь же неудержимо возсоздавали изъ себя освѣщающія ихъ идеи. Декартъ или Бэконъ, эти истинныя Сивиллы

новаго знанія, аналогичные имъ въ древности Платонъ и Аристотель, но, повторяемъ, во всей исторіи лишь нѣсколько десятковъ головъ,—они какъ бы отъ лица и имени всего человѣчества, движимые темною силой, продвинувшись далеко впередъ, слушаютъ небесныя тайны, внимаютъ чудной „музыкѣ сферъ", чтобы что-нибудь въ ней разгадать, какую-нибудь о ней мысль сложить; и, опустившись, небрежно, невнимательно, уже никакъ не „переписывая на̀-чисто", передаютъ эту мысль землѣ. Замѣчательно, что всѣ великаго творчества сочиненія какъ-то неубраны, хаотичны, иногда не кончены, оборваны... Этотъ инстинктъ *знанія*, инстинктъ *разгадки* міра, съ гора̀здо болѣе темными основаніями и гораздо труднѣйшій по осуществленію, чѣмъ борьба народовъ, войны, распри и всяческое вообще соперничество человѣка съ человѣкомъ, не такъ породилъ изъ себя, какъ возбудилъ вокругъ себя огромный вихрь движенія, который со временъ печальнаго изобрѣтенія Гуттенберга рѣшительно обволокъ землю и насытилъ всю атмосферу исторіи. Инстинктъ *факта*, инстинктъ *событія*, *дѣланія*, самой *жизни*, этотъ главный инстинктъ исторіи, родникъ новаго и новаго въ ней рожденія, которое единственно и значуще для человѣка,—засорился, замутился, заволокся этою темною фотосферой книгъ, гдѣ всякая крупица истины имѣетъ тысячу стеклянныхъ для себя отображеній, и среди нихъ мы не имѣемъ болѣе средствъ найти ее самоё въ первоначальномъ и не искаженномъ ея образѣ.

Во всякомъ случаѣ, ни имѣя никакой идеи о наукѣ, ни объ истинѣ, ни объ истинно нужной и новой книгѣ, Бокль былъ увлеченъ представленіемъ книги въ ея внѣшнихъ чертахъ, и это скорѣе переплетное, нежели даже книжное, чувство, этотъ мелькающій и манящій образъ тысячъ корешковъ съ золотящимися надписями на нихъ, повліялъ на его бѣдное воображеніе, на воображеніе худосочнаго и обезпеченнаго мальчика, оставшагося на рукахъ необразованной матери, и которому доктора предупредительно, но слишкомъ обще и неопредѣленно говорили, чтобы онъ пересталъ учиться. Въ новой и неизмѣримо болѣе жалкой формѣ, въ формѣ неизмѣримо болѣе грустной, ибо она соединена была съ лишеніемъ свѣжаго воздуха и общенія людей,—онъ воплотилъ въ себѣ п а л а т и н а эпохи, раба слѣпого и покорнаго по отношенію къ господствующему вихрю времени; и какъ безъ компаса, безъ знанія географіи, безъ мысли о предлежащихъ моряхъ, мальчикъ XIII вѣка пускался „освобождать отъ турокъ Іерусалимъ", этотъ мальчикъ, едва поучившись въ элементарной школѣ, пустился

въ дебри писанія книги, совершенно фантастической и смѣшной, о цивилизаціи сперва человѣчества, потомъ—„только Европы", наконецъ—„одной Англіи"; и такъ какъ книга была безбрежна какъ Средиземное море или какъ Тріестскій заливъ,— это было все равно для силъ и знанія 12-лѣтняго пилигрима среднихъ вѣковъ—онъ, наконецъ, остановился на мысли написать только „Введеніе въ 15 томахъ", но и изъ него успѣлъ издать только первые два.

Мы уже замѣтили,—и на этомъ настаиваетъ его біографъ,— что сильно развитое библіотечное чувство было единственное, какое онъ имѣлъ, т. е. что онъ не зналъ вовсе, въ себѣ не пережилъ, не наблюдалъ въ окружающихъ и не пытался — объ этомъ нѣтъ слѣдовъ въ перепискѣ и біографіи — возстановить въ воображеніи своемъ по „пыли хартій" ни одного изъ тѣхъ чувствъ, влеченій, представленій, которыя, взволновавъ человѣчество, вызвали великій фактъ его исторіи. Самый предметъ такимъ образомъ, о которомъ онъ писалъ, дѣйствительный человѣкъ и дѣйствительный съ нимъ фактъ, не былъ ему извѣстенъ иначе, какъ по имени; ему были извѣстны имена: „религія", „секта", „политика", „абсолютизмъ королевскій" и „фанатизмъ республиканскій", но даже для того, чтобы имѣть или составить о нихъ какое-нибудь представленіе, ему, при недостаткѣ живыхъ впечатлѣній, по крайней мѣрѣ слѣдовало бы вынуть изъ библіотеки папку съ портретами папъ, полководцевъ, королей и хоть въ нихъ всмотрѣться; но, къ несчастію, онъ такъ пренебрегалъ отдѣльнымъ человѣческимъ лицомъ, такъ упорно въ книгѣ своей провелъ это пренебреженіе, что, безъ сомнѣнія, никогда не догадался даже этого сдѣлать. Онъ никогда не поѣхалъ на сходку квакеровъ, на митингъ рабочихъ; никогда не видѣлъ ни одного двора, хотя много написалъ о „ничтожествѣ придворныхъ интригъ". Но все это для него, одутловатаго маленькаго джентльмена „въ старомодномъ поношенномъ сюртукѣ" съ idée fixe, въ которую онъ былъ погруженъ, оставалось тѣмъ, о чемъ можно было бы повторить съ поэтомъ нашихъ дней:

Это—на льду олеандры,
Это—обложка романсовъ безъ словъ...

Т. е. „злыя придворныя интриги", „невѣжественные споры" сектаторовъ—на что̀ онъ гнѣвался или чему сочувствовалъ, чему хотѣлъ сочувствовать въ книгѣ своей и на что̀ намѣренъ былъ излить желчь,—были въ дѣйствительности не тѣ самыя интриги,

какія велись, и не тѣ самые споры, которые фактически происходили, но лишь игра ихъ, книжная игра въ пустомъ стеклѣ его воображенія, нѣчто въ родѣ тѣхъ фата-моргана, о которыхъ онъ любилъ читать въ занимательныхъ путешествіяхъ по Аравіи. Объ этой игрѣ собственнаго его воображенія, а не о дѣйствительности, ему вовсе неизвѣстной, написана его книга. Ему однажды предложено было поѣхать во Францію, но онъ только чванливо замѣтилъ, имѣя въ виду сидѣвшаго тамъ Наполеона III: „мнѣ было бы слишкомъ обидно смотрѣть на униженіе французовъ". Онъ не подумалъ, что и французамъ *больно* сидѣть подъ Наполеономъ; онъ думалъ только, что этому Наполеону онъ косвенно оказалъ бы вниманіе, если бы, переплывъ Па-де-Кале, ступилъ на почву Франціи и „посмотрѣлъ на нее". И онъ не „посмотрѣлъ" на нее, а съ тѣмъ вмѣстѣ и не увидѣлъ того, что̀ по задачамъ его труда ему въ высшей степени важно было бы увидѣть. И никогда потомъ, какъ и ни разу прежде, онъ не видалъ *лица* человѣческаго, мятущагося, восхищеннаго, взволнованнаго, негодующаго, угнетеннаго,—того прекраснаго и мучительнаго лица, исторію котораго въ самомалѣйшихъ подробностяхъ мы такъ любимъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

В. Розановъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО РОССІИ
ВЕЛИКАГО ЦАРЯ-МИРОТВОРЦА
АЛЕКСАНДРА III АЛЕКСАНДРОВИЧА.[1]

Второе путешествіе по Россіи Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича.

20 числа, въ воскресенье, въ 10 часовъ утра, показался Симбирскъ. Прямо изъ собора Ихъ Высочества прибыли въ домъ Дворянскаго Собранія, гдѣ было приготовлено для нихъ временное помѣщеніе. Городъ Симбирскъ и въ особенности этотъ домъ пробудили много отрадныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грустныхъ воспоминаній въ тѣхъ, кто имѣлъ счастіе сопровождать покойнаго Наслѣдника Цесаревича въ 1863 году на пути въ этотъ городъ, такъ безжалостно опустошенный послѣ того пожаромъ. Симбирскъ оставилъ тогда царственному юношѣ много пріятнѣйшихъ воспоминаній, и невозможно забыть то одушевленіе, которое выказалось тогда предъ лицомъ его въ этомъ старомъ гнѣздѣ русскаго дворянства. Со времени пожара домъ Дворянскаго Собранія возобновленъ въ томъ же видѣ, какъ былъ прежде, и теперь въ той же залѣ, гдѣ данъ былъ дворянствомъ въ 1863 году памятный балъ, собрались къ столу Ихъ Высочествъ приглашенные гости, изъ числа коихъ многіе были участниками тогдашняго торжества. Послѣ обѣда Ихъ Высочества, осмотрѣвъ возстановленную подъ особымъ Ихъ покровительствомъ Карамзинскую библіотеку и посѣтивъ гимназію, изволили поѣхать за городъ въ дѣтскій пріютъ, устроенный Симбирскимъ обществомъ христіанскаго милосердія на

[1] См. *Русское Обозрѣніе* 1897 г., № 7 и 1898 г., № 2.

мѣстѣ прежняго удѣльнаго училища крестьянскихъ дѣвочекъ. Въ лежавшей по пути деревнѣ собраны были и разставлены рядами по обѣ стороны крестьяне чувашскихъ и мордовскихъ селеній, въ своихъ оригинальныхъ и красивыхъ уборахъ. Дѣтскій пріютъ, устроенный преимущественно для призрѣнія и воспитанія бѣдныхъ дѣвочекъ, послѣ большого симбирскаго пожара, обратилъ на себя особенное вниманіе Ихъ Высочествъ простотой и уютностію внѣшняго своего вида. Онъ помѣщается въ небольшомъ деревянномъ одноэтажномъ домѣ, посреди сельской обстановки. Прямо изъ пріюта Ихъ Высочества отправились на пароходъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Самару. 22 іюля, во вторникъ, въ день тезоименитства Государыни Императрицы и Государыни Цесаревны, въ 10 часовъ утра, Ихъ Высочества прибыли въ Самару и были встрѣчены въ соборѣ преосвященнымъ епископомъ Герасимомъ. По окончаніи литургіи и молебна Ихъ Высочества поѣхали въ домъ Дворянскаго Собранія, гдѣ было приготовлено для нихъ помѣщеніе. Тѣмъ же утромъ, послѣ завтрака, происходилъ смотръ войскамъ расположеннымъ въ Самарѣ, а на возвратномъ пути въ городъ изъ лагеря Ихъ Высочества изволили осматривать киргизскую кибитку, расположенную въ полѣ нарочно для того, чтобы представить наглядно помѣщенія кочующихъ киргизовъ и принадлежности ихъ быта. Послѣ параднаго обѣда, за которымъ Великій Князь Цесаревичъ провозгласилъ тостъ за здравіе Августѣйшихъ именинницъ, Ихъ Высочества посѣтили дѣтскій пріютъ, основанный самарскимъ городскимъ обществомъ въ память посѣщенія Самары покойнымъ Цесаревичемъ въ 1863 году, и отсюда поѣхали на народное гулянье, устроенное городомъ въ честь Высокихъ Гостей въ Струковскомъ саду. Въ павильонѣ, убранномъ для принятія Ихъ Высочествъ, собрались приглашенные на праздникъ гости—все самарское общество, а въ саду и на улицѣ у входа несмѣтное множество народа ожидало случая взглянуть на Цесаревича и Цесаревну и привѣтствовать Ихъ на прощаньи съ Самарой. Напротивъ входа въ садъ и предъ галлереей у павильона, по ту сторону улицы, выстроено было возвышеніе, на которомъ стояли рядами чувашскіе, мордовскіе и малороссійскіе крестьяне и крестьянки въ нарядныхъ уборахъ и пѣли хоромъ пѣсни. Ихъ Высочествамъ угодно было ближе подозвать къ себѣ крестьянъ, чтобы полюбоватьси ихъ нарядомъ и послушать пѣніе, которое сливалось съ прорывавшимся изъ толпы народной громогласнымъ *ура*. Въ одиннадцатомъ часу вечера

Ихъ Высочества возвратились на пароходъ, который немедленно снялся съ якоря. На слѣдующій день, 23-го числа, во время плаванія, въ трехъ городахъ лежавшихъ по пути—въ Сызрани, въ Хвалынскѣ и въ Вольскѣ приготовлены были торжественныя встрѣчи. Много поистинѣ трогательнаго въ этихъ встрѣчахъ по пути, и трудно удержаться отъ волненія и восторга, когда видишь предъ собою пристань, убранную коврами и флагами, и берегъ, покрытый пестрою, густо собравшеюся толпой. Люди стоятъ на холмистомъ берегу за пристанью, на судахъ, въ самой водѣ и все это махаетъ платками, бросаетъ шапками, гармоническій звонъ колоколовъ несется изъ города, съ берега раздается тысячегласное *ура*. На слѣдующее утро Саратовъ разостлался на берегу живописною перспективой. Народу было видимо-невидимо, жаръ невыносимый, пыль столбомъ. Ихъ Высочества, заѣхавъ въ соборъ, остановились близъ пристани, въ домѣ коллежскаго совѣтника Кокуева, куда немедленно собрались для представленія всѣ почетныя лица и представители сословій. Отъ многихъ городскихъ и сельскихъ обществъ поднесена была хлѣбъ-соль на серебряныхъ и рѣзныхъ деревянныхъ блюдахъ. Саратовское городское общество, желая ознаменовать день посѣщенія города Государемъ Наслѣдникомъ и Государынею Цесаревной, ассигновало 20.000 рублей на воспитаніе въ саратовскихъ учебныхъ заведеніяхъ обоего пола дѣтей изъ бѣднѣйшихъ гражданъ, съ наименованіемъ мальчиковъ стипендіатами Его Высочества, а дѣвочекъ—стипендіатками Государыни Цесаревны. Къ обѣду Ихъ Высочествъ приглашены были почетные гости изъ городскихъ властей и городскаго общества. Лишь только встали изъ-за стола, въ саду послышалось стройное пѣніе *Боже Царя храни* и датскаго гимна. То былъ хоръ учрежденнаго недавно въ Саратовѣ пѣвческаго союза при братствѣ Св. Креста. Ихъ Императорскія Высочества благоволили выразить Свое сочувствіе братству и добрымъ словомъ, и денежнымъ приношеніемъ. Послѣ обѣда Ихъ Высочества изволили посѣтить городскую больницу и женскій институтъ; затѣмъ, по желанію и просьбѣ городского общества, присутствовали на спектаклѣ въ городскомъ театрѣ, гдѣ многимъ представилась возможность поближе и подольше посмотрѣть на Государя Наслѣдника и Государыню Цесаревну. Въ 11 часу вечера начался балъ, данный саратовскихъ дворянствомъ, съ участіемъ купечества, въ честь Ихъ Высочествъ. Домъ Дворянскаго Собранія былъ украшенъ великолѣпною

иллюминаціей; когда подъѣхалъ экипажъ Цесаревича, вся улица освѣтилась электрическимъ свѣтомъ, и Высокіе Гости были встрѣчены у подъѣзда дворянами при звукахъ народнаго гимна. Въ роскошно убранной залѣ открылись оживленные танцы и продолжались съ участіемъ Ихъ Высочествъ до 1 часу ночи. Въ пятницу, 25-го числа, рано утромъ, Ихъ Высочества изволили присутствовать на военномъ парадѣ и на возвратномъ пути посѣтили тюремный замокъ; а послѣ завтрака оставили Саратовъ посреди восторженныхъ криковъ народа, собравшагося на проводы. Но едва пароходъ успѣлъ пройти нѣсколько верстъ, какъ открылась на берегу другая, живописная картина, начались другіе оживленные проводы. Проѣзжали мимо лагеря, по берегу разставлены были въ линію полки въ лагерной формѣ, раздались звуки военной музыки, и на живописныхъ высотахъ за лагеремъ поднялись облака дыму и забѣгали огни пушечныхъ выстрѣловъ. 26 Іюля вечеромъ пароходъ *Счастливый* сталъ на якорѣ у Царицынской пристани, и плаваніе Ихъ Высочествъ по Волгѣ окончилось. Въ тотъ же вечеръ Ихъ Высочества изволили принимать на пароходѣ представителей городского управленія и купечества и депутацію отъ Сарепты. Пристань и сосѣднія съ нею станціи желѣзной дороги были красиво убраны коврами и зеленью и освѣщены огнями, а въ городѣ зажглась прекрасная, со вкусомъ устроенная иллюминація. На слѣдующее утро, отслушавъ обѣдню въ Царицынскомъ соборѣ, Ихъ Высочества изволили сѣсть на особый поѣздъ Волжско-Донской желѣзной дороги и черезъ два часа прибыли въ Калачевскую станицу, гдѣ были встрѣчены наказнымъ атаманомъ Чертковымъ съ торжественными звуками народнаго гимна и съ громогласнымъ *ура* собравшагося во множествѣ населенія. На станціи стояли въ строю казаки Атаманскаго полка въ красныхъ мундирахъ; каждый изъ нихъ былъ молодецъ и красавецъ. Съ этой минуты и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ появился въ казацкой формѣ, которой не снималъ уже во все время путешествія по Дону. У пристани стояли готовые къ отплытію два парохода: одинъ—*Сотникъ*, на которомъ помѣщались Ихъ Высочества со свитой и съ сопровождавшими ихъ по Дону генералъ-лейтенантомъ Чертковымъ, генералъ-маіоромъ Рени и полковникомъ Марковымъ; на другомъ пароходѣ *Цымла* находился, кромѣ прислуги, хоръ музыкантовъ Атаманскаго полка. И вотъ началось плаваніе по тихому Дону, торжественное плаваніе, безпрестанно оживляемое встрѣчами у станичныхъ при-

станей и постояннымъ, живописнымъ движеніемъ по берегамъ, ибо отъ станицы до станицы провожали пароходъ разсыпною массой конные казаки, джигитуя по берегу. Эта молодецкая скачка казаковъ въ перегонку съ пароходомъ продолжалась въ теченіе всего плаванія, и весело было смотрѣть, какъ они мчались черезъ рвы, кусты и овраги, во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ, стоя, сидя и лежа, стрѣляли, боролись, падали и, опять вмигъ поднявшись, пускались снова съ крикомъ и выстрѣлами. У каждой станицы готова была встрѣча. Каждая пристань пестрѣла толпой покрывавшею мостки и берегъ въ правильномъ порядкѣ. Съ одной стороны мущины-казаки, съ другой—женщины съ дѣтьми; иногда изъ дѣтей составлялось особливое собраніе. Пристань убиралась коврами, цвѣтами и зеленью, а по обѣ стороны разставлялись красивыми группами доморощенныя травы и фрукты—хлѣбные снопы, арбузы, дыни, тыквы, кукуруза, виноградъ. Строевые казаки стояли со своими знаменами и хоругвями. Пароходъ приставалъ въ тишинѣ. Впереди всѣхъ ждалъ на пристани станичный атаманъ съ высокою насѣкой въ рукѣ. Лишь только вступалъ Великій Князь на берегъ, Его встрѣчали съ хлѣбомъ-солью почтенные сѣдые старики-ветераны, украшенные ранами и медалями, старые бойцы, доживавшіе свой вѣкъ на покоѣ. Дальше, по мѣрѣ того какъ Ихъ Высочества обходили кругъ около пристани, всякій, кто хотѣлъ, подносилъ имъ свои дары, драгоцѣнные простотой любви и усердія, хлѣбные колосья, виноградъ, яблоки, вино, медъ, арбузы. Двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка—въ каждой станицѣ подавали Цесаревнѣ по букету полевыхъ цвѣтовъ съ краткимъ твердо заученнымъ привѣтствіемъ. По данному знаку раздавалось всенародное *ура*. Высокіе Гости уходили обратно, и пароходъ снова отплывалъ отъ пристани. Первый ночлегъ былъ на пароходѣ у пристани въ Нижнечирской станицѣ. На слѣдующій день, 28 числа, къ вечеру открылась живописная станица Цымлянская. Изъ церкви, проѣхавъ по станицѣ, Ихъ Высочества остановились наудачу у одного изъ простыхъ казачьихъ домиковъ. Хозяева, старикъ со старухой, конечно, и не гадали о такомъ счастіи. Гости прошли въ чисто прибранную хату, а изъ хаты въ садикъ: хозяйка, со старческою простотой придерживая Цесаревну за руку, привела подъ яблони къ деревянной скамейкѣ и, тутъ же стряхнувъ деревцо, стала угощать яблоками Высокую Гостью. Потомъ хозяинъ принесъ вина, на столъ поставили три разрозненныя рюмки, и по просьбѣ хозяевъ Ихъ

Высочества три раза изволили выпить поднесеннаго Имъ доморощеннаго вина. Старый хозяинъ съ волненіемъ привѣтствовалъ на прощанье Дорогихъ Гостей своихъ простыми словами: „Такого счастья, что Вы посѣтили мой садъ и домъ, пріобрѣтенный бабушкой моею Варварой Ивановной, вѣкъ не забуду съ моими дѣтьми и внуками“. Простые люди надолго остались счастливы, а Ихъ Высочества еще на другой день кушали донское вино, доставленное на пароходъ отъ угощавшей ихъ четы. 29 числа ночлегъ былъ въ Константиновской станицѣ, гдѣ Ихъ Высочества изволили посѣтить больницу, а 30-го по утру пароходъ присталъ къ Семикоракорской станицѣ, гдѣ была приготовлена вслѣдъ за казацкою встрѣчей, встрѣча отъ калмыковъ Войска Донского. У походнаго хурула, устроеннаго въ кибиткѣ, стояло все калмыцкое духовенство, въ облаченіи, имѣя впереди себя главнаго бакшу. Ихъ Высочества встрѣчены были дикою музыкой у кибитки и богослуженіемъ внутри ея; потомъ, зайдя въ кибитку бакши, пошли далѣе, въ сопровожденіи огромной толпы казаковъ и калмыковъ, на степь, гдѣ было собрано нѣсколько владѣльческихъ табуновъ, не менѣе 7.000 головъ. Полюбовавшись вдоволь своеобразными и занимательными картинами и сценами калмыцкой степи, Ихъ Высочества вернулись на пароходъ, въ сопровожденіи восторженной толпы, бросавшей съ берега на палубу цвѣты и фрукты. Къ вечеру остановились у Старочеркасской станицы. Сквозь громадную толпу нетерпѣливо тѣснившуюся къ пароходу, Ихъ Высочества прошли вверхъ на гору въ старый соборъ, выстроенный при Петрѣ I вмѣсто прежняго, служившаго памятникомъ взятію Азова. Этотъ храмъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ соборовъ въ Россіи; когда входишь въ него въ первый разъ, красота его и величіе поражаютъ: особливо бросается въ глаза зрителя драгоцѣнный пятиярусный иконостасъ, весь рѣзной, украшенный драгоцѣнными иконами, съ тремя царскими вратами изъ чистаго серебра. Храмъ и ризница наполнены драгоцѣнностями, изъ коихъ каждая вещь служитъ памятникомъ историческаго событія или составляетъ даръ историческаго лица. Посрединѣ виситъ замѣчательно красивое мѣдное паникадило, вывезенное казаками изъ Азовской церкви при оставленіи Азова. Словомъ, этотъ храмъ выражаетъ собою всю исторію и служитъ первою святыней Донского Войска. Осмотрѣвъ соборъ, въ сопровожденіи почтеннаго знатока, любителя и открывателя здѣшнихъ древностей, протоіерея Левитскаго, Ихъ Высочества, обо-

зрѣли внѣ храма историческія его принадлежности — цѣпи Стеньки Разина, громадныя петли азовскихъ воротъ и чугунный памятникъ, поставленный въ память посѣщенія Старочеркасской станицы покойнымъ Цесаревичемъ (подобный памятникъ Ихъ Высочества нашли и въ Романовской станицѣ, гдѣ покойный Цесаревичъ въ 1863 году останавливался смотрѣть калмыцкіе табуны). Отъ собора Ихъ Высочества изволили пройти въ Дѣвичій монастырь и посѣтили кельи игуменьи. 31 числа, рано утромъ, пароходъ двинулся къ Аксайской станицѣ, гдѣ Ихъ Высочества изволили пересѣсть въ вагонъ желѣзной дороги и черезъ часъ прибыли на станцію въ Новочеркаскъ. Здѣсь уже все было приготовлено къ торжественному шествію: полки разставлены въ строю на площадкѣ предъ станціей, откуда оно должно было начаться. Его Высочество въ полномъ атаманскомъ мундирѣ, принявъ хлѣбъ-соль отъ новочеркасскихъ станицъ, взялъ въ руку поднесенный Ему на подушкѣ перначъ и сѣлъ на коня. Сѣла на коня и Цесаревна... и она была на этотъ разъ въ амазонкѣ синяго атаманскаго цвѣта и въ казацкомъ головномъ уборѣ. Нарядъ восторженно встрѣтилъ царственныхъ Атамана и Атаманшу: едва ли не въ первый разъ Донцы видѣли у себя Цесаревну-Атаманшу на конѣ вмѣстѣ съ Царевичемъ, и казаки привѣтствовали ее съ одушевленіемъ и съ новою гордостью. Шествіе тронулось вдоль по бульвару, къ собору, гдѣ между тѣмъ образовался на площади войсковой кругъ изъ старыхъ знаменъ, бунчуковъ и регалій Войска Донского. У дверей соборнаго храма стоялъ въ полномъ облаченіи маститый архипастырь Войска Донского, Платонъ, бывшій архіепископъ Рижскій. У самаго входа въ кругъ Ихъ Высочества сошли съ коней, и Цесаревичъ объ руку съ Цесаревной стали обходить кругъ; на пути предъ ними троекратно преклонялись знамена, у входа въ храмъ Ихъ Высочества остановлены были привѣтственною рѣчью, которую высокопреосвященнѣйшій Платонъ произнесъ звучнымъ, выразительнымъ голосомъ. Вотъ эта рѣчь, придавшая особенно торжественныйх арактеръ церковной встрѣчѣ:

„Благовѣрный Государь Цесаревичъ!.. Срѣтая Тебя, мы желали бы излить предъ Тобою наши сердца и вполнѣ выразить тѣ чувства любви и преданности, которыя питаемъ къ Тебѣ; но радость свиданія съ Тобою запинаетъ наше слово, и отъ избытка чувствъ нѣмѣетъ языкъ нашъ. Позволь же намъ сказать кратко: мы радуемся отъ души, что Ты, надежда Россіи, удо-

стоилъ посѣтить насъ, и преискренно благодаримъ Тебя за дарованное намъ счастіе насладиться твоимъ лицезрѣніемъ.

„Ты благоволилъ прибыть къ намъ не одинъ, но съ возлюбленною Твоею Супругой и Августѣйшимъ Братомъ: это утрояетъ нашу радость. Молва о прекрасныхъ качествахъ Твоей Спутницы-Супруги давно расположила насъ къ Ней, а любовь къ Тебѣ и Россіи привлекла наши сердца,—и мы взираемъ на Нее съ восторгомъ, какъ на „утреннюю зарю", обѣщающую прекраснѣйшіе дни для нашего отечества въ союзѣ съ Тобой. Видѣть нынѣ любезнѣйшаго Твоего Брата въ вожделѣнномъ здравіи намъ пріятно въ особенности, потому что мы недавно трепетали, представляя ту опасность, какой Онъ подвергался въ бурномъ морѣ.
„О, да Хранитъ Господь отъ всѣхъ золъ и напастей не только Васъ, Благовѣрные, но и весь Августѣйшій Родъ Вашъ, и управитъ все во благо Вамъ на всѣхъ путяхъ Вашей жизни! Да ущедритъ Онъ Васъ дарами благодати Своей и содѣлаетъ Своимъ промысломъ, чтобы Вы, блистая свѣтомъ добрыхъ дѣлъ и качествъ, благотворно озаряли землю Русскую и радовали ее Собой, подобно Вашему Родителю, Красному Солнцу Россіи!

„Прости, Благовѣрный Государь, что мы не умѣемъ лучше выразить предъ Тобой нашихъ чувствъ и благожеланій. Донцы привыкли больше дѣйствовать, нежели говорить. Повели, Государь Атаманъ, и мы на дѣлѣ лучше всякихъ словъ покажемъ, какъ любимъ Тебя и какъ преданы Державному Твоему Родителю, общему нашему Отцу Благодѣтелю. *„Благословенъ Грядый во имя Господне!"*

Лучшій ораторъ тотъ, кто лучше всего пойметъ и явственнѣе выразитъ предъ всѣми мысль и чувство, которое всѣми овладѣло въ ту минуту, но которое всѣ не могутъ и многіе не умѣютъ выразить. Тогда ораторъ является по истинѣ гласомъ народа, и всѣ, слушая этотъ гласъ, живѣе ощущаютъ единое чувство, ихъ одушевляющее, и тѣснѣе въ этомъ чувствѣ соединяются. Таково было дѣйствіе рѣчи преосвященнаго Платона. Его слово всякому слышавшему показалось своимъ словомъ. Оно было тѣмъ дѣйственнѣе, что въ настоящемъ случаѣ говорилъ отъ лица всей церкви, то-есть отъ всего собранія, глава и представитель общины церковной. Особливо при послѣднихъ словахъ поднялась со всею силой казацкая душа, ибо не умѣла бы лучше себя выразить въ эту торжественную минуту. Когда рѣчь окончилась, повсюду отирались слезы и слышалось: „Молодецъ! Вотъ сказалъ истинно по-казацки". Послѣ

краткаго молебствія въ соборѣ, принявъ отъ преосвященнаго поднесенныя съ краткимъ напутствіемъ иконы, Ихъ Высочества вышли обратно въ кругъ, который между тѣмъ перемѣнилъ свой фронтъ; главныя регаліи войска и столичные депутаты расположились прямо противъ собора. По окропленіи знаменъ св. водой, Его Высочество, выйдя на средину круга, обратился къ войсковымъ членамъ со слѣдующими словами: „Принимая, по волѣ Государя Императора, знаки атаманскаго достоинства, почитаю Себя счастливымъ, что въ этотъ достопамятный для Меня день являюсь въ среду вашу съ милостивымъ Царскимъ словомъ. Государь Императоръ, отправляя Меня къ вамъ, поручилъ Мнѣ благодарить Донцовъ за ихъ всегда вѣрную, храбрую и усердную службу. Его Величество увѣренъ, что доблести, всегда отличавшія ихъ, сохранятся и въ будущихъ поколѣніяхъ, и не забываетъ и гордится тѣмъ, что въ продолженіе 27 лѣтъ носилъ званіе Атамана вашего. Его Величество съ благодарностію помнитъ радушный пріемъ, сдѣланный покойному Брату, носившему то же званіе, которымъ Я горжусь,—и сожалѣетъ, что не могъ Самъ прибыть къ вамъ со Мной и съ вашею Атаманшей. Что касается Меня,—прибавилъ Его Высочество, — то Я прошу васъ полюбить Меня такъ, какъ вы любили покойнаго Моего Брата". Послѣднія слова, произнесенныя съ нѣкоторымъ волненіемъ, были покрыты громовымъ, восторженнымъ *ура*. Крики умолкли. Весь кругъ тронулся въ цѣломъ составѣ къ зданію присутственныхъ мѣстъ, окруженный густою толпой народа. Цесаревичъ, съ перначемъ въ рукѣ, предшествуемый войсковыми есаулами, окруженный бунчуками, сопровождаемый генералами и офицерами, шествовалъ за регаліями подъ звуки народнаго гимна. Государыня Цесаревна ѣхала въ коляскѣ до зданія войсковыхъ присутственныхъ мѣстъ. Когда туда внесли войсковыя регаліи, Ихъ Высочества со свитой сѣли опять на коней. Подъѣхавъ ко дворцу, Цесаревичъ и Цесаревна сошли съ коней и прошли рука-объ-руку по площади, покрытой народною толпой, а войдя въ домъ, вышли на балконъ, кланяясь на всѣ стороны и отвѣчая на восторженныя привѣтствія. Вечеромъ городъ освѣтился великолѣпною иллюминаціей. Особенно красиво былъ иллюминованъ маленькій садикъ у дворца. Къ этому садику примыкаетъ, отдѣляясь отъ него рѣшеткой, Александровскій садъ, гдѣ устроился на сей разъ, въ ротондѣ, подъ открытымъ небомъ, танцовальный вечеръ. Ихъ Высочества прошли въ саду сквозь сплошную массу народа, разступавшуюся предъ

Ними и потомъ сопровождавшую Ихъ до самой ротонды, наполненной танцовавшими. На слѣдующій день, 1-го августа, послѣ представленія военныхъ и гражданскихъ чиновъ, Ихъ Высочества выходили на площадь, на встрѣчу торжественному ходу, направлявшемуся отъ собора къ фонтану, и присутствовали при молебствіи и водоосвященіи. Въ три часа на Троицкой площади приготовленъ былъ обѣдъ для всѣхъ собравшихся въ Новочеркаскѣ станичныхъ атамановъ и депутатовъ, и для наличныхъ Георгіевскихъ кавалеровъ. Ихъ Высочества прибыли къ обѣду верхомъ; столы были накрыты слишкомъ на 500 человѣкъ. Дорогіе гости выпили первую чарку за здоровье Государя Императора, при звукахъ *ура* и народнаго гимна, потомъ, ходя между столами, милостиво разговаривали со стариками. Въ 5 часовъ того же дня донское дворянство угощало Ихъ Высочествъ въ Дворянскомъ собраніи торжественнымъ обѣдомъ, за которымъ войсковой дворянскій депутатъ В. М. Себряковъ, предлагая тостъ за здравіе Государя Императора, обратился къ Ихъ Высочествамъ съ выразительною рѣчью. Этотъ тостъ и слѣдовавшіе за нимъ тосты—за Дорогихъ Гостей, и за доблестное и славное войско Донское, возбудили горячее одушевленіе, которымъ вообще отличался обѣдъ. Донцы радовались, видя посреди себя за столомъ Атамана своего вмѣстѣ съ Атаманшей, которую всѣ такъ давно жаждали встрѣтить. Вечеромъ, предъ скаковою бесѣдкой, сожженъ былъ фейерверкъ въ присутствіи Ихъ Высочествъ. Слѣдующее утро 2-го августа, было посвящено осмотру присутственныхъ мѣстъ. Ихъ Высочества подробно осматривали всѣ войсковые клейноды, Высочайшія грамоты и Высочайше пожалованныя войску знамена. Особенное вниманіе обращено было на любопытное собраніе длинныхъ портретовъ донскихъ атамановъ и генераловъ, начиная отъ атамана Ефремова и кончая атаманомъ Власовымъ. Отсюда Ихъ Высочества прошли въ небольшой, но прекрасно устроенный музей управленія горныхъ и соляныхъ дѣлъ, содержащій въ себѣ любопытное собраніе минераловъ и окаменѣлостей, находимыхъ въ землѣ Войска Донскаго. Посѣтивъ затѣмъ мужскую и женскую гимназіи, Алексѣевскій дѣтскій пріютъ и Донской женскій институтъ, Ихъ Высочества вернулись домой къ обѣду, къ которому приглашены были многія дамы, генералы и высшіе чины Войска Донскаго. На 3-е августа назначенъ былъ отъѣздъ изъ Новочеркаска. Простившись у дворца со станичными депутатами, которыхъ Цесаревичъ тутъ же поздравилъ урядниками,

Ихъ Высочества отправились на станцію желѣзной дороги, а оттуда, съ особымъ поѣздомъ, въ Грушевку. По дорогѣ, за Тузловскимъ мостомъ, выстроенъ былъ учебный полкъ, поровнявшись съ коимъ, поѣздъ остановился. Государь Цесаревичъ вышелъ изъ вагона, сѣлъ вмѣстѣ со свитой верхомъ и дѣлалъ смотръ и ученье: Цесаревна смотрѣла на маневры полка съ кургана, окруженнаго густою толпой казачекъ, устилавшихъ ей платками обратный путь къ вагону. Когда поѣздъ вновь тронулся, всѣ наѣздники учебнаго полка бросились провожать Его въ разсыпную. Весело было смотрѣть, какъ мчались, иногда у самыхъ колесъ, удалые всадники, другъ передъ другомъ отличаясь самыми смѣлыми эволюціями—они доставали землю на всемъ скаку, перескакивали съ одной лошади на другую, скакали стоя, боролись. Несмотря на то, что поѣздъ вскорѣ пошелъ со скоростью до 30 верстъ въ часъ скачка эта продолжалась на разстояніи 7 верстъ вровень съ поѣздомъ; наконецъ, остались впереди только самые лихіе всадники съ самыми крѣпкими лошадьми: какой-то урядникъ, перегнавъ всѣхъ, долго еще ѣхалъ наравнѣ съ вагонами, откуда наконецъ зрители простились съ нимъ, махая ему руками и шапками. Въ Грушевкѣ, на шахтахъ, Ихъ Высочества приняли поднесенную углепромышленниками хлѣбъ-соль, на антрацитовомъ блюдѣ, и осматривали рудники, устроенные по правильной системѣ, съ паровою водокачальною машиной: одна изъ этихъ новыхъ шахтъ принадлежитъ войску, другая—устроена обществомъ пароходства и торговли. Завтракъ послѣ осмотра былъ приготовленъ въ палаткѣ, отбитой Кутузовымъ у турокъ и принадлежащей нынѣ семейству генерала Иловайскаго. Послѣ завтрака Ихъ Высочества изволили отправиться обратнымъ путемъ чрезъ Новочеркаскъ и Аксай въ Ростовъ-на-Дону, гдѣ посѣтили соборъ и, въ городской думѣ принявъ хлѣбъ-соль отъ Ростовскаго и отъ Нахичеванскаго городскихъ обществъ, встрѣчены были привѣтственною рѣчью Ростовскаго городскаго головы Байкова. На Ростовской пристани Ихъ Высочества пересѣли на новый пароходъ *Императрица Марія* и отправились далѣе. Послѣ краткой остановки у пристани Гниловской станицы бросили якорь на ночь у станицы Елисаветинской. Когда стемнѣло и взошла луна, Ихъ Высочествамъ предложено было посмотрѣть на рыбную ловлю, устроенную казаками. Весело было ѣхать въ тихую, теплую, свѣтлую ночь, на большой лодкѣ, къ противоположному берегу, установленному пылающими смоляными бочками и покры-

тому рыбаками. У берега десятки лодокъ съ народомъ окружили лодку Ихъ Высочества; при свѣтѣ огней казаки начали тянуть тоню, которую закинули на счастіе Высокихъ Гостей. Картина была необыкновенно живописная, достойная кисти лучшаго художника. Тоня была дѣйствительно счастливая: едва стали вытягивать ее на берегъ, какъ раздались восторженные крики: бѣлуга! бѣлуга! И подлинно выкатили на берегъ чудовище-рыбу пудовъ въ 15 вѣсомъ. По возвращеніи на пароходъ явился на пристань хоръ, наскоро составленный изъ мальчиковъ, и Великіе Князья долго слушали съ удовольствіемъ какъ этотъ хоръ пѣлъ малороссійскія пѣсни. По утру 4-го числа на Таганрогскомъ рейдѣ Ихъ Высочества пересѣли на большой пароходъ общества пароходства и торговли *Великая Княгиня Ольга*, на которомъ должно было совершиться дальнѣйшее плаваніе до Крыма, и уже на пароходѣ приняли представлявшуюся съ хлѣбомъ-солью депутацію отъ Таганрогскаго общества. Слѣдующій день проведенъ былъ подъ Керчью, гдѣ Ихъ Высочества ѣздили осматривать строящіяся укрѣпленія пролива и посѣтили Кушниковскій институтъ. Ночь на Керченскомъ рейдѣ представляла восхитительное зрѣлище. Весь городъ, отъ воды до вершины Митридатовой горы, освѣтился огнями красиво опоясывавшими всѣ его возвышенности; съ берега слышалась веселая музыка, море было гладкое какъ стекло, озаряемое ясною луной. Долго не хотѣлось оторваться отъ чудныхъ картинъ южной ночи, но не успѣла еще тѣнь ея смѣниться утреннимъ свѣтомъ, какъ пароходъ снялся съ якоря. Къ утру открылись бѣловатые берега Крыма, и въ первомъ часу Ихъ Высочества были уже подъ Ялтой. Отъ пристани отдѣлилась шлюпка: самъ Государь Императоръ подъѣзжалъ къ пароходу на встрѣчу Дѣтямъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Шевелевъ.

МЕЧТА.

Закрывая глаза, я цѣлую тебя,—
Безтѣлесенъ и тихъ поцѣлуй.
Ты печально молчишь, ты глядишь не любя
Въ колыханьи тумана и струй.

Я плыву на ладьѣ,—и луна надо мной
Подымаетъ печальный свой ликъ;
Я плыву по рѣкѣ,—и поникъ надъ рѣкой
Опечаленный чѣмъ-то тростникъ.

Ты неслышно сидишь, ты не двинешь рукой,
И во мглѣ и въ сіяніи даль.
И не знаю я, долго ли быть мнѣ съ тобой,
И когда ты мнѣ молвишь: „причаль“.

Этотъ призрачный лѣсъ на крутомъ берегу,
И поля, и улыбка твоя,—
Безтѣлесное все. Я забыть не могу
Безконечной тоски бытія.

Ѳедоръ Сологубъ.

СОТРУДНИКИ КН. А. ЧАРТОРЫЙСКАГО

въ дѣлѣ устройства народнаго просвѣщенія

ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.[1]

О происшедшемъ свиданіи съ Чацкимъ Коллонтай немедленно поспѣшилъ извѣстить Снядецкаго письмомъ отъ 8 сентября 1803 г. (Свиданіе происходило въ Кременцѣ 7 сентября того же года). Коллонтай немного могъ узнать о планахъ и затѣяхъ Чацкаго и по этому поводу выражаетъ въ письмѣ даже нѣкоторое недовольство. „Я очень немного еще могъ говорить (съ Чацкимъ) объ общемъ планѣ (наукъ), такъ какъ теперь онъ бѣгаетъ по всѣмъ обывателямъ съ выпрашиваніемъ пожертвованій на эдукаціонный фундушъ". „Инструкція предоставляетъ ему больше власти заботиться объ устройствѣ фундуша, нежели заниматься реформой наукъ и законоположеній". Упоминаетъ Коллонтай объ извѣстной прибавкѣ къ инструкціи Чацкому: caetera activitati,—чѣмъ, по замѣчанію Коллонтая, Чацкій особенно пользуется для увеличенія фундуша на устройство трехъ гимназій въ юго-западныхъ губерніяхъ, хвалитъ его особенный талантъ возбудить всѣхъ къ добровольнымъ пожертвованіямъ и говоритъ въ заключеніе, что все это мелочи, которыми онъ и не безпокоилъ бы даже Снядецкаго, еслибы Чацкій не обязалъ его завѣрить Снядецкаго, что рекомендованные имъ профессора Краковскаго университета Чехъ, Шейдтъ и другіе будутъ утверждены въ должностяхъ пожизненно, обставлены прилично, и въ условія съ ними не будетъ включено никакой фальши и обмана[2].

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе* № 2.

[2] Listy Kołłątaja—t. 1. 222—224.

Того же дня Коллонтай отправилъ письмо и ректору Виленскаго университета Герониму Стройновскому. Въ перепискѣ Коллонтая со Снядецкимъ мы видѣли уже недовольство обоихъ названныхъ лицъ и Виленскимъ университетомъ съ новыми законоположеніями, и его ректоромъ Стройновскимъ. Имъ не нравился личный составъ университета не изъ поляковъ и особенно принятая тамъ мѣра объявленія конкурсовъ для замѣщенія каѳедръ.

Указавъ на послѣднія законоположенія относительно устройства просвѣщенія въ Россіи вообще и въ западной ея части въ особенности, Коллонтай заявляетъ, что прочтеніе этихъ законоположеній, составленіе которыхъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, Стройновскому, доставило ему великое наслажденіе. Этотъ трудъ увѣковѣчитъ его имя въ дѣяніяхъ Россійской имперіи. „Потому, продолжаетъ Коллонтай, я явился бы и неблагодарнымъ за дружбу, которая между нами существовала, и непризнательнымъ къ рѣдкимъ твоимъ талантамъ, если бы столь важной работѣ не посвятилъ должной дани вниманія. По мнѣ гораздо больше значитъ упорядочить въ какомъ нибудь краѣ общественное воспитаніе, нежели прославить себя изданіемъ хотя бы лучшаго труда въ какомъ нибудь родѣ наукъ. Однако, я долженъ признаться, м. г., что отчасти начинаю опасаться, будетъ-ли согласоваться исполненіе этихъ законоположеній съ первоначальными ихъ начертаніями“.

„Пишу тебѣ, м. г., съ полною откровенностію, такъ какъ разсчитываю на твою пріязнь; при этомъ я увѣренъ, что пишу исключительно только для тебя. Удалившись отъ всего, чѣмъ въ настоящее время такъ занятъ высшій свѣтъ, я не думаю ни дѣлать поправки, ни давать совѣты въ томъ дѣлѣ, которое гораздо лучше меня понимаютъ свѣтлыя головы другихъ. Я желалъ бы одного: чтобы первоначальныя законоположенія пользовались большимъ уваженіемъ и чтобы ихъ не ослабили дальнѣйшія распоряженія“ [1]. Частыя измѣненія, по мнѣнію Коллонтая, могутъ возбуждать въ исполнителяхъ недовѣріе и значительно ослаблять ихъ энергію. Отстаивая гимназіи и уѣздныя училища, какъ созданныя совершенно по плану эдукаціонной коммиссіи, Коллонтай дѣлаетъ упрекъ университету, распорядки котораго,

[1] Это—рѣчь pro domo sua. Въ одномъ изъ приведенныхъ выше писемъ Коллонтай поздравлялъ себя, что новыя *русскія* законоположенія объ устройствѣ просвѣщенія въ Россіи цѣликомъ списаны съ постановленій эдукаціонной коммиссіи, которой творцомъ считался Коллонтай.

по дошедшимъ до Коллонтая слухамъ (jak mówią, говоритъ Коллонтай), значительно отклонились отъ первоначальныхъ начертаній, и это потому, вѣроятно, что „Виленская главная школа съ самаго начала не приняла постановленій коммиссіи (эдукаціонной) въ основаніе своего устройства“.

„Чацкій, продолжаетъ Коллонтай, представляетъ здѣсь (на Волыни) доказательства удивительной дѣятельности. Все вмѣстѣ его занимаетъ: и планъ наукъ въ гимназіяхъ, и созданіе для нихъ новыхъ фундушей. Будучи его пріятелемъ и вмѣстѣ почитателемъ столь рѣдкихъ талантовъ и неутомимыхъ его трудовъ, я не могу отказать ему въ должномъ уваженіи, которое само собою принадлежитъ ему по всей справедливости. Мнѣ трудно однако понять, какъ это визитаторъ можетъ создавать что-то иное, сравнительно съ постановленіями 18 мая, по которымъ все казалось бы уже законченнымъ. Согласно названнымъ постановленіямъ, гимназіи буквально являются тѣмъ, что эдукаціонная коммиссія хотѣла видѣть въ окружныхъ школахъ. Но гимназіи по плану Чацкаго представляются чѣмъ то совершенно инымъ. Ихъ цѣль въ высшей степени похвальна, онѣ не портятъ общаго учебнаго плана, особенно если будутъ устроены повсюду; даже исправляютъ его во многихъ важныхъ пунктахъ. Но, будучи чуждымъ этому дѣлу, я не знаю, насколько вы взаимно понимаете другъ друга. Признаешь-ли ты, м. г., постановленія 18 мая неподлежащими отмѣнѣ, или вмѣстѣ съ Чацкимъ и попечителемъ Виленскаго учебнаго округа хочешь работать надъ ихъ измѣненіемъ“. Въ первомъ случаѣ Коллонтай предвидитъ неизбѣжныя недоразумѣнія; во второмъ—требуетъ общей, совокупной работы, чтобы съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ частей не пострадало цѣлое.

„По плану Чацкаго, продолжаетъ Коллонтай, въ гимназіяхъ вводятся важныя перемѣны, въ особенности относительно языковъ, и по преимуществу латинскаго. Для изученія языковъ и тѣхъ предметовъ, которые привязаны къ низшимъ классамъ, какъ-то: ариѳметика, географія и наука нравственности, предназначаются четыре класса. Всѣ другіе предметы, какъ: математика, логика, естественная исторія, физика, практическая механика, право, исторія, литература, анатомія и физіологія, хирургія, акушерство и ветеринарія—будутъ преподаваться также какъ въ главныхъ школахъ. Подобная гимназія въ Кременцѣ будетъ снабжена богатою библіотекой, физическимъ и естественно-историческимъ кабинетами, будетъ имѣть свою лабораторію

и ботаническій огородъ. Для всего этого незнающій усталн Чацкій собираетъ фундуши и, кажется, достигнетъ своей цѣли. Кременецкая гимназія, а съ нею, думаю, и другія въ предѣлахъ его визитацій, будутъ имѣть и различныя особенныя институціи, каковы: школа для гувернантокъ, пансіонъ для дворянскихъ дѣвицъ, школа народныхъ учителей, школа хирурговъ и повивальныхъ бабокъ, школа ветеринаровъ и огородниковъ,—все это не бойдется безъ особенныхъ расходовъ. При всемъ томъ, и притакомъ планѣ, гимназія не будетъ университетомъ, а явится большою центральною школой для всей губерніи".

Дальше Коллонтай опровергаетъ ту мысль Чацкаго, что пожизненныя должности вредны и для начальниковъ, и для подчиненныхъ, могутъ содѣйствовать упадку заведенія и отзовутся тяжелымъ, неблагодарнымъ бременемъ на достойномъ начальникѣ. Коллонтай удивляется, какъ подобная мысль могла даже появиться въ головѣ Чацкаго.

Сдѣлавъ еще нѣсколько замѣчаній объ упорядоченіи школьнаго дѣла, Коллонтай прибавляетъ: „не стану утруждать тебя, м. г., дальнѣйшими по этому предмету замѣчаніями. Въ теперешнемъ моемъ положеніи они, быть можетъ, оказались бы или запоздалыми, или неумѣстными. Даже то, что я написалъ тебѣ, слагаю на лонѣ дружбы и увѣренъ, что припрячешь это исключительно для себя". Въ заключеніи письма Коллотай ходатайствуетъ за врача Лернета объ освобожденіи его отъ предстоящаго ему докторскаго экзамена на право практики въ Россійскомъ государствѣ и о признаніи его почетнымъ членомъ медицинскаго факультета Виленскаго университета [1].

Изъ настоящаго письма Коллонтая мы видимъ, что онъ далеко не раздѣлялъ нѣкоторыхъ взглядовъ Чацкаго, хотя предъ послѣднимъ и умалчивалъ объ этомъ. Открывъ въ свою очередь Стройновскому затѣи Чацкаго и указавъ на нѣкоторые, по его мнѣнію, промахи въ постановленіяхъ по устройству просвѣщенія въ Россіи и особенно Виленскаго университета (дѣло Стройновскаго и ком.), онъ тѣмъ самымъ возбуждалъ недовольство Стройновскаго и противъ себя, и противъ Чацкаго со всѣми его широкими планами.

Еще большее недовольство Стройновскаго противъ Коллонтая должно было возбудить слѣдующее письмо послѣдняго отъ 8 октября 1803 года:

---

[1] Listy Kołłątaja—t. 1. 224—232.

„Ксендзъ Дмоховскій [1] писалъ мнѣ,—говоритъ Коллонтай,—что отъ Виленской главной школы онъ получилъ приглашеніе занять въ ней каѳедру литературы подъ условіемъ подвергнуться общему конкурсу. Не сомнѣваюсь, м. г., что ты знаешь способности и недюжинныя дарованія этого человѣка. Стало быть, если онъ дѣйствительно нуженъ для того, чтобы покрыть славой вновь открывающуюся каѳедру, то ему никакъ уже нельзя предлагать такихъ унизительныхъ условій; его многочисленные ученые труды свидѣтельствуютъ о немъ, и о нихъ не только знаетъ наша читающая публика, но и за границей отзываются съ великою похвалой. Не входя въ разсужденіе о значеніи конкурсовъ вообще—мы должны согласиться, что для нихъ въ будущемъ слѣдовало бы назначить опредѣленный срокъ; но теперь первыя каѳедры слѣдовало бы замѣстить посредствомъ вызова извѣстныхъ лицъ. *И главнымъ образомъ всѣ силы нужно употребить, чтобы на всѣ предметы поназначать способныхъ соотечественниковъ; въ противномъ случаѣ мы сдѣлаемъ большой промахъ въ самоважнѣйшихъ цѣляхъ народнаго просвѣщенія: отечественный языкъ (польскій) былъ бы заброшенъ*, а употребляя въ преподаваніи латинскій языкъ, мы ограничили бы народное просвѣщеніе крайне малымъ числомъ лингвистовъ. Будетъ или нѣтъ приглашенъ Дмоховскій, это все равно не ухудшитъ его матеріальнаго положенія; своими литературными трудами онъ сумѣлъ составить себѣ приличный капиталецъ и можетъ еще значительно его увеличить, работая по своему вкусу. Во всякомъ случаѣ я достаточно изучилъ его, и мнѣ кажется, что онъ ни въ какомъ случаѣ не согласится подвергнуть себя конкурсу, если бы даже его къ этому приневоливали. Потому заклинаю тебя именемъ народа, для котораго работаешь, отдай преимущество польскому языку при преподаваніи всѣхъ предметовъ; всѣми мѣрами старайся отклонить приглашеніе иностранцевъ на университетскія каѳедры; ты долженъ обдумать способы, какъ бы избавиться даже отъ тѣхъ иностранцевъ, которыхъ во время оно такъ неосмотрительно вызвали въ

[1] Дмоховскій родился въ 1762 г. и семнадцати лѣтъ поступилъ въ орденъ піаровъ. Во время сейма 1790 года Коллонтай взялъ его къ себѣ въ секретари. Самъ Коллонтай считался de facto главнымъ дѣятелемъ четырехлѣтняго сейма (1786—1790) Тарговицкой конфедераціи, конституціи 3-го мая, возстанія Костюшки, когда игралъ роль министра финансовъ. Дмоховскій постоянно дѣйствовалъ съ Коллонтаемъ. Писалъ очень много и считался лучшимъ польскимъ писателемъ. Умеръ въ 1808 г., оставивъ сына, тоже писателя, отъ брака въ 1800 году съ Изабеллой Микорскою.

Вильну. И было бы лучше придумать для нихъ почетныя награды, чѣмъ посредствомъ ихъ вызова и удержанія препятствовать распространенію общественнаго просвѣщенія и усовершенствованію нашего (польскаго) языка. На минуту забудь, м. г., о конкурсахъ и старайся замѣстить всѣ каѳедры способными земляками. Будетъ даже лучше временно не открывать какой-нибудь каѳедры и выслать для подготовки за границу молодыхъ ученыхъ (изъ поляковъ), нежели спѣшить съ окончаніемъ всего дѣла и заполнять каѳедры людьми чужими"... Причины этого намъ уже извѣстны, именно, что лучшіе иностранцы не поѣдутъ въ Вильну; что разъ наполнится ими университетъ, трудно уже будетъ и при томъ надолго избавиться отъ нихъ въ будущемъ: для примѣра Коллонтай ссылается на Петербургскую академію. Письмо свое Коллонтай заключаетъ завѣреніемъ въ сердечномъ уваженіи къ Стройновскому и пожеланіемъ, чтобы его имя надолго оставалось памятнымъ въ Виленской главной школѣ [1].

На этомъ обрывается корреспонденція Стройновскаго съ Коллонтаемъ. Очевидно Стройновскому, человѣку науки, который при этомъ подумывалъ и о митрополіи, опротивѣли постоянныя заявленія о „vodakach", о польскомъ языкѣ, о сомнительныхъ (польскихъ) талантахъ. Ему навязывали и Дмоховскаго съ Копчинскимъ [2], и Лернета [3] и другихъ; отъ него требовали, чтобы онъ совѣтовался и съ Чацкимъ [4], и съ Андреемъ Снядецкимъ [5], и оставилъ бы мысль о конкурсахъ и не замѣщалъ бы каѳедръ въ университетѣ и т. под. Въ 1810 году Коллонтай въ письмѣ къ Снядецкому заявилъ, что Стройновскій „на первыхъ же порахъ прекратилъ съ нимъ переписку, давая даже понять ему свое недовольство за его смѣлость предлагать ему непрошенные совѣты" [6]. Скоро, какъ увидимъ, и Чацкій показалъ спину Коллонтаю; но до поры до времени послѣдній продолжалъ быть его дѣятельнѣйшимъ помощникомъ.

Въ письмахъ отъ 12 и 18 сентября 1803 года Чацкій извѣщаетъ Коллонтая о значительныхъ пожертвованіяхъ на Волынскую гимназію, и при томъ въ полное его (Чацкаго) распоряже-

---

[1] Listy-Kołłątaja. t. 1. 283—285.
[2] Listy. t. 1. 101.
[3] Ibid. 232.
[4] Ibid. 227.
[5] Ibid. 232.
[6] Pamiętniki o Sniadeckim. Balinski—t. 1. 670. Тоже сообщаетъ Коллонтай и въ письмѣ къ Чацкому отъ 27 янв. 1804 г. Listy. t. 2. 221.

ніе, „чтобы не связывать у него рукъ“. „Теперь я могу быть увѣреннымъ, что проекты (Чацкаго) гимназіи не останутся мертвыми“,—замѣчаетъ Чацкій и проситъ Коллонтая написать Чеху, что все будетъ устрояться на пожертвованныя средства, что этими фундушами распоряжается онъ—Чацкій и потому считаетъ себя вправѣ по своему желанію выбрать для гимназіи директора, „такъ какъ Императорскія постановленія написаны для гимназій или окружныхъ школъ вообще, но не для такой гимназіи“ (какая проектировалась въ Кременцѣ). Проситъ написать и Линде [1] и при томъ съ особенною силой, приглашая его на должность въ будущую Кременецкую гимназію [2].

Увѣдомляя Чеха о предложеніи ему Чацкимъ директорскаго мѣста въ проектируемой въ Кременцѣ гимназіи, Коллонтай описываетъ при этомъ необыкновенную дѣятельность Чацкаго, указываетъ составъ каѳедръ въ проектируемой гимназіи, называетъ послѣднюю маленькимъ университетомъ, пользуется случаемъ напомнить Чеху объ ихъ старой пріязни, указываетъ матеріальное обезпеченіе должности директора и въ заключеніе прибавляетъ: „благородство образа твоего мышленія и стремленій, съ которыми ты представляешь себѣ поступательное движеніе общественнаго просвѣщенія въ нашемъ народѣ, даютъ мнѣ право надѣяться, что ты не захочешь ставить какія-нибудь затрудненія для принятія предлагаемой должности; оставаясь на ней, ты найдешь возможность съ честью воспользоваться твоими талантами и доказать завистникамъ нашей славы, что польскія музы, изгнанныя изъ Кракова, могутъ прославить нашъ народъ и нашъ языкъ въ другой части края подъ милостивымъ господствомъ Императора (русскаго).

Письмо къ Линде отъ 3-го октября 1803 года Коллонтай начинаетъ изъявленіемъ необычайной радости по поводу приглашенія его (Линде) Чацкимъ на должность въ Кременецкую гим-

[1] Самуилъ Линде родился въ 1771 году въ Торнѣ, умеръ въ Варшавѣ въ 1847 году. Извѣстенъ большими филологическими познаніями, которыя особенно обнаружилъ въ изданіи „Slownika ięzyka polskiego“. Мѣстомъ занятій Линде были Торнъ, Лейпцигъ и потомъ Вѣна, гдѣ въ должности библіотекаря онъ занимался устройствомъ библіотеки гр. Оссолинскихъ. Въ 1802 году былъ приглашенъ въ Варшаву, гдѣ занимался устройствомъ Варшавскаго лицея и былъ его директоромъ. Съ открытіемъ Варшавскаго университета былъ назначенъ директоромъ Варшавской публичной библіотеки, что давало ему возможность широко работать въ области литературы.

[2] Listy-Kollątaja—t. 1. 232—235.

[3] Listy-Kollątaja, t. 1. 278—280.

назію. „Если примешь это приглашеніе, буду имѣть удовольствіе“,—продолжаетъ Коллонтай,—„еще видѣть тебя и жить съ тобой. Пріятная для меня перспектива! Вѣдь ты знаешь, какъ я всегда цѣнилъ тебя! Чувствую и то, насколько ты всегда былъ ко мнѣ расположенъ! Знаю твой образъ мышленія и твои ограниченныя требованія; твоя преданность наукѣ, нашему народу и нашему языку очевидны для всѣхъ. Тебя зовутъ въ тотъ край, гдѣ ты можешь жить съ Ѳ. Чацкимъ и со мной. Нужно ли тебѣ послѣ этого еще больше друзей? Гдѣ-нибудь можешь ихъ имѣть очень много, но нигдѣ не найдешь искреннѣе насъ. Ты рѣшилъ быть библіотекаремъ у Іосифа Оссолинскаго, такъ какъ онъ заявилъ тебѣ о своихъ благородныхъ намѣреніяхъ основать публичную библіотеку для польскаго народа. Его намѣренія однако не приводятся въ исполненіе; твои ожиданія до сихъ поръ остаются обманутыми, а твоя деликатность, какъ меня завѣряютъ, часто выставляетъ тебя на различныя непріятности. Годы между тѣмъ уходятъ напрасно безъ обезпеченія въ будущемъ твоего положенія. Время потому углубиться нѣсколько и подумать, что можетъ статься съ тобой въ поздней старости. Такъ не лучше ли тебѣ быть библіотекаремъ Императора въ Волынской гимназіи (въ Кременцѣ), гдѣ стараніями Чацкаго устроено прекраснѣйшее дѣло?

„Здѣшняя (т. е. въ Кременецкой гимназіи) библіотека будетъ состоять изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ томовъ; работать въ ней можешь съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ библіотекѣ Оссолинскаго. Литературныя сокровища Чацкаго нисколько не уступятъ тѣмъ, которыя ты оберегаешь и которыя ты значительно пріумножилъ собственнымъ стараніемъ. Ѳ. Чацкій желаетъ, чтобы ты былъ библіотекаремъ и вмѣстѣ учителемъ греческаго языка (въ гимназіи). Не забывай о себѣ, прими дѣлаемое предложеніе, поставь приличныя условія, довѣрься мнѣ, чего желаешь, а я буду отстаивать твои интересы съ такимъ же стараніемъ, какъ свои собственные“.

„Необходимо, чтобы ты зналъ, что творитъ здѣсь Чацкій. Его труды можно назвать чудомъ. Собственными стараніями объ общественномъ просвѣщеніи онъ сумѣлъ наэлектризовать всѣхъ мѣстныхъ обывателей, которые дѣлаютъ щедрыя пожертвованія на увеличеніе каѳедръ въ здѣшней гимназіи, на учрежденіе женской школы и на многіе другіе не менѣе важные предметы, о которыхъ нельзя передать вкратцѣ“. Сказавъ о проектируемыхъ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ при Волынской гимна-

зіи и о составѣ каѳедръ въ ней, Коллонтай заключаетъ: „Все это Чацкій сумѣетъ сдѣлать какимъ-то чудеснымъ образомъ и при томъ—въ одинъ годъ. Между многими пріобрѣтеніями онъ будетъ считать лучшимъ пріобрѣтеніемъ (для заведенія) избраніе твоей особы. Прошу тебя, не отказывайся! Твой талантъ ужь слишкомъ нуженъ въ этомъ краѣ. Не смѣй думать, чтобы здѣсь, между нами, ты меньше могъ себя прославить, нежели въ Австріи. Съ одинаковою легкостью узнаетъ Европа о твоихъ талантахъ между скалами Кременца, какъ узнала бы о нихъ и въ столицѣ австрійскаго государства (если бы ты продолжалъ тамъ оставаться). А для меня лично было бы большимъ утѣшеніемъ пожить еще вмѣстѣ съ тобою, а по временамъ и поработать сообща“ [1].

Въ это время изъ Варшавы Коллонтай получилъ письмо отъ Дмоховскаго съ извѣщеніемъ, что Снядецкій уѣхалъ за-границу, что Дмоховскій два раза видѣлся съ нимъ въ Варшавѣ и они отлично провели время; „а разговоръ нашъ“, прибавляетъ Дмоховскій, „болѣе всего касался твоей особы“.

„Твои замѣчанія касательно настоящаго и будущаго положенія нашей литературы въ здѣшнемъ краѣ весьма справедливы. Подъ русскимъ владычествомъ открываются прекраснѣйшіе виды. При всемъ томъ, только организація общественнаго просвѣщенія съ выборомъ для учительства способныхъ соотечественниковъ рѣшитъ, чего можно ожидать на этомъ пути. Если мѣста будутъ предоставлены иностранцамъ, мы должны проститься съ отечественными науками, и общее просвѣщеніе края понесетъ на этомъ громадную потерю. Обучая на чуждомъ языкѣ, можно создать извѣстное количество ученыхъ; но безъ отечественнаго языка нельзя распространить просвѣщенія въ массѣ народа. А вѣдь эту именно цѣль имѣетъ въ виду Государь Императоръ, сдѣлавшій для просвѣщенія столько, сколько не сдѣлало никакое другое правительство“. Указавъ далѣе безполезность и даже вредъ конкурсовъ, которые приняты въ Виленскомъ университетѣ для замѣщенія каѳедръ, Дмоховскій прибавляетъ: „я писалъ Стройновскому, что теперь не могу послать ему ничего новаго, будучи занятъ другими дѣлами. Отвѣта до сихъ поръ не имѣю. Тебѣ долженъ признаться, что если бы я и принялъ въ Виленскомъ университетѣ какую-нибудь должность,... то сдѣлалъ бы это исключительно для того, чтобы хоть въ малой долѣ принять

---

[1] Listy-Kołłątaja. t. 1. 281—283.

участіе въ усиліяхъ соотечественниковъ и, насколько возможно, потрудиться вмѣстѣ для охраненія языка и отечественныхъ наукъ" [1].

Мы видѣли уже, что за Дмоховскаго ходатайствовали передъ Стройновскимъ Снядецкій и Коллонтай; но назначенія его на какую-нибудь должность въ университетѣ все-таки не состоялось. Дмоховскій продолжалъ оставаться въ Варшавѣ и служить посредникомъ въ перепискѣ между Коллонтаемъ и Снядецкимъ. Въ виду этого Коллонтай 6 октября 1803 года писалъ ему между прочимъ:...

„Я имѣлъ бы большое удовольствіе, если бы ты былъ настолько любезенъ, чтобы согласился въ теченіе нѣсколькихъ наступающихъ мѣсяцевъ вести со мною правильную корреспонденцію; она необходима для блага общественнаго просвѣщенія, для котораго тутъ начинаютъ работать. Въ этой мѣрѣ я чувствую потребность по временамъ сноситься съ Снядецкимъ, который обязалъ меня вести съ нимъ переписку при твоемъ посредствѣ. Чацкій открылъ мнѣ свои мысли и намѣренія (въ развитіи дѣла народнаго просвѣщенія); я потому обѣщалъ ему помогать. Въ виду этого было бы не дурно, чтобы мы между собою переписывались".

Похваливъ по обычаю безпримѣрную энергію Чацкаго въ собираніи фундушей и его такую же смѣлость въ различныхъ предпріятіяхъ, Коллонтай заявляетъ, что, по его наблюденіямъ, „между Чацкимъ и Стройновскимъ нѣтъ надлежащаго пониманія другъ друга, а существуетъ даже порядочная доля зависти. Стройновскій уже слишкомъ поспѣшилъ съ своею работой (окончательнымъ устройствомъ университета и школъ его округа); Чацкій поздновато нѣсколько былъ приглашенъ для занятій. Стройновскій почти покончилъ все дѣло, но окончилъ нѣсколько лѣниво и преслѣдовалъ, какъ видно, двѣ цѣли: обогащеніе Виленскаго университета и сохраненіе въ низшихъ школахъ давнихъ постановленій эдукаціонной комиссіи. Чацкій дѣйствуетъ вопреки имъ: онъ хочетъ исправить ошибки комиссіи не только въ низшихъ школахъ, но и въ главной Виленской. А такъ какъ его визитаторство даетъ ему право заниматься устройствомъ школъ только въ трехъ здѣшнихъ (югозападныхъ) губерніяхъ, то свои намѣренія относительно исправленій въ главной школѣ Чацкій долженъ отодвигать на болѣе отдаленное время и на-

[1] Listy-Kollątaja. t. 1. 237—239.

правлять дѣла такъ, чтобы хорошее устройство его начинаній въ настоящемъ указало необходимость дальнѣйшихъ работъ. И для этого онъ имѣетъ основанія: постановленія отъ 18 мая (1803 г.) относительно Виленской главной школы и ея округа во многихъ пунктахъ ошибочны. Почобутъ [1], на котораго слишкомъ разсчитывали съ самаго начала (реформы школьнаго дѣла), не ввелъ въ практику постановленій коммиссіи; Виленская главная школа никогда не была тѣмъ, чѣмъ была въ свое время школа Краковская. Въ обѣихъ былъ сдѣланъ большой промахъ относительно выбора людей: Краковская скоро подъ управленіемъ Орачевскаго пришла въ полный безпорядокъ; Виленская—никогда не была хорошо поставлена. Кс. Стройновскій, создавая новыя постановленія отъ 18 мая, не обратилъ на это вниманія; не удивительно потому, если въ этой школѣ подъ протекціей новыхъ законоположеній сохранились всѣ прежніе средневѣковые обычаи, ошибки и упорство самого кс. Почобута. Въ наше время намъ недоставало такихъ великихъ фундушей, какими обставлена теперь Виленская школа. Тогда и трудно было проектировать вещи, на заведеніе которыхъ не было средствъ. Въ настоящее время Виленская школа обставлена такъ, что ея штаты можно считать даже чрезмѣрными. Но при этомъ ея устройство до того плохо, что боюсь какой нибудь злой критики на все дѣло со стороны нѣмецкихъ рецензентовъ".

Въ дальнѣйшемъ Коллонтай описываетъ Дмоховскому довольно подробно устройство, по его проекту, факультетовъ въ Виленской школѣ и распредѣленіе наукъ по курсамъ. Это—повтореніе того, что̀ содержалось въ приведенной выше запискѣ, представленной Коллонтаемъ Чацкому. Въ письмѣ подробно трактовалось объ этихъ проектахъ на тотъ конецъ, чтобы Дмоховскій сдѣлалъ изъ всего извлеченіе и переслалъ Снядецкому [2].

[1] Мартинъ Почобутъ род. въ 1728 г., ум. въ 1810 г. Получивъ основательное за-границей воспитаніе, Почобутъ съ 1764 года, уже членъ іезуитскаго ордена, становится профессоромъ математики и астрономіи въ Виленской академіи, а съ 1780 года назначается ея ректоромъ. Много работалъ и писалъ по части астрономіи и математики; находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ учеными Парижа и Лондона и пользовался большимъ съ ихъ стороны вниманіемъ. Съ 1800 года отказался отъ должности ректора академіи, оставаясь въ ней астрономомъ-наблюдателемъ. Мѣсто ректора занялъ Іеронимъ Стройновскій. Отказавшись отъ епископства въ Римѣ, Почобутъ передалъ въ 1808 г. абсерваторію при академіи въ Вильнѣ Ивану Снядецкому, а самъ удалился въ Динабургъ (Двинскъ) въ монастырь іезуитовъ, гдѣ и скончался 1810 г.

[2] Listy-Kołłątaja. t. 1. 286—296 и примѣч. 18.

И Чацкій въ письмахъ усиленно просилъ Коллонтая[1] поспѣшить съ составленіемъ проектовъ устройства гимназій и приходскихъ училищъ. Но такъ какъ Чацкій, при разбросанности своихъ занятій, иногда забывалъ, что онъ бралъ у Коллонтая тотъ или другой проектъ и своевременно не возвращалъ его автору для необходимыхъ исправленій, дополненій, то въ обширномъ письмѣ отъ 19 сентября Коллонтай напоминаетъ Чацкому о необходимости имѣть подъ руками забранные у него проекты, намѣчаетъ порядокъ постепеннаго открытія различныхъ учебныхъ учрежденій (гимназія, учительская семинарія, заведеніе для хирурговъ, акушерства и ветеринаріи, заведеніе для огородниковъ и школа гувернантокъ съ пансіономъ для дѣвицъ), въ какомъ смыслѣ должны быть составлены и проекты высочайшихъ указовъ объ ихъ открытіи, проектъ свѣдѣній о фундушахъ, какіе предназначены для выше названныхъ учрежденій. „Не слѣдуетъ скрывать", продолжаетъ Коллонтай", что, при своей дѣятельности, ты, м. г., долженъ вооружиться необычайнымъ терпѣніемъ. Занятый теперь собираніемъ пожертвованій, въ будущемъ ты долженъ будешь вести борьбу съ различными трудностями, которыхъ и предвидѣть невозможно. Создавшіе постановленія 18 мая должны, понятно, считать свое дѣло прекраснымъ и совершенно оконченнымъ, и малѣйшія исправленія въ немъ должны оскорблять ихъ самолюбіе. По моему мнѣнію, было бы лучше съ ними вмѣстѣ заняться исправленіемъ, чѣмъ вести борьбу противъ ихъ творенія. Не могу говорить по этому предмету болѣе откровенно; ты самъ лучше знаешь, какія у тебя отношенія къ правительству и на какія основанія опираешь свое дѣло".

Далѣе Коллонтай говоритъ о времени изготовленія проекта Высочайшаго указа о реформѣ школъ въ Волынской и другихъ губерніяхъ, о необходимости подумать о средствахъ для исправленія домовъ подъ учебныя учрежденія и объ ихъ расширеніи, намѣтить, сколько будетъ въ губерніи школъ въ завѣдываніи университета и сколько въ завѣдываніи монашескихъ орденовъ, неособенно торопиться съ разрѣшеніемъ школъ послѣдняго рода, такъ какъ орденскія власти всегда возбуждаютъ молодежь противъ свѣтскихъ школъ и стараются поселить въ ней недовѣріе къ нимъ, и особенно обратить вниманіе на выборъ учителей: они будутъ первыми двигателями великой машины, и неудачный ихъ подборъ испортитъ все дѣло.

[1] Listy-Kołłątaja. t. 1. 234, 239.

Имѣя въ виду, что главное вниманіе Чацкаго сосредоточивалось до сихъ поръ на Волынской губерніи, и Коллонтай дальнѣйшія свои замѣчанія пріурочиваетъ къ этой же губерніи, хотя ихъ можно примѣнить и къ другимъ губерніямъ. Остановившись на Кременцѣ, какъ мѣстѣ учрежденія гимназіи, Коллонтай отдаетъ ему преимущество передъ другими городами по чистотѣ, центральному и гигіеническому его положенію и по дешевизнѣ жизни. Проситъ Чацкаго позаботиться о предотвращеніи различныхъ недоразумѣній съ властями и частными учрежденіями, особенно базиліанами, францисканами и іезуитами по поводу предназначеннаго занятія нѣкоторыхъ монастырей и домовъ съ площадями при нихъ и пристройками на учебныя потребности. Что касается осушенія улицъ въ городѣ и устройства мостовой, то совѣтуетъ ему войти въ сношеніе съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, такъ какъ городъ собственными средствами этого сдѣлать не можетъ. При гимназіи Коллонтай считаетъ необходимымъ имѣть свой костелъ (одинъ изъ наличныхъ) съ особеннымъ настоятелемъ; останавливается на устройствѣ помѣщенія для личнаго штата гимназіи, принимая въ разсчетъ учителей холостыхъ и семейныхъ и скромное содержаніе тѣхъ и другихъ; возстаетъ противъ мысли Чацкаго о пожизненной должности директоровъ гимназій, съ большою похвалой отзывается о Шейдтѣ и особенно о Чехѣ, какъ ближайшемъ ученикѣ Снядецкаго, которые оба предназначены въ директоры гимназій, и проситъ Чацкаго подумать о лучшемъ, не въ примѣръ другимъ, обезпеченіи Чеха и Шейдта, такъ какъ равныхъ имъ по талантамъ трудно найти и между профессорами Виленскаго университета. Коллонтай предлагалъ даже Чацкому похлопотать о назначеніи Чеха при его директорствѣ въ гимназіи астрономомъ въ Кременцѣ. „Имѣя въ виду, говоритъ Коллонтай, назначить Снядецкаго въ Вильну въ обсерваторію, слѣдовало бы въ здѣшнемъ краѣ (югозападномъ) имѣть другую обсерваторію, чтобы, по крайней мѣрѣ, хотя два поляка работали у насъ по этому предмету и корреспондентировали между собой. Снядецкій, видя въ Чехѣ своего ученика, послужилъ бы для него громаднымъ подспорьемъ въ усовершенствованіи обсерваторіи и астрономическихъ наблюденій въ Кременцѣ. Для Волынской губерніи не оставалось бы мѣста зависти къ Подольской, и если бы та доминировала въ ботаникѣ (тамъ предполагался центральный ботаническій садъ-огородъ съ директоромъ-наблюдателемъ надъ подобными садами и въ другихъ губерніяхъ), Волынская губернія первенствовала бы въ наукахъ математическихъ и астрономіи“.

Переходя затѣмъ къ обсужденію различныхъ должностей въ гимназіи и выбору подходящихъ на нихъ кандидатовъ, Коллонтай представляетъ Чацкому маленькій послужной списокъ нѣкоторыхъ лицъ (тридцати слишкомъ человѣкъ) съ собственною рекомендаціей на должности учителей, директоровъ, префектовъ; относительно нѣкоторыхъ кандидатовъ совѣтуетъ Чацкому спросить мнѣнія у Чеха и Дмоховскаго. Что касается наличнаго учебнаго персонала въ юго-западныхъ губерніяхъ, которымъ былъ видимо недоволенъ Чацкій, Коллонтай рисуетъ Чацкому картину тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя учебному дѣлу пришлось переживать въ послѣднее время и которыя, конечно, не могли повліять въ его пользу. Снова напоминаетъ Чацкому о возможномъ сокращеніи орденскихъ (подъ управленіемъ монашескихъ орденовъ) школъ, такъ какъ эти школы, по Коллонтаю, никогда не проникнутся убѣжденіемъ въ полезности предписываемыхъ порядковъ, всегда будутъ отвращать родителей отъ помѣщенія дѣтей въ гимназіи, гдѣ обученіе во всякомъ случаѣ будетъ несомнѣнно лучше. „Дѣлай съ монашествующими, что хочешь, никогда однако не сумѣешь передѣлать или отучить ихъ отъ ихъ коренныхъ принциповъ; если же отучишь, то испортишь всю ихъ дисциплину. Не будутъ они тѣмъ, чѣмъ хотѣло бы видѣть ихъ призваніе, и никогда не представятъ изъ себя того, чего потребуетъ отъ нихъ правительство въ дѣлѣ общественнаго воспитанія“.

Пришлось Коллонтаю сообщить Чацкому и нѣкоторыя непріятныя вещи. Очевидно, что Чацкій въ увлеченіи своею силой и славой начиналъ показывать когти. Послѣ его визита въ Волынской губерніи стали раздаваться жалобы, что онъ грубо, непочтительно относится къ религіи, къ русской народности, требуетъ непомѣрно большихъ поборовъ. „Въ Луцкѣ (слова Коллонтая), гдѣ обѣщано сдѣлать все возможное, съ большимъ неудовольствіемъ говорили потомъ, что ты, м. г., сильно напиралъ на монастырь тринитаріевъ, что хотѣлъ входить въ соглашеніе объ обученіи клириковъ въ семинаріяхъ, что на эдукаціонный фундушъ вымогалъ отъ духовенства восьмой части всѣхъ его доходовъ: все это выставляется дѣломъ нерелигіознымъ, которое подкапываетъ прерогативы духовнаго сословія. Въ Дубнѣ тебя окрестили франкмасономъ и безбожникомъ за то, что ты обругалъ какъ-то бернардиновъ и угрожалъ имъ закрытіемъ ихъ школы. Здѣшніе (то-есть въ Кременцѣ) остерегаются проговориться, во всякомъ случаѣ горько жалуются на предположенныя

передвиженія (базиліане, іезуиты), одни францискане, по своей бѣдности, все принимають съ покорностію. Громачевскій повсюду жалуется на обиду отъ тебя за то, что онъ принялъ православіе, и что ты публично заявлялъ свое неудовольствіе къ господствующей вѣрѣ. Учителя русскаго языка и въ Луцкѣ и въ Кременцѣ одинаково вездѣ жалуются, что ты не любишь русскихъ, что ищешь только предлога, чтобы выключить ихъ изъ педагогическаго состава, хотя бы за неспособность, въ дѣйствительности же потому, что поляковъ желаешь помѣстить по школамъ; похвалялись, что будутъ искать защиты, у кого слѣдуетъ. Не такого визитатора, говорили они, слѣдовало прислать въ здѣшнія школы, а настоящаго русскаго; иначе правительство не узнаетъ истиннаго положенія дѣла и русскіе будутъ обижены".

Не придавая особеннаго значенія такимъ слухамъ, Коллонтай, однако, считаетъ необходимымъ увѣдомить о нихъ Чацкаго, „такъ какъ во имя блага человѣчества, во имя блага святого дѣла, которымъ занимаешься, ты (обращается Коллонтай къ Чацкому) заблаговремено долженъ знать обо всемъ, чтобы своевременно принять мѣры благоразумія". Въ заключеніе письма Коллонтай говоритъ о проектируемомъ количествѣ уѣздныхъ школъ въ Волынской губерніи, объ ихъ фундушѣ и еще разъ напоминаетъ о выборѣ достойныхъ кандидатовъ въ учителя и объ ихъ подготовкѣ, сообразно ихъ внутреннимъ духовнымъ силамъ и способностямъ. [1]

Едва успѣлъ Коллонтай отправить Чацкому свое длинное посланіе, какъ въ рукахъ его были уже новые запросы отъ Чацкаго съ просьбой немедленнаго отвѣта. Какъ бы подслащая нѣсколько горькое содержаніе своего послѣдняго письма, Коллонтай пишетъ (3-го октября 1803 г.): „надежда на такую гимназію, какую ты, м. г., намѣренъ основать здѣсь (въ Кременцѣ) и въ другихъ губерніяхъ, даже самымъ легкомысленнымъ человѣкомъ не можетъ быть сочтена пустою фантазіей. [2] Благодарная справедливость запишетъ твое имя между полезнѣйшими дѣятелями исторіи. Нужно быть безучастнымъ къ благу человѣчества и не понимать возвышенныхъ твоихъ видовъ, съ которыми связано будущее счастіе теперь несчастнаго народа, чтобы

[1] Listy, t. 1. 239—276.

[2] Выше мы видѣли, что Чацкій писалъ, между прочимъ, Коллонтаю по поводу быстрыхъ и щедрыхъ пожертвованій на учебное дѣло, что, при такихъ пожертвованіяхъ, его *проекты гимназіи нельзя считать пустыми* Коллонтай какъ бы отвѣчаетъ на это замѣчаніе.

не умилиться передъ тѣмъ, что милостивое Провидѣніе еще даровало намъ подобнаго тебѣ человѣка. Не отступая ни передъ какими трудностями, ты имѣешь смѣлость работать для общественнаго блага въ то время, когда почти всѣ наши соотечественники потеряли къ этому охоту и желаніе. Быть можетъ и найдутся такіе, которые недовольно ясно представляютъ себѣ значеніе твоихъ трудовъ; но я считаю себя истиннымъ твоимъ почитателемъ, такъ какъ очень ужъ люблю несчастный народъ, для котораго ты работаешь. Всѣ твои приказанія для меня святы и электризуютъ, если такъ можно выразиться, мою душу. Поздравлю себя, если сумѣю быть достойнывъ твоимъ помощникомъ".

Сказавши о написанныхъ отъ имени Чацкаго письмахъ къ Чеху и Линде, похваливши сдѣланныя Чацкимъ нѣкоторыя предназначенія извѣстныхъ лицъ на педагогическія должности, выразивши удивленіе передъ громадными пожертвованіями, Коллонтай заключаетъ письмо заявленіемъ, что на нѣкоторые запросы Чацкаго онъ уже отвѣтилъ, а остальныя различныя недоумѣнія постарается разрѣшить при личномъ свиданіи съ Чацкимъ въ его имѣніи Порицкѣ, куда по приглашенію любезнаго хозяина разсчитываетъ пріѣхать около 6-го числа октября. [1]

Дѣйствительно 8 октября Коллонтай прибылъ къ Чацкому въ Порицкъ (около Кременца, гдѣ въ то время Чацкій имѣлъ свое постоянное пребываніе), и здѣсь выработанъ былъ проектъ учрежденія гимназій на Волыни и въ другихъ юго-западныхъ губерніяхъ.

По Высочайше утвержденному 18 мая 1803 года „Уставу для Виленскаго Императорскаго Университета и училищъ его округа", полагалась по крайней мѣрѣ одна гимназія въ каждой губерніи и одно по крайней мѣрѣ уѣздное училище въ каждомъ уѣздѣ. Приходскихъ училищъ могло быть сколько угодно, „сообразно съ предварительными правилами народнаго просвѣщенія".

„Въ гимназіи имѣло быть по крайней мѣрѣ (по Уставу 18-го мая) шесть классовъ наукъ и для преподаванія оныхъ шесть старшихъ учителей [2] и четыре младшихъ: рисованія, россійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. [3] Если позволяли средства, разрѣшалось Уставомъ прибавлять еще одного учителя исторіи

---

[1] Listy-Kołłątaja—t. 1. 276—278.

[2] Физическихъ знаній (1), математики (1), нравственныхъ наукъ (1), словесности и латинскаго языка (1). латинской и польской грамматики (1) начальныхъ правилъ ариѳметики, географіи и нравоученія (1).

[3] *Сборникъ постановленій по М. Н. Пр.* Т. I, 58—59.

и географіи. Въ учебномъ и административномъ отношеніи гимназіи поставлялись въ полную зависимость отъ университета округа.

Не нравилось Чацкому такое постановленіе о гимназіяхъ. Онъ хотѣлъ видѣть ихъ учрежденіемъ самостоятельнымъ, съ обширными, разнообразными программами, со многими второстепенными учрежденіями, съ богатыми библіотеками, лабораторіями и другими пособіями. Каждая гимназія проектировалась, какъ выражался Коллонтай, въ видѣ малаго университета. Пользуясь разрѣшеніемъ Высочайше утвержденнаго Устава 18-го мая добавлять въ гимназіяхъ нѣкоторые предметы, если то позволяютъ средства, Чацкій началъ собирать пожертвованія на учрежденіе совершенно - оригинальной гимназіи, программа и обстановка которой въ свою очередь разрастались, по мѣрѣ увеличенія жертвуемыхъ средствъ. Съ другой стороны, подъемъ и насажденіе посредствомъ воспитанія польской національности играли въ задачахъ Чацкаго одну изъ видныхъ ролей, а этой цѣли онъ разсчитывалъ достигнуть только въ заведеніяхъ, имъ основанныхъ. Требовалось потому привлечь сюда возможно большее количество юношества, чтобы воспитать его въ своемъ духѣ. А для этого опять потребовалось Волынскую гимназію обставить такъ во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы она не только могла поспорить съ Виленскимъ университетомъ, но и затмить его своими преподавателями, своими учеными трудами, своими учеными и учебными пособіями—библіотеками, кабинетами и т. п.

Записку объ учрежденіи Волынской гимназіи Коллонтай начинаетъ указаніемъ необходимости имѣть въ Россіи по величинѣ ея территоріи гораздо болѣе университетовъ, чѣмъ это назначено постановленіями 24 января 1803 года. Но для большаго количества университетовъ не имѣется ни наличныхъ средствъ, ни достаточно подготовленныхъ преподавателей. При такихъ обстоятельствахъ централизація учебной части въ каждомъ округѣ около университета заслуживаетъ полнаго вниманія: она придаетъ необходимое всему единству, и Коллонтай поздравляетъ губерніи Виленскаго округа съ принадлежностію ихъ къ Виленскому университету, который, такимъ образомъ, въ видахъ общественнаго просвѣщенія объединяетъ ихъ въ одно ученое тѣло, состоящее подъ опекой попечителя, такъ преданнаго дѣлу распространенія общественнаго просвѣщенія и вполнѣ отвѣчающаго столь важному назначенію.

Но было бы несправедливо, по мнѣнію Коллонтая, исключи-

тельно привязывать къ Вильнѣ права давать основательное образованіе. Съ этою „монополіей“ могли бы еще мириться люди состоятельные; они могутъ отправлять своихъ дѣтей и въ Виленскій университетъ, несмотря на дальность его разстоянія (отъ Волыни, Подоліи) и на дороговизну жизни; для бѣднаго класса обывателей такія условія неодолимы. Но гдѣ вопросъ касается общественнаго просвѣщенія, тамъ правительство всего болѣе должно заботиться о нуждахъ обывателей малосостоятельныхъ. Вся тяжесть исправленія должностей въ губерніяхъ и уѣздахъ падаетъ именно на людей этого класса; а такъ какъ они не въ состояніи воспитывать дѣтей своихъ въ далекомъ университетѣ, то и не могутъ чрезъ это подготовить достойныхъ кандидатовъ для прохожденія чиновничьей службы разнаго рода, чего, однако, желаетъ въ будущемъ законодатель Государь Императоръ. И можно ли разсчитывать на скорое распространеніе всеобщаго просвѣщенія, если свѣтъ его въ такъ обширномъ округѣ будетъ сіять только въ одномъ углу, совершенно недоступномъ для обывателей средняго достатка, а тѣмъ болѣе для обѣднѣвшихъ.

Въ помощь университетамъ, и какъ бы въ замѣну ихъ Коллонтай проектируетъ гимназіи въ каждомъ губернскомъ городѣ. Онѣ должны быть устроены такъ, чтобы ихъ программы обнимали всѣ предметы и науки, совершенно необходимыя для порядочнаго образованія дѣтей всѣхъ обывателей. Полное незнаніе своихъ правъ и обязанностей служитъ источникомъ всякаго зла, вызываетъ гибельное сутяжничество, несчастную судебную волокиту: этому особенно способствуютъ доморощенные, невѣжественные, недоучившіеся юристы, ищущіе вездѣ собственной корысти. Еще болѣе мрачная картина представится, если вспомнить о недостаткѣ тѣхъ знаній, на которыхъ основывается процвѣтаніе и ростъ городовъ, развитіе искусствъ, ремеслъ, рукодѣлій, процвѣтаніе сельскаго хозяйства въ обширномъ его значеніи и, наконецъ, охрана страдающаго человѣчества.

Переходя къ разсмотрѣнію гимназическихъ программъ, Коллонтай начинаетъ съ языковъ. Греческій и латинскій онъ считаетъ необходимыми въ виду драгоцѣнныхъ сокровищъ древности, заключающихся въ литературѣ этихъ языковъ, а безъ знанія ихъ невозможно, конечно, пользованіе и самыми сокровищами. Русскій языкъ необходимъ, какъ языкъ государственный, какъ языкъ славянства, въ различныхъ его діалектахъ. Языки французскій и нѣмецкій принадлежатъ народамъ, извѣстнымъ

своею ученостію, различными открытіями и изобрѣтеніями. „Нужно ли говорить,—продолжаетъ Коллонтай,—объ отечественномъ языкѣ (польскомъ—въ Россіи), о той единственной нашей собственности, сохраненіемъ которой болѣе всего докажемъ чуждымъ намъ, чѣмъ мы были. Всѣ другіе языки, особенно народовъ, прославившихся науками, мы должны считать необходимыми средствами для обогащенія себя знаніями и вкусомъ въ наукахъ словесныхъ. Но отечественный языкъ мы должны считать самымъ дорогимъ сокровищемъ, самою любезною собственностію, при посредствѣ которой различныя знанія и науки могутъ сдѣлаться достояніемъ даже тѣхъ, которые недостаточно обладаютъ способностью изученія чужихъ языковъ. Кто дѣйствительно стремится распространить просвѣщеніе въ своемъ народѣ, тотъ прежде всего долженъ имѣть въ виду—отечественный языкъ сдѣлать языкомъ науки, способнымъ объяснять послѣднія ея тайны... Не одна пустая привязанность къ отечественному языку побуждаетъ насъ съ наибольшею старательностью заботиться о его усовершенствованіи, но очевидная потребность общественнаго просвѣщенія... Гдѣ только науки преподавались на чуждомъ языкѣ, тамъ всегда только небольшое количество людей пользовалось ихъ свѣтомъ, а масса, равно какъ и ея языкъ, оставались варварами.“ Указавши на грековъ и римлянъ, такъ широко распространившихъ свои развитые языки, Коллонтай прибавляетъ, что „напрасно даже силились бы приносить громадныя жертвы для распространенія у насъ заброшеннаго свѣта наукъ, если только намъ навяжутъ въ школы чуждый языкъ, а тѣмъ болѣе дадутъ чуждыхъ намъ учителей“...

Изученіе языковъ Коллонтай помѣщаетъ въ первые низшіе четыре класса, распредѣляя ихъ между четырьмя преподавателями. Латинскій языкъ вмѣстѣ съ польскимъ поручается одному преподавателю, и на это изученіе обращается особенное вниманіе; учитель русскаго языка предназначается къ преподаванію ариѳметики, учитель языка французскаго—къ преподаванію начатковъ наукъ нравственныхъ и преподаватель нѣмецкаго языка сообщитъ свѣдѣнія по всеобщей географіи. Каждому изъ учителей назначалось двадцать учебныхъ часовъ въ недѣлю; курсъ каждаго класса продолжался годъ.

Послѣ низшихъ четырехъ классовъ проектировалось еще шесть лѣтъ обученія въ такомъ порядкѣ: первые два года назначались на изученіе курса элементарной математики и логики, всеобщей исторіи и географіи—древней и новой; въ новые два года про-

ходились курсы физики и права (въ небольшомъ объемѣ) и въ послѣдніе два года проходились естественная исторія, химія и литература. Предполагая, что ученикъ поступитъ въ гимназію восьми-десяти лѣтъ, Коллонтай назначаетъ 18—20-тилѣтній возрастъ оканчивающихъ гимназіи, когда они съ успѣхомъ могутъ поступить на государственную службу, или же сдѣлать сознательный шагъ къ дальнѣйшему академическому образованію.

Такими желательными предметами дальнѣйшаго изученія могутъ служить *прежде всего*: высшая математика, астрономія, механика, геральдика и практическая гидростатика; *потомъ*: огородничество, теорія и практика огородничества и земледѣлія, анатомія, физіологія, хирургія, акушерство, ветеринарія; *далѣе*: общая грамматика славянскихъ языковъ, сравнительное изученіе древнихъ языковъ между собою и съ языкомъ славянскимъ; и *наконецъ* библіографія.

Коллонтай повторяетъ сдѣланныя уже замѣчанія, что если и нельзя заставлять всѣхъ изучать названные предметы, то найдется, во всякомъ случаѣ, не мало желающихъ ознакомиться съ ними или по личной охотѣ, или по обстоятельствамъ своего положенія. Нельзя требовать, чтобы для этого они отправлялись въ дорогую и отдаленную Вильну; достаточно будетъ, если туда поѣдутъ кандидаты учительскаго званія (въ гимназіи), или желающіе усовершенствоваться въ медицинѣ, правѣ, богословіи, курсы которыхъ не будутъ читаться въ гимназіяхъ. Но было бы неблагоразумно отказать гимназіямъ въ возможности усовершенствовать посредствомъ соотвѣтственныхъ курсовъ приходскихъ учителей, хорошихъ огородниковъ, земледѣльцевъ, хирурговъ, акушерокъ и коноваловъ; было бы несправедливо отказать желающимъ расширить свои познанія въ высшей математикѣ, астрономіи или изучить философскую грамматику.

Указавши громадное практическое значеніе для каждой мѣстности и для каждаго класса обывателей изученія въ гимназіяхъ названныхъ наукъ, Коллонтай выставляетъ необходимость учрежденія при гимназіяхъ общежитія для кандидатовъ въ приходскіе учителя, дѣлаетъ указанія городамъ относительно присылки въ гимназіи молодыхъ людей, желающихъ ознакомиться съ хирургіей и акушерствомъ (послѣднимъ могли заниматься и женщины) и составляетъ особое положеніе для огородниковъ. Для полноты образованія обывательскихъ дѣтей Коллонтай присовокупляетъ еще изученіе новыхъ предметовъ: рисованія, музыки и гимнастики.

И на этомъ Коллонтай не останавливается. Указывая самую

тѣсную общественную связь между мужчиной и женщиной, говоря объ ихъ взаимномъ неотразимомъ вліяніи и высшемъ назначеніи, Коллонтай справедливо замѣчаетъ, что ни къ чему не привели бы всѣ усилія надъ устройствомъ возможно лучшихъ образовательныхъ заведеній для мужчинъ, если будетъ пренебрежено воспитаніе женщины. Воспитаніе дѣвочки должно, главнымъ образомъ, соотвѣтствовать ея положенію и матеріальной обстановкѣ ея родителей. Воспитаніе потому дѣвочекъ въ одномъ изъ нашихъ городовъ, говоритъ Коллонтай, а тѣмъ болѣе въ какомъ-нибудь чужомъ городѣ, не только безполезно, но даже можетъ быть вредно для сельскихъ обычаевъ при деревенской жизни воспитывающихся. Воспитаніе въ какомъ-нибудь большомъ городѣ, гдѣ дѣвочка получитъ навыкъ къ разнаго рода забавамъ и веселью, которыхъ не найдетъ ни у себя дома, ни у сосѣдей, положитъ задатки для будущей грусти и скуки въ собственномъ домѣ. Указывая на различные городскіе соблазны и искушенія, Коллонтай приходитъ къ мысли, что для сельскихъ обывательницъ никоимъ образомъ не должны быть учреждаемы въ городахъ женскіе пансіоны.

Тѣмъ настоятельнѣе является потребность устройства женскихъ учительскихъ семинарій, откуда выходили бы подготовленныя кандидатки для обученія обывательскихъ дѣвицъ въ домахъ ихъ родителей, подъ надзоромъ матери. Это единственное женское учебное заведеніе при губернскихъ гимназіяхъ. Въ селахъ рядомъ съ приходскими мужскими училищами могутъ быть и женскія; тоже и въ уѣздныхъ городахъ—для мѣстныхъ дѣвицъ. Учительская женская семинарія будетъ готовить учительницъ для всѣхъ этихъ женскихъ училищъ.

Въ виду такихъ широко проектируемыхъ учрежденій потребовались, конечно, особенные фундуши, которыхъ правительство дать не можетъ. Штатъ правительственной гимназіи исчисленъ былъ въ 5.300 рублей. Штатъ гимназіи, по проекту Чацкаго и Коллонтая, возросъ до 32.942 руб. Значительно возвысившуюся стоимость Чацкій думалъ покрыть добровольными пожертвованіями помѣщиковъ. Его надежды оправдались. Каждый, по заявленію Чацкаго, хотѣлъ принять участіе въ пожертвованіяхъ на пользу человѣчества. И такъ какъ собраннаго капитала пока по одной Волынской губерніи оказалось вполнѣ достаточно для открытія проектируемыхъ учрежденій съ особыми программами, то Чацкій и приступилъ къ осуществленію своего плана.

Въ дальнѣйшей части записки Коллонтая опять говорится о

выборѣ Кременца, какъ самаго подходящаго мѣста для основанія гимназіи, со всѣми прибавочными къ ней учрежденіями; опредѣляется потомъ постоянное жалованье директору, учителямъ и различнымъ чиновникамъ гимназіи со всѣми прибавочными при ней учрежденіями; намѣчаются пункты положенія о приходскихъ учителяхъ, ихъ подготовкѣ и поступленіи въ заведенія; указывается необходимость опытныхъ полей, садовъ и огородовъ при гимназіяхъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, при заведеніяхъ въ монастыряхъ и для аптекарей; помѣщается положеніе о женской учительской семинаріи и о приходскихъ школахъ; образцомъ для послѣднихъ должна была послужить школа въ Сельцѣ, основанная и содержимая братомъ Чацкаго. Къ запискѣ приложено и положеніе объ этой школѣ, ея фундушахъ, обязанностяхъ завѣдующаго училищемъ по части учебной и административной. [1]

Эта записка выработана въ теченіе десятидневнаго пребыванія Коллонтая у Чацкаго въ Порицкѣ, составлена для Чацкаго и какъ бы отъ его имени; исправленная, согласно указаніямъ Чацкаго, [2] она легла въ основаніе проекта устройства въ Кременцѣ Волынской гимназіи и всѣхъ другихъ школъ, которыя предполагались къ учрежденію въ Волынской губерніи. Проектъ этотъ былъ представленъ на Высочайшее утвержденіе чрезвычайнымъ визитаторомъ трехъ губерній: Волынской, Подольской и Кіевской. [3]

Своебразная дѣятельность Чацкаго обратила на него вниманіе въ Петербургѣ и оттуда, какъ извѣщалъ Чацкій Коллонтая, засыпали Волынь (т. е. Чацкаго) похвалами. [4]

„Поздравляю тебя, м. г., писалъ между прочимъ Коллонтай Чацкому отъ 2 ноября 1803 года, что Петербургъ начинаетъ наконецъ цѣнить усердные труды твои для Волынской губерніи; похвала Волыни это должная дань твоей особѣ, все равно придаютъ ли тамъ (въ Петербургѣ) особенное значеніе тѣмъ пожертвованіямъ, которыя ты собираешь или тѣмъ планамъ, по которымъ ты думаешь установить общественное воспитаніе. Не считай это, м. г., пустымъ кажденіемъ ѳиміама; только такимъ образомъ настроенное общественное мнѣніе заставитъ наконецъ правительство приняться за исправленіе постановленій 18 мая

[1] Listy-Kołłątaja. 1. 296—359.
[2] Listy-Kołłątaja. t. 1. 360, 361, 363—369, 372—384, 386—391.
[3] Проектъ напечатанъ во 2-мъ томѣ Listow-Kołłątaja. 1—205.
[4] Listy—t. 1. 360.

1803 года, надъ которыми работали ужъ очень поспѣшно, хотя вмѣстѣ и очень лѣниво. Нѣтъ ничего неудачнѣе устройства при Виленскомъ университетѣ семинаріи для клириковъ, и мнѣ кажется, что непремѣнно слѣдовало бы представить князю Адаму (Чарторыйскому), чтобы не спѣшили столь быстрымъ исполненіемъ второстепенныхъ прибавочныхъ постановленій къ вышеназваннымъ уставамъ. Быть-можетъ, настанетъ время, когда князь (А. Чарторыйскій), замѣтивъ въ этой махинѣ (составленныхъ имъ плановъ общаго просвѣщенія въ Россіи) такъ много ошибокъ и несообразностей, наскучитъ наконецъ своею работой и потеряетъ вкусъ къ собственному творенію; намъ однако нужно поработать надъ этимъ дѣломъ съ одинаковымъ терпѣніемъ и постоянствомъ.

„О, мой староста, замѣчаетъ Коллонтай, до тѣхъ поръ пока будешь трудиться для блага человѣчества и своихъ соотечественниковъ, я не только съ радостью буду взирать на столь полезные труды, но сердечно желалъ бы принадлежать къ числу твоихъ сотрудниковъ и прославлять твои высокія намѣренія“... [1]

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ю. Крачковскій.

[1] Listy-Kołłątaja. t 1. 362—363.

НЕРАВНЫЙ БРАКЪ.[1]

Повѣсть Ф. Эварта.

(Переводъ съ нѣмецкаго О. И. Прибытковой.)

(*Продолженіе*).

Лѣто было въ самомъ разгарѣ, и Магду, не привыкшую проводить жаркое время въ городѣ, сильно тянуло въ лѣсъ и въ поле. Германъ предлагалъ ей отправиться раньше его къ матери въ деревню, но она и слышать не хотѣла объ этомъ. Она отлично знала, что если днемъ мужу и некогда съ ней заниматься, то во всякомъ случаѣ въ тѣ рѣдкіе часы, когда онъ бываетъ дома, она украшаетъ ему жизнь, внося оживленіе въ его сухую, дѣловую обстановку. И Магда не соглашалась уѣхать, стойко выдерживала городскую духоту, лишь бы имѣть возможность быть съ мужемъ, наливать ему вечеромъ чай и чувствовать себя на верху блаженства, когда они отправлялись иногда вечеромъ куда нибудь покататься за городъ и Германъ, будучи въ хорошемъ настроеніи духа, обращалъ на нее вниманіе.

Послѣднее время Эйлхардъ рѣже показывался у нихъ. При устройствѣ своей коллекціи ему пришлось завести и возобновить нѣкоторыя прервавшіяся за время его путешествія знакомства; надо было занять какое-нибудь положеніе въ обществѣ, и онъ все никакъ не могъ придти ни къ какому рѣшенію, часто говорилъ даже съ Магдой, какъ ему устроиться и что предпринять.

Однажды утромъ онъ снова появился и съ комичною торжественностью попросилъ у нея аудіенціи. Магда разсмѣялась, указала ему на покойное индѣйское кресло, сама усѣлась напротивъ и просила начать сообщеніе. На ней былъ элегантный капотъ изъ свѣтлой мягкой матеріи, ниспадавшей прямо отъ

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе* №№ 1 и 2.

плечъ красивыми, точно классическими складками, подъ которыми чувствовалась ея стройная фигура; широкіе, разрѣзные рукава и ея маленькая головка съ античнымъ профилемъ дополняли впечатлѣніе чего-то необыкновенно изящнаго и юнаго.

— Мнѣ надо предложить вамъ одинъ вопросъ, рѣшеніе котораго должно повліять на мою будущность,—серьезно глядя на свою собесѣдницу, началъ Эйлхардъ.

— Не собираетесь-ли вы уѣхать?—спросила Магда.

— Да, если вы меня прогоните! Но вотъ въ чемъ дѣло. Вашъ мужъ, этотъ идеалъ человѣка, съумѣлъ въ короткое время опредѣлить то, чего я въ двацать восемь лѣтъ моей жизни никакъ не могъ разгадать, а именно—мое призваніе. Слушайте и удивляйтесь! Онъ вполнѣ убѣжденъ, что я могу быть весьма полезнымъ членомъ торговаго министерства, и что мое знаніе языковъ, мои многочисленныя путешествія, знакомства со столькими людьми въ чужеземныхъ странахъ—прямо предназначаютъ меня заняться международными таможенными сношеніями, которыя должны завязаться въ скоромъ времени. Онъ говоритъ, что мужчина безъ опредѣленнаго дѣла—безполезный членъ общества, а вѣдь нельзя же предположить, что я буду вѣчно только путешествовать. По его словамъ, теперь самое подходящее время; онъ прочитъ меня черезъ нѣсколько лѣтъ въ посланники, рисуетъ какой-то сказочный дворецъ въ не менѣе волшебной странѣ,—словомъ, золотитъ клѣтку и увѣшиваетъ ее цвѣтами. Но все-таки это лишь клѣтка; запереться мнѣ въ нее или нѣтъ, зависитъ отъ вашего рѣшенія. Магда, какъ вы думаете, хватитъ у меня достаточно выдержки и серьезности, чтобы работать вмѣстѣ съ Германомъ? Вѣдь онъ имѣетъ право быть требовательнымъ, но наше родство и давнишняя дружба не должны погибнуть въ дѣловыхъ отношеніяхъ начальника къ подчиненному, а вмѣстѣ съ тѣмъ я сильно сомнѣваюсь, способенъ-ли я ему угодить. Съ другой стороны, мнѣ уже прискучило путешествовать, шататься изъ стороны, въ сторону и я чувствую себя такъ хорошо у васъ въ домѣ. Подумайте только: работать подъ началомъ моего стараго друга Германа, знать, что тутъ по близости есть такой добрый геній, подъ защиту котораго можно укрыться, когда разразятся громы небесные,—нѣтъ, я просто не знаю, на что мнѣ рѣшиться. Посовѣтуйте, что дѣлать, не заставляйте меня напрасно обращаться къ вамъ; а впрочемъ я еще никогда въ жизни не держалъ столь длинной рѣчи.

— Да, это было бы просто идеальное мѣсто для васъ, Эйл-

хардъ,—отвѣтила Магда послѣ нѣкотораго раздумья,—да и Германъ долженъ быть доволенъ такимъ помощникомъ. Вы, можетъ быть, думаете, что я не замѣчаю, какъ даже спеціалисты удивляются вашимъ познаніямъ? Мы женщины всегда особенно чутки къ этому. Что вы можете работать, вы это мнѣ уже достаточно доказали.

— Но меня смущаетъ сухая канцелярская работа: быть рабомъ бумаги, цифръ, представлять собой лишь маленькую точку въ огромномъ чиновничьемъ мірѣ, перестать быть отдѣльною, индивидуальною личностью, не быть свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Да меня скоро потянетъ вновь къ сѣдлу, къ верховой ѣздѣ куда-нибудь далеко, далеко, въ чудныя, звѣздныя, лунныя ночи. Меня просто ужасаетъ однообразіе канцелярской жизни. Какъ съ этимъ помириться? воодушевляясь, воскликнулъ Эйлхардъ.

— А вѣдь эта жизнь удовлетворяетъ же Германа,—задумчиво произнесла Магда.—Еще какъ-то недавно разсуждалъ онъ съ мамой о благотворности служебныхъ обязанностей, о послѣдовательности въ работѣ, о томъ, какъ вообще каждый человѣкъ долженъ трудиться на ряду со всѣми и тогда только можетъ найти вѣрную оцѣнку себѣ и другимъ. И какъ мнѣ тогда хотѣлось тоже посвятить и мою песчинку труда этой великой работѣ человѣчества. Но вѣдь отъ насъ, женщинъ, такъ мало требуютъ серьезнаго.

— Вы къ себѣ несправедливы, Магда! Я, вотъ, напримѣръ, какъ многаго требую отъ васъ сейчасъ: хорошаго и дѣйствительно серьезнаго совѣта. Скажите: что мнѣ дѣлать?

— Возмитесь за эту работу!—проговорила Магда, прямо глядя ему въ глаза.—Вы столько уже дѣлали для своего удовольствія, поживите немного ради другихъ, ради идей. И повѣрьте, если Германъ призываетъ васъ работать вмѣстѣ съ нимъ, жизнь не покажется вамъ слишкомъ узкою и однообразною.

Эйлхардъ съ минуту колебался, потомъ протянулъ Магдѣ руку.

— Вы правы, вѣдь нужно же когда-нибудь послушаться своей совѣсти, а моя уже давно упрекаетъ меня въ сибаритствѣ. Будь что будетъ, съ сегодняшняго дня я стану добросовѣстнымъ и прилежнымъ работникомъ.

— А для меня,—отвѣтила Магда,—вы будете тѣмъ, чѣмъ были это послѣднее время въ музеѣ, т. е. учителемъ и руководителемъ; можетъ быть, вамъ удастся помочь мнѣ разобраться въ дѣятельности Германа, я вѣдь совсѣмъ не умѣю ничего понимать на этомъ поприщѣ, такъ мало знаю вообще.

— Ну, этого я не замѣтилъ,—возразилъ Эйлхардъ,—въ эти два мѣсяца вы такъ подвинулись впередъ по антропологіи, что мнѣ остается только дивиться и жалѣть, что не могу поставить себѣ этото въ заслугу.

— Можетъ быть, такія положительныя науки для меня доступнѣе, чѣмъ всѣ эти политическія пертурбаціи, и потому прошу васъ вооружиться терпѣніемъ, которое очень и очень понадобится вамъ со мной.

Это должно было быть шуткой, но звучало такъ нерѣшительно и уныло, что Эйлхардъ замолчалъ и не зналъ, съ чего начать, чтобы вызвать Магду изъ задумчивости. И онъ рѣшилъ лучше всего удалиться.

„Странный однако субъектъ, мой умнѣйшій и многоопытный братецъ", разсуждалъ онъ про себя спускаясь съ лѣстницы. „Есть у него очаровательная, молодая жена, которая его обожаетъ и ничего больше не желаетъ, какъ научиться у него-же всевозможной премудрости, а онъ предоставляетъ другимъ высокое наслажденіе просвѣщать ее. Онъ, кажется, и не подозрѣваетъ, что упускаетъ ее изъ рукъ.

Наконецъ, настало время отпуска барона Тернберга, въ городѣ дѣлалось все пустыннѣй, даже Эйлхардъ предпринялъ какое-то небольшое путешествіе, пользуясь, какъ онъ говорилъ, послѣдними свободными денечками, и Магда съ нетерпѣніемъ ожидала возможности уѣхать изъ душнаго города. Они должны были сначала провести нѣсколько вполнѣ свободныхъ дней у фрау ванъ-деръ-Фельде въ Фихтенау, а потомъ уже уѣхать въ свое имѣніе. Магда, какъ дитя, радовалась перспективѣ снова увидать свою любимую рѣчку и далекія горы на горизонтѣ; она испытывала какое-то блаженное спокойствіе; ей казалось, что послѣдній годъ ея жизни со всѣми радостями и горемъ отодвинулся куда-то далеко отъ нея.

Снова гуляла она по долинѣ, взбиралась по тропинкѣ къ развалинамъ замка, и когда, какъ бывало прежде, съ висящею на рукѣ широкою соломенною шляпкой, она возвращалась по липовой аллеѣ домой и привѣтливо кланялась встрѣчавшимся по дорогѣ деревенскимъ жителямъ, то имъ казалось, что это все та же прежняя барышня, которую они торжественно возили во время праздника жатвы на высоко-нагруженномъ снопами возу, или же видали въ родѣ добраго генія раздающею рождественскіе подарки ученикамъ школы.

Но скоро барону пришлось по неотложнымъ дѣламъ пере-

браться въ свой собственный замокъ, и онъ по прежнему принялся за привезенную изъ города работу; не успѣла Магда освоиться съ деревенскою жизнію, какъ уже снова увидала мужа за покрытымъ книгами и бумагами письменнымъ столомъ, и онъ строго запретилъ мѣшать ему отъ завтрака до самаго вечера.

Это было большимъ разочарованіемъ для молодой женщины, но она никому его не высказывала и съ благодарностью ухватилась за предложеніе матери ѣздить каждое утро въ Фихтенау. Со времени своего замужества она въ первый разъ бывала теперь съ нею наединѣ.

Фрау ванъ-деръ-Фельде съ самаго начала послѣ свадьбы нѣсколько отдалилась отъ Магды, предоставляя ей освоиться въ домѣ мужа, — вѣдь, такъ еще недавно она получала отъ нея строгіе выговоры за каждое разорванное платье и малѣйшую оплошность въ манерахъ. Недовольный взглядъ гордыхъ темныхъ глазъ матери былъ самымъ страшнымъ воспоминаніемъ ея дѣтскихъ лѣтъ.

За послѣдній годъ фрау ванъ-деръ-Фельде тщательно избѣгала всякаго откровеннаго разговора съ дочерью и теперь даже удивлялась, насколько ей удалось пріучить Магду скрывать свою внутреннюю жизнь въ самыхъ сокровенныхъ нѣдрахъ души.

И вотъ теперь она, сидя однажды утромъ на балконѣ вдвоемъ съ дочерью, обратилась къ ней съ вопросомъ.

— Ну, дитя мое, мы такъ долго съ тобой не видались, и мнѣ хотѣлось бы знать: какъ ты научилась блистать въ своемъ новомъ положеніи?

— Да очень еще плохо, мама,—отвѣтила Магда. Ты бы навѣрно сумѣла это лучше, чѣмъ твоя глупенькая и незамѣтная дочка.

Фрау ванъ-деръ-Фельде подняла голову и пристально взглянула Магдѣ въ глаза, но нѣтъ, тамъ не было ни малѣйшей задней мысли и по прежнему свѣтилось восторженное поклоненіе передъ матерью.

— Можетъ быть, имѣя передъ собой такіе примѣры, какъ ты и Германъ, я еще и научусь современемъ,—продолжала между тѣмъ Магда.—Да и вообще съ годами дѣлаешься вѣдь умнѣе и опытнѣе.

— Ну, Германъ только и дѣлаетъ, что восхваляетъ тебя на всѣ лады,—замѣтила съ улыбкой фрау ванъ-деръ-Фельде.

— Неужели, мама! и въ этомъ возгласѣ сказалась вся прежняя Магда, краснѣвшая отъ всякаго сильнаго впечатлѣнія, но она сейчасъ же осторожно перевела разговоръ на другую тему и

начала разсказывать о вступленіи Эйлхардя въ министерство, о его путешествіяхъ и т. п.

Фрау ванъ-деръ-Фельде могла быть довольна результатами своего воспитанія: Магда, очевидно, уже поосвоилась со своею новою жизнью. Столь напугавшая весной мать излишняя впечатлительность ея поулеглась теперь въ нормальныя рамки, а неизбѣжное вначалѣ легкое опьянѣніе блестящимъ положеніемъ въ свѣтѣ также сдѣлало свое дѣло и понемногу заглушило разныя невыполнимыя дѣтскія фантазіи.

Фрау ванъ-деръ-Фельде втайнѣ была очень благодарна Магдѣ аз эту перемѣну и старалась выказывать ей теперь чисто свѣтскую предупредительность, служившую якобы выраженіемъ ея одобренія дочери. Между ними никогда еще не бывало такихъ сердечныхъ отношеній, какъ теперь, въ то время, когда Магда, часто сидя въ своей прежней дѣвичьей комнатѣ, горько плакала надъ тѣмъ отчужденіемъ, которое, она ясно чувствовала, наступило между нею и матерью.

Въ общемъ она вела теперь совершенно свою прежнюю жизнь и съ нетерпѣньемъ поджидала каждый день вечера, когда Германъ пріѣзжалъ за ней въ Фихтенау, гдѣ на свободѣ больше обращалъ на жену вниманія и, очевидно, хорошо себя чувствовалъ въ обществѣ обѣихъ женщинъ. Разговоръ обыкновенно начинался съ незначительныхъ текущихъ происшествій и постепенно переходилъ къ тому, что интересовало его въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Тутъ только Магда узнавала то, что его занимало и тревожило въ то время. Люди, бывавшіе у нихъ въ городѣ, при такомъ совершенно новомъ освѣщеніи и къ великому ея изумленію, зачастую превращались въ простыхъ маріонетокъ, которыхъ лишь направляли искусною рукой и, по мѣрѣ надобности, вполнѣ безцеремонно отстраняли.

Но Германъ разсуждалъ не только о прошедшемъ, и Магда отлично понимала, что у него постоянно роятся въ головѣ все новые и новые планы и что онъ протянулъ во всѣ стороны нити своей дѣятельности.

Фрау ванъ-деръ-Фельде умѣла хорошо слушать и часто съ полуслова понимала то, что ей хотѣли сказать. Ей бывало вполнѣ достаточно лишь легкаго намека на что-нибудь, и передъ ней развертывалась длинная цѣпь совершенно уже ясныхъ для нея фактовъ, и поэтому можно было видѣть, съ какимъ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдила она даже издалека за политикой. Когда случалось, что Германъ спрашивалъ ея

мнѣнія, она высказывала его рѣшительно и ясно, иногда даже въ нѣсколько рѣзкой формѣ, а присутствующая тутъ же Магда лишь втихомолку желала имѣть когда-нибудь настолько мужества, чтобы быть въ состояніи подобнымъ образомъ отвѣчать мужу. Вѣдь можетъ быть ему и придетъ когда-нибудь въ голову спросить ея мнѣнія, но во всякомъ случаѣ не теперь, хотя онъ все такъ же милъ и нѣженъ, какъ и въ первое время послѣ свадьбы.

Вечеромъ они обыкновенно уѣзжали въ открытой коляскѣ домой.

Начинался уже второй сѣнокосъ, въ воздухѣ стояло удивительное благоуханіе отъ свѣжескошенной травы, звѣзды тихо мерцали на темномъ небосклонѣ, и мирная ночная тишина лишь изрѣдка нарушалась внезапнымъ лаемъ какой-нибудь собаки въ отдаленіи.

Эти вечернія поѣздки вполнѣ вознаграждали Магду за весь скучный, томительный день, и она съ наслажденіемъ все ѣхала бы такъ дальше и дальше съ Германомъ, даже и не зная, куда собственно.

Хорошо знакомыя деревья парка казались какими-то фантастичными призраками, бѣловато-сѣрый туманъ мягко стелился по долинѣ, слегка чернѣлись горы на далекомъ горизонтѣ, въ ущельяхъ точно повисли обрывки бѣлыхъ облаковъ, небольшіе лѣсочки, спускавшіеся съ горъ прямо въ долину, бросали длинныя, причудливыя тѣни, а луна обливала весь пейзажъ мягкимъ серебристымъ свѣтомъ.

Какъ хорошо мечталось въ эти дивныя лунныя ночи послѣ тихихъ ясныхъ дней поздняго лѣта!

Однажды баронъ раньше обыкновеннаго и въ сопровожденіи гостя явился въ Фихтенау. Это былъ уже вернувшійся изъ путешествія Эйлхардъ, пріѣхавшій въ деревню съ намѣреньемъ провести у Тернберговъ остатокъ свободнаго времени.

Оживленно болтая, поднимались оба мужчины по ступенькамъ террасы, на которой сидѣла Магда съ матерью, и только очень тонкое и наблюдательное ухо разобрало бы быть можетъ легкое неудовольствіе въ тонѣ молодой женщины при встрѣчѣ съ родственникомъ мужа.

Неужели Германъ никогда не будетъ всецѣло принадлежать ей одной и она всегда должна дѣлить его съ другими, хотя бы даже и близкими людьми, ужасно все это было непріятно. Какъ она радовалась въ продолженіе почти цѣлаго года возможности побыть одной съ мужемъ, но должно быть и лѣто скоро кончится, а онъ все не найдетъ времени заняться ею.

Германъ, казалось, и не подозрѣвалъ неудовольствія Магды.

— Съ сегодняшняго дня,—объявилъ онъ всѣмъ присутствующимъ—,я вытребываю свою хозяйку домой, нельзя принимать гостя въ холостомъ хозяйствѣ. И ты, Магда, надѣюсь, рѣшишься снова принять на себя бразды правленія. Къ счастію, я тоже покончилъ съ большею частью своей работы и могу дозволить себѣ роскошь имѣть въ домѣ жену и гостя.

Въ этихъ словахъ было много добродушной шутки, иронической нѣжности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточно теплоты въ тонѣ, чтобы привести Магду въ хорошее расположеніе духа. Никогда еще не приходилось фрау ванъ-деръ-Фельде видать Германа въ такомъ выгодномъ свѣтѣ. Уже поздно вечеромъ онъ, весело болтая, торопилъ всѣхъ домой, предоставилъ Эйлхарду править лошадьми, а самъ усѣлся рядомъ съ женой.

Фрау ванъ-деръ-Фельде долго стояла еще на террасѣ и смотрѣла вслѣдъ удалявшемуся экипажу, потомъ повернулась и съ довольною улыбкой вошла въ домъ. Германъ оставался неизмѣнно все такимъ же, ея дочь—самая счастливая женщина въ мірѣ, и ей смѣло можно позавидовать.

Присутствіе Эйлхарда внесло много оживленія въ тихій уютный замокъ Тернберговъ. Магда вскорѣ примирилась съ его пребываньемъ у нихъ въ домѣ. Она видѣла, какъ онъ старался развлекать ее и придумывалъ всевозможныя удовольствія; вообще при болѣе интимной обстановкѣ, чѣмъ въ городѣ, яснѣе выступали симпатичныя стороны его характера. Нельзя было быть болѣе любезнымъ, чѣмъ Эйлхардъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ держалъ себя вполнѣ непринужденно и свободно. Онъ великолѣпно ѣздилъ верхомъ, былъ прекраснымъ и отважнымъ охотникомъ, страстно любилъ природу, къ которой относился съ тонкимъ чутьемъ художественно развитого человѣка, вносилъ столько веселья и оживленія въ нѣсколько однообразную жизнь замка, что даже Германъ скоро позволилъ втянуть себя въ это dolce far niente и болѣе, чѣмъ предполагалъ въ началѣ, проводилъ время въ обществѣ своихъ большихъ дѣтей. Эйлхардъ хотѣлъ основательно познакомиться съ дѣйствительно красивыми окрестностями замка и каждый день проектировалъ какую-нибудь новую прогулку. Такъ какъ у него всегда была на готовѣ опредѣленная цѣль, куда отправиться, и онъ бралъ всѣ приготовленія на себя, то и Германъ охотно соглашался ѣхать куда-нибудь, даже далеко, верхомъ, говоря при этомъ со вздохомъ, что у него отнимаютъ лучшіе рабочіе часы.

Притомъ Эйлхардъ умѣлъ всегда такъ устроить, что желанія Магды и она сама были всегда на первомъ планѣ. Онъ заботился о томъ, чтобы его кузиночка не слишкомъ утомлялась, окружалъ ея постоянными мелкими услугами, и Магда чувствовала себя очень счастливою, вполнѣ наслаждаясь жизнью. Она казалась теперь бывшимъ долго въ тѣни цвѣткомъ, на который вдругъ со всѣхъ сторонъ пролился яркій солнечный свѣтъ. Душа ея всецѣло принадлежала Герману, но какъ будто даже безъ ея вѣдома вся жизнь оживлялась блескомъ сдержанной страсти Эйлхарда, которая таинственно горѣла и сіяла, какъ золотая звѣзда на самой верхушкѣ Рождественской елки. Какъ тамъ постепенно зажигающіяся свѣчи понемногу освѣщаютъ елку и открываютъ все новыя и новыя сокровища подъ густыми богато-увѣшенными вѣтвями, такъ развертывалась жизнь передъ Магдой, и она даже не подозрѣвала, что не Германъ, а кто-то другой заботится объ этомъ украшеніи ея существованія.

Эйлхардъ отлично понималъ, что̀ происходитъ въ ея душѣ, и еще выше ставилъ Магду. Для него она была воплощеніемъ какого-то дивнаго сна, имъ овладѣвало возвышенное ощущеніе счастія, онъ внутренно гордился собой, что такъ хорошо и тактично держитъ себя съ молодою женщиной и ему не приходится краснѣть подъ дружескими взглядами своего двоюроднаго брата.

И онъ внутренно клялся себѣ, что все такъ и останется: образъ ея не долженъ никогда омрачаться ни малѣйшимъ пятномъ. Не сознавалъ только одного молодой человѣкъ, что никому въ мірѣ не дано возможности продлить мгновенія. Одна минута всегда порождаетъ слѣдующую, и неминуемо совершается иногда только черезъ много лѣтъ то, чему было безсознательно положено начало въ давно уже истекшую секунду.

Въ одинъ прекрасный день Эйлхардъ предложилъ отправиться въ довольно отдаленную мѣстность. Фрау ванъ-деръ-Фельде тоже уговорили принять участіе въ предполагаемой прогулкѣ, и вся компанія верхомъ выѣхала по направленію къ одиноко стоявшему въ лѣсу домику лѣсничаго. Тамъ весело пообѣдали, отдохнули подъ тѣнью величественныхъ дубовъ и вообще мирно и пріятно провели цѣлый день.

Фрау ванъ-деръ-Фельде утомила долгая непривычная верховая ѣзда, она объявила, что устала и хочетъ сейчасъ вернуться домой въ слѣдовавшей за ними коляскѣ. Германъ вызвался ее сопровождать.

— Ну, а вы, молодежь, отправляйтесь-ка лучше домой по шоссе,—говорилъ онъ, обращаясь къ Магдѣ и Эйлхарду.—Положимъ, тамъ нѣсколько дальше, но зато не такъ скоро стемнѣетъ, а въ случаѣ дождя совѣтую припустить лошадей. Пожалуйста только, Эйлхардъ, постарайтесь не слишкомъ запаздывать.

Скоро коляска скрылась изъ виду, Магда и Эйлхардъ отослали конюха съ незанятыми лошадьми, еще немного погуляли и стали собираться въ обратный путь. Но тутъ молодая жена лѣсничаго упросила баронессу попробовать ея только что свѣже смолотаго и свареннаго кофе; затѣмъ Эйлхардъ подсадилъ Магду въ сѣдло, и они тихо поѣхали по начинающему уже темнѣть лѣсу.

Весь день стояла чудная погода, и наши путники, надѣясь на таковой же закатъ солнца, мечтали еще до него добраться въ верхнюю долину, куда вела довольно крутая и узкая дорога. Но когда они выѣзжали изъ-за послѣднихъ деревьевъ лѣса, передъ ихъ глазами развернулась печальная картина: все было сѣро и мрачно, дулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ и быстро сгонялъ облака въ тучи. Молча и быстро ѣхали они уже съ четверть часа и скоро нагнали двухъ путниковъ. Высокій, сѣдой, сгорбленный старикъ со сморщеннымъ и больнымъ лицомъ видимо съ большимъ трудомъ толкалъ передъ собой точильный станокъ, поставленный на тѣлежку, въ которую, помогая ему, впряглась такъ же, какъ и онъ, бѣдно одѣтая старуха, въ огромныхъ стоптанныхъ мужскихъ сапогахъ и съ цѣлою связкой разноцвѣтныхъ дождевыхъ зонтовъ за плечами.

Оба казались сильно утомленными и съ такимъ трудомъ передвигали ноги, точно они прошли уже большое разстояніе и таковое же предстоитъ имъ еще впереди. При видѣ всадниковъ старикъ вѣжливо снялъ шапку, а старуха привѣтливо кивнула Магдѣ головой, но оба они не стали просить милостыни и спокойно продолжали идти дальше. Магда, пріостановивъ лошадь, спросила:

— Вамъ еще далеко идти?

Старикъ какъ будто не разслышалъ вопроса, но старуха обстоятельно отвѣтила, откуда и куда они идутъ. Магда вынула изъ кармана кофточки серебряную монету, подала ее женщинѣ, не дожидаясь благодарности, пустила лошадь крупнымъ галопомъ и скоро далеко ускакала отъ благодарившей ее вслѣдъ старухи.

— Бѣдные старые люди! — проговорила Магда послѣ долгаго молчанія.—При видѣ такой нищеты дѣлается совѣстно за свое

благосостояніе. Вѣроятно, въ ихъ жизни никогда не бывало ни одного счастливаго дня.

— Не думайте этого,—отвѣтилъ Эйлхардъ,—и у нихъ навѣрно бывали свѣтлыя минуты, которыя ужь потомъ никогда болѣе не забываются въ жизни.

— А мнѣ напротивъ кажется, что подобныя существованія никогда не озарялись ни единымъ лучемъ солнца.

— Вы упускаете изъ виду одно, что уже давно приходило мнѣ въ голову, а именно, что отношеніе между счастіемъ и несчастіемъ во всѣхъ слояхъ общества остается приблизительно одинаковымъ. Да и въ крупныхъ историческихъ событіяхъ то же самое. Вспомните, что я вамъ читалъ объ ужасахъ тридцатилѣтней войны. Развѣ рядомъ съ нею наши теперешніе способы вести войну не кажутся уже большимъ шагомъ впередъ и не такимъ ужаснымъ бѣдствіемъ? А вмѣстѣ съ тѣмъ общая сумма несчастій въ военное время для большинства людей почти не сократилась. Современная война короче, но зато болѣе жестока, такъ какъ теперь гораздо утонченнѣе и самый способъ ея веденія; пожалуй, она даже и добросовѣстнѣй, времена вѣдь стали другія.

— Но мнѣ кажется,—замѣтила Магда,—что подобные законы не могутъ быть вполнѣ примѣнимы къ жизни отдѣльныхъ личностей. Развѣ не во власти каждаго человѣка и не прямой ли его долгъ сглаживать и уравнивать, гдѣ только возможно, вызванные какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ или возникшія по чьей-нибудь винѣ противорѣчія и контрасты.

— Не думаю,—серьезно отвѣтилъ Эйлхардъ.—Не смотрите на меня такъ строго и не сочтите за чудовище! Мнѣ кажется вотъ что: счастіе есть только совпаденіе внѣшнихъ условій съ внутренними потребностями каждаго человѣка, а этого-то никогда почти и не бываетъ. Мы вѣдь всегда желаемъ того, чего у насъ нѣтъ, пренебрегаемъ тѣмъ, къ чему успѣли привыкнуть, и эти основныя свойства человѣческой натуры вы найдете во всѣхъ слояхъ общества. Буквально всѣ люди любятъ перемѣны и способны пресытиться хотя бы и хорошимъ однообразіемъ. Прибавьте ко всему тому еще смерть, болѣзнь, ощущеніе боли, скуку,—и вы увидите, что у каждаго найдется свой болѣе или менѣе тяжелый крестъ. Что касается меня, то я совершенно одинаково сочувствую несчастію, облеченному въ рабочую блузу или живущему во дворцѣ; вы вообще знаете мою слабость къ героямъ. Конечно, вы были вполнѣ правы, слѣдуя своему доброму чувству,

дать бѣдной женщинѣ серебряный гульденъ, но вы этимъ ничуть не улучшили ея положенія; впрочемъ, вѣдь это общая участь большинства гуманныхъ поползновеній нашего вѣка. Однако, надо прибавить шагу, а то начинаетъ накрапывать дождь, и вы еще, пожалуй, промокнете.

Они пустили быстрѣй лошадей, а дождь съ каждою минутой все усиливался, не было ни малѣйшей надежды на скорое прояснѣніе тучъ, и Эйлхардъ предложилъ лучше заѣхать въ ближайшую деревенскую харчевню, гдѣ и переждать самый сильный ливень.

Вскорѣ они подъѣхали къ скромному деревенскому трактиру, сошли съ лошадей, велѣли поставить ихъ въ конюшню, а сами отправились въ большую, низкую, плохо освѣщенную сильно коптившею лампочкой, комнату. Нѣсколько столовъ, покрытыхъ грубыми пестрыми скатертями, простые жесткіе стулья и скамейки составляли ея единственную меблировку. Предупредительный хозяинъ выскочилъ къ нимъ на крыльцо, предлагая все, что у него найдется лучшаго, чего, повидимому, было немного.

Эйлхардъ больше для проформы приказалъ ему подать вина, снова вышелъ во дворъ и вернулся съ лежавшимъ у него подъ сѣдломъ тщательно свернутымъ и совершенно сухимъ плащомъ.

— Позвольте старому, опытному путешественнику позаботиться о васъ, — просто сказалъ онъ Магдѣ. — Я васъ попрошу снять вашу мокрую кофточку.

Магда тотчасъ же послушалась и съ его помощью сняла верхнюю суконную кофточку.

— Ну вотъ простите,—и онъ рукой быстро ощупалъ ей плечи и руки.—Да вы почти совершенно сухи и васъ смѣло можно укутать въ этотъ плащъ. Вотъ такъ! а теперь выпейте глоточекъ этого кисленькаго питья, именуемаго виномъ, и вооружитесь терпѣньемъ, пока надъ нами не сжалится небо.

Они уже сидѣли довольно долго, и Эйлхардъ отъ скуки бесѣдовалъ съ хозяиномъ, какъ вдругъ снова отворилась дверь, и на порогѣ показался точильщикъ съ женой. Сильно промокшіе и забрызганные грязью, они казались еще несчастнѣй, чѣмъ на дорогѣ. Скромно усѣвшись въ самый отдаленный уголъ комнаты, подальше отъ господъ, старуха велѣла подать стаканъ пива, затѣмъ развязала маленькій узелочекъ, вынула куски черстваго хлѣба, и оба принялись за скромный ужинъ; предварительно размачивая хлѣбъ въ пивѣ, оба ѣли съ видимымъ удовольствіемъ. Магда взяла стоявшую передъ ней съ нетронутымъ бѣлымъ хлѣ-

бомъ корзину, бутылку вина, стаканъ и отнесла все это на столъ къ бѣднякамъ, съ которыми ласково заговорила. Когда она вернулась на свое мѣсто, Эйлхардъ вопросительно посмотрѣлъ на нее:

— Какъ вы думаете, не заказать ли намъ для нихъ хорошаго ужина? Мнѣ кажется, они давно ничего не ѣли горячаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, иначе отъ насъ мало чѣмъ поживится хозяинъ.

— А это не пойдетъ въ разрѣзъ съ вашими убѣжденіями? И Магда съ очаровательною улыбкой кивнула ему.

— У меня нѣтъ никакихъ убѣжденій, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе.

Вскорѣ оба бѣдняка сидѣли передъ дымящеюся миской и съ наслажденіемъ ѣли горячій супъ. Старуха, казалось, еще сохранила остатки полученнаго когда-то воспитанія, она разрѣзала мясо и ѣла вилкой, между тѣмъ, какъ ея мужъ клалъ его кусками на хлѣбъ и старательно запивалъ большими глотками мутнаго пива.

Покончивъ съ ужиномъ и завернувъ остатки въ свой узелочекъ, старуха встала и подошла къ столу, за которымъ все еще сидѣли Эйлхардъ и Магда. Она подала молодой женщинѣ свою мозолистую, рабочую руку и начала благодарить ее со слезами на глазахъ и трогательною улыбкой на своихъ старческихъ губахъ. Дождь между тѣмъ пересталъ, и Магда попросила Эйлхарда позаботиться о лошадяхъ. Уѣзжая, онъ передалъ провожающему ихъ съ поклонами хозяину нѣсколько денегъ въ уплату за ужинъ и ночлегъ обоихъ бѣдняковъ.

Магда благодарно улыбнулась ему, и когда уже передъ домомъ онъ снималъ съ сѣдла свою молодую спутницу, она тихо сказала ему:

— Спасибо, Эйлхардъ, вы такой добрый и хорошій, а вмѣстѣ съ тѣмъ единственный человѣкъ, говорящій со мною не въ шутку о серьезныхъ вещахъ.

Эйлхарду вскорѣ пришлось распроститься со всѣми прелестями деревенской жизни и отправляться раньше барона къ мѣсту служенія въ городъ. Онъ, какъ ребенокъ, жалѣлъ объ этомъ. Положимъ, въ замкѣ Тернберговъ дѣйствительно пріятно проводили время. Какъ уютно и весело бывало утромъ за безконечнымъ завтракомъ, у заставленнаго всевозможными вкусными деревенскими продуктами стола! Нигдѣ, казалось, не бывало такого чуднаго масла, такихъ вкусныхъ яицъ и сочныхъ

фруктовъ, какъ въ Магдиномъ хозяйствѣ; нигдѣ нельзя было такъ наслаждаться, сидя въ покойномъ кожаномъ креслѣ, попивая вкусный кофе и покуривая маленькія, любимыя барономъ папироски.

Послѣ завтрака обыкновенно куда нибудь отправлялись пѣшкомъ, верхомъ или въ экипажѣ. Такъ и предполагалось провести послѣдній день пребыванія Эйлхарда въ замкѣ, но капризная, осенняя погода не пожелала благопріятствовать веселымъ планамъ его обитателей, и утренній туманъ, вмѣсто того, чтобы разсѣяться, мало по малу перешелъ въ мелкій дождикъ, не подававшій ни малѣйшей надежды перестать хотя бы позднѣе.

Еще давно разсказывалъ Эйлхардъ Магдѣ про чудныя мелодіи итальянскихъ пѣсенъ, но до сихъ поръ не могъ собраться пропѣть ей нѣкоторыя изъ нихъ. Теперь же, пользуясь дурною погодой, предложилъ отправиться въ библіотеку замка и занятьтя музыкой.

Въ большой уютной комнатѣ, заставленной по стѣнамъ шкапами, ярко пылали дрова въ каминѣ. Эйлхардъ раскрылъ рояль и усѣлся передъ нимъ, а Магда пристроилась съ работой въ рукахъ на креслѣ, около камина. Но скоро вязанье вывалилось у нея изъ рукъ, и она вся обратилась въ слухъ.

Въ итальянскихъ народныхъ пѣсняхъ звучитъ какая-то особенная, могучая, полная страсти мелодія, проникающая въ самыя сокровенныя нѣдра души.

У Эйлхарда былъ хорошо обработанный баритонъ и много музыкальнаго вкуса. Переходя отъ одной пѣсни къ другой, онъ то напѣвалъ веселый, точно плясовой мотивъ, то снова лилась заунывная меланхоличная, за душу хватающая мелодія. Онъ пѣлъ все съ большимъ одушевленіемъ, исключительно для Магды, и въ страстныхъ звукахъ пѣсни выливались такъ долго и строго сдерживаемыя чувства. Онъ, казалось, забылъ все—и ту нравственную преграду, отдѣлявшую его отъ райскаго блаженства Магда встала, подошла къ окну и старалась сбросить съ себя какое-то непонятное оцѣпенѣніе, навѣянное на нее музыкой. Прозвучалъ еще одинъ аккордъ, и все стихло.

Дрова въ каминѣ слегка трещали, въ окно назойливо стучалъ мелкій, осенній дождикъ, и въ библіотекѣ наступило продолжительное молчаніе.

— Отъ чего вы не поете?—спросила вдругъ Магда, не повертывая однако головы въ его сторону.—Спойте еще, да что

нибудь веселое, а то грустное слишкомъ ужъ подходитъ къ этой тоску наводящей погодѣ.

— Спѣть вамъ веселое, Магда? Хорошо, но только сядьте такъ, чтобы я могъ видѣть передъ собою свою публику,—попросилъ Эйлхардъ.

Она еще колебалась, а онъ снова тихо началъ наигрывать, и въ звукахъ слышалась такая настойчивая мольба, что Магда, притягиваемая невидимыми руками, подошла къ роялю и стала напротивъ его.

Эйлхардъ вскинулъ на нее глаза и нѣсколько секундъ глядѣлъ полнымъ любви взглядомъ, потомъ, какъ бы подавляя внутреннее волненіе, запѣлъ романсъ Шумана „Гидальго". Онъ точно самъ отправлялся съ мечемъ и гитарой въ поиски за приключеніями, пѣлъ у балкона и проливалъ кровь за брошенную ему оттуда розу, изъ-за которой готовъ былъ отдать жизнь. Какъ гимнъ юношеской любви и беззавѣтной преданности, звучала его пѣснь, и только когда кончилъ, онъ вполнѣ овладѣлъ собой.

— Сегодня вечеромъ я покидаю замокъ и повергаю свою благодарность къ стопамъ его прекрасной владѣлицы,—началъ Эйлхардъ совершенно инымъ тономъ.—Вы осчастливили ничтожнаго родственника вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ, а теперь вашъ отъѣзжающій рыцарь проситъ еще одной милости.

И онъ почтительно поднесъ къ губамъ ея руку. Испанскій Гидальго не могъ сдѣлать это граціознѣе и съ бо́льшимъ благоговѣніемъ.

Магда молчала, не будучи въ состояніи впасть въ его шутливый тонъ. Еще какихъ нибудь полчаса тому назадъ она бы навѣрно сказала ему нѣсколько сердечныхъ словъ на прощаніе, но тутъ у нея точно что-то стягивало горло. Что это онъ пѣлъ? Что собственно произошло между ними? Вѣдь ничего не было сказано, а вмѣстѣ съ тѣмъ, она чувствовала, сразу все измѣнилось. Она не могла говорить съ нимъ по прежнему и, пробормотавъ какія-то незначительныя слова, убѣжала изъ библіотеки и заперлась у себя въ комнатѣ, точно за ней гнались невидимые враги.

День шелъ не вполнѣ обычнымъ порядкомъ, Эйлхардъ собирался уѣзжать, и нѣкоторыя приготовленія къ его отъѣзду нарушали общій строй. У Магды точно камень съ плечъ свалился, когда наконецъ подали экипажъ, и Германъ отправился провожать гостя на станцію.

Въ ея юную жизнь вторглось нѣчто такое, послѣ чего она не могла опомниться. Она осыпала себя упреками, хотя не находила въ чемъ собственно она виновата. И зачѣмъ только просила она его спѣть послѣднюю пѣсню? Надо было промолчать и не показывать Эйлхарду, что она впечатлительна, какъ молоденькая, неопытная дѣвочка. Она, конечно, была виновата въ томъ, что позволила ему отчасти заглянуть къ себѣ въ душу. Надо, всегда и во всемъ умѣть владѣть собой, вотъ какъ, напримѣръ, ея мать. Не посовѣтоваться ли съ нею? Нѣтъ, нѣтъ! Только не это! Вѣдь такимъ образомъ можно набросить тѣнь на Эйлхарда, а онъ былъ всегда такъ милъ и добръ съ Магдой.

Въ такихъ думахъ провела Магда послѣобѣденное время. Дождь пересталъ, на горизонтѣ стали появляться свѣтлыя полосы между нависшими темными тучами. Магда рѣшила предпринять дальнюю прогулку, не думая о томъ, что уже поздно и не совсѣмъ удобно идти по дорогѣ послѣ упорно лившаго весь день дождя. Она позвала собаку и отправилась гулять. Безцѣльно бродила Магда по мокрымъ лугамъ, и все время неотвязчивыя думы о происшедшей въ библіотекѣ сценѣ вертѣлись у нея въ головѣ. Она вспоминала каждое слово, и самый тщательный анализъ приводилъ все къ тому же заключенію, что ей не въ чѣмъ себя упрекнуть. Но на нее напалъ какой-то смутный страхъ, будущее казалось ужаснымъ, и во всемъ этомъ хаосѣ неясныхъ мыслей свѣтилась лишь одна свѣтлая точка: это былъ Германъ, ея мужъ, съ которымъ она и подѣлится своими заботами. Вѣдь кому же и судить о ея дѣйствіяхъ? И если онъ найдетъ, что Магда невиновата, то она постарается забыть нѣсколько странную манеру Эйлхарда и свои собственныя впечатлѣнія, которыя припишетъ лишь возбужденному состоянію нервъ, и тогда все будетъ хорошо.

Тутъ ей пришло въ голову дойти лугами до шоссе, по которому баронъ долженъ былъ возвращаться со станціи. Такимъ образомъ она вернется не по грязи домой, а можетъ быть дорогой удастся посовѣтоваться съ Германомъ.

И Магда все шла впередъ, сокращая путь и идя по размягченной дождемъ нѣсколько болотистой почвѣ. Скоро ноги ея окончательно промокли и подолъ платья сильно увеличился въ вѣсѣ, но такимъ образомъ она приблизилась къ цѣли и скоро увидѣла вдали на шоссе экипажъ, отъ котораго ее отдѣляла только наполненная водой канава. Это препятствіе не оста-

новило Магду; смѣлымъ прыжкомъ перескочила она черезъ ровъ и, тяжело дыша, стала поджидать экипажъ.

Кучеръ, несмотря на наступившую темноту, узналъ барыню и остановилъ лошадей. Удивленный и разсерженный появленіемъ жены, баронъ выскочилъ изъ экипажа.

— Что за глупости, Магда, можно ли гулять въ такую погоду, да еще въ темнотѣ! Садись скорѣй.

Магда ужъ не смѣла сознаться, насколько она вымокла, и устало прислонилась въ уголъ кареты. Тернбергъ заботливо усаживалъ ее, прикрывалъ ноги пледомъ, отчасти растроганный этою встрѣчей.

— Очень мило съ твоей стороны встрѣтить меня,—говорилъ онъ,—но въ высшей степени неосторожно, и потому прошу тебя впредь не такъ смѣло отправляться на вечернія прогулки.

Эти привѣтливыя слова благотворно подѣйствовали на Магду, и она твердо рѣшилась повѣдать мужу, что̀ ее тревожило все утро, хотя и трудно было найти подходящія слова. Ей даже показалось, что онъ знаетъ ея мысли, потому что онъ обнялъ ее и притянулъ къ себѣ.

— Маленькая моя Магда,—говорилъ Германъ.—Что ты теперь станешь дѣлать вдвоемъ со мной, навѣрно соскучишься?

— Но Германъ!—вскрикнула она и вся вспыхнула,—не говори пожалуйста такъ, ты вѣдь знаешь — нѣтъ, ты не знаешь, мнѣ бы хотѣлось тебѣ сказать, но ты только...

— Что съ тобой, дитя? промолвилъ онъ довольно небрежнымъ тономъ. Что ты хочешь сказать?

Магда тщетно искала слова, но какъ передать невыразимое? Какъ будто ничего и нѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ многое ее тревожитъ. Наконецъ, она еле пробормотала:

— Эйлхардъ сегодня пѣлъ и... и..

Она замолчала, и Германъ вопросительно взглянулъ на нее.

— Ахъ, вотъ оно что,—какъ-то протянулъ онъ. — Эйлхардъ пѣлъ и напѣлъ тебѣ что-нибудь такое, что ты считаешь своимъ долгомъ сообщить мнѣ, твоему господину и повелителю. Оставь только пожалуйста, слишкомъ это часто бываетъ, и молодыя женщины не должны обращать на это особеннаго вниманія. Вѣдь всякій такой молокососъ считаетъ своимъ долгомъ непремѣнно поухаживать за всякою молодою женщиной, съ которою ему случится пробыть нѣкоторое время въ одномъ домѣ, но нельзя же всего принимать къ сердцу. Помни, Магда, что ты моя жена и не должна обращать вниманія на подобныя глупости.

Ты плачешь? Успокойся, дитя, я знаю, что ты невиновата, что Эйлхардъ умѣетъ держать себя прилично, и потому не печалься и не порть моего хорошого настроенія пустяками.

Онъ поцѣловалъ ее и самъ думалъ: „это просто такое же неизбѣжное событіе, какъ всякая дѣтская болѣзнь, и скоро пройдетъ, не надо только придавать особаго значенія, и это будетъ лишнимъ шагомъ въ развитіи Магды, которое однако идетъ ужь слишкомъ медленными шагами впередъ“.

И тутъ, продолжая утѣшать плачущую жену, онъ мысленно перенесся къ фрау ванъ-деръ-Фельде и рѣшилъ непремѣнно посовѣтоваться съ нею на счетъ случившагося.

Вѣдь теперь при своемъ новомъ положеніи Эйлхарду придется бывать каждый день у нихъ въ домѣ; собственно говоря, это и есть лучшее средство въ подобномъ случаѣ. Эйлхардъ будетъ очень занятъ новымъ дѣломъ, оно отвлечетъ его въ другую сторону, Магда только еще слишкомъ мягка и ребячлива, вѣдь онъ Германъ насквозь видитъ ея душу.

И вдругъ ему стало даже жалко жену и обидно получать больше, чѣмъ онъ самъ былъ въ состояніи ей дать. Давно, еще въ молодости приходило ему въ голову, насколько можетъ его будущая жена наполнить ему жизнь. Тогда приходилось бороться противъ такихъ мыслей, а теперь они уже не производили на него никакого впечатлѣнія.

И баронъ совершенно спокойно началъ обсуждать съ Магдой ихъ предстоящій переѣздъ въ городъ; спрашивалъ ее, какія она желаетъ произвести передѣлки въ домѣ, и постепенно ему удалось успокоить и направить жену въ привычную колею.

Когда экипажъ остановился у подъѣзда замка, откуда привѣтливо глядѣли ярко освѣщенныя окна, онъ подалъ ей руку и рыцарски галантно ввелъ по ступенямъ лѣстницы. Магда успокоилась, улыбалась, и остальной вечеръ прошелъ пріятно и весело.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ф. Эвартъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ АЛЬФОНСѢ ДОДЭ.

ЛЕОНА ДОДЭ.

(Переводъ съ французскаго А. Ч.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Свѣжа еще его могила, а я уже берусь за перо. Съ сердцемъ, переполненнымъ горестью, я мужественно принимаюсь за работу. Тотъ, о комъ я собираюсь говорить, былъ не только примѣрнымъ мужемъ, отцемъ, но и моимъ воспитателемъ, совѣтчикомъ, близкимъ другомъ. Я не писалъ ни одной строчки, предварительно не прочитавъ ее ему, у меня не было ни одной мысли, которою я не подѣлился бы съ нимъ, не было ни одного сильнаго чувства, которое я утаилъ бы отъ него при самомъ его зарожденіи.

Жизнь, данную имъ мнѣ, цѣну и смыслъ которой онъ мнѣ ежедневно объяснялъ, жизнь, которою онъ такъ обдуманно руководилъ и которую облагораживалъ своимъ примѣромъ, была всецѣло раскрыта передъ нимъ, чтобы онъ могъ судить и направлять ее.

Теперь, когда его уже нѣтъ, въ эту вдвойнѣ мрачную ночь я устремляюсь къ его свѣту—звукъ его голоса и нѣжное пламя его взглядовъ руководятъ моею задачей.

Мое сердце нуждается въ изліяніи, я постараюсь раскрыть его. Столько прекрасныхъ, благородныхъ вещей, про которыя онъ мнѣ разсказывалъ, трепещутъ во мнѣ, ища исхода, я ихъ попытаюсь развернуть передъ его многочисленными поклонниками. Имъ нечего бояться. Ихъ нѣжный утѣшитель былъ незапятнанъ. Когда я оглядываюсь назадъ на тотъ горькій, хотя и короткій путь моего существованія, передъ моимъ взоромъ возстаетъ онъ, спокойный, улыбающійся, несмотря на его страданія, и переполненный такою снисходительностью, которая въ важныя минуты жизни заставляла меня дрожать отъ восторга и бросаться къ его ногамъ. И люблю я его не только за то, чѣмъ онъ былъ для меня, для моего брата, для моей сестры, моей

матери, но главнымъ образомъ за его въ высшей степени гуманное отношеніе, которое въ немъ проявлялось во всемъ своемъ ясномъ блескѣ, за его всестороннее жалостливое отношеніе ко всему и ко всѣмъ, такое сочувствіе, подобнаго которому здѣсь, на этомъ свѣтѣ, трудно найти.

Я пишу для васъ, молодые люди, для васъ, старики и женщины, и въ особенности для васъ, обездоленные, всѣми отверженные, скитальцы, несчастные, непонятые. Отличительною чертой этого писателя было предпочтеніе, которое онъ отдавалъ бѣднымъ міра сего. Онъ увѣнчалъ себя ихъ блѣдными цвѣтами. Тайно облегчая ихъ бѣдствіе словомъ и дѣломъ, онъ изобрѣлъ для ихъ тяжелаго существованія новую форму сочувствія. Мой отецъ раздражался только тогда, когда видѣлъ, что дѣйствовали несправедливо. И онъ отступалъ отъ справедливости только въ силу жалости. Его ученіе брало свое начало отъ страданія, которое онъ героически переносилъ изъ любви къ своимъ и уваженія къ человѣческому существованію.

Никогда ничего не портить, не уничтожать—было его всегдашнимъ девизомъ. Его могила меня вдохновляетъ. Я не хочу одинъ пользоваться его опытностью, руководиться его примѣромъ. Теперь, когда послѣ его кончины ничего не осталось, кромѣ его блестящихъ произведеній, мнѣ кажется, что, раскрывая эти таинственные покровы, я слѣдую его примѣру. Впрочемъ, его творчество всецѣло исходило отъ него, какъ его дыханіе, его движеніе. И, чтобы доставить вамъ возможность лучше узнать его и еще больше полюбить, вамъ всѣмъ сильнымъ и слабымъ міра сего, описаніемъ бѣдствій которыхъ онъ такъ очаровывалъ, я отчасти отрекаюсь отъ исключительнаго обладанія тѣми преимуществами, которыя выпали на мою долю какъ на сына такого отца, и хочу подѣлиться съ вами.

I.

Хотя отецъ мой былъ боленъ долгіе годы, но онъ такъ мужественно переносилъ свои страданія, съ такою спокойною рѣшимостью подчинился своей уединенной жизни, что мы всѣ, мой братъ, моя мать и я, кончили тѣмъ, что немножко отрѣшились отъ того безпокойства, которое испытывали въ то время, когда начались его страданія.

Вотъ онъ идетъ подъ руку съ однимъ изъ насъ, опираясь на свою палку съ серебрянымъ набалдашникомъ, по поводу которой онъ разсказывалъ нашей сестрѣ столько чудесныхъ исторій; вотъ онъ идетъ съ высоко поднятою головой, со взглядомъ полнымъ оживленія, и, протянувъ руку, привѣтствуетъ навѣщавшихъ его друзей. Онъ былъ отрадой, жизнью всего дома. Все семейство,

которое онъ такъ любилъ, сгруппировалось вокругъ него, и онъ освѣщалъ ихъ жизнь самымъ нѣжнымъ взглядомъ и защищалъ ихъ своею великою нравственною силой, всегда неприкосновенною и все возрастающею. Онъ распространялъ вокругъ себя атмосферу доброты, довѣрія, не подчиниться которой не могли даже самые холодные и сдержанные люди.

Я взываю къ свидѣтельству безчисленныхъ друзей, къ товарищамъ по общему дѣлу, къ незнакомцамъ, которые приходили съ визитомъ къ нему, какъ къ писателю. Они всегда находили его готовымъ дать совѣтъ, сказать доброе слово, которое порождало довѣріе, успокаивало, исцѣляло.

Никому лучше его не былъ извѣстенъ путь къ завоеванію человѣческихъ сердецъ. Начало для него было очень тяжело, и только благодаря исключительной чуткости своей натуры онъ понималъ и могъ объять всѣ движенія человѣческой души. Когда онъ глядѣлъ въ лицо человѣка, онъ умѣлъ разгадать его и судить съ поражающею точностью. Онъ удерживался отъ словъ и дѣйствовалъ только своимъ ласковымъ проницательнымъ взглядомъ. „Его взглядъ согрѣвалъ“,—это были слова, которыя мнѣ въ эти дни траура приходилось слышать отъ многихъ, и вѣрность этихъ словъ просто поражала меня. А также и мнѣніе, что онъ былъ бальзамомъ душъ необщительныхъ отъ охватившаго ихъ негодованія и презрѣнія, что онъ былъ утѣшеніемъ огорченныхъ, покинутыхъ, возмущенныхъ, искренно подтверждалось даже самыми суровыми людьми. Да, моему возлюбленному отцу приходилось слышать много самыхъ откровенныхъ признаній.

И это потому, что въ немъ угадывали искреннее, теплое сочувствіе. Своимъ религіознымъ убѣжденіямъ онъ былъ обязанъ рѣдкою способностью все прощать и вполнѣ жертвовать собою. Онъ вѣрилъ, что всякая вина искупается, вѣрилъ, что если есть искреннее раскаяніе, то нѣтъ ничего непоправимаго. Столько несчастныхъ всегда остаются узниками совершеннаго ими зла! У моего отца былъ великій аргументъ: онъ самъ въ полной силѣ былъ сраженъ ударомъ, и сила воли поддерживала его. Онъ самъ служилъ примѣромъ, и его сила была такова, что немногіе могли устоять противъ нея. И сколько искренности было въ его краснорѣчіи! Его слова и интонація остаются неприкосновенными въ моей памяти. Звукъ его голоса былъ совсѣмъ другой, когда онъ разсказывалъ какую-нибудь исторію въ выраженіяхъ изысканныхъ, изящныхъ, точныхъ, чѣмъ когда дѣло

касалось какого-нибудь страданія. Въ послѣднемъ случаѣ онъ употреблялъ выраженія сначала неопредѣленныя; это скорѣе былъ неясный шопотъ, чѣмъ слова, и шопотъ этотъ сопровождался сдержанными жестами, которыми онъ старался деликатнымъ образомъ убѣдить своего собесѣдника. Мало-по-малу съ удивительною осторожностью и нѣжностью онъ подчеркивалъ свои слова и опутывалъ своего собесѣдника цѣлою сѣтью видимыхъ и невидимыхъ нитей, отъ которой сердце тотчасъ же начинало биться сильнѣе. Это была его военная хитрость. Но чего я не могу объяснить, такъ это самопроизвольности этой непреодолимой граціи его пріемовъ, частью умышленныхъ, частью инстинктивныхъ, результатомъ которыхъ было облегченіе чьего нибудь страданія. Онъ много возлагалъ надеждъ на молчаніе. Въ этомъ молчаніи трепетали его послѣднія слова, которыя отъ этого еще выигрывали и казались еще убѣдительнѣе. Я какъ будто сейчасъ вижу, какъ нѣкоторые стоятъ передъ его столомъ съ влажными глазами, съ дрожащими отъ волненія руками; другіе сидятъ, обратившись къ нему съ выраженіемъ благодарности—они поражены его мудростью; нѣкоторые стоятъ робкіе, смущенные, что-то неясно бормочатъ; послѣднихъ онъ старается ободрить улыбкой, или, выжидая, какое дѣйствіе произведетъ его бесѣда, дѣлаетъ видъ, что ищетъ перо, бумагу, трубку, монокль на своемъ загроможденномъ столѣ.

Хранитель столькихъ тайнъ, мой отецъ оставлялъ ихъ про себя. Онъ ихъ унесъ съ собой въ могилу. Я неоднократно о многомъ догадывался, но когда я ему задавалъ вопросы, онъ съ нѣжностью уклонялся и посмѣивался надъ моимъ любопытствомъ.

* * *

Издавна, со временъ моего ранняго, отдаленнаго дѣтства я помню доброту моего отца. Она проявляется въ ласкахъ. Онъ прижимаетъ меня къ своей груди; онъ мнѣ разсказываетъ много прекрасныхъ исторій! Мы гуляемъ по улицамъ Парижа, и для меня все принимаетъ видъ праздника. Я чувствую теплоту солнца и другую теплоту, еще болѣе нѣжную, близкую мнѣ; она мнѣ передается сильною, дорогою рукой. Я чувствую въ моей дѣтской груди нѣчто вещественное, отъ чего мое дыханіе дѣлается учащеннѣе и что у меня уже называется счастіемъ. Я иду впередъ и повторяю себѣ: я сегодня очень счастливъ. Мой отецъ разговариваетъ со мной. Для меня у него нѣтъ лица, очертаній, названія, его слава меня не касается.

Онъ попросту—мой отецъ. Я часто зову его: „папа, папа"! ради одного удовольствія произносить это слово, съ которымъ связаны воспоминанія самыхъ чистыхъ и благородныхъ порывовъ. Я его обо всемъ разспрашиваю, что дѣлается кругомъ, единственно только для того, чтобы слышать звукъ его голоса, который мнѣ кажется самою прекрасною музыкой. Мы идемъ по площадямъ, переполненнымъ народомъ, мы входимъ въ большіе дома. Веселы тѣ, которые насъ принимаютъ,—это папа заставляетъ ихъ смѣяться. Я прекрасно понимаю, что въ немъ есть что-то, чего нѣтъ въ другихъ. Къ нему всѣ обращаются, съ нимъ всѣ говорятъ.

Вотъ мы всѣ собрались въ его рабочемъ кабинетѣ: онъ, моя мать и я. Въ то время мы жили на улицѣ Pavée au Marais, 24, старый отель Ламуаньонъ. Солнечные лучи скользятъ по золотистому рисунку ковра; я его тру рукой, чтобы придать ему еще болѣе блестящій видъ. Моя мать сидитъ и пишетъ. Мой отецъ, стоя, тоже пишетъ на дощечкѣ, прибитой къ стѣнѣ. По временамъ онъ принимаетъ участіе въ разговорѣ, поворачивается, спрашиваетъ мою мать. Иной разъ онъ оставляетъ свое мѣсто, большими шагами прохаживается взадъ и впередъ, вполголоса повторяетъ фразы, которыя, какъ я знаю, составляютъ его трудъ.

Эти бесѣды моего отца съ самимъ собой, когда онъ „погружается въ свой трудъ", составляютъ часть моей дѣтской атмосферы и неоднократно погружаютъ и меня въ задумчивость: я предаюсь мечтамъ. Но когда онъ проходитъ мимо меня, самый усиленный трудъ не мѣшаетъ ему схватить меня въ объятія, расцѣловать и поставить меня на кресло или на столъ; это небезопасно, хотя и восхитительно, но я вполнѣ довѣряюсь ему.

Никто изъ моихъ товарищей лучше его не умѣетъ играть со мной. У насъ въ углу есть цѣлая куча бумажныхъ шариковъ, изображающихъ снѣжные хлопья, которыми мы, играя въ войну, окидываемъ другъ друга. Въ углу гостиной находится хижина, сдѣланная изъ двухъ креселъ, поставленныхъ другъ на друга; крыша хижины это его неизмѣнный пледъ; мы тамъ въ безопасности отъ дикихъ, тамъ всего въ изобиліи: много деревьевъ, много всякихъ плодовъ.

Я — маленькій Робинзонъ и вполнѣ отдаюсь моей роли: я живу въ уединенной странѣ, освѣщенной яркимъ пламенемъ пожара—пожаръ, въ моемъ дѣтскомъ воображеніи—это пылающій каминъ, передъ которымъ мы всѣ собрались въ зимній вечеръ.

Позднѣе, много позднѣе, полтора года тому назадъ, когда

случилось печальное происшествіе, когда я заболѣлъ тифозною горячкой, когда мой отецъ всѣ ночи напролетъ просиживалъ у моего изголовья, въ моей бѣдной неясной головѣ воскресали эти отдаленныя воспоминанія. Въ моей памяти медленно возникали эти смутные образы ранняго дѣтства. Я мысленно проходилъ эти годы, съ необъяснимою нѣжностью созерцалъ лицо моего возлюбленнаго отца, обращенное ко мнѣ при свѣтѣ лампы. Оно мнѣ не казалось измѣнившимся.

Часто я вспоминалъ наши прогулки въ полѣ, составляющемъ долину Шампрозе. Милыя воспоминанія! Мнѣ тогда было только 4 года. Мой отецъ велъ меня за руку. Я воображалъ, что я самъ веду его и постоянно повторялъ ему: „берегитесь, папа, не наступите на камешки". Потомъ, о, судьба! онъ дѣйствительно нуждался въ моей опорѣ. Мы прогуливались по тѣмъ же самымъ дорожкамъ, теперь уже казавшимся печальными, по лугамъ, долинамъ, осеннею порой, которую онъ прославилъ въ нѣсколькихъ искреннихъ, короткихъ фразахъ; идя по переулкамъ, поросшимъ травой, мы вспоминали эти скоропроходящіе часы. Прошедшее было такъ связано съ настоящимъ. Мысль о прошедшемъ омрачала настоящую минуту—вѣдь мы составляли такіе чудные планы: путешествіе вдвоемъ, прогулки пѣшкомъ и всѣ волненія и впечатлѣнія, которыя испыталъ бы мой другъ во время этихъ прогулокъ. Въ виду его болѣзни мечты эти были неосуществимы.

— Знаешь ли, Леонъ, чѣмъ мнѣ представляются эти прогулки? Онѣ мнѣ кажутся исходомъ моихъ страданій. Бѣжать, скрыться безповоротно! Какъ прекрасны эти длинныя дороги нашей милой Франціи, какъ пріятно мнѣ было бы пройти ихъ вмѣстѣ съ тобой и твоимъ братомъ! И, тяжело вздохнувъ, онъ поднялъ свои черные глаза, а я чувствовалъ, что любовь моя къ нему въ силу жалости еще возросла.

* * *

Когда я вышелъ изъ ранняго дѣтства, я почти не разставался съ отцемъ. Онъ постоянно передо мной, гордый, мужественный, осѣненный все нараждающеюся славой. Я знаю, что онъ пишетъ превосходныя книжки; друзья поздравляютъ его, эти его великіе друзья, которыхъ я называю гигантами; они приходятъ къ намъ обѣдать—это господинъ Флоберъ, господинъ де-Гонкуръ. Я очень люблю господина Флобера. Онъ цѣлуетъ меня, сопровождая этотъ поцѣлуй громкимъ смѣхомъ. Онъ говоритъ очень сильно и очень громко, ударяя по столу кулаками. Когда они уйдутъ, о нихъ говорятъ съ восторгомъ.

Затѣмъ идетъ мое образованіе. Мой отецъ и моя мать очень имъ занимаются. Утро восхитительно, пчелы жужжатъ, кругомъ все благоухаетъ; мой товарищъ беретъ Виргилія, свой пледъ, свою коротенькую трубку. Горизонтъ божественно ясенъ, въ немъ дрожатъ золотистыя и розовыя тѣни и возвышаются тонкіе черные кипарисы. Мой отецъ объясняетъ мнѣ „Георгики". Вотъ когда передо мной явилась поэзія! И красота стиховъ, и ритмъ пѣвучаго голоса, и гармонія восхитительнаго пейзажа—все сразу проникаетъ въ мою душу. Я предаюсь нескончаемому блаженству и... заливаюсь слезами умиленія. Мой товарищъ понялъ, что происходитъ во мнѣ—онъ крѣпко сжимаетъ меня въ своихъ объятіяхъ и самъ принимаетъ участіе въ моемъ восторгѣ. Я опьяненъ красотой.

Далѣе дѣло происходитъ вечеромъ. Послѣ нѣсколькихъ классовъ философіи я возвращаюсь изъ лицея. Нашъ учитель Бюрдо съ неподражаемой силой только-что намъ анализировалъ Шопенгауэра. Эти мрачные идеи провели глубокую борозду въ моей душѣ. Я положительно вкусилъ плодъ смерти и скорби. Мой отецъ понялъ мой ужасъ. Я почти ничего ему не сказалъ, но въ моемъ взглядѣ онъ прочелъ что-то слишкомъ тяжелое для такого юноши, какъ я. И какъ тогда онъ крѣпко прижалъ меня къ себѣ и, преисполненный мрачнымъ предчувствіемъ, сталъ прославлять жизнь въ незабвенныхъ выраженіяхъ! Онъ мнѣ говорилъ о трудѣ, который облагораживаетъ, объ истинной добротѣ, о милосердіи, въ которомъ можно найти исходъ, о высшей любви, которую я знаю лишь по имени, но которая впослѣдствіи мнѣ сдѣлается понятною и наполнитъ мое сердце блаженствомъ. Какъ сильны и убѣдительны его слова! Онъ раскрываетъ передо мной восхитительную картину этой жизни, въ которую я намѣреваюсь вступить. Передъ силой его краснорѣчія мало-по-малу разрушаются аргументы философа; онъ побѣдоносно отражаетъ эту первую и рѣшительную атаку метафизики. Не смѣйтесь вы, которые читаете это. Теперь я понялъ всю важность этой семейной драмы. Съ этого вечера мнѣ опротивѣла метафизика, и я знаю, что оттуда острый ядъ проникъ въ мои жилы и жилы моихъ современниковъ.

Эта философія опасна не въ силу пессимизма, но потому что она замаскировываетъ жизнь. Я горько каюсь, что не записалъ словъ моего отца. Они для многихъ были бы отрадой.

* * *

Мнѣ придется коснуться только послѣднихъ лѣтъ, останавливаясь лишь на выдающихся минутахъ нашихъ взаимныхъ отношеній. Если я говорю о себѣ, то лишь потому, что это въ прямой связи съ нимъ: я былъ предметомъ его опытовъ, которые, увы! иной разъ не достигали желаемыхъ результатовъ.

Мой отецъ предпочиталъ для меня литературную карьеру въ связи съ педагогическою дѣятельностью. Воспитывать въ молодыхъ умахъ идеи, слѣдить за ними шагъ за шагомъ, воспитывать ихъ нравственность, развивать въ нихъ выдающіяся способности—ему казалось самою прекрасною задачей. Онъ преклонялся передъ всѣми, которые, какъ онъ говорилъ, взялись за это „попеченіе о душахъ“, и онъ оказывалъ моимъ учителямъ гг. де-Лупле-Гранъ, Будоръ, Шабріе, Жакобъ и др. симпатію и уваженіе, которое, по всей вѣроятности, многіе помнятъ. Какъ и почему судьба меня толкнула сначала къ медицинѣ? Причиной этого была, вѣроятно, его болѣзнь, визиты къ знаменитымъ докторамъ,—въ молодости такъ естественно подражаніе! Но когда эта карьера мнѣ разонравилась, когда мнѣ опротивѣли изслѣдованія труповъ, экзамены, соревнованіе, онъ съ сочувствіемъ отнесся къ происшедшему во мнѣ перевороту. Мои первые опыты, которые я ему прочелъ на водахъ де-Лямолю, были одобрены имъ, и съ этого времени я ежедневно пользовался его совѣтами и его опытностью.

Въ его интересномъ экземплярѣ Монтеня, съ которымъ онъ никогда не разставался даже на водахъ, гдѣ отмѣчены на зеленыхъ и желтыхъ страницахъ многія водолѣчебныя станціи, въ этой книгѣ, откуда онъ извлекалъ всякое разъясненіе и черпалъ отраду, я вижу съ особенньмъ стараніемъ отмѣченную знаменитую главу: „о сходствѣ дѣтей съ отцами“. Онъ чувствовалъ, по всей вѣроятности, уже много лѣтъ пробужденіе во мнѣ, почти безъ моего вѣдома, этого страннаго литературнаго демона, проявиться которому никакъ не удавалось. Когда я ему разсказалъ объ охватившемъ меня стремленіи, онъ сказалъ мнѣ прекрасную рѣчь, которую я отлично запомнилъ. Дѣло было въ одной изъ дешевыхъ гостиницъ. Моя мать была вынуждена остаться въ Парижѣ по одному исключительному обстоятельству съ моимъ братомъ Люсьеномъ и моею сестрой Эдме. Съ трогательною серьезностью, какъ это ему было свойственно, онъ обращался къ моему сердцу, къ моему уму. Онъ мнѣ ярко изобразилъ обязанности литератора,—говорилъ мнѣ, что недостаточно быть художникомъ, что литераторы несутъ отвѣтственность и

за своихъ читателей, которыхъ они смущаютъ. Онъ не скрылъ отъ меня безчисленныхъ трудностей, съ которыми мнѣ пришлось бы встрѣтиться на этомъ пути, если бы даже допустить, что я имѣлъ бы успѣхъ, что̀ бываетъ весьма рѣдко. И ко всему этому онъ прибавилъ нѣсколько простыхъ, но очень вѣрныхъ сужденій о реальности, объ обработкѣ слога, о той роли, какую играетъ наблюдательность и воображеніе, о построеніи произведенія, о методѣ и выдающихся чертахъ дѣйствующихъ лицъ и о темпераментахъ. Я слушалъ его съ благоговѣніемъ. Я понималъ, что онъ мнѣ передавалъ результатъ своего долгаго опыта и лучшую сторону своего ума.

Съ этихъ поръ по вечерамъ мы почти не разставались съ нимъ, читая вслухъ Паскаля. Онъ ставилъ этого великаго писателя рядомъ съ своимъ любимцемъ Монтенемъ. Онъ разсказывалъ мнѣ также о своихъ страданіяхъ, относясь къ нимъ почти философски и внушая мнѣ, что литературная дѣятельность служитъ для многихъ душъ, не имѣющихъ возможности высказаться, жизненною поддержкой и что въ ней они отражаются, какъ въ зеркалѣ. Въ примѣръ этого онъ мнѣ привелъ Флобера и Гонкура. Въ заключеніе онъ мнѣ восхвалялъ эту жизнь при всякихъ условіяхъ, даже при страданіи.

Свѣтъ лампы убавлялся, все еще освѣщая его благородный, изящный обликъ. Я слѣдилъ за его словами съ нѣкоторымъ родомъ священнаго довѣрія, стараясь проникнуть въ самый сокровенный смыслъ ихъ и въ тѣ глубокіе мотивы, о которыхъ онъ умалчивалъ.

Съ этого дня до самаго конца своей жизни онъ не переставалъ давать мнѣ совѣты и руководить мною. У насъ образовалась такая привычка бесѣдовать, что я научился понимать даже его молчаніе и одно его слово для меня было равносильно многимъ фразамъ. Онъ сталъ для меня безпристрастнымъ и нѣжнымъ критикомъ.

Страхъ лишиться его вдвойнѣ охватывалъ меня теперь, и подъ вліяніемъ этой мысли я сдѣлался еще болѣе внимательнымъ къ его словамъ. Я жилъ какъ бы въ храмѣ, гдѣ горитъ вѣчное пламя. Бесѣды наши, въ которыхъ моя роль ограничивалась одними вопросами, велись въ его рабочемъ кабинетѣ и въ нашемъ саду де-Шампрозе. Я попытаюсь дать понятіе объ его лаконическомъ, сжатомъ, картинномъ языкѣ, стараясь по возможности приблизиться къ его силѣ, живости и образности. Конечно, онъ былъ

великимъ романистомъ, но, какъ человѣкъ, онъ былъ исключителенъ: онъ обладалъ настоящимъ сокровищемъ опытности и правдивости и расточалъ ихъ съ утра до ночи. Съ непогрѣшимою проницательностью онъ анализировалъ самыя отдаленныя, самыя разнородныя происшествія. Его рѣдкія ошибки служили для него новымъ мотивомъ для наблюдательности. Его жалостливость и милосердіе были трогательны. За нашимъ семейнымъ столомъ, между моею бабушкой, которую онъ обожалъ, моею матерью, своею женой, передъ которою онъ преклонялся, своею дочкой и своими двумя сыновьями, за этимъ нашимъ милымъ столомъ, гдѣ его исчезновеніе оставляетъ пустоту и безмолвіе, онъ былъ такимъ же, какъ и въ то время, когда за этимъ столомъ собирались его друзья.

* * *

И за этимъ-то столомъ его похитила смерть 16 декабря 1897 года. Въ этотъ день я запоздалъ немного и засталъ наше маленькое общество собравшимся по обыкновенію въ его рабочемъ кабинетѣ. Я ему подаю руку, веду его въ столовую и усаживаю его въ его большое кресло. Кушая супъ, онъ по обыкновенію бесѣдуетъ. Ни въ его движеніяхъ, ни въ его обращеніи ничто не предвѣщаетъ катастрофы; какъ вдругъ послѣ короткаго молчанія я слышу ужасный шумъ, котораго никогда не забуду—таинственное хрипѣніе, за которымъ слѣдуетъ другое такое же хрипѣніе. На крикъ моей матери всѣ мы бросаемся къ нему: его прекрасная голова, уже покрытая холоднымъ потомъ, откинулась назадъ, его руки опустились вдоль тѣла. Мы осторожно поднимаемъ его и укладываемъ на коверъ. Одинъ мигъ, и въ нашемъ несчастномъ домѣ—погребальный ужасъ, стоны, жалобы и напрасныя мольбы къ тому, который сумѣлъ намъ дать все, но котораго судьба такъ безжалостно, такъ безвременно отняла у насъ. Скоро собрались доктора. Докторъ Потэнъ, который любилъ его, пробуетъ сдѣлать все возможное и невозможное. Ужасное, раздирающее душу зрѣлище тѣла, которое вдохнуло въ насъ жизнь, но отъ котораго жизнь улетѣла съ быстротой молніи, столько доброты, кротости, красоты, милосердія, столько благороднаго энтузіазма—для насъ уже не болѣе какъ воспоминаніе!..

Часъ спустя онъ уже покоится на своей постели, среди сдержанныхъ рыданій, при неподвижномъ свѣтѣ восковыхъ свѣчей,

прекрасенъ, какъ его образъ, который запечатлѣлся въ нашихъ сердцахъ. Узы, которыя насъ съ нимъ связываютъ, порвутся только послѣ нашей смерти, но теперь они теряются во мракѣ. Наша память—его могила, гдѣ хранятся его движенія, его слова, его взгляды и его къ намъ нѣжность. Здѣсь, въ этомъ мірѣ ничто никого не удержитъ—ни любовь, ни добродѣтель, ни геній. Но когда я въ отчаяніи и разбитый горемъ наклонился къ его чистому челу, мнѣ казалось, что я слышу: „Утѣшься, примѣръ не умираетъ“.

Леонъ Додэ.

ИЗЪ ГЕТЕ.

Кто хлѣба съ плачемъ не ѣдалъ,
Кто не спалъ ночи у порога,
Кто горя близко не видалъ —
Тотъ не узнаетъ силы Бога.

Она насъ нищихъ въ жизнь ведетъ
И посылаетъ искушенье,
Но тутъ же въ смертный часъ даетъ
Винѣ невольной искупленье.

А. Энге.

НЕСЕССЕРЪ.

Пасхальный разсказъ Жипа.

(Переводъ съ французскаго О. П.).

Парижъ 1 апрѣля.

Дорогая моя Люсетта, сейчасъ только получила я твое письмо, въ которомъ ты просишь купить и прислать тебѣ какіе-нибудь „хорошенькіе“ подарки къ Пасхѣ для твоихъ маленькихъ племянниковъ. Послушай ты моего совѣта, не дари ты никогда ни своимъ, ни чужимъ дѣтямъ дорогихъ, хорошихъ игрушекъ, которыя обыкновенно, во избѣжаніе поломки и порчи отбираются старшими, запираются въ шкафъ и выдаются только въ торжественные дни, да и то съ такимъ строгимъ наставленіемъ обращаться съ ними какъ можно осторожнѣе, что, право, пропадаетъ всякое желаніе играть въ нихъ.

Разскажу я тебѣ по этому поводу бывшій со мною въ дѣтствѣ случай, когда меня именно на Святой недѣлѣ постигло первое разочарованіе въ жизни.

Жила я вмѣстѣ съ родителями у дѣдушки съ бабушкой, которые вмѣстѣ со всѣми многочисленными членами нашей большой родни другъ передъ другомъ баловали меня и буквально осыпали всевозможными подарками. Кромѣ того, всѣ посѣщавшіе бабушку гости считали своею обязанностью привозить мнѣ конфекты и игрушки. Но всѣ эти подарки, по большей части страшно дорогіе и даже роскошные, были для меня совершенно неинтересны. Тетушки и дядюшки дарили преимущественно полезныя вещи для настоящаго и даже для будущаго времени, вродѣ: платьевъ, пальто, драгоцѣнностей и т. д. Я считала это

большою любезностью съ ихъ стороны, но во всякомъ случаѣ гораздо болѣе по отношенію моей мамы, чѣмъ меня самой.

Частые посѣтители обѣдовъ, которые любила задавать бабушка, присылали мнѣ конфекты,—а у меня ихъ и безъ того было много, потому я ничуть ими не дорожила,—или же сложныя, скучныя, вѣроятно страшно дорогія игры, приводившія меня просто въ ужасъ, вродѣ ариѳметическихъ задачъ, надъ которыми мнѣ постоянно приходилось ломать голову. Съ какимъ бы наслажденьемъ я отдала всѣ эти прелести за нѣсколько горшковъ цвѣтовъ и красныя яички! Какъ любовалась я ими всегда на Страстной недѣлѣ, когда ихъ цѣлыми корзинами выставляютъ въ окнахъ магазиновъ.

Гуляя каждый день со своею бонной по улицамъ нашего городка, я часто проходила мимо лавченки желѣзника, или, скорѣе, лудильщика, постоянно занятаго тутъ-же, чуть ли не на улицѣ, чинкой кастрюль, которыя ему приносили со всего околодка кухарки. Его маленькій сынишка игралъ всегда около него, и я, проходя мимо, понемногу свела съ нимъ знакомство, т. е. перебрасывалась нѣсколькими словами, а такъ какъ лавченка находилась чуть не напротивъ нашего дома, то иной разъ бросала я ему въ окно своей дѣтской самыя разнообразныя вещи, вродѣ оловянныхъ солдатиковъ, волчковъ, яблокъ, иногда даже мѣдныхъ грошей, — словомъ, все то, что, по моему, должно было доставить ему удовольствіе. И вотъ какъ разъ уже дня три подъ рядъ видѣла я, что у мальчугана цѣлая куча красныхъ яицъ, именно того, къ чему я такъ тщетно стремилась! Какъ должно быть ему было весело катать ихъ! Цѣлыми часами простаивала я у окна и не могла оторваться отъ созерцанія казавшейся мнѣ чрезвычайно заманчивою игры.

Однажды мнѣ такъ захотѣлось красныхъ яичекъ, что я рѣшительнымъ шагомъ отправилась въ гостиную. Бабушка разговаривала съ одною старушкой, которая меня постоянно баловала, и потому я ничуть не смутилась ея присутствіемъ.

— Бабушка! начала я,—Анна сейчасъ куда-то идетъ, у меня есть тридцать су... можно попросить ее... купить мнѣ.. красныхъ... красныхъ яичекъ?..

— Какихъ еще красныхъ яичекъ?—съ удивленіемъ спросила бабушка.

— Хорошенькихъ... красныхъ... крутыхъ... ихъ выставляютъ... вереницей... потомъ катятъ съ лубка яйцомъ... нѣкоторые бьются... и .. и... и ихъ ѣдятъ!..

Бабушка съ ужасомъ взглянула на меня.

— Господь съ тобой!.. да ты заболѣешь!.. и къ тому же еще перепачкаешь паркетъ.

И, не давая мнѣ времени опомниться, бабушка прибавила, указывая на старушку:

— Чѣмъ говорить глупости, ты бы лучше поблагодарила г-жу Сирне́: она приглашаетъ тебя прійти завтра самой за приготовленнымъ у нея для тебя подаркомъ.

Сильно опечаленная, я подошла ближе и безъ особаго удовольствія начала цѣловать и благодарить г-жу де-Сирнѐ; вообще я даже очень любила ее. Но дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я себя помнила, мы съ дѣдушкой обыкновенно отправлялись къ ней на Святой недѣлѣ и я неизмѣнно получала или шесть большихъ, наполненныхъ наилучшими конфектами, бонбоньерокъ или же огромныхъ размѣровъ шоколадное яйцо, тоже съ конфектами. Да и само яйцо было сдѣлано изъ чуднаго, вкуснаго шоколада. Г-жа де Сирне́, крѣпко цѣлуя меня, проговорила:

— Итакъ, милочка, завтра я жду тебя съ дѣдушкой... на этотъ разъ тебя ожидаютъ не обычные подарки; ты начинаешь подростать, и потому я рѣшила подарить тебѣ нѣчто очень хорошенькое, чему ты очень обрадуешься и что доставитъ тебѣ большое удовольствіе...

„Доставитъ большое удовольствіе"! Эти слова сильно заинтересовали меня; что бъ это могло быть?

И вдругъ меня осѣнила блестящая мысль: она вѣдь слышала, какъ я просила бабушку позволить мнѣ купить красныхъ яйцъ!..

Вѣроятно, г-жа де-Сирне́ собирается подарить мнѣ именно много хорошенькихъ красныхъ яичекъ... Развѣ что-нибудь иное могло доставить мнѣ большее удовольствіе?

Ночью я просто не могла заснуть отъ волненія; мнѣ снились цѣлыя груды красныхъ яичекъ, и я щедро дѣлилась ими съ маленькимъ сыномъ лудильщика, у котораго ихъ всего было шесть. Ахъ, еслибы можно было какъ-нибудь устроить, чтобы намъ поиграть вмѣстѣ съ нимъ!

На другой день послѣ завтрака мы съ дѣдушкой отправились къ г-жѣ де-Сирне́. Я просто не помнила себя отъ радости при одной только мысли, что сейчасъ получу столь желанныя красныя яйца; я твердо была увѣрена, что она подаритъ мнѣ именно красныя яйца, не допускала даже мысли о чемъ-либо другомъ.

Проходя мимо биржи извощиковъ, я даже подумала:

— На обратномъ пути надо будетъ поѣхать, а то намъ не донести ихъ всѣхъ.

Г-жа де-Сирнé очень намъ обрадовалась и тотчасъ же завела съ дѣдушкой рѣчь о погодѣ. Потомъ она встала и подошла къ большому зеркальному шкафу, поискала тамъ что-то и наконецъ передала мнѣ маленькій, завернутый въ бумагу пакетикъ.

— Вотъ и твой подарокъ,—проговорила она,—береги его хорошенько. Эта вещь принадлежала принцессѣ де-Ламбалль, которая подарила ее моей матери.

Я просто была поражена! Принцесса де-Ламбалль!.. Какое имѣла она отношеніе къ краснымъ яичкамъ и маленькому лудильщику?

Чуть не плача съ досады, я неловко начала развязывать голубенькую ленточку, которою былъ обвязанъ пакетикъ. Развернувъ нѣсколько шелковистыхъ бумажекъ, я наконецъ увидала небольшую коробочку изъ необыкновенно чистой слоновой кости. Это былъ старинный несессеръ для работы; въ коробкѣ лежали ножницы, наперстокъ, футляръ для иголокъ и еще нѣсколько мелкихъ вещицъ; все это было сдѣлано изъ разноцвѣтнаго золота и осыпано жемчугомъ. Прелестная, дорогая вещица, но я еле взглянула на нее и машинально поблагодарила г-жу де-Сирнé.

Вернувшись домой, я тотчасъ же показала бабушкѣ полученный подарокъ. Она пришла въ неописанный восторгъ, разсматривала коробочку со всѣхъ сторонъ. Потомъ закрыла ее, завернула и спрятала на полку въ точно-такой же шкапъ, изъ какого ее недавно вынула г-жа де-Сирнè.

Захлопнувъ дверцу, она повернулась къ дѣдушкѣ, который спокойно снималъ перчатки и казался ничуть не смущеннымъ тѣмъ, что бабушка такъ самовольно распоряжалась моимъ подаркомъ.

— Развѣ можно оставить у нея въ рукахъ такую прелестную вещицу? Она такъ рѣзва и въ одинъ мигъ „сокрушитъ“ этотъ несессеръ!

Видишь ли, дорогая моя Люсетта, пожалуйста не дари твоимъ племянникамъ ничего такого, что было бы жалко „сокрушать“. Имъ не доставятъ никакого удовольствія подобные „хорошенькіе“ дорогіе подарки.

Твоя Антуанетта.

Жипъ.

ИЗЪ „НИГЯРИСТАНА"

КЕМАЛЬ-ПАШИ [1].

I.

Друзья спросили Баязета,
Что звался „княземъ мудрецовъ":
„Какимъ желаніемъ твоя душа согрѣта
„И что бы ты хотѣлъ изъ Божіихъ даровъ?"

Подумавъ, тотъ сказалъ: „Отсутствіе желаній.
„Желалъ бы ничего я въ мірѣ не желать!
„Тогда бы не было страданій
„И было-бъ нечего терять!.."

---

[1] „Нигяристанъ" Кемаль- паши („нигяристанъ" слово въ слово—галлерея, портретная галлерея)—сборникъ историческихъ разсказовъ, анекдотовъ, нравственныхъ сентенцій, философскихъ выводовъ, афоризмовъ и т. п. Авторъ его былъ извѣстный ученый законовѣдъ-мыслитель, жившій во времена султана Сулеймана Великолѣпнаго. Книга Кемаль-паши носитъ несомнѣнные слѣды подражанія „Гюлистану" (Цвѣтникъ розъ) знаменитаго шейха—Мослехудина-Саадù и „Бехаристану" (Прелести весны) извѣстнаго персидскаго поэта-мистика Джàми. Тѣмъ не менѣе, она имѣетъ свои достоинства, изобличая въ авторѣ безусловно умнаго, тонкаго наблюдателя и оригинальнаго мыслителя, дающаго читателямъ въ своемъ интересномъ сборникѣ много мыслей и замѣчаній, надъ которыми невольно задумаешься. Намъ извѣстны два перевода съ турецкаго нѣкоторыхъ отрывковъ занимающей насъ книги: одинъ—латинскій, подстрочный, во французскомъ сборникѣ „Mines de l'Orient", подъ заглавіемъ: „Ouaedam ex libro Nigaristan, a Carolo comite de Harrack"; другой—французскій, почти подстрочный, Э. Монтаня (Э. Montagne) въ его книгѣ: „Les légendes de la Perse". Paris 1890.

Въ мусульманской литературѣ есть нѣсколько „Нигяристановъ" разныхъ авторовъ.

Приводимые здѣсь отрывки изъ своеобразной книги Кемаль-паши едва-ли не впервые появляются въ *русскомъ* переводѣ.

II.

Махмудъ Субехтехинъ, владыка знаменитый,
Что мощно покорилъ обширный Хорасанъ,
Ходилъ передъ толпой весь въ золотѣ залитый,
Какъ требовалъ того его высокій санъ.

Но вечеромъ, когда прохлада приходила
На смѣну зною дня и зажигала ночь
На мантіи своей блестящія свѣтила,
Сверкающаго дня чарующая дочь,—

Тогда кто гордаго узналъ бы падишаха?!
Въ отрепьяхъ нищаго онъ голову склонялъ
Въ молитвѣ пламенной предъ мудростью Аллаха
И, простираясь ницъ, смиренно повторялъ:

„Владыка—ты одинъ! Ты—мудрость и прощенье!
„Цари земные—тлѣнъ, ихъ слава—звукъ пустой!
„Лишь въ глубинѣ твоей найду я утѣшенье
„Отъ жизни грозныхъ бурь и суеты земной“...

III.

Владѣетъ *истиной* не тотъ,
Кто говоритъ, что ей владѣетъ:
Онъ часто съ ней въ разрѣзъ живетъ
И самъ того не разумѣетъ.

Владѣетъ ею чаще тотъ,
Кто самъ того не сознаетъ.

IV.

На свѣтѣ жилъ мудрецъ, и въ старости преклонной
Его къ себѣ Аллахъ въ эдемъ переселилъ.
Тамъ ангелъ Джебраилъ пришельца благосклонно
О жизни, прожитой на свѣтѣ имъ, спросилъ:

„Какъ ты находишь міръ, гдѣ вѣчно льются слезы,
„Гдѣ много видѣлъ ты и много испыталъ,

„Гдѣ ты узналъ шипы и нѣжныя рвалъ розы
„И славу громкую премудростью стяжалъ?“

Съ почтеньемъ тотъ внималъ и отвѣчалъ: „Громаднымъ
„Дворцомъ царя всегда *тотъ міръ* я находилъ,
„Безъ стиля всякаго, угрюмымъ и нескладнымъ,
„Со множествомъ фигуръ и множествомъ стропилъ...

„Отрады во дворцѣ ты этомъ не находишь,
„Спокойнаго ты въ немъ не сыщешь уголка!
„Дверей въ немъ *только двѣ*: въ одну изъ нихъ ты входишь,
„Въ другую—вонъ бѣжишь, какъ птица отъ силка“!..

V.

Одинъ промолвилъ: „умирая,
Не рай я выбралъ бы, но адъ!
Хоть будешь жить ты тамъ стеная,
Но мудрецовъ увидишь рядъ“!

Другой воскликнулъ: „какъ дерзаешь
Ты жребій жизни выбирать?!
Рабы судьбы мы,—самъ ты знаешь,
И безполезно намъ желать...

Рабы судьбы мы, и заранѣ
Нашъ каждый шагъ опредѣленъ!
Такъ заповѣдано въ Коранѣ
Съ неизрекаемыхъ временъ“!!..

VI.

Просилъ бѣднягa Хатемъ-Тая[1]
Ему дать хлѣба. Тотъ, едва
Его услышалъ,—поспѣшая,
Не хлѣбъ вручилъ ему, а два.

Жена сказала: „не жалѣешь
Семьи!“—и молвилъ Хатемъ-Тай:
„Не будь скупой, когда имѣешь,
„И нищему побольше дай!“

С. Уманецъ.

---

[1] Полумиеическій герой арабскихъ легендъ и вообще восточной прозы и поэзіи, отличавшійся великодушіемъ и широкою благотворительностью.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Изъ воспоминаній объ И. А. Гончаровѣ.

Въ 1860 году Грибоѣдовская премія за лучшую піесу автору изъ начинающихъ драматурговъ—никому не была присуждена. Такъ какъ И. А. Гончаровъ былъ въ числѣ судей по присужденію преміи, а моя піеса была въ числѣ другихъ піесъ, поданныхъ на соискательство преміи, то я, пріѣхавъ въ Петербургъ и интересуясь видѣть маститаго литератора, подъ предлогомъ узнать его мнѣніе о моей піесѣ, отправился къ нему; онъ жилъ на Моховой улицѣ; прихожу, звоню, женщина отворяетъ дверь,—спрашиваю, дома ли И. А.

Получается отвѣтъ:

— Ушелъ гулять, и возвратится часа черезъ два.

Впослѣдствіи, познакомившись съ И. А., я узналъ отъ него, что онъ каждый день ходитъ гулять; если онъ дѣлалъ прогулку болѣе далекую, чѣмъ обыкновенно, то весело говорилъ:

— А знаете ли, гдѣ я былъ сегодня? Сегодня побывалъ я вотъ гдѣ. Каково! или:

— А я сегодня прошелся до... и ничего, нисколько не утомился.

На слѣдующій день, когда я позвонилъ у дверей квартиры И. А., женщина, пригласивъ меня въ прихожую, спросила мое имя и пошла доложить обо мнѣ И. А. Минуту спустя въ дверяхъ сосѣдней комнаты появился И. А. Онъ былъ въ халатѣ темно-мусаковаго цвѣта.

— Это вы вчера приходили?—спросилъ онъ, отвѣтивъ на мой поклонъ поклономъ и пытливымъ взглядомъ окидывая меня.

Я сказалъ, что я, и назвалъ свое имя и фамилію.

— Извините, мнѣ что-то ваше имя неизвѣстно,—пожимая руку, проговорилъ онъ.

— Я пріѣзжій изъ Москвы и вижусь съ вами, И. А., въ первый разъ.

— А такъ вы не здѣшній, милости просимъ сюда,—и онъ, введя меня въ кабинетъ, указалъ на кресло возлѣ стола и попросилъ сѣсть.

Я сѣлъ и положилъ на столъ рукопись, свернутую въ трубку,— это была піеса, бывшая на конкурсѣ.

— Это что такое?—какъ-то съ безпокойствомъ спросилъ И. А.

— Это рукопись...

— А, такъ вы литераторъ!.. Извините, я долженъ предупредить васъ, у меня свободнаго времени очень, очень мало, извините, я свободенъ какихъ-нибудь пять минутъ.

— Да я къ вамъ, И. А., только спросить ваше мнѣніе...

— О сочиненіи, о вашемъ произведеніи?—поспѣшно перебилъ онъ меня,—извините, ничего не могу сказать; я вообще мало читаю, а рукописи—только свои. Изъ печатнаго—только *Вѣстникъ Европы*: печать удобная, крупная; мелкой печати читать не могу, глаза, глаза стали плохи.

— Я, И. А., хочу спросить васъ о піесѣ, которую вы, по всей вѣроятности, прочли.

— Когда? гдѣ?

— Вы состоите въ числѣ судей по присужденію преміи за лучшую піесу?

— Да.

— Премія осталась неприсужденною.

— Да и не могла быть присуждена.

— Вслѣдствіе того, что всѣ піесы, представленныя на преміи, были плохи?

— Не знаю; мы, судьи, рѣшили не читать ихъ.

— Почему?

— Да потому, что условія намъ поставили невозможныя: помилуйте, премія должна быть присуждена за піесу автору изъ начинающихъ, а между тѣмъ отъ піесы требовались достоинства, которыхъ дать ей начинающій литераторъ не можетъ. Отъ піесы требовались достоинства, какія ей можетъ дать развѣ только А. Н. Островскій. Мы, прочитавъ условія, рѣшили, что читать присланныя піесы, а ихъ было прислано таки довольно, будетъ непроизводительный трудъ, и возвратили піесы нечитанными. Поставь намъ условіе—присудить премію за піесу, кото-

рую мы найдемъ лучшею изъ присланныхъ; ну, тогда, конечно, мы бы прочли піесы, и премія была бы присуждена.

— Въ такомъ случаѣ, я не могу знать вашего мнѣнія о своей піесѣ. До свиданія!—проговорилъ я, готовясь уходить.

— Чего вы торопитесь уходить! Посидите, — остановилъ меня И. А.

— Да мнѣ собственно торопиться нечего,—проговорилъ я.

— Такъ оставайтесь, сейчасъ намъ чай подадутъ,—сказалъ И. А. и приказалъ подать два стакана чая.

Я между разговоромъ выпилъ чай и, поблагодаривъ хозяина, сталъ прощаться. И. А. снова остановилъ меня и приказалъ, чтобы еще подали чай.

— И. А., я бы охотно провелъ съ вами лишній часъ, но мое правило не злоупотреблять снисходительностью. Вы мнѣ дали срокъ пять минутъ,—а я уже у васъ добрыхъ четверть часа.

— Ничего, ничего,—улыбаясь сказалъ И. А.,—у меня свободнаго времени найдется довольно,—и, замѣтя мой недоумѣвающій взглядъ, продолжалъ:—извините, я, сказавъ вамъ, что у меня нѣтъ свободнаго времени, сказалъ неправду. Вы удивлены?

— Да, есть таки.

— Я это сказалъ, чтобы имѣть возможность поскорѣе отдѣлаться отъ гостя, если это понадобится. Въ данномъ случаѣ этого не надо: вы не изъ такихъ посѣтителей, какихъ я остерегаюсь.

— Очень радъ это слышать.

— Да, да, есть люди, которыхъ я далъ себѣ слово избѣгать. Одинъ случай со мной былъ такой, котораго я никогда не забуду. Можетъ быть, я тутъ и не при чемъ, а всетаки совѣсть меня тревожитъ. Вотъ тутъ, какъ повернете, выйдя изъ моей квартиры, къ Невскому, есть бакалейная лавочка; я, какъ иду гулять, каждый разъ прохожу мимо нея. Однажды, проходя, я замѣтилъ у дверей ея приказчика, молодыхъ лѣтъ парня; онъ поклонился мнѣ, я ему, и съ этого времени мы стали съ нимъ размѣниваться поклонами, каждый разъ, когда я проходилъ мимо,— иду ли я изъ дома—приказчикъ у дверей и кланяется, возвращаюсь ли—опять тоже; замѣтно было, что онъ, зная время моего прохода мимо лавки, старался не пропускать его. По прошествіи мѣсяца такого моего знакомства съ приказчикомъ, мнѣ однажды утромъ прислуга докладываетъ, что меня спрашиваетъ какой-то неизвѣстный. Я приказалъ просить,—смотрю, входитъ приказчикъ бакалейной лавки, знакомецъ по шапкамъ; въ рукахъ его—свертокъ бумагъ. Войдя, онъ молча поклонился и сталъ у дверей.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я.

— Да вотъ, я къ вамъ, И. А., какъ мы порѣшите?—робко произнесъ приказчикъ и подалъ мнѣ свертокъ бумагъ.

— Это что?—спросилъ я.

— Это, И. А., мои сочиненія, я стихи-съ пишу, товарищи хвалятъ, да и самъ я полагаю, что они складные, а впрочемъ можетъ и ни того... Будьте такъ добры, явите Божескую милость, прочтите мои стихи и скажите мнѣ о нихъ свое сужденіе.

— Хорошо, я прочту; этакъ черезъ недѣлю приходите.

Приказчикъ ушелъ.

Сталъ я просматривать стихи,—никуда не годятся, ни строки поэзіи—одно рифмоплетство, и только.

Черезъ недѣлю приходитъ приказчикъ.

— Прочитали-съ? спрашиваетъ.

— Прочиталъ,—хорошаго въ вашихъ стихахъ, по моему, мало, и мой вамъ совѣтъ оставить сочинительство и заниматься своимъ дѣломъ, отвѣчалъ я.

Онъ, молча, взялъ обратно рукопись, молча поклонился и ушелъ.

На другой день иду мимо лавки; смотрю, приказчикъ, завидя мое приближеніе, отвернулся и уже меня обычнымъ поклономъ не встрѣтилъ. Иду обратно—опять то же. Недѣлю спустя иду, приказчика въ лавкѣ что-то не видать; проходитъ еще недѣля,—его все не видать; захожу купить нарочно какую-то мелочь, спрашиваю о приказчикѣ,—и что же узнаю!? Онъ въ домѣ умалишенныхъ, и причина помѣшательства—сочиненіе стиховъ. Это меня сильно поразило. Мысль, ужъ не я ли съ своимъ рѣзкимъ приговоромъ сталъ причиной его несчастія, долго не давала мнѣ покоя, и я далъ слово по возможности избѣгать знакомства съ начинающими литераторами и не браться судить ихъ произведенія.

Изъ разговора съ вами я понялъ, что вы не изъ тѣхъ, знакомства съ которыми я избѣгаю.

— То-то вы, И. А., если я не ошибаюсь, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ посматривали на это,—я дотронулся до принесенной мной піесы, бывшей на конкурсѣ.

— Да, да, улыбаясь сказалъ И. А., вы угадали, я побаивался, чтобы вы не навязали мнѣ читать свое произведеніе съ тѣмъ, чтобы потомъ дать вамъ свой отзывъ о немъ. Это что же у васъ?

— Піеса, бывшая на конкурсѣ.

— Которую предстояло мнѣ читать?

— Да. Комедія въ четыре акта.

— Велика, принесите-ка мнѣ что-нибудь одноактное. Есть?

— Есть-то есть, только не знаю, когда могу вамъ принести: онѣ у артиста Н.

Надо замѣтить, мои одноактныя піесы уже болѣе мѣсяца были у Н. для прочтенія, и онъ все только обѣщалъ прочесть ихъ, и не только не читалъ, но и не возвращалъ, отзываясь недосугомъ. Я пересталъ заходить къ нему, оставя выручку піесъ до Великаго поста.

— Зачѣмъ? Прочесть дали? Напрасно! Авторы даютъ артистамъ читать піесы, а они не только не читаютъ ихъ, но случается, что и затериваютъ. Не знаю, какъ ваши, московскіе артисты, а нашихъ питерскихъ я знаю. Н—й ваши піесы до второго пришествія не прочтетъ.

— А вѣдь пожалуй, И. А., мнѣ спорить съ вами не придется: мои піесы у Н—го уже около двухъ мѣсяцевъ, мѣсяцъ я ходилъ за ними безъ результата, и оставилъ выручку ихъ до поста,—полагаю, что Н—му неловко будетъ тогда сослаться на недосугъ.

— Вотъ, вотъ, видите—не правъ ли я... и И. А. разсмѣялся.

— Я уже просилъ его возвратить піесы нечитанными—не возвращаетъ.

— Ха, ха, ха, потому что забылъ, куда положилъ.

— Я видѣлъ, куда онъ ихъ положилъ, взявъ у меня.

— Ну, такъ вы ихъ получите невредимыми: онѣ лежатъ тамъ, идите и берите.

— Но Н. говоритъ, что уже началъ читать, одну немного не дочиталъ.

— Неправда. Онъ ее и въ руки не бралъ,—увѣренно произнесъ И. А.

На слѣдующій день я былъ у Н. и выручилъ піесы не безъ курьеза.

Не успѣлъ я дернуть ручку колокольчика у дверей Н., какъ онѣ распахнулись. Отворившій мнѣ ихъ съ низкими поклонами заговорилъ:

— Пожалуйте, ваше сіятельство, господинъ Н. васъ ожидаютъ,—и, поспѣшно взявъ мое пальто, распахнулъ дверь въ гостиную и побѣжалъ доложить обо мнѣ Н.

По всему было видно, что ожидалось какое-то сіятельство, и человѣкъ, такъ какъ я передъ тѣмъ долго не былъ у Н., забылъ меня и принялъ за другого. Войдя въ гостиную, я взглянулъ на верхнюю полку этажерки,—піесы мои, слегка покрытыя пылью, лежали тамъ: ихъ Н. туда при мнѣ положилъ два мѣсяца тому назадъ.

Не прошло и двухъ-трехъ минутъ, какъ Н. поспѣшно вошелъ; онъ былъ не въ халатѣ, какъ обыкновенно принималъ меня, а въ черной парѣ, и, еще не входя въ комнату, проговорилъ:

— Виноватъ, ваше сіятельство, заставилъ васъ ожидать...

Войдя въ комнату, онъ смѣшался и прибавилъ:

— Ахъ, это вы! а мнѣ сказали, что пришелъ князь. Онъ на-дняхъ привезъ мнѣ свою піесу для прочтенія, и я ему назначилъ сегодня срокъ.

— То-то и человѣкъ вашъ принялъ меня не по-прежнему,— весьма привѣтливо величалъ сіятельствомъ, пригласилъ въ гостиную и бѣгомъ отправился съ докладомъ къ вамъ. Что же вы прочли княжескую піесу?

— Дѣла по горло, а надо было прочесть—обѣщалъ.

— А мои? Конечно, давно прочли?

— Ахъ, извините, началъ, началъ, немного осталось дочитать... на-дняхъ кончу.

— Мнѣ онѣ нужны, вы пожалуйста возвратите мнѣ ихъ, хотя онѣ не прочтены.

— Да мнѣ немного осталось дочитать, какъ-нибудь зайдете— онѣ будутъ готовы.

— Не трудитесь дочитывать, я останусь доволенъ и тѣмъ, что вы ихъ начинали читать.

— Если уже такъ вамъ скоро нужны піесы, то пожалуй я вамъ ихъ возвращу не дочитавъ. И Н. вышелъ, но, спустя нѣсколько минутъ, возвратился замѣтно въ замѣшательствѣ.

— Вы за піесами ходили? спросилъ я.

— Да... онѣ у меня въ кабинетѣ... или въ спальной... я бралъ ихъ читать. Пожалуйста, придите на-дняхъ... я ихъ приготовлю.

— Чтобы васъ еще разъ не безпокоить, я могу піесы сейчасъ получить: онѣ, мнѣ помнится, вами вотъ тутъ положены,—и я, снявъ съ полки піесы, стряхнулъ съ нихъ пыль.

— А... да... я... ихъ бралъ читать... и... сконфуженно проговорилъ Н.; я поспѣшилъ проститься и ушелъ.

— Выручили піесы? былъ вопросъ И. А., когда я къ нему пришелъ.

Я разсказалъ, какимъ образомъ выручилъ.

— Ну, вотъ, вотъ, неправъ ли я?.. долго бы вамъ пришлось выручать піесы,—сказалъ И. А. и, взглянувъ на мои піесы, прибавилъ:—чтобы не терять времени, я піесъ читать не буду. Вы ихъ при моемъ письмѣ отнесете къ Ю., отъ него зависитъ пріемъ и постановка на Александринскомъ театрѣ. Хотя я съ Ю. зна-

комъ мало и рѣдко вижусь, но, по всему замѣтно, онъ благоволитъ ко мнѣ: какъ только ставятъ новую піесу, такъ Ю. шлетъ мнѣ билетъ, ложу или кресло—хотя я и не бываю. У меня къ Ю. письмо готово. Я прошу его помочь вамъ провести ваши піесы на сцену Александрнискаго театра. Надѣюсь, Ю. мою просьбу исполнитъ.

Я, поблагодаривъ И. А., взялъ отъ него письмо и отправился къ Ю.

Ю. встрѣтилъ меня въ прихожей и довольно холодно спросилъ, что мнѣ надо.

Я сказалъ, что пришелъ съ письмомъ отъ И. А., и вручилъ Ю. письмо. Онъ ушелъ, но по прошествіи нѣсколькихъ минутъ появился въ дверяхъ кабинета и уже ласково заговорилъ:

— Вы отъ многоуважаемаго И. А., очень, очень пріятно съ вами познакомиться,—какъ себя чувствуетъ нашъ знаменитый романистъ, какъ его здоровье, не помню, когда его видѣлъ, очень, очень благодаренъ вамъ: благодаря вамъ я имѣю счастіе получить письмо отъ И. А. Сюда, въ мой кабинетъ пожалуйте,—проговорилъ Ю., вводя меня въ кабинетъ,—пожалуйста, садитесь и извините меня, я только прочту письмо.

Я сѣлъ. Ю. началъ читать письмо; оно было на цѣломъ листѣ, Ю. читалъ его медленно, раза три прерывалъ чтеніе, и, обращаясь ко мнѣ, улыбаясь говорилъ:

— Ужъ извините, позвольте дочитать, сами знаете, отъ кого письмо,—вѣдь оно отъ нашего маститаго писателя.

Три раза за время чтенія письма повторялъ это Ю., а я, слушая его извиненія, думалъ:

„Если онъ съ такимъ уваженіемъ относится къ И. А., то непремѣнно исполнитъ его просьбу: піесы мои будутъ на сценѣ Александринскаго театра“.

Окончивъ чтеніе письма, Ю. аккуратно сложилъ его, вложилъ въ конвертъ и, спрятавъ въ ящикъ письменнаго стола, сказалъ:

— И. А. рекомендуетъ мнѣ ваши піесы, проситъ провести на сцену Александринскаго театра,—очень радъ познакомиться съ вами; у насъ теперь, исключая А. Н. Островскаго, почти ничего нѣтъ, мы очень, очень рады новинкамъ. Только вы, того, на первый разъ дайте намъ что-нибудь маленькое, одноактовое, скорѣе разсмотримъ.

Я подалъ Ю. двѣ одноактовыхъ піески, прося его, прежде представленія въ комитетъ, прочесть ихъ.

— Да, да, такъ я и сдѣлаю, а вы къ намъ въ комитетъ во едину отъ субботъ понавѣдайтесь.

При свиданіи съ И. А. я передалъ ему свой разговоръ и процедуру чтенія письма.

— Теперь васъ можно поздравить со вступленіемъ вашихъ піесъ на сцену Александринскаго театра,—сказалъ И. А., выслушавъ меня.

— Да, но только благодаря вамъ. Я слышалъ, что безъ протекціи на сцены образцовыхъ театровъ трудновато попасть.

— Говорятъ, но всему, что говорятъ, вѣрить нельзя, Хорошее и безъ протекціи можетъ проложить себѣ дорогу.

— Когда обратятъ на него должное вниманіе, а для того чтобы обратили вниманіе на хорошее, еще неизвѣстное, ему, надо протекцію.

— Да, развѣ за малымъ исключеніемъ, вы правы,—немного подумавъ, согласился И. А.

„Во едину изъ субботъ“ я навѣдался въ комитетъ и спросилъ Ю. Онъ вышелъ ко мнѣ и, какъ бы видя меня впервые, спросилъ, что мнѣ надо.

Я сказалъ.

— Ахъ, извините, это вы... Я ваши піесы передалъ въ комитетъ, пожалуйте во едину изъ субботъ.

Началось мое хожденіе „во едину изъ субботъ“, и проходилъ я въ комитетъ полтора мѣсяца, каждую субботу.

Результатъ моихъ хожденій „во едину изъ субботъ“ былъ таковъ, что мнѣ секретарь комитета „во едину изъ субботъ“ возвратилъ піесы, передавая отъ имени Ю., что комитетомъ мои піесы не одобрены.

Когда я шелъ изъ комитета, меня догналъ какой-то господинъ, лицо котораго мнѣ было какъ будто знакомо, но гдѣ я его встрѣчалъ, я припомнить не могъ. Остановивъ меня, незнакомецъ сказалъ:

— Вы меня не знаете, я занимаюсь въ комитетѣ, который вы только что оставили. Полюбопытствовалъ, прочелъ ваши піески, и скажу безъ лести: онѣ хороши и могли бы быть приняты, но вамъ что прежде всего нужно, деньги или слава?

— Конечно, деньги.

— Вы сами подали піесы въ комитетъ?

— Нѣтъ, ихъ подалъ Ю. по рекомендаціи И. А.

— Положимъ, рекомендація вѣская. Но... Эхъ, еслибы вы сами отъ себя явились къ Ю... и предложили ему купить піесы въ собственность.

— То что же?

— Онъ бы у васъ купилъ, далъ бы имъ другое названіе, поставилъ бы свое имя. И вы имѣли бы удовольствіе видѣть свои піесы на сценѣ Александринскаго театра.

— Неужели все это правда?

— Если не вѣрите, испытайте; поручите кому нибудь изъ знакомыхъ продать Ю. вашу піесу,—конечно, не изъ тѣхъ, которыя были у него, и что бы сдѣлка была безъ свидѣтелей,— и я ручаюсь, онъ купитъ піесу, а затѣмъ подъ другимъ названіемъ, съ именемъ Ю., появится на сценѣ.

— Наконецъ, И. А., мое хожденіе въ комитетъ „во едину отъ субботъ" кончилось,—сказалъ я И. А., послѣ того какъ мнѣ были возвращены піесы.

— Приняты? поздравить? Очень радъ,—пожимая мнѣ руку, весело проговорилъ И. А.

— Нѣтъ, возвращены неодобренными, сказалъ я и передалъ слышанное отъ чиновника комитета.

— Признаться, и я это слышалъ, есть такой слухъ—только вѣрить ему не хочется. Мой совѣтъ вамъ: пишите повѣсти, разсказы, сказки, стихи, все это найдетъ мѣсто въ журналахъ, въ газетахъ, въ приложеніяхъ, дастъ вамъ если не рубли, то гроши, а драма—за малымъ исключеніемъ—самый неблагодарный трудъ, драму, непринятую на сцену образцовыхъ театровъ, редакторы и читать не станутъ, издатель не возьмется и даромъ издать, а если издастъ, то она у него заваляется. Антрепренеры провинціальныхъ театровъ по большей части люди или неразвитые, малограмотные, боятся смѣть свое сужденіе имѣть о піесахъ и піесъ неигранныхъ на столичныхъ сценахъ и въ руки не берутъ, или хотя и имѣющіе понятіе о литературѣ, но по лѣности тоже не возьмутъ въ руки піесы неизвѣстнаго автора, и ставятъ піесы хотя никуда негодныя, но игранныя въ столицахъ. Драматическое писать можно прежде всего для своего удовольствія, а дальше—будь, что будетъ. Вотъ, хотя бы взять и это, ужъ на что больше имѣть было вамъ шансовъ на то, что ваша піеска будетъ принята, а между тѣмъ... Нѣтъ, еще разъ скажу вамъ: пишите разсказы, пишите повѣсти, а драмы—между прочимъ, и ждите иного времени.

Весной я уѣхалъ изъ Петербурга, и когда потомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, опять пришлось мнѣ быть въ немъ, И. А. уже не было въ живыхъ.

И. К.

КРИТИКА.[1]

ЖИЗНЬ И ПОЭЗІЯ Н. М. ЯЗЫКОВА.

III.

Жизнь въ Москвѣ и с. Языковѣ. (1829—1838 гг.)

Въ маѣ 1829 года Языковъ пріѣхалъ изъ Дерпта въ Москву, которую, какъ намъ извѣстно изъ его посланія 1825 г. „Къ Шепелеву", [2] поэтъ горячо любилъ и въ которой, какъ намъ также извѣстно изъ его посланія 1827 г. къ неизвѣстному лицу [3], у него были друзья. Въ Москвѣ Языковъ пробылъ больше мѣсяца и затѣмъ на лѣто уѣхалъ въ свое имѣніе, с. Языково. Въ это кратковременное пребываніе въ Москвѣ Языковъ чрезъ И. В. Кирѣевскаго познакомился съ извѣстнымъ историкомъ—профессоромъ Московскаго университета и издателемъ *Московскаго Вѣстника* М. П. Погодинымъ. Несмотря на извѣстное намъ заочное нерасположеніе Языкова, въ бытность его въ Дерптѣ, къ журналу Погодина, теперь они сразу сошлись близко, и потомъ тѣсная дружба ихъ продолжалась до самой смерти Языкова. Погодинъ по поводу своей первой встрѣчи съ Языковымъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Очень простъ и незамѣтенъ", а въ письмѣ того же времени къ своему другу, ревностному сотруднику *Московскаго Вѣстника* Шевыреву, Погодинъ, подъ впечатлѣніемъ своего знакомства съ Языковымъ, такъ отзывается о немъ: „Языковъ пробылъ здѣсь (въ Москвѣ) больше мѣсяца, и мы познакомились очень хорошо. Добрый

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе* 1897 г. №№ 1 и 11, и 1898 г. № 2.

[2] „Стихотв. Языкова", изд. 1858 г., I, 63.

[3] Тамъ же, стр. 102—104.

малый и безъ всякихъ претензій. Повезъ много плановъ, между прочимъ трагедію „Саулъ“. [4]

Зимой того же 1829 года Языковъ возвратился въ Москву и здѣсь прожилъ до весны 1833 г., когда онъ снова переселился на житье въ с. Языково. Въ теченіе этого слишкомъ трехлѣтняго пребыванія въ Москвѣ жизнь Языкова, видимо, была наиболѣе счастливою. При независимомъ состояніи и большой извѣстности въ литературѣ, двадцатипятилѣтній молодой человѣкъ полный физическихъ и умственныхъ силъ, хотя и не окончившій университетскаго курса, но все-таки не лишенный до извѣстной степени высшаго научнаго образованія и серьезныхъ началъ въ умственномъ направленіи, притомъ – прошедшій скользкій путь увлеченій внѣшними жизненными приманками, Языковъ пользовался полною возможностью обставить здѣсь свою жизнь наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ и приступить къ осуществленію собственныхъ обѣщаній, а также возлагавшихся на него большихъ надеждъ литературною критикой и читающимъ обществомъ, какъ на даровитаго поэта.

Кругъ общества, въ которомъ Языковъ вращался въ Москвѣ и среди котораго онъ пріобрѣлъ себѣ здѣсь не мало близкихъ людей, былъ въ то время лучшій кругъ, представлявшій собой средоточіе московской умственной жизни въ лучшемъ смыслѣ слова. Мы знаемъ, что поэтъ подружился здѣсь съ М. П. Погодинымъ въ то время самымъ серьезнымъ и даровитымъ изъ русскихъ историковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ московскихъ литераторовъ. О прекрасныхъ личныхъ отношеніяхъ за все это время Погодина къ Языкову біографъ перваго Н. Барсуковъ говоритъ слѣдующее: „Много утѣшенія доставила Погодину его дружба съ Языковымъ, этимъ замѣчательнымъ писателемъ и прекраснымъ человѣкомъ. Къ тому же Языковъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ *Московскаго Вѣстника,* и, кромѣ своихъ произведеній, онъ обогатилъ изданіе Погодина любопытнымъ журналомъ Кикина... Кромѣ литературныхъ отношеній, Погодинъ привязался къ Языкову, какъ къ превосходной личности. „Проще, чище“, писалъ о немъ Погодинъ, „не видывалъ я ни одного человѣка“. Они вмѣстѣ читали Гизо, бесѣдовали о Ломоносовѣ и о необходимости соорудить ему памятникъ, о Жуковскомъ, вмѣстѣ странствовали по монастырямъ и въ Симоновѣ заслушивались

---

[4] „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Н. Барсукова, кн. II, Спб. 1889 г., стр. 307.

лѣнія со святыми упокой, смотрѣли оттуда на Москву съ того мѣста, съ котораго смотрѣлъ на царствующій градъ свой самъ Грозный. Вмѣстѣ посѣщали князя Вяземскаго, который къ Языкову питалъ особое расположеніе. Языкову же повѣрялъ Погодинъ и свои литературныя произведенія и благодушно выслушивалъ отъ него безпристрастные отзывы"...[5]

Съ 1832 г., со времени прибытія изъ-за границы С. П. Шевырева, Языковъ чрезъ Погодина сблизился и съ этимъ, правда, тогда еще начинающимъ московскимъ профессоромъ русской словесности, но уже весьма извѣстнымъ въ русской литературѣ и наукѣ и подававшимъ въ нихъ блестящія надежды. Погодинъ и Шевыревъ, связанные между собой тѣсною дружбой, были воодушевлены самою пламенною любовью къ русской наукѣ и литературѣ, были глубоко-искренними поборниками ихъ роста и процвѣтанія, и потому оба дружно и неутомимо работали какъ въ научномъ, такъ и въ литературномъ отношеніи. Въ издаваемомъ Погодинымъ *Московскомъ Вѣстникѣ*, вслѣдствіе симпатіи и уваженія къ ихъ высокимъ національнымъ стремленіямъ, принимали участіе лучшія тогдашнія литературныя силы, какъ А. С. Пушкинъ, бар. Дельвигъ, Баратынскій, братья Хомяковы, Кирѣевскіе, Соболевскій, извѣстный другъ Пушкина, и др., изъ которыхъ значительная часть, какъ и главные представители журнала—Погодинъ и Шевыревъ, имѣли постоянное пребываніе въ Москвѣ и горячо любили ее, какъ средоточіе русской исторической жизни и хранительницу національнаго самосознанія; другая же часть сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника*, какъ, напримѣръ, Пушкинъ, Баратынскій, хотя и не жили постоянно въ Москвѣ, но нерѣдко наѣзжали въ нее въ это время. Пушкинъ здѣсь въ 1830 г. сдѣлалъ предложеніе Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, а въ 1831 г. здѣсь же обвѣнчался съ нею, что̀ заставило его въ эти годы нерѣдко бывать въ Москвѣ; Баратынскій же наѣзжалъ сюда также нерѣдко проѣздомъ въ свое подмосковное имѣніе Мураново. Языковъ былъ своимъ человѣкомъ въ кругу лицъ, заинтересованныхъ въ изданіи *Московскаго Вѣстника*, такъ какъ послѣ своего переѣзда на жительство въ Москву зимою 1829 г., по словамъ біографа Погодина Н. Барсукова, „сталъ помогать" ему „въ изданіи" этого журнала и „отчасти замѣнилъ собой Шевырева", уѣхавшаго въ началѣ 1829 г. въ Италію и возвратившагося оттуда осенью

[5] „Жизнь и труды М. П. Погодина". Н. Барсукова, кн. III, стр. 70—71.

1832 г. [6] Для болѣе тѣснаго сплоченія сотрудниковъ своего журнала, жившихъ въ Москвѣ, и лицъ, сочувствовавшихъ его направленію, Погодинъ устраивалъ у себя вечера, на которые собирались московскіе ученые и литераторы.

Но особенною оживленностью отличались подобные же вечера въ домѣ Елагиныхъ-Кирѣевскихъ, который въ описываемое нами время „сдѣлался средоточіемъ московской умственной и художественной жизни". [7] Взрослыми членами этого дома въ данное время были Алексѣй Андреевичъ Елагинъ, Авдотья Петровна Елагина, его жена, а по первому мужу Кирѣевская, Ив. Вас. и Петръ Вас. Кирѣевскіе, дѣти Авдотьи Петровны отъ перваго ея мужа. Авдотья Петровна была внучкой по своей матери Аѳанасія Ивановича Бунина, отца Жуковскаго, слѣдовательно, приходилась послѣднему племянницей по Бунину и была старше его на шесть лѣтъ. Мать ея Варвара Аѳанасьевна Юшкова, урожденная Бунина, крестная мать Жуковскаго, принимала большое участіе въ образованіи своего крестника: въ ея домѣ вмѣстѣ съ ея дочерьми Жуковскій въ малолѣтствѣ воспитывался въ Тулѣ, гдѣ мужъ ея Юшковъ состоялъ на службѣ; она же опредѣлила мальчика Жуковскаго потомъ въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Поэтому Жуковскій былъ родственно привязанъ къ племянницамъ Юшковымъ и отнюдь не менѣе, чѣмъ къ Протасовымъ, не переставая питать къ нимъ и особенно къ Авдотьѣ Петровнѣ, родственную привязанность во всю свою жизнь. Авдотья Петровна между своими родными и двоюродными сестрами отличалась, на ряду съ старшею сестрой Анной Петровной, впослѣдствіи извѣстною писательницей Зонтагъ, любовью къ образованію и литературѣ. Послѣ смерти перваго мужа Кирѣевскаго она въ 1817 г. вышла во второй разъ замужъ за своего троюроднаго брата Алексѣя Андр. Елагина, весьма свѣтлаго человѣка въ нравственномъ отношеніи и преданнаго образованію. Въ 1822 г. Елагины для образованія дѣтей переѣхали съ семействомъ въ Москву и здѣсь купили себѣ домъ близъ Красныхъ воротъ, который долгое время славился въ Москвѣ своимъ просвѣщеннымъ гостепріимствомъ. [8] Здѣсь мальчики, а потомъ юноши Иванъ и Петръ Васильевичи

---

[6] „Жизнь и труды М. П. Погодина". Н. Барсукова, кн. II, Спб. 1889 г., стр. 306—307.

[7] *Русскій Архивъ* 1877 г., кн. I: „Авдотья Петровна Елагина". П. Б., стр. 494.

[8] *Русскій Архивъ* 1877 г., кн. 1, стр. 484—495.

Кирѣевскіе получили весьма серьезное образованіе, а потомъ довершили его слушаніемъ лекцій въ Берлинскомъ и Мюнхенскомъ университетахъ, изъ которыхъ въ первомъ слушали лекціи философіи знаменитаго Гегеля и были съ нимъ лично знакомы. По возвращеніи снова въ Москву, они оба горячо относились къ интересамъ русскаго образованія и литературы. Сначала они было примкнули къ редакціи *Московскаго Вѣстника* въ роли сотрудниковъ, но потомъ, въ 1831 г., Ив. Васильевичъ сталъ издавать собственный журналъ *Европеецъ*, въ которомъ принялъ участіе и Языковъ; послѣ выхода двухъ первыхъ нумеровъ этотъ журналъ былъ запрещенъ вслѣдствіе перетолкованія въ неблагопріятную сторону статьи самого редактора „XIX-й вѣкъ“. [9] Запрещеніе этого журнала однако не охладило рвенія братьевъ Кирѣевскихъ къ русской литературѣ и наукѣ: Ив. Васильевичъ извѣстенъ въ литературѣ своими статьями философскаго характера, а Петръ Васильевичъ, какъ собиратель великорусскихъ народныхъ пѣсенъ и изслѣдователь русской старины и быта.

Языковъ вступилъ въ тѣсную дружбу съ обоими братьями Кирѣевскими, и особенно съ Петромъ Васильевичемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался любимцемъ ихъ матери Авдотьи Петровны, и жилъ въ это время постоянно въ ихъ домѣ. Ближайшими друзьями дома Елагиныхъ-Кирѣевскихъ были также Погодинъ, Баратынскій, сблизившійся здѣсь съ Языковымъ и полюбившій его поэзію, свидѣтельствомъ чего служатъ два его посланія къ Языкову 1832 и 1835 гг. [10], Ал. Ст. Хомяковъ, женившійся въ 1836 году на сестрѣ Языкова Екатеринѣ Михайловнѣ, К. К. Янишъ, (въ замужествѣ Павлова, супруга Н. Ф. Павлова) именуемая тогдашнею литературною „княгиней русскаго стиха“ за свои гармоническія и выразительныя по языку стихотворенія — оригинальныя и переводныя, а также извѣстная своими переводами стихотвореній Пушкина, Языкова и др. русскихъ поэтовъ на нѣмецкій и французскій языки, и многіе другіе извѣстные въ то время московскіе литераторы и ученые. Во время наѣздовъ въ Москву въ ихъ домѣ останавливался Жуковскій, а также любилъ бывать и А. С. Пушкинъ, дружный особенно съ Ив. В. Кирѣевскимъ.

---

[9] „Полное собр. сочиненій Ив. Вас. Кирѣевскаго“, т. I, изд. А. И. Кошелева. М. 1861 г., стр. 71, 75—85.

[10] Сочин. Е. А. Баратынскаго“, изд. 1884 г., Казань, стр. 189 — 19?, 202—203.

Въ домѣ Елагиныхъ-Кирѣевскихъ при съѣздѣ гостей происходили собесѣдованія но текущимъ литературнымъ вопросамъ, устраивались литературныя чтенія, драматическія представленія, отсюда же предпринимались многолюдныя загородныя прогулки пѣшкомъ, напримѣръ, въ Троице-Сергіевскую лавру и др. мѣста, которыя потомъ описывались въ стихотворной формѣ. Одна изъ такихъ прогулокъ была описана Языковымъ; но отъ этого описанія сохранился только отрывокъ, подъ заглавіемъ „Экспромтъ", въ которомъ говорится о происхожденіи извѣстнаго Мытищинскаго ключа. [11] Языковъ на вечерахъ у Елагиныхъ-Кирѣевскихъ также иногда прочитывалъ свои новыя стихотворенія, и однажды въ концѣ такого чтенія любившая его вдохновенные стихи Авдотья Петровная торжественно при гостяхъ надѣла ему на голову вѣнокъ изъ цвѣтовъ. [12]

Свои дружественныя отношенія къ дому Елагиныхъ-Кирѣевскихъ Языковъ запечатлѣлъ нѣсколькими относящимися къ разнымъ годамъ стихотвореніями, посвященными членамъ этого дома, какъ-то: посланіями 1831 г. — „Ив. В. Кирѣевскому", „Василію Алексѣевичу Елагину", 1834 г.—„Петру Вас. Кирѣевскому", „Пѣсней балтійскимъ водамъ" — 1841 г., посланіями 1841 г.— „Алексѣю Андреевичу Елагину", 1844 г.—„Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной" и частью посланія 1841 г.—„К. К. Павловой". — Посланіе „Ив. В. Кирѣевскому" имѣетъ шуточный характеръ: [13] посланіе „Вас. Ал. Елагину", сыну Авд. Петровны отъ втораго брака, заключаетъ въ себѣ одобреніе молодому человѣку за его умственно-дѣятельную жизнь и любовь къ научнымъ занятіямъ; [14] въ посланіи „П. В. Кирѣевскому" Языковъ описываетъ свою уединенную жизнь въ 1834 году въ с. Языковѣ и приглашаетъ его къ себѣ вмѣстѣ „мыслить и мечтать"; [15] въ „Пѣснѣ балтійскимъ водамъ" Языкомъ воспѣваетъ спасеніе отъ несчастія семейства Елагиныхъ, которые въ 1841 г. съ дѣтьми ѣздили за границу навѣстить Жуковскаго и познакомиться съ его женой, причемъ на обратномъ пути корабль, на которомъ они ѣхали по Балтійскому морю, едва не былъ потопленъ бурей [16]. Посланіе „А. А. Елагину", написанное

---

[11] „Стихотворенія Языкова", изд. 1858 г., II, 296.
[12] *Русскій Архивъ*, 1877 г., № 1, стр. 492.
[13] „Стихотв. Языкова", изд. 1858 г., II, 8—9.
[14] Тамъ же, II, 41—42.
[15] Тамъ же, стр. 59 - 62.
[16] Тамъ же, стр. 211—218· см. также *Русскій Архивъ*, 1877 г., № 1 стр. 494.

Языковымъ за границей, заключаетъ въ себѣ воспоминаніе его о своей разгульно-веселой жизни въ Москвѣ въ 1829—1833 годахъ и намѣреніе снова, по возвращеніи изъ-за границы, поселиться въ той же Москвѣ среди друзей [17]. Въ посланіи „А. П. Елагиной", Языковъ, вмѣстѣ съ посвященіемъ ей „новыхъ стихотвореній", изданныхъ въ 1844 г., выражаетъ благодарность за ея всегдашнюю къ нему привѣтливость и ласковость. [18] Въ посланіи „К. К. Янишъ" Языковъ такъ же, какъ и въ посланіи къ А. А. Елагину, вспоминаетъ о своей разгульной жизни въ Москвѣ за то же время и вмѣстѣ съ тѣмъ о своемъ пребываніи въ домѣ Елагиныхъ, который онъ называетъ „республикой у Красныхъ воротъ, привольной наукѣ, сердцу и уму" [19]

Въ 1830 году Языковъ собрался издать въ Москвѣ альманахъ подъ заглавіемъ „Ласточка"; но это предпріятіе ему почему-то не удалось, хотя онъ и подготовлялъ было для него разнообразный литературный матеріалъ. [20]

Осенью 1831 г. Языковъ вступилъ было въ Москвѣ на государственную службу въ Межевую Канцелярію; но канцелярская служба совершенно не соотвѣтствовала его характеру; потому еще съ перваго года вступленія на службу Языковъ сталъ тяготиться ею, рѣдко являясь въ канцелярію и собираясь все выйти въ отставку. Такъ, въ письмѣ отъ 30-го іюля 1832 г. онъ пишетъ Вульфу: „Выйду въ отставку, и дай Богъ ноги (изъ Москвы) снова восвояси (въ Языково) и уже навсегда: пора мнѣ усѣсться на одномъ мѣстѣ. Кочевая жизнь не благопріятствуетъ поэтической дѣятельности въ Россіи... [21] Въ ноябрѣ 1833 г. Языковъ, дѣйствительно, оставилъ службу, относительно которой сохранился слѣдующій офиціальный документъ: „Канцеляристъ Николай Языковъ поступилъ въ канцелярію главнаго директора Межевой Канцеляріи 1831 г. сентября 12-го; 1832 г. сентября 17-го за № 1.757 представлено бывшимъ главнымъ директоромъ, г. сенаторомъ Гермесомъ, г-ну министру Юстиціи о награжденіи его, Языкова, чиномъ коллежскаго регистратора, а 18-го ноября 1833 г. онъ, Языковъ, уволенъ по прошенію отъ службы". [22]

---

[17] Стихотв. Языкова", II, 216.
[18] Тамъ же, стр. 244—245.
[19] Тамъ же, стр. 239.
[20] „Полное собр. сочин. Ив. В. Кирѣевскаго", изд. 1861 г., М., т. I, стр. 65.
[21] *С.-Петерб. Вѣдомости*, 1866 г., № 175.
[22] „Стихотв. Языкова", изд. 1858 г., ч. I, стр. LXXXV.

По поводу этой своей службы Языковъ въ посланіи 1844 г. „князю Петру Андреевичу Вяземскому“ иронически выражается слѣдующимъ образомъ:

Въ тѣ дни... тихъ и неудалъ,
Уже чиновникъ русской службы,
Я родину свою и пѣлъ и межевалъ,
Спокойно скромно провожая
Мечты гульливой головы...[23]

Въ 1832 г. Языковъ намѣревался было издать собраніе своихъ стихотвореній, но вслѣдствіе какихъ-то цензурныхъ затрудненій изданіе его не состоялось въ этомъ году. Въ письмѣ къ Вульфу отъ 30-го марта 1832 г. Языковъ по этому поводу говоритъ слѣдующее: „У меня было намѣреніе издать собраніе моихъ стихотворей. Цензура не пропустила; но рука времени такъ пригладила вольныя кудри моей музы, что она больше походитъ на рекрута, нежели на студентскую прелестницу, и я рѣшился подождать другихъ обстоятельствъ“.[24] Въ слѣдующемъ 1833 г. цензурныя затрудненія, видимо, было устранены, и въ самомъ началѣ этого года появилось въ печати первое собраніе стихотвореній поэта.

Это первое изданіе стихотвореній Языкова преимущественно дерптскаго періода и частью написанныхъ въ томъ же духѣ въ Москвѣ вызвало въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ, большею частію, лестные и даже восторженные отзывы о его поэзіи.

Таковы были отзывы въ журналѣ профессора Московскаго Университета Н. Ив. Надеждина *Телескопъ* 1834 года, въ „Дерптскихъ литературныхъ лѣтописяхъ“ Dorpater Jahrbucher für Literatur 1833 г. Борга и въ *Сѣверной Пчелѣ* 1833 г. Булгарина и Греча. Въ статьѣ „О стихотвореніяхъ г. Языкова“, помѣщенной въ первомъ журналѣ, Ив. В. Кирѣевскій по поводу характерныхъ чертъ поэзіи Языкова говоритъ слѣдующее: „господствующій идеалъ Языкова есть праздникъ сердца, просторъ души и жизни, потому господствующее чувство его поэзіи есть какой-то электрическій восторгъ и господствующій тонъ его стиховъ — какая-то звучная торжественность. Эта звучная торжественность, соединенная съ мужественною силой, эта роскошь, этотъ блескъ и раздолье, эта кипучесть и звонкость, эта

[23] Тамъ же, II, 253—254.
[24] *С.-Петерб. Вѣдомости*, 1866 г., № 175.

пышность и великолѣпіе языка, украшенныя, проникнутыя изяществомъ вкуса и граціи—вотъ отличительная прелесть и вмѣстѣ особенное клеймо стиха Языкова". [25]

Въ этой же статьѣ Кирѣевскій приводитъ характерныя выдержки изъ отзыва проф. Борга о поэзіи Языкова, изъ которыхъ мы воспользуемся заключительною частью: „Вообще стихи его (Языкова) плѣняютъ какою-то свѣжестью и простодушіемъ, и врядъ ли есть одно стихотвореніе, которое можно было бы назвать неудавшимся. Но особенная прелесть заключена въ его языкѣ, отличающемся силой, новостью и часто дерзостью выраженій, между тѣмъ какъ стихъ его исполненъ самой рѣдкой благозвучности. Если же мы прибавимъ къ сказанному еще то, что въ этихъ гармоническихъ стихахъ выражается чувство всегда благородное, душа вся проникнутая любовью къ прекрасному и великому, то, конечно, возбудимъ любопытство всѣхъ принимающихъ участіе въ русской словесности" [26].

Въ *Сѣверной Пчелѣ* выдающимися чертами поэзіи Языкова признаются „возвышенность, благородство чувствованій, любовь къ картинамъ родной исторіи, ко всему русскому, обиліе кипучихъ мыслей, выраженныхъ языкомъ сильнымъ, оригинальнымъ, гармоническимъ". [27]

Одинъ только *Московскій Телеграфъ*, по своему обыкновенію, отозвался, сравнительно, неблагопріятно по поводу стихотвореній Языкова, помѣщенныхъ въ томъ же первомъ изданіи ихъ. Въ статьѣ „Стихотворенія Н. Языкова". С.-Пб. 1833 г. Кс. Полевой усматриваетъ въ содержаніи поэзіи Языкова „односторонность", „холодность чувства" и отсутствіе „глубокихъ, многообъемлющихъ идей", но въ то же время признаетъ за нею „самобытность, незаимственность картинъ" и „выраженіе истинно-поэтическое". Въ связи съ этимъ Кс. Полевой заканчиваетъ свою статью слѣдующимъ рѣшительнымъ приговоромъ о поэзіи Языкова: „Достоинства г. Языкова можно выразить тремя словами: онъ поэтъ выраженія. Не у многихъ есть и это". [28]

Самъ Языковъ съ своей стороны въ письмѣ къ Вульфу, отъ 14-го апрѣля 1833 г., при посылкѣ ему экземпляра этого изданія стихотвореній выражаетъ слѣдующій откровенный взглядъ на

---

[25] „Полное собр. сочин. Ив. В. Кирѣевскаго", изд. 1861 г., т. I, стр. 134—135.

[26] Тамъ же, стр. 128.

[27] „Стихотворенія Языкова", ч. I, стр. XLI—XLII.

[28] „Стихотворенія Языкова", изд. 1858 г., ч. I, стр. XIV—XXI.

преобладающій субъективный характеръ содержанія ихъ, въ смыслѣ характеристики его студентской жизни; „Прочти же ихъ съ улыбкой задушевною, ради блаженной памяти жизни студентской твоей и моей. Въ семъ собраніи ты найдешь и кое-что новое—правда мало—но что же дѣлать? Такова судьба моя покуда: я все еще живу непостоянно, не имѣя осѣдлости, быта уединенно-поэтическаго и иного прочаго,—а это необходимо музѣ моей, да вовсе предастся она, моя милая, своей страсти, да принесетъ плоды многіе и да прославится славой“. [29]

Это сознаніе недовольства самого Языкова своею поэзіей и жизнью вытекаетъ изъ основной, недосказанной въ приведенномъ письмѣ черты его характера, но ясно указываемой имъ же самимъ въ извѣстныхъ намъ другихъ письмахъ къ тому же Вульфу, а также нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, именно — изъ отсутствія самообладанія, въ силу котораго онъ и въ это время, несмотря на свою тѣсную связь съ лучшею и серьезною частію въ умственномъ отношеніи московскаго общества, продолжалъ вести ту же безпечно-разгульную жизнь, что и въ Дерптѣ. Видимо, наклонность къ разгулу настолько сильно привилась къ нему въ Дерптѣ, что получила силу привычки, отъ которой поэта не спасло и солидное московское общество, въ средѣ котораго онъ вращался. Подтвержденіемъ сказаннаго служитъ письмо Языкова изъ Москвы къ Вульфу, отъ 30-го марта 1832 г., въ которомъ онъ говоритъ другу: „Съ той самой поры, какъ ты, вѣнчанный и превознесенный, оставилъ меня соннаго и бездѣйственнаго въ Дерптѣ, я продолжалъ жить тамъ попрежнему: кое-какъ, мало заботясь о будущемъ, вовсе не по настоящему, спустя рукава,—этакъ прошелъ годъ; я уѣхалъ восвояси, тамъ снова нродолжалъ то же—этакъ прощелъ еще годъ; оттуда я переселился сюда въ Москву, и вотъ точно такъ же прошло еще два года! Въ послѣдней изъ сихъ я былъ нѣсколько разъ боленъ... Въ концѣ прошлаго (1831) года моя поэтическая дѣятельность сильно было пробудилась; думаю, это поздняя заря но все-таки еще заря! Въ маѣ поѣду на родину, въ Симбирскъ— на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубравы“! [30] Въ дополненіе къ характеристикѣ своей жизни въ Москвѣ Языковъ съ свойственною ему откровенностью въ томъ же письмѣ прибавляетъ: „Да! Знаешь ли ты мои пѣсни въ честь

[29] *С.-Петерб. Вѣдомости*, 1866 г., № 175.
[30] *С..Петербургскія Вѣдомости*, 1866 г. № 175.

примадоннъ здѣшняго цыганскаго табора? Если нѣтъ, то я пришлю ихъ тебѣ. Да будетъ тебѣ извѣстна и новѣйшая исторія моего сердца во всемъ разнообразіи вольной влюбчивости"... [31]

Такими же красками Языковъ характеризуетъ свою московскую жизнь 1829—1833 гг. и въ своихъ стихотвореніяхъ. Такъ, въ посланіи 1833 г. „А. Н. Вульфу", написанномъ Языковымъ послѣ переѣзда его на жительство изъ Москвы въ с. Языково, онъ говоритъ объ этой жизни слѣдующее:

А я—студенческому міру
Сказавъ задумчиво: прощай,
Я перенесъ разгульну лиру
На Русь, въ отечественный край—
И тамъ въ Москвѣ первопрестольной,
Питомецъ жизни своевольной,
Безпечно-вѣтренный поэтъ,
Терялся я въ толпѣ суетъ,
Чуждъ вдохновенныхъ наслажденій
И поэтическихъ заботъ,
Да пилъ бездѣйствія и лѣни
Снотворно дѣйствующій медъ... [32]

Въ извѣстномъ намъ посланіи 1841 г. „А. А. Елагину", написанномъ во время заграничнаго путешествія, Языковъ такими же чертами характеризуетъ свою московскую жизнь:

Была прекрасна, весела
Та живописная картина
Свободной жизни, та година
Достойно-празднична была,
Когда остатки вдохновеній
Студентской юности моей
Я допивалъ въ кругу друзей,
Въ Москвѣ, и послѣ пѣснопѣній,
Стихомъ блистая удалымъ,
Восторженъ, выше всякой прозы,
Гулялъ у васъ—и дѣвы-розы
Любили хмѣль мой, слава имъ! [33]

---

[31] Тамъ же.
[32] „Стихотв. Языкова", изд. 1858 г., II, 49.
[33] Тамъ же, 216.

Подобную же характеристику жизни Языкова мы находимъ въ его стихотвореніяхъ—1831 г. „Кубокъ", „Е. А. Свербеевой" и 1832 г.—„Е. А. Тимашевой". [34]

Безпорядочно веденная Языковымъ жизнь еще въ 1831 г., при 28лѣтнемъ возрастѣ, отозвалась на его доселѣ крѣпкомъ организмѣ сначала общимъ недомоганіемъ и слабыми приступами болей, а потомъ въ скоромъ времени получила для него роковое значеніе неизлѣчимой болѣзни, доставившей ему много страданій и сведшей его преждевременно въ могилу. Въ 1833 г. болѣзнь приняла серьезный характеръ, выразившись въ очень осложненной формѣ: чувствовались сильныя боли отъ солитера, рѣзко обозначились разстройство спинной кости и болѣзнь печени. Такое серьезное разстройство здоровья требовало систематическсго и тщательнаго лѣченія.

Почувствовавъ нѣкоторое временное облегченіе, Языковъ съ весны 1833 года переселился на жительство въ с. Языково съ цѣлью укрѣпить здѣсь здоровье хорошимъ воздухомъ и покойною жизнью, о которой онъ всегда такъ мечталъ во время своей шумной жизни въ Дерптѣ и въ Москвѣ. Здѣсь Языковъ прожилъ въ теченіе пяти лѣтъ, до весны 1838 года. Для лѣченія онъ нерѣдко долженъ былъ наѣзжать въ Москву, а также ѣздилъ въ Пензу для пользованія гомеопатіей къ извѣстному въ то время жившему тамъ гомеопату Петерсону [35]. Болѣзнь за все это время имѣла колебательный характеръ: по временамъ Языковъ испытывалъ удручающія его страданія, а иногда чувствовалъ облегченіе, Такъ, въ письмѣ къ Вульфу изъ Языкова, отъ 27-го февраля 1834 года, онъ пишетъ: „Надобно тебѣ замѣтить, что съ нѣкотораго времени, года съ два назадъ, мое здоровье чрезвычайно разстроилось. Ты бы не узналъ меня, еслибъ увидѣлъ вдругъ: такъ сильно я похудѣлъ тѣломъ, которое ты привыкъ видѣть толстымъ, сочнымъ и вообще благословеннымъ... [36]

Въ 1835 и 1836 годахъ Языковъ чувствовалъ значительное облегченіе въ болѣзни и поэтому обнаруживалъ бодрое состояніе духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ энергію къ поэтической дѣятельности. Такъ, въ письмѣ этого времени къ Погодину онъ писалъ слѣдующее: „Я теперь нахожусь въ Артемидиныхъ садахъ: тишина возлюбленная, уединеніе сладчайшее, приволье въ высо-

---

[34] Тамъ же, стр 10, 37, 47—48.

[35] „Стихотворенія Языкова" изд. 1858 г., ч. I, стр. VII.

[36] *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1866 г., № 175.

чайшей, прекраснѣйшей степени—все есть у меня, и я дѣйствую. Жди отъ меня чего-нибудь большаго, если не великаго" [37]. Такую же надежду на усиленную и продожительную поэтическую дѣятельность Языковъ выражаетъ слѣдующими словами въ письмѣ къ Вульфу 1836 г.: „Да, я опять расписался, и теперь кажется надолго. Принимаюсь за большіе труды. Полно мнѣ, такъ сказать, мелочничать. Впрочемъ, да не смущается сердце твое: посланія у меня всегда будутъ—только что они будутъ уже незначительны—вотъ главное! Теперь жизнь моя чрезвычайно благопріятна стихописанью: уединенная, какъ нельзя больше, тихая, привольная и сельская—и хвала зато Провидѣнію, хозяйство мое такъ хорошо устроено, и такъ долго шло хорошо, что я совершенно независимо могу предаться любви своей" [38].

Въ связи съ улучшеннымъ состояніемъ здоровья Языкова въ указанные годы и обѣщаніями его относительно своей поэтической дѣятельности и друзья его возлагали на него, какъ поэта, большія надежды. Такъ А. С. Пушкинъ, извѣщая его въ своемъ письмѣ изъ Михайловскаго отъ 14 апрѣля 1836 г. о началѣ изданія имъ журнала *Современникъ* и посылая ему первый нумеръ этого журнала, приглашаетъ его къ сотрудничеству въ немъ въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ: „Вы получите мой *Современникъ*, желаю, чтобы онъ заслужилъ ваше одобреніе... Будьте моимъ сотрудникомъ непремѣнно. Ваши стихи—вода живая; наши (сотрудниковъ *Современника*) — вода мертвая; мы ею окатили *Современникъ*; опрысните его вашими кипучими каплями" [39]. Языковъ не замедлилъ откликнуться на этотъ призывъ Пушкина и помѣстилъ во II томѣ *Современника* за тотъ же 1836 г. семь главъ своей драматической сказки „Жаръ-птица" [40].

Вопреки, однако, предположеніямъ самого Языкова и ожиданіямъ его друзей болѣзнь его въ 1837 г. чрезвычайно усилилась. Причиной этому, видимо, служили его безпечность и благодушіе, вслѣдствіе которыхъ онъ запустилъ свою болѣзнь, относясь халатно къ ея лѣченію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо къ Языкову отъ 4 іюня 1836 г. Ив. В. Кирѣевскаго, въ которомъ послѣдній обращается дружески къ поэту съ такимъ укоромъ: „Тебѣ, какъ человѣку неженатому, беззаботному, непростительно ничего не дѣлать, а еще больше непростительно

[37] „Стихотворенія Языкова", ч. I, стр. LXXVI.
[38] „Стихотворенія Языкова", ч. I, стр. VIII.
[39] „Сочиненія А. С. Пушкина", изд. А. Суворина, III, 333—334.
[40] „Стихотворенія Языкова", ч. II, стр. VII и 72—87.

быть больнымъ. Это говорю я не въ шутку, а потому, что глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ болѣзни твоей виноватъ самъ ты, или, лучше сказать, твое пристрастіе къ гомеопатіи. Подумай самъ: если она истинна, то отчего въ два года не могъ ею вылѣчиться? И охота тебѣ пробовать на своемъ тѣлѣ какую бы то ни было систему, тогда какъ нѣтъ сомнѣнія, что мѣсяцъ лѣченія у хорошаго медика могъ бы тебя привести въ прежнее здоровое положеніе"... [41].

Осенью того же 1837 г. Языковъ, при указанномъ серьезномъ болѣзненномъ состояніи, еще сильно простудился, вслѣдствіе чего слегъ въ постель, въ которой пролежалъ до мая слѣдующаго 1838 года, когда его, тяжело больного, перевезли въ Москву [42]. Здѣсь даже и особенное внимательное участіе къ больному друга и товарища Языкова по Дерптскому университету Ѳедора Ивановича Иноземцева, занявшаго съ 1835 г. каѳедру практической хирургіи въ Московскомъ университетѣ, не привело къ благопріятнымъ результатамъ, вслѣдствіе чего Языковъ, по совѣту московскихъ врачей, въ августѣ того же года отправился изъ Москвы искать себѣ спасенія отъ тяжелаго недуга за границу и прежде всего въ Маріенбадъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію поэтической дѣятельности Языкова за 1829—1838 годы.

Въ соотвѣтствіи съ неустойчивостью жизни поэта въ Москвѣ и колебательнымъ состояніемъ его здоровья во время жизни въ деревнѣ и поэтическая его дѣятельность въ разные годы разсматриваемаго періода, послѣ переѣзда изъ Дерпта внутрь Россіи и до отъѣзда за границу, обнаруживалась весьма неравномѣрно: наибольшая поэтическая производительность Языковымъ была обнаружена въ 1829 г., въ которомъ имъ было написано всего 20 стихотвореній, изъ нихъ 12 еще въ Дерптѣ, 7—въ с. Языковѣ и одно въ Москвѣ, затѣмъ—особенно въ 1831 г., въ теченіе котораго имъ было написано 31 стихотвореніе, а также частью въ 1835 и 1836 годахъ, въ теченіе которыхъ было написано 8 лирическихъ стихотвореній и двѣ сказки, изъ которыхъ драматическая сказка „Жаръ-Птица" представляетъ собой самое большое по объему его произведеніе; въ остальные же

[41] „Полное собр. сочин. Ив. В. Кирѣевскаго". М. 1861 г., т. I, стр. 87.
[42] „Стихотвор. Языкова", изд. 1858 г., ч. I, стр. VIII.

1832, 1833, 1837 годы поэтическая дѣятельность Языкова выразилась въ весьма незначительной степени, а отъ 1838 года мы не имѣемъ ни одного стихотворенія поэта.

Относительно благопріятная степень поэтической дѣятельности Языкова въ 1829, 1831, 1835 и 1836 годахъ опредѣляется не только большимъ количествомъ стихотвореній, но и высокимъ качествомъ написаннаго въ эти годы: къ 1829 г. относятся прекрасныя по своему содержанію и внѣшнимъ качествамъ стихотворенія:—„Пловецъ—Нелюдимо наше море...", „Памяти А. Д. Маркова", „Отъѣздъ", „Зима пришла", „Прощальная пѣсня"; къ 1831 году, особенно благопріятному для поэтической дѣятельности Языкова, относятся также неменѣе прекрасныя его стихотворенія: — „Поэту", „Подражаніе псалму XIV", „Пловецъ—Воютъ волны, скачутъ волны...", „Утро", „Подражаніе псалму CXXXVI", „Пѣсня—Онъ былъ поэтъ...", „Воспоминаніе объ А. А. Воейковой", „Безсонница", „Ау!", „Къ А. А. Воейковой"; къ 1835 году—посланіе „Д. В. Давыдову", о которомъ весьма лестно отозвался Пушкинъ въ своемъ письмѣ къ Языкову 1836 года [43], и „Молитва"; къ 1836 году—сказка „Жаръ-Птица" и посланіе „Н. А. Языковой".

Въ характерѣ поэтической дѣятельности Языкова за это время представляютъ собой новость четыре прекрасныхъ стихотворенія съ религіознымъ содержаніемъ (въ поэзіи предшествующаго дерптскаго періода жизни Языкова мы встрѣчаемъ только зачатки этой возвышенной религіозной поэзіи въ двухъ стихотвореніяхъ 1824 г.—„Молитва" [44] и отчасти въ посланіи „М. Н. Дириной" [45] и двѣ стихотворныя сказки. Преобладающее же большинство стихотвореній и этого времени составляютъ по прежнему дружескія посланія—всего 27, а затѣмъ второе мѣсто въ количественномъ отношеніи занимаютъ также эротическія стихотворенія; къ этому же періоду относится до 20 стихотвореній разныхъ другихъ наименованій.

Посланія Языкова указаннаго времени обращены или къ единичнымъ личностямъ изъ бывшихъ дерптскихъ товарищей, каковы посланія—Тютчеву, Вульфу, Шепелеву или же ко всѣмъ вообще ближайшимъ участникамъ студенческихъ оргій поэта въ Дерптѣ, каковы стихотворенія „Разсвѣтъ", „Камби", „Пожаръ",

---

[43] „Сочин. Пушкина", изд. Суворина, VIII, 334.

[44] „Стихотвор. Языкова", изд. 1858 г., I, 36.

[45] Тамъ же, стр. 51.

„Имъ“, „Пѣсня — Когда умру, смиренно совершите...“ Другая часть посланій Языкова этого времени обращена къ знакомымъ поэту московскимъ дамамъ—С. С. Тепловой, Е. А. Свербеевой, Е. Н. Мандрыкиной, Н. А. Языковой и умершей А. А. Воейковой; эти посланія совершенно лишены эротическаго характера, за исключеніемъ обращенныхъ къ Воейковой, въ которыхъ, какъ намъ извѣстно, Языковъ вспоминаетъ о своей идеальной любви къ ней; всѣ же остальныя изъ этихъ посланій представляютъ по своему существу откликъ поэта по поводу сочувственнаго отношенія названныхъ женщинъ къ поэзіи Языкова; между прочимъ посланіе Мандрыкиной заключаетъ въ себѣ привѣтствіе ей поэта за искусное и пріятное пѣніе, производившее на поэта сильное впечатлѣніе. Третья часть посланій того же времени относится къ современнымъ Языкову поэтамъ и поэтессамъ: гр. Д. И. Хвостову, К. К. Янишъ, барону Дельвигу, А. А. Тютчеву (товарищу Языкова по Дерптскому университету), Д. В. Давыдову, Е. А. Тимашевой, А. А. Фуксъ, Д. П. Ознобишину, Е. А. Баратынскому и А. С. Пушкину; изъ нихъ посланія Янишъ, Дельвигу, Тютчеву, Давыдову, Тимашевой и Фуксъ заключаютъ въ себѣ выраженіе сочувствія Языкова къ ихъ поэзіи; посланія Ознобишину, земляку Языкова, довольно извѣстному въ 30—60 годахъ лирическому поэту, и Баратынскому содержатъ въ себѣ дружескіе совѣты, первому—оставить для успѣховъ поэтической дѣятельности подвижно-дѣловую жизнь, а второму—для той же цѣли оставить шумную свѣтскую жизнь; посланіе Пушкину и частью также Дельвигу выражаютъ въ себѣ признательность Языкова за благосклонное отношеніе ихъ къ его поэзіи.

Преобладающее большинство указанныхъ посланій Языкова, обращенныхъ не только къ дерптскимъ товарищамъ, но частью и къ другимъ лицамъ, заключаютъ въ себѣ воспоминанія о его дерптской жизни, причемъ эти воспоминанія по своему тону и отношенію къ вспоминаемой жизни имѣютъ такой же двоякій характеръ, какой мы отчасти замѣчали въ послѣднихъ стихотвореніяхъ дерптскаго періода: съ одной стороны, поэтъ при воспоминаніи выражаетъ положительное отношеніе къ этой жизни, сопровождаемое отраднымъ настроеніемъ, съ другой стороны онъ относится къ ней отрицательно и сожалѣетъ о нецѣлесообразности и безплодности ея.

Перваго рода воспоминанія Языкова о дерптской жизни имѣютъ болѣе возвышенный и свѣтлый характеръ, по сравненію съ тономъ посланій, написанныхъ въ Дерптѣ и касающихся той же

жизни: въ послѣднихъ, какъ мы ранѣе видѣли, поэтъ изображалъ главнымъ образомъ внѣшнія стороны этой жизни—кутежи вмѣстѣ съ товарищами, русскими студентами, и романическія похожденія; въ посланіяхъ же, написанныхъ во время жизни въ Москвѣ и с. Языковѣ, поэтъ главнымъ образомъ воспроизводитъ присущія впечатлительному юношескому возрасту нравственно-свѣтлыя стороны студенческой жизни: порывистое и полное могучей энергіи влеченіе юношескаго ума къ идеальному міру, къ душевному простору отъ сферы чувственныхъ и вообще низменныхъ интересовъ сложившейся обычаемъ времени повседневной жизни, а въ связи съ этимъ—кипучія мечты и радужныя надежды на будущую свѣтлую дѣятельность, которыя были выражаемы студентами во время сборищъ, подогрѣваемыхъ для большей силы душевной энергіи виномъ и пѣніемъ. Кромѣ того, въ тѣхъ же посланіяхъ Языковъ выражаетъ свое преклоненіе предъ святостью товврищеской дружбы и тѣхъ задушевныхъ, нѣжно-братскихъ отношеній, которыя существовали въ студентской средѣ и связующею силой которыхъ служили главнымъ образомъ не внѣшнія общія развлеченія и утѣхи юности, а благородные порывы и крѣпкая вѣра въ превосходство свѣтлыхъ, нравственныхъ началъ надъ мелкими интересами жизни окружающаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ въ тѣхъ же посланіяхъ воспѣваетъ свободу студенческой жизни, благодаря которой молодежь въ своей обособленной средѣ не испытывала тѣхъ внѣшнихъ условныхъ требованій и привычекъ свѣта, которыя подавляютъ свободныя душевныя побужденія.

Выраженіе этихъ идеальныхъ сторонъ студенческой жизни мы находимъ главнымъ образомъ въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ: 1829 г.—„А. Н. Тютчеву“, 1830 г.—„Разсвѣтъ“, 1831 г.—„Пожаръ“, „На смерть А. Н. Тютчева“, „На смерть барона Дельвига“, 1832 г.—„Е. А. Тимашевой“, 1833 г.—„А. Н. Вульфъ“, 1834 г.—„Е. Н. Мандрыкиной“, 1835 г.—„Къ..“

Вотъ, напримѣръ, съ какимъ горячимъ воодушевленіемъ Языковъ вспоминаетъ о волновавшихъ въ свое время его и товарищей возвышенныхъ стремленіяхъ въ посланіи „А. Н. Тютчеву“, написанномъ въ с. Языковѣ по поводу посѣщенія тамъ поэта этимъ товарищемъ:

Здорово, братъ! Поставь сюда двѣ чаши;
Наполнимъ ихъ и вмѣстѣ вознесемъ
За Дерптъ, и музъ, и наслажденья наши,

Свободныя, кипѣвшія виномъ!
Въ моей груди есть сердце молодое
Воспоминать и чувствовать былое.
Мнѣ-ль разлюбить безоблачные дни
Отважныхъ думъ, разгульныхъ вдохновеній,
Живыхъ трудовъ и просвѣщенной лѣни?
Волшебные, зачѣмъ прошли они?
 Такъ за него, за этотъ міръ прекрасный!
Все, чѣмъ судьба возвышенна моя,
Что въ ней земнымъ оковамъ не подвластно,
Все чистое, святое бытія,
Чѣмъ радостно пылаютъ мысли юны,
Чѣмъ двинутся божественныя струны,
Все, чѣмъ живетъ и дѣйствуетъ поэтъ—
Моей душѣ явилъ онъ, свѣтозарный...
И здѣсь, его питомецъ благодарный,
Творю ему заздравный мой привѣтъ!
 Да никогда его очарованье,
Счастливое, не оставляетъ насъ;
Будь радостенъ, ему въ воспоминанье,
Меня съ тобой соединившій часъ—
И яркими увѣнчана мечтами,
Та райская надежда передъ нами
Заблещетъ вновь—и вновь повѣримъ ей,
Что для всего земного перехода
Намъ станетъ чувствъ, которыя свобода
Въ насъ развила по милости своей... [46]

Характерно также въ средѣ стихотвореній этого рода, по выраженію идеальныхъ студентскихъ воззрѣній, стихотвореніе „Разсвѣтъ", въ которомъ Языковъ, рисуя пышную картину оживленнаго студентскаго пира подъ открытымъ небомъ, считаетъ привлекательными сторонами этого пира „пѣсню круговую", „блескъ взора" пирующихъ, „воспламененность ихъ ума", „избытокъ чувствъ и думъ" и „живыя рѣчи"; но и эти обаятельныя для юношескаго возраста стороны пира не удовлетворяютъ его, и потому онъ, для удовлетворенія своего широкаго душевнаго простора и восторженныхъ товарищей, предлагаетъ имъ оставить на время пиршество и насладиться созерцаніемъ

[46] „Стихотв. Языкова", 1858 г., I, 144—145.

съ горы величественною картиной солнечнаго восхода вмѣстѣ съ оживленною природой:

.... Оттолѣ мы узримъ,
Какъ съ розовымъ лицомъ, съ веселыми очами,
Передъ широкими своими зеркалами,
Восточной роскошью и нѣгой убрана,
Красуется земля, возставшая отъ сна [47].

Вслѣдствіе такого свѣтлаго отношенія къ прошлой студентской жизни и самая идеальная любовь Языкова къ умершей уже А. А. Воейковой, возникшая почти въ самомъ началѣ этой жизни и служившая также для поэта источникомъ его идеальныхъ стремленій, находитъ себѣ въ стихотвореніяхъ указаннаго періода, какъ мы уже ранѣе говорили, болѣе свѣтлое и возвышенное выраженіе, чѣмъ въ стихотвореніяхъ самаго дерптскаго періода.

Такое же сильное обаяніе въ глазахъ Языкова имѣетъ вслѣдствіе этого и та искренняя взаимная дружба въ товарищеской студентской средѣ, которая также прежде служила для него предметомъ поэтическихъ вдохновеній. При воспоминаніи о своей дерптской жизни въ стихотвореніи 1831 г. „На смерть барона А. А. Дельвига“, Языковъ по этому поводу говоритъ:

Тогда гулялъ подъ чуждымъ небомъ
Студентъ и русскій человѣкъ;
Тамъ быстро жизнь его младая,
Разнообразна и свѣтла,
Лилась; тамъ дружба удалая
Его уча и ободряя,
Своимъ пророкомъ назвала,
И на добро благословляя,
Цвѣтущимъ хмелемъ убрала
Веселость гордаго чела.
Ей гимны пѣлъ онъ. Громки были!
На берегъ царственной Невы
Не разъ, не два ихъ приносили
Уста кочующей молвы...[48]

Не менѣе свѣтлыя и восторженныя воспоминанія въ Языковѣ

[47] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 1.
[48] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 33—34.

вызываетъ свобода, сопровождавшая студентскую жизнь въ Дерптѣ и служившая также источникомъ его вдохновенія. Въ посланіи 1835 г. къ неизвѣстной дерптской красавицѣ, которою до самозабвенія увлекалась студентская молодежь, онъ по этому поводу говоритъ:

.... Вольнаго житья
Полюбилъ я миръ широкой,
Гдѣ мой ангелъ свѣтлоокой
Дѣва-муза вся моя.
Неземныя наслажденья,
Благодатное житье!
Да не будетъ мнѣ спасенья
Внѣ его и безъ нея!
Мы поэты, въ юны годы
Беззаботно мы живемъ,
Черезчуръ своей свободы
Упиваемся виномъ...[49]

Подъ вліяніемъ этихъ свѣтлыхъ воспоминаній о студентской жизни Языковъ въ своемъ стихотвореніи 1831 года „Пѣсня—Онъ былъ поэтъ"... выражаетъ сознаніе тѣсной органической связи своей поэзіи съ этою жизнью, считаетъ изображеніе этой жизни основною, существенною стороной содержанія своей поэзіи, ея profession de foi; въ первыхъ двухъ строфахъ указаннаго стихотворенія онъ говоритъ примѣнительно къ самому себѣ:

Онъ былъ поэтъ: безпечными глазами
Глядѣлъ на міръ и міру былъ чужой;
Онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьями;
Онъ красоту боготворилъ душой;
Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами
Харитъ, вино, и дружбу, и покой.
Блаженъ, кто зналъ разумное веселье,
Чья жизнь была свободна и чиста,
Кто съ музами дѣлилъ свое бездѣлье,
Кому любви прохладныя уста
Свѣвали съ вѣждъ недолгое похмѣлье,
И съ нимъ—его довольная мечта!

Въ воспоминаніе этихъ идеальныхъ сторонъ своей студент-

[49] Тамъ же, стр. 66.

ской жизни Языковъ въ третьей строфѣ того же стихотворенія предлагаетъ бывшимъ дерптскимъ товарищамъ также идеальное свое желаніе—сходиться „въ будущія лѣта... порою звѣздъ и мѣсячнаго свѣта... въ благоуханный садъ“ (разумѣется, въ Дерптѣ) и тамъ на устроенномъ пиршествѣ пѣть его „любимый гимнъ“ (безъ сомнѣнія, „Пѣсню—Изъ страны, страны далекой“...). Цѣль такого желанія Языковъ объясняетъ такъ:

Пусть видитъ міръ, какъ нашихъ поминаютъ,
Какъ иногда свирѣли звукъ простой
Да скромный хмѣль и миртъ переживаютъ
Побѣдный громъ и памятникъ златой,
И многіе, ужь за-одно, познаютъ,
Что называть мірскою суетой [50].

Поводомъ для выраженія Языковымъ въ посланіяхъ 1829—1838 годовъ недовольства на свою дерптскую жизнь, служитъ сознаніе неумѣренности собственнаго разгула, который отвлекалъ его отъ серьезныхъ умственныхъ занятій, а также и сознаніе того, что преимущественное изображеніе этого разгула въ поэзіи лишало ее серьезнаго содержанія и высокихъ задачъ. Такъ, въ стихотвореніи „Ау!“, Языковъ по поводу своей безпорядочной дерптской жизни говоритъ:

Пестро, неправильно я жилъ!
Тамъ все, чѣмъ богъ добра и свѣта
Благословляетъ многи лѣта,
Тотъ край, все—бодрость чувствъ и силъ,
Ученье, дружбу, вольность нашу,
Гульбу, шумъ, праздность, лѣнь—я слилъ
Въ одну торжественную чашу,
И пилъ да пѣлъ... я долго пилъ! [51]

Недовольство Языкова безпорядочною съ внѣшней стороны дерптскою жизнью вызывается еще тѣмъ, что онъ въ своей московской жизни и поэзіи видитъ неблагопріятное вліяніе предшествующей жизни; поэтому онъ нераздѣльно къ той и другой жизни относится съ положительнымъ осужденіемъ. Въ посланіи 1832 г. „Е. А. Тимашевой“, небезызвѣстной въ свое

[50] „Стихотв. Языкова“ 1858 г., II, 26—27.
[51] Тамъ же, стр. 39.

время элегическими стихотвореніями [52], Языковъ, упомянувъ объ идеальномъ мірѣ, въ который любятъ погружаться „поэты, недовольные землей“, высказывается въ такомъ же недовольномъ тонѣ, какъ относительно дерптской, такъ и московской своей жизни:

Этотъ (идеальный) міръ полнѣй и краше,
Чѣмъ житейскій; но его
Утопилъ я въ шумной чашѣ
Просвѣщенья моего!—
И въ раздольи нашихъ оргій,
Молодецкіе восторги
Муза рѣзвая моя
Непритворно полюбила:
Молодую соблазнила
Вольность братскаго житья!
  Съ той поры она гуляла,
Наслаждаясь наобумъ,
Словно прежде не знавала
Скромныхъ чувствъ и лучшихъ думъ... [53]

Такое же недовольство своею разгульною дерптскою и московскою жизнью Языковъ выражаетъ въ посланіяхъ 1831 г. „Къ А. А. Воейковой“, 1833 г. „А. Н. Вульфу“ и 1835 г. „П. В. Кирѣевскому“.

Эта видимая двойственность взгляда Языкова на свою студентскую жизнь не представляетъ собой ничего противоестественнаго, такъ какъ поэтъ въ этомъ случаѣ вполнѣ искренно и справедливо освѣщаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ, дѣйствительно, присущія этой жизни какъ свѣтлыя, такъ равно и отрицательныя ея стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ откровенное сознаніе относительно того же, дѣйствительно, двойственнаго вліянія этой жизни на его личную судьбу.

Въ противоположность указанному недовольству своею разгульною жизнью въ Дерптѣ и Москвѣ, Языковъ въ своихъ посланіяхъ „А. Н. Вульфу“, „Евг. Абрам. Баратынскому“, „П. В. Кирѣевскому“, „Н. А. Языковой“, написанныхъ во время пре-

[52] „Сочин. Пушкина“, изд. Суворина, III, стр. 155: „Е. А. Тимашевой“; см. также посланіе къ ней Баратынскаго въ его „Сочиненіяхъ“, изд. 1884 г., стр. 219.
[53] Тамъ же, стр. 48.

быванія его въ 1833—1838 годахъ въ с. Языковѣ, восхваляетъ свою уединенно-тихую здѣсь жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ энергичное стремленіе къ серьезному умственному труду вообще и въ частности къ поэтической дѣятельности. Въ этомъ случаѣ поэтъ воспроизводитъ излюбленный мотивъ своей ранней поэзіи 1822—1823 годовъ, когда онъ также „тишину боготворилъ душой“ и когда его любимою мечтой было „въ тиши уединенья... воспѣвать“

Родимыя поля, простые нравы селъ
И прадѣдовскихъ лѣтъ дѣла и небылицы [54].

Такъ, въ посланіи 1833 г. „А. Н. Вульфу“, написанномъ послѣ переселенія изъ Москвы въ с. Языково, поэтъ такими привлекательными чертами изображаетъ свою деревенскую жизнь здѣсь:

Здѣсь не слыхать градскаго шума,
Здѣсь не видать суетъ градскихъ;
И въ сей глуши всегда спокойной
Къ большимъ трудамъ и жизни стройной
Легко мнѣ душу пріучить,
Легко навѣчно разлюбить
Уста и очи дѣвъ-красавицъ...
. . . .
Мой другъ! поздравь же ты меня
Съ восходомъ счастливаго дня,
Съ давно желанной, мирной долей,
Съ веселымъ сердцемъ, съ вольной волей,
Съ живымътрудомъ наединѣ!.. [55]

Важную сторону содержанія нѣкоторыхъ посланій Языкова этого времени, какъ и посланій второй половины дерптскаго періода, составляетъ выраженіе горячаго чувства патріотизма. Выраженію этого чувства особенно посвящены стихотворенія „Ау!“ и посланіе „Д. В. Давыдову“. Въ первомъ стихотвореніи патріотическое настроеніе въ Языковѣ вызываетъ Москва вслѣдствіе воспоминаній о пережитыхъ ею въ теченіе 700-лѣтняго существованія невзгодахъ и радостныхъ событіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу всего русскаго народа; поэтъ обращается къ ней съ такимъ сыновнимъ привѣтомъ:

---

[54] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., I, 5, 3.
[55] Тамъ же, II, стр. 50.

.... Да здравствуетъ Москва!
Вотъ небеса мои родныя!
Здѣсь наша матушка—Россія
Семисотлѣтняя жива!
Здѣсь все бывало: плѣнъ, свобода,
Орда, и Польша, и Литва,
Французы, лавръ и хмѣль народа,
Все, все!.. Да здравствуетъ Москва!
Какими думами украшенъ
Сей холмъ давнишнихъ стѣнъ и башенъ,
Бойницъ, соборовъ и палатъ!
Здѣсь нашихъ бѣдъ и нашей славы
Хранится повѣсть! Эти главы
Святымъ сіяніемъ горятъ!
О! проклятъ будь, кто потревожитъ
Великолѣпье старины!
Кто на нее печать наложитъ
Мимоходящей новизны!
Сюда, на дѣло пѣснопѣній,
Поэты наши! Для стиховъ
Въ Москвѣ ищите русскихъ словъ,
Своенародныхъ вдохновеній! [56]

Такое же глубокое патріотическое настроеніе Языковъ выражаетъ при воспоминаніи объ отечественной войнѣ 1812 года въ слѣдующихъ стихахъ посланія „Д. В. Давыдову“:

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебѣ надменный зовъ!
Вспомни же, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ семи твоихъ морей:
Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ;
Злотоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь впередъ!

---

[56] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 39—40.

Громче буря истребленья,
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксовъ костеръ!
Гдѣ же вы, незванны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости!
Вамъ почетный былъ пріемъ!
Упилися, еле живы,
Вы въ московскихъ теремахъ,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы,
На холодныхъ пустыряхъ!
Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли!... [57]

Въ этомъ же посланіи изображеніе воинскихъ заслугъ знаменитаго предводителя партизановъ во время войны 1812 года Д. В. Давыдова носитъ также глубоко патріотическій характеръ. [58]

Эротическія стихотворенія Языкова этого періода его жизни относятся только къ 1829 и 1831 годамъ; изъ послѣдующихъ годовъ только къ 1835 г. относится одно стихотвореніе этого характера; [59] причиной этого служитъ начавшаяся съ 1832 года болѣзнь поэта, лишившая его возможности увлекаться красавицами и воспѣвать въ поэзіи эти увлеченія.

Стихотворенія этого рода, написанныя во время пребыванія поэта въ с. Языковѣ, заключаютъ въ себѣ воспоминанія о дерптскихъ красавицахъ, которыми увлекались и самъ онъ, и его товарищи; таковы элегіи 1829 года. „Ты восхитительна! ты пышно разцвѣтаешь...", „Языкъ души краснорѣчивый...", „Тотъ не поэтъ, въ комъ не пробудитъ"... и стихотвореніе 1835 года—„Къ...". Преобладающая же часть подобныхъ стихотвореній, написанныхъ въ 1831 году въ Москвѣ, представляетъ собой тѣ „пѣсни въ честь примадоннъ цыганскаго табора", о которыхъ Языковъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ Вульфу

[57] Тамъ же, стр. 57—58.
[58] Тамъ же, стр. 56, 58.
[59] „Стихотв. Языкова", 1858 г., II, 65—66: „Къ ...."

отъ 30-го марта 1832 года; сюда относятся стихотворенія: „Весенняя ночь“, „Перстень“, „Вино“, элегія „Блаженъ, кто могъ на ложѣ ночи“... Такого рода стихотворенія, посвященныя черноокимъ красавицамъ „египетскаго племени“, кружившимъ головы московской молодежи своими полными страстности пѣснями и плясками, писались и болѣе ранними нашими извѣстными поэтами, напримѣръ, Державинымъ [60], Ив. Ив. Дмитріевымъ, а также и современниками Языкова, напримѣръ, Баратынскимъ. [61]

Указанныя стихотворенія Языкова посвящены единичнымъ красавицамъ-цыганкамъ, которыхъ онъ называетъ своею „поэзіей московскаго житья“ и которымъ отдалъ дань временнымъ, но горячимъ увлеченіемъ, почему эти стихотворенія проникнуты чувственно-страстнымъ характеромъ. Однако, увлеченіе поэта одною изъ черноокихъ красавицъ, къ которой относятся три изъ указанныхъ выше стихотвореній, не лишено даже идеальнаго характера, какъ можно судить по слѣдующему обращенію къ ней поэта въ послѣдней строфѣ стихотворенія „Весенняя ночь“.

Приди, утѣшь мое уединенье,
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущіе мои
На свѣтлое, святое вдохновенье,
На праздники и шалости любви. [62]

Такое сочетаніе чувственныхъ побужденій поэта и идеальныхъ его стремленій заключаетъ въ себѣ эротическое стихотвореніе 1831 года „Стансы“: въ немъ поэтъ, съ одной стороны, выражаетъ недовольство мыслью о приближеніи дня, лишающаго его возможности предаваться чувственнымъ наслажденіямъ, съ другой стороны—высокое эстетическое наслажденіе красотами окружающей природы при дневномъ освѣщеніи ея заставляетъ его совершенно забыть объ указанныхъ наслажденіяхъ, которыя въ его глазахъ получаютъ ничтожный, мимолетный характеръ, почему онъ въ заключеніи этого стихотворенія говоритъ:

О друзья, что наша младость?
Чарка славнаго вина;

---

[60] „Сочин. Державина“, изд. Импер. Акад. Наукъ, 1864 г., II, 547—549.
[61] „Сочин. Баратынскаго“, 1884 г., стр. 384—431: поэма „Цыганка“.
[62] „Стихотвор. Языкова“, 1858 г., II. 20.

А забывчивая радость
Съ разу пьетъ его до дна! [63]

Съ этими двумя послѣдними стихотвореніями и по указаннымъ свѣтлымъ сторонамъ содержанія, и по основному игриво-восторженному тону имѣетъ связь стихотвореніе 1831 года „Кубокъ“, въ которомъ Языковъ такими яркими чертами обрисовываетъ возвышающее дѣйствіе вина и любви на умъ и сердце человѣка:

Восхитительно играетъ
Драгоцѣнное вино!
Снѣжной пѣною вскипаетъ,
Златомъ искрится оно!
Услаждающая влага
Оживитъ тебя всего:
Вспыхнутъ радость и отвага
Блескомъ взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляетъ голова,
И, какъ волны за волнами,
Изъ души польются сами
Вдохновенныя слова;
Строенъ, пышенъ, міръ житейскій
Развернется предъ тобой...
Много силы чародѣйской
Въ этой влагѣ золотой!
И любовь развеселяетъ
Человѣка, и она
Животворно въ немъ играетъ,
Столь же сладостно сильна:
Въ дни прекраснаго разцвѣта
Поэтическихъ заботъ
Ей дѣятельность поэта
Дани дивныя несетъ;
Молодое сердце бьется,
То притихнехъ и дрожитъ,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнетъ, взовьется,
И куда-то улетитъ! [64]

[63] Тамъ же, стр. 30–31.
[64] „Стихотв. Языкова“, 1858 г. II, 9—10

Весьма важное значенiе для освѣщенiя умонастроенiя Языкова по поводу его собственной жизни изображаемаго перiода имѣютъ его пейзажно-символичестiя стихотворенiя, въ которыхъ поэтъ, рисуя блестящими поэтическими красками полныя силы и движенiя различныя явленiя природы, очевидно, имѣлъ въ виду, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразить овладѣвавшiя имъ время отъ времени думы, порождаемыя анализомъ свойства своего характера и переживаемой имъ бурной жизни. Къ такимъ стихотворенiямъ принадлежатъ: „Пловецъ—Нелюдимо наше море...", „Водопадъ", „Пловецъ—Воютъ волны...", „Утро", „Конь". Указанныя стихотворенiя нужно разсматривать въ связи съ тѣми откровенными признанiями Языкова относительно собственнаго характера, которыя онъ, какъ мы ранѣе видѣли, выражаетъ въ своихъ посланiяхъ къ друзьямъ и болѣе всего въ письмахъ къ Вульфу, жалуясь на слабыя стороны своей натуры—лѣнь, беззаботность и отсутствiе силы воли, лишавшiя его дѣятельнаго образа жизни, вопреки внутреннему стремленiю къ нему.

Въ популярномъ стихотворенiи 1829 года „Пловецъ", напоминающемъ отчасти стихотворенiе Жуковскаго съ тѣмъ же заглавiемъ, [65] поэтъ приглашаетъ товарищей отправиться на лодкѣ въ море во время свирѣпой бури, чтобы добраться среди сердитыхъ водяныхъ валовъ до воображаемой „блаженной страны", гдѣ царитъ ясная и тихая погода; но, въ концѣ-концовъ, онъ восклицаетъ:

.... туда выносятъ волны
Только сильнаго душой! [66]

Такимъ образомъ, въ этомъ стихотворенiи Языковъ выражаетъ призывъ къ энергичной дѣятельности для осуществленiя въ жизни идеальныхъ стремленiй и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознанiе слабости для этого собственной силы воли, какъ это онъ выразилъ съ откровенностью въ письмѣ къ Вульфу отъ 18 января 1828 г. любимымъ изреченiемъ Суворова: „Деньги потерялъ—ничего не потерялъ, время потерялъ—много потерялъ, мужество потерялъ—все потерялъ" [67].

Въ стихотворенiи 1830 г. „Водопадъ" изображается увлеченiе напоромъ воды въ пучину Нiагарскаго водопада пловца вмѣстѣ

[65] „Сочиненiя Жуковскаго", 1885 г., I, 231—232,
[66] „Стихотв. Языкова", 1858 г., I, 121.
[67] *Русскiй Архивъ* 1867 г., № 5 и 6, стр. 738.

съ лодкой, несмотря на его усилія; при видимой невозможности вести борьбу съ увлекавшею его стихіей, пловецъ „спокойнымъ окомъ глядитъ“ на приближающееся мѣсто его гибели [68].

Въ этомъ случаѣ Языковъ, видимо, выражаетъ хладнокровно-пассивное отношеніе къ предчувствуемой имъ тяжелой своей будущности при сознаніи невозможности, вслѣдствіе слабохарактерности, вести борьбу съ усвоенными имъ въ жизни вредными привычками.

Въ стихотвореніи 1831 г. „Пловецъ“ изображается слѣдующая картина: по широкому водному пространству бушуютъ грозныя волны; несмотря на это, челнокъ, на которомъ находится поэтъ съ друзьями, быстро мчится впередъ по склонамъ волнъ; вдали, предъ пловцами, среди темно-облачнаго неба, отливается солнечный свѣтъ, предвѣстникъ ясной погоды. Поэтъ желаетъ, чтобы этотъ отдаленный свѣтъ приблизился, чтобы установилась ясная и тихая погода. Но буря не прекращается, и челнокъ продолжаетъ опасную борьбу со вздымающимися волнами [69]. Въ этомъ стихотвореніи Языковъ, безъ сомнѣнія, выражаетъ неосуществленное имъ въ періодъ дерптской и московской жизни свое стремленіе къ тихой и спокойной обстановкѣ взамѣнъ бурнаго разгула.

Въ стихотвореніи того же 1831 г. „Утро“ Языковъ изображаетъ картину восходящаго въ лѣтнее утро солнца, которое даетъ оживленіе природѣ и вызываетъ людей со свѣжими силами къ энергичной дѣятельности; но затѣмъ днемъ люди утомляются и ждутъ ночнаго покоя, какъ и самъ поэтъ [70]. Въ этомъ случаѣ Языковъ видимо характеризуетъ энергію своихъ душевныхъ силъ, неудержимые порывы стремленій и чувствъ въ раннемъ юношескомъ возрастѣ и потомъ постепенное ослабленіе ихъ съ теченіемъ жизни.

Въ стихотвореніи того же года „Конь“ изображается картина мчащагося на свободѣ по полю рьянаго молодаго коня, безпрепятственно перескакивающаго крутизны, рвы и потоки. Поэтъ совѣтуетъ коню въ волю тѣшиться своею свободой, потому-что его скоро запрутъ подъ замокъ; хотя и послѣ этого онъ будетъ обнаруживать свою ретивость, но уже не по своей волѣ, а по желанію всадника [71]. Въ этомъ стихотвореніи Языкова, безъ

[68] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 5—6.
[69] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 14—15.
[70] Тамъ же, стр. 15—16.
[71] Тамъ же, стр. 25—26.

сомнѣнія, имѣлъ въ виду свою больную, не знавшую ни въ чемъ ограниченія, вслѣдствіе свободы и избытка силъ, студентскую жизнь и послѣдующую затѣмъ жизнь, подчиненную условнымъ требованіямъ окружающаго общества.

Къ указаннымъ пейзажно-символическимъ стихотвореніямъ близко подходитъ по серьезному характеру содержанія извѣстное стихотвореніе Языкова 1831 г. „Поэту", выражающее его взглядъ на важное значеніе поэта среди окружающаго общества и на тѣ требованія, при которыхъ онъ можетъ имѣть это значеніе; по мнѣнію Языкова, поэтъ непремѣнно долженъ дѣйствовать силой своего творчества на окружающее его общество, въ смыслѣ нравственнаго просвѣщенія его; а для этого онъ самъ, при „могучей мысли" и „огнедышущемъ словѣ", долженъ быть воодушевленъ высокими нравственными стремленіями, обладать твердою энергіей и самоотверженностью для проведенія въ обществѣ этихъ стремленій и для противовѣса смущающимъ его иногда житейскимъ соблазнамъ; обращаясь къ поэту, Языковъ въ этомъ стихотвореніи говоритъ:

Иди ты въ міръ,—да слышитъ онъ пророка;
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ,
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
    Невиненъ будь, какъ голубица,
    Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ...

Этимъ положительнымъ качествамъ поэта Языковъ въ послѣдней строфѣ того же стихотворенія противополагаетъ отрицательныя, когда онъ

. . . . . похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ...

Въ послѣднемъ случаѣ дѣятельность поэта уже не будетъ имѣть вышеуказанныхъ благотворныхъ послѣдствій, почему Языковъ по отношенію къ такому поэту говоритъ:

Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердо взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ... [72]

При сопоставленіи этой послѣдней строфы стихотворенія „Поэту" съ извѣстными намъ данными изъ посланій Языкова 1829 г. „Барону Дельвигу" и „къ А. Н. Тютчеву", въ которыхъ онъ указываетъ на свое самообольщеніе въ юношескіе годы вслѣдствіе ранней поэтической славы и жалуется на ослабленіе своего поэтическаго творчества въ послѣдующее время, нельзя отрицать того, чтобы Языковъ и въ этомъ случаѣ не имѣлъ въ виду укора самому себѣ: хотя въ 1831 г., къ которому относится стихотвореніе „Поэту", его поэтическая дѣятельность имѣла оживленный характеръ, тѣмъ не менѣе онъ не могъ быть вполнѣ удовлетворенъ ею, такъ какъ она, какъ мы знаемъ, выразилась въ формѣ тѣхъ же мелкихъ лирическихъ стихотвореній, а задуманныя крупныя произведенія, въ родѣ трагедіи „Саулъ", относительно которой Погодинъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ 1829 г. къ Шевыреву, ему не удавались.

Къ стихотвореніямъ Языкова этого времени съ религіознымъ содержаніемъ принадлежатъ: 1830 г. „Хоръ, пѣтый въ Московскомъ благородномъ собраніи, по случаю прекращенія холеры въ Москвѣ", 1831 г.—„Подражаніе псалму XIV", „Подражаніе псалму CXXXVI и 1835 г.—„Молитва". Первое изъ этихъ стихотвореній заключаетъ въ себѣ прославленіе Господа „казнящаго народы и спасающаго ихъ [73]. Въ „Подражаніи псалму XIV" выражается та мысль, что усвоеніе человѣкомъ высокихъ нравственныхъ началъ и твердая убѣжденность въ нихъ служатъ источникомъ его успѣшно-благотворной дѣятельности среди окружающаго общества [74]. Въ „Подражаніи псалму CXXXVI" поэтъ, изображая высокую любовь ветхозавѣтныхъ евреевъ къ Сіону во время вавилонскаго плѣна, указываетъ на необыкновенную силу и живучесть чувства патріотизма въ массѣ простаго народа [75]. Въ стихотвореніи „Молитва" Языковъ выражаетъ мольбу къ Богу о дарованіи будущаго семейнаго счастія дорогой для него дѣвушкѣ, разумѣя въ этомъ случаѣ свою

[72] „Ститотв. Языкова", 1858 г., II, 6—7.
[73] „Стихотв. Языкова", 1858 г., II, 2.
[74] Тамъ же, стр. 78.
[75] Тамъ же, стр. 18—19.

родную сестру, Екатерину Михайловну, вышедшую замужъ въ 1836 г. за Ал. Ст. Хомякова [76].

Написанныя Языковымъ во время деревенской жизни двѣ сказки—„О пастухѣ и дикомъ вепрѣ“ и „Жаръ-птица“ вызваны были, съ одной стороны, какъ указываетъ самъ поэтъ въ предисловіи къ первой сказкѣ, возникшею въ то время модой въ литературѣ на этотъ эпическій видъ поэзіи подъ вліяніемъ сказокъ Пушкина и Жуковскаго, съ другой стороны—близостью къ поэту въ это время крестьянской среды, а также—его нездоровымъ состояніемъ, при которомъ лирическіе экстазы представляли для него большое затрудненіе. Первой сказкѣ Языковымъ предпослано растянутое предисловіе, посвященное умозрительнымъ вопросамъ. Самое содержаніе сказки, вопреки высказанному въ предисловіи къ ней намѣренію Языкова „взять у своего народа разсказъ“, имѣетъ иноземное происхожденіе, на что указываетъ чуждое русской національности мѣсто дѣйствія, которымъ является таинственное „королевство“ съ растущими въ немъ виноградными деревьями, а также — выведеніе въ ней на сцену короля, королевны, дикаго вепря; но подобныя пересадныя съ Востока и изъ западной Европы сказки существуютъ, какъ извѣстно, и между произведеніями русской народной поэзіи; тѣмъ не менѣе въ выборѣ Языковымъ этого чуждаго русской національности сюжета для перваго опыта сказки обнаружился, вслѣдствіе его, видимо, незнакомства съ народною поэзіей, недостатокъ чутья къ чисто народнымъ мотивамъ. Изложена сказка искусственною книжною рѣчью, хотя въ ней въ отдѣльности встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ народные слова и обороты, въ родѣ: „дескать, вольготно, собачеи, ежели, проявился, бухало ружье, жилъ былъ, кровь съ молокомъ и проч.“ Стихотворная форма сказки чужда склада народнаго стиха: сказка написана пятистопнымъ риѳмованнымъ ямбомъ. Характерна въ сказкѣ взятая Языковымъ съ натуры слѣдующая русская бытовая картина, въ которой типичными чертами изображается устройство русскими помѣщиками крѣпостнаго времени компаній и съѣздовъ изъ своей среды для произведенія охоты, въ родѣ тѣхъ, прекрасный образецъ которыхъ мы находимъ въ извѣстномъ разсказѣ И. С. Тургенева „Однодворецъ Овсянниковъ“.

---

[76] „Стихотв. Н. М. Языкова“, изд. 1887 г., стр. 70; см. также изд. его стихотвореній 1858 г., II, 62—63.

Со всѣхъ сторонъ стрѣлки и собачеи
Пустилися на дикаго вепря;
Яснѣетъ ли, темнѣетъ ли заря,
И днемъ и ночью хлопаютъ фузеи,
Собаки лаютъ и рога ревутъ;
Ловцы кричатъ и свищутъ, и храбрятся,
Крутятъ усы, атукаютъ, бранятся
И хвастаютъ и ерофеичъ пьютъ;
А нѣтъ имъ счастья.—Мѣсяцъ гарцовали
Въ отъѣзжемъ полѣ, здѣсь и тутъ, и тамъ,
Луговъ и нивъ довольно потоптали
И разошлись угрюмо по домамъ....
Опохмелиться.................. [77]

Канвой для содержанія драматической сказки „Жаръ-Птица“ Языкову послужили распространенныя въ русскомъ народѣ сказки о трехъ братьяхъ. Изъ этого цикла народныхъ сказокъ ранѣе Языкова было заимствовано Жуковскимъ содержаніе его „Сказки о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ“ и позднѣе Ершовымъ—содержаніе его извѣстной сказки „Конекъ-Горбунокъ“. Сказка Языкова по содержанію имѣетъ много общаго съ указанною сказкой Жуковскаго; большинство героевъ въ нихъ одни и тѣ же, только частію съ измѣненными названіями: царь, его три сына, министръ двора, Елена Прекрасная, Жаръ-птица, сѣрый волкъ, Златогривый конь. [78] Народнаго элемента въ этой сказкѣ, какъ и въ предшествующей, весьма мало, по сравненію со сказками Пушкина и Ершова, но за то въ ней менѣе фантастическихъ картинъ, сравнительно со сказками Жуковскаго. Изложена и эта сказка искусственною книжною рѣчью, безъ примѣси элементонъ народнаго языка; стихотворный размѣръ ея одинаковъ съ первою сказкой, за исключеніемъ того, что въ ней стихи не риѳмованные, а бѣлые, въ духѣ народныхъ. Въ этой сказкѣ встрѣчается нѣсколько также весьма живыхъ сатирическихъ картинъ національнаго быта, напримѣръ: сужденіе царя Выслава о русскомъ многозначительномъ словѣ „авось“, [79] сцена въ трактирѣ, изображающая типы крѣпостныхъ помѣщиковъ—страстныхъ карточныхъ игроковъ, дѣлавшихъ вслѣдствіе

---

[77] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., II, 70.
[78] Сочин. Жуковскаго, 1885 г., III, 431—466.
[79] „Стихотв. Языкова“, изд. 1858 г., II, 79.

этой страсти большіе долги и лишавшихся даже всего состоянія,[80] изображеніе въ лицѣ царевичей Димитрія и Василія путешествовавшей за границу легкомысленной русской молодежи изъ дворянской среды, предававшейся тамъ кутежамъ, романическимъ похожденіямъ, азартнымъ играмъ въ игорныхъ притонахъ и усвоивавшей при этомъ условіи превратные взгляды на жизнь, въ родѣ того, что развитіе „гражданственности" въ обществѣ заключается въ успѣшномъ вытѣсненіи „трефоли и ерофеича"... „мадерой, полушампанскимъ, ромомъ", а „трехъ листиковъ и горки"—„вистикомъ и банчикомъ[81] и проч. Вдохновенно-гармоническими стихами въ этой сказкѣ изображается, въ разсказѣ „сказочника" царю Далмату, геній Петра Великаго и его кипучая дѣятельность на пользу просвѣщенія Россіи.[82] Кромѣ того, въ этой сказкѣ встрѣчается слѣдующая чрезвычайно граціозная картина весны, напоминающая собой подобную же картину изъ посланія „Н. А. Языковой":[83]

Свѣтла, чиста небесная лазурь.
Прохладенъ воздухъ, долы и холмы
Цвѣтутъ; стрекочетъ подмуравный міръ;
Журчатъ ручьи и свищетъ соловей.
Прекрасный день! люблю тебя, весна!
Пора любви, красавица годинъ,
Своею нѣгой, свѣжестью своей
Ты оживляешь душу, подымаешь
Въ ней легкія и страстныя мечты
И помыслы, и весело они
Играютъ и летаютъ надъ землей
Въ благоуханномъ воздухѣ твоемъ
Подъ сводомъ неба ясно голубымъ![84]

Такимъ образомъ, въ этой второй сказкѣ Языкова заключаются въ отдѣльности прекрасныя по своимъ эстетическимъ достоинствамъ и содержанію картины; но все-таки и при этомъ для насъ не вполнѣ понятно, почему Бѣлинскій въ своей статьѣ

---

[80] Тамъ же, стр. 104—108.
[81] Тамъ же, стр. 109—117.
[82] Тамъ же, стр. 97, 98, 103.
[83] Тамъ же, стр. 151—152.
[84] Тамъ же, стр. 120—121

„Русская литература въ 1844 г.“ считаетъ сказку „лучше всего, что вышло изъ-подъ пера г. Языкова“. [85]

Въ доказательство высокаго поэтическаго таланта Языкова при изображеніи не только эстетическихъ, но и неприглядныхъ сторонъ окружающей жизни, здѣсь, кстати, не лишне упомянуть о его стихотвореніи 1833 г. „Корчма“, въ которомъ онъ чрезвычайно картинно описываетъ двѣ грязныхъ ливонскихъ корчмы, представляющихъ собой подобіе нашихъ постоялыхъ дворовъ и такую же грязную хозяйку одного изъ этихъ чухонскихъ эльдорадо; [86] черты быта, изображаемыя въ этомъ стихотвореніи, изучены были Языковымъ, безъ сомнѣнія, во время его поѣздокъ изъ средины Россіи въ Дерптъ и обратно.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

В. Смирновъ.

[85] „Стихотв. Языкова“, 1858 г., ч. I, стр. LXIV.

[86] Тамъ же, стр. 51—53.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ФИЛОСОФІЯ ИСТОРІИ.

А. П. Лопухинъ. *Промыслъ Божій въ исторіи человѣчества.* Опытъ философско-историческаго обоснованія воззрѣній блаж. Августина и Боссюэта. (Читанъ на торжественномъ актѣ С.-Петербургской духовной академіи 24 февраля 1892 г.) Изданіе второе. Спб. 1898 г. Цѣна 60 к.

Настоящій очеркъ, принадлежащій перу профессора С.-Петербургской духовной академіи А. П. Лопухина, относится къ области философіи исторіи. Онъ посвященъ выясненію чрезвычайно интересныхъ вопросовъ о роли личности въ исторіи, о свободѣ и необходимости въ историческомъ процессѣ и о самой сущности историческаго процесса. Обратившись къ изученію твореній двухъ великихъ представителей христіанской исторической мысли бл. Августина и Боссюэта и руководствуясь не столько буквой, сколько духомъ ихъ, авторъ въ настоящей книгѣ предлагаетъ въ ясной и общепонятной формѣ результаты своего изученія.

Въ началѣ изслѣдованія читатели найдутъ критику модной въ настоящее время теоріи эволюціи и не менѣе модной у насъ теоріи пресловутаго профессора Карѣева. Въ послѣдующихъ главахъ авторъ разсматриваетъ идею Промысла въ ея историческомъ развитіи, опредѣляетъ значеніе свободы и необходимости въ исторіи въ связи съ указаніемъ путей Промысла во всемірно-историческомъ процессѣ и въ судьбахъ новѣйшаго человѣчества.

Въ наше время, когда „все старое подверглось безпощадной критикѣ, а новаго еще ничего не создано“, когда человѣкъ очутился, подобно Геркулесу, на распутьи и тщетно ищетъ болѣе или менѣе устойчивыхъ началъ, книги, подобныя настоящему изслѣдованію, могутъ принести общественному самосознанію несомнѣнную пользу.

ИСТОРІЯ.

А. П. Сафоновъ. *Царствованіе Императора Александра II.* Москва 1897 г.

Задача автора, какъ можно заключить по характеру этой книги, состоитъ въ томъ, чтобы насколько можно ясно въ краткомъ и болѣе доступномъ для пониманія очеркѣ представить жизнь

Императора Александра II, главнѣйшія черты его высокой личности и выдающіяся историческія событія, которыми такъ обильно царствованіе Царя-Освободителя.

Въ этихъ рамкахъ трудъ г. Сафонова выполненъ весьма талантливо.

Начиная съ описанія первыхъ дней жизни царевича Александра Николаевича, авторъ послѣдовательно переходитъ къ болѣе зрѣлымъ годамъ его жизни и затѣмъ даетъ обзоръ царствованія Императора Александра II. Здѣсь въ видѣ отдѣльныхъ главъ идутъ: Крымская война, Покореніе Кавказа, Польскій мятежъ, Освобожденіе славянъ, Завоеванія и пріобрѣтенія въ Азіи, Уничтоженіе крѣпостнаго права въ Россіи, Отмѣна винныхъ откуповъ, Отмѣна тѣлесныхъ наказаній, Земскія учрежденія, Судебныя преобразованія, Городовое положеніе, Преобразованіе министерствъ морского и военнаго и всесословная воинская повинность. Заключительная глава излагаетъ скорбныя событія мученической кончины этого Государя, но она, по нашему мнѣнію, написана слишкомъ скомканно, кратко и сухо. Въ такомъ популярномъ изданіи, какъ настоящее, авторъ долженъ былъ бы дольше остановиться на этомъ мрачномъ мѣстѣ нашей исторіи и дать обстоятельное объясненіе тѣхъ ненормальныхъ общественнычъ условій, которыя повлекли за собой горестное событіе; иначе для незнакомаго съ исторіей читателя остается совершенно загадочнымъ, какъ могъ погибнуть благодѣтель народа, любимѣйшій Государь и человѣкъ отъ руки своего же подданнаго. Далѣе недостаточно живо и обстоятельно г. Сафоновъ описываетъ тотъ ужасъ и скорбь, которые объяли всѣхъ русскихъ людей при извѣстіи объ ужасномъ злодѣяніи. Причиной этихъ недостатковъ, при безспорной талантливости изложенія другихъ мѣстъ книги, нужно считать то обстоятельство, что авторъ удѣлилъ слишкомъ мало мѣста и вниманія этому событію. Такъ вся глава, описывающая кончину Царя-Освободителя, умѣстилась на трехъ страничкахъ, тогда какъ столько же мѣста занимаютъ земскія учрежденія, а судебнымъ преобразованіямъ отведено цѣлыхъ двѣнадцать страницъ. Но, за исключеніемъ указаннаго, въ остальномъ г. Сафоновъ выполнилъ свой трудъ очень умѣло. Имѣя въ виду читателей, незнакомыхъ съ характеромъ тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя лежатъ въ основѣ реформъ, г. Сафоновъ дѣлаетъ въ большинствѣ главъ краткій, но полный очеркъ, прекрасно уясняющій историческое прошлое и сущность того вопроса, который былъ разрѣшенъ тою или другою реформой. Такъ авторъ дѣлаетъ историческую справку о возникновеніи крѣпостного права, излагаетъ въ немногихъ словахъ тѣ попытки, которыя предпринимались для уничтоженія его при прежнихъ государяхъ; такъ же обстоятельно авторъ даетъ историческія свѣдѣнія, уясняющія сущность городовой реформы, отмѣны тѣлесныхъ наказаній и откуповъ. Написана книга живымъ языкомъ, читается съ интересомъ и заслуживаетъ широкаго распространенія.

ВОСПОМИНАНІЯ.

Мои воспоминанія. Академика Θ. И. Буслаева. Съ портретомъ автора. Изданіе В. Г. фонъ-Бооля. М. 1897. Цѣна 1 р. 50 к.

Профессоръ Московскаго университета и академикъ Θедоръ Ивановичъ Буслаевъ скончался на восьмидесятомъ году жизни 31 іюля 1897 года, но профессорская и научная его дѣятельность прекратилась значительно ранѣе: въ 1881 году оставилъ онъ каѳедру, а въ 1888 году, вмѣстѣ съ празднованіемъ пятидесятилѣтняго юбилея его педагогической дѣятельности, принужденъ былъ, въ виду уже въ то время обнаружившагося упадка силъ, прекратить и свои ученыя занятія, хотя еще въ январѣ 1890 года на бывшемъ въ Москвѣ археологическомъ съѣздѣ былъ прочтенъ имъ рефератъ, но это уже былъ не рефератъ въ собственномъ смыслѣ, а скорѣе непринужденная бесѣда со слушателями, собравшимися, чтобы почтить маститаго ученаго въ благодарность за его многолѣтнюю плодотворную дѣятельность. Послѣдніе годы жизни Θ. И. посвятилъ диктовкѣ своихъ воспоминаній, часть которыхъ и вышла теперь отдѣльною книгой.

Въ настоящую книгу вошли воспоминанія Θ. И., первоначально печатавшіяся въ журналѣ *Вѣстникъ Европы.* Но кромѣ этой части „воспоминаній“ въ рукахъ издателя, какъ видно изъ предисловія, имѣется довольно большая рукопись, представляющая дополненіе къ теперь опубликованнымъ воспоминаніямъ. Это „дополненіе“ вмѣстѣ съ четырьма отдѣльными главами, уже напечатанными въ 1896 году (три главы—въ сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности и одна глава—въ томъ же *Вѣстникѣ Европы*) будетъ издано современемъ отдѣльною книгой, когда то окажется удобнымъ.

„Воспоминанія“, заключающіяся въ настоящей книгѣ, обнимаютъ приблизительно шестидесятилѣтній періодъ времени (начиная съ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія и до начала восьмидесятыхъ). Авторъ подробно останавливается на описаніи своего дѣтства и первоначальнаго обученія въ Пензѣ (куда его мать переѣхала вмѣстѣ съ нимъ изъ родного города Керенска по смерти мужа), своего студенчества въ Московскомъ университетѣ, первыхъ шаговъ на педагогическомъ поприщѣ, заграничнаго путешествія съ семьей гр. Строганова, своего профессорства и занятій съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.

Описывая годы своего студенчества (1834—1838 гг.), Θ. И. живыми чертами обрисовываетъ не только внѣшнюю обстановку, но и внутреннюю жизнь тогдашняго студенчества: „казенные номера“ и тѣ интересы, которыми жили ихъ обитатели, ихъ научныя занятія и проказы на лекціяхъ и внѣ стѣнъ университета, „Желѣзный“ трактиръ съ отдѣльною комнатой, спеціально

предоставленною студентамъ, и патріархальныя отношенія начальства въ лицѣ добродушнаго инспектора Платона Степановича Нахимова. Изъ своихъ товарищей онъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ Класовскаго и Коссовича, а изъ профессоровъ Степана Петровича Шевырева. „Лекціи Шевырева производили на меня", вспоминаетъ Буслаевъ, „глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, и каждая изъ нихъ представлялась мнѣ какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемыя сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка. Я впервые почуялъ тогда всю его красоту и сознательно полюбилъ его. Чтобы дать вамъ понятіе о силѣ животворнаго дѣйствія, оказаннаго на меня Степаномъ Петровичемъ въ его филологическихъ наблюденіяхъ и анализахъ, достаточно будетъ сказать, что они воодушевляли меня и были положены въ основу моихъ грамматическихъ и стилистическихъ изслѣдованій, когда я работалъ надъ составленіемъ моего сочиненія: „О преподаваніи отечественнаго языка"... Намъ же въ первый разъ сталъ читать Шевыревъ въ Московскомъ университетѣ исторію русской литературы. Готовясь къ своимъ лекціямъ, онъ самъ постепенно разрабатывалъ источники русской старины и народности по рукописямъ, старопечатнымъ книгамъ, народнымъ пѣснямъ и преданіямъ. Неослабный интересъ, возбуждаемый въ профессорѣ безпрестанными открытіями въ новой, еще не разработанной области науки дѣйствовалъ на насъ обаятельною свѣжестью воодушевленія. По крайней мѣрѣ, мнѣ чудилось, будто мы идемъ по только-что проторенннымъ путямъ въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ, по слѣдамъ отважнаго проводника, который на каждомъ шагу открываетъ намъ все новыя и новыя сокровища родной земли"...

Въ одномъ мѣстѣ своихъ „воспоминаній" Ѳ. И. дѣлаетъ слѣдующее справедливое замѣчаніе: „разныя случайности,—все равно, крупныя или мелкія,—на которыя натолкнется человѣкъ въ ранней молодости, иногда могутъ оказать рѣшающее дѣйствіе на всю его жизнь, направляя его интересы и даже пристрастія въ ту или другую сторону". Конечно, онъ высказалъ такую мысль на основаніи собственнаго опыта. Одною изъ счастливыхъ случайностей въ жизни автора „воспоминаній" было назначеніе въ 1835 году попечителемъ Московскаго университета гр. С. Г. Строганова, который оставилъ по себѣ добрую память въ лѣтописяхъ университета въ особенности тѣмъ, что внимательно слѣдилъ за успѣхами студентовъ, подмѣчая ихъ наклонности и интересы, и не упускалъ ихъ изъ виду и по окончаніи курса. Гр. Строгановъ въ жизни Буслаева сыгралъ, безъ преувеличенія можно сказать, роль добраго генія. Тотчасъ по окончаніи курса былъ онъ опредѣленъ на мѣсто преподавателя гимназіи, а въ слѣдующемъ—былъ приглашенъ гр Строгановымъ для сопровожденія его семьи за границу въ качествѣ домашняго учителя. Эта заграничная поѣздка послужила ему прекрасною подготовительною школой для будущей дѣятельности. Здѣсь онъ могъ

изучать образцовыя произведенія античнаго міра подъ руководствомъ самого графа, бывшаго знатокомъ искусства и другихъ знаменитостей русскихъ и иностранныхъ. По совѣту того же гр. Строганова онъ сталъ подготовляться къ занятію университетской каѳедры, по его же рекомендаціи былъ избранъ въ число преподавателей для Наслѣдника Цесаревича, свѣтлый образъ котораго навсегда сохранился въ памяти профессора. Дружелюбныя отношенія Ѳ. И. съ гр. Строгановымъ продолжались до самой смерти графа, послѣдовавшей въ 1882 году.

„Воспоминанія" Ѳ. И. Буслаева читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ. Любопытные эпизоды изъ жизни университета и изъ за-граничной жизни, которыми авторъ по временамъ прерываетъ свой разсказъ, не нарушая стройности изложенія, придаютъ живость самому разсказу. Важныя для исторіи Московскаго университета и характеристики его дѣятелей, „воспоминанія" эти не менѣе важны и для характеристики самого автора ихъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Ѳ. И. вращался въ кружкѣ славянофиловъ. Освободиться вполнѣ отъ вліянія этихъ высокопросвѣщенныхъ представителей тогдашняго общества онъ, конечно, не могъ. Не раздѣляя вполнѣ ихъ взглядовъ и убѣжденій, онъ въ то же время не могъ сдѣлаться западникомъ въ родѣ Герцена, Чаадаева или Бѣлинскаго. Любовь и уваженіе къ родной старинѣ, пріобрѣтенныя на лекціяхъ Шевырева и Погодина, здѣсь получали поддержку и одобреніе. При чтеніи „воспоминаній" предъ нами возстаетъ образъ идеалиста тридцатыхъ годовъ, всецѣло преданнаго интересамъ искусства и науки, для котораго не было ничего скучнѣе, какъ „тарабарская грамота политическихъ дебатовъ". Попытки гр. Строганова во время заграничнаго путешествія пріохотить юношу къ чтенію газетъ и познакомить съ современнымъ политическимъ устройствомъ западныхъ державъ не привели ни къ чему. Задатками такого настроенія маститый нашъ ученый, безъ сомнѣнія, обязанъ былъ главнымъ образомъ Московскому университету, который во времена его студенчества, очевидно, вполнѣ удовлетворялъ прямому своему назначенію, служа исключительно разсадникомъ науки и просвѣщенія.

ЭТНОГРАФІЯ.

Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, выпускъ первый. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1898. Цѣна 3 р.

П. В. Шейнъ не новичекъ въ собираніи произведеній народнаго творчества. Еще въ 1859 году въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* помѣщенъ былъ первый сборникъ его великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, затѣмъ въ томъ же журналѣ собранныя имъ пѣсни помѣщались въ 1868, 1869, 1870 и 1877 годахъ; изъ нихъ означеннымъ Обществомъ

была издана въ 1870 году отдѣльная книга подъ заглавіемъ: *Русскія народныя пѣсни*, собранныя П. В. Шейномъ, ч. I. Въ 1874 году Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ были изданы собранныя имъ *Бѣлорусскія народныя пѣсни* съ относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и суевѣріями. Произведенія безыскусственнаго творчества собирались г. Шейномъ въ разныхъ мѣстностяхъ, сперва по собственной иниціативѣ, а затѣмъ по порученію втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, спеціально въ Сѣверо-Западномъ краѣ. *Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края,* собранные г. Шейномъ и приведенные имъ въ порядокъ, были изданы Академіей Наукъ въ 1887—1893 годахъ въ двухъ томахъ. Томъ первый обнимаетъ бытовую и семейную жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ, томъ второй заключаетъ въ себѣ сказки, загадки, легенды, духовные стихи и проч.

Настоящій сборникъ, изданіе котораго предпринято такъ же Императорскою Академіей Наукъ, обнимаетъ великорусскія губерніи. Изданіе разсчитано, повидимому, на нѣсколько томовъ. Первые два тома предназначены для пѣсеннаго матеріала, остальные—для прозаическаго (сказокъ, анекдотовъ, легендъ, описанія обрядовъ, обычаевъ и пр.). Въ составъ пѣсенной части входятъ, во-первыхъ, вышеупомянутыя пѣсни, печатавшіяся въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, во-вторыхъ, пѣсни, вновь записанныя самимъ собирателемъ, а также предоставленныя въ его распоряженіе другими лицами и наконецъ нѣкоторыя пѣсни, извлеченныя изъ архивовъ Русскаго Географическаго Общества и Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Въ расположеніи пѣсеннаго матеріала составитель сборника держится біографическаго порядка. Сборникъ открывается дѣтскими пѣснями (пѣсни колыбельныя, пѣсенныя прибаутки и приговоры, дѣтскія игры съ пѣсенными приговорками и пр.), затѣмъ слѣдуютъ пѣсни хоровыя и плясовыя и наконецъ пѣсни бесѣдныя (любовныя, семейныя, юмористическія, сатирическія и т. п.); во второмъ отдѣлѣ помѣщены обрядовыя пѣсни (святочныя, масленичныя, весеннія, вознесенскія, семиковыя, троицкія, толочныя и жнивныя). Этимъ заканчивается нынѣ вышедшій первый выпускъ I тома. Во второмъ выпускѣ будутъ помѣщены пѣсни свадебныя и похоронныя. Такимъ образомъ I томъ представитъ жизнь великорусса въ пѣсняхъ, начиная съ колыбели и до могилы. Такого расположенія матеріала нельзя не одобрить. Что же касается II тома, то въ него будутъ включены пѣсни, которыя по содержанію выходятъ изъ тѣснаго круга семейныхъ интересовъ: пѣсни историческія (отъ Ивана Грознаго до Крымской войны), солдатскія, бурлацкія, разбойничьи и другія, а также нѣсколько духовныхъ стиховъ и пѣсни новѣйшей формаціи (фабричныя, лакейскія и т. п.).

Едва ли нужно говорить о значеніи подобнаго рода сборниковъ. Помимо интереса, представляемаго ими въ лексическомъ

отношеніи, они важны для выясненія и изученія народнаго міросозерцанія, взглядовъ, вкусовъ, наклонностей и интересовъ, которыми жилъ и живетъ русскій народъ.

О достоинствѣ сборника г. Шейна можно судить уже по этой вышедшей части его. По качеству и оригинальности матеріала (составитель только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлалъ заимствованія изъ другихъ печатныхъ сборниковъ), по разнообразію и количеству его (уже настоящій выпускъ содержитъ въ себѣ вмѣстѣ съ варіантами свыше 1.200 пѣсенъ), по обширности территоріи, съ которой онъ собранъ (здѣсь представлены почти всѣ великорусскія губерніи), сборникъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди себѣ подобныхъ.

Настоящій, нынѣ вышедшій выпускъ сборника, помимо своего научнаго и литературнаго значенія, можетъ имѣть и практическое примѣненіе. Отдѣлъ дѣтскихъ пѣсенъ и въ особенности описаніе дѣтскихъ игръ съ припѣвами можно рекомендовать вниманію родителей и воспитателей.

ЭТИКА.

П. Фаулеръ. *Прогрессивная нравственность*. Опытъ этики. Съ англійскаго. Кіевъ 1897 г. Цѣна 25 коп.

„Всякій мыслящій человѣкъ“, такъ начинаетъ свой опытъ этики г. Фаулеръ, „согласится съ тою истиной, что теоретическая и практическая нравственности совершенствуются вмѣстѣ съ общимъ прогрессомъ человѣческаго ума и цивилизаціи. А если это такъ, то нравственность должна быть доступна разуму, должна служить предметомъ изслѣдованія и изученія, предметомъ, въ которомъ менѣе свѣдущіе адепты общества могли бы всегда учиться кое-чему у болѣе свѣдущихъ, а эти послѣдніе въ свою очередь должны *безпрестанно разрѣшать новыя задачи, запасаться новымъ матеріаломъ*“.

Нельзя, прочтя эти строки, хоть на минуту усомниться, что въ лицѣ автора передъ нами находится самый современный моралистъ. Какъ нельзя яснѣе въ словахъ его слышится призывъ: „придите, адепты, заплатите только деньги, а скучно не будетъ и развлеченіями останетесь вполнѣ довольны, все подадимъ самое новое, свѣжее. Матеріалъ мѣняемъ каждый день и задачи нравственности разрѣшаемъ каждый разъ иначе. Мы, болѣе свѣдущіе, какъ это дѣлать, на томъ и стоимъ, а вы приходите и выбирайте новые фасоны!“ И въ самомъ дѣлѣ г. Фаулеру кажется совершенно непонятнымъ, почему бы не приготовлять новый матеріалъ нравственности и не рѣшать новыя задачи, если соотвѣтствующіе спеціалисты постоянно мѣняютъ матеріалъ для платья, галстуховъ, перчатокъ. Почему бы адептамъ не заимствовать новые образцы нравственности, точно такъ же, какъ они заимствуютъ новыя моды? Рѣшительно это непонятно г. Фаулеру. Все создано для того, чтобы служить источ-

никомъ дохода; нравственность также не должна составлять исключенія, потому-что не пропадать же матеріалу, который заготовляютъ болѣе свѣдущіе въ нравственности, точно такъ же какъ мясникъ заготовляетъ свой матеріалъ каждый день. Правда, г. Фаулеръ ничего пока новаго въ нравственности не заготовилъ. Въ этомъ своемъ опытѣ онъ даетъ повтореніе утилитарной теоріи, при этомъ въ самой грубѣйшей формѣ ея. Въ число побужденій нравственности, или, какъ онъ громко называетъ, въ санкціи поведенія, онъ включаетъ и головную боль послѣ ночной оргіи, и удовольствіе отдыха, заслуженнаго въ праздникъ, и наказаніе. Однако, есть надежда, что на этомъ матеріалѣ дальнѣйшіе опыты этики не остановятся; уже и теперь г. Фаулеръ поговариваетъ, что для соціальной санкціи нужна рука моралиста - исправителя. Скоро ли онъ появится—это конечно неизвѣстно, такъ какъ пока не надоѣла мода, нечего готовить новаго матеріала; по той же причинѣ неизвѣстно, какова будетъ новая мода, такъ какъ, хотя г. Фаулеръ и говоритъ, что менѣе свѣдущіе адепты должны повиноваться болѣе свѣдущимъ, но эти послѣдніе не особенно любятъ расходиться со вкусами менѣе свѣдущихъ заказчиковъ и покупателей.

Съ достаточнымъ основаніемъ всетаки можно предугадать, въ какомъ направленіи будетъ сдѣланъ дальнѣйшій опытъ въ этой области. Уже и теперь ясно назрѣваетъ потребность въ наиболѣе прогрессивныхъ слояхъ общества имѣть такую нравственность, которая, по желанію, могла бы быть повернута на два, на три и болѣе фасоновъ. Прогрессивно смѣнять матеріалы нравственности, хотя вещь и мудреная и не всякому дана, однако не то, чтобы выдумать такой матеріалъ, который сразу могъ бы быть вывернутъ на изнанку. Вотъ на поприщѣ оборудованія и приспособленія такой нравственности предстоитъ потрудиться г. Фаулеру и его присныъ, но тогда ужъ, безспорно, не только менѣе свѣдущіе адепты поспѣшатъ запастись новымъ матеріаломъ, но и опытнѣйшіе въ прогрессирующей нравственности не устоятъ передъ послѣднимъ словомъ прогресса.

Русскимъ издателямъ „Прогрессирующей нравственности" слѣдовало бы подождать того счастливаго момента, а то въ настоящемъ фасонѣ г. Фаулера мало интереснаго и едва ли онъ найдетъ адептовъ.

СПРАВОЧНИКИ.

„Русскія книги" съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція С. А. Венгерова. Изданіе Г. В. Юдина. Выпускъ XXI (Богатырь—Богуславскій). С.-Петербургъ. 1898 г.

Въ этомъ году вышелъ XXI выпускъ „Русскихъ книгъ съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ" подъ редакціей С. А. Венгерова. Это изданіе является лишь подготовительною работой къ другому значительно болѣе обширному

труду, именно къ „Критико-біографическому словарю русскихъ писателей и ученыхъ“ отъ начала русской образованности до нашихъ дней. Въ этомъ трудѣ принимаютъ участіе многіе профессора и спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія. Но „Русскія книги“ имѣютъ и самостоятельное значеніе, какъ первый общій каталогъ всѣхъ вышедшихъ въ Россіи русскихъ книгъ, отъ введенія гражданской печати при Петрѣ до нашихъ дней. Большинство книгъ описано съ подлинниковъ. Кромѣ того приняты во вниманіе какъ всѣ библіографическія пособія и изслѣдованія, такъ и случайныя указанія въ разныхъ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ. Въ этомъ изданіи описаны всѣ внѣшніе признаки книги: имя автора, заглавіе, годъ выхода въ свѣтъ, мѣсто печатанія, форматъ, типографія, число страницъ и, когда этого можно доискаться, цѣна. При книгахъ послѣднихъ 20 лѣтъ отмѣчается и количество экземпляровъ, въ которомъ онѣ печатаются. Словомъ, съ этой стороны описаніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Что же касается краткихъ біографическихъ данныхъ, приведенныхъ при именахъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ авторовъ, гдѣ отмѣчены основные факты жизни писателя, то на этотъ отдѣлъ, редактору слѣдуетъ обратить болѣе вниманія въ смыслѣ большей полноты, свѣжести и безпристрастія свѣдѣній

Для библіотекъ, желающихъ обзавестись карточными каталогами, печатается 200 особыхъ экземпляровъ, съ текстомъ только на одной сторонѣ, что даетъ возможность наклеить отдѣльныя страницы на карточки.

Изданіе весьма опрятное; цѣна 40 копѣекъ съ пересылкой каждому выпуску (3 печатныхъ листа).

СТАТИСТИКА.

Статистическое отдѣленіе Нижегородской губернской земской управы. Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Экономическая часть. Выпускъ II. Лукояновскій уѣздъ. Отдѣлъ 2-й. Н.-Новгородъ. 1897 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Настоящій 2-й отдѣлъ II выпуска экономической части „Матеріаловъ къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи“ содержитъ въ себѣ сводъ оцѣночныхъ данныхъ о земельныхъ угодьяхъ Лукояновскаго уѣзда. Главнымъ источникомъ этихъ данныхъ послужило мѣстное изслѣдованіе уѣзда, произведенное лѣтомъ 1890 года. Программа изслѣдованія заключала въ себѣ, сверхъ описанія каждаго отдѣльнаго земельнаго владѣнія, еще и подворную перепись, въ которую входили свѣдѣнія, характеризующія положеніе каждаго отдѣльнаго двора. Изслѣдованію было подвергнуто не одно только приписное крестьянское населеніе, но и все вообще населеніе, проживающее въ чертѣ крестьянской усадебной осѣдлости; кромѣ того были описаны и другіе поселки, расположенные хотя и не на надѣльныхъ земляхъ, но имѣющіе

крестьянскій характеръ. Кромѣ данныхъ мѣстнаго изслѣдованія, матеріаломъ для настоящаго сборника послужили свѣдѣнія, извлеченныя изъ дѣлъ и архивовъ различныхъ учрежденій, а также данныя текущей сельско-хозяйственной статистики. Разработанъ матеріалъ по тому же плану, который былъ примѣненъ и къ другимъ ранѣе выпущеннымъ сборникамъ уѣздовъ Нижегородской губерніи. Текстъ сборника, состоящій изъ четырехъ главъ: пашня, сѣнокосы, усадьба и выгонъ и лѣсъ написанъ съ опытностью и знаніемъ дѣла. Умѣлое расположеніе матеріала въ текстѣ чрезвычаейно облегчаетъ усвоеніе его и дѣлаетъ сборникъ очень удобнымъ для пользованія имъ при работахъ. Изданъ сборникъ очень хорошо.

ИЗЪ ВОПРОСОВЪ ВѢРЫ И ЖИЗНИ.

ЛОГИЧЕСКІЙ КОНЕЦЪ СЕКТАНТСТВА. [1]

Въ февральской книжкѣ *Миссіонерскаго Обозрѣнія* опубликованы статистическія данныя о числѣ раскольниковъ и сектантовъ въ Россіи. Данныя эти составлены на основаніи офиціальныхъ свѣдѣній, доставленныхъ миссіонерами и епархіальными начальствами послѣднему всероссійскому миссіонерскому съѣзду, бывшему въ Казани въ минувшемъ 1897 году. Въ 44 епархіяхъ (по которымъ свѣдѣнія были доставлены) числится въ настоящее время: раскольниковъ 1.405.000 человѣкъ, послѣдователей раціоналистическихъ сектъ 842 тысячи и послѣдователей тайныхъ мистическихъ сектъ—25 тысячъ.

Трудно сказать, насколько эти статистическія данныя соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Регистрація раскольниковъ и сектантовъ всегда была чрезвычайно затруднительна по понятнымъ причинамъ. Если не всегда легко замѣтить уклоненіе отъ Церкви, то тѣмъ болѣе трудно слѣдить за естественнымъ приростомъ расколо-сектантства чрезъ дѣторожденіе, такъ какъ въ метрическихъ полицейскихъ актахъ записывается лишь то, что показываютъ сами раскольники, безъ провѣрки этихъ показаній. Мало того, новѣйшее сектантство, какъ пашковщина и штундобаптизмъ никакой регистраціи не подвергается, такъ что, по выраженію *Миссіонерскаго Обозрѣнія* „успѣло народиться и вырасти цѣлое поколѣніе, которое нигдѣ въ метрикахъ не значится записаннымъ“. Все это страшно затрудняетъ опредѣленіе точнаго числа раскольниковъ и сектантовъ и приходится поэтому пока довольствоваться цифрами *приблизительно* вѣрными. Къ такимъ цифрамъ принадлежатъ и данныя о расколо-сектантствѣ, опубликованныя *Миссіонерскимъ Обозрѣніемъ* съ тою оговор-

[1] Читано на очередномъ собраніи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія 23-го марта.

кой, что послѣдователей тайныхъ мистическихъ сектъ (хлыстовъ) въ наличности несомнѣнно гораздо болѣе вышеуказаннаго числа.

II.

Но дѣло не въ этомъ. Голыя цифры сами-по-себѣ очень мало говорятъ. Чтó изъ того, если мы знаемъ, что сектантовъ менѣе раскольниковъ, или что хлыстовъ не 25 тысячъ, а гораздо болѣе. Въ этомъ случаѣ цифры имѣютъ значеніе какъ матеріалъ для сравненія. Для насъ было бы очень важно знать, сколько было раскольниковъ и сектантовъ въ Россіи лѣтъ 20 тому назадъ, сколько съ того времени ихъ прибавилось или убавилось и какимъ путемъ? Однимъ словомъ, важно знать не статику расколо-сектантства, а его динамику, то-есть *движеніе* по времени и пространству. Но теперь по указаннымъ выше причинамъ мы этого знать не можемъ и должны довольствоваться общими цифрами, дающими хоть нѣкоторыя указанія. И теперь уже мы можемъ видѣть, какъ быстро и упорно растетъ раціоналистическое сектантство, увеличиваясь количественно и захватывая все большую площадь территоріи. Однихъ штундистовъ считается теперь около 35 тысячъ человѣкъ, тогда какъ 30 лѣтъ тому назадъ эта секта едва только зарождалась. Долгое время существовало мнѣніе, что штундизмъ есть явленіе спеціально южнорусское, что на великорусской почвѣ онъ не можетъ привиться. Приводились основанія этому мнѣнію, повидимому, вѣскія. Теперь, увы, защищать это мнѣніе уже нельзя. Штундизмъ встрѣчается въ настоящее время въ 24 епархіяхъ, въ томъ числѣ въ такихъ великорусскихъ, какъ, напримѣръ, Ярославская или Орловская. Таковы неоспоримые факты и надъ ними слѣдуетъ задуматься. Не въ томъ дѣло, что штундистовъ еще сравнительно немного, а въ томъ, что эта секта проникаетъ въ такіе уголки, гдѣ ея совсѣмъ не ждутъ. Въ томъ бѣда, что очаги духовной заразы распространяются по Россіи съ ужасною быстротой и производятъ болѣзненное броженіе вездѣ, гдѣ только они появляются. Раціоналистическое сектантство, какъ это установлено на Казанскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, проникаетъ теперь и въ міръ стараго сектантства (какъ хлыстовство, молоканство и др.) и производитъ тамъ разлагающее дѣйствіе. Мало того, даже расколъ старообрядчества кое-гдѣ „тронулся“ и поддался вліянію того же разрушительнаго начала. Таковы, повторяю, факты.

Къ сожалѣнію, общественная мысль наша слишкомъ рѣдко останавливается на нихъ. Расколомъ интересуются у насъ и занимаются имъ гораздо болѣе, чѣмъ сектантствомъ. Отчего это происходитъ? Оттого ли, что сектантство наше сравнительно недавняго происхожденія, а съ расколомъ мы сжились? Оттого ли что мы еще не разглядѣли всей опасности, грозящей намъ отъ распространенія раціоналистическаго сектантства? Оттого ли, что мы всѣ въ душѣ сами раціоналисты и, если не выражаемъ явнаго сочувствія, то, по крайней мѣрѣ, сквозь

пальцы смотримъ на пропаганду раціонализма въ народѣ? Послѣднее предположеніе имѣетъ, кажется, нѣкоторое основаніе. Въ журналахъ и газетахъ извѣстнаго направленія не рѣдкость встрѣтить статьи въ защиту „угнетаемыхъ сектантовъ"; среди общества очень часто наталкиваешься на выраженія сочувствія имъ. И добро бы это сочувствіе было дѣйствительно *идейное*. Добро бы выражающіе его имѣли религіозное единеніе съ защищаемыми сектантами. Такъ нѣтъ же. Какое тамъ религіозное единеніе, когда съ одной стороны наши „интеллигенты" менѣе всего думаютъ о религіи, съ другой — сектанты менѣе всего могутъ хвалиться опредѣленностью религіозной догмы. Сектантство не есть вѣроисповѣданіе. Это есть отрицаніе Церкви, хула на нее. И только одинъ этотъ положительный признакъ объединяетъ все разнообразіе сектантскихъ толковъ въ одно цѣлое. Чему же тутъ симпатизировать?

Отношеніе нашего общества къ сектантству *возмутительно легкомысленное*. Въ большинствѣ случаевъ это отношеніе опредѣляется исключительно ложнымъ представленіемъ о сектантахъ, какъ о людяхъ высокой нравственности, опредѣленныхъ религіозныхъ вѣрованій и сознательнаго отношенія къ окружающему. Представленіе это поддерживается незнаніемъ внутренней жизни сектантства и нежеланіемъ пріобрѣсть это знаніе. Къ этому присоединяется еще неумѣніе разобраться въ сущности явленія и его внѣшнихъ придаткахъ. Вотъ почему я назвалъ отношеніе общества къ сектантству легкомысленнымъ. Почему оно возмутительное — скажу ниже.

III.

Извѣстно ходячее мнѣніе о сектантахъ, какъ о людяхъ высокой нравственности. Православный — пьяница, православный — воръ; сектантъ, а особенно штундистъ, образецъ нравственности. Это не оспаривается. Это принято всѣми какъ непреложная истина и на этой основѣ строятся соотвѣтственныя заключенія. Но въ дѣйствительности эта истина есть ничто иное, какъ предразсудокъ. *Всякая* секта при своемъ возникновеніи характеризуется высокимъ подъемомъ нравственной жизни ея членовъ. Но затѣмъ, съ теченіемъ времени, нравственная жизнь сектантовъ постепенно спускается къ той грани, которая является логически неизбѣжною, какъ результатъ многихъ вліяній и въ томъ числѣ догматическихъ умствованій сектантовъ. Этого закона перерожденія не могъ избѣжать и штундизмъ.

Вотъ, напримѣръ, что говоритъ объ этомъ непосредственный наблюдатель жизни сектантовъ въ Херсонской губерніи *М. Кальневъ*. „Тридцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, появившійся въ Херсонской епархіи штундизмъ и распространившійся оттуда по многимъ другимъ епархіямъ въ нравственной жизни своихъ послѣдователей представляется теперь уже далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ

казался на первыхъ порахъ своего появленія. Теперь сами сектанты открыто на бесѣдахъ сознаются, что ихъ „вѣра падаетъ", что ихъ „братство уже не то". И дѣйствительно, замѣчавшееся прежде среди штундистовъ общее стремленіе къ улучшенію нравственной жизни, выражавшееся въ трезвости, сравнительной честности, во взаимопомощи, христіанскомъ провожденіи воскресныхъ дней и проч.—отошло теперь въ область преданій. Штундобаптизмъ въ Херсонской губерніи успѣлъ совершенно уже деморализоваться: куреніе, считавшееся прежде у штундистовъ большимъ порокомъ, пьянство, нарушеніе цѣломудрія и супружеской вѣрности, корыстолюбіе, обманъ, воровство, поджоги, вражда, не только къ православнымъ, но и своимъ единовѣрцамъ, среди которыхъ даже на молитвенныхъ собраніяхъ происходятъ драки, грубость, сатанинская гордость, часто открытое сопротивленіе властямъ и т. п. пороки, вотъ что теперь характеризуетъ внутреннюю жизнь современнаго штундизма на его родинѣ—въ Херсонской губерніи". По словамъ редактора *Миссіонерскаго Обозрѣнія*, въ штундистскихъ общинахъ Кіевской епархіи наблюдается такое же нравственное разложеніе.

Но этого мало. Естественное разложеніе коснулось не нравственныхъ только основъ штундизма, но прежде всего религіозныхъ. Въ исторіи развитія Херсонскаго штундизма М. Кальневъ различаетъ три періода. Начальный періодъ характеризовался только произвольнымъ (какъ и у другихъ сектантовъ) толкованіемъ мѣстъ Св. Писанія, приводимыхъ штундистами въ защиту своего ученія. Далѣе у штундистовъ явилось сомнѣніе въ богодухновенности всѣхъ книгъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта. Въ послѣдніе же годы штундизмъ дѣлаетъ по отношенію къ Св. Писанію новый болѣе рѣшительный шагъ. Онъ начинаетъ отвергать богодухновенность уже *всего* Св. Писанія, удерживая изъ него только то, что „нравится" и что „полезно" послѣдователямъ секты, въ смыслѣ ихъ взаимныхъ отношеній и отношеній къ обществу и государству. Какъ логическій результатъ этого періода развитія, среди херсонскихъ штундистовъ стало замѣчаться проявленіе чисто *атеистическихъ* идей, высказываемыхъ при томъ публично. „Все", говорилъ одинъ штундистъ на бесѣдѣ, „что написано въ Писаніи, будто оно было раньше,—неправда, и все, о чемъ говорится въ немъ, что произойдетъ когда-то въ далекомъ будущемъ—тоже неправда: существуетъ одна природа". Еще откровеннѣй высказались штундисты села Петроострова, Елисаветградскаго уѣзда; „Христосъ", говорили они, „былъ простой человѣкъ, только очень умный и добрый, хотя и не чуждый еврейскихъ предразсудковъ; отъ этихъ предразсудковъ не могли вполнѣ отрѣшиться и апостолы. Чистую религію свободы, чуждую всякихъ недостатковъ проповѣдуетъ только штунда". И это говорятъ не резонерствующіе „интеллигенты", а простые русскіе мужики Херсонской губерніи!

Но прогрессъ мужицкаго міросозерцанія не ограничивается только мѣстомъ родины штунды. По сообщенію *Миссіонерскаго*

Обозрѣнія, въ Чигиринской штундѣ Кіевской губерніи тоже установлено тщательнымъ разслѣдованіемъ существованіе крайне опаснаго атеистическаго направленія, съ проповѣдью о томъ, что Св. Писаніе не должно служить для сектантовъ единственнымъ правиломъ вѣры и жизни, какъ учила раньше штунда, а *законы природы*. Въ Св. Писаніи, по мнѣнію мужицкихъ богослововъ этой секты, много противорѣчій, слово Божіе претерпѣвало будто бы при переводахъ измѣненія и добавленія со стороны духовенства и ученыхъ богослововъ, законы же природы всегда неизмѣнны, они вѣчны, имъ однимъ и надо только вѣрить",. „Теперь Евангелію никто не вѣритъ", говорилъ одинъ изъ вожаковъ штунды, „такъ какъ дошедшее до нашихъ временъ Евангеліе—дѣло рукъ человѣческихъ, такое же измышленіе человѣческаго разума, какъ и всѣ другія человѣческія писанія, законы и установленія"..

Таково *послѣднее слово* штундизма. Правда, это слово усвоено не всѣми, высказывается оно только вожаками штунды, болѣе смѣлыми и послѣдовательными, но такъ оно и должно быть. „Послѣднія слова" усвоиваются сперва „передовыми" людьми, а затѣмъ ужъ постепенно дѣлаются достояніемъ массы.

Но было бы ошибочно думать, что только *раціоналистическое* сектантство можетъ доходить до крайнихъ предѣловъ отрицанія. Факты говорятъ, что отрицательныя идеи въ послѣднее время находятъ себѣ благопріятную почву и въ сектантствѣ *мистическомъ*. Тотъ же изслѣдователь сектантства въ Херсонской губерніи г. М. Кальневъ говоритъ, что херсонскіе хлысты въ послѣднее время стали пріобрѣтать нѣкоторыя отличительныя особенности, которыя заключаются въ привнесеніи во лжеученіе хлыстовъ элемента чисто *атеистическаго*; „причемъ по нѣкоторымъ мѣстамъ Херсонской епархіи атеистическія идеи распространяются хлыстами уже не тайно со свойственною этимъ сектантамъ осторожностью, а высказываются часто и открыто, публично". Этимъ же новымъ вѣяніемъ въ хлыстовщинѣ, между прочимъ, объясняется успѣхъ въ послѣднее время пропаганды штундистовъ среди хлыстовъ. [1] Такъ что прежняя рѣзкая, непроходимая грань между сектантствомъ раціоналистическимъ и мистическимъ начинаетъ мало-по-малу *стушевываться* и исчезать. Фактъ знаменательный.

IV.

Собственно говоря, если вдуматься внимательнѣй въ существо дѣла, то ничего неожиданнаго нельзя усмотрѣть въ приведенныхъ фактахъ *прогресса* сектантства. Прогрессъ этотъ совершенно естественное явленіе. Онъ есть *логическій конецъ* того ряда явленій духовной жизни (въ отдѣльномъ ли человѣкѣ или въ цѣ-

---

[1] *Мис. Обозр.* 1897 г., іюль, стр. 636—640.

ломъ народѣ—это все равно), началомъ коего служитъ отдѣленіе отъ вселенскаго разума и поклоненіе своему. Въ дѣлѣ вѣры и пониманія Св. Писанія нельзя безнаказанно отрицать авторитетъ Церкви и полагаться только на *свой* разумъ. Свобода толкованія Св. Писанія безъ твердаго неизмѣннаго и общаго для всѣхъ критерія всегда въ подобномъ случаѣ превращается въ свободу выбора; разумъ пріучается принимать одно (что ему нравится), отвергать другое (что не нравится). Результатомъ этого является сектантское разномысліе, а конечнымъ логическимъ послѣдствіемъ — отрицаніе *всего* Св. Писанія, т. е. отрицаніе основъ христіанства. Я говорю „*логическимъ* послѣдствіемъ", такъ какъ въ жизни, въ дѣйствительности логическій конецъ явленій не всегда осуществляется. Для этого необходимы нѣкоторыя благопріятныя условія, отсутствіе которыхъ задерживаетъ послѣдовательное развитіе въ жизни основныхъ принциповъ. Протестантская масса въ своемъ цѣломъ до сихъ поръ *пока* не атеистична, но профессора богословія въ нѣмецкихъ университетахъ не стѣсняются публично отрицать Божественность Спасителя и подрывать основы христіанства.

У насъ не то. У насъ условія для логическаго развитія принциповъ жизни такъ благопріятны, что уже чрезъ 30 лѣтъ послѣ начала проповѣди въ народѣ протестантскихъ идей мы начинаемъ пожинать логическіе плоды этого. Баптисты привили русскому мужику отрицаніе Православія, мужикъ теперь уже отплачиваетъ своимъ учителямъ отрицаніемъ христіанства. Почему это?

Останавливаться подробно на условіяхъ, благопріятствующихъ расцвѣту на русской почвѣ мужицкаго нигилизма, я пока не стану. Достаточно только сдѣлать нѣсколько указаній на главнѣйшія изъ этихъ условій. Къ такимъ прежде всего принадлежитъ невѣжество русскаго сектанта въ вопросахъ религіозныхъ. Стало общимъ мѣстомъ обвинять русскій народъ въ религіозномъ невѣжествѣ. Это отчасти правда. Народъ нашъ бережно хранитъ въ душѣ своей свѣтъ Христовъ, коимъ онъ просвѣщенъ, но понятія религіозныя его чрезвычайно смутны. Это между прочимъ служитъ причиною сравнительной легкости пропаганды въ нашемъ народѣ всевозможныхъ сектъ. Но было бы наивно думать, что темная крестьянская масса, увлекаемая въ секту, пріобрѣтаетъ какія-либо *высшія* религіозныя *понятія*. Эта масса прежде всего обучается хулить Церковь и отрицать всю обрядовую и таинственную сторону Православія. И только. Затѣмъ пробужденная мысль идетъ уже *далѣе* по тому же пути отрицанія. Толчокъ данъ, положительныхъ знаній никакихъ, прямолинейность и послѣдовательность русскаго мужика общеизвѣстны. Почему же останавливаться на полпути, на какихъ-нибудь обрывкахъ религіозныхъ понятій, почему не идти далѣе?

И идутъ сектанты далѣе. Но быть можетъ это движеніе происходило бы не такъ быстро, если бы не одно обстоятельство, крайне благопріятствующее ему. Это обстоятельство заключается

въ томъ, что народная сектантская мысль находитъ себѣ не только поддержку, но и побужденіе къ дальнѣйшему развитію со стороны сектантствующихъ интеллигентовъ. Въ этомъ взаимоотношеніи оторваннаго отъ Церкви народа и оторваннаго отъ родной почвы россійскаго интеллигента—будущій историкъ найдетъ ключъ къ разгадкѣ многихъ и многихъ явленій русской жизни.

Объ этомъ уже не разъ говорилось. Не разъ указывалось, какое броженіе поднимается въ старомъ сектантствѣ подъ вліяніемъ интеллигентныхъ пропагандистовъ. Послѣдняя, напримѣръ, печальная исторія съ духоборами Закавказья находится въ зависимости отъ успѣха пропаганды среди нихъ толстовщины. Объ этой пропагандѣ среди другихъ сектантовъ заявляютъ непрестанно миссіонеры. Вотъ, напримѣръ, изслѣдователь Тамбовскаго сектантства говоритъ въ мѣстныхъ *Епарх. Вѣдомостяхъ,* что въ послѣднее время нѣкоторые вожаки молоканства явились виновниками новаго теченія въ молоканствѣ—толстовства, завязавъ письменныя сношенія съ гр. Л. Толстымъ. „Всюду полился ядъ сомнѣнія и, порой, кощунства. Болѣе энергичные изъ вожаковъ поѣхали въ Москву къ графу Толстому для личныхъ объясненій. Тамъ Яснополянскій мудрецъ обильно насытилъ ихъ своею философіей. Простецы вернулись изъ Москвы съ убѣжденіемъ, что разумъ есть верховный судья въ дѣлахъ вѣры, что въ Библіи хорошо только то, что учитъ любить людей и жить по Божьи, что догматы—это лишняя обуза, „выдумка поповъ“, что Христосъ — не Богъ въ православномъ смыслѣ“ и т. д.

А вотъ живая картинка, объясняющая очень много въ современномъ броженіи сектантства Въ Кіевѣ съ прошлаго года ведутся собесѣдованія съ сектантами. Собесѣдованія привлекаютъ много народа, какъ православныхъ, такъ и сектантовъ. На первомъ же собраніи, которое происходило 26 октября, въ числѣ совопросниковъ былъ одинъ молодой человѣкъ, по имени Игнатій, привлекшій на себя общее вниманіе. Когда онъ приблизился къ каѳедрѣ для бесѣды, его спросили, какой онъ вѣры—православной или сектантъ? Игнатій отвѣтилъ: „нѣтъ, я отъ православной Церкви отсталъ года два, но я не могу признать себя и сектантомъ или штундистомъ“.

— Ну, такъ кто же вы—магометанинъ, еврей?

— Я собственно *никакой* вѣры, я свободный человѣкъ.

Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ—отвѣтовъ выяснилось, что Игнатій не вѣритъ въ Бога, Христа признаетъ только хорошимъ учителемъ и страдальцемъ за правду, воскресенье мертвыхъ и загробную жизнь отрицаетъ, въ страшный судъ не вѣритъ, а добро дѣлаетъ или *такъ себѣ*, или по чувству состраданія. На вопросъ преосвященнаго Сергія: откуда позаимствовалъ этотъ юный малограмотный атеистъ - слесарь свои безбожные отвѣты, онъ сказалъ, что „понятія“ эти почерпнулъ изъ нѣкоторыхъ умныхъ книжекъ, а какихъ именно—не знаетъ, и слыхалъ отъ

ученыхъ людей. Такое категорическое отрицаніе бытія Божія, вѣры, Церкви и самаго евангелія 20—22-лѣтнимъ мастеровымъ, отрицаніе на основаніи какихъ-то книжекъ, которыхъ даже авторы неизвѣстны отрицающему, производило, говоритъ *Миссіонерское Общество*, удручающее впечатлѣніе. Чувствовалось негодованіе окружающей толпы, вслѣдствіе чего необходимо было прекратить собесѣдованіе съ атеистомъ, для котораго книжки безъ автора оказались дороже и убѣдительнѣе св. Евангелія. .

V.

Вотъ сама жизнь во всей своей наготѣ!

Какое, дѣйствительно, удручающее впечатлѣніе производитъ это повѣтствованіе объ омертвѣвшей душѣ юнаго сектанта. И какъ все это легко сдѣлалось! Почиталъ умную книжку и достаточно. Ни борьбы, ни страданій. Но тотъ, кто написалъ эту „умную книжку"—знаетъ ли онъ какое братоубійство онъ совершилъ? Но тѣ радѣтели о благѣ народномъ, которые распространяютъ въ народѣ тетрадки и книжки, смущающіе его младенческій умъ и совѣсть, сознаютъ ли они какую преступную мерзость они творятъ? Но тѣ „интеллигенты", которые въ печати распинаются за свободу пропаганды въ народѣ всякаго безумнаго вздора, понимаютъ ли они какую будущность готовятъ они своей родинѣ? А то общество, которое равнодушно относится къ распространенію въ народѣ сектантства—не проявляетъ ли оно, какъ я сказалъ, *возмутительнаго* легкомыслія къ вопросу первой важности, такъ какъ не сознавая всего зла, которое несетъ Россіи развивающееся сектантство, оно *допускаетъ* этому злу расти и крѣпнуть на радость врагамъ и безумцамъ.

А что общество не сознаетъ всей глубины и значенія этого зла—это несомнѣнно. Въ прошломъ году великій переполохъ въ печати и публикѣ произвело извѣстное дѣло о заживо-погребенныхъ раскольникахъ въ Терновскихъ плавняхъ. Писались объ этомъ статьи, цѣлые трактаты, посылались спеціальные корреспонденты на мѣсто происшествія, снимались фотографіи и т. д. Чтó же именно возбудило вниманіе общества? Необычайность преступленія? Его обстановка? Или число жертвъ? Ничуть не бывало. Главнымъ центромъ всѣхъ разговоровъ были *мотивы* этого коллективнаго самоубійства. Всѣ возмущались и кричали о недостаткѣ просвѣщенія, о дикости народа, косности, застоя и т. д. Все это такъ, конечно, и дикость и косность тутъ есть. Но я до сихъ поръ не понимаю, чѣмъ тутъ особенно волноваться? 25 человѣкъ въ Терновскихъ плавняхъ покончили свою жизнь самоубійствомъ отъ *недостатка* просвѣщенія; это привело всѣхъ въ ужасъ. Ежегодно не 25, а сотни интеллигентовъ кончаютъ свою жизнь самоубійствомъ отъ *пресыщенія* просвѣщеніемъ—это вызываетъ только слезы умиленія и... вѣнки.

Съ каждымъ годомъ среди сектантовъ распространяется явное безбожіе и нигилизмъ, люди гибнутъ духовною смертью на глазахъ у всѣхъ, это заражаетъ организмъ страны, и общество не обращаетъ вниманія на это, или дѣлаетъ видъ, что на это не стоитъ обращать вниманіе. Развѣ это не возмутительное легкомысліе?

Я думаю, что не можетъ быть двухъ отвѣтовъ на вопросъ, что опаснѣе для Россіи въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ—терновскіе изувѣры-раскольники или потерявшіе вѣру въ Бога и Евангеліе сектанты? Первые - это XVI столѣтіе, вторые—XX. Первыхъ можно просвѣтить и направить на прямую дорогу, со вторыми ничего нельзя сдѣлать. Первые для государства не представляютъ особенной опасности, а для культуры представляютъ запасъ непочатыхъ подспудныхъ силъ, вторые *отрицаютъ* и государство и культуру. Неужели это неясно?

Голое отрицаніе на почвѣ невѣжества развивается быстрѣе, чѣмъ мы думаемъ. Нетрудно и теперь уже предвидѣть, что разнообразныя сектантскія блужданія, при благопріятныхъ условіяхъ, могутъ закончиться однимъ голымъ мужицкимъ нигилизмомъ, въ которомъ всевозможные хлысты, штундисты, молокане, духоборы и т. д. найдутъ свою связь и свое оправданіе. Этотъ *прогрессивный нигилизмъ* можетъ быть ужаснымъ ядомъ, способнымъ заразить *весь* народный организмъ. Въ этомъ отношеніи отживающій вѣкъ оставляетъ намъ тяжелое наслѣдство, которое чѣмъ скорѣе мы ликвидируемъ, тѣмъ будетъ лучше.

Не пора ли объ этомъ подумать и, пока не поздно, общимъ подъемомъ здоровыхъ народныхъ силъ предотвратить грядущую бѣду?

Свящ. І. Фудель.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Законъ введенія суда присяжныхъ въ четырехъ губерніяхъ.—Два мнѣнія объ этой формѣ суда.—Отношеніе присяжныхъ къ преступленіямъ противъ собственности и личной безопасности и къ дѣтоубійствамъ.—Непонятная снисходительность.—Мнѣніе объ институтѣ нѣмецкаго ученаго.—Подрывъ чувства законности.—Отсутствіе практической необходимости преобразованія.

Недавно обнародовано Высочайше утвержденное 2-го февраля текущаго года мнѣніе Государственнаго Совѣта о введеніи суда присяжныхъ засѣдателей въ губерніяхъ Астраханской, Олонецкой, Оренбургской и Уфимской. Мѣра эта будетъ приведена въ дѣйствіе съ 1-го іюля текущаго года и несомнѣнно является цѣлымъ событіемъ не только въ вѣдомствѣ нашей юстиціи, но и въ области нашей внутренней политики вообще. Напомнимъ въ немногихъ словахъ все имѣющее связь съ только что обнародованнымъ закономъ.

Извѣстно, что въ 1864 году нашъ судебный строй былъ подвергнутъ самой коренной, какую только можно себѣ представить, реформѣ. Что судъ до этого преобразованія былъ въ высшей степени неудовлетворителенъ, какъ въ смыслѣ личнаго состава судей, такъ и въ смыслѣ организаціи, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. По этому поводу нельзя не замѣтить, что нѣкоторые защитники новаго суда quand même обнаруживаютъ едва ли не совершенно излишнее рвеніе, подвергая своей ретивой критикѣ нашъ дореформенный судъ. Пословица говоритъ: „лежачаго не бьютъ“, и странно теперь, 30 лѣтъ спустя послѣ преобразованія, забывая эту пословицу, пользоваться кстати и не кстати каждымъ случаемъ для того, чтобы лягнуть дореформенный судъ. Право, этотъ судъ рѣшительно никто не защищаетъ, и публицистическая критика его является совершенно потеряннымъ трудомъ. Съ этого замѣчанія мы и начнемъ нашу рѣчь.

Итакъ, дореформенный судъ требовалъ кореннаго и безусловнаго преобразованія во всѣхъ своихъ частяхъ. Но, говоря это, мы очень далеки отъ мысли, что такое преобразованіе можно было сдѣлать совершенно игнорируя исторію нашего судо-

устройства и судопроизводства, что въ шестидесятыхъ годахъ было разумно и правильно строить совершенно новое судебное зданіе на вполнѣ расчищенной почвѣ. Мы думаемъ, что такія постройки хороши только въ прямомъ смыслѣ этихъ словъ. Если же говорить о построеніяхъ и зданіяхъ въ смыслѣ переносномъ, подразумѣвая подъ этими именами государственныя учрежденія, то мы думаемъ, что наиболѣе правильная и даже единственно цѣлесообразная политика заключается не въ полной сломкѣ старыхъ зданій, а въ постоянной ихъ передѣлкѣ и приспособленіи къ новымъ измѣняющимся условіямъ. Въ особенности вѣрно это въ отношеніи такого дѣла, какъ судъ. Нельзя же думать, что государственные люди предшествовавшаго времени такъ-таки ничего уже и не понимали въ своемъ дѣлѣ, такъ-таки и были способны возводить совершенно нелѣпыя постройки и сооруженія. Отдѣльныя личности всегда могутъ ошибаться, но зданіе, возводимое трудами цѣлыхъ послѣдовательныхъ поколѣній, не можетъ быть возведено по невѣрному плану. Вдумайтесь въ этотъ планъ—и вы убѣдитесь, что онъ не такъ несостоятеленъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Непозволительно также въ отношеніи государственныхъ учрежденій и подражательное зодчество. Въ послѣднее время Москва *обезобразилась* нѣсколькими зданіями, построенными талантливыми архитекторами по красивымъ и выдержаннымъ въ отношеніи стиля планамъ. Какимъ же образомъ это случилось? Представьте себѣ, что одинъ изъ москвичей путешествуетъ по Португаліи. На одной изъ прибреженныхъ скалъ онъ видитъ красивое древнее аббатство св. Франциска Ассизскаго, своими легкими, изящными, ажурными контурами украшающее гребень скалы. Представьте себѣ, что нашему москвичу вдругъ приходитъ фантазія построить себѣ домъ въ Москвѣ по плану этого аббатства. И вотъ на какой нибудь Палихѣ или Якиманкѣ, въ какомъ-нибудь узенькомъ переулкѣ Арбата или Хамовниковъ воздвигается чудное зданіе средневѣковаго стиля... Вотъ какъ происходитъ обезображиваніе въ строительномъ отношеніи Москвы. То прекрасное зданіе, которое составляетъ, можетъ быть, одно изъ чудесъ старинной Испаніи, chef d'oeuvre зодческаго искусства, которое привлекаетъ путешественниковъ изъ далекихъ странъ своею оригинальностью, своею стильностью, своею гармоніей со всѣмъ окружающимъ,—такое зданіе въ какомъ-нибудь переулкѣ Божедомки или Якиманки является настоящимъ безобразіемъ.

То же самое можетъ быть въ области государственныхъ учрежденій. Какой-нибудь институтъ, выросшій естественно и самобытно на почвѣ соціальныхъ условій данной страны, будучи перенесенъ въ другую страну съ совершенно несходными условіями, съ другимъ населеніемъ, другими нравами, другою исторіей, можетъ явиться полнымъ и несомнѣннымъ безобразіемъ въ государственномъ смыслѣ.

А между тѣмъ именно эти двѣ ошибки—во-первыхъ забвеніе

историческихъ основъ организаціи нашего правосудія и во-вторыхъ слишкомъ смѣлое заимствованіе цѣлыхъ оригинальныхъ плановъ судоустройства иноземныхъ странъ—и были допущены при судебной реформѣ 1864 года. Составители судебныхъ уставовъ творили свои законы какъ бы не для Россіи съ ея дворянствомъ, купечествомъ, духовенствомъ и крестьянствомъ, а для какой-то фантастической страны, населенной гражданами-манекенами, устроенными по рецепту французскихъ философовъ конца XVIII столѣтія. Отсюда мы видимъ двойственное впечатлѣніе, которое производитъ эта реформа, и ея двойственные результаты: тогда какъ съ одной стороны своими хорошими сторонами она вызываетъ совершенно справедливый общій восторгъ, съ другой—время и практика съ безпощадностью начинаютъ разоблачать ея слабыя и больныя стороны. Именно одну изъ этихъ-то слабыхъ сторонъ, ту часть нашего судебнаго зданія, которая построена вполнѣ заново на совершенно расчищенной почвѣ и по плану, вывезенному изъ-за границы, и составляетъ судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

При обсужденіи практическихъ результатовъ примѣненія этого суда на нашей почвѣ нельзя не принять во вниманіе существовавшихъ въ современную эпоху въ нашемъ обществѣ настроеній и направленій. Оттого ли, что недостатки прежняго дореформеннаго суда слишкомъ наболѣли, оттого ли, что общество было въ періодѣ, можно сказать, революціоннаго броженія идей и мнѣній, которому была такъ подъ стать демократичность новой формы суда, но судъ присяжныхъ у насъ былъ встрѣченъ, можно сказать, всеобщимъ ликованіемъ, исключающимъ всякую возможность трезваго къ нему отношенія, всякой безпристрастной его критики. Поэтому въ первые годы дѣйствія этого суда въ печати и въ обществѣ не раздавалось по отношенію къ нему ничего, кромѣ дифирамбовъ и восхваленій. Но этотъ періодъ продолжался не долго. Все-таки даже и всеобщее опьянѣніе оставляетъ нѣсколько трезвыхъ головъ, и мы видимъ уже, что къ концу 60-хъ годовъ въ печати начинаютъ раздаваться голоса, указывающіе на крайне рѣзкіе дефекты въ дѣятельности новаго суда. Въ 70-хъ годахъ голоса эти раздаются громче и громче, пока наконецъ имъ не вняла и государственная власть и пока рядомъ законовъ не были предприняты попытки къ его частичнымъ преобразованіямъ и исправленію. Начиная съ закона 9-го мая 1878 года и кончая закономъ 7-го іюля 1889 года юрисдикція суда присяжныхъ постепенно суживалась изъятіемъ изъ его разсмотрѣнія наиболѣе важныхъ въ общественномъ и государственномъ отношеніи дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было пріостановлено и его территоріальное распространеніе. Какъ извѣстно, первоначально судъ присяжныхъ былъ введенъ въ такъ-называемыхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему учрежденію. Предполагалось ввести его затѣмъ впослѣдствіи постепенно и на окраинахъ, но разочарованіе этою формой суда въ обществѣ и главнымъ образомъ въ правительственныхъ сферахъ было столь

велико, что дальнѣйшее его распространеніе было пріостановлено. Послѣдними губерніями, въ которыхъ былъ введенъ судъ присяжныхъ, были губерніи Виленскаго судебнаго округа, къ которымъ судебное преобразованіе было примѣнено въ 1882 году. Принимая во вниманіе это сокращеніе юрисдикціи суда присяжныхъ и пріостановку его территоріальнаго распространенія, можно сказать, что государственная власть какъ бы признала необходимымъ, прежде чѣмъ допустить дальнѣйшее распространеніе суда присяжныхъ, взвѣсить его относительныя достоинства и недостатки и тогда уже разрѣшить вопросъ о его дальнѣйшемъ распространеніи Конечно, законъ 2-го февраля текущаго года, предусматривающій распространеніе суда присяжныхъ на четыре губерніи, въ которыхъ до сихъ поръ его не было, является несомнѣннымъ доказательствомъ, что вопросъ о судѣ присяжныхъ, возбужденный въ 80-хъ годахъ, разрѣшился благополучно въ его пользу, что эта форма суда признана въ общемъ вполнѣ удовлетворительною, и мы думаемъ, что, обсуждая новый законъ, *Юридическая Газета* (№ 15) имѣла нѣкоторое основаніе утверждать, что „отнынѣ судъ присяжныхъ вышелъ изъ той атмосферы, въ которой происходятъ столкновенія различныхъ политическихъ вѣяній и теченій", что „этотъ судъ достигъ устойчиваго равновѣсія и опирается на всю совокупность нашихъ государственныхъ и бытовыхъ основъ". Вообще законъ 2-го февраля создалъ настоящій праздникъ на улицѣ защитниковъ этой формы суда въ нашей журналистикѣ. „Достаточно было спокойнаго обсужденія положенія нашего уголовнаго суда съ участіемъ и безъ участія присяжныхъ, говорятъ *Русскія Вѣдомости*, чтобы разсѣялись какъ дымъ невѣжественныя нападки на нашихъ присяжныхъ, чтобы ясно было для всѣхъ безпристрастныхъ людей неизмѣримое превосходство общественнаго суда, всегда старательно ищущаго по мѣрѣ силъ своихъ жизненной правды въ дѣлѣ, сострадательнаго къ слабымъ, строгаго къ закоренѣлымъ преступникамъ". И вотъ, съ точки зрѣнія интересовъ нашего внутренняго управленія и благоустройства вообще и съ точки зрѣнія интересовъ нашего правосудія въ частности, является вопросъ: составляетъ ли законъ 2-го февраля такое радостное событіе, какъ то думаетъ извѣстная часть нашей печати?

Обыкновенная уловка защитниковъ суда присяжныхъ заключается въ томъ, что судъ этотъ они сравниваютъ не съ новымъ усовершенствованнымъ судомъ безъ присяжныхъ, а со старымъ дореформеннымъ судомъ. Но старый дореформенный судъ никто не отстаиваетъ, и онъ былъ ниже всякой критики. Объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Какое же основаніе сравнивать судъ присяжныхъ съ нимъ!

Извѣстно, что основы новаго суда, пріемлемыя рѣшительно всѣми, это—гласность, устность и состязательность процесса. Относительно же участія въ судѣ общественнаго элемента въ

формѣ особой коллегіи присяжныхъ засѣдателей мнѣнія существенно раздѣляются. Поэтому если въ возникающемъ отсюда спорѣ позволительно дѣлать какія-либо сравненія, то наиболѣе умѣстнымъ нужно признать сравненіе новаго суда съ присяжными съ новымъ же судомъ безъ присяжныхъ. Только что изданный законъ 2-го февраля дастъ возможность произвести такое сравненіе тѣмъ четыремъ губерніямъ, на которыя этотъ законъ распространяется. Новый судъ въ этихъ губерніяхъ былъ введенъ въ 1894 году, но *безъ участія присяжныхъ засѣдателей*. Такимъ образомъ въ теченіе трехъ лѣтъ эти губерніи пользовались безусловно хорошимъ, усовершенствованнымъ судомъ, и обыватели этихъ губерній поставлены теперь въ чрезвычайно благопріятное положеніе для того, чтобы придти къ какимъ-либо заключеніямъ о качествахъ суда съ участіемъ присяжныхъ. Они видѣли новый хорошій судъ безъ участія присяжныхъ и увидятъ тотъ же судъ съ участіемъ присяжныхъ. Что внесетъ это существенное измѣненіе въ судебной процедурѣ въ жизнь Астраханской, Оренбургской, Уфимской и Олонецкой губерній? Мы думаемъ, что на основаніи тридцатилѣтняго опыта суда присяжныхъ въ Россіи можно предугадать послѣдствія этого преобразованія. Въ самомъ дѣлѣ, вышеупомянутыя губерніи, хотя и расположенныя на окраинахъ Россіи, имѣютъ то же коренное русское населеніе, что и центральныя губерніи, и бытовыя условія ихъ, хотя и представляютъ свои отличія, но, повидимому, отличія эти должны отразиться на новой формѣ суда скорѣе неблагопріятно, чѣмъ благопріятно. Итакъ, каково же дѣйствуетъ судъ присяжныхъ въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ онъ введенъ уже около 30 лѣтъ тому назадъ, и чего въ правѣ мы ожидать отъ этого суда въ новыхъ губерніяхъ?

Въ недавно законченной печатаніемъ перепискѣ Аксаковыхъ съ Н. С. Соханской (Кохановской)[1], въ письмѣ Соханской отъ 10-го марта 1881 года, мы находимъ такую оцѣнку нашего суда присяжныхъ: „Наши суды изолгались за все это время нововозвѣщенной правды; они съ возмутительною неправдой, съ совершеннымъ попраніемъ нравственнаго чувства въ обществѣ ставили невинными на судѣ убійцъ, воровъ, клятвопреступниковъ, всему давая поблажку, все извиняя, все оправдывая у существа разумнаго невмѣняемостью его дѣйствій воли... О, да пошлетъ Господь новому Государю мужество мудрости въ правдѣ: считать убійство убійствомъ, преступленіе преступленіемъ и карать ихъ всею карой заслуженнаго правосудія!“

Вотъ одно мнѣніе о дѣятельности суда присяжныхъ, мнѣніе суровое и безпощадное. Но оно раздѣляется далеко не всѣми. Такъ, напримѣръ, Н. В. Муравьевъ—одинъ изъ наиболѣе блестящихъ представителей судебной практики — удостовѣряетъ, что присяжными выносятся оправдательные приговоры, когда: „1) мотивы дѣянія не преступны, даже не безнравственны, а

[1] См. *Русское Обозрѣніе*, декабрь 1897 года, стр. 471.

вредъ отъ него относительно не великъ, или 2) при преступныхъ мотивахъ вредъ отсутствуетъ или ничтоженъ, самые же мотивы объясняются не испорченностью, а угнетеннымъ состояніемъ, нравственнымъ или физическимъ, дѣятеля; 3) при стеченіи того и другого случая одно лишь внѣшнее дѣйствіе дѣянія случайно сложилось въ преступленіе. Оправданія такого рода принимаются съ сочувствіемъ и одобреніемъ всякихъ членовъ общества, у котораго бьется сердце, способное чувствовать и понимать, и которое не требуетъ, чтобы уголовный судъ былъ безсознательною и жестокою разрушительною машиной, механическимъ орудіемъ механическаго же закона". [1] Итакъ, вотъ два мнѣнія, если не совершенно противоположныхъ, то весьма между собою различествующихъ. Обратимся же къ фактамъ и посмотримъ, которое изъ этихъ мнѣній ближе къ истинѣ.

Но какъ обратиться къ фактамъ, гдѣ искать этихъ фактовъ? По нашему мнѣнію, единственный путь для ихъ нахожденія заключается въ разсмотрѣніи дѣятельности суда присяжныхъ, а вполнѣ пригоднымъ средствомъ для этого является разборъ тѣхъ судебныхъ процессовъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, которые появляются въ печати. Если не брать исключительно органовъ опредѣленнаго направленія, которые можно заподозрить въ тенденціозномъ подборѣ процессовъ и въ пристрастномъ изложеніи отчетовъ, если черпать матеріалъ изъ изданій самаго разнообразнаго направленія, изъ изданій нейтральныхъ и изъ защищающихъ институтъ присяжныхъ съ пѣной у рта, то можно считать, что этими судебными отчетами составится довольно правдивая картина современнаго русскаго правосудія. Противъ такого изслѣдованія суда присяжныхъ говорятъ, что оно пристрастно, сравниваютъ его со „своеобразною бухгалтеріей, въ которой въ дебетъ намѣренно не пишется ничего, а въ кредитъ заносится крупнымъ бухгалтерскимъ почеркомъ всякій промахъ, часто и мнимый". Таково мнѣніе, напримѣръ, А. Ф. Кони. [2] Въ этомъ мнѣніи есть несомнѣнная доля правды; но А. Ф. Кони забываетъ, что литература о дѣятельности нашего суда присяжныхъ является по преимуществу полемическою, а потому такой пріемъ въ ней вполнѣ умѣстенъ и естественъ. Еслибы кому-либо пришлось всесторонне разсматривать дѣятельность суда присяжныхъ, то, конечно, для полученія вѣрнаго вывода пришлось бы одинаково ярко освѣтить какъ хорошія, такъ и темныя ея стороны; но разъ идетъ споръ, продолжающійся вотъ уже три десятилѣтія, то эти двѣ работы, такъ-сказать, раздѣляются: сторонники суда присяжныхъ освѣщаютъ только одни хорошія стороны его; что же остается дѣлать тѣмъ, кто относится къ суду присяжныхъ отрицательно? Остается одно: для того чтобы получилась правдивая картина, освѣтить столь

---

[1] См *Новое Время* отъ 11-го мая 1897 года, № 7.615, статья А. Молчанова „Судъ надъ судомъ присяжныхъ".

[2] См. *Русскія Вѣдомости* отъ 23-го февраля текущаго года.

же ярко и сильно дурныя стороны этого суда. Изъ полученной такимъ образомъ цѣльной картины и возможно только придти къ сколько нибудь вѣрнымъ выводамъ. Обратимся же къ фактамъ.

Примѣрно съ годъ тому назадъ я сталъ откладывать въ сторону нумера газетъ, въ которыхъ заключались отчеты о судебныхъ процессахъ съ приговорами присяжныхъ, не могущими не смущать чувство правды и справедливости каждаго нелицепріятнаго человѣка. Отмѣчалъ я эти процессы далеко не аккуратно, всего въ 3—4 газетахъ, и тѣмъ не менѣе въ результатѣ оказался матеріалъ, дающій если не полную картину дѣятельности нашего современнаго уголовнаго суда, то, по крайней мѣрѣ, хорошо освѣщенный и характерный для этой картины небольшой ея уголокъ. Вотъ, напримѣръ, серія удивительныхъ вердиктовъ присяжныхъ по дѣламъ о преступленіяхъ противъ собственности.

Въ мануфактурномъ магазинѣ купца Гулаева въ Москвѣ обнаруживается значительная недостача товара. Цѣлымъ рядомъ данныхъ доказывается, что одинъ изъ прикащиковъ Гулаева С. производилъ изъ магазина кражу товара при сообществѣ крестьянки В. При обыскѣ въ квартирѣ у С. найдены куски шелковой матеріи, полотна и другія вещи съ клеймами и мѣтками Гулаева. Первоначально С. сознается въ кражѣ, но затѣмъ объясняетъ пріобрѣтеніе вещей законнымъ способомъ. Объясненіе это опровергается на судѣ свидѣтельскими показаніями. Виновность С. совершенно ясна и рѣшительно никакихъ основаній къ невмѣненію ему вины не имѣется. Тѣмъ не менѣе присяжные оправдываютъ какъ его, такъ и крестьянку В. (*Московскія Вѣдомости*, № 252, 1897 года).

Совершенно подобное же преступленіе совершено въ извѣстномъ московскомъ колоніальномъ магазинѣ подъ фирмой Андреевъ и К°. Прикащики А. и П. вполнѣ изобличаются въ томъ, что производили систематическое обкрадываніе магазина. Однажды подсудимый, прикащикъ А., отправившись за товаромъ для магазина на фабрику Ралле и получивъ его, весь товаръ препроводилъ въ Петербургъ на имя П. Прикащикъ А. на предварительномъ слѣдствіи сознался, но на судебномъ слѣдствіи взялъ свое признаніе назадъ, показавъ однако, что бралъ иногда ваниль для варенья и взялъ ее въ одинъ годъ рублей на 30. Предсѣдатель спрашиваетъ подсудимаго: „что же вы такъ много варенья кушаете"? Подсудимый не находитъ отвѣта. Послѣ разъясненія предсѣдателя, указавшаго „на коммерческій взглядъ, оправдывающій нѣкоторую вольность прикащиковъ по отношенію къ собственности хозяевъ, если она не выходитъ за предѣлы", присяжные засѣдатели подсудимымъ вынесли оправдательный вердиктъ. (*Русскій Листокъ*, № 50, 1898 г.).

У торговаго дома Карлъ Тилль и К°. служитъ мѣщанинъ Федуловъ. Пользуясь оказаннымъ ему довѣріемъ торговаго дома, Федуловъ совершилъ цѣлый рядъ хищеній и растратъ, а для покрытія послѣднихъ множество подлоговъ и въ томъ числѣ

нѣсколько подложныхъ векселей. Завѣдуя ресконтро, онъ зналъ всѣхъ должниковъ торговаго дома, съ которыхъ получалъ деньги по подложнымъ довѣренностямъ и присвоивалъ ихъ себѣ. Подсудимый, какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіи призналъ себя виновнымъ. Тѣмъ не менѣе Федуловъ пытался оправдаться, для чего задумалъ бросить тѣнь на порядки, господствовавшіе въ торговомъ домѣ, и главнымъ образомъ опорочить одного изъ директоровъ торговаго дома утвержденіемъ, что этотъ послѣдній самъ нечисто велъ дѣло и даже чуть ли не самъ подстрекалъ его на преступленіе, но никакихъ фактовъ, подтверждающихъ этотъ оговоръ, подсудимый не привелъ. Виновность Федулова была такъ ясна и очевидна, что даже защитникъ его, Ѳ. Н. Плевако, находилъ возможнымъ просить присяжныхъ только о снисходительномъ къ нему отношеніи. И вдругъ всѣхъ поразилъ неожиданный вердиктъ присяжныхъ, вердиктъ, составляющій самую большую странность въ этомъ процессѣ: присяжные признали фактъ преступленія доказаннымъ, но не вмѣнили его въ вину С. Федулову. (*Русское Слово,* № 50, 1898 г.).

Осенью прошлаго года въ Одессѣ произвело большую сенсацію оправданіе купца Корони, обвинявшагося въ злостномъ банкротствѣ. Имѣя всѣ средства къ уплатѣ долговъ, Корони задумалъ бѣжать, сохранивъ бóльшую часть своего имущества. Передъ побѣгомъ онъ устроилъ свои дѣла очень старательно. Свои два дома онъ обременилъ фиктивными закладными, а прочее имущество, при помощи родственниковъ и друзей, перевелъ на чужія имена. Нѣкоторые изъ сообщниковъ сознались. Такъ нѣкто Сокко объяснилъ, что взялъ на 12 тысячъ векселей, по просьбѣ жены бѣжавшаго, безъ выдачи денегъ, а Шварцтоль— что взялъ такимъ же образомъ вексель на 7 тысячъ, по просьбѣ брата Корони. Присяжные оправдали всѣхъ подсудимыхъ. (*Недѣля* № 42, 1897 г.).

Мѣщанинъ Молчановъ служитъ въ Московской городской управѣ при постройкѣ городскихъ боенъ и, пользуясь этимъ, въ мартѣ 1896 года, конечно, заранѣе составивъ цѣлый планъ преступленія, похищаетъ книгу ассигновокъ, лежавшую въ одномъ изъ шкафовъ канцеляріи, затѣмъ составляетъ подложную ассигновку и талонъ при участіи мѣщанина Ходнева и посылаетъ третьяго соучастника, крестьянина Муслаева,получить по этому подложному талону изъ Московской городской управы 9 тысячъ рублей отъ имени торговаго дома Пріятелевъ и К°. Разсмотрѣвъ внимательно представленные документы, кассиръ управы усомнился въ ихъ дѣйствительности и пошелъ за справкой въ пятое отдѣленіе управы. Оказалось, что вся ассигновка была подложная. Неизвѣстный, принесшій ее, сначала держалъ себя очень развязно и энергично выражалъ неудовольствіе за то, что его задерживаютъ такъ долго, но затѣмъ, когда членъ управы Потемкинъ послалъ за полиціей, объяснилъ, что онъ не Анисимовъ, какъ онъ назвалъ себя, а Муслаевъ. Словомъ, подлогъ Молча-

нова былъ вполнѣ доказанъ и не отрицался имъ самимъ и казалось бы невозможно даже и представить себѣ, на какомъ основаніи онъ могъ бы быть оправданъ. Судебное слѣдствіе не дало ничего новаго, кромѣ того, что Молчановъ пытался доказать, что во время совершенія преступленія онъ „былъ въ очень затруднительномъ матеріальномъ положеніи, такъ какъ былъ опутанъ своимъ компаньономъ по одному предпріятію". Господа присяжные засѣдатели признали, вѣроятно, что такое затруднительное положеніе вполнѣ оправдываетъ совершеніе подлоговъ, и вынесли обвиняемымъ оправдательный вердиктъ. (*Русскія Вѣдомости* № 335-й 1897 года).

Еще возмутительнѣе дѣло о растратѣ Ѳедора Гаупта, разсматривавшееся недавно въ Московскомъ окружномъ судѣ. Гауптъ служилъ письмоводителемъ въ пріютѣ для призрѣнія слѣпыхъ дѣтей и получивъ отъ попечителя пріюта мошенническимъ путемъ 1300 рублей, предназначенныхъ на нужды пріюта, присвоилъ эту сумму себѣ и растратилъ. Но интереснѣе всего система оправданія Гаупта на судѣ. Чѣмъ бы вы думали Гауптъ оправдывалъ свой проступокъ? Четыре года тому назадъ, разсказывалъ подсудимый, онъ познакомился съ одною швеей, Маріей Левенчукъ, познакомился и затѣмъ вступилъ съ нею въ интимную связь. Этой связи онъ отдался со всею страстью уже старѣющаго человѣка, смутно сознающаго, что для него уже прошла безвозвратно счастливая пора первой молодости. Похищенныя деньги Гауптъ истратилъ на Марію Левенчукъ. Вотъ это-то добродѣтельное употребленіе денегъ и служило въ глазахъ Гаупта оправданіемъ его поступка. Слѣдуетъ добавить, что Гауптъ человѣкъ семейный, имѣетъ уже 14-лѣтняго сына, но съ женой не живетъ давно. Защитникъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Лисицынъ въ своей рѣчи просилъ присяжныхъ вникнуть въ мотивы, понудившіе Гаупта совершить приписываемое ему преступленіе, принять во вниманіе участь его семьи, то обстоятельство, что онъ уже наказанъ предварительнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ и... что *третьей молодости не бываетъ*". Мотивы эти, повидимому, показались присяжнымъ столь основательными, что Гауптъ былъ оправданъ.

Таковы отношенія суда присяжныхъ къ преступленію противъ правъ собственности, но не болѣе нормальны они и въ отношеніи преступленій противъ личной безопасности. Въ этомъ отношеніи въ нашемъ судѣ присяжныхъ издавна укоренилось и царствуетъ, повидимому, и до настоящаго времени страшное зло— невмѣненіе вины въ томъ случаѣ, если у подсудимаго или его защитника хватитъ безцеремонности утверждать, что преступное дѣяніе совершено въ припадкѣ умоизступленія, „аффекта" и тому подобныхъ вещей, значенія которыхъ громадное большинство присяжныхъ несомнѣнно не понимаетъ вовсе. Легкомысленно сентиментальное отношеніе къ преступленіямъ и преступникамъ со стороны присяжныхъ дѣлаетъ то, что защитникамъ

и подсудимымъ бываетъ достаточно установленія самыхъ ничтожныхъ по своему значенію фактовъ, вродѣ того, что отецъ обвиняемаго былъ пьяница, или на мудреномъ медицинскомъ языкѣ—„алкоголикъ", что мать постоянно дралась съ сосѣдками, что самъ подсудимый съ дѣтства обнаруживалъ ненормальность, заключающуюся въ томъ, что не могъ пристроиться ни къ какому дѣлу, былъ лѣнтяй и пьяница и т. п., достаточно понабрать такихъ фактовъ, чтобы наши простоватые присяжные развѣсили уши и чтобы въ нихъ закралось сомнѣніе въ нормальности психическихъ способностей обвиняемаго. Конечно, громадная доля отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ падаетъ также на представителей врачебной науки, которые не мало способствуютъ сбиванію съ толку недалекихъ, почти сплошь лишенныхъ всякаго образованія, въ большинствѣ случаевъ даже малограмотныхъ, присяжныхъ, которымъ приходится критически относиться къ мнѣнію людей, говорящихъ отъ имени науки и импонирующихъ своими знаніями и званіемъ. Но во всякомъ случаѣ хорошъ и тотъ судъ, который призванъ къ сужденію о важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ и который не въ состояніи разобраться иногда въ очень простыхъ и несложныхъ данныхъ процесса. Вотъ нѣсколько дѣлъ, по которымъ послѣдовали оправдательные приговоры, не могущіе не возмущать всякаго добропорядочнаго человѣка.

Въ Казанской губерніи проживаетъ молодой татаринъ, недавно женившійся на 17-лѣтней дѣвушкѣ Гизи-Камаль. При немъ же живетъ и его мать старуха Сефулина. Сефулина сразу же не взлюбила невѣстку и при всякомъ удобномъ случаѣ бранила ее, толкала и вообще притѣсняла. Особенно жестоко она обращалась съ нею, когда мужъ отсутствовалъ. 23 января нынѣшняго года родственники Гизи-Камаль вдругъ услышали, что дочь ихъ, остававшаяся съ Сефулиной одна въ домѣ, такъ какъ мужъ ея ушелъ на работу, лежитъ при смерти. Ее навѣстили, и она оказалась страшно обожженою: ожоги на всемъ тѣлѣ причиняли ей страшныя страданія. Родители стали разспрашивать, что съ нею случилось, но старуха Сефулина не давала отвѣчать Гизи-Камаль, начавъ сама разсказывать, что это все шайтанъ надѣлалъ. По ея словамъ, шайтанъ схватилъ ее, когда она вышла на дворъ, унесъ въ баню, бросилъ на кучу соломы, облилъ керосиномъ и поджегъ. Дѣйствительно, отъ тѣла несчастной слышался запахъ керосина а въ банѣ оказалась куча обгорѣлой соломы; тутъ же стояла пустая бутыль изъ-подъ керосина и лежала коробка спичекъ. Когда больную привезли въ больницу, то она объяснила мужу и своему отцу, что все это продѣлала надъ нею Сефулина. Обливъ ее сзади внезапно керосиномъ, когда она утромъ находилась въ банѣ, Сефулина повалила ее на солому, подожгла и убѣжала, затворивъ за собою дверь, но она, сорвавъ съ себя загорѣвшееся бѣлье, успѣла выбѣжать на дворъ. Гизи-Камаль умерла; привлеченная же къ отвѣтственности по обвиненію въ убійствѣ Сефулина и на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ

разсказывала, что Гизи-Камаль очень понравилась шайтану, который явился къ нимъ утромъ 23 января въ образѣ старика татарина, схватилъ ее и сдѣлалъ попытку сжечь. Присяжные засѣдатели оправдали Сефулину, какъ „произведшую на судѣ *впечатлѣніе* душевно-больной". (*Новое Время* 5 октября 1897 г.).

Мы привели почти дословно весь отчетъ о дѣлѣ. На этотъ разъ суду присяжныхъ нѣтъ возможности свалить вину въ возмутительномъ и нелѣпомъ приговорѣ даже на представителей медицинской науки, потому что они даже не были спрошены. Подсудимая, изволите-ли видѣть, „произвела на судѣ впечатлѣніе душевно-больной!" Ужасное преступленіе совершено—это фактъ, и вотъ достаточно нагородить какого-то вздору о шайтанѣ и т. п., чтобы преступленіе это не вмѣнилось въ вину.

Въ Ростовѣ-на-Дону проживалъ со своею молодою женой мясникъ Верещагинъ. Молодая женщина часто ходила въ гости къ своей матери и тамъ по вечерамъ встрѣчала нѣкоего бывшаго студента технологическаго института, квартировавшаго у ея матери, Татаринова. Татариновъ сталъ ухаживать за Верещагиной. Сближеніе однако не шло дальше прогулокъ вмѣстѣ и бесѣдъ. Молодая женщина не хотѣла сдѣлаться любовницей своего друга. За полгода до рокового дня Верещагина, быть можетъ подъ вліяніемъ упрековъ мужа, написала Татаринову письмо, прося его совсѣмъ оставить ее въ покоѣ, и передавала ему также черезъ знакомыхъ, чтобы онъ *пожалѣлъ ее и ея дѣтей*. Но Татариновъ продолжалъ добиваться встрѣчи съ нею и между прочимъ въ своихъ домогательствахъ дошелъ до того, что однажды прислалъ мужу любимой женщины портретъ съ собственноручною наглою надписью: „ищетъ любовника за приличное вознагражденіе". Верещагина послѣ этого почти никуда не выходила. 28 января 1895 года Татариновъ утромъ явился въ домъ Верещагина и, когда прислуга старалась не пустить его, пригрозилъ револьверомъ и затѣмъ, войдя въ дѣтскую, гдѣ находилась Верещагина, выстрѣлилъ два раза въ нее и потомъ въ себя. Конечно, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, Татариновъ очень мѣтко попалъ въ свою жертву и промахнулся въ себя. Разумѣется, на судѣ Татариновъ увѣрялъ, что шелъ къ Верещагиной, не думая вовсе убивать ее, а хотѣлъ только видѣть ее въ послѣдній разъ, высказать все и затѣмъ убить себя на ея глазахъ... Буквальное повтореніе объясненій во всѣхъ такихъ любовныхъ убійствахъ. Относительно Татаринова было произведено испытаніе его умственныхъ способностей, при чемъ врачи новочеркасской больницы признали, что онъ нейрастеникъ, человѣкъ легко аффектирующійся, болѣзненный и что такіе субъекты, легко поддаваясь аффекту, могутъ совершать дѣянія, въ которыхъ не даютъ себѣ отчета. Такое же заключеніе дали и бывшіе на разбирательствѣ дѣла трое изъ шести врачей экспертовъ; трое остальныхъ дали заключеніе, что преступленіе Татаринова совершено имъ съ полнымъ сознаніемъ. Вердиктомъ при-

сяжныхъ засѣдателей Татариновъ признанъ совершившимъ убійство въ припадкѣ умоизступленія и безпамятства, а потому, конечно, судомъ оправданъ (*Новое Время* 4 февраля 1897 г.).

Извѣстно, что есть цѣлый рядъ преступленій, по которымъ присяжные засѣдатели почти всегда выносятъ оправдательные приговоры и которыя вслѣдствіе этого сдѣлались почти безнаказанными. Къ числу такихъ преступленій принадлежитъ, напримѣръ, дѣтоубійство. Читая всѣ эти многочисленные процессы о дѣтоубійствахъ, можно прійти къ несомнѣнному выводу, что у насъ разрѣшается всякой матери убить своего собственнаго незаконнорожденнаго ребенка—до такой степени обвиненія въ этихъ случаяхъ бываютъ рѣдки и исключительны... Вотъ, напримѣръ, крестьянка Кузмичева въ отсутствіе мужа, отбывавшаго воинскую повинность, прижила ребенка. Конечно, она не знала, куда его дѣвать, а оставить ребенка у себя боялась, ожидая мужа. Тогда она привязываетъ къ горлу ребенка кирпичъ и бросаетъ его въ одинъ изъ Бутырскихъ прудовъ въ Москвѣ. На судѣ Кузмичева не отрицаетъ своей вины и говоритъ, что бросила ребенка въ прудъ, боясь мужа, такъ какъ ничего другого придумать не могла. Защитникъ произноситъ, конечно, прочувствованную рѣчь, въ которой, между прочимъ, преступленіе Кузмичевой называетъ только „необдуманнымъ поступкомъ". Присяжные засѣдатели выносятъ ей оправдательный вердиктъ (*Русское Слово* № 295, 1896 года).

Но не только дѣла объ убійствахъ незаконнорожденныхъ, но точно также и дѣла о подлогахъ документовъ незаконнорожденныхъ обыкновенно кончаются оправданіемъ. Вотъ, напримѣръ, нѣкто Криницкій, проживъ при жизни жены съ другою женщиной пятерыхъ дѣтей, записалъ ихъ въ метрическія выписи о рожденіи своими законными дѣтьми. Привлеченный къ отвѣтственности Криницкій призналъ себя виновнымъ и объяснилъ свой поступокъ тѣмъ, что не желалъ, „чтобы на его дѣтяхъ лежало пятно незаконнорожденныхъ". Присяжные засѣдатели послѣ непродолжительнаго совѣщанія вынесли обвиняемому оправдательный вердиктъ (*Петербургскія Вѣдомости* № 300, 1896 г.). Конечно, защитники во что бы то ни стало суда присяжныхъ станутъ утверждать, что въ данномъ случаѣ присяжные стремятся облегчить суровость нашего законодательства въ отношеніи незаконнорожденныхъ дѣтей, и такое объясненіе со стороны этихъ защитниковъ вполнѣ логично, такъ какъ, защищая судъ присяжныхъ, они въ то же время весьма критически относятся къ дѣйствующему законодательству о незаконнорожденныхъ. Прекрасно. Но что же сказать о государственной власти? Вѣдь если государство раздѣляетъ это мнѣніе, то что-нибудь одно: оно или должно измѣнить законы о незаконнорожденныхъ, или должно признать судъ присяжныхъ неудовлетворительнымъ. Но тогда за чѣмъ же дѣло? Почему не измѣнятъ законовъ о бракѣ, не при-

знаютъ всѣхъ рождающихся одинаково законнорожденными? А если этого нельзя, то какъ же государство можетъ терпѣть такіе вердикты присяжныхъ?

Нельзя не сказать, что къ суду присяжныхъ вообще примѣняется совершенно особая по своей снисходительности мѣрка. Если и замѣчаютъ, то развѣ его самые возмутительные, самые поражающіе оправдательные приговоры; всѣ же остальныя грубѣйшія ошибки присяжныхъ, снисхожденія, расточаемыя ими въ тѣхъ случаяхъ, когда у всякаго, не потерявшаго окончательно чувства справедливости, человѣка можетъ обратно возникнуть требованіе примѣрнаго наказанія, всѣ подобные случаи проходятъ незамѣченными. До того ли въ этомъ обывательскомъ судѣ! Довольно съ него и того, если онъ прямо не будетъ выпускать на волю несомнѣнныхъ и вредныхъ преступниковъ. Примѣровъ подобныхъ нелѣпостей въ вердиктахъ присяжныхъ очень милъ; приведемъ первые, попавшіеся подъ руку.

16 января 1897 года въ квартирѣ барона Делинсгаузена въ Петербургѣ звонятъ двое людей. Въ квартирѣ оказалась всего одна Пелагея Ельшина, которая впускаетъ двухъ посѣтителей, какъ знакомыхъ мужа и даже начинаетъ угощать ихъ чаемъ. Тогда, выбравъ удобную минуту, одинъ изъ посѣтителей схватываетъ Ельшину сзади за горло, а другой, Барабошинъ, зажимаетъ ей ротъ рукой. Палагея Ельшина, сдѣлавъ неимовѣрное усиліе, освобождается, два раза укусываетъ руку Барабошину, но онъ ее опять схватываетъ за горло и валитъ на спину, зажавъ ротъ. Товарищъ Барабошина вынимаетъ изъ ящика кухоннаго стола ножъ и наноситъ имъ ударъ въ правую сторону шеи Ельшиной. Благодаря однако тому, что ножъ былъ закругленъ въ концѣ, а Ельшина была въ бумазейной кофточкѣ съ высокимъ воротникомъ, ударъ не причиняетъ ей вреда. Видя безуспѣшность, грабитель поворачиваетъ ножъ поперекъ горла Ельшиной и уже хочетъ перерѣзать его, но въ это время случайно въ комнату заходятъ сосѣдки. Злоумышленники бросаютъ свою жертву и убѣгаютъ. Одинъ изъ нихъ, Барабошинъ, судится. По справкѣ оказывается, что о немъ существуетъ другое дѣло по обвиненію его въ кражѣ у своего хозяина, у котораго онъ служилъ лакеемъ. Присяжные признаютъ Барабошина виновнымъ въ предумышленномъ покушеніи на убійство съ цѣлью ограбленія, *но заслуживающимъ снисхожденія*. (*Новое Время* 17 января 1898 года).

Повидимому, присяжнымъ показалось достойнымъ снисхожденія то обстоятельство, что Барабошинъ проникъ въ квартиру барона Делинсгаузена не совсѣмъ обычнымъ для такихъ грабителей путемъ: его приняли какъ гостя и даже угощали чаемъ, а онъ бросился убивать и грабить хозяйку. Неужели такое отношеніе къ гостепріимству не заслуживаетъ снисхожденія?..

Недавно въ Москвѣ разсматривалось дѣло по обвиненію крестьянина Бардукова въ убійствѣ домовладѣльца Иванова. Изъ

слѣдствія выяснилось, что, убивъ Иванова, Бардуковъ обшарилъ карманы своей жертвы, т. е. убійство сопровождалось ограбленіемъ. На предварительномъ слѣдствіи обвиняемый сознавался въ убійствѣ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, но на судебномъ слѣдствіи сталъ утверждать, что онъ убилъ Иванова въ дракѣ. Несмотря на несомнѣнный фактъ *ограбленія* жертвы, присяжные засѣдатели признали Бардукова виновнымъ въ убійствѣ, совершенномъ *въ запальчивости и раздраженіи* (*Русское Слово* № 256, 1897 года).

У насъ существуютъ многіе юридическіе факультеты, юридическія общества, цѣлый сонмъ ученыхъ, разрабатывающихъ науку права, стремящихся примѣнить научный методъ къ разрѣшенію самыхъ незначительныхъ и самыхъ тонкихъ сплетеній разныхъ житейскихъ обстоятельствъ. Но, спрашивается, къ чему всѣ эти усилія, весь этотъ гигантскій трудъ, если въ концѣ концовъ практическое примѣненіе дѣйствующаго законодательства ввѣряется двѣнадцати незнакомцамъ, двѣнадцати представителямъ толпы, которые не только не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о всѣхъ этихъ юридическихъ тонкостяхъ, но которые сплошь и рядомъ не располагаютъ даже необходимою долей простого здраваго смысла и чувства правды? Очевидно, юридическая наука существуетъ сама по себѣ, а наша юридическая практика идетъ сама по себѣ, и это будетъ до тѣхъ поръ, пока спадетъ, наконецъ, съ нашихъ глазъ та повязка изъ чужеземныхъ политическихъ теорій и доктринъ, которая намъ мѣшаетъ видѣть вещи въ ихъ истинныхъ образахъ.

Извѣстно мнѣніе знаменитаго нѣмецкаго юриста Іеринга о судѣ присяжныхъ. Въ своемъ трактатѣ „Цѣль въ правѣ“ онъ признаетъ за присяжными всѣ качества, „которыхъ не должно быть въ судѣ“, т. е.: *отсутствіе* юридическихъ познаній и чувства законности, такъ какъ послѣднее развивается лишь профессіей, *отсутствіе* сознанія отвѣтственности, которая обусловливается только должностью и, наконецъ, *отсутствіе* самостоятельности въ сужденіи. Къ этому слѣдовало бы прибавить еще крайнее легкомысліе и самонадѣянность. Низкій уровень образованія и развитія подавляющаго большинства присяжныхъ долженъ былъ бы имъ внушать извѣстную скромность; казалось бы, они должны были бы высоко ставить авторитетъ закона, такъ какъ гдѣ же имъ, этимъ людямъ толпы, критиковать законы, сложившіеся вѣками, законы, которыми росла и крѣпла русская земля. Но именно ничего подобнаго у нашихъ присяжныхъ мы не наблюдаемъ. У нихъ не только нѣтъ чувства законности, о которомъ говоритъ Іерингъ, но они считаютъ себя настолько государственно-мудрыми, что не стѣсняются даже принимать на себя роль законодателя. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь наши присяжные выносятъ не только просто глупые, нелѣпые и возмутительные по попранію чувства законности вердикты, нѣтъ: въ ихъ вердиктахъ кромѣ того можно прослѣдить еще стремленіе оставить без-

наказанными и безотвѣтственными такіе поступки и преступленія. которые, какъ нашимъ дѣйствующимъ законодательствомъ, такъ и законодательствомъ всего міра, признаются преступными. Что сказать, напримѣръ, о систематическомъ оправданіи дѣтоубійствъ и даже убійствъ, если только въ послѣднихъ не замѣшанъ элементъ корысти? Про присяжныхъ вообще профессоръ Іерингъ сказалъ, что они „добрые люди, но плохіе музыканты"; про нашихъ присяжныхъ, кромѣ того, можно было бы сказать, что они глупо-добрые люди и никуда не годные музыканты. Говорятъ, что въ оправдательныхъ вердиктахъ присяжныхъ всегда можно отыскать внутренній смыслъ,—мы думаемъ, что это слишкомъ оптимистическое мнѣніе. Нерѣдки случаи, какъ и въ приведенныхъ нами только что примѣрахъ, когда рѣшительно никакого смысла въ оправданіяхъ присяжныхъ найти нельзя, какъ, напримѣръ, хотя бы въ дѣлѣ Молчанова, заблаговременно выкравшаго изъ управы бланки ассигновокъ и при помощи ихъ сдѣлавшаго подлогъ. Но, конечно, говоря вообще, нельзя сказать, чтобы въ вердиктахъ присяжныхъ не было рѣшительно уже никакого смысла. Какой нибудь смыслъ, конечно, найдется. Разумѣется, нельзя утверждать, что присяжные оправдываютъ только наиболѣе отвратительныхъ и вредныхъ преступниковъ и, наоборотъ, обвиняютъ преступниковъ наименѣе вредныхъ и наименѣе испорченныхъ. Не хватало еще того, чтобы они выпускали на свободу озвѣрѣлыхъ каторжниковъ. Но въ общемъ все же это не мѣняетъ дѣла, а, главное, не мѣняетъ общаго впечатлѣнія, какое оставляетъ нашъ уголовный судъ въ народной массѣ. „Нынче легко судятъ", говоритъ народъ, и, конечно, худшіе элементы этого народа принимаютъ это къ свѣдѣнію, мотаютъ себѣ на усъ,—и нѣсколькими стимулами, сдерживающими преступную волю, становится меньше.

Говорятъ, что фактъ склонности присяжныхъ къ оправдательнымъ приговорамъ оказывается явленіемъ всеобщимъ или, по крайней мѣрѣ, общимъ многимъ европейскимъ государствамъ. Въ Россіи, однако, отличіе въ этомъ отношеніи между присяжными и правительственными судами представляется гораздо менѣе значительнымъ, чѣмъ въ западной Европѣ, и вотъ это-то обстоятельство и выставляется какъ аргументъ въ пользу нашего суда присяжныхъ. „Въ Россіи, говоритъ *Юридическая Газета* (№ 88, 1897 года), процентъ оправданныхъ подсудимыхъ для судовъ съ участіемъ присяжныхъ 36, безъ участія присяжныхъ 26, а, напримѣръ, во Франціи для первыхъ 29, а для вторыхъ 7. Въ Россіи процентъ оправданныхъ судомъ вообще выше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, причемъ отклоненіе въ сторону оправданій отъ западно-европейской нормы больше для суда коронного, чѣмъ для суда присяжныхъ". Но что же это доказываетъ? Это доказываетъ только, что на западѣ Европы, какъ къ этому пришло уже множество ученыхъ юристовъ, судъ присяжныхъ — судъ неудовлетворительный, и только. Единственная страна, въ которой судъ присяжныхъ выросъ самобытно, ори-

гинально и въ которой онъ страдаетъ наименьшими недостатками, это — Англія. Но замѣчательно, что при всѣхъ подобныхъ изслѣдованіяхъ сравнительной дѣятельности суда присяжныхъ въ разныхъ странахъ мы никогда не встрѣчали сравненія съ Англіей. Думаемъ, что это дѣлается не безъ цѣли, такъ какъ едва ли статистическія данныя Англіи принесли бы большое подспорье защитникамъ суда присяжныхъ. Одинъ русскій путешественникъ, печатавшій свои впечатлѣнія объ Англіи въ газетахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ между прочимъ, что его поразила совершенная опредѣленность и твердость англичанъ въ сужденіи о преступленіяхъ. Если вы спросите самую поэтическую, самую сантиментальнс настроенную и находящуюся въ самомъ нѣжномъ возрастѣ англійскую барышню о томъ, чего заслуживаетъ человѣкъ убившій другого, она безъ колебанія вамъ отвѣтитъ: онъ заслуживаетъ быть повѣшеннымъ. Вотъ это-то чувство законности, вотъ это-то твердое гражданское чувство, дающее силы каждому простому обывателю принять на себя *тяжелый долгъ* приговорить человѣка къ тяжкому уголовному наказанію, и составляетъ весь секретъ относительно высокаго качества англійскаго суда присяжныхъ. Всякій бывавшій въ составѣ нашихъ присяжныхъ знаетъ психическое состояніе каждаго изъ этихъ людей совѣсти въ моментъ произнесенія вердикта. Въ самомъ дѣлѣ, неужели кому-нибудь можетъ быть легко произнести слово, отъ котораго зависитъ или освобожденіе обвиняемаго или ссылка его на многіе годы дѣйствительныхъ и несомнѣнныхъ страданій на каторжныхъ работахъ? Есть ли люди съ такими притупленными чувствами, для которыхъ легко было бы произнести это слово? Но англичанинъ говоритъ себѣ: „да, это мнѣ трудно, мнѣ тяжело произнести это, слово, но мой гражданскій долгъ обязываетъ меня сдѣлать это и я это сдѣлаю". А что говоритъ нашъ присяжный засѣдатель? „Несомнѣнно, подсудимый виноватъ, говоритъ онъ, но какъ это такъ рѣшиться сослать человѣка на цѣлыхъ 10—12 лѣтъ каторжныхъ работъ? Да и неужели Россія погибнетъ оттого, что мы освободимъ одного человѣка? Къ тому же—начинаются успокоенія своей гражданской совѣсти—можетъ быть, онъ раскается, сознаетъ свою вину, можетъ быть безнаказанность преступленія пройдетъ незамѣченною толпой и такимъ образомъ все обойдется благополучно"...

И дѣйствительно Россія не погибла отъ оправдательныхъ вердиктовъ нашихъ присяжныхъ, но что чувство законности у насъ постепенно гибнетъ—въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Наши народныя массы живутъ еще тѣмъ добрымъ моральнымъ наслѣдствомъ, которое имъ оставило столь часто бранимое и осуждаемое старое время. Если народъ нашъ не вполнѣ еще утратилъ чувство правды и законности, то только развѣ благодаря тому, что эти чувства внѣдрялись въ немъ въ старыя времена, внѣдрялись въ теченіе многихъ вѣковъ, и, какъ ни неудовлетво-

рителенъ судъ присяжныхъ, конечно, не ему искоренить эти чувства за какіе нибудь 30 лѣтъ. Къ давно уже существовавшему мнѣнію о крайнемъ упадкѣ у насъ чувства законности только что присоединился и казанскій профессоръ-юристъ Шершеневичъ. „Особенно опаснымъ, говоритъ онъ, для чувства законности является стремленіе судовъ стать на точку зрѣнія справедливости и цѣлесообразности вмѣсто строгаго примѣненія закона... Къ сожалѣнію, эта тенденція замѣчается въ практикѣ нашихъ судовъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ, и можно опасаться, что тотъ новый духъ, который внесли новые суды въ жизнь, будетъ парализованъ подрывомъ чувства законности въ обществѣ, чего можно ожидать отъ указанной точки зрѣнія". [1]

Говорятъ, виноватъ не судъ присяжныхъ, а неудовлетворительный личный составъ нашихъ присяжныхъ. Но вѣдь иной составъ присяжныхъ у насъ почти и невозможенъ, такъ какъ если поднять значительно нравственный и умственный цензъ присяжныхъ, то эта повинность явится невыносимо тяжелою для тѣхъ ничтожныхъ группъ лицъ, на которыхъ она ляжетъ, въ особенности въ провинціи. А въ то же время чего же и ожидать отъ нашихъ присяжныхъ, если между ними нерѣдко находятся и такіе, которые не имѣютъ средствъ къ содержанію себя во время сессій окружнаго суда, продолжающихся иногда по нѣскольку недѣль? „Пребываніе ихъ въ городѣ сопровождается часто вслѣдствіе бѣдности ихъ постоянными заботами о пріисканіи себѣ мѣста для ночлега и т. п.; они вынуждены бываютъ ютиться въ кухняхъ у земляковъ, родственниковъ и знакомыхъ, что едва ли совмѣстно со званіемъ, которымъ они облечены". [2] Было время, когда эта картина присяжныхъ засѣдателей, побирающихся милостыней въ промежуткахъ между разборомъ дѣлъ, весьма трогала нашихъ защитниковъ суда присяжныхъ и служила даже какъ бы аргументомъ въ пользу этой формы суда. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нельзя сказать, что вотъ, молъ, посмотрите, ужъ какъ тяжело положеніе нашихъ присяжныхъ, ужъ изъ какого низкаго слоя народа ихъ приходится брать, а все же они выносятъ сравнительно не такое количество нелѣпыхъ вердиктовъ, какого можно было бы ожидать? Что же, конечно, можетъ быть, если еще понизить цензъ на званіе присяжнаго засѣдателя, то дѣятельность ихъ будетъ способна внушать еще больше изумленія. Но развѣ дѣло за тѣмъ, чтобы производить удивительные эксперименты, развѣ кому-нибудь нужны эти эксперименты? Вѣдь для народа нуженъ хорошій и праведный судъ, который бы не каралъ невинныхъ и не отпускалъ виновныхъ,—и ничего болѣе.

---

[1] *Новое Время* № 7910.

[2] *Смоленскій Вѣстникъ*, № 278 1896 г.

Искусственность введенія у насъ суда присяжныхъ не проглядываетъ ни въ чемъ болѣе, какъ въ послѣднемъ законѣ 2-го февраля, въ силу котораго эта форма суда введена въ четырехъ губерніяхъ. Всякая реформа должна непремѣнно оправдываться практическою потребностью. Если такой практической потребности нѣтъ, то лучше избѣжать преобразованія. Ставъ на эту точку зрѣнія, едва ли можно удовлетворительно отвѣтить, зачѣмъ въ Астраханской, Оренбургской, Уфимской и Олонецкой губерніяхъ понадобилось введеніе суда присяжныхъ. Вѣдь новый судъ тамъ дѣйствуетъ, и, судя по всѣмъ доходящимъ извѣстіямъ, дѣйствуетъ вполнѣ успѣшно. Никто не жалуется ни на неправосудіе, ни на какіе другіе недостатки окружныхъ судовъ въ этихъ мѣстностяхъ. Чѣмъ же объясняется реформа, какая практическая была въ ней необходимость? Впрочемъ, и то правда, вѣдь преступники по цѣлымъ категоріямъ дѣлъ въ этихъ четырехъ губерніяхъ могли бы сказать: „чѣмъ же мы хуже, чѣмъ преступники въ коренной Россіи, которыхъ суды присяжныхъ оправдываютъ? Вводите судъ присяжныхъ и у насъ, чтобы и мы имѣли возможность, такъ же какъ во многихъ другихъ губерніяхъ, избѣгнуть установленнаго закономъ наказанія“.

Можетъ быть, думали впрочемъ, что настало время привести всѣ существующія судебныя учрежденія къ единообразію и избѣжать существующей пестроты. Но введеніе коллегіи присяжныхъ засѣдателей для разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ въ отношеніи внѣшней конструкціи судебныхъ учрежденій совсѣмъ не составляетъ существенной реформы; при томъ же нѣкоторой пестроты въ судебномъ устройствѣ въ имперіи вообще во всякомъ случаѣ не избѣжать. Да и наконецъ, если уже такъ ставится вопросъ, если дѣло хотятъ свести только къ необходимости установленія единообразія, то кто же мѣшалъ достигнуть этого единообразія тѣмъ, что упразднить суды присяжныхъ во всей Россіи? Но, повидимому, настроеніе въ правительственныхъ сферахъ совсѣмъ не такое, и мы думаемъ, что нѣкоторыя газеты вполнѣ правы, считая, что черные дни для суда присяжныхъ уже миновали и что законъ 2-го февраля о распространеніи суда присяжныхъ обращаетъ эту надежду въ увѣренность. „Это, говорятъ *Русскія Вѣдомости*, первое послѣ 1882 года пріобрѣтеніе судомъ присяжныхъ новой территоріи, свидѣтельствующее о томъ, что прежнее недовѣріе высшихъ сферъ къ этому благодѣтельному учрежденію потеряло почву“. По поводу новаго закона *Юридическая Газета* (№ 15, 1898 года) заявляетъ, что „послѣ 35лѣтняго существованія судъ присяжныхъ сталъ наконецъ органическимъ учрежденіемъ, сталъ однимъ изъ *устоевъ* русской жизни“. Что судъ присяжныхъ утвердился у насъ въ силу новаго закона, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но не менѣе несомнѣнно и то, что онъ не можетъ сдѣлаться устоемъ нашей жизни, такъ какъ для этого онъ слишкомъ несовершененъ: учрежденіе, дѣлающее такъ много для подрыва чувства правды и законности

въ народной массѣ, можно назвать устоемъ нашей жизни развѣ иронически. Чувство законности въ нашей народной массѣ поддерживается въ наше время не судомъ присяжныхъ, а развѣ *не смотря* на существованіе суда присяжныхъ.

11-го февраля текущаго года, въ Кіевѣ, на вокзалѣ желѣзной дороги разыгралась страшная драма. Жертвой ея былъ начальникъ штаба пѣхотной дивизіи полковникъ Герасименко. На вокзалѣ къ нему подошелъ какой-то господинъ средняго роста, въ поношенномъ пальто и послѣ краткой бесѣды съ полковникомъ въ присутствіи малолѣтняго сына послѣдняго, кадета, вынулъ револьверъ и тремя послѣдовательными выстрѣлами убилъ Герасименко. Оказалось, что убійца былъ родной братъ убитаго и что мотивомъ къ злодѣянію былъ отказъ полковника Герасименко въ матеріальной помощи брату и совѣтъ ему самому зарабатывать свой хлѣбъ, поступивъ для этого, хотя бы въ дворники. Первое время по совершеніи преступленія убійца былъ довольно спокоенъ и говорилъ собравшейся публикѣ, что на судѣ онъ разъяснитъ все. „Я думаю, добавилъ онъ, что *судъ меня оправдаетъ*". (*Русское Слово*, № 47, 1898 года). Вотъ уже какихъ убійцъ начинаетъ давать наша взбаломученная жизнь. Прежде, если случался такой великій грѣхъ, какъ убійство, въ особенности убійство въ запальчивости и раздраженіи, убійца говорилъ: „вяжите меня, я злодѣй"! Нынѣшніе убійцы бываютъ „довольно спокойны" и во всякомъ случаѣ довольно далеки отъ покаянія. Наоборотъ, они не теряютъ присутствія духа и не стѣсняются даже заявлять окружающимъ свою надежду на то, что судъ ихъ оправдаетъ, признаетъ, что у нихъ были достаточные мотивы для того, чтобы произнести и выполнить смертную казнь своему ближнему. Кто же внушилъ современнымъ людямъ злой воли, что они сами себѣ судьи, себѣ и ближнимъ, что они сами призваны отмѣнять для себя дѣйствія человѣческихъ и божескихъ законовъ, что ихъ безумство пройдетъ имъ безнаказанно? Почему такого убійцу, какъ Герасименко, воображеніе отказывается признать въ старое время, и почему, наоборотъ, въ наши дни такіе убійцы являются несомнѣннымъ, неопровержимымъ фактомъ? Неужели можно добросовѣстно утверждать, что въ этомъ ужасномъ извращеніи понятій и нравовъ не игралъ главную роль нашъ присяжный судъ?

А. Елишевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Россія не могла, конечно, оставаться пассивною зрительницей безпощаднаго расхищенія богатствъ Китая европейскими державами, давно уже съ вожделѣніемъ взиравшими на Дальній Востокъ и въ послѣднее время, кажется, не на шутку возмнившими, что пришелъ часъ имъ прибрать этотъ загадочный и заманчивый край къ своимъ рукамъ.

Россія прекрасно сознавала, что ея интересы на Дальнемъ Востокѣ не могутъ быть даже и сравниваемы съ интересами другихъ европейскихъ державъ, такъ какъ въ то время, когда для тѣхъ эти интересы сводятся къ простому развитію торговыхъ оборотовъ, для Россіи они являются существенно жизненными, ибо вѣдь она на громадномъ пространствѣ непосредственно граничитъ съ этимъ Дальнимъ Востокомъ и черезъ него-то именно лежитъ для нея столь важный и необходимый путь къ Тихому океану.

Интересы Россіи на Дальнемъ Востокѣ, напримѣръ въ Китаѣ, неисчислимы, но несмотря на это мы никогда не подражали здѣсь грубой политикѣ захвата, столь часто и искусно практикуемой другими европейскими державами.

Поэтому Россія заняла по отношенію къ Китайскому вопросу выжидательное положеніе, въ надеждѣ, что ея правда восторжествуетъ и здѣсь.

И вотъ въ результатѣ этого выжидательнаго положенія явилось извѣстіе о заключеніи договора между Россіей и Китаемъ— договора, по которому Россіи уступаются порты Артуръ и Таліенванъ, преисполнившее радостью всѣхъ русскихъ людей, понимающихъ истинныя задачи русской политики и съ тревогой слѣдившихъ за ея поступательнымъ движеніемъ въ предѣлахъ необъятной Азіи.

Правда, порты эти уступлены Россіи только на срокъ въ 25 лѣтъ, но, вопервыхъ, и по договору уже срокъ этотъ можетъ быть продолженъ, а вовторыхъ, не надо забывать словъ, сказанныхъ однажды Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ: *„гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ“*.

Но, удовлетворяя вполнѣ нашему самолюбію, обезпечивая намъ важную точку опоры для нашего флота въ водахъ Тихаго океана и суля неисчислимыя выгоды въ будущемъ, этотъ только что заключенный русско-китайскій договоръ налагаетъ на всѣхъ русскихъ и тяжелую отвѣтственность.

Вопервыхъ, въ виду чрезвычайныхъ выгодъ, которыя можетъ дать Россіи этотъ договоръ, намъ надо сбросить съ себя обычныя нашу лѣнь и нерѣшительность и самымъ энергичнымъ образомъ приняться за дѣло, чтобы не опоздать и не остаться молчаливыми свидѣтелями того, какъ всякіе ловкіе чужеземцы въ свою пользу будутъ эксплуатировать плоды новой побѣды русской дипломатіи.

Портъ Таліенванъ будетъ открытъ для торговли всѣхъ странъ. Это и понятно, ибо Россія никогда не думала о своихъ исключительныхъ выгодахъ. Когда же этотъ портъ будетъ соединенъ вѣтвью желѣзной дороги съ Сибирскою магистралью, то онъ несомнѣнно сдѣлается мѣстомъ, куда устремятся производители всѣхъ странъ свѣта въ надеждѣ найти новые рынки для сбыта своихъ произведеній не только въ предѣлахъ Китая, но и въ Сибири и другихъ нашихъ азіятскихъ владѣніяхъ...

Поэтому и для представителей русской производительной промышленности болѣе чѣмъ настало время подтянуться и призвать себѣ на помощь всю энергію и предпріимчивость, чтобы не упустить новыхъ рынковъ, добытыхъ ей успѣхомъ русской дипломатіи.

Вовторыхъ, не надо забывать, что теперь впервые Россія вступаетъ въ близкое, тѣсное общеніе съ самымъ могущественнымъ государствомъ Восточной Азіи, создавшимъ богатую и своеобразную культуру и бывшимъ до сихъ поръ почти совершенно замкнутымъ для Европы.

Надо, чтобы черезъ насъ Китайцы могли познакомиться съ дѣйствительными и положительными сторонами европейской цивилизаціи, развившейся на почвѣ христіанства, а не съ однѣми ея отрицательными сторонами, обязанными своимъ ростомъ духу времени и страсти къ наживѣ во что бы то ни стало.

Послѣднее, по нашему мнѣнію, представляется особенно важнымъ, и желательно было бы, чтобы сознаніемъ важности этой новой задачи, налагаемой теперь на наше отечество, прониклись всѣ русскіе люди.

Значеніе состоявшагося недавно русско-китайскаго соглашенія начинаетъ мало-по-малу сознаваться всѣми русскими людьми. Это и понятно, такъ какъ важность его слишкомъ очевидна и несомнѣнна для Россіи и ея будущихъ судебъ.

Не только въ политическомъ, чисто военномъ и торговомъ отношеніяхъ важно для Россіи пріобрѣтеніе двухъ незамерзающихъ портовъ на берегу Желтаго моря, но и въ духовно-нравственномъ отношеніи оно представляетъ для насъ извѣстный интересъ, игнорировать который намъ, русскимъ, рѣшительно не слѣдуетъ.

Недавно на эту тему говорилъ въ Петербургѣ одинъ изъ извѣстныхъ петербургскихъ проповѣдниковъ и, по сообщенію газетъ, проповѣдь его произвела на слушателей сильное впечатлѣніе. Онъ говорилъ о той новой задачѣ, которая выпадаетъ теперь на долю Россіи на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ ей среди трехъ языческихъ государствъ—Китая, Кореи и Японіи—предстоитъ выступить носительницей христіанской культуры подъ свѣтлымъ знаменемъ Православія съ его привлекательными для всѣхъ началами добра и взаимной любви, справедливости и равноправности всѣхъ и уваженія къ личности и человѣческимъ правамъ всѣхъ и каждаго.

Закончилъ проповѣдникъ приглашеніемъ слушателей къ принесенію посильной лепты на устроеніе перваго православнаго храма въ Портъ-Артурѣ.

Для русскаго человѣка понятно впечатлѣніе, произведенное этою проповѣдью, какъ понятно для него и то, что, въ сущности не военные и торговые интересы должны преобладать въ русской политикѣ на Дальнемъ азіатскомъ Востокѣ. Тамъ предстоитъ намъ сдѣлать нѣчто большее, чѣмъ обезопасить себя отъ возможности какихъ бы то ни было военныхъ случайностей и развить русскую торговлю; тамъ намъ предстоитъ выступить въ качествѣ провозвѣстниковъ великой истины христіанства, въ его чистѣйшей формѣ православія, тѣмъ болѣе что вѣдь только знанія этой истины и не хватаетъ тѣмъ азіатскимъ народамъ, съ которыми мы готовимся вступить въ непосредственныя и близкія сношенія.

И у Китайцевъ и у Японцевъ есть своя богатая, вѣками выработанная культура, у нихъ развита промышленность, какъ добывающая, такъ и обрабатывающая, у нихъ есть все, кромѣ одного, чтобы выступить на поприщѣ всемірной исторіи равноправными членами великой семьи цивилизованныхъ народовъ.

И это одно—это христіанство.

Какъ же не желать пламенно, чтобъ это „одно", что необходимо теперь Китаю и Японіи, эти державы восприняли именно отъ насъ, чтобы на долю нашего именно отечества и выпала славная задача просвѣтить ихъ тѣмъ немеркнущимъ свѣтомъ Православія, который и намъ далъ возможность выйти на ту міровую дорогу, которая въ невѣдомую даль такъ широко и открыто лежитъ передъ нами!

Изъ Франціи снова доходятъ до насъ тревожные слухи!

Снова общественное мнѣніе тамъ, недавно было успокоившееся, начинаетъ возбуждаться; снова поднимается агитація и борьба партій, которая теперь, незадолго до выборовъ, можетъ оказаться богатою своими неожиданными послѣдствіями.

Кассаціонный судъ отмѣнилъ приговоръ присяжныхъ по дѣлу Э. Золя,—тотъ самый приговоръ, который вся Франція и всѣ ей сочувствующіе встрѣтили какъ въ высшей степени удовлетворяющій чувству справедливости.

Это не значитъ, конечно, какъ о томъ облыжно говорили нѣкоторые дружественные дрейфусовскому синдикату органы печати, чтобы Э. Золя былъ оправданъ.

Кассаціонный судъ не могъ его оправдать: онъ только, забывъ, что и судьямъ должно быть присуще святое чувство патріотизма, ухватился за несущественный промахъ въ возбужденіи процесса противъ Золя, и, основываясь на этомъ, отмѣнилъ приговоръ присяжныхъ.

Чего добился этимъ кассаціонный судъ?

Правда, мертвая буква закона будетъ теперь соблюдена, но чего это будетъ стоить Франціи, какія волненія, какую агитацію предстоитъ ей снова пережить!

Военный судъ, оскорбленный Э. Золя, конечно, возбудитъ противъ него преслѣдованіе на этотъ разъ отъ своего имени.

Слѣдовательно, процессъ Э. Золя возобновится во всемъ своемъ прежнемъ объемѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ возобновится и то общественное возбужденіе, свидѣтелями котораго мы были такъ недавно.

Уже и теперь появились слухи о томъ, что дрейфусовскій синдикатъ возобновляетъ свою дѣятельность, что̀, несомнѣнно, будетъ на руку всѣмъ врагамъ Франціи, которые болѣе всего опасаются возстановленія въ ней порядка и спокойствія.

Имъ нужно, чтобы во Франціи господствовало постоянно разжигаемое возбужденіе народной толпы; ради достиженія этого они не останавливаются ни передъ чѣмъ, и, какъ мы видимъ, часто и легко находятъ себѣ союзниковъ и среди французовъ, мало по малу забывающихъ, что такое чувство патріотизма и какія обязанности налагаетъ оно на человѣка...

Недипломатъ.

О кремлевскихъ соборахъ и колокольняхъ и объ отливкѣ колокола въ 12.000 пудовъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

(Изъ путешествія Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію. По арабской рукописи Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ).

I.

Неизвѣстное доселѣ описаніе Успенскаго и другихъ кремлевскихъ соборовъ половины XVII вѣка.

(Докладъ въ Императ. Моск. Археолог. Обществѣ).

Памятники древнерусскаго церковнаго зодчества, уцѣлѣвшіе до сего времени, въ частности кремлевскіе соборы, дошли до насъ по большей части въ измѣненномъ видѣ, благодаря позднѣйшимъ передѣлкамъ.[1] Поэтому для отечественной археологіи имѣютъ большую важность письменныя о нихъ извѣстія, которыя даютъ намъ понятіе объ ихъ прежнемъ состояніи и сообщаютъ о предметахъ древности, навсегда утраченныхъ. Въ этомъ отношеніи немалый интересъ представляетъ, остававшееся доселѣ неизвѣстнымъ, весьма обстоятельное описаніе Успенскаго и, отчасти, другихъ кремлевскихъ соборовъ, составленное архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, сопровождавшимъ своего отца, Антіохійскаго патріарха Макарія, въ его путешествіе въ Россію.[2] Это описаніе относится къ 1655 году, слѣдовательно, ко времени вскорѣ послѣ того, какъ Успенскій соборъ былъ роскошно поновленъ стараніями патріарха Никона въ 1652 г.[3] Оно яв-

[1] О перестройкахъ и передѣлкахъ въ Успенскомъ соборѣ см. „Памятники Московской древности“ Снегирева, М. 1842, стр. 3—5.

[2] Англійскій переводчикъ Путешествія патріарха Макарія, Бельфуръ, опустилъ описаніе соборовъ, безъ указанія на сдѣланное имъ опущеніе, хотя по нѣкоторымъ соображеніямъ нужно думать, что оно имѣется въ Лондонской арабской рукописи.

[3] Снегиревъ (ibid., стр. 4) говоритъ объ этомъ: „при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, (соборъ) возобновленъ и святолѣпно украшенъ и въ 1652 году, сентября 9, освященъ былъ Никономъ, который, какъ самъ свидѣтельствуетъ въ грамотѣ своей, „„построилъ многія священныя вещи государевымъ жалованьемъ и своимъ келейнымъ избыткомъ““.

ляется прекраснымъ дополненіемъ къ дошедшимъ до насъ четыремъ описямъ Успенскаго собора [1], изъ коихъ первая относится къ началу царствованія Михаила Θеодоровича, вторая — къ 1627 г., третья—къ 1638 г. и четвертая—къ 1701 г. Изъ этихъ документовъ, между прочимъ, мы узнаемъ, что въ первой половинѣ XVII столѣтія въ Успенскомъ соборѣ, предъ царскими дверьми, подъ большимъ паникадиломъ, возвышался, украшенный по сторонамъ иконами и рѣзьбой, амвонъ, о коемъ уже не упоминается въ описи 1701 г. Благодаря Павлу Алеппскому, который также не упоминаетъ объ этомъ амвонѣ, мы можемъ съ большою вѣроятностью установить, что онъ былъ удаленъ при поновленіи собора въ 1652 г. Изъ тѣхъ же описей знаемъ, что иконостасъ по всѣмъ четыремъ тябламъ былъ украшенъ подсвѣчниками—Павелъ Алеппскій даетъ подробное ихъ описаніе. Любопытна также его замѣтка о порядкѣ размѣщенія мѣстныхъ иконъ и объ измѣненіяхъ, которыя сдѣлалъ въ этомъ патріархъ Никонъ по совѣту патріарха Макарія. Равно не лишено интереса упоминаніе его объ огромномъ, великолѣпномъ зеркалѣ, стоявшемъ въ главномъ алтарѣ Успенскаго собора.

Описаніе Павла Алеппскаго является единственнымъ въ своемъ родѣ; тщетно было бы искать подобнаго въ запискахъ другихъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVI и XVII вв.; какъ иновѣрцы, они не допускались въ наши храмы. Мы не нашли его и въ путешествіи православнаго и, подобно Павлу Алеппскому, духовнаго лица, Арсенія, архіепископа Элассонскаго, который пріѣзжалъ въ Москву въ 1588 году вмѣстѣ съ Константинопольскимъ патріархомъ Іереміей.

ПЕРЕВОДЪ.

Утромъ въ воскресенье Сыропуста московскій патріархъ пригласилъ нашего учителя отслужить вмѣстѣ обѣдню въ соборѣ, то-есть въ великой церкви, въ присутствіи царя. Мы поѣхали туда въ царскихъ саняхъ. Вотъ описаніе этой церкви. Она четырехъугольная и очень высока. На каждой изъ трехъ стѣнъ—очертанія четырехъ арокъ снизу до верху, а потому и кругомъ ея крыши идутъ арки, всѣ изъ тесанаго камня съ желѣзными связями. Церковь имѣетъ пять высокихъ куполовъ, густо позолоченныхъ. На каждомъ куполѣ крестъ съ тремя поперечинами, на подобіе креста Господня, какъ обыкновенно бываютъ всѣ кресты у нихъ. Снизу они кажутся маленькими; но недавно одинъ изъ нихъ сломался отъ ветхости, и его спустили; мы смѣрили его длину, и она оказалась около четырехъ локтей; такова же длина его поперечинъ, а толщина его одна квадратная пядень. Средина крестовъ желѣзная; а нижняя часть, которая вставляется въ куполъ, имѣетъ въ длину около полутора локтя; поверхъ желѣза доски, и все покрыто мѣдью, густо позолоченною.

---

[1] Онѣ напечатаны въ „Русской исторической библіотекѣ“, изд. Археогр. Коммиссіей. СПб., 1876 г. Т. III.

Что касается шара подъ крестомъ, то онъ такъ великъ, что никто изъ насъ не могъ обхватить его руками, снизу же онъ кажется не больше яблока.

Церковь имѣетъ три большія двери. Съ наружной стороны западной двери есть арки и куполъ, на коемъ изображено Успеніе Богородицы и весь Апокалипсисъ евангелиста Іоанна. На эту дверь, возвышаясь надъ нею, выходитъ высокій царицынъ дворецъ, на куполахъ котораго водружены флюгера изъ позолоченной мѣди, кои вертятся отъ вѣтра. Насупротивъ этой же двери— красивая церковь во имя Положенія пояса Владычицы; здѣсь проходитъ царица, когда спускается къ службѣ въ (великую) церковь, такъ что ее никто не видитъ. Патріаршій домъ находится ниже этихъ палатъ, и по этой причинѣ, всякій разъ когда патріархъ выходитъ въ церковь и возвращается изъ нея, онъ останавливается у этого прохода, поднимаетъ вверхъ свои взоры и, отдавъ посохъ архидіакону, благословляетъ по направленію кверху, затѣмъ кланяется до земли, благословляетъ вторично и, вторично сдѣлавъ поклонъ, уходитъ. Такъ же поступалъ и нашъ владыка патріархъ всякій разъ, когда приходилъ въ церковь и мы поднимались въ патріаршій домъ, ибо царица всегда смотрѣла на проходящихъ изъ своихъ стеклянныхъ оконъ. Такъ поступали и всѣ архіереи.

Другія двѣ двери—съ юга и съ сѣвера. Южная выходитъ къ царскому дивану, къ церкви Благовѣщенія и на всю дворцовую площадку. Надъ этою дверью написанъ на стѣнѣ надъ аркой образъ Владычицы въ большомъ видѣ, а по сторонамъ дверныхъ створовъ два ангела съ рипидами. Надъ всѣмъ этимъ арка изъ жести для защиты отъ дождя и снѣга. Передъ этою дверью есть площадка, на которую всходятъ по лѣстницѣ; вся она выстлана плитами изъ желѣза, которое блеститъ какъ серебро; плиты четырехъугольныя и какъ будто изъ чернаго мрамора. Надъ сѣверною дверью изображенъ рядъ архіереевъ. Насупротивъ этой двери находятся палаты и дворецъ патріарха, выстроенные имъ въ настоящее время.

Алтарей пять. Надъ каждымъ изъ нихъ сдѣлано чистымъ золотомъ свое особое изображеніе. Сзади главнаго алтаря наверху— изображеніе Отца, Сына и Святаго Духа; позади другихъ двухъ алтарей—изображеніе Святой Софіи, Премудрости Божіей, съ краснымъ лицомъ, сидящей [1] на престолѣ съ семью столпами,

---

[1] Въ арабскомъ подлинникѣ: „сидящаго", въ мужескомъ родѣ; слѣдовательно, Премудрость изображена въ видѣ мужчины. О значеніи символической фигуры Премудрости на этомъ изображеніи Ю. Д. Филимоновъ говоритъ въ своей статьѣ: „Очерки русской христіанской иконографіи, Софія Премудрость Божія" *Вѣстн. Общ. древнерус. искусства*, 1874, 1—3, стр. 9): „что иконописцы не имѣли въ виду даже въ XVII вѣкѣ переносить этотъ символъ на Богоматерь, это очевидно и изъ того, что мѣсто этого символа занято изображеніемъ Спасителя на иконѣ Софіи Премудрости Божіей въ одной изъ алтарныхъ арокъ наружной стѣны Московскаго Успенскаго собора".

согласно изреченію Соломона: „премудрость создала себѣ домъ и утвердила его на семи столпахъ“; справа отъ Нея Пресвятая Дѣва, а слѣва (Іоаннъ) Креститель; сверху ангелы, парящіе въ небесахъ. Въ этомъ и иномъ родѣ имѣются изображенія и надъ другими алтарями[1]. Всякій, кто проходитъ здѣсь, непремѣнно останавливается и молится на нихъ издали. Великій алтарь имѣетъ три большихъ окна, снаружи узкихъ, снутри широкихъ, съ большими откосами, для того, чтобы свѣтъ ниспадалъ до самаго пола. Остальные четыре алтаря имѣютъ каждый по одному окну. Большія окна этой церкви весьма многочисленны; они идутъ въ два ряда, одни надъ другими, и всѣ снутри широки, съ большими откосами. По этой причинѣ церковь весьма свѣтла. Всѣ окна имѣютъ оконницы изъ стекляннаго камня (слюды), чистаго, разноцвѣтнаго. Снаружи у нихъ желѣзныя рѣшетки. Точно также и двери церковныя имѣютъ снаружи рѣшетку изъ чудесной желтой мѣди; внутрь ея вставлена слюда. Снутри же двустворчатая дверь изъ чистаго желѣза.

Эта церковь поддерживается четырьмя выведенными кладкой колоннами, весьма толстыми и высокими. По окружности ихъ четыре арки. Царское мѣсто—большое, высокое, съ куполомъ, все изъ мрамора и кругомъ покрыто рѣзьбой, представляющею воиновъ сыновъ Израиля; оно находится близъ южной двери. Патріаршее мѣсто—налѣво отъ него, съ задней стороны правой колонны, насупротивъ алтаря. Позолоченное, чудесное царицыно мѣсто—налѣво отъ него, съ лицевой стороны другой колонны, противъ алтаря, гдѣ жертвенникъ; оно постоянно завѣшено матеріей.

Главный алтарь очень великъ, высокъ, открытъ и свѣтелъ. Полъ его первоначально былъ въ уровень съ поломъ церкви, но въ настоящее время патріархъ (Никонъ) значительно поднялъ его, возвысивъ надъ поломъ церкви на четыре-пять ступеней, которыя сдѣланы изъ желѣза. Престолъ великъ, надъ нимъ большой серебряный куполъ[2], утвержденный на четырехъ высокихъ колоннахъ изъ желтой мѣди. Куполъ имѣетъ четыре арки съ зубчиками. У плеча каждой арки ангелъ изъ чистаго золота, держащій въ рукѣ рипиду, коею онъ какъ бы вѣетъ насупротивъ своего содруга; на каждой аркѣ по два ангела, такъ что число ихъ всѣхъ восемь. По окружности купола большіе вѣнчики—все со сквозною рѣзьбой. Куполъ четырехъугольной формы и увѣнчанъ крестомъ. Потолокъ его рѣзной, фигурный, пластинчатый, со звѣздочками; фонъ—серебряный, а бруски, звѣздочки и гвозди—золоченые. Внутри купола желѣзная рѣшетка, а по окружности его четыре цѣпи изъ позолоченнаго желѣза, прикрѣпленныя къ стѣнамъ алтаря, для того чтобы куполъ не колебался. Говорятъ, что серебро этого купола вѣситъ че-

[1] Авторъ говоритъ о наружныхъ изображеніяхъ надъ алтарными апсидами.
[2] Сѣнь.

тырнадцать пудовъ, а пудъ, какъ мы сказали, равенъ тринадцати стамбульскимъ окамъ. Кругомъ купола четыре занавѣса, закрывающихъ престолъ, который всегда остается закрытымъ. Весь престолъ покрытъ драгоцѣнною парчой. Въ потолкѣ купола виситъ серебряный вызолоченный голубь съ распущенными крыльями, какъ бы спускающійся на престолъ [1]. Каѳедра (горнее мѣсто) имѣетъ три ступеньки, обитыя зеленымъ сукномъ; посрединѣ—высокій патріаршій тронъ, покрытый всегда ковромъ до полу. Справа и слѣва отъ трона висятъ два очень большихъ креста и рѣзныя изъ слоновой кости иконы съ изображеніями всѣхъ господскихъ праздниковъ и большинства святыхъ; онѣ соединены между собой золотомъ. Подлѣ каждаго креста позолоченная рипида съ изображеніемъ херувима. Позади престола досчатый проходъ, гдѣ поставлены древнія иконы изъ серебра и между ними также большой крестъ. Эти три креста вмѣстѣ съ иконами всякій разъ, когда идутъ въ крестный ходъ, несутъ впереди всѣхъ. У стѣны, насупротивъ престола, направо отъ входящаго въ царскія врата, стоитъ очень большое, великолѣпное зеркало, въ рамѣ изъ чернаго дерева съ золотыми фигурами ангеловъ. Оно стоитъ больше пятисотъ динаровъ, ибо весьма роскошно и показываетъ человѣка во весь ростъ. По временамъ за литургіей патріархъ подходилъ къ нему, смотрѣлся, расчесывалъ волосы на головѣ и бороду и оправлялся, и не только одинъ онъ, но и всѣ, даже маленькіе дьяконы [2]. Они охорашивались, чтобы не подвергаться насмѣшкамъ мірянъ. Въ алтарѣ, гдѣ жертвенникъ, висятъ еще два зеркала, тоже для нихъ, со щеткой изъ свиной щетины для расчесыванія волосъ во всякое время.

Что касается двухъ алтарей, кои находятся съ правой стороны (главнаго) алтаря, то одинъ изъ нихъ есть ризница церковная. Въ ней хранится драгоцѣнная утварь церкви вмѣстѣ съ полными царскими облаченіями патріарховъ, числомъ болѣе ста, кромѣ тѣхъ, которыя изготовляются теперь. Патріархи, бывшіе до Никона, надѣвали митры. Этотъ же сдѣлалъ въ на-

---

[1] Для сравненія приводимъ описаніе сѣни надъ престоломъ изъ описи 1638 года: „Надъ престоломъ сѣнь, столпы мѣденые, литые, золочены сусальнымъ золотомъ, межъ столповъ на дцкахъ 4 вымки серебрены, на нихъ на проемъ рѣзаны травы; на тѣхъ же вымкахъ 8 ангеловъ серебреные, чеканные, золочены. На верху у сѣни корунки мѣденые золочены. Шатеръ покрытъ серебромъ, черезъ доску золочено. На верху сѣни крестъ серебрянъ золоченъ. Въ той же сѣни, въ подволокѣ, 16 полотенецъ, серебреные, рѣзаны на проемъ травы, около полотенецъ каймы и посереди полотенецъ бруски серебреные золочены чеканные; вверху подволоки, въ вымкахъ, 4 завѣса камки куфтерные розныхъ цвѣтовъ, около сѣни 4 завѣса тафтяные, розныхъ цвѣтовъ. Надъ престоломъ голубь золотъ“. О послѣднемъ подробнѣе въ описи 1701 года: „да надъ престоломъ въ сѣни на желѣзной проволокѣ голубь весь золотой, крылѣ до половины, съ черью, а въ немъ полагается святый агнецъ. А шатеръ по угламъ прикрѣпленъ къ стѣнамъ чѣпми желѣзными“ (Русская Истор. Библіотека, т. III. СПб. 1876).

[2] Анагносты, чтецы.

стоящее время четыре митры-короны[1], истративъ на одну изъ нихъ болѣе пятнадцати тысячъ динаровъ. Эта митра ослѣпляетъ умъ и взоры обиліемъ драгоцѣнныхъ украшеній: алмазовъ, разноцвѣтныхъ яхонтовъ, рубиновъ, изумрудовъ и иныхъ, вмѣстѣ съ тысячью жемчужинъ, отборныхъ, круглыхъ, какъ будто точеныхъ, крупнѣе раковинокъ большихъ четокъ. Впослѣдствіи въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ о его саккосахъ. Что касается парчевыхъ стихарей и фелоней, унизанныхъ обильно жемчугомъ и драгоцѣнностями и предназначенныхъ для архіереевъ этой церкви на всякій большой праздникъ, то каждые фелонь и стихарь сложены другъ на другѣ въ отдѣльномъ ящикѣ налѣво отъ престола.

Третій алтарь, что насупротивъ царскаго мѣста, во имя св. Димитрія. Въ алтарѣ есть благолѣпная икона, на которой изображены мученія и всѣ чудеса святого; вся она вытиснена на вызолоченномъ серебрѣ. Когда царь входитъ въ алтарь, то обыкновенно проходитъ чрезъ дверь (этого алтаря) и становится въ ризницѣ.

Что касается другихъ двухъ алтарей, съ лѣвой стороны (главнаго) алтаря, то одинъ, какъ мы сказали, есть алтарь, гдѣ находится жертвенникъ, а также чудесное мѣсто омовенія рукъ и мѣсто, гдѣ неугасимо горитъ огонь. Пятый алтарь подлѣ этого— во имя св. Петра. Въ немъ, какъ мы раньше упомянули, почиваютъ его мощи въ ракѣ изъ позолоченнаго серебра; снаружи она ограждена высокою, массивною серебряною же рѣшеткой.

Всѣ конхи этихъ алтарей, ихъ стѣны и отдѣленія, а также всѣ стѣны церкви и куполы расписаны сверху до низу изображеніями господскихъ праздниковъ и всѣхъ святыхъ съ ихъ чудесами—все изъ чистаго сусальнаго золота, такъ что стѣнъ не видать, а какъ будто все золото да лазурь. По этой причинѣ въ Бозѣ почившій митрополитъ Иса[2] сказалъ въ своемъ стихотвореніи, говоря о достопримѣчательностяхъ этой страны: „въ ней церкви изъ золота и серебра, алтари ихъ украшены золотомъ, жемчугомъ и разновидными алмазами“. Подъ серебромъ и золотомъ онъ разумѣлъ изображенія святыхъ на стѣнахъ этой церкви и иныхъ; слова его: „жемчугомъ и разновидными алмазами“ означаютъ алмазы и прочіе драгоцѣнные камни на иконахъ святыхъ въ этой церкви и въ другихъ. Нѣтъ колоннъ изъ

---

[1] Въ первомъ случаѣ Павелъ Алеппскій употребилъ греческое слово *митра*, которое означаетъ только архіерейскую митру, а во второмъ случаѣ арабское слово *тажъ*, которое означаетъ и митру и корону. Въ патріаршей ризницѣ сохранились отъ времени патр. Никона двѣ митры, средняя и большая, обѣ 1653 г., и двѣ короны: одна 1653 г., другая, большая, 1655 г. На приведенныхъ въ „Указателѣ для обозрѣнія московской патріаршей ризницы“, Саввы, епископа Можайскаго, изображеніяхъ митръ и коронъ патр. Никона короны имѣютъ кругомъ вѣнцы.

[2] Митрополитъ Иса (Іисусъ) былъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ Антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ Дау въ 1586 г. и, по словамъ Павла Алеппскаго, составилъ стихотворное описаніе своего путешествія на арабскомъ языкѣ.

черепахи и иныхъ, какъ онъ невѣрно описалъ ради того только, чтобы вышелъ правильнымъ размѣръ его касыды (поэмы).

Я не порицаю его—Боже избави! но все, что я видѣлъ собственными глазами, то пересказалъ правдиво, описывая каждый предметъ по порядку, дабы, если читатель представитъ его себѣ въ своемъ умѣ, нашелъ бы такимъ, какъ будто самъ его видѣлъ. Иса и его спутники, какъ говорятъ, пріѣзжали при царѣ Іоаннѣ[1], когда государство было еще слабо; мы же прибыли въ нынѣшнее время, когда государство сдѣлалось въ высшей степени богатымъ.

Мѣсто Ризы Господней, какъ мы упомянули раньше, находится справа отъ входящаго чрезъ западную дверь церкви. Оно имѣетъ видъ кельи съ высокимъ куполомъ и сдѣлано все изъ чудесной желтой мѣди со сквозною рѣзьбой. Снутри его слюда, дабы стоящіе снаружи могли видѣть внутрь, ибо лампадки и свѣтильники горятъ неугасимо[2]. Близъ него, по всей южной стѣнѣ до царскаго мѣста идутъ гробницы шести патріарховъ, кои занимали престолъ московскій и всѣхъ странъ русскихъ. Гробницы окружены рѣшеткой изъ луженаго желѣза. На каждой гробницѣ лежитъ большой покровъ изъ черкаго бархата съ большимъ крестомъ, на коемъ сверху до низу маленькія иконы изъ позолоченнаго серебра; крестъ имѣетъ три поперечины, и съ обѣихъ сторонъ его, по обыкновенію, губка и копье. По окружности покрововъ идутъ письмена шириной въ пять пальцевъ, изъ крупнаго жемчуга; (обозначено) имя погребеннаго и время его кончины.

Въ ризницѣ этой церкви есть чаша изъ зеленой яшмы съ крышкой, съ дискосомъ, лжицей и копьемъ[3]. Говорятъ, что ихъ поднесъ въ подарокъ царю одинъ греческій купецъ, ихъ оцѣнили, и царь далъ ему стоимость ихъ—24.000 динаровъ (рублей).

По окружности церкви и вокругъ четырехъ колоннъ размѣщены очень большія иконы, на которыхъ ничего не видно кромѣ рукъ и лика, да съ трудомъ можно замѣтить частичку одѣянія, все же остальное—толстое чеканное серебро съ чернью. Большая часть иконъ греческія; между иконами есть благолѣпная икона Владычицы, серебряная, съ каменьями; на ней грузинскія письмена, ибо она изъ Грузіи. Равно и при дверяхъ всѣхъ алтарей стоятъ большія серебряно-вызолоченныя иконы съ дѣяньми вокругъ, кои также вычеканены (на ризѣ). Нѣкоторыя изъ нихъ, даже и всѣ двери, серебряно-вызолоченныя, съ углубленіями, какъ будто онѣ изъ тѣста. Между ними помѣщаются иконы Господа и Владычицы, которыя, какъ говорятъ, прислалъ въ свое время москови-

---

[1] Они пріѣзжали въ началѣ царствованія Θеодора Іоанновича.

[2] Ранѣе, въ другомъ мѣстѣ, авторъ подробно описалъ мѣсто Ризы Господней (кн. VII, гл. XI). Въ описи 1638 года: „На гробѣ Господнѣ ковчегъ серебрянъ золоченъ, на ковчегѣ образъ Распятіе Господа нашего Іисуса Христа рѣзной; а въ томъ ковчегѣ другой ковчежецъ серебрянъ, золоченъ, съ каменьемъ, а въ ковчежцѣ риза Господа нашего Іисуса Христа“.

[3] Авторъ говоритъ, очевидно, о сосудахъ Антонія Римлянина.

тамъ греческій царь Мануилъ Комненъ вмѣстѣ съ иконой Господа въ ростъ, на Его евангеліи греческія письмена — мы ихъ читали. Подлѣ притолоки царскихъ вратъ есть шкафъ, весь покрытый серебряными листами снаружи и снутри; онъ съ аркой, на вершинѣ которой крестъ, и имѣетъ дверцу съ прочнымъ замкомъ; въ немъ икона Владычицы, писанная евангелистомъ Лукой, чему яснымъ доказательствомъ служитъ то, что она какъ будто воплощенная и очень древняя. На ней висятъ многочисленныя привѣски изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Около нея стоитъ другая, малая икона, также Владычицы, въ маломъ шкафу въ видѣ церкви съ куполами, очень почитаемая: говорятъ, что она современна ихъ святому Петру.

Во всѣхъ московскихъ церквахъ существуетъ такой обычай, что икону Владычицы ставятъ справа отъ жертвенника[1], а икону Троицы слѣва. Но нашъ владыка патріархъ подъ конецъ посовѣтовалъ имъ, и Никонъ уничтожилъ прежній обычай и сдѣлалъ по нашему, и это по той причинѣ, что патріархъ Никонъ, чрезвычайно любящій греческіе обряды, всегда просилъ нашего учителя, чтобы онъ, какую бы неумѣстную вещь ни замѣтилъ, сообщалъ ему о томъ для исправленія. Какъ только нашъ владыка сказалъ имъ объ этомъ, тотчасъ Никонъ вынулъ эту икону съ ея шкафомъ съ этой стороны и поставилъ налѣво на мѣсто иконы Троицы, а на ея мѣсто греческую икону Спасителя, принеся ее изъ конца ряда. Такъ онъ сдѣлалъ и въ большинствѣ церквей.

Двери алтарей вмѣстѣ съ арками, равно и колонны, покрыты чистымъ серебромъ чеканной работы.

Что касается величественнаго иконостаса, которому нигдѣ нѣтъ подобнаго — по обширности, высотѣ и ширинѣ, то онъ новый: его соорудилъ въ недавнее время патріархъ Никонъ. Онъ четырехъярусный. Въ первомъ ярусѣ посрединѣ Господь Христосъ, сидящій на царскомъ престолѣ; на главѣ Его большая, со сквозною рѣзьбой, корона, осыпанная сверкающими драгоцѣнными каменьями; говорятъ, что она вѣситъ пудъ, 13 окъ, чистаго золота. Справа и слѣва идетъ рядъ апостоловъ съ Владычицей и Крестителемъ; Павелъ держитъ мечъ насупротивъ Петра. Вышина этихъ образовъ болѣе роста человѣка; живопись превосходная. Во второмъ ряду, надъ нимъ, посрединѣ Воскресеніе, остальное—страсти Господни и Господскіе праздники до Пятидесятницы и Успенія Богородицы. Надъ этимъ третій рядъ съ изображеніемъ Дѣвы Платитера[2], въ небесномъ кругѣ, съ отверстыми дланями; остальная часть этого ряда— пророки, кои о Ней предсказывали. Въ четвертомъ ярусѣ, что на самомъ верху, посрединѣ Отецъ Саваоѳъ, „ветхій деньми", въ бѣломъ одѣяніи; на лонѣ Его сынъ, „сый въ лонѣ Отчемъ", въ видѣ младенца; оба они благословляютъ; Духъ Святый, въ

[1] Слѣдовало бы сказать: отъ престола.

[2] Въ описи 1638 года: „въ третьемъ тяблѣ образъ пречистыя Богородицы Воплощеніе".

видѣ голубя, вѣетъ крылами надъ головой Сына; вокругъ главы Отца сіяніе, на подобіе перстня Соломонова; тронъ, на коемъ Онъ возсѣдаетъ, не огражденный, т. е. открытый кругомъ, безъ перилъ. Вокругъ нихъ херувимы и „многоочитіи" серафимы. Остальное въ этомъ ряду—цари и пророки, держащіе въ рукахъ исписанные свитки, кои они поднимаютъ въ ихъ сторону. Вотъ описаніе четырехъ ярусовъ, какъ они есть. Эти иконы не писаны сусальнымъ золотомъ, но всѣ сдѣланы изъ позолоченнаго серебра чеканной работы, за исключеніемъ изображенія и рамъ. Всѣ иконы съ вѣнцами, по обычаю, принятому у московитовъ, которые помѣщаютъ надъ головой каждаго святого круглый вѣнецъ. Передъ каждою изъ этихъ иконъ—высокій подсвѣчникъ, какъ будто выточенный изъ позолоченнаго серебра. Въ подсвѣчникахъ зажигаются свѣчи. При четырехъ ярусахъ иконъ четыре ряда подсвѣчниковъ; нижніе больше двухъ съ половиной локтей; а чѣмъ выше, тѣмъ они все ниже достоинствомъ. Патріархъ разсказывалъ, что вѣсъ всѣхъ этихъ иконъ съ подсвѣчниками 370 пудовъ чистаго серебра. Греки называютъ этотъ пудъ греческимъ кинтаромъ, какимъ въ древности цари мѣрили золото. Патріархъ говорилъ, что на ихъ позолоту потребовалось чистаго золота болѣе десяти тысячъ динаровъ, кромѣ вѣнца Господа, который, какъ мы упомянули, вѣситъ ровно пудъ. Вотъ описаніе, нами составленное, нѣкоторыхъ красотъ этого великолѣпнаго иконостаса, подобнаго которому мы не видывали по величинѣ иконъ и многоцѣнности его. По истинѣ, онъ поражаетъ изумленіемъ самый смѣлый умъ.

Предъ алтарными дверями нѣтъ большихъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ, но стоятъ въ каменныхъ колонкахъ большія, толстыя разрисованныя свѣчи. Для священниковъ не имѣется клироса со стасидіями—они стоятъ рядами. Архіереи вмѣстѣ съ архимандритами становились у большого столба, что близъ мѣста хитона Господня, ибо у этого столба царь, приходя, стоялъ въ то время, когда облачался патріархъ. Столбъ этотъ покрытъ тонкимъ краснымъ сукномъ, и его образа новые и позолоченные.

Полъ этой церкви, начиная отъ алтарей, состоитъ изъ четырехъугольныхъ плитъ чистаго желѣза. Какъ мы раньше упомянули, царь заказалъ ихъ на желѣзномъ заводѣ въ городѣ Тулѣ. Полъ блеститъ, какъ черный мраморъ. Но въ зимнее время ноги отнимаются отъ сильнаго холода. Мы терпѣли отъ него въ продолженіе службъ великія мученія. Если бы мы не надѣвали на ноги башмаковъ, какіе носятъ греческіе монахи, съ деревянными подошвами и сукномъ, кои мы привезли изъ Константинополя съ прочими вещами для защиты отъ холода, по совѣту знающихъ людей, сообщившихъ намъ объ этомъ обстоятельствѣ, прежде намъ неизвѣстномъ, то мы давно бы искалѣчили себѣ ноги.

Вотъ что мы изложили, по мѣрѣ возможности, для описанія великой церкви.

Насупротивъ этой церкви, съ южной стороны, находится церковь Архангела, во имя св. ангела Михаила. Она изящнѣе собора и имѣетъ пять куполовъ изъ жести. По окружности ея крыши идетъ родъ малыхъ полуарокъ, весьма вогнутыхъ, съ прекрасными скульптурными украшеніями въ видѣ реберъ. Церковь окружена широкимъ навѣсомъ съ арками. Мы уподобляли это мѣсто постройкѣ *текье*[1]. Церковь имѣетъ три двери: западная—противъ церкви Благовѣщенія. Эту церковь воспѣлъ въ Бозѣ почившій митрополитъ Иса, говоря: „о, церковь въ Россіи, не имѣющая себѣ подобной! въ ней гробы всѣхъ царей русскихъ, съ того времени, какъ они сдѣлались христіанами и построили себѣ церкви“. Въ этой церкви находятся гробницы князей и царей московскихъ, съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлались христіанами, до сего времени, съ ихъ дѣтьми. Надъ каждою гробницей находится изображеніе лежащаго въ ней, какъ онъ есть, каждая гробница окружена высокою желѣзною рѣшеткой и покрыта покровомъ изъ краснаго и черн̆аго бархата; на немъ большой крестъ изъ серебряно-вызолоченныхъ образковъ и кругомъ письмена, именно дата, широко вышитая золотомъ; это для будничныхъ дней, по воскресеньямъ же и большимъ праздникамъ эти покровы снимаютъ и кладутъ другіе, украшенные иконами изъ чистаго серебра, драгоцѣнными каменьями и письменами изъ жемчуга. Надъ каждою гробницей стоитъ икона, осыпанная множествомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, и передъ нею свѣтильникъ, неугасимо горящій.

Какъ соборная церковь имѣетъ семь священниковъ и семь дьяконовъ и одинъ изъ священниковъ состоитъ протопопомъ надъ ними, а также бываетъ протодьяконъ надъ дьяконами, такъ и эта церковь имѣетъ семь священниковъ и семь дьяконовъ, и между ними есть протопопъ и протодьяконъ, ибо въ этой церкви обѣдня совершается неупустительно каждый день въ обоихъ ея алтаряхъ, а также ежедневно, утромъ и вечеромъ, бываетъ кутья и вино, т. е. *мнимосинонъ* (поминовеніе), въ память всѣхъ въ ней погребенныхъ. Здѣшнему протопопу назначены по этой причинѣ помѣстья, доходы съ которыхъ поступаютъ въ его пользу, а равно идутъ въ пользу товарищей его и дьяконовъ.

Въ этой церкви есть гробница одного изъ царскихъ дѣтей. Онъ почиваетъ въ великолѣпномъ гробѣ изъ позолоченнаго серебра. Его почитаютъ и ему поклоняются какъ мученику. Намъ разсказывали о немъ, что онъ явился у нихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Визирь овладѣлъ царствомъ послѣ смерти царя, который былъ бездѣтенъ, и сослалъ его супругу-царицу въ заточеніе въ одну крѣпость. Царица была беременна и спустя немного времени родила мальчика. Онъ росъ и достигъ отроческаго возраста. Услышавъ о немъ, визирь послалъ своихъ воиновъ, и эти злодѣйски задушили мальчика. Говорятъ, что въ

[1] Монастырь дервишей.

это время онъ, какъ это бываетъ съ дѣтьми, держалъ въ рукѣ орѣхи, которые разбивалъ и ѣлъ; эти орѣхи остаются въ его ладони до сихъ поръ: никто не могъ ихъ вынуть. По этой причинѣ его почитаютъ какъ мученика, ибо онъ былъ убитъ безвинно.

Возвращаемся (къ описанію). Этихъ двухъ протопоповъ мы не отличали отъ шейховъ извѣстной общины [1], ибо они носятъ рясы изъ ангорской шерсти фіолетоваго и зеленаго цвѣта, весьма широкія, съ позолоченными пуговицами сверху до низу, на головѣ бархатные колпаки сине-фіолетоваго цвѣта и зеленые сапоги. Они имѣютъ у себя въ услуженіи много молодыхъ людей и держатъ породистыхъ лошадей, на которыхъ всегда ѣздятъ. Другіе священники, проходя мимо нихъ, снимаютъ передъ ними свои колпаки. При этомъ они тучны, толсты, съ большимъ животомъ и жирнымъ тѣломъ.

Возвращаемся (къ описанію). Что касается церкви Благовѣщенія, то между нею и тою церковью находится одно изъ царскихъ казнохранилищъ. У дверей ея галлереи стоятъ стрѣльцы, охраняющіе диванъ. Мѣстоположеніе этой церкви весьма высокое. Вся галлерея расписана чудесными изображеніями съ сусальнымъ золотомъ. Плиты въ ней весьма большія, изъ твердаго, дикаго камня. Говорятъ, что въ Бозѣ почившій царь Иванъ велѣлъ привезти его зимой изъ Новгорода, гдѣ находятся ломки этого камня. Эта церковь имѣетъ только двѣ двери: одну съ запада, другую съ сѣвера. Снаружи, при входахъ, чудесная рѣшетка изъ желтой мѣди, а внутри цѣнныя двери также изъ желтой мѣди съ серебряными иконами. Это очень небольшая церковь, мрачная по причинѣ малочисленности ея оконъ. Полъ ея состоитъ изъ кусковъ мрамора прекраснѣйшихъ цвѣтовъ. Въ ней есть тронъ для царя, ибо онъ часто въ ней молится. Что касается находящихся тамъ иконъ, то никакой ювелиръ, превосходно знающій свое дѣло, не въ состояніи оцѣнить крупныхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, алмазовъ, рубиновъ, изумрудовъ на иконахъ и на вѣнцахъ Господа и Владычицы; въ этомъ мракѣ они горятъ, какъ раскаленные угли. Позолота иконъ, сдѣланная чистымъ золотомъ, и превосходная разноцвѣтная эмаль, исполненная съ тонкимъ, отчетливымъ искусствомъ, поражаютъ удивленіемъ умъ знатока. По этой причинѣ, какъ говорятъ, цѣнность иконъ, въ этой церкви находящихся, равняется нѣсколькимъ казнамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣются частицы мощей святыхъ, изъ числа наиболѣе чтимыхъ останковъ, болѣе чѣмъ въ ста серебряно-вызолоченныхъ ковчежцахъ, на которыхъ отчеканены лики тѣхъ, коихъ мощи въ нихъ содержатся. Все это хранится въ ризницѣ церкви, а потому ея окна задѣланы изъ опасенія, чтобы огонь не проникъ чрезъ нихъ въ ризницу, ибо близъ нея находится крыша казнохранилища и другихъ зданій, крытыхъ досками.

[1] Т. е. мусульманской. Восточные христіане, говоря насмѣшливо о мусульманахъ, обыкновенно, изъ предосторожности не называютъ ихъ прямо мусульманами.

Эта церковь имѣетъ девять куполовъ, густо позолоченныхъ. На среднемъ тотъ золотой крестъ, о которомъ говорятъ, что онъ стóитъ нѣсколько милліоновъ золотомъ. Внутри каждаго изъ остальныхъ восьми куполовъ есть комнатка, т. е. часовня, вся внутри покрытая золотомъ и кругомъ съ красивою рѣшеткой изъ желтой мѣди. Эта чудесная, великолѣпная маленькая церковь, столь дорого стоившая, сооружена въ Бозѣ почившимъ царемъ Іоанномъ, который издержками на нее изъ своихъ сокровищъ превзошелъ многихъ когда-либо бывшихъ царей. Отъ этой церкви до Успенскаго собора сдѣланы досчатые подмостки, по которымъ проходитъ царь, всякій разъ какъ идетъ въ нее молиться.

Близъ соборной церкви, съ южной стороны, находится большой каменный царскій дворецъ, знаменитый своею красотой, высотой и обширностью, огромностью своихъ камней и своимъ возвышеннымъ строеніемъ. Царь принимаетъ въ немъ пословъ отъ великихъ государей, чтобы показать свое могущество надъ ними.

II.

Новыя данныя къ исторіи предшественника царя-колокола.

(Докладъ въ Императ. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ).

На царѣ-колоколѣ имѣются, какъ извѣстно, три надписи; изъ нихъ первая гласитъ слѣдующее: „Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великаго гдря цря и великаго князя Алексія Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца повелѣніемъ, къ первособорной церкви Прстыя Бцы честнаго и славнаго ея Успенія, слитъ былъ великій колоколъ, осмь тысящъ пудъ мѣди въ себѣ содержащій, въ лѣто от созданія міра 7162, от Рождества же по плоти Бга Слова 1654 года; а изъ мѣста сего благовѣстить началъ въ лѣто мірозданія 7176, Хрстова же Рждества 1668 и благовѣстилъ до лѣта мірозданія 7208, Рждества же Гдня 1701 года, въ которое мца іюня 19 дня, от великаго въ Кремлѣ бывшаго пожара поврежденъ; до 7239 лѣта отъ начала міра а отъ Хрстова въ мірѣ Рждества 1731 пребылъ безгласен.“.

Эта надпись была до сихъ поръ единственнымъ источникомъ для исторіи предшественника царя-колокола; по крайней мѣрѣ, ее повторяютъ неизмѣнно всѣ писавшіе о нашихъ колоколахъ (Мартыновъ—„Московскіе колокола“, Пыляевъ—„Историческіе колокола“, Рыбаковъ—„о церковномъ звонѣ въ Россіи“ и др.), повидимому, вполнѣ полагаясь на достовѣрность сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній.

Въ путешествіи антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, описанномъ его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, мы нашли любопытный, весьма обстоятельный разсказъ объ отливкѣ огромнаго колокола въ Москвѣ въ 1655 году. Это описаніе оставалось доселѣ, можно сказать, неизвѣстнымъ, такъ какъ бо́льшая часть его (за исключеніемъ самаго конца) пропущена англійскимъ переводчикомъ путешествія патріарха Макарія и при томъ безъ всякаго указанія на сдѣланный имъ пропускъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя Павломъ Алеппскимъ, который былъ очевидцемъ всей работы по отливкѣ и поднятію колокола съ начала до конца, представляютъ исторію его въ совершенно новомъ видѣ. Они подтверждаютъ извѣстія вышеприведенной надписи лишь въ томъ, что въ 1654 г. дѣйствительно былъ отлитъ въ Москвѣ колоколъ въ 8000 пудовъ, но въ дальнѣйшемъ съ нею расходятся. Именно, Павелъ Алеппскій, прибывшій въ Москву съ отцомъ своимъ, патріархомъ Макаріемъ, въ началѣ февраля 1655 г., говоритъ, что въ прошломъ, то-есть 1654 году, по приказанію царя, былъ отлитъ русскимъ мастеромъ колоколъ въ 8000 пудовъ, но что вскорѣ же отъ сильнаго звона онъ раскололся и былъ спущенъ, и далѣе подробно, какъ очевидецъ, разсказываетъ объ отливкѣ изъ обломковъ этого колокола другого, еще бо́льшаго, и тоже русскимъ масте-

ромъ. Подготовительныя работы начались въ первыхъ числахъ февраля и продолжались въ теченіе лѣта и части осени. Колоколъ былъ отлитъ, вѣроятно, въ началѣ октября. [1] Работы, подъ конецъ, велись очень спѣшно, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ патріарха Никона, которому, очевидно, хотѣлось звономъ въ эту невиданную громаду мѣди достойно встрѣтать царя при возвращеніи его изъ побѣдоноснаго похода противъ поляковъ. И дѣйствительно, къ его прибытію колоколъ былъ поднятъ и повѣшенъ надъ литейною ямой, на деревянныхъ столбахъ, подлѣ Ивановской колокольни. На лицевой сторонѣ колокола, обращенной къ Успенскому собору, находилось изображеніе царя и царицы, на задней—патріарха Никона. Въ первый разъ въ колоколъ стали звонить 9 декабря, наканунѣ въѣзда царя въ столицу. Павелъ Алеппскій сообщаетъ также размѣры и вѣсъ этого колокола. Окружность его—11 брассъ, [2] то-есть 64 фута (окружность царя-колокола—60 ф. 9 д.). Толщина края—одинъ брассъ, то-есть 5 ф. 9 д., — величина слишкомъ большая; но надо полагать, что авторъ измѣрялъ толщину по скошенному краю колокола, отчего она, естественно, вышла больше настоящей (хотя, все-таки, слишкомъ велика). [3] Вѣсъ колокола—12000 пудовъ, а стоимость его, какъ онъ слышалъ отъ мастера и какъ сообщилъ патріархъ Никонъ его отцу, 50.000 рублей. Языкъ вѣсилъ 250 пудовъ и былъ толщиной въ обхватъ. Звонили въ колоколъ сто человѣкъ.

Чрезъ шесть лѣтъ послѣ Павла Алеппскаго былъ въ Москвѣ баронъ Мейербергъ и сообщаетъ о томъ же колоколѣ слѣдующее: „въ Кремлѣ мы видѣли лежащій на землѣ мѣдный колоколъ удивительной величины, да и произведеніе русскаго художника, что еще удивительнѣе [4]. Этотъ колоколъ, по своей величинѣ, выше Эрфуртскаго, и даже Пекинскаго въ Китайскомъ царствѣ... Русскій колоколъ величиной 19 футовъ, шириной въ отверстіи 18 ф., въ окружности 64 ф., а толщиной 2 ф.; языкъ его длиной 14 ф. На отлитіе этого колокола пошло 440.000 фунтовъ мѣди, угару изъ нихъ было 120.000 фунтовъ, а все остающееся затѣмъ количество металла было дѣйствительно употреблено на эту громаду... Здѣсь рѣчь идетъ о колоколѣ, вылитомъ въ 1653 г., въ царствованіе Алексія: онъ лежитъ еще на землѣ и ждетъ художника, который бы поднялъ его.“

Мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ правдивости обоихъ путешественниковъ. Но одинъ изъ нихъ говоритъ,

---

[1] Павелъ Алеппскій точно не указываетъ времени отливки колокола.

[2] Въ арабскомъ текстѣ: *ба̄с*; эта мѣра въ настоящее время равна 5 ф. 9 д.

[3] Весьма возможно, что здѣсь переписчикъ оригинала нашихъ рукописей (о немъ см. нашу статью: „Къ исторіи антіохійскихъ патріарховъ“, въ Сообщ. Импер. Прав. Пал. Общ., дек. 1896 г.) по ошибкѣ написалъ *ба̄с*, брассъ, вмѣсто *дира̄с*, что значитъ: локоть или футъ, и въ такомъ случаѣ толщина колокола будетъ одинакова съ тою, которую даютъ Мейербергъ и Стрюйсъ.

[4] Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, согласно съ Павломъ Алеппскимъ, что художникъ былъ молодой человѣкъ, 21 лѣтъ.

что колоколъ былъ поднятъ тотчасъ по отливкѣ и что въ него звонили, а другой видѣлъ, несомнѣнно, тотъ же колоколъ (судя по приложенному имъ рисунку) лежащимъ на землѣ. Намъ думается, что это противорѣчіе только кажущееся и что показанія обоихъ путешественниковъ легко примирить [1]. Мы представляемъ себѣ исторію этого колокола въ такомъ видѣ. Колоколъ былъ отлитъ въ 1655 г. изъ обломковъ другого, въ 8.000 пуд., сдѣланнаго за годъ передъ тѣмъ. Тотчасъ же послѣ отливки онъ былъ поднятъ и повѣшенъ на незначительной высотѣ, всего въ ростъ человѣка, надъ литейною ямой (которая, конечно, была тогда же засыпана). Висѣлъ онъ, надо думать, недолго: въ промежутокъ отъ 1655 г. до 1661 г. онъ или былъ спущенъ, по ненадежности постройки, быть можетъ, временной, на которой висѣлъ, или же самъ сорвался, но, упавъ съ небольшой высоты на рыхлую землю, не потерпѣлъ никакихъ поврежденій. Разныя причины, каковыми могли быть: затруднительное финансовое положеніе послѣ первой польской войны, раздоръ царя съ патріархомъ Никономъ, вторая, не совсѣмъ удачная, война съ Польшей—отсрочили вторичное поднятіе колокола до 1668 года. Эту дату, означенную на царѣ-колоколѣ, можно считать вѣрною; по крайней мѣрѣ, голландецъ Стрюйтъ, бывшій въ Москвѣ въ 1669 г., засталъ колоколъ уже висящимъ [2]. Равнымъ образомъ Кольбергеръ въ 1674 г. и Таннеръ въ 1678 видѣли его висѣвшимъ на особенныхъ деревянныхъ подмосткахъ, близъ колокольни Ивана Великаго („спереди башни", какъ говоритъ Таннеръ) [3]. Въ большой пожаръ 1701 года этотъ колоколъ-великанъ оборвался и разбился.

Спросятъ: почему вкрались ошибки въ надпись на теперeш-

---

[1] Оба они даютъ для окружности колокола одинаковую величину (64 ф.), но расходятся въ опредѣленіи его вѣса: по Павлу Алеппскому, колоколъ вѣсилъ 12.000 пудовъ, а по Мейербергу—8.000 п. Но послѣдній говоритъ, что на колоколъ употреблено было сначала 11.000 пудовъ мѣди и что угара было болѣе 3 000 п. Очевидно, такой процентъ угара слишкомъ великъ. Съ другой стороны, можно думать, что Павелъ Алеппскій преувеличилъ вѣсъ колокола, о чемъ онъ могъ знать лишь со словъ другихъ. Такимъ образомъ, вѣсъ колокола можно принять около 10.000 пудовъ. Что же касается года отливки его, 1653, который даетъ Мейербергъ, то эта ошибка сдѣлана имъ, вѣроятно, по той же причинѣ, по которой Павелъ Алеппскій преувеличилъ вѣсъ колокола.

[2] Вотъ что онъ сообщаетъ объ этомъ колоколѣ: „Возлѣ этой башни *(т.-е. Ивановской колокольни)* стоитъ другая, на которой виситъ колоколъ необыкновенно тяжелый„ потому что, какъ говорятъ, онъ вѣситъ 394.000 фунтовъ (*т-е около 10.000 пудовъ*). Онъ имѣетъ въ поперечникѣ 23 королевскихъ фута (*слѣд., окружность его=66 ф., величина, близкая къ той, которую даютъ Павелъ Алеппскій и Мейербергъ*), а толщиной цѣлыхъ 2 фута. Чтобы звонить въ него, необходимо сто человѣкъ, по 50 съ каждой стороны; въ него звонятъ только въ большіе годовые праздники, да при въѣздѣ иностранныхъ пословъ."

[3] О томъ же, повидимому, колоколѣ, упоминаетъ Корбъ въ 1699 г. Въ его книгѣ есть изображеніе этого колокола съ обозначеніемъ размѣровъ и вѣса. Первые весьма близки къ тѣмъ, которые даютъ другіе путешественники, но вѣсъ показанъ слишкомъ малымъ.

немъ царѣ-колоколѣ? Припомнимъ, что надпись составлена спустя 80 лѣтъ по отливкѣ перваго колокола, и составлена, вѣроятно, по преданію, безъ справокъ съ архивными документами; а преданіе легко могло смѣшать оба колокола, отлитые въ такой короткій промежутокъ времени—двухъ лѣтъ.

Для полнаго выясненія исторіи предшественника царя-колокола было бы весьма желательно отыскать о немъ данныя въ нашихъ архивныхъ документахъ.

ПЕРЕВОДЪ.

Между соборомъ и церковью Архангела, съ восточной стороны, находятся прекрасныя колокольни, изъ коихъ одна передъ приказомъ, то-есть диваномъ, гдѣ всегда засѣдаютъ визири. Снизу она восьмиугольная, огромныхъ размѣровъ; въ ней восемь арокъ, и въ каждой аркѣ виситъ чудесный колоколъ. Одинъ изъ этихъ колоколовъ съ рѣзьбой; люди знаютъ его звонъ: въ него ударяютъ въ тотъ день, когда хотятъ совершить крестный ходъ, и тогда собираются священники со своими иконами въ соборъ. Надъ этими восемью арками второй ярусъ, шестиугольный, поменьше нижняго; вверху его также восемь арокъ, и въ нихъ также восемь колоколовъ. Надъ ними третій ярусъ, еще меньше; онъ круглый, и въ немъ много маленькихъ колоколовъ. Надо всѣмъ широкій поясъ въ четыре-пять аршинъ съ четырьмя рядами золоченыхъ письменъ, а надъ этимъ высокій куполъ, также позолоченный вмѣстѣ со своимъ огромнымъ крестомъ. Лѣстница этой колокольни снизу до верху имѣетъ 182 ступеньки: у насъ спина чуть не сломалась, пока мы поднялись на верхъ. Кругомъ колокольни есть кельи. Какъ мы упомянули, она походитъ на минаретъ Висячей мечети въ Дамаскѣ, но величественнѣе и больше его.

Близъ этой колокольни находится огромная башня старинной постройки, на высокомъ основаніи изъ большихъ камней. Внизу ея помѣщается царская казна, а наверху церковь въ честь Рождества, съ красивымъ жестянымъ куполомъ въ формѣ груши. Въ этой церкви царь ежегодно слушаетъ обѣдню въ ея праздникъ. Въ рядъ съ церковью, справа и слѣва, висятъ два огромныхъ колокола, подобныхъ громадному колоколу, который мы видѣли въ Кіевѣ въ Св. Софіи. Одинъ изъ нихъ съ древнихъ временъ называется царицынымъ; въ него звонятъ подъ воскресенья и праздники, и по его звону всякій знаетъ, что на другой день воскресенье или большой праздникъ. Второй колоколъ—патріаршій, звукомъ ниже; въ него ударяютъ ежедневно утромъ и вечеромъ: всѣ церкви и монастыри ждутъ удара въ этотъ колоколъ, и какъ только въ него ударятъ,—если это будетъ рано утромъ, послѣ восьми часовъ дня, то въ него ударяютъ языкомъ его непрерывно цѣлый часъ нѣсколько человѣкъ,—ударяютъ за нимъ въ Чудовомъ монастырѣ, а потомъ въ другихъ. Что же касается приходскихъ церквей, то въ нихъ уда-

ряютъ въ колокола только по прошествіи часа дня, а выходятъ изъ нихъ въ четвертомъ часу. Таковъ у нихъ обычай во всѣ дни года. Если же будетъ воскресенье или особенный праздникъ, то выходятъ (изъ церкви) послѣ пятаго часа, ибо чѣмъ важнѣе праздникъ, тѣмъ позже кончаютъ обѣдню. Если патріаршій колоколъ ударяетъ съ вечера, то и всѣ ударяютъ послѣ него.

Близъ этой колокольни [1] находится другая большая колокольня — четырехъугольная постройка съ четырехъугольнымъ же куполомъ, разукрашенная разноцвѣтными изразцами. Эта колокольня имѣетъ четыре арки наверху. Въ ея куполѣ виситъ самый огромный колоколъ. Когда мы увидѣли и услышали его, пришли въ изумленіе. Мы измѣрили его окружность, и оказалось 62 пяди; толщина его края одинъ локоть, а высота болѣе пяти локтей. На немъ висятъ съ двухъ сторонъ, сверху до низу, весьма большіе камни на веревкахъ, дабы онъ не качался и звонить въ него было легче. Въ извѣстное время нѣсколько человѣкъ снизу раскачиваютъ эти веревки. Его желѣзный языкъ, быть можетъ, по объему равняется одному изъ большихъ колоколовъ въ Молдавіи: десять человѣкъ, стоя внутри, насилу могутъ раскачать его и ударять имъ о края колокола съ той и другой стороны. Когда ударяютъ въ этотъ колоколъ, онъ издаетъ звукъ, подобный грому; не только стоящіе подлѣ не слышатъ, что кричатъ другъ другу, но и тѣ, которые находятся внизу, и даже тѣ, которые стоятъ въ соборѣ и въ другихъ церквахъ. Объ этомъ колоколѣ сказалъ приснопамятный митрополитъ Иса: „внутри дворецъ царскій, насупротивъ великой церкви; въ ней утвержденъ высокій, огромный колоколъ, перетягивающій всякій вѣсъ: тридцать юношей нужно, чтобы раскачать его веревками, скрученными изъ сердцевины конопли“. Да, это тотъ самый колоколъ. Но мы благодаримъ всевышняго Бога за то, что при насъ былъ сдѣланъ другой, огромнѣе его: не было, не можетъ быть и нѣтъ подобнаго ему въ мірѣ. О томъ колоколѣ намъ сообщили, что вѣсъ его 4.000 пудовъ, какъ написано на немъ, а этотъ вѣситъ болѣе 12.000 пудовъ. Въ прошломъ году мастера, по приказанію царя, сдѣлали колоколъ въ 8.000 пудовъ, а желѣзный языкъ его въ 250 пудовъ. Надъ нимъ работали со всевозможнымъ стараніемъ непрерывно цѣлый годъ, пока не окончили его; затѣмъ его повѣсили. Царь приказалъ звонить во всѣ колокола въ городѣ, потомъ зазвонили въ этотъ колоколъ, и его звукъ покрылъ всѣ тѣ. Царь послалъ всадниковъ узнать, какъ далеко доходитъ его звукъ, и оказалось, какъ они нашли, около семи верстъ. Когда стали ударять въ него сильнѣе, онъ вдругъ разбился, какъ стекло, ибо его частицы не были хорошо очищены. Тогда его спустили, и царь приказалъ его разбить. Развели вокругъ него сильный огонь, и онъ весь растрескался на куски. Послѣ того царь отправился въ походъ. Мастеръ же, который

[1] Въ подлинникѣ: „близъ этого колокола“.

произвелъ эту великую рѣдкость—одно изъ чудесъ свѣта—умеръ во время моровой язвы.

Царь сначала вызвалъ мастеровъ изъ Австріи и поручилъ имъ сдѣлать колоколъ. Они попросили у него пять лѣтъ сроку, чтобы его сдѣлать, ибо, какъ потомъ намъ пришлось видѣть, труды по его изготовленію и приспособленія, для этого требующіяся, весьма велики и безсчетны. Разсказываютъ, что явился русскій мастеръ, человѣкъ малаго роста, невидный собою, слабосильный, о которомъ никому и въ умъ не приходило, и просилъ царя дать ему только одинъ годъ сроку. Говорятъ, что царь очень обрадовался и далъ ему въ помощь цѣлые отряды стрѣльцовъ. Онъ сдержалъ свое слово и исполнилъ обѣщаніе, изготовивъ колоколъ ранѣе истеченія года. Царь еще болѣе остался имъ доволенъ и въ награду далъ ему во владѣніе пятьсотъ крестьянскихъ семействъ, но тотъ отказался, говоря: „я бѣдный человѣкъ и не имѣю силъ справляться съ рабами; для меня достаточно ежедневной милостыни царя". Тогда царь пожаловалъ ему по динару ежедневно до конца его жизни, а послѣ него его дѣтямъ. Когда онъ умеръ, и эта рѣдкостная вещь осталась испорченною, явился еще одинъ мастеръ изъ переживпихъ моровую язву, молодой человѣкъ, малорослый, тщедушный, худой, моложе двадцати лѣтъ, совсѣмъ еще безбородый, какъ мы видѣли его потомъ, дивясь милостямъ всевышняго Бога, коими Онъ осыпаетъ свои созданія. Этотъ человѣкъ, явившись къ царю, взялся сдѣлать колоколъ больше, тяжеловѣснѣе и лучше, чѣмъ онъ былъ прежде, и кончить (работу) въ одинъ годъ. Огромная яма была вырыта на этой площадкѣ[1], и въ настоящее время, то-есть съ начала сего мѣсяца февраля, мастеръ приступилъ къ изготовленію колокола. Упомянутая яма, по глубинѣ и ширинѣ, вдвое больше печи для обжиганія извести. Всю ее, сверху до низу, выложили кирпичомъ и приступили къ устройству внутри ея печи, которую топятъ со стороны, подъ землей, ночью и днемъ. Замѣшавъ глину, выложили изъ нея родъ купола, то-есть составили сердцевину колокола и обжигали глину огнемъ, который сдѣлалъ ее твердою, какъ желѣзо; при этомъ пламя поднималось выше купола. Это (обжиганіе) продолжали до тѣхъ поръ, пока не окончили форму—а мы все время ходили на нихъ смотрѣть. Потомъ наложили на куполъ второй слой, соразмѣрно съ первою формой, то есть такой же толщины и такого же объема, около локтя или больше, и затѣмъ приступили къ устройству верхней формы, окружающей колоколъ. Именно, привезли желѣзные прутья, кривые, согнутые какъ лукъ, съ крючками на концахъ, которыми ихъ сплели между собою вокругъ всей формы, на подобіе того, какъ ткутъ цыновки. Потомъ ихъ тщательно обмазали глиной снаружи и снутри и подвергали продолжительное время дѣйствію огня, такъ что все обратилось въ одну (плотную) массу. Послѣ того

[1] Вѣроятно, на Ивановской площади.

форму крѣпко привязали сверху толстыми веревками къ большимъ мѣднымъ блокамъ на самомъ верху четырехъ столбовъ изъ крѣпкаго дубоваго дерева, называемаго по-гречески *дранисъ*. Каждый столбъ, по толщинѣ, вышинѣ и соразмѣрности, подобенъ минарету. Для этихъ четырехъ столбовъ копали землю очень глубоко, а затѣмъ въ нижней ихъ части просверлили по большому отверстію, въ которое вставили большія бревна крестъ-на-крестъ, и засыпали ихъ землей, чтобы столбы ни малѣйше не колебались. Ихъ поставили не совсѣмъ прямо, а немного наклонно надъ ямой, дабы они не покачнулись. Между каждыми двумя столбами поставили еще по два бревна, подобныхъ имъ, уперевъ въ перекладину, находящуюся наверху. Затѣмъ, просверливъ тѣ длинные, большіе столбы, внутрь каждаго вложили очень массивный мѣдный блокъ, укрѣпивъ его съ обѣихъ сторонъ длиннымъ и весьма толстымъ гвоздемъ. Отъ веревокъ, прикрѣпленныхъ къ формѣ, протянули кверху четыре конца и продѣли ихъ въ блоки, что внутри столбовъ надъ землей. Множество людей вытянули веревки за дворцовую площадку [1], туда, гдѣ было устроено шестнадцать колесъ [2] изъ упомянутаго толстаго дерева; нижняя часть ихъ была глубоко впущена въ землю и имѣла поперечныя бревна, дабы колеса не качались. Привязали тѣ веревки къ этимъ колесамъ. При прежнемъ мастерѣ такихъ колесъ было только двѣнадцать; теперь же число ихъ увеличили и сдѣлали шестнадцать, по восьми съ каждой стороны. Затѣмъ множество стрѣльцовъ повернули нѣкоторыя изъ этихъ колесъ съ двухъ сторонъ одинаково, и тогда крышка, которую сдѣлали какъ верхнюю форму, поднялась кверху; подъ нее подвели на краяхъ ямы множество толстыхъ брусьевъ и поставили прямо. Туда вошелъ мастеръ и вырѣзалъ письмена и изображенія, какія было нужно: на одной сторонѣ изображенія царя и царицы и Господа Христа надъ ними, на другой—изображеніе патріарха Никона. Когда онъ кончилъ, спустились (въ яму), разрушили второй слой изъ глины, который сдѣлали подъ конецъ, и хорошо очистили (форму). Когда спустили крышку, на мѣстѣ слоя образовалась пустота, куда можно было впустить расплавленную мѣдь. Затѣмъ какъ форму внизу, такъ и внутренность крышки, намазали обильно саломъ и жиромъ, дабы мѣдь текла по нимъ быстро. Когда спустили (крышку) внизъ, сошли (въ яму) каменщики и сложили кругомъ формы, снизу до верху, прочную стѣнку изъ кирпичей въ нѣсколько рядовъ, дабы форма не поколебалась отъ тяжести и стремительнаго тока мѣди и такимъ образомъ эта послѣдняя не пропала, вытекая наружу. Приступили къ постройкѣ на краяхъ ямы пяти печей изъ кирпича, весьма прочныхъ, связанныхъ желѣзомъ снаружи и снутри,

---

[1] Такъ какъ авторъ часто называетъ дворцомъ весь Кремль, то подъ именемъ „Дворцовой площадки“ надо, скорѣе, разумѣть Ивановскую площадь.

[2] То-есть воротовъ.

обмазали ихъ саломъ и сдѣлали у нихъ дверцы, опускающіяся и поднимающіяся посредствомъ особаго снаряда; дверцы эти желѣзныя; ихъ обмазали съ обѣихъ сторонъ глиной, которую потомъ обожгли на подобіе кирпича. Внизу каждой печи сдѣлали отверстіе, направленное къ ямѣ, дабы, когда расплавится мѣдь внутри печей, вся она, по открытіи отверстій, быстро потекла по пяти канавкамъ. Все это было устроено въ теченіе нынѣшняго лѣта послѣ праздника Пасхи, но мы разсказали объ этомъ здѣсь и, Богъ дастъ, докончимъ этотъ разсказъ въ своемъ мѣстѣ.

Что касается кусковъ мѣди отъ стараго колокола, то, какъ мы видѣли, каждый кусокъ тащили веревками, при помощи снарядовъ, сорокъ-пятьдесятъ стрѣльцовъ съ большимъ трудомъ, клали на вѣсы и свѣшивали, а потомъ вкладывали въ печь, пока не наполнили всѣхъ печей. Каждый кусокъ былъ подобенъ большому черному жернову. Въ каждую печь положили 2500 пудовъ, а всего 12500 пудовъ, и замазали печи глиной. Развели сильный огонь и поддерживали его непрерывно ночью и днемъ, пока не расплавилась вся мѣдь и не стала подобна водѣ. Ее мѣшали чрезъ отверстія печныхъ дверецъ желѣзными прутьями, которые накалялись отъ сильнаго кипѣнія и жара. Вотъ что произошло. Объ остальномъ, какъ мы упомянули, обстоятельно разскажемъ въ своемъ мѣстѣ[1].

Возвращаемся (къ описанію колокольни). Число ступеней этой колокольни, въ которой виситъ огромный колоколъ, сто сорокъ четыре. Внутри башни, по окружности ея, также есть многочисленныя кельи. Изъ этой башни можно проникнуть туда, гдѣ висятъ два колокола, назначенные для (звона) въ будничные дни и въ канунъ праздниковъ, въ церковь Рождества, а также въ вышеописанную высокую колокольню, ибо всѣ онѣ въ одномъ ряду. Башни эти выстроилъ и снабдилъ колоколами въ Бозѣ почившій царь Іоаннъ, пожертвовавъ въ свое время 120 домовъ съ достаточнымъ содержаніемъ для приставленныхъ къ колокольнямъ людей, которые приходятъ поочереди еженедѣльно и неотлучно пребываютъ въ упомянутыхъ кельяхъ ночью и днемъ для звона въ колокола. Въ большіе праздники и въ дни крестныхъ ходовъ, когда звонятъ во всѣ колокола, звонари являются всѣ и производятъ звонъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Должно знать, что у алтарнаго угла великой церкви снаружи виситъ маленькій колоколъ, къ которому приставленъ человѣкъ. Когда наступаетъ время звона въ колокола,—если это зимой, то, какъ мы упомянули, послѣ второго часа, а если лѣтомъ, то послѣ третьяго или четвертаго,—приходитъ тотъ человѣкъ и ударяетъ въ этотъ колоколъ одинъ разъ. Находящіеся наверху люди, которые стоятъ уже наготовѣ, въ ожиданіи, услышавъ звонъ, ударяютъ въ надлежащій колоколъ языкомъ его около часа времени. Когда патріархъ войдетъ въ церковь, приходитъ тотъ человѣкъ и ударяетъ въ маленькій колоколъ два раза. Услышавъ его, звонари

[1] Авторъ сдержалъ обѣщаніе.—До сихъ поръ пропускъ у Бельфура.

прекращають звонъ, пока не кончится чтеніе часовъ. Предъ началомъ литургіи выходитъ тотъ человѣкъ и ударяетъ въ маленькій колоколъ, чтобы звонари его услышали и знали, что наступило время литургіи. Тогда начинаютъ звонъ одиночными ударами. Имъ отвѣчаютъ находящіеся въ высокой колокольнѣ пріятнымъ звономъ въ маленькіе колокола, трогающимъ сердце слушателя. Затѣмъ имъ отвѣчаютъ находящіеся подъ ними (звономъ) во всѣ средніе колокола, а прочіе (звономъ) въ свой ежедневный колоколъ. Это повторяется трижды. Если день воскресный или большой праздникъ, то заканчиваютъ (звономъ) во всѣ большіе колокола вмѣстѣ съ тѣмъ огромнымъ колоколомъ, коего звонъ разносится подобно ударамъ грома. Такъ какъ мѣстоположеніе крѣпости, гдѣ находится дворецъ, очень высоко и господствуетъ надъ окрестностями, даже надъ отдаленными полями и селеніями, ибо это мѣсто въ древности была гора и со всѣхъ сторонъ къ крѣпости ведетъ подъемъ и всходъ, то по этой причинѣ звонъ колоколовъ доносится до отдаленныхъ окраинъ города и до селеній. Эта огромная, высокая колокольня съ золоченымъ куполомъ представляетъ издали красивый видъ. Если бы низменность вокругъ этого города была безлѣсна, то колокольню можно было бы видѣть на большомъ разстояніи при восходѣ и закатѣ солнца, отражающагося на ея куполѣ. Мы же увидѣли ее на разстояніи десяти верстъ, на каковомъ—это два полныхъ часа пути—различаешь ее взоромъ, какъ неясный образъ. По этой причинѣ покойный митрополитъ Иса въ своемъ стихотвореніи говоритъ: „внутри царскаго дворца двадцать пять куполовъ изъ золота или смолы (?), которые поблескиваютъ издали на всемъ обширномъ пространствѣ“, и далѣе говоритъ: „ты слышишь его (колокола) звукъ на разстояніи трехъ дней пути“. Но мы услышали (колоколъ) и увидѣли (колокольню) только на разстояніи десяти нашихъ миль—не болѣе. Что касается двадцати пяти куполовъ, о коихъ онъ упоминаетъ, то соборная церковь имѣетъ ихъ пять, Благовѣщенская — девять, церковь царицына наверху, во имя св. Екатерины,—два купола, близъ нея церковь во имя св. Анны имѣетъ также два новыхъ купола; сзади дворцовой площадки высокая церковь во имя Рождества Богородицы, которую мы потомъ осматривали, имѣетъ одинъ большой куполъ, также позолоченный; на высокой колокольнѣ — одинъ; Чудовъ монастырь надъ гробомъ св. Алексія имѣетъ два купола: одинъ большой—надъ его гробомъ, другой малый—надъ алтаремъ; позади царицыныхъ палатъ другая церковь съ двумя куполами; внѣ Кремля, среди города, еще куполъ на церкви Введенія Владычицы во храмъ. Такимъ образомъ число этихъ золоченыхъ куполовъ — двадцать пять [1]— остается съ того времени до сихъ поръ. Кончаемъ эту главу.

Возвращаемся. Также и съ вечера звонъ въ колокола происходитъ по знаку, данному ударомъ въ маленькій колоколъ. Зво-

---

[1] Въ арабскомъ текстѣ: „двадцать четыре“, очевидно, по ошибкѣ.

нари ударяютъ небольшое число разъ, пока патріархъ не войдетъ въ церковь, о чемъ тотъ человѣкъ даетъ имъ знать, и (тогда) нѣкоторые изъ нихъ немного позвонятъ, ударяя вмѣстѣ заразъ: это служитъ знакомъ вечерни. Точно также ночью тотъ человѣкъ подаетъ звонарямъ знакъ, и они ударяютъ долгое время въ назначенный для того колоколъ, чтобы дать знать всему городу и чтобы церковники вставали и ударяли въ колокола своихъ церквей, что продолжается безпрерывно отъ полуночи до зари, т. е. (звонъ) въ приходскихъ церквахъ. Люди, находящіеся наверху, по знаку, данному имъ стоящимъ внизу, о томъ, что патріархъ вошелъ въ церковь, прекращаютъ звонъ до начала утрени, когда тотъ опять подаетъ знакъ, и они начинаютъ звонъ въ назначенные большіе и малые колокола, по обыкновенію. Если день воскресный или господскій праздникъ, то заканчиваютъ, какъ мы сказали, продолжительнымъ звономъ въ самый большой колоколъ. Также звонятъ вмѣстѣ съ нимъ во всѣ колокола во время полiелея. При чтеніи Евангелія на утрени ударяютъ также заразъ (во всѣ). Что касается того, когда они встаютъ къ службѣ по ночамъ, то въ зимнее время, когда ночь бываетъ длинная, если нѣтъ господскаго праздника, звонятъ въ назначенный для того колоколъ въ одиннадцатомъ часу; если же воскресенье или особенный праздникъ, то ударяютъ въ девятомъ часу. Въ лѣтнее время, когда ночи коротки, звонятъ къ вечернѣ передъ закатомъ солнца послѣ девятаго часа, а къ утренѣ въ четвертомъ часу ночи — это по будничнымъ днямъ. Наканунѣ воскресеній и праздниковъ звонятъ съ вечера до истеченія одного часа ночи. По этой причинѣ мы испытывали страшное мученье: не спали по ночамъ и терпѣли большое безпокойство. Всего больше насъ донималъ колокольный звонъ, отъ гула котораго дрожала земля, въ канунъ воскресеній и праздниковъ, кои почти непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ, равно какъ и звонъ на зарѣ, съ полуночи до утра, ибо въ этомъ городѣ нѣсколько тысячъ церквей и каждая церковь, даже самая малая и бѣдная, имѣетъ надъ дверьми по десяти большихъ и малыхъ колоколовъ, въ кои звонятъ въ воскресные и праздничные дни и въ канунъ большихъ праздниковъ, сначала поочередно, а потомъ во всѣ вмѣстѣ.

Послѣ многихъ разспросовъ я освѣдомился у архидіакона патріаршаго о числѣ церквей въ этомъ городѣ, и онъ отвѣтилъ, что ихъ болѣе четырехъ тысячъ, а престоловъ, на коихъ совершается ежедневно литургія, болѣе десяти тысячъ, ибо каждая церковь имѣетъ по три и болѣе алтаря. Это весьма радостно для сердца. Въ Константинополѣ же и Антіохіи, навѣрно, не было столько тысячъ церквей и колоколовъ.

Въ воскресенье (9 декабря), передъ закатомъ солнца, ударили въ новый огромный колоколъ, въ знакъ того, что царь возвращается, и всѣ стали готовиться для встрѣчи его на другой день. Этотъ колоколъ есть тотъ самый, о коемъ мы упомянули раньше, разсказывая объ искусныхъ работахъ, приспособленіяхъ

и машинахъ, которыя были произведены въ теченіе лѣта множествомъ стрѣльцовъ вмѣстѣ съ опытнымъ мастеромъ, о разнообразной изобрѣтательности котораго мы также говорили. Они непрестанно работали надъ колоколомъ, начиная съ февраля, какъ нами было упомянуто, до нынѣшняго праздника св. Николая. Цѣлью нашихъ прогулокъ въ теченіе лѣта было большею частью ходить смотрѣть на работавшихъ. Передъ нашимъ отъѣздомъ въ Новгородъ они были заняты чрезвычайно трудною работой, именно: перетаскиваніемъ громадныхъ кусковъ мѣди, взвѣшиваніемъ ихъ и укладываніемъ въ упомянутыя пять печей. Каждый кусокъ съ трудомъ передвигали 40—50 стрѣльцовъ, при искусныхъ приспособленіяхъ, клали на вѣсы, свѣшивали, скатывали и клали въ печи съ величайшимъ трудомъ. Эту работу продолжали до нашего возвращенія изъ Новгорода. [1] Тогда замазали дверцы печей и развели огонь, (поддерживая его) въ теченіе трехъ дней, пока мѣдь не расплавилась, сдѣлавшись какъ вода. Ее мѣшали чрезъ отверстія печныхъ дверей длинными желѣзными прутьями, которые раскалялись отъ чрезмѣрнаго кипѣнія и жара. Затѣмъ собралось множество стрѣльцовъ и сняли крышу, сдѣланную изъ липовой коры, которая защищала то мѣсто отъ жара и дождя [2]: боялись, какъ бы не случился въ городѣ большой пожаръ отъ жара пламени, подобнаго, поистинѣ, геённѣ огненной. Прибылъ одинъ изъ архіереевъ, совершилъ надъ ямой водосвятіе и благословилъ работы; тогда открыли пять нижнихъ отверстій печей, и вся мѣдь потекла по желобамъ, ведущимъ къ мѣсту поверхъ ушей колокола. Это было ночью и смотрѣть никого не допускали. Мѣдь не переставала течь до конца этого дня. Отъ большой своей тяжести она образовала внизу щель и полилась между кирпичами, отчего уменьшился вѣсъ, назначенный мастеромъ; но немедленно было доставлено множество мѣди и серебра и положено въ одну изъ печей, которая еще была горяча; (металлъ) расплавился и былъ пущенъ на первый, пока форма не наполнилась совершенно. Понадобилось три дня, пока новый колоколъ не остылъ. Тогда стали отнимать кирпичи и землю бывшіе вокругъ колокола, (что продолжалось) долгое время. Когда прошелъ слухъ о томъ, что царь ѣдетъ, стали работать ночью и днемъ, и патріархъ постоянно приходилъ съ царскимъ намѣстникомъ насматривать за работами и усиленно поощрялъ работниковъ. Часто онъ приглашалъ и нашего учителя посмотрѣть на работы. Вышелъ колоколъ рѣдкостный, одно изъ чудесъ свѣта по своей громадной величинѣ. Въ теченіе долгаго времени не переставали кирками отбивать отъ формы тѣ мѣста, по которымъ текла мѣдь, и очищать ихъ, (что продолжалось) до 1 декабря, когда рѣшили вы-

---

[1] Патріархъ Макарій выѣхалъ въ Новгородъ 4 августа, а вернулся въ Москву 20 сентября.

[2] То есть защищала окружающія зданія отъ жара печей, а печи отъ дождя.

нуть колоколъ изъ ямы и повѣсить. Пришелъ одинъ изъ архіереевъ со священниками и дьяконами великой церкви въ облаченіяхъ: совершили вторично водосвятіе, поставивъ подобіе (церкви) Воскресенія и Іерусалима, сдѣланное изъ серебра, и окропили колоколъ и самое мѣсто. Машины и канаты были привязаны и приготовлены въ нашемъ присутствіи, и горожане сошлись на зрѣлище. Каждую изъ этихъ шестнадцати машинъ приводили въ движеніе 70 — 80 стрѣльцовъ, и надъ канатомъ каждой машины сидѣлъ человѣкъ, чтобы давать знать, какъ слѣдуетъ вертѣть, дабы тянули всѣ одновременно. То былъ день зрѣлища, какія бываютъ въ жизни на счету. Многія веревки полопались, но тотчасъ же были замѣнены другими. Послѣ величайшихъ усилій и огромныхъ, свыше всякаго описанія, трудовъ, по истеченіи трехъ дней совершили поднятіе колокола и повѣсили его надъ ямой на высоту около роста человѣка, при всевозможныхъ хитрыхъ приспособленіяхъ. Надъ отверстіемъ ямы положили толстыя бревна, закрывъ ее всю, а надъ ними наклали еще бревенъ, пока этотъ чудо колоколъ не сталъ на нихъ, и тогда приступили къ подвѣшиванію желѣзнаго языка, который вѣситъ 250 пудовъ, а толщина его такова, что мы съ трудомъ могли обнять его руками, длина же болѣе полутора роста. Принялись очищать этотъ диво-колоколъ снутри и снаружи и полировать. При этомъ обнаружилось точное изображеніе царя и насупротивъ него царица, надъ ними Господь Христосъ, ихъ благословляющій. Они находятся на лицевой сторонѣ колокола, обращенной къ великой церкви на востокъ отъ нея; на задней же сторонѣ колокола изображеніе патріарха Никона въ облаченіи, въ митрѣ и съ посохомъ, какъ онъ есть. Подъ плечами колокола, наверху, изображены херувимы и серафимы съ шестью крыльями вокругъ, а надъ ними идетъ кругомъ колокола надпись крупными буквами, а также есть надпись по нижнему его краю. Толщина края этого колокола болѣе брасса, какъ я измѣрилъ и записалъ. Когда мы входили подъ него, намъ казалось, будто мы въ большомъ шатрѣ. Сколько брассъ составляетъ его окружность, никому не было извѣстно, и никто не осмѣливался его измѣрить, ибо тамъ постоянно стояли на стражѣ стрѣльцы. Я же не переставалъ употреблять уловки и ласкательства, пока не сдружился съ мастеромъ, пригласилъ его къ себѣ и, обласкавъ, вывѣдалъ отъ него, какъ велика окружность колокола, если смѣрить веревкой, и оказалось 11 брассъ; я смѣрилъ ее пядями, и вышло ровно 93 большихъ пяди. Я спрашивалъ у мастера и о стоимости колокола, и онъ сказалъ: 50000 динаровъ, что также сообщилъ по секрету нашему учителю патріархъ; спросилъ и о вѣсѣ его, и мастеръ сказалъ, что до 12500 пудовъ не хватаетъ пятисотъ [1]. Мы сочли, что одинъ пудъ равенъ $13^1/_2$ окъ,

[1] Послѣдующіе путешественники, баронъ Мейербергъ въ 1661 г., Стрюйсъ въ 1669 г. и другіе, говоря объ этомъ колоколѣ, даютъ почти тѣ же размѣры, что и Павелъ Алеппскій, но вѣсъ указываютъ нѣсколько меньшій, а именно, около 10.000 пудовъ.

а каждая тысяча пудовъ равна 13000 окъ съ нѣсколькими половинами; итакъ, 10000 пудовъ равны 130000 окъ, отбрасывая половины, а двѣ тысячи пудовъ, дополненіе до 12000, равны 26000 окъ; всего же около 160.000 полныхъ окъ. Подобнаго этой рѣдкости, великой, удивительной и единственной въ мірѣ, нѣтъ, не было и не будетъ: она превосходитъ силы человѣческія. Этотъ благополучный царь, соорудивъ ее въ свое царствованіе, превзошелъ современныхъ ему государей. Къ нашему счастію это было сдѣлано въ нашемъ присутствіи. Нѣкто, бывшій въ странѣ Франковъ, сказывалъ намъ, что въ городѣ Парижѣ, столицѣ государя Французовъ, есть колоколъ, подобный этому новому колоколу, но окружность его только въ 70 пядей. Они хвастаются имъ, говоря, что нѣтъ ему равнаго въ мірѣ. Но этотъ чудо-колоколъ на много превосходитъ тотъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ этотъ день, воскресенье, третій послѣ праздника св. Николая, царь выѣхалъ изъ своего монастыря (Саввина) и прибылъ въ одинъ изъ царскихъ дворцовъ, отстоящій отъ города на 3 версты, и тутъ ночевалъ. Поэтому послѣ обѣдни стали звонить въ новый колоколъ. Привязали къ языку 4 длинныя веревки и около сотни стрѣльцовъ стали тянуть его съ четырехъ сторонъ, чтобы довести его до края: раздался гулъ, повергающій въ изумленіе и приводящій въ трепетъ, ибо былъ подобенъ грому. Громадныя бревна, на коихъ висѣлъ колоколъ, колебались отъ его движенія и трещали. Мы далеко отбѣжали отъ нихъ, изъ опасенія, что они сломятся и рухнутъ. Въ колоколъ не переставали звонить до вечера, въ знакъ того, что на завтра прибудетъ царь.

Въ вечеръ этого воскресенія патріархъ съ архіереями отправился къ царю и, встрѣтивъ его на дорогѣ ночью, свидѣлся съ нимъ, привѣтствовалъ его и возвратился на зарѣ. Рано поутру, 10 декабря, зазвонили въ новый колоколъ вмѣстѣ съ другими поочередно и звонили весь день.

Г. Муркосъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію «Русскаго Обозрѣнія» для отзыва въ теченіе февраля мѣсяца 1898 г.

Елисѣевъ А. В., докторъ. По бѣлу-свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта. Съ иллюстраціями художниковъ: Н. П. Каразина, В. П. Овсянникова, Э. К. Соколовскаго и А. А. Чикина. Томъ IV. Цѣна каждаго тома 3 р., въ переплетѣ 4 руб. Изданіе **П. П Сойкина**. С.-Петербургъ, 1898 года.

Вл. Пландовскій. Народная перепись. С.-Петербургъ, 1898 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Вл. Керенскій. Четвертый интернаціональный старокатолическій конгрессъ и его значеніе въ исторіи старокатолическаго движенія. Г. Казань, 1898 г. Цѣна 30 коп.

Агриковъ Н. Д. Сборникъ стихотвореній. Москва, 1898 г. Цѣна 40 коп.

А. Н. Майковъ. Біографическій очеркъ составленъ М. Л. Златковскимъ. Изданіе второе, значительно дополненное. **П. П. Сойкина**. С.-Петербургъ, 1898 г. Цѣна 1 руб.

Краткія справочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ хозяйствахъ. Изданіе Департамента Земледѣлія. С.-Петербургъ, 1897 г. Цѣна 75 к.

Крюковъ Н. А. Канада. Сельское хозяйство въ Канадѣ въ связи съ другими отраслями промышленности. Съ картой и 30 рисунк. Изданіе департамента земледѣлія.

Архивъ князя **Воронцова**. Книга двѣнадцатая. 1877 г. Москва, Цѣна 3 рубля.

Труды **Варшавскаго статистическаго комитета**. Выпускъ IX. Сравнительная статистика заработковъ и продовольствія сельскаго населенія въ десяти губерніяхъ царства Польскаго. Выпускъ XIV. Сельское безземельное населеніе въ десяти губерніяхъ царства Польскаго. Г. Варшава, 1897 года.

М. Гесдерфера Комнатное садоводство. Уходъ за комнатными растеніями, ихъ выборъ и размноженіе. Практическое руководство для любителей и садоводовъ. Переводъ съ многими дополненіями и измѣненіями для Россіи.

А. Семенова. Выпускъ I. Изданіе **А. Ф. Девріена**. С.-Петербургъ, 1898 года. Цѣна 5-ти выпусковъ 4 р. 50 к., каждаго-же выпуска по 1 рублю.

Кругловъ А. В. Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изданіе второе. Москва, 1898 года. Цѣна 1 руб., въ папкѣ 1 руб. 20 коп.

Сѣверцевъ Юрій. Князь Игорь. Музыкальная монографія оперы **А. П. Бородина**. Г. Москва, 1898 г. Цѣна 40 коп.

Теодоровича Н. И. Толкованіе на соборное посланіе св. апостола **Іакова**. Г. Вильна 1897 г.

Брандтъ Б. Ф. Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Часть 1. Теоретическія основанія. Опытъ иностранныхъ государствъ. С.-Петербургъ, 1898 г. Цѣна 2 руб.

Шумигорскій Е. С. Екатерина Ивановна **Нелидова**. (1758—1839). Очеркъ изъ исторіи императора **Павла**. С.-Петербургъ, 1898 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Сапожниковъ А. А. Иновѣрцы и иноземцы въ Россіи. (Ихъ права и отношенія къ кореннымъ жителямъ). С.-Пб. 1898 г.

Русскія книги съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція **С. А. Венгерова**, изданіе **Г. В. Юдина**. Выпускъ XXII. Богуславскій—Боратынскіе. С.-Пбургъ, 1898 г. Цѣна каждаго выпуска 40 к.

Труды **Я. К. Грота**. Изъ скандинавскаго и финскаго міра. (1839—1881). Очерки и переводы. Изданы подъ редакціей проф. **К. Я. Грота**. С.-Петербургъ, 1898 г. Цѣна 3 рубля.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

4-й годъ изданія. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА **4**-й годъ изданія.

на **1898** годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

САМУЮ ДЕШЕВУЮ

политическую, общественную, экономическую и литературную газету

РУССКОЕ СЛОВО

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Газета заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

Руководящія (передовыя) статьи. — Телеграммы. — Внутреннія извѣстія. — Внѣшнія извѣстія. — Свѣдѣнія мѣстнаго характера (происшествія, театръ, музыка, картины). — Корреспонденціи изъ провинціи и изъ-за границы. — Выдержки изъ журналовъ и газетъ. Критическія и библіографическія замѣтки. — **Изложеніе, истолкованіе и разъясненіе законовъ, мѣропріятій и распоряженій правительства.** — Фельетоны научнаго и беллетристическаго (романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и т. п. характера. — **Портреты** и политипажи, относящіеся до событій текущей жизни. — Смѣсь. — Объявленія.

СРОКЪ выхода — ежедневный (кромѣ дней, слѣдующихъ за большими праздниками).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ пересылкою и доставкою:

НА ГОДЪ 5 Р.	на 6 мѣсяцевъ . . .	3 р. — к.
	„ 3 „	1 „ 75 „
	„ 1 „	— „ 60 „

Несмотря на **крайне дешевую цѣну**, газета будетъ заключать въ себѣ съ достаточною полнотой, **всѣ отдѣлы большихъ столичныхъ газетъ** и постарается быть вѣрною выразительницей явленій нашей общественно-государственной—въ столицахъ и въ провинціи—жизни. Особое вниманіе редакція отведетъ вопросамъ народнаго образованія въ широкомъ смыслѣ этого слова. События международнаго характера и жизни иностранныхъ государствъ будутъ съ возможною полнотой отмѣчаться въ газетѣ. За успѣхами нашей общественности, за явленіями въ русской наукѣ и въ родной словесности **„РУССКОЕ СЛОВО“** будетъ слѣдить съ особою внимательностью.

Адресъ редакціи: Москва, Ильинскія ворота, домъ Титова.

Кромѣ того, подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ.

Газета „Русское Слово“ допущена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія къ обращенію въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ.

Въ конторѣ журнала продаются слѣдующія изданія:

К. П. Побѣдоносцевъ Ле-Плé. М. 1893. Ц. 1 руб. (въ ограничен. колич. экземпл.).

К. Н. Леонтьевъ. Востокъ, Россія и Славянство. 2 тома, по 1 р. 50 к. каждый.

Л. А. Тихомировъ. Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи. Москва. 1893 г. Ц. 20 к.

А. П. Владиміровъ. О русскомъ землевладѣніи въ Сѣверо-Западномъ краѣ. М. 1894 г. Ц. 75 к.

Его-же. Исторія располяченія Западно-Русскаго костела. Москва. 1896 г. Ц. 75 коп.

Г. П. Георгіевскій. Апокрифическое сказаніе или литературная фальсификація Москва. 1893 г. Ц. 10 коп.

Его-же. Коронованіе Русскихъ Государей. Историческій очеркъ. М. 1896. Ц. 75 к.

Ю. Николаевъ. (Ю. Н. Говоруха-Отрокъ). Очерки современной беллетристики. В. Г. Короленко. Критическій этюдъ. Москва. 1893 г. Ц. 75 коп.

Его-же. Тургеневъ. Критическій этюдъ. М. 1894. Цѣна 1 руб.

Его-же. Замѣтки о прогрессѣ и цивилизаціи. (Изъ посмертныхъ бумагъ). М. 1897 г. Ц. 30 коп.

Н. И. Черняевъ. О русскомъ самодержавіи. Москва 1895 г. Ц. 75 к.

Памяти Ю. Н. Говорухи-Отрока Сборникъ статей изъ *Русскаго Обозрѣнія*. Цѣна 50 коп. М. 1896 г. Съ подписчиковъ журн. *Русское Обозрѣніе* и *Русское Слово* 40 к.

Свящ. І. Фудель. Къ реформѣ приходскихъ попечительствъ. Изданіе второе. М. 1894 г. Ц. 10 к.

Его же. Основы церковно-приходской жизни. Изданіе второе. М. 1894 г. Цѣна 30 к.

Его же. Народное образованіе и школа. М. 1897 г. Ц. 40 коп.

Д. Ѳ. Щегловъ. Какъ въ наше время борются за Русскую правду и ревнують о благѣ Русскаго народа? Нѣсколько словъ о русско-болгарскихъ отношеніяхъ. М. 1892 г. Цѣна 30 к.

Райдеръ Хаггардъ. Джессъ. (Подъ небомъ Африки) романъ изъ жизни англичанъ въ Трансваалѣ. Переводъ съ англійскаго *К. Я. Бутковскаго*. Москва 1896 г. Ц. 1 руб. 50 коп. Книж. маг. и библіот. уступка 15%.

Н. Д. Извѣковъ. Высокопреосвященный Алексій, архіепископъ Литовскій и Виленскій. Москва. 1896 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой 85 коп.

И. П. Филевичъ проф. Поминка по К. Н. Бестужевѣ-Рюминѣ. Москва 1897 г. Ц. 15 коп.

В. Розановъ. Красота въ природѣ и ея смыслъ. Москва 1897 г. Ц. 1 рубль.

А. А. Кирѣевъ. Критическія замѣтки. Г. Москва 1897 г. Ц. 15 к.

Н. С. Соханская (Кохановская). Автобіографія. Москва 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Письмо графу Л. Н. Толстому. М. 1898 г. Ц. 50 к.

Знаменательное десятилѣтіе. Памяти *М. Н. Каткова*. 1887—20 іюля—1897 г. Ц. 25 к.

В. Р. Очерки Привислянья. Москва. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бретъ-Гартъ. Сафо у „Зеленыхъ ключей“. Повѣсть. Переводъ съ англійской рукописи Ѳ. Духовецкаго г. Москва 1890 г. Ц. 50 к.

Куно Фишеръ. Публичныя лекціи о Шиллерѣ. Ц. 1 р. съ пересылк. Для гг. подписчиковъ журнала *Русское Обозрѣніе* и студентовъ цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

„Систематическіе указатели“ содержанія *Русскаго Обозрѣнія* за первые пять лѣтъ его существованія (1890—1894). Ц. 50 к., а также и за 1895—1897 гг. по 10 коп.

что будетъ ждать разрѣшенія князя, тѣмъ болѣе, что, выказывая сопротивленіе, онъ могъ бы оскорбить князя. Лотарингецъ, наслушавшись разныхъ пѣсенъ о турнирахъ, любилъ блестящія собранія и пышныя торжества, любилъ сражаться въ присутствіи двора и знатныхъ дамъ, разсчитывая, что такимъ образомъ слава его побѣдъ разойдется по свѣту и ему тѣмъ легче будетъ получить золотыя шпоры. Кромѣ того, страна и ея жители заинтересовали его, тѣмъ болѣе, что Николай изъ Длуголяса, который долгіе годы былъ въ плѣну у нѣмцевъ и легко объяснялся съ чужестранцами, разсказывалъ чудеса объ охотѣ князя на различныхъ животныхъ, неизвѣстныхъ въ западныхъ странахъ. Въ полночь оба рыцаря двинулись къ Пшаснышу со своею вооруженною свитой и въ сопровожденіи слугъ, снабженныхъ факелами для охраны отъ собиравшихся во множествѣ волковъ, съ которыми могли бы не совладать и нѣсколько хорошо вооруженныхъ всадниковъ. Эта сторона Цеханова изобиловала лѣсами, которые недалеко отъ Пшаснышы переходили въ гигантскую Курпесскую пущу, соединяющуюся на востокѣ съ непроходимыми лѣсами Подляшья и дальнѣйшей Литвы. Еще недавно по этимъ борамъ стекались въ Мазовію, минуя, однако, грозныхъ курпевъ, дикіе литовцы, и въ 1337 году они дошли до самаго Цеханова и разрушили городъ. Де-Лёршъ съ величайшимъ интересомъ слушалъ разсказы стараго проводника Мацько изъ Туробоевъ; въ душѣ онъ горѣлъ желаніемъ помѣряться съ литовцами, которыхъ онъ, подобно другимъ западнымъ рыцарямъ, считалъ за сарацинъ. Онъ пріѣхалъ въ эти страны на крестовый походъ изъ желанія прославиться, а также и спасти свою душу, а ѣдучи онъ думалъ, что и война съ мазурами, какъ съ полуязыческимъ народомъ, дастъ ему отпущеніе грѣховъ. И онъ почти не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда, выѣхавъ въ Мазовію, увидалъ въ городахъ костелы, кресты на башняхъ, духовенство, рыцарей со святыми изображеніями на военныхъ доспѣхахъ и весь этотъ народъ, хотя и буйный и запальчивый, склонный къ ссорамъ и дракѣ, но христіанскій и не болѣе хищный, чѣмъ нѣмцы, съ которыми молодой рыцарь неоднократно встрѣчался. А потому, когда ему сказали, что этотъ народъ давно уже вѣруетъ въ Христа, онъ самъ не зналъ, что ему думать о крестоносцахъ, а когда узналъ, что покойная краковская королева окрестила даже и Литву, то его изумленію и смущенію не было границъ.

И потому онъ началъ разспрашивать Мацько изъ Туробоевъ, нѣтъ ли, по крайней мѣрѣ, въ этихъ лѣсахъ, по которымъ они

ѣдутъ, драконовъ, съ которыми можно бы сразиться и которымъ приносятъ въ жертву молодыхъ дѣвушекъ. Но и въ этомъ отношеніи отвѣтъ Мацько принесъ ему разочарованіе.

— Въ лѣсахъ много разныхъ звѣрей: волковъ, туровъ, зубровъ, медвѣдей, съ которыми не мало дѣла,—отвѣчалъ мазуръ.—Можетъ быть, въ болотахъ есть и нечистые духи, но о драконахъ я не слышалъ, а еслибы даже они тамъ и были, то молодыхъ дѣвушекъ мы бы имъ не отдавали, но пошли бы на нихъ цѣлою толпой, и курпи давно бы носили пояса изъ ихъ кожи.

— А это что за народъ и нельзя ли съ ними драться?—спросилъ де-Лёршъ.

— Сразиться съ ними, конечно, можно, но небезопасно,—отвѣтилъ Мацько,—а впрочемъ рыцарю и не подобаетъ—это мужики.

— Швейцарцы тоже мужики... А въ Христа они вѣруютъ?

— Да... Все это люди наши, или княжескіе. Въ замкѣ вы вѣдь видѣли лучниковъ,—они всѣ курпи, и лучшихъ лучниковъ, чѣмъ они, нѣтъ на свѣтѣ.

— Англичане и шотландцы, которыхъ я видѣлъ при бургундскомъ дворѣ...

— И я ихъ видѣлъ въ Мальбургѣ,—перебилъ Мацько.—Сильные парни, но не дай имъ Богъ тягаться съ курпеми, у которыхъ ни одному ребенку не дадутъ поѣсть до тѣхъ поръ, пока онъ не собьетъ съ верхушки сосны положенной тамъ ѣды.

— О чемъ вы говорите?—вдругъ спросилъ Збышко, который нѣсколько разъ слышалъ повторенное слово: „курпесскій народъ“.

— О курпесскихъ и англійскихъ лучникахъ. Этотъ рыцарь утверждаетъ, что нѣтъ лучше англійскихъ и шотландскихъ.

— И я ихъ видѣлъ подъ Вильной. Слышалъ ихъ стрѣлы около моего уха. Тамъ были и такіе рыцари, которые заявляли, что они съѣдятъ насъ безъ соли, но, попробовавъ разъ, другой, они больше не пытались—ѣда эта имъ пришлась не по нутру.

Мацько засмѣялся и перевелъ де-Лёршу слова Збышко:

— Объ этомъ говорили по дорогѣ на дворахъ,—отвѣчалъ лотарингецъ;—тамъ восхваляли вашихъ рыцарей, но осуждали ихъ за то, что они помогаютъ язычникамъ противъ креста.

— Народъ этотъ хотѣлъ креститься, и мы его защищали отъ нападеній и несправедливости. Нѣмцы хотятъ ихъ оставить въ язычествѣ, чтобъ имѣть поводъ для войны.

— Пусть Господь Богъ разсудитъ,—сказалъ де-Лёршъ.

— Быть-можетъ, и не долго ждать этого,—отвѣчалъ Мацько изъ Туробоевъ.

Вѣсть о сраженіяхъ и рыцарскихъ поединкахъ подъ Вильной далеко разошлась по свѣту, а потому лотарингецъ, услыхавъ, что и Збышко былъ подъ Вильной, началъ объ этомъ разспрашивать у Мацько.

Въ особенности поединокъ четырехъ польскихъ и четырехъ французскихъ рыцарей занималъ воображеніе западныхъ рыцарей. А потому де-Лёршъ началъ посматривать на Збышко съ бо̀льшимъ уваженіемъ, какъ на человѣка, который принималъ участіе въ такихъ знаменитыхъ сраженіяхъ, и въ душѣ радовался, что ему придется драться съ подобнымъ рыцаремъ. Они ѣхали въ наружномъ согласіи, оказывая другъ другу взаимныя услуги на остановкахъ и угощая другъ друга виномъ, котораго у де-Лёрша былъ большой запасъ. Но когда изъ его разговора съ Мацько оказалось, что Ульрика де-Эльнеръ не дѣвица, а сорокалѣтняя замужняя женщина, имѣющая шестерыхъ дѣтей, то Збышко еще больше вознегодовалъ, что этотъ странный рыцарь смѣетъ „свою бабу“ не только сравнивать съ Данусей, но и требовать для нея первенства; онъ тутъ же подумалъ, что де-Лёршъ, вѣроятно, не въ здравомъ умѣ, и сдержалъ свой гнѣвъ.

— Ужъ не помрачилъ ли злой духъ его разумъ?—сказалъ Збышко Мацько.—Быть можетъ, діаволъ сидитъ въ его головѣ, какъ червь въ орѣхѣ, и готовъ ночью перейти въ кого-нибудь изъ насъ. Надо намъ быть съ нимъ насторожѣ...

Хотя Мацько и опровергъ это, но началъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ смотрѣть на лотарингца и наконецъ сказалъ:

— Иной разъ бываетъ, что ихъ и сто сидитъ въ одержимомъ,—имъ тѣсно, и они ищутъ, какъ бы поселиться въ другихъ людей. Хуже всего тотъ діаволъ, котораго пошлетъ баба.

Потомъ онъ вдругъ обратился къ рыцарю де-Лершъ:

— Хвала Іисусу Христу!

— Я ему тоже поклоняюсь,—отвѣчалъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ де-Лершъ.

Мацько совсѣмъ успокоился.

— Видите ли, сказалъ онъ,—еслибы въ немъ сидѣлъ нечистый, то онъ сейчасъ бы взбѣсился, бросился бы на землю, такъ какъ онъ не ожидалъ моего вопроса. Мы можемъ быть спокойны.

И они успокоились и поѣхали дальше.

Отъ Цеханова до Пшасныша было не очень далеко, и лѣтомъ на хорошемъ конѣ гонецъ могъ бы въ два часа проѣхать разстояніе, раздѣляющее эти два города. Но, по случаю ночи, остановокъ, снѣжныхъ сугробовъ въ лѣсахъ, имъ пришлось ѣхать гораздо тише, а такъ какъ они выѣхали много времени спустя послѣ полуночи, то въ охотничій княжескій домъ, который находился за Пшаснышемъ, у окраины лѣса, они прибыли только на разсвѣтѣ. Большой, низкій, деревянный домъ, съ окнами изъ выпуклыхъ стеколъ почти упирался въ лѣсъ. Передъ домомъ виднѣлись журавцы колодцевъ и два навѣса для лошадей, вокругъ дома было множество кожаныхъ палатокъ и шалашей, наскоро сплетенныхъ изъ сосновыхъ вѣтокъ. При сѣроватомъ свѣтѣ только-что затихающаго дня, передъ палатками ярко горѣли костры, а вокругъ нихъ стояли люди въ тулупахъ лисьихъ, волчьихъ и медвѣжьихъ, шерстью наружу. Де-Лершу казалось, что онъ видитъ дикихъ звѣрей, ставшихъ на заднія лапы, тѣмъ болѣе, что у большинства изъ нихъ на головѣ были шапки, сдѣланныя изъ звѣриной шкуры. Нѣкоторые изъ нихъ стояли опершись на копья или самострѣлы, другіе плели огромныя сѣти изъ толстыхъ веревокъ, третьи вертѣли надъ угольями лосиные и зубровые окорока, очевидно предназначенные для утренняго завтрака. Отблескъ яркаго пламени падалъ на снѣгъ, освѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ эти дикія фигуры, окутанныя дымомъ, поднимающимся отъ огня, и паромъ отъ дыханія и жаренаго мяса. За кострами видны были стволы гигантскихъ сосенъ, освѣщенные красноватымъ отблескомъ пламени, и опять толпы людей, своею многочисленностью приводившія въ удивленіе лотарингца, непривыкшаго къ такому зрѣлищу.

— Ваши князья,—сказалъ онъ,—собираются на охоту, какъ на войну.

— Да,—сказалъ Мацько изъ Туробоевъ,—у нихъ нѣтъ недостатка ни въ охотничьихъ принадлежностяхъ, ни въ людяхъ. Все это княжескіе загонщики, хотя нѣкоторые изъ нихъ приходятъ торговать изъ пущи.

— Что мы будемъ дѣлать?—перебилъ Збышко,—дворъ еще спитъ.

— Подождемъ, пока не проснется,—отвѣчалъ Мацько. Не будить же намъ князя, нашего господина!

Сказавъ это, онъ повелъ ихъ къ костру, гдѣ Курпи сейчасъ же набросали имъ зубровыхъ и медвѣжьихъ шкуръ, и усердно на-

чали ихъ угощать дымящимся мясомъ; услышавъ чужеземную рѣчь, они столпились, чтобы посмотрѣть на нѣмца. Но когда Збышковы люди разсказали, что этотъ рыцарь пріѣхалъ изъ-за моря, тогда они такъ тѣсно сплотились, такъ стали напирать, что Мацько изъ Туробоевъ долженъ былъ употребить силу своей власти, чтобы предохранить чужеземца отъ любопытства толпы. Де-Лёршъ замѣтилъ, что въ толпѣ есть женщины, одѣтыя въ звѣриныя шкуры, но красивыя и румяныя, какъ яблоки, и началъ разспрашивать, принимаютъ ли онѣ участіе въ охотѣ.

Мацько объяснилъ, что онѣ въ охотѣ участія не принимаютъ, но являются сюда или изъ любопытства, какъ бабы, или для покупки городскихъ товаровъ, или для продажи лѣснаго богатства. Княжескій дворъ былъ какъ бы очагомъ, вокругъ котораго, даже въ отсутствіе князя, скоплялись два элемента: городской и лѣсной. Курпи не любили выходить изъ лѣсу—безъ шума деревьевъ имъ было не по себѣ,—и пшаснышане привозили въ этотъ лѣсной уголокъ свое знаменитое пиво, муку, молотую въ городскихъ вѣтряныхъ или водяныхъ мельницахъ, соль, столь рѣдкую въ пущѣ, желѣзо, ремни и тому подобные продукты городскаго производства, а взамѣнъ брали кожи, цѣнные мѣха, сушеные грибы, орѣхи, зелья, пригодныя въ болѣзняхъ, куски янтаря, добыть который для курпевъ было нетрудно. Вслѣдствіе этого около княжескаго дворца кипѣла постоянная торговля, которая во время охоты князя еще усиливалась, когда люди изъ любопытства, или по дѣлу выходили изъ лѣсной чащи.

Де-Лёршъ слушалъ разсказы Мацько и съ интересомъ смотрѣлъ на сильныхъ, рослыхъ загонщиковъ; ихъ силѣ и здоровью не мало способствовалъ живительный, здоровый воздухъ и мясная пища, которою питалось большинство тогдашнихъ крестьянъ; они своимъ видомъ приводили въ удивленіе заграничныхъ путешественниковъ. Збышко же, сидя предъ костромъ, то и дѣло поглядывалъ на дверь и еле могъ усидѣть на мѣстѣ. Свѣтъ виднѣлся только изъ одного окошка, очевидно изъ кухни—дымъ выходилъ оттуда сквозь щели оконныхъ рамъ. Въ другихъ окнахъ свѣта не было, и въ нихъ только отражался свѣтъ зарождающагося дня, который серебрилъ снѣжную пущу за домомъ. Въ маленькихъ дверяхъ, пробитыхъ въ боковой стѣнѣ дома, время отъ времени появлялись княжескіе слуги въ ливреѣ, и съ ведрами и съ ушатами на шестахъ бѣжали за водой въ колодцы. Въ отвѣтъ на разспросы, всѣ ли еще спятъ, прислуга

заявляла, что господа, утомленные вчерашнею охотой, еще почиваютъ, но ранній завтракъ уже готовится.

И дѣйствительно, сквозь щели кухоннаго окна до нихъ доносился запахъ шафрана и мяса. Вдругъ скрипнула и растворилась главная дверь, открывъ ярко освѣщенныя сѣни, и на крыльцо вышелъ человѣкъ, въ которомъ Збышко тотчасъ же узналъ одного изъ пѣвцовъ, видѣннаго имъ въ Краковѣ, въ числѣ придворныхъ княгини. Збышко, увидавъ его, не дожидался ни Мацько изъ Туробоевъ, ни де-Лёрша, но такъ стремительно бросился къ дому, что удивленный лотарингецъ спросилъ:

— Что̀ такое случилось съ этимъ молодымъ рыцаремъ?

— Ничего не случилось,—отвѣчалъ Мацько,—онъ любитъ одну придворную княгини и радъ былъ бы видѣть ее какъ можно скорѣе.

— Ахъ!—сказалъ де-Лёршъ, приложивъ обѣ руки къ сердцу.

И поднявъ глаза кверху, онъ началъ такъ громко вздыхать, что Мацько даже пожалъ плечами и сказалъ самъ себѣ:

„Неужели онъ по своей старушкѣ такъ вздыхаетъ? Должно быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ не въ здравомъ умѣ“.

Но все-таки онъ ввелъ его въ домъ, и они очутились въ обширныхъ сѣняхъ, украшенныхъ рогами туровъ, зубровъ, лосей, оленей и освѣщенныхъ пламенемъ толстыхъ бревенъ, горящихъ въ огромномъ каминѣ. По рединѣ стоялъ покрытый ковромъ столъ, съ приготовленными на немъ мисками; въ сѣняхъ было нѣсколько придворныхъ, съ которыми разговаривалъ Збышко. Мацько познакомилъ ихъ съ де-Лёршемъ, но такъ какъ они не знали по-нѣмецки, то онъ долженъ былъ по прежнему служить переводчикомъ. Число придворныхъ все увеличивалось—это былъ народъ молодой, здоровый, молодцы все на славу—рослые, плечистые, свѣтловолосые, одѣтые какъ на охоту. Тѣ, которые были знакомы со Збышко и знали о его приключеніяхъ, здоровались съ нимъ какъ со старымъ пріятелемъ, и видно было, что онъ у нихъ пользуется почетомъ. Другіе смотрѣли на него съ тѣмъ изумленіемъ, съ какимъ обыкновенно смотрятъ на человѣка, надъ головой котораго висѣлъ топоръ палача, отъ котораго онъ спасся. Кругомъ слышались голоса: „Конечно, княгиня и дочь Юранда здѣсь, ты ихъ сейчасъ увидишь и поѣдешь съ нами на охоту“. Тутъ вошли два гостя—крестоносцы: братъ Гуго де-Данфельдъ, староста изъ Ортельсбурга, или изъ Щитна, родственникъ котораго былъ когда-то маршаломъ, и Зигфридъ де-Лёве, также заслуженнаго рода,—

онъ былъ городскимъ старшиной въ Янсборкѣ. Первый изъ нихъ — довольно молодой, но тучный, съ хитрымъ лицомъ, съ толстыми, влажными губами, другой—высокій съ суровыми, но благородными чертами лица. Збышко показалось, что онъ когда-то видѣлъ Данфельда съ княземъ Витольдомъ и что Генрихъ, епископъ Плоцкій, на турнирѣ выбилъ его изъ сѣдла, но воспоминанія Збышко были прерваны появленіемъ князя Януша, къ которому обратились съ поклономъ и придворные и крестоносцы. Къ нему подошли и де-Лёршъ, и комтуры и Збышко; онъ ихъ привѣтствовалъ радушно, но степенно; его безусое, простодушное лицо, какъ у поселянина, было обрамлено волосами, подстриженными надъ лбомъ и спускающимися по бокамъ до плечъ. Вслѣдъ за его появленіемъ за окнами загремѣли трубы въ знакъ того, что князь садится за столъ: загремѣли разъ, другой, третій,—и при третьемъ сигналѣ открылась большая дверь съ правой стороны, и въ ней появилась княгиня Анна, а за ней дивной красоты дѣвочка съ лютней на плечѣ. Збышко, увидавъ ее, выдвинулся впередъ и, приложивъ къ губамъ руки, преклонилъ оба колѣна съ видомъ обожанія и почтенія.

Поступокъ Збышко не только удивилъ, но даже и возмутилъ мазуровъ, и въ залѣ поднялся ропотъ: „Онъ, вѣроятно“, говорили они, „выучился этому обычаю у какихъ-нибудь заграничныхъ рыцарей, а можетъ быть и у язычниковъ, потому что такого обычая нѣтъ даже у Нѣмцевъ“. Но молодые думали: „не удивительно, вѣдь онъ дѣвушкѣ жизнью обязанъ“. Княгиня и дочь Юранда не сразу узнали Збышко: онъ сталъ на колѣна, спиной къ огню, и лицо его находилось въ тѣни. Въ первую минуту княгиня думала, что это кто-нибудь изъ провинившихся предъ княземъ придворныхъ проситъ ея заступничества; но у Дануси зрѣніе было быстрѣе, она сдѣлала шагъ впередъ и, нагнувъ свою свѣтловолосую головку, крикнула вдругъ тонкимъ, пронзительнымъ голосомъ:

— Збышко!

И, не думая о томъ, что на нее смотрятъ и дворъ, и заграничные гости, она прыгнула, какъ серна, къ молодому рыцарю и, обнявъ его руками, начала цѣловать его въ глаза, въ губы, въ щеки, прижимаясь къ нему и визжа отъ большой радости до тѣхъ поръ, пока всѣ присутствующіе мазуры не разразились громкимъ хохотомъ и пока княгиня не оттащила ее за воротникъ къ себѣ. Дануся окинула всѣхъ взглядомъ и, сильно сму-

тившись, съ прежнею быстротой спряталась за спину княгини, скрывшись въ складкахъ ея юбки такъ, что виденъ былъ лишь верхъ ея головы.

Збышко обнялъ колѣни княгини, а та, поднявъ его, начала разспрашивать про Мацько: умеръ ли онъ, или живъ, а если живъ, то почему и онъ не пріѣхалъ въ Мазовію?

Збышко разсѣянно отвѣчалъ на эти вопросы; перегибаясь то въ одну, то въ другую сторону, онъ старался изъ-за спины княгини увидать Данусю, которая то показывалась, то опять ныряла въ складкахъ юбки. Мазуры отъ смѣха хватались за бока, смѣялся и самъ князь, а когда наконецъ внесли горячія блюда, обрадованная княгиня обратилась къ Збышко и сказала:

— Служи же мнѣ, милый слуга, и дай Богъ не только за столомъ, но и навсегда.

Потомъ къ Данусѣ:

— А ты, докучливая муха, вылѣзай сейчасъ изъ-за моей юбки,—ты ее окончательно оборвешь.

И раскраснѣвшаяся, сконфуженная Дануся вышла изъ-за юбки и все старалась взглянуть на Збышко боязливыми, смущенными и любопытными глазами; и она была такъ дивно хороша, что не только у Збышко растаяло сердце, но и другіе мужчины были поражены ея красотой: староста изъ Щитна началъ прикладывать руки къ своимъ толстымъ, влажнымъ губамъ, де-Лёршъ пришелъ въ изумленіе и, поднявъ руки кверху, спросилъ:

— Ради святого Якова изъ Компостелли, скажите: кто эта дѣвица?

На это староста изъ Щитна, который былъ низокъ ростомъ, поднявшись на цыпочки, сказалъ на ухо лотарингцу:

— Дочь дьявола.

Де-Лёршъ поглядѣлъ на него, моргнулъ глазами, сморщилъ брови и сказалъ въ носъ:

— Не правъ тотъ рыцарь, который лаетъ на красоту.

— У меня золотыя шпоры, и я монахъ,—высокомѣрно отвѣтилъ Гуго Данфельдъ.

На это лотарингецъ наклонилъ голову,—такъ велико было его уваженіе къ опоясаннымъ рыцарямъ, но минуту спустя онъ все-таки сказалъ:

— А я—родственникъ брабантскихъ князей.

— Pax! pax!—отвѣтилъ крестоносецъ.—Честь могущественнымъ князьямъ и друзьямъ ордена, изъ рукъ котораго и вы вскорѣ получите золотыя шпоры. Я не отказываю этой дѣвушкѣ въ красотѣ, но послушайте, кто ея отецъ.

Но онъ не успѣлъ ничего разсказать, потому что въ эту минуту князь Янушъ усѣлся за столъ, а такъ какъ онъ еще раньше узналъ отъ янсборкскаго старшины о знатномъ родствѣ де-Лёрша, то сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ занялъ мѣсто около него. Противъ нихъ сѣла княгиня съ Данусей. Збышко, какъ и тогда въ Краковѣ, сталъ позади ихъ стульевъ. Данусѣ стыдно было смотрѣть на людей, и она опустила глаза и наклонила голову надъ миской, но все-таки держала ее такъ, чтобы Збышко могъ видѣть ея лицо. И Збышко жадно и съ восхищеніемъ глядѣлъ на ея свѣтловолосую, маленькую головку, на розовую щечку, на обтянутыя узкимъ платьемъ, уже не дѣтскія плечи, и чувствовалъ, что въ немъ поднимается какъ бы потокъ новой любви, который заливаетъ его грудь. На лицѣ, на губахъ, на глазахъ онъ чувствовалъ ея недавніе поцѣлуи. Когда-то она цѣловала его, какъ сестра брата, и онъ принималъ ея поцѣлуи, какъ отъ милаго ребенка. Теперь, при свѣжемъ воспоминаніи, съ нимъ дѣлалось то, что иной разъ дѣлалось, когда онъ бывалъ съ Ягенкой: его охватывала слабость, подъ которою таился жаръ, какъ въ засыпанномъ пепломъ огнѣ. Дануся ему казалась совсѣмъ взрослою дѣвушкой,—она дѣйствительно выросла и расцвѣла. И притомъ такъ много и постоянно при ней говорили о любви, что какъ бутонъ, согрѣтый солнцемъ, краснѣетъ и все болѣе и болѣе раскрывается, такъ и ея глаза раскрылись на любовь, вслѣдствіе чего въ ней явилось то, чего раньше не было—какая-то особенная, уже не дѣтская красота и какое-то сильное, опьяняющее обаяніе, которое она распространяла вокругъ себя, какъ огонь распространяетъ тепло, роза—душистое благоуханіе. Збышко чувствовалъ это, но не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета,—онъ находился въ какомъ-то забвеніи. Онъ даже забылъ, что за столомъ нужно служить. Онъ не замѣчалъ, что всѣ присутствующіе глядятъ на него, толкаютъ локтями, показываютъ на него и на Данусю и смѣются. Онъ не замѣтилъ ни окаменѣлаго отъ изумленія лица Фульно-де-Лёрша, ни выпуклыхъ глазъ старосты изъ Щитна, которые не отрывались отъ Дануси и, отражая пламя камина, горѣли и казались красными и блестящими, какъ глаза волка. Онъ очнулся только тогда, когда трубы снова раздались, давая понять, что уже время отправляться въ пущу, и когда княгиня Анна Данута, обратившись къ нему, сказала:

— Ты съ нами поѣдешь. Вѣдь тебѣ будетъ пріятно говорить дѣвушкѣ о своей любви, а я тоже съ удовольствіемъ послушаю.

Сказавъ это, она ушла съ Данусей, чтобы приготовиться къ дорогѣ.

Збышко бросился во дворъ, гдѣ слуги держали подъ уздцы фыркающихъ лошадей для княжескаго семейства, для гостей, для придворныхъ. На дворѣ уже не было прежней толкотни — загонщики съ сѣтями вышли еще раньше и разсѣялись по пущѣ; костры угасли; день былъ ясный, морозный, снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами; съ деревьевъ, колеблемыхъ легкимъ вѣтеркомъ, падалъ сухой, искрящійся иней. Вскорѣ вышелъ князь и сѣлъ на коня, за нимъ слѣдовалъ слуга съ самострѣломъ и такимъ тяжелымъ и длиннымъ копьемъ, что мало кто могъ бы владѣть имъ, но князю было ни почемъ,—онъ, какъ и другіе мазовецкіе Пясты, обладалъ неимовѣрною силой. Въ родѣ Пястовъ бывали даже и женщины, которыя, выходя замужъ за чужеземныхъ князей, во время свадебныхъ пировъ скручивали въ пальцахъ широкіе желѣзные тесаки [1]. Вблизи князя всегда находились два мужа, готовые, въ случаѣ опасности, князю на помощь; для этой должности выбирались самые лучшіе изо всей варшавской и цехановской земли,— страшные на видъ, сильные, плечистые, точно пни лѣсные; на нихъ съ удивленіемъ смотрѣлъ прибывшій издалека де-Лёршъ.

Тѣмъ временемъ вышла и княгиня съ Данусей, обѣ въ капюшонахъ изъ бѣлыхъ ласокъ.

Дочь Кейстута лучше умѣла владѣть лукомъ, чѣмъ иглой, а потому и за ней несли изукрашенный, хотя и не столь тяжелый, самострѣлъ. Збышко, преклонивъ на снѣгу колѣно, протянулъ руку, а княгиня оперлась на нее ногой; потомъ онъ поднялъ кверху Данусю и усадилъ ее на сѣдло такъ, какъ когда-то въ Богданцѣ поднималъ Ягенку, и они двинулись впередъ.

Шествіе потянулось длинною, змѣевидною линіей, свернувъ направо отъ дома, переливаясь и сверкая на опушкѣ лѣса, какъ яркая крошка на краю темнаго сукна, а затѣмъ медленно, постепенно все скрылось изъ виду.

Они уже нѣсколько углубились въ боръ, когда княгиня, обратившись къ Збышко, сказала:

— Почему ты ничего не говоришь? Да поди, скажи ей что нибудь.

Хотя эти слова и поощрили Збышко, но онъ все же чув-

---

[1] Ишибарка, которая вышла замужъ за Эрнста Желѣзнаго, Габсбурга.

ствовалъ какую-то робость и съ минуту продолжалъ молчать; только спустя нѣкоторое время онъ сказалъ:

— Дануся!

— Что̀, Збышко?

— Люблю тебя такъ...

Тутъ онъ запнулся, подыскивая слова.

Хотя онъ, по обычаю заграничныхъ рыцарей, и преклонялъ колѣна передъ дѣвушкой, хотя всячески оказывалъ ей честь, хотя старался избѣгать простонародныхъ выраженій, но не обладалъ качествами настоящаго придворнаго: въ его душѣ, переполненной чувствами, не нашлось подходящихъ словъ, и онъ могъ выразиться только по-просту.

Онъ сказалъ:

— Я люблю тебя такъ, что даже духъ захватываетъ.

Она подняла изъ капюшона свои голубые глаза и лицо, покраснѣвшее отъ лѣсного холода.

— И я тоже, Збышко,—отвѣтила она поспѣшно и опустила рѣсницы,—она уже знала, что такое любовь.

— Ахъ, ты моя безцѣнная! Ахъ, дѣвушка ты моя милая! воскликнулъ Збышко,—ахъ!..

И отъ счастья и отъ волненія онъ не могъ говорить дальше, но добрая и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытная княгиня пришла имъ опять на помощь.

— Разскажи же, какъ тебѣ безъ нея было тошно, а если по пути случится кустъ, то я не разсержусь, если ты ее и въ губы поцѣлуешь; этимъ ты лучше всего докажешь свою любовь.

И онъ началъ разсказывать, какъ ему безъ нея тошно было въ Богданцѣ и во время ухаживанія за больнымъ Мацько, и „съ сосѣдями“. Хитрый малый умолчалъ только про Ягенку; впрочемъ, онъ былъ искрененъ: въ эту минуту онъ такъ любилъ прелестную Данусю, что ему хотѣлось схватить ее, пересадить на свою лошадь и прижать къ груди.

Но сдѣлать этого онъ не осмѣлился. Только, когда кустарники отдѣлили его отъ ѣдущихъ за ними придворныхъ и гостей, онъ нагнулся къ ней и обнялъ ее, спрятавъ свое лицо въ ея капюшонѣ и доказавъ такимъ образомъ свою любовь. Но такъ какъ зимой на кустахъ листьевъ не бываетъ, то Гуго Данфельдъ и де-Лёршъ, а также и другіе придворные увидали этотъ поцѣлуй и принялись разговаривать по этому поводу.

— Поцѣловалъ при княгинѣ! Она имъ скоро сыграетъ свадьбу!

— Ловкій онъ человѣкъ! Но и Юрандова кровь—огонь!

— Кремень и огниво, хотя дѣвушка и трусить.

— Вотъ, погоди, посыплются искры!

Весело смѣясь, они такъ разговаривали. Староста изъ Щитна обратилъ къ де-Лёршу свое козлиное, злое и сладострастное лицо и спросилъ:

— Хотѣли ли бы вы, чтобы какой-нибудь Мерлинъ своею чародѣйскою силой обратилъ васъ въ этого юнаго рыцаря? [1]

Крестоносецъ, въ которомъ очевидно вспыхнули страсть и ревность, нетерпѣливо дернулъ коня и воскликнулъ:

— Клянусь моею душой!..

Но въ ту же минуту онъ опомнился и, наклонивъ голову, сказалъ:

— Я монахъ и клялся въ цѣломудріи.

Онъ быстро взглянулъ на лотарингца, боясь, не замѣтитъ ли на его лицѣ улыбки, потому что въ этомъ отношеніи орденъ вообще, а Гуго Данфельдъ въ особенности пользовался дурною славой; нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ помощникомъ войта въ Самбіи, и тамъ противъ него взводились такія жалобы, что, несмотря на снисходительность, съ какою относились къ этимъ дѣламъ въ Мальбургѣ, его пришлось назначить начальникомъ гарнизона въ Щитнѣ. Прибывъ за послѣднее время съ тайными порученіями ко двору князя и увидавъ прелестную дочь Юранда, Данфельдъ воспылалъ къ ней такою сильною страстью, для которой и юный возрастъ Дануси не представлялъ никакихъ преградъ, тѣмъ болѣе, что въ то время выходили замужъ и въ еще болѣе юные годы. Но такъ какъ онъ зналъ, изъ какого рода происходитъ дѣвушка, и такъ какъ имя Юранда было соединено въ его памяти со страшными воспоминаніями, то его страсть развилась на почвѣ дикой ненависти.

А де-Лёршъ обратился къ нему съ разспросами:

— Вы назвали эту прекрасную дѣвицу дочерью дьявола,—почему вы ее такъ назвали?

Данфельдъ началъ разсказывать исторію Златаріи: какъ при постройкѣ крѣпости счастливый случай помогъ имъ схватить князя вмѣстѣ съ дворомъ и какъ въ то время погибла мать Дануси, и какъ съ тѣхъ поръ Юрандъ мститъ всѣмъ крестонос-

---

[1] Рыцарь Утеръ, влюбившись въ добродѣтельную Игерну, супругу князя Горласа, при помощи Мерлина, принялъ видъ ея мужа, и у Игерны родился сынъ Артуръ.

цамъ; разсказывая это, Данфельдъ кипѣлъ сильною ненавистью, тѣмъ болѣе, что у него для этого были свои личныя причины. Два года тому назадъ онъ самъ столкнулся съ Юрандомъ, но тогда, при видѣ страшнаго „спыховскаго кабана", онъ въ первый разъ въ жизни струсилъ такъ постыдно, что, бросивъ своихъ двухъ родственниковъ, добычу, людей, какъ безумный бѣжалъ и цѣлый день мчался до самаго Щитна, гдѣ съ перепугу долго прохворалъ. Когда онъ выздоровѣлъ, великій маршалъ ордена отдалъ его подъ рыцарскій судъ, хотя онъ клялся честью и Распятіемъ, что взбѣшенный конь унесъ его съ поля битвы; хотя онъ и былъ вслѣдствіе этой клятвы оправданъ, но все же ему навсегда была закрыта дорога къ высшимъ орденскимъ должностямъ. Разсказывая де-Лёршу, крестоносецъ умолчалъ объ этихъ подробностяхъ, но высказалъ столько жалобъ на жестокость Юранда и дерзость всего польскаго народа, что все это спуталось въ головѣ лотарингца, и онъ ничего не понималъ.

— Но мы вѣдь у мазуровъ, а не у поляковъ?

— Это отдѣльное княжество, а народъ одинъ и тотъ же,— отвѣчалъ староста,—у нихъ одинакова честность и одинакова ненависть къ ордену. Дай-то Богъ, чтобы нѣмецкій мечъ перебилъ все это племя.

— Вы правильно говорите,—какъ могъ этотъ князь, столь благородный на видъ, осмѣлиться на вашихъ собственныхъ земляхъ строить за́мокъ противъ васъ,—я никогда не слышалъ, чтобы подобныя безправія могли произойти даже между язычниками.

— Онъ воздвигалъ за́мокъ противъ насъ, но Злотарія находится не на нашей, а на его землѣ.

— Въ такомъ случаѣ хвала Іисусу Христу, что Онъ далъ вамъ надъ ними побѣду. Какъ же эта война кончилась?

— Войны не было.

— А ваша побѣда подъ Злотарьемъ?

— Богъ насъ и въ этомъ благословилъ, — князь былъ безъ войска, были только женщины и придворные.

Де-Лёршъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на крестоносца.

— Какъ? Въ мирное время вы напали на женщинъ и на князя, который на своей собственной землѣ строилъ крѣпость?

— Нѣтъ безчестныхъ поступковъ, когда что-либо дѣлается для славы ордена и христіанства.

— А тотъ страшный рыцарь мститъ только за убитую вами молодую жену въ мирное время?

— Кто противъ крестоносца подниметъ руку, тотъ сынъ тьмы.

Услыхавъ эти слова, де-Лершъ задумался, но онъ не успѣлъ отвѣтить—всѣ пріѣхали на обширную, покрытую снѣгомъ, поляну, князь слѣзъ съ лошади, а его примѣру послѣдовали и другіе.

IV.

Опытные лѣсничіе подъ предводительствомъ великаго сокольничаго начали длиннымъ рядомъ, на краю поляны такъ разставлять охотниковъ, чтобы тѣ, находясь подъ прикрытіемъ, имѣли передъ собою пустое пространство и могли стрѣлять изъ луковъ и арбалетовъ. Двѣ короткихъ стороны поляны были обтянуты сѣтями, за которыми таились загонщики; ихъ обязанностью было нагонять звѣря на охотниковъ, а если онъ не давалъ загнать себя и запутывался въ сѣтяхъ, то они должны были убивать его копьемъ. Неисчислимыя громады курпевъ, умѣло разставленныя, должны были загонять всякаго звѣря изъ лѣсной глубины на поляну. За охотниками опять была сѣть, протянутая съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ если звѣрю удастся прорваться сквозь ряды, его можно было задержать, опутать сѣтью и доконать.

Князь стоялъ посрединѣ цѣпи въ маленькой ложбинѣ, которая тянулась черезъ всю ширину поляны. Главный сокольничій Мрокота изъ Моцажева выбралъ ему это мѣсто, зная, что чрезъ эту глубину пойдетъ самый крупный звѣрь. Князь держалъ въ рукахъ арбалетъ, а тутъ же вблизи отъ него около дерева приставлено было тяжелое копье, а немного позади стояли два мужа съ топорами на плечахъ и съ арбалетами, заранѣе натянутыми и заготовленными для князя; въ случаѣ надобности эти два мужа, рослые, похожіе на лѣсные пни, были предназначены для охраны князя. Княгиня и дочь Юранда не слѣзали съ коней, князь не дозволялъ имъ этого: въ случаѣ опасности на лошади имъ легче было спастись отъ бѣшенства туровъ и зубровъ. Хотя князь пригласилъ де-Лерша занять мѣсто по его правую сторону, но молодой рыцарь отказался отъ этого и просилъ позволенія остаться на лошади для охраны дамъ; онъ помѣстился недалеко отъ княгини и напоминалъ собою какой-то длинный костыль, а его рыцарское копье, непригодное для охоты, вызывало скрытыя насмѣшки мазуровъ. Збышко воткнулъ свое большое копье въ снѣгъ, перекинулъ черезъ плечо арбалетъ и, стоя около лошади Данусi, поглядывалъ на нее и иной

разъ шепталъ ей что-то; по временамъ онъ обнималъ ея ноги, цѣловалъ ея колѣни—теперь онъ уже совсѣмъ не скрывалъ отъ людей свою любовь. Но Мрокота изъ Моцажева, который на охотѣ осмѣливался ворчать даже на самого князя, грозно приказалъ ему молчать.

Между тѣмъ далеко, далеко въ глубинѣ пущи раздались курпесскіе рожки, которымъ съ поляны отвѣтилъ короткій пронзительный звукъ дудки, послѣ чего наступила полнѣйшая тишина. Только время отъ времени на верхушкахъ сосенъ застрекочетъ сойка, да иной разъ люди изъ облавы закаркають, какъ вороны. Охотники устремили свой взглядъ на бѣлое пустое пространство, гдѣ вѣтеръ покачивалъ покрытыя инеемъ заросли. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, какой звѣрь первый появится на снѣгу, вообще же предвидѣлась удачная охота.—Въ лѣсу ютилось много зубровъ, туровъ, кабановъ. Курпи выгнали изъ берлогъ нѣсколько медвѣдей, которые, потревоженные въ своемъ снѣ, бродили по лѣсу, свирѣпые, голодные, держась насторожѣ и по всей вѣроятности понимая, что вскорѣ имъ придется бороться не только за свой спокойный сонъ, но и за самую жизнь.

Но пришлось долго ждать, потому что люди, которые гнали звѣря къ краю осады и къ полянѣ, расположились по лѣсу на такое обширное пространство и шли изъ такой дали, что до слуха охотниковъ не доносился даже лай собакъ, которыя тотчасъ же послѣ раздавшагося звука трубъ были спущены со сворѣ.

Одна изъ нихъ, очевидно спущенная слишкомъ рано, или быть можетъ свободно бѣжавшая за загонщиками, появилась на полянѣ и, обнюхивая землю, пробѣжала по ней и скрылась между охотниками.

Опять воцарилась совершенная тишина, только загонщики каркали, какъ вороны, давая этимъ знать, что вскорѣ начнется работа. И дѣйствительно, спустя немного времени, на другомъ краю появились волки, которые, какъ самые чуткіе, первые старались выбѣжать изъ осады. Ихъ было нѣсколько штукъ.

Выскочивъ на поляну и зачуявъ вокругъ себя людей, они опять скрылись въ лѣсу, очевидно ища выхода. Потомъ кабаны, вынырнувъ изъ лѣсныхъ зарослей, длинною, черною цѣпью потянулись по снѣжному пространству; издали они походили на стадо тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыя, услыхавъ зовъ хозяйки, потряхивая ушами, стремятся къ хатѣ. Но эта черная цѣпь останавливалась, прислушивалась, обнюхивала, поверты-

вала назадъ и опять прислушивалась; она свернула къ сѣтямъ, но, зачуявъ загонщиковъ, опять бросилась къ охотникамъ, храпя все больше, все съ большею предосторожностью приближаясь, пока, наконецъ, не раздался звукъ желѣзныхъ затворовъ арбалетовъ, свистъ стрѣлъ и пока первая кровь не запятнала бѣлоснѣжнаго покрова.

Тогда раздался пронзительный визгъ, и стадо разсѣялось, какъ бы пораженное ударомъ грома: одни бросились на удачу впередъ, другіе кинулись въ сторону сѣтей, иные бѣгали то по одиночкѣ, то кучками, мѣшаясь съ другими звѣрями, которыми наполнилась вся поляна. Теперь уже явственно слышались звуки роговъ, лай собакъ и отдаленный говоръ людей, идущихъ изъ глубины лѣса. Широко раскинутыя крылья облавы, все болѣе и болѣе суживаясь, загоняли слѣпыхъ обитателей въ глубь лѣсной поляны. Ничего подобнаго нельзя было видѣть не только въ заграничныхъ странахъ, но даже и въ другихъ польскихъ земляхъ, гдѣ уже не было такой лѣсной пущи, какъ въ Мазовіи.

Крестоносцы, хотя и бывали на Литвѣ, гдѣ имъ иной разъ случалось видѣть, какъ зубры ударяли на войско и этимъ производили переполохъ [1], но все же и они очень удивлялись такому неимовѣрному количеству звѣря, а въ особенности удивлялся де-Лёршъ. Стоя около княгини и ея придворныхъ, какъ журавль на стражѣ, и не имѣя возможности бесѣдовать съ ними, онъ начиналъ скучать и замерзалъ въ своемъ желѣзномъ вооруженіи, думая, что охота не удалась.

И вдругъ онъ увидалъ передъ собой цѣлое стадо легконогихъ сернъ, бѣлыхъ оленей и лосей съ тяжелыми рогатыми головами,—все это перепутывалось, металось и, смущенное тревогой, тщетно искало выхода. Княгиня, въ которой заговорила отцовская, кейстутовская кровь, то и дѣло стрѣляла въ эту пеструю массу и каждый разъ радостно вскрикивала, когда подстрѣленный олень или лось становился на дыбы и въ изнеможеніи падалъ, взрывая снѣгъ ногами. Иные придворные тоже наклонялись къ лукамъ — всѣхъ охватила страсть къ охотѣ. Только одинъ Збышко не думалъ объ охотѣ; облокотившись на колѣни Дануси и оперевъ голову на ладонь, онъ смотрѣлъ ей въ глаза, а она, нѣсколько смущенная, смѣялась и пробовала закрыть рукой его глаза, будто потому, что не могла выносить его взгляда. Вниманіе де-Лёрша было привлечено огромнымъ сѣрымъ медвѣ-

[1] Объ этомъ упоминаетъ Вигандъ изъ Марбурга.

AP 50
.R95
v.9
Mar
1898

Russkoe obozrѣ-
ènie.

